ГРАНИЦЫ БЕСКОНЕЧНОСТИ

БРАТЬЯ ПО ОРУЖИЮ

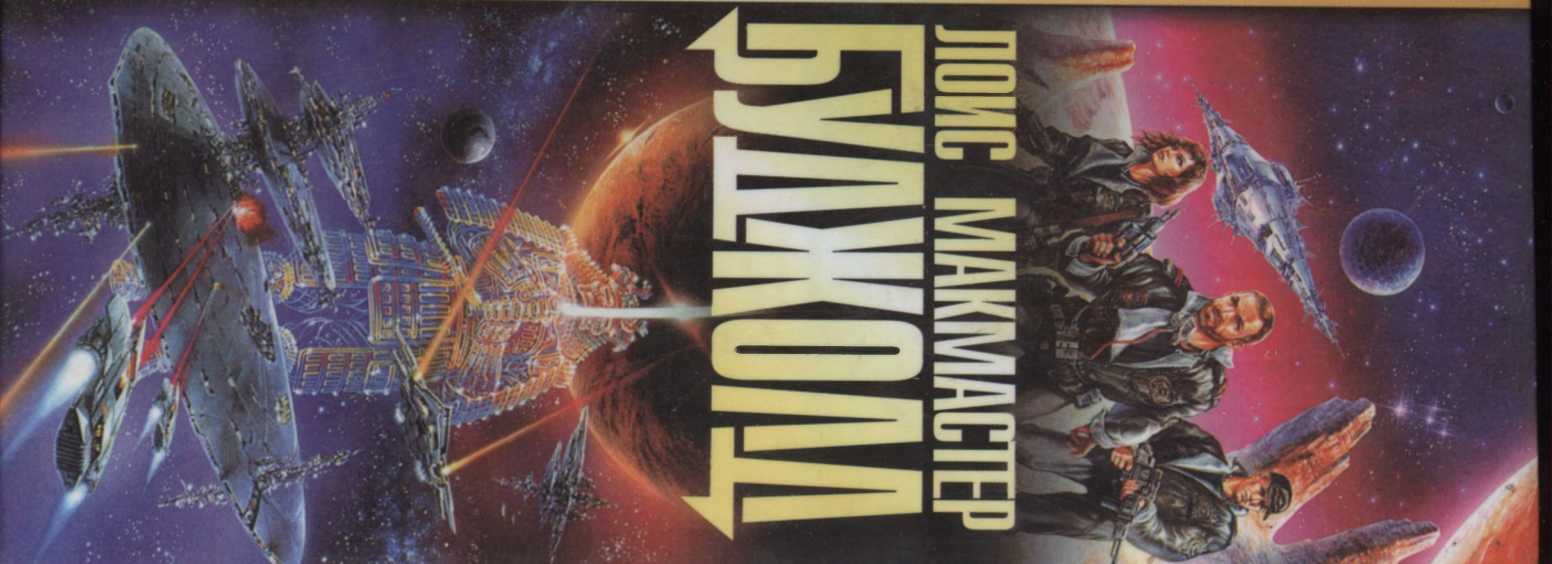
ЛОИС МАКМАСТЕР БУДЖОЛД

ГРАНИЦЫ БЕСКОНЕЧНОСТИ

БРАТЬЯ ПО ОРУЖИЮ

ЗОЛОТАЯ БИБЛИОТЕКА ФАНТАСТИКИ

ЛОИС МАКМАСТЕР БУДЖОЛД

ЗОЛОТАЯ
БИБЛИОТЕКА
ФАНТАСТИКИ

LOIS McMASTER

BUJOLD

BORDERS OF INFINITY

BROTHERS IN ARMS

ЛОИС МАКМАСТЕР

БУДЖОЛД

ГРАНИЦЫ БЕСКОНЕЧНОСТИ

БРАТЬЯ ПО ОРУЖИЮ

ИЗДАТЕЛЬСТВО

Москва
1999

ББК 84 (7США)
Б90

Серия основана в 1999 году

Перевод с английского Т.Л. Черезовой

Серийное оформление А.А. Кудрявцева

Печатается с разрешения автора
и его литературного агента Spectrum Literary Agency

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Буджолд Л.М.

Б90 Границы бесконечности. Братья по оружию: Романы/ Пер. с англ. Т.Л. Черезовой. – М.: ООО "Фирма "Издательство АСТ", 1999. – 608 с. – (Золотая библиотека фантастики).

ISBN 5-237-02684-2

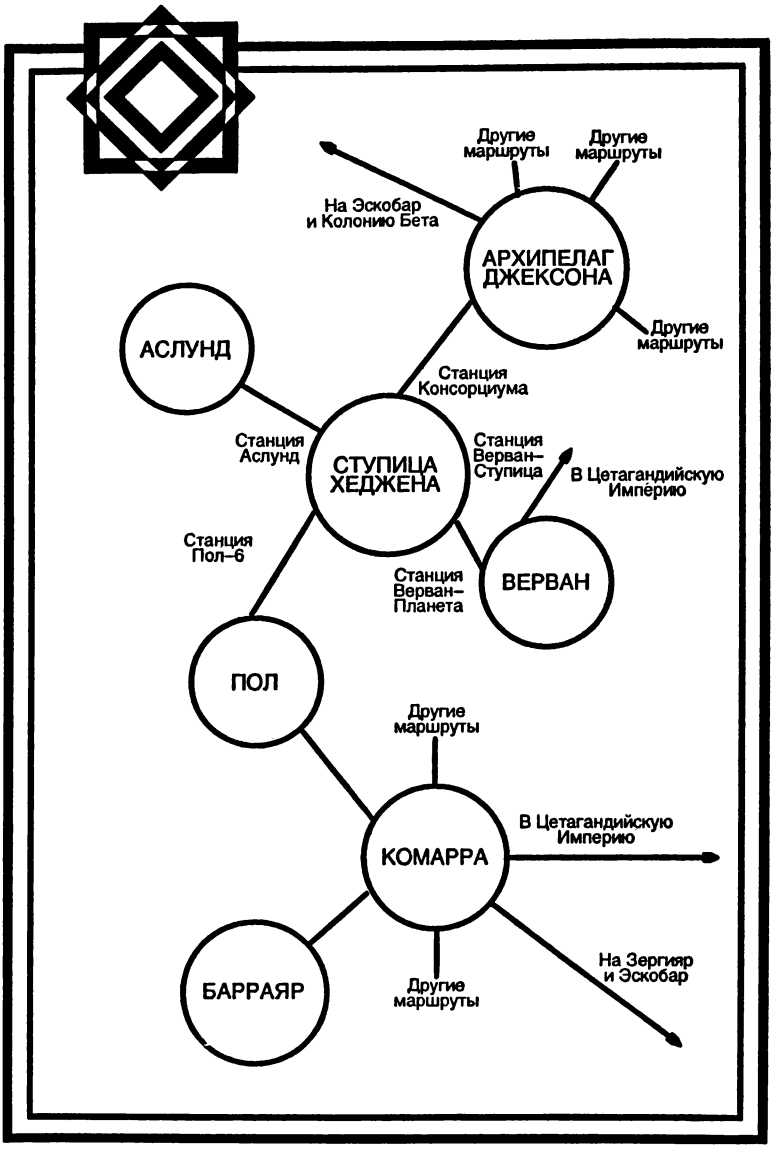
Вселенная Лоис Макмастер Буджолд – это Вселенная могущественных супердержав и долгих, жестоких войн. Вселенная тонкой политической игры и изощренных придворных интриг. И, конечно же, самое главное – это Вселенная одного из самых запоминающихся персонажей научной фантастики – Майлза Форкосигана, полководца, путешественника, дипломата, придворного и, наконец, просто героя.

Читайте романы "Границы бесконечности" и "Братья по оружию", по праву вошедшие в золотую библиотеку мировой фантастики.

© Lois McMaster Bujold, 1989, 1989
© ООО "Фирма "Издательство АСТ", 1999

ГРАНИЦЫ БЕСКОНЕЧНОСТИ

Джону

Другие маршруты
Другие маршруты
На Эскобар и Колонию Бета
АРХИПЕЛАГ ДЖЕКСОНА
Другие маршруты
АСЛУНД
Станция Консорциума
Станция Аслунд
СТУПИЦА ХЕДЖЕНА
Станция Верван–Ступица
В Цетагандийскую Империю
Станция Пол–6
Станция Верван–Планета
ВЕРВАН
ПОЛ
Другие маршруты
В Цетагандийскую Империю
КОМАРРА
На Зергияр и Эскобар
БАРРАЯР
Другие маршруты

I

— К вам посетитель, лейтенант Форкосиган.

Обычно невозмутимое лицо медбрата перекосилось от испуга, взгляд застыл. Он отступил в сторону, пропуская посетителя в палату. Автоматические двери еще не закрылись, а медбрат уже поспешно ретировался.

Вздернутый нос, лучистые глаза и открытое доброе лицо очень молодили вошедшего, хотя темно-русые волосы на его висках уже начали седеть. Он был худощав, одет в скромный костюм и отнюдь не распространял вокруг себя атмосферу ужаса, вопреки столь острой реакции медбрата — по правде говоря, гость вообще не производил никакого впечатления. Саймон Иллиан, глава Имперской службы безопасности Барраяра, начинал обычным тайным агентом, и эта работа приучила его быть незаметным.

— Привет, босс, — сказал Майлз.

— Выглядишь отвратительно, — любезно заметил Иллиан. — Не трудись отдавать честь.

Майлз коротко рассмеялся; даже смех сейчас причинял ему боль. У него болело все, кроме рук: они все еще не отошли после анестезии и были забинтованы и зафиксированы от лопаток до кончиков пальцев. Он поглубже зарылся в постель в тщетной надежде найти более удобное положение для своего тщедушного тела, облаченного в больничную пижаму.

— Как прошла операция? — осведомился Иллиан.

— Примерно так, как я и ожидал. Мне ведь однажды уже оперировали ноги. Самое противное началось, когда разрезали правую руку, чтобы вынуть осколки костей. Нудно. Левую сделали гораздо быстрее — там осколки были крупнее. Теперь буду ждать, приживется ли в пластике костный мозг. Какое-то время у меня будет малокровие.

— Надеюсь, ты не возьмешь за правило возвращаться после каждого задания на носилках?

— Ну-ну, это ведь всего второй раз! Да и вообще, рано или поздно у меня просто кончатся непересаженные кости. Годам к тридцати я уже буду целиком из пластика.

И Майлз представил себе эту невеселую перспективу. Интересно, могут ли его объявить юридически умершим, если больше половины его тела будет из запчастей? Не войдет ли он когда-нибудь на фабрику пластиковых протезов с возгласом «Мама!»?

— Давай-ка поговорим относительно твоего задания, — твердо произнес Иллиан.

Значит, этот визит не просто выражение сочувствия... Да и вообще, способен ли Иллиан хоть кому-нибудь сочувствовать? Иногда это трудно было понять.

— Мой доклад у вас, — уклончиво ответил Майлз.

— Твой доклад — это шедевр недоговоренности, — в голосе начальника Имперской службы безопасности не было и тени неудовольствия.

— Ну... Мало ли кто его прочтет. Никогда нельзя знать заранее.

— Оставь, Майлз! Ты прекрасно знаешь, что речь идет не об этом.

— Так в чем проблема?

— Деньги. А еще конкретнее — финансовая отчетность.

Может, все дело было в лекарствах, которыми его напичкали, но Майлз ничего не понял.

— Вам не нравится моя работа? — жалобно спросил он.

— Если не считать твоих ранений, результаты последнего рейда в высшей степени удовлетворительны... — начал Иллиан.

— Очень рад это слышать, — мрачно пробормотал Майлз.

— ...а твои похождения на Земле все еще полностью засекречены. Мы поговорим о них позже.

— Сначала мне надо будет доложиться парочке вышестоящих инстанций, — решительно заявил Майлз.

Иллиан отмахнулся:

— Я так и понял. Нет. Обвинения касаются мероприятия на Дагуле и того, которое ему предшествовало.

— Обвинения? — озадаченно переспросил Майлз.

Иллиан пристально посмотрел на него.

— Лично я считаю, что все затраты на поддержание твоих связей со Свободными дендарийскими наемниками окупаются с точки зрения внутренней безопасности. Хотя бы потому, что если бы ты постоянно находился, скажем, в Главном штабе, здесь, в столице, то стал бы превосходным магнитом для любых заговорщиков. Не только для тех, кто добивается почета и расположения властей, но и для тех, кто попытался бы через тебя задеть твоего отца. Как это происходит в настоящее время.

Майлз скосил глаза, надеясь, что сосредоточенный взгляд поможет ему собрать воедино и свои разбегающиеся мысли.

— Итак?..

— Короче, кое-кто сейчас очень прилежно изучает твои отчеты о тайных операциях флота наемников. Этим господам хотелось бы узнать, на что именно пошли определенные крупные суммы. Некоторые из твоих счетов по замене оборудования просто чудовищны — даже с моей точки зрения. А нашим противникам весьма желательно доказать существование систематических растрат. Осуждение тебя военным трибуналом за хищение казенных денег было бы сейчас чертовски некстати — и для твоего отца, и для всей центристской фракции.

— Это зашло настолько далеко?.. — ахнул пораженный Майлз.

— Пока нет. Я твердо намерен все замять. Но для этого мне нужны детали. Я не хочу действовать вслепую, как бывало уже не раз. Я еще не забыл, как из-за тебя провел месяц в моей собственной тюрьме...

Неприятное воспоминание заставило Майлза нахмуриться.

— На этот раз, — продолжал Иллиан, — они действуют через графа Форволка из Казначейства, а он до фанатизма предан императору и к тому же имеет его личную... э-э... поддержку. Под него не подкопаешься. Но боюсь, что достопочтенный граф поддается чужим влияниям. А поскольку он считает себя сторожевым псом, то чем больше от него отбрыкиваются, тем упорнее он цепляется за свои подозрения. С Форволком следует обращаться предельно осторожно, независимо от того, прав он или ошибается.

— Ошибается?.. — выдохнул Майлз.

До него наконец дошло, почему Иллиан пришел в госпиталь сегодня. Да, шефом и вправду руководит не беспокойство о раненом подчиненном. Но задавать свои вопросы сейчас, когда Майлз только очнулся после операции, слаб, накачан лекарствами, возможно, даже плохо соображает...

— Почему бы вам не допросить меня с суперпентоталом, да и делу конец? — огрызнулся он.

— Потому что я знаю о твоей аллергии к подобным препаратам, — невозмутимо ответил Иллиан. — Это очень прискорбно.

— Тогда отчего бы не выкрутить мне руки?

Задетый за живое начальник секретной службы помрачнел.

— У меня была такая мысль. Но потом я решил поручить это хирургам.

— Знаете, Саймон, вы иногда бываете настоящим подонком.

— Знаю. — К Иллиану вернулось хладнокровие. Он ждал и наблюдал. — В этом месяце, пока не кончится свара из-за бюджета, у твоего отца не должно быть скандалов в правительстве. И обвинения в твой адрес надо придушить независимо от того, на чьей стороне правда. Все сказанное в этой комнате останется — должно остаться — между нами. Но я должен знать!

— Вы что, предлагаете мне амнистию?

Голос Майлза превратился в рычание, сердце бешено заколотилось.

Иллиан был невозмутим.

— Если понадобится.

Майлз не мог сжать кулаки — он их даже не чувствовал, — но пальцы ног у него сжались. Он задыхался в мутных волнах ярости. Перед глазами все поплыло.

— Ты... мерзкий... ублюдок! Ты смеешь называть меня вором...

Майлз заметался в кровати, скидывая с себя больничные простыни. Медицинский монитор тревожно запищал. Тяжелые бесполезные руки болтались из стороны в сторону, как неживые.

— Это я крал у Барраяра? Я крал у моих собственных мертвецов?..

Он сбросил ноги и мощным усилием пресса вскочил с кровати. На миг выпрямившись, он резко качнулся вперед и, тут же потеряв равновесие, чуть не грохнулся на пол. Иллиан успел вскочить и поймать его.

— Какого черта, парень?! Что за шутки?

Майлз и сам толком не знал.

— Что вы делаете с моим пациентом? — крикнул, врываясь в палату, бледный военврач. — Он только что перенес серьезную операцию!

Доктор был разозлен и испуган, а вбежавший следом за ним медбрат вообще находился на грани истерики. Он попытался остановить своего начальника и даже схватил его за руку, пролепетав:

— Сэр, это шеф службы безопасности!

— Я знаю, кто он. Но будь он хоть призраком императора Дорки, я не позволю ему заниматься здесь его... работой! — Врач воинственно уставился на Иллиана. — Ваши допросы, или что вы тут затеяли, можете проводить в своих застенках. Я не допущу подобного в госпитале. Этого пациента еще нельзя тревожить!

У Иллиана вид был сначала недоумевающий, потом возмущенный.

— Я не...

Майлз прикинул, не следует ли ему артистично нажать на какие-нибудь нервные окончания и заорать благим матом, но сейчас, к сожалению, ему нечем было нажимать.

— Внешность бывает так обманчива, — промурлыкал он на ухо Иллиану, повисая на его руках. Сжав зубы, он изобразил мученическую улыбку.

Иллиан нахмурился, но очень бережно уложил молодого человека в кровать.

— Все в порядке, — прохрипел Майлз врачу. — Все в порядке. Я просто... просто... — «Разволновался» не вполне характеризовало ощущения Майлза, ему казалось, что сейчас у него лопнет голова. — Ничего.

Чувствовал он себя хуже некуда. Подумать только: его заподозрил Иллиан, который знает Майлза всю жизнь, который, казалось бы, полностью ему во всем доверяет... Майлз гордился этим доверием, гордился тем, что он, еще такой молодой офицер, выполняет самостоятельные задания... Похоже, на деле его служба была не государственной необходимостью, а просто удобным предлогом загнать подальше опасного и неуклюжего щенка-фора. Игрушечные солдатики... А теперь он еще и растратчик! Какое страшное пятно на его чести — и на его разуме. Можно подумать, что Майлз не знает, откуда берутся финансы империи и какой ценой они достаются.

Черная ярость сменилась черным отчаянием. Неужели Иллиан — Иллиан! — действительно подумал, пусть даже на секунду... Да, он подумал. Он не пришел бы сюда, не

расспрашивал бы его, если бы не был всерьез обеспокоен возможной справедливостью обвинений. К своему ужасу, Майлз почувствовал, что тихо плачет. Будь прокляты эти лекарства!

Иллиан смотрел на него с тревогой.

— Майлз, так или иначе я должен объяснить твои затраты уже завтра. Пойми, это затраты моей организации.

— Лучше я предстану перед трибуналом.

Иллиан сжал губы.

— Я приду позже. После того, как ты поспишь. Надеюсь, тогда ты сможешь рассуждать более трезво.

Затем над Майлзом хлопотал врач, всадивший в него еще одно чертово лекарство.

Молодой человек медленно повернулся лицом к стене — не спать, а вспоминать.

ГОРЫ СКОРБИ

Поднимаясь от озера к дому, Майлз услышал женский плач. Он не стал вытираться после купания, поскольку день обещал быть жарким, а прохладная вода, стекая с волос, приятно освежала голую спину и грудь. Менее приятным было то, что капала она и с рваных шортов Майлза, а стержни, защищавшие его ноги от поломок, легко натирали мокрую кожу. Хлюпая разношенными кроссовками, Майлз в ускореном темпе преодолел еле заметную тропинку в кустарнике. Когда голоса стали различимы, он замедлил шаги.

В женском голосе звучали горе и смертельная усталость.

— Пожалуйста, лорд, ну, пожалуйста! Я только хочу справедливости...

Охранник был раздражен и смущен.

— Не лорд я. Ну же, встань, женщина. Возвращайся в деревню и обратись к окружному судье.

— Говорю вам, я только что оттуда! — Майлз вышел из-за кустов и остановился, наблюдая любопытную сцену: женщина, стоявшая на коленях, так и не встала при его появлении. — Судья не вернется еще много-много недель. А я шла сюда четыре дня. У меня мало денег... — Покопавшись в кармане, она протянула охраннику сложенные лодочкой руки. — Здесь только марка и двадцать пенсов, но...

Раздосадованный страж заметил Майлза и резко выпрямился, словно боясь, что будет заподозрен в готовности принять такую жалкую взятку.

— Убирайся, женщина! — рявкнул он.

Майлз вопросительно выгнул бровь и захромал к воротам.

— Что тут происходит, капрал? — спокойно осведомился он.

Капрал охраны принадлежал к Имперской службе безопасности и весьма рьяно относился к своим обязанностям. Таким душным утром ему было чертовски жарко в застегнутом до горла парадном мундире, но Майлзу казалось, что капрал, находясь на посту, скорее сварится, чем расстегнет хоть одну пуговицу на вороте. Выговор у охранника был не местный — наверняка парень из столицы, где бюрократы всех рангов издавна поднаторели в решении проблемы «пускать или не пускать».

Женщина, напротив, была явно местная, из горного захолустья. Она была моложе, чем поначалу показалось Майлзу. Высокая, сероглазая, с покрасневшим от слез лицом и светлыми нечесаными волосами. Если ее отмыть, подкормить, прибавить уверенности в себе и жизнерадостности, она может оказаться почти хорошенькой. Правда, сейчас привлекательного в ней было мало, даже несмотря на потрясающую фигуру — стройная, но полногрудая... «Нет, — поправил себя Майлз, подходя к воротам, — только временно полногрудая». Лиф домотканого платья женщины был в подтеках молока, хотя младенца поблизости не наблюдалось. Ноги у женщины были босые, ступни заскорузлые и потрескавшиеся.

— Никаких проблем, — заверил Майлза охранник. — Убирайся, — прошипел он нарушительнице спокойствия.

Та неловко перекатилась с колен на зад.

— Я вызову сержанта! — Охранник поглядывал на простолюдинку уже с опаской. — Ее сию минуту уберут.

— Погодите-ка, — остановил его Майлз.

Женщина смотрела на Майлза снизу вверх и, судя по всему, не знала — радоваться или печалиться его появлению. По тому, что на нем надето, никак нельзя было догадаться об общественном статусе Майлза. Ну а все остальное было видно яснее некуда. Молодой человек вздернул подбородок и невесело улыбнулся. Слишком крупная голова, слишком короткая шея, утолщенная неровным позвоночником спина, кривые ноги, на которых сверкают хромом подпорки экзоскелета. Если бы горянка встала, его макушка едва достала бы ей до плеча. Майлз со скукой ждал, когда рука женщины сделает ритуальный жест, защищающий от сглаза и мутаций, но она только вздрогнула и сжалась.

— Мне надо видеть миорда графа. — Женщина обращалась к кому-то между Майлзом и охранником. — Это мое право. Мой отец погиб в армии.

— Премьер-министр граф Форкосиган, — чопорно заявил капрал, — прибыл в свое загородное поместье на отдых. Если бы он собрался заняться делами, то уехал бы в Форбарр-Султан.

При воспоминании о столице его глаза подернулись ностальгической грустью.

Женщина воспользовалась паузой:

— Ты всего лишь горожанин, а он мой граф. Я имею право.

— Зачем тебе надо видеть графа Форкосигана? — терпеливо спросил Майлз.

— Убийство! — воскликнула женщина. — Я хочу сообщить об убийстве.

— Разве не полагается сначала сообщить об этом своему деревенскому старосте? — спросил Майлз, жестом успокаивая дернувшегося было охранника.

— Я ему сказала. Но он ничего не желает слушать. — Ее голос сорвался от бессильной ярости. — Он говорит: сделанного не поправишь. И не хочет записывать мое обвинение, говорит, это чепуха. Только прибавит всем неприятностей, говорит. А мне все равно! Мне нужна справедливость!

В этой части родовых владений графа Форкосигана был всего один сильно перегруженный судья, который появлялся в деревне Форкосиган-Сюрло лишь раз в месяц на выездных заседаниях. Какие-либо инциденты были здесь большой редкостью, поскольку территория вокруг загородного поместья премьер-министра кишела охранниками, особенно когда здесь находился сам граф, и преступники предпочитали нарушать спокойствие где-нибудь подальше.

— Досмотрите ее и впустите, — приказал Майлз. — Под мою ответственность. Эта женщина имеет право апеллировать к графскому правосудию.

Охранник принадлежал к элитному подразделению службы безопасности и был приучен видеть возможного убийцу даже в собственной тени. Понизив голос, он попытался спорить:

— Сэр, если я позволю всем деревенским психам бродить по поместью, где им вздумается...

— Я ее провожу.

Столичный цербер беспомощно пожал плечами, но отдавать честь не стал: в конце концов Майлз был не в мундире. Капрал снял с пояса сканер и демонстративно подверг женщину досмотру — возможно, он даже приказал бы ей раздеться, если бы не присутствие Майлза. Наконец, доказав всему свету, какой он бдительный, сознательный и преданный, капрал приложил ладонь к замку ворот, ввел в компьютер все данные (включая снимок сетчатки глаз посетительницы) и картинно вытянулся в струнку. Майлз усмехнулся и, взяв оборванную женщину за локоть, повел ее через ворота и вверх по извилистой дорожке.

Горянка постаралась сразу же освободиться от его руки, но от суеверного жеста все-таки снова удержалась — только смотрела на Майлза со странно жадным любопытством. Было время, когда такое откровенное разглядывание заставило бы Майлза заскрипеть зубами, но теперь он воспринимал его невозмутимо, даже с насмешкой. Они еще научатся. Они привыкнут.

— Ты служишь графу Форкосигану, человечек? — осторожно спросила женщина.

Майлз на секунду задумался над ее вопросом, потом кивнул.

В конце концов это соответствовало истине практически во всех смыслах, за исключением того, который имела в виду собеседница. Майлза так и подмывало сказать, что он — придворный шут, но он сдержался. Судя по виду женщины, у нее неприятности гораздо крупнее его собственных.

Видимо, горянка была не слишком уверена в своих правах, хотя и упорствовала там, у ворот; но сейчас, по мере приближения к цели, ее все сильнее охватывала паника.

— Как... как мне обратиться к графу? — выдавила наконец она. — Надо сделать книксен?

Женщина осмотрела себя, словно впервые заметив, какая она потная, грязная и растрепанная.

«Стань на колени и стукнись три раза лбом об пол, а потом говори — так всегда делают в Главном штабе». Вместо этого Майлз сказал:

— Просто стой прямо и говори правду. Старайся говорить ясно. Граф все поймет. В конце концов, — у Майлза чуть изогнулись губы, — опыта ему не занимать.

Женщина с трудом сглотнула.

Сто лет тому назад нынешняя резиденция Форкосиганов была бараком охраны, неприметным строением вблизи огромного замка, воздвигнутого на холме над деревней Форкосиган-Сюрло. Теперь от замка остались выгоревшие развалины, а барак превратился в удобное низкое каменное здание, неоднократно модернизирован-

ное, окруженное старательно ухоженным парком. Цветущие вьюнки заплели фасад снизу доверху. Прежние амбразуры расширили до размера огромных окон, и теперь оттуда открывался прекрасный вид на озеро. Крыша щетинилась антеннами. Ниже по склону, за деревьями, пряталось новое помещение охраны, но амбразур в нем не было.

Когда Майлз и его странная спутница подошли к дому, из парадной двери появился человек в коричнево-серебряной ливрее. Это был новый слуга. Как же его зовут?.. Пим, вот как.

— Где милорд граф? — обратился к нему Майлз.

— В верхнем павильоне, завтракают с миледи.

Взглянув на поселянку, Пим застыл в позе вежливого вопроса.

— Вот как... Ну ладно, эта женщина шла четыре дня, чтобы подать жалобу окружному судье. Его нет, но зато граф здесь. Так что она решила обойтись без посредников и обратиться прямо к начальству. Отведи ее к графу, хорошо?

— Во время завтрака? — спросил Пим.

Майлз склонил голову набок и обратился к женщине:

— Ты завтракала?

Та отрицательно помотала головой.

— Так я и думал. — Майлз вытянул руки с открытыми ладонями в знак того, что поручает ее заботам слуги. — Да, прямо сейчас.

— Мой отец, он погиб на службе, — чуть слышно повторила женщина. — Это мое право.

Похоже, этими словами она старалась убедить не столько других, сколько себя.

Пим был хоть и не горцем, но все же человеком местным.

— Пусть будет по-вашему, — вздохнул он и без долгих слов сделал женщине знак следовать за ним. С расширившимися от страха глазами горянка поплелась за слугой, то и дело оглядываясь на Майлза:

— Человечек?..

— Просто стой прямо! — крикнул он ей.

Проводив их взглядом до угла, Майлз ухмыльнулся и, перешагивая через две ступени, поспешил к парадному входу в резиденцию.

Побрившись и приняв холодный душ, Майлз оделся в своей комнате, окна которой выходили на озеро. Одевался он очень тщательно — не менее тщательно, чем два дня назад, собираясь на выпускной вечер академии и императорский парад. Чистое белье, кремовая рубашка с длинными рукавами, темно-зеленые брюки с лампасами. Зеленый мундир с высоким воротником, пошитый специально на его неловкую фигуру. На воротнике красовались ромбы младшего лейтенанта. Сняв ножной экзоскелет, Майлз натянул блестящие сапоги до колен и пижамой смахнул с них пыль. Пижама подвернулась под руку, потому что перед тем, как идти купаться, Майлз сбросил ее на пол.

Выпрямившись, он осмотрел себя в зеркале. Темные волосы еще не отрасли после стрижки к церемонии выпуска. Бледное лицо с резкими чертами, мешков под глазами почти не видно, да и сами глаза почти не покраснели — увы, недостаточная выносливость к спиртному заставила Майлза прекратить празднование задолго до того, как оно могло бы серьезно отразиться на его внешности.

В голове молодого человека еще звучали отголоски выпускной церемонии, и он радостно ухмыльнулся. Вот и он начал свою карьеру, крепко уцепился за первую перекладину самой высокой на Барраяре служебной лестницы — Имперской службы. Там не было поблажек даже для сыновей старейших форов — ты получаешь только то, что заслужил. Пусть посторонние сомневаются, но собратья-офицеры это знают точно. Наконец-то Майлз сможет показать всем сомневающимся, чего он стоит. Вперед и вверх, без оглядки на прошлое!

Но сейчас еще предстояло бросить последний взгляд назад. Так же тщательно, как он только что одевался, Майлз собрал все необходимое. Белые матерчатые на-

шивки кадета академии. Каллиграфическая копия его нового офицерского патента, заказанная специально для этой цели. Копия зачетной ведомости за все три года академии со всеми похвальными отзывами и выговорами. В это утро нет смысла кривить душой. На первом этаже в шкафу Майлз нашел медную курильницу и треножник, бережно завернутые в ткань, и пластиковый пакет с сухой корой можжевельника. Так, теперь химические зажигательные палочки.

Он выскользнул из дома через черный ход и пошел наверх по холму. Вскоре тропинка раздвоилась: правая шла к павильону на вершине холма, левая — вдоль склона к окруженной невысокой оградой площадке. Майлз толкнул калитку.

— Доброе утро, сумасшедшие предки! — крикнул он, потом посерьезнел.

Пройдя между могилами, Майлз нашел ту, которая была ему нужна, опустился на колени и установил треножник с курильницей. На надгробии было высечено только «Генерал граф Петер Форкосиган» — и даты. Если бы камнерезы попытались записать все его награды и подвиги, им пришлось бы перейти на микрошрифт.

Майлз уложил в курильницу кору, выстраданные тяжким трудом бумаги, нашивки кадета и прядь своих темных волос, сбереженную после последней стрижки. Он поджег все это и, усевшись на пятки, стал смотреть на пламя. В течение долгих лет он сотни раз представлял себе эту минуту во множестве вариантов — начиная от торжественных речей до танца нагишом на могиле старика. Кончилось тем, что он выбрал традиционную церемонию, без всяких выкрутасов. Все между ними двоими, и никого постороннего.

— Ну вот, дедушка, — провозгласил наконец Майлз, — вот мы и здесь. Теперь ты доволен?

Позади остались суматоха выпускных церемоний, сумасшедшие усилия последних трех лет, нервотрепка и боль... Они вели к этой минуте — но могила молчала, не сказала ему: «Молодец. Теперь можешь успокоиться». Пе-

пел не составил букв послания, в поднимающемся к небу дыме не возникли видения. Огонь очень быстро догорел. Наверное, слишком мало топлива.

Окруженный солнечным светом и тишиной, Майлз встал и отряхнул колени. Так чего же он ждал? Аплодисментов? Почему он оказался здесь? Он осуществляет мечты мертвого старика... Кому вообще нужна эта Служба? Деду? Ему самому? Чахлому императору Грегору? Да какая разница?

— Ну, старик, — прошептал Майлз, а потом вдруг крикнул: — Ты наконец доволен?

Над кладбищем разнеслось эхо.

За спиной у него кто-то откашлялся. Майлз подпрыгнул как ошпаренный и обернулся. Сердце у него бешено колотилось.

— Э-э... милорд? — осторожно проговорил Пим. — Извините, я не хотел мешать... Но граф, ваш отец, просят вас прийти в верхний павильон.

Лицо слуги оставалось совершенно невозмутимым. Майлз сглотнул, выжидая, когда поблекнет яркая краска, залившая его щеки.

— Хорошо. — Он пожал плечами. — Огонь почти догорел. Я попозже все приберу. Не... разрешай никому к этому прикасаться.

Он прошествовал мимо Пима и не стал оборачиваться.

Павильон был легкой постройкой из старого серебристого дерева, открытой со всех четырех сторон. С запада тянул ветерок, и Майлз подумал, что после полудня можно будет покататься на яхте. Осталось только десять дней драгоценного отпуска, а ему так много всего хотелось — в том числе съездить в Форбарр-Султан с кузеном Айвеном, чтобы выбрать новый легкий флайер. А потом он получит свое первое назначение. Он с трудом справился с искушением попросить отца сделать так, чтобы это обязательно было направлением на корабль. Конечно, Майлз с благодарностью примет любое назначение, какое пошлет ему судьба — таковы правила

игры, и он постарается выиграть с любыми доставшимися ему картами.

В павильоне было сумрачно и прохладно. Здесь стояли удобные старые кресла и столы, на одном из которых виднелись остатки обильного завтрака. Майлз заприметил два одиноких пончика на полном крошек подносе и уже мысленно предназначил их для собственного употребления. Мать как раз допивала последнюю чашку чая. Она улыбнулась сыну через стол.

Отец, одетый в рубашку с открытым воротом и шорты, уже позавтракал и перебрался в потрепанное кресло. Эйрел Форкосиган был коренастым седовласым мужчиной с тяжелым подбородком, густыми бровями и шрамом на нижней челюсти. Такое лицо очень удобно для недоброго шаржа — Майлз повидал немало таких карикатур в печати оппозиции и в памфлетах противников Барраяра. Достаточно было изменить только одну деталь — сделать тусклыми эти яркие проницательные глаза, — и получалась типичная пародия на военного диктатора.

«Как сильно не дает ему покоя дед? — гадал Майлз. — Внешне почти ничего не заметно. Но в конце концов это и не должно быть заметно. Адмирал Эйрел Форкосиган, непревзойденный стратег космического боя, покоритель Комарры, герой Эскобара, в течение шестнадцати лет был регентом империи и верховным властителем Барраяра, хотя и не носил императорского титула. А потом нарушил все предсказания и снискал себе неувядаемую славу, добровольно передав власть достигшему совершеннолетия императору Грегору. Так что жизнь адмирала Эйрела затмевала даже достижения генерала Петера...»

И с чем теперь остался младший лейтенант Майлз? С двумя двойками и джокером. Надо или сдаваться, или блефовать по-черному...

Горянка сидела на низенькой скамеечке, держа в руке недоеденный пончик. Утратив дар речи, она уставилась на Майлза во всем его великолепии. Когда молодой человек поймал ее взгляд, губы женщины сжались, а глаза вспыхнули. Выражение ее лица показалось ему

каким-то странным. Что это — гнев, радость, смущение, ликование или какая-то непонятная смесь всех этих чувств? «За кого ты меня приняла, женщина?»

Поскольку Майлз был в мундире, он встал перед отцом навытяжку.

— Сэр?

Граф Форкосиган обратился к женщине:

— Это мой сын. Если я пошлю его в качестве моего Голоса, тебя это удовлетворит?

— Ох, — выдохнула она и тут же расплылась в непонятной яростной улыбке. — О да, милорд!

— Прекрасно! Пусть будет так!

«Что будет?» — встревоженно подумал Майлз.

Граф с довольным видом откинулся в кресле, но сощуренные глаза говорили, что он не на шутку рассержен. Однако гнев его направлен не против этой женщины (они явно в чем-то согласны) и — Майлз быстро проверил себя — не на собственного отпрыска. Молодой человек негромко кашлянул, склонил голову набок и вопросительно улыбнулся.

Граф сдвинул кончики пальцев и наконец обратился к сыну:

— Очень интересное дело. Теперь я понимаю, почему ты послал ее сюда.

— О да, — дипломатично произнес Майлз. На что это он напоролся? Он просто помог ей пройти мимо охранника, это был порыв донкихотства — и еще наивное желание подразнить отца за завтраком...

Брови графа Форкосигана поползли вверх.

— Ты не знал?

— Она говорила об убийстве и о равнодушии местных властей. Я решил, что ты направишь ее к судье...

Граф еще глубже вжался в кресло и задумчиво потер шрам на подбородке.

— Это дело об убийстве ребенка.

У Майлза все внутри похолодело. «Я не хочу с этим связываться! Ну, теперь понятно, почему у нее при таких грудях не было младенца».

— О таких случаях властям почти никогда не сообщают. Мы уже больше двадцати лет воюем против старых обычаев, — продолжал граф. — Пропаганда, просвещение... В городах прогресс немалый.

— В городах, — вполголоса произнесла графиня, — у людей есть альтернативные выходы.

— Да. Но в захолустье почти ничего не изменилось. Мы знаем, что происходит, но без доклада, без жалобы... А семья обычно защищает своих... Уцепиться не за что.

— А какая, — Майлз снова откашлялся и кивнул женщине, — была мутация у твоего ребенка?

— Кошачий рот. — Женщина ткнула себе в губу. — Сосала она плохо — захлебывалась и плакала, но молока ей хватало, хватало!

— Заячья губа. — Графиня Форкосиган, родившаяся на Колонии Бета, перевела барраярское название на общепринятый галактический язык. — И похоже, несращение нёба. Харра, это даже не мутация. Это даже на Старой Земле встречалось. Э-э... Нормальный врожденный дефект, если можно так выразиться. Это не наказание за то, что твои барраярские предки прошли через Огонь. Простой операции было бы достаточно...

Графиня замолчала. На лице горянки отразилась душевная мука.

— Я слышала, — сказал она, — милорд построил в Хассадаре больницу. Я собиралась отнести девочку туда, когда немного окрепну, хотя денег у меня не было. Ручки и ножки у нее были здоровенькие, все это видели... — Голос у женщины сорвался. — Но Лэм успел ее убить.

Майлз прикинул: неделя ходьбы из Дендарийских гор к долинному городу Хассадару. Понятно, что сразу после родов такой переход был ей не по силам. А флайеру всего час лету...

— Итак, мы получили заявление об убийстве, — сказал граф Форкосиган, — и нам предстоит разобрать дело. Это дает законный повод обратиться с посланием к самым отдаленным уголкам наших владений. Ты, Майлз, будешь моим Голосом, который прозвучит там, где не

звучал еще никогда. Ты осуществишь графское правосудие — и не тайком. Пора покончить с обычаями, выставляющими нас дикарями в глазах всей галактики.

Майлз с трудом сглотнул.

— А разве местный судья не больше подходит...

Граф чуть улыбнулся:

— Для этого дела лучше тебя никого не найдешь.

Посланник и послание в одном лице! Как бы Майлзу сейчас хотелось оказаться не здесь — где угодно, но не здесь! Уж лучше снова обливаться кровавым потом на выпускных экзаменах. Он с трудом подавил непристойный вопль: «Мой отпуск!» Но теперь отнекиваться поздно...

Майлз почесал затылок:

— Кто... э-э... кто же убил твою девочку?

«Кого это я должен схватить и поставить к стенке?»

— Мой муж, — без всякого выражения проговорила женщина, уставившись на отполированные серебристые доски пола.

«Так я и знал, что история получится некрасивая...»

— Она все плакала и плакала, — монотонно говорила женщина, — и никак не засыпала, ведь сосала-то она плохо... А он заорал, дескать, заставь ее замолчать...

— И тогда? — подсказал Майлз, которого уже начинало тошнить.

— Он обругал меня и пошел спать к своей матери. Он сказал, по крайней мере там работник может поспать. Я-то ведь тоже не спала...

Похоже, парень что надо. Майлз представил себе огромного полудикого горца, привыкшего помыкать женой... Но в развязке явно чего-то недоставало.

Граф тоже это заметил. Он слушал внимательно, как на совещании в генштабе: тело расслаблено, веки опущены, так что можно подумать, будто он задремал. Однако такое предположение было бы серьезной ошибкой.

— Ты сама все видела? — спросил он обманчиво мягким тоном, заставившим Майлза насторожиться. — Ты действительно видела, как он ее убил?

— Утром я нашла ее мертвой, милорд.

— Ты вошла в спальню... — подсказал граф Форкосиган.

— У нас только одна комната. — Женщина посмотрела на него так, словно впервые усомнилась в графском всеведении. — Она заснула, заснула наконец. Я пошла набрать немного блестяники, вверх по лощине. А когда вернулась... Мне надо было взять ее с собой, но я так радовалась, что она наконец-то заснула, я не хотела ее будить... — Из крепко зажмуренных глаз женщины потекли слезы. — Я не стала ее будить, когда вернулась. Я решила поесть и отдохнуть, но у меня набралось молоко, — она прикоснулась к груди, — и я пошла к колыбели...

— И что, на девочке не было никаких отметин? Горло не перерезано? — спросил граф. Так обычно совершались убийства младенцев в захолустье — быстро и надежно, не то что, например, переохлаждение.

Женщина покачала головой:

— По-моему, ее задушили подушкой, милорд. Жестоко, это было так жестоко! А наш староста говорит, что я сама ее заспала. И не захотел принять мою жалобу на Лэма. Не заспала я ее, не заспала! У нее была собственная колыбелька. Лэм смастерил ее, когда моя дочка еще была у меня в животе...

Женщина была близка к истерике.

Граф обменялся взглядом с женой и чуть наклонил голову. Графиня Форкосиган легко встала.

— Харра, давай спустимся вниз. Тебе надо умыться и отдохнуть, а потом Майлз отвезет тебя домой.

Горянка была совершенно ошарашена:

— Но не в ваших же покоях, миледи!

— Извини, другого помещения у меня здесь нет. Если не считать казармы. Охранники — хорошие парни, но они будут тебя стесняться...

С этими словами графиня увела ее.

— Ясно, — сказал граф Форкосиган, как только женщины отошли достаточно далеко и уже не слышали его

слов, — что тебе сначала надо будет проверить медицинские факты, и уже только потом... орудовать. И я надеюсь, ты обратил внимание на небольшую проблему с установлением личности преступника. Этот прецедент может оказаться идеальным для публичного правосудия, но только в том случае, если все совершенно ясно. Хватит действовать втихомолку.

— Я не могу делать медицинских заключений, — поспешно напомнил Майлз. Может, еще удастся отговориться...

— Конечно. Ты возьмешь с собой доктора Ди.

Лейтенант Ди был помощником личного врача премьер-министра, и Майлз был с ним немного знаком. Этот честолюбивый молодой медик постоянно находился в состоянии глубочайшей досады, поскольку его начальник не позволял ему прикасаться к столь важному пациенту... «О, Ди будет в восторге от такого задания», — мрачно решил Майлз.

— Он может прихватить и оборудование для лечения переломов, — добавил граф, немного оживившись. — На всякий случай.

— Какая предусмотрительность! — отозвался Майлз, трагически закатывая глаза. — Послушай, э-э... А вдруг все подтвердится и мы прищучим этого парня. Я что, должен лично...

— Один из наших слуг будет твоим телохранителем. И если потребуется, выполнит работу палача.

Что ж, подумал Майлз, и на том спасибо.

— А мы не можем дождаться судьи?

— Любое решение, которое принимает судья, принимается от моего имени. Когда-нибудь оно будет приниматься от твоего имени. Пора тебе узнать, как это происходит на практике. И хотя исторически форы появились как каста военных, обязанности лорда-фора никогда не ограничивались только военной службой.

Выхода нет. Проклятие, проклятие! Майлз вздохнул.

— Ладно. Хорошо... На флайере мы доберемся туда часа за два. Вероятно, придется еще поискать эту дыру... Сва-

лимся на них с неба, соберем народ и учиним суд и расправу... Домой вернемся к ночи.

«Поскорее бы покончить с этим».

Граф опять прищурился.

— Нет, — медленно проговорил он, — не на флайере.

— Но в горах наземная машина не пройдет! — запротестовал Майлз. — Там нет дорог, только тропы. Не думаю, что наша прогулка пешком укрепит уважение горцев к закону и власти.

Отец взглянул на свежайшую офицерскую форму Майлза и чуть улыбнулся:

— Ну, пока у тебя неплохо получались марш-броски.

— Но представь себе, как я буду выглядеть после трех-четырех дней в полевых условиях! Ты не видел нас после маршей. И не нюхал.

— Я тоже через это прошел, — сухо ответил адмирал. — Но ты совершенно прав. Не пешком. У меня есть идея получше.

«Мой собственный кавалерийский эскадрон, — с иронией подумал Майлз, — точь-в-точь как у деда». Вообще-то он был уверен, что у старика нашлось бы немало язвительных замечаний относительно всадников, следовавших за Майлзом по лесной дороге, — дед высказал бы их после того, как отсмеялся при виде их посадки. Со смертью старика конюшни Форкосиганов захирели: лошади для поло проданы, немногих породистых (и норовистых) скакунов пустили пастись на свободе. Несколько верховых лошадей сохранили за уверенный шаг и добрый нрав, чтобы при желании ими могли воспользоваться редкие гости. За лошадьми ухаживали девчонки из деревни.

Майлз подобрал поводья, напряг ногу, и Толстый Дурачок, выполнив аккуратный полуповорот, сделал два шага назад. Даже самый несведущий горожанин не принял бы этого приземистого чалого конька за горячего скакуна, но Майлз обожал его — за темные влажные глаза, широкий бархатистый нос, флегматичный нрав, который не тревожили ни бурные потоки, ни

сигналы флайеров, но больше всего — за дивное послушание. Просто побыв с ним рядом, человек становился спокойнее — он снимал все отрицательные эмоции, как мурлыкающая кошка.

Майлз потрепал Толстого Дурачка по холке.

— Если кто-нибудь спросит, — пробормотал он, — я скажу, что тебя зовут Верховный Вождь.

Толстый Дурачок повел мохнатым ухом и шумно вздохнул.

К странной процессии, которую сейчас возглавлял Майлз, немалое отношение имел его дед. Великий генерал всю свою юность партизанил в этих горах. Здесь он остановил цетагандийских завоевателей, а позднее заставил их ретироваться. Правда, контрабандные самонаводящиеся зенитные установки, ценой страшных жертв доставленные на планету, способствовали этой победе гораздо больше, чем кавалерия. Дед признавался, что кавалерийские лошади спасли его армию во время самой жестокой военной зимы главным образом благодаря тому, что их можно было есть. Но дух романтики сделал лошадь символом героических походов Петера Форкосигана.

Впрочем, Майлз считал, что отец излишне оптимистичен, полагая, будто слава старика может защитить семью от любых невзгод. Тайники и лагеря партизан давно превратились в заросшие лесом холмы. Да, черт подери, именно лесом, а не бурьяном или там кустарником. А люди, которые воевали под командой деда, давно легли в землю. Что здесь делать Майлзу? Его судьба — космические корабли, скачки к далеким мирам сквозь п-в-туннели...

Размышления юноши прервала лошадь доктора Ди: ей не понравилась лежавшая поперек тропы ветка, и она, захрапев, резко остановилась. Доктор Ди с жалобным возгласом свалился на землю.

— Не бросайте поводья! — крикнул Майлз, заставив Толстого Дурачка попятиться.

Ди уже неплохо научился падать: на этот раз он приземлился почти на ноги. Доктор попробовал ухватиться за болтающиеся поводья, но соловая кобылка отпрянула в сторону. Почуяв свободу, она помчалась по тропе, лихо распустив хвост, что на лошадином языке означало: «Не поймаешь, не поймаешь!» Разозлившийся и покрасневший доктор Ди с проклятиями кинулся за ней. Соловая тут же пустилась рысью.

— Нет-нет, не бегите! — крикнул Майлз.

— Как же, к дьяволу, я ее поймаю, если не побегу за ней? — огрызнулся Ди. — На этом чертовом животном осталась моя аптечка!

— А как, по-вашему, вы ее поймаете, если будете за ней гоняться? — спросил Майлз. — Она гораздо быстрее вас.

Тем временем Пим, замыкавший их маленький отряд, развернул свою лошадь поперек тропы и загородил путь беглянке. Но та разгадала его маневр и свернула в сторону.

— Не суетись, Харра, — посоветовал Майлз, заметив беспокойство своей спутницы, и Харра Журик покорно ссутулилась на лошади, не мешая той идти как хочет. Она полагалась на равновесие и не пыталась пользоваться поводьями, в отличие от невезучего Ди. Замыкавший цепочку Пим держался в седле вполне уверенно, хотя и без удовольствия.

Майлз пустил Толстого Дурачка шагом вслед за сбежавшей кобылкой. «Я совсем не собираюсь тебя ловить. Мы просто наслаждаемся пейзажем. Вот так, а теперь остановимся перекусить». Соловая, отбежав, принялась пощипывать травку, но продолжала косить глазом на приближающегося Майлза.

Остановившись достаточно далеко, чтобы не возбудить ее опасений, Майлз спешился и, не обращая внимания на беглянку, начал демонстративно шарить по карманам. Толстый Дурачок нетерпеливо подтолкнул хозяина мордой, и тот, ласково приговаривая, дал ему кусок сахара. Кобылка заинтересованно подняла уши.

Толстый Дурачок причмокнул и снова подтолкнул Майлза, прося добавки. Кобылка подошла и зафыркала, требуя своей доли. Она сняла губами кусок сахара с ладони Майлза, а молодой человек тем временем тихо взял поводья.

— Ну вот, доктор Ди, получайте вашу лошадь. И никакой беготни.

— Нечестно, — пропыхтел Ди, рысцой подбегая к Майлзу. — У вас в кармане был сахар.

— Конечно, у меня в кармане был сахар. Это называется предусмотрительностью и планированием. Секрет обращения с лошадьми: не пытайтесь быть быстрее лошади или сильнее ее. Этим вы противопоставляете свои слабости ее сильным сторонам. Весь фокус в том, чтобы быть умнее лошади. Тогда мы противопоставляем ее слабости нашу сильную сторону. Не так ли?

Ди принял поводья и подозрительно оглядел свою животину.

— Она надо мной смеется.

— Это называется ржать, а не смеяться, — ухмыльнулся Майлз.

Он похлопал Толстого Дурачка по крупу, и тот послушно опустился на одно колено. Майлз легко вдел ногу в стремя.

— А моя это делает? — спросил доктор Ди, зачарованно наблюдая за ним.

— К сожалению, нет.

Ди сердито нахмурился.

— Это животное — настоящий дебил. Уж лучше я его поведу.

Толстый Дурачок встал, а Майлз с трудом удержался от едкого замечания в духе деда: «Будьте умнее лошади, Ди». Хотя доктор на время расследования был официально подчинен Майлзу, космоврач лейтенант Ди был чином выше младшего лейтенанта Форкосигана. Чтобы командовать тем, кто старше тебя и по возрасту, и по воинскому званию, требуется определенный такт.

Дорога стала чуть шире — здесь по ней вывозили лес, — и Майлз поехал рядом с Харрой Журик. Ее вчерашняя решимость, казалось, по мере приближения к дому, убывала. Или, может быть, бедняжка просто вымоталась: утром она почти все время молчала, а после полудня вообще как язык проглотила. Если эта женщина утянет его за тридевять земель, а потом скиснет...

— Где именно служил твой отец, Харра? — попытался разговорить горянку Майлз.

Женщина принялась расчесывать пальцами волосы, но ее жест свидетельствовал, скорее, о волнении, чем о желании покрасоваться. Сквозь эти спутанные пряди соломенного цвета Харра смотрела на него, как пугливый зверек из-за живой изгороди.

— В ополчении, милорд. Я его совсем не помню, он погиб, когда я была еще маленькая.

— В бою?

Харра кивнула:

— В столице, в беспорядках во время восстания самозванца Фордариана.

Майлз не стал спрашивать, на чьей стороне воевал ее отец: у большинства рядовых выбора не было, а императорская амнистия касалась не только тех, кто уцелел, но и погибших.

— А у тебя есть братья или сестры?

— Нет, милорд. Остались только мы с матерью.

Напряжение чуть отпустило Майлза. Если его приговор действительно приведет к казни, то один неверный шаг может вызвать кровную вражду между семьями. Отец наверняка не хотел бы, чтобы правосудие привело к такому результату. Значит, чем меньше заинтересованных лиц, тем лучше.

— А в семье твоего мужа?

— У него семеро — четыре брата и три сестры.

— Гм.

Майлз на мгновение представил целую ораву огромных разгневанных горцев. Он невольно оглянулся на Пима: для выполнения задания явно не хватает сил. Майлз

уже говорил об этом отцу, когда они вчера вечером планировали экспедицию.

— Тебя поддержит деревенский староста и его помощники, — сказал граф. — Так же, как они помогают судье, когда тот приезжает на выездное заседание.

— А если они не захотят мне помогать? — тревожно спросил Майлз.

— Офицер, собирающийся командовать войсками императора, — сверкнул глазами граф Форкосиган, — должен сообразить, как добиться поддержки от сельского старосты.

Иначе говоря, премьер-министр решил, что это предприятие будет хорошим испытанием для сына, и отказывался подсказывать ему возможные варианты выхода из идиотского положения. «Спасибо, папочка».

— А у вас нет братьев и сестер, милорд? — спросила Харра, и Майлз сразу же вернулся в настоящее.

— Нет. Но ведь это наверняка известно всем даже в вашем захолустье.

— О вас много чего говорят, — пожала плечами Харра.

Майлз закусил вопрос зубами, как ломтик лимона. Он не спросит, не спросит... Нет, ничего не поделаешь.

— А что, например? — процедил он.

— Все знают, что сын графа — мутант. — Во взгляде женщины мелькнул вызов. — Некоторые говорят, что это из-за инопланетянки, на которой граф женился, а еще, мол, от радиации во время боев, или из-за... того, что в юности он развратничал с другими офицерами...

Последняя версия была для Майлза полной неожиданностью.

— ...но большинство думает, что его отравили враги.

— Я рад, что большинство не ошибается. На отца устроили покушение с помощью газообразного солтоксина, как раз когда мать была мною беременна. Но это не...

«Не мутация, — пошла по знакомой дорожке его мысль. — Сколько раз я уже это объяснял? Это дефект развития, а не генетическое уродство, я не мутант, не...» Но какое значение имеет эта биохимическая тонкость

для невежественной женщины, только что потерявшей ребенка? Для нее он все равно мутант.

— Это не важно, — закончил Майлз.

Харра искоса посмотрела на него.

— А еще люди говорят, что вы родились без ног и живете в особняке Форкосиганов в летающем кресле. А некоторые даже утверждают, что вы родились без костей...

— И надо полагать, меня держат в стеклянной банке в подвале, — пробормотал юноша.

— Но Кейрел рассказывал, как видел вас с дедом на Хассадарской ярмарке, и что вы просто больной и недоросток. И еще говорили, будто отец устроил вас на Службу, а другие спорили, что вы улетели на планету матери и там ваш мозг превратили в компьютер, а тело кормят через трубочки, погрузив в жидкость.

— Я так и знал, что где-нибудь да появится банка с жидкостью, — поморщился Майлз.

«А еще ты знал, что пожалеешь о своем вопросе — и все-таки его задал». Ему вдруг показалось, что Харра намеренно дразнит его. Да как она посмела!.. Но веселья на лице женщины было не заметно, только напряженное внимание.

Она рискнула очень, очень многим, придя к своему сюзерену с известием об убийстве — вопреки воле семьи и местных властей, вопреки обычаям. И кого же граф дал ей в качестве защиты и поддержки против гнева всех ее близких? Калеку, выродка! Справится ли он? Конечно, Харра сомневается и тревожится. Вдруг он все испортит, сдастся и убежит, оставив ее одну расхлебывать бурю ярости и мщения?

Майлз уже жалел, что не оставил ее плакать у ворот.

Лес — плод многолетних усилий терраформистов — вдруг кончился, уступив место заросшей бурым кустарником долине — исконно барраярскому пейзажу. Посреди долины вилась какая-то непонятная зелено-розовая лента; когда они подъехали ближе, Майлз с изумлением понял, что это — дикие розы. Настоящие земные розы. Тропа нырнула в их благоуханные заросли и исчезла.

Теперь Майлз и Пим по очереди прорубали дорогу своими армейскими ножами. Ветви у роз были мощными, утыканными толстыми шипами; они с успехом наносили людям упругие ответные удары. Толстый Дурачок помогал, как мог, срывая зубами цветы и радостно их жуя. Майлз не знал, опасно ли это: то, что растение не барраярское, еще не значит, что лошадь им не отравится. Отсасывая кровь из уколотого пальца, он размышлял о трудной экологической истории Барраяра.

Пятьдесят тысяч первопроходцев должны были стать только передовым отрядом колонизации планеты. Но внезапная гравитационная аномалия перекрыла пространственно-временной туннель, связь с Землей прервалась, а вместе с ней пошла прахом и тщательно спланированная программа освоения новой планеты. Привезенные с Земли растения и животные вышли из-под контроля и одичали; люди тоже сосредоточились на проблемах выживания. Биологи до сих пор горюют из-за массового исчезновения местных видов, эрозий, засух и наводнений, но на самом деле, решил Майлз, в течение многовекового Периода Изоляции виды обоих миров достигли равновесия. Если живая тварь плодится и покрывает землю, то какая разница, откуда она взялась?

«Мы все появились здесь случайно. Как розы».

Этой ночью путники разбили лагерь на вершине холма. Наутро они добрались до подножия настоящих гор и вышли за пределы тех мест, которые Майлз знал с детства. Теперь он часто сверял указания Харры со своей картой, сделанной по орбитальным съемкам. На закате второго дня они были уже всего в нескольких часах пути от цели. Харра уверяла, что сможет привести их туда до наступления темноты, но Майлзу не хотелось приезжать ночью в незнакомую деревню, где их встретят без всякой радости.

На рассвете он искупался в ручье и оделся в только что распакованную форму офицера императорской армии. На Пиме была коричневая с серебром ливрея Форкосиганов; на раскладном алюминиевом древке, упертом

в стремя, он держал графский штандарт. Ди остался в своем черном полевом комбинезоне, но вид при этом у доктора все равно был смущенный. «Разряжены мы убийственно», — невесело подумал Майлз. Если во всем этом маскараде и был какой-то глубинный смысл, то Майлз его не улавливал.

Утро еще не кончилось, когда отряд остановил лошадей перед маленьким домиком на краю рощи сахарных кленов. Деревья, посаженные неизвестно когда, с годами взбирались все выше по склону, забрасывая вперед свои легкие семена. Горный воздух был прохладен и свеж. В зарослях сорняков копались куры; забитая тиной деревянная труба роняла капли воды в корыто.

Харра соскользнула с лошади, разгладила юбку и поднялась на крыльцо.

— Кейрел? — позвала она. Застыв в седле, Майлз с непреклонно-решительным видом дожидался первой встречи. Никогда не следует терять психологическое преимущество.

— Харра? Это ты? — откликнулся мужской голос. Распахнув дверь, староста выбежал из дома. — Где ты была, девочка? Мы тебя искали, думали, ты сломала себе шею где-нибудь в зарослях!.. — Тут он умолк, заметив трех неизвестных всадников.

— Ты отказался признать мое обвинение, Кейрел, — поспешно проговорила Харра. Она нервно теребила свою юбку. — И я пошла к судье в Форкосиган-Сюрло, чтобы пожаловаться ему.

— Ах, девочка, — горестно вздохнул Кейрел, — как это глупо, как глупо...

Он покачал головой и тревожно посмотрел на приезжих. Это был лысеющий человек лет шестидесяти, загорелый, обветренный и грузный. Левая рука его заканчивалась культей — еще один ветеран.

— Староста Зерг Кейрел? — сурово заговорил Майлз. — Я — Голос графа Форкосигана. Мне поручено расследовать преступление, о котором заявила Харра Журик перед графским судом: убийство ее дочери, младенца Райны. Как ста-

роста Лесной Долины вы должны мне содействовать и помогать вершить графское правосудие.

Произнеся эту сакраментальную формулу, Майлз умолк, ожидая ответа. Толстый Дурачок фыркнул. Шитый серебром по коричневому фону штандарт негромко хлопал на ветру.

— Окружного судьи на месте не было, — вставила Харра, — но граф был.

Побледневший Кейрел пристально смотрел на Майлза. Наконец взяв себя в руки, он постарался встать навытяжку и отвесил неловкий поклон.

— Кто... кто вы, сэр?

— Лорд Майлз Форкосиган.

Кейрел зашевелил губами. Майлз не умел читать по губам, но был совершенно уверен, что староста в отчаянии беззвучно выругался.

— А это мой слуга сержант Пим и медицинский эксперт, лейтенант Имперской службы Ди.

— Вы сын милорда графа?

— Тот самый, единственный.

Майлзу уже надоела эта игра. Наверное, для первого впечатления достаточно. Он соскользнул с Дурачка и легко приземлился на носки. Кейрел изумленно смотрел на него сверху вниз. «Да, вот такой я низенький. Но подожди, милашка, увидишь, как я танцую!» Перекинув поводья через руку, Майлз шагнул прямо к корыту.

— Нам можно напоить здесь лошадей?

— Э-э... это для людей, милорд, — спохватился Кейрел. — Подождите, я принесу ведро.

Подтянув обвисшие брюки, он поспешно потрусил за дом. Наступила минута тишины, потом донесся голос старосты:

— Где у вас козье ведро, Зед?

Ему ответил другой голос, высокий и молодой:

— За поленницей, па.

Послышалось невнятное бормотание, и Кейрел притрусил обратно с помятым алюминиевым ведром, которое поставил у корыта. Он выбил затычку, и искристая струя

чистой воды зазвенела о ведро. Толстый Дурачок шевельнул ушами и потерся тяжелой головой о Майлза, оставив на мундире рыжие с белым шерстинки и чуть не сбив хозяина с ног. Кейрел поднял глаза и улыбнулся лошади, но улыбка пропала, едва он перевел взгляд на ее хозяина. Пока Толстый Дурачок шумно пил, Майлз успел мельком заметить обладателя второго голоса — мальчишку лет двенадцати, улепетывавшего в кленовую рощу.

Майлз оставил Пима расседлывать и кормить животных, а сам прошел за Кейрелом в дом. Харра ни на шаг не отходила от Майлза, и доктор Ди со своим врачебным чемоданчиком тоже потащился за ним. Сапоги Майлза угрожающе протопали по дощатому полу.

— Жена вернется к вечеру, — сообщил староста, бесцельно бродя по комнате.

Майлз и Ди устроились на скамье, а Харра села на пол у выложенного булыжниками очага и обхватила руками колени.

— Я... я заварю чай, милорд.

И Кейрел бросился из дома наполнить чайник, прежде чем Майлз успел произнести: «Нет, спасибо». Ладно, пусть успокоит нервы повседневными делами. Может, тогда удастся определить, насколько его смущение связано с присутствием высокопоставленных незнакомцев, а насколько — с чувством вины. К тому времени когда староста поставил полный чайник на уголья, он уже заметно лучше владел собой, поэтому Майлз решил приступить к делу.

— Я бы предпочел начать расследование немедленно. Полагаю, оно займет немного времени.

— Оно могло бы и вообще не начинаться, милорд. Младенец умер естественной смертью. На девочке не было никаких отметин. Она была слабенькая, у нее был кошачий рот и бог весть какие еще хвори. Она умерла во сне, по какой-нибудь случайности.

— Просто удивительно, — сухо заметил Майлз, — как часто подобные случайности происходят в этих краях. Мой отец, граф, тоже это отметил.

— Да-да, очень часто. И не стоило утруждать вас из-за такой безделицы. — Кейрел с досадой посмотрел на Харру, но женщина сидела молча и никак не реагировала на происходящее.

— Для меня это не составило труда, — невозмутимо ответил Майлз.

— Право, милорд, — понизил голос Кейрел, — по-моему, ребенка могли заспать. Неудивительно, если в своем горе Харра не хочет в этом признаться. Лэм Журик — хороший парень, хороший работник. На самом деле Харра никого не винит, просто ее рассудок на время помутился из-за несчастья.

Глаза Харры, поблескивавшие из-под копны светлых волос, стали ядовито-холодными.

— Да-да, я понимаю, — сочувственно произнес Майлз, и староста немного приободрился.

— Все еще будет в порядке, пускай только она потерпит, переживет свое горе. Пусть поговорит с беднягой Лэмом. Я уверен, что он не убивал младенца. Не надо ей сгоряча делать то, о чем потом пожалеешь.

— Понимаю, — Майлз позволил своему голосу стать ледяным, — почему Харра Журик сочла необходимым идти четыре дня, чтобы ее выслушали. Вы, похоже, удовлетворяетесь домыслами, староста Кейрел. А я приехал за фактами. Графское правосудие зиждется не на догадках, и у нас нынче не Период Изоляции. Даже в этом захолустье. Расследование начнется сейчас же. Мы не будем делать поспешных выводов, пока не собраны улики. Подтверждение вины или невиновности Лэма Журика прозвучит из его собственных уст под действием суперпентотала, который введет ему доктор Ди в присутствии двух свидетелей — я имею в виду вас и одного из жителей деревни по вашему выбору. Просто, быстро и чисто.

«И может быть, тогда я еще до заката смогу уехать из этой забытой богом дыры».

— Я требую, чтобы вы, староста, сейчас же отправились и привели Лэма Журика для допроса. Сержант Пим вам поможет.

Кейрел помедлил, наливая кипяток в большой коричневый заварочный чайник, и только после этого заговорил:

— Я-то повидал мир, милорд. Как-никак, двадцать лет был на Службе. Но большинство здешнего люда никогда не уезжали из Лесной Долины. Сыворотка истины для них все равно что колдовство. Они могут решить, что полученное таким путем признание — неправда.

— Тогда вы с вашим помощником скажете им, что они ошибаются. У нас сейчас не старое доброе время, когда признаний добивались пытками. Кроме того, если Лэм Журик невиновен, он оправдается, не так ли?

Кейрел неохотно отправился в соседнюю комнату и вышел оттуда, натягивая на себя выцветший мундир с капральскими нашивками. Пуговицы на животе у него уже не застегивались. Видимо, Кейрел хранил его для таких вот официальных случаев. На Барраяре люди отдают честь мундиру, а не тому, кто в нем, — следовательно, и возможное недовольство тоже падет на должность, а не на человека, волею судьбы занимающего ее. Майлз оценил этот нюанс.

Кейрел приостановился у двери и оглянулся на Харру, которая сидела у очага, погрузившись в молчание и чуть покачиваясь.

— Милорд, я уже шестнадцать лет староста в Лесной Долине. За все это время никому не пришлось обращаться в суд — ни при споре о правах на воду, ни из-за краж скота, ни даже тогда, когда Нева обвинил Борса в древесном пиратстве, то есть, я хочу сказать, в сборе кленового сока с чужого участка. За все это время у нас ни разу не было кровной вражды.

— Я не собираюсь провоцировать кровную вражду, Кейрел. Я только хочу знать факты.

— В том-то и дело, милорд. Я теперь уже не так верю фактам, как прежде. Иногда от них больше вреда, чем пользы.

Похоже, староста готов был встать на голову, жонглируя кошками, лишь бы вынудить Майлза отступить.

Интересно, насколько далеко может зайти его противодействие?

— Вашей деревне не будет дано ее собственного Периода Изоляции, — предостерегающим тоном произнес Майлз. — Сейчас правосудие распространяется на всех. Даже если они — маленькие и слабые. И даже если имеют какой-то дефект. И даже если не могут сами за себя постоять... Ступайте, староста!

Побледневший Кейрел все понял. Не пытаясь больше спорить, он рысцой припустил по тропинке, а за ним настороженно зашагал Пим, расстегивая на ходу кобуру парализатора.

Напившись чаю, Майлз походил по дому и все осмотрел, хотя ни к чему не прикасался. Очаг был единственным источником тепла, на нем готовили и подогревали воду для купания. Рядом стояла кованая раковина для мытья посуды: ее надо было наполнять вручную из стоявшего возле нее ведра с крышкой. Вода уходила через сливную трубу, присоединяясь к вытекавшему из корыта ручейку. Во второй комнате была спальня — тут стояли широкая кровать и сундуки с домашним скарбом. На чердаке лежало еще три матраса: должно быть, замеченный Майлзом мальчишка был не единственным ребенком в семье. В жилище старосты было тесно, но чисто, все вещи убраны по местам.

На боковом столике громоздились два радиоприемника: один — совсем древний, другой поновее, армейского образца. Старый был вскрыт — видимо, для починки или замены батарей. Еще Майлз обнаружил ящичек, полный всякого радиохлама. Похоже, староста Кейрел по совместительству исполнял обязанности деревенского радиста. Все совпадает. Наверное, они принимают передачи из Хассадара, может, даже мощные правительственные станции из столицы.

Конечно, электричества здесь нет, ведь энергоприемники спутниковой сети очень дороги. Со временем они, надо полагать, придут и сюда — некоторые столь же малочисленные, но экономически более развитые поселе-

ния уже ими обзавелись. А вот Лесная Долина застряла на уровне полуживотного существования и вынуждена дожидаться, когда спутников станет так много, что их начнут дарить. Ядерная бомба цетагандийцев, уничтожившая город Форкосиган-Вашнуй, отбросила весь этот край назад на многие годы...

Майлз вышел на крыльцо и облокотился на перила. Вернулся сын Кейрела. В дальнем конце двора стоял Толстый Дурачок; он развесил уши и похрюкивал от удовольствия, а ухмыляющийся мальчишка почесывал ему морду под уздечкой. Но вот младший Кейрел поднял глаза, увидел, что за ним наблюдает графский посланец, и кинулся наутек.

К Майлзу подошел доктор Ди.

— Их уже давно нет. Пора, наверное, доставать суперпентотал?

— Нет, лучше готовьте скальпели для вскрытия. По-моему, именно этим нам придется заниматься.

Ди пристально посмотрел на него:

— Я думал, вы отправили с ним Пима, чтобы произвести арест.

— Нельзя арестовать человека, которого нет на месте. Вы любите спорить, доктор? Хотите пари на марку, что они не приведут Журика? Нет, постойте... Возможно, я ошибся. Вон возвращаются трое...

По тропе шагали Кейрел, Пим и еще один мужчина: огромный, густобровый, угрюмый, с могучими руками и бычьей шеей.

— Харра, — окликнул Майлз, — это твой муж?

Выглядел он соответствующе, именно таким Майлз его себе и представлял. И еще четверо точно таких же братьев, только, наверное, еще здоровее...

Появившаяся рядом с ним Харра шумно вздохнула:

— Нет, милорд. Это Алекс, помощник старосты.

Кейрел остановился у крыльца и начал путано объяснять, почему он пришел без арестанта. Майлз оборвал его, подняв брови:

— Пим?

— Сбежал, милорд, — лаконично сказал тот. — Почти наверняка был предупрежден.

— Согласен.

Майлз хмуро глянул вниз, на Кейрела, который осмотрительно промолчал.

— Харра, где ваше кладбище?

— Вниз по ручью, милорд, в конце лощины. Примерно в двух километрах.

— Берите ваши вещи, доктор, мы пойдем прогуляться. Кейрел, несите лопату.

— Милорд, стоит ли нарушать покой мертвых... — начал было Кейрел.

— Стоит, стоит. В бланке следственного дела, который у меня с собой, есть графа для отчета о вскрытии. А я должен сдать это дело в суд, когда мы вернемся в Форкосиган-Сюрло. Кроме того, у меня есть разрешение ближайшего родственника — так, Харра?..

Та отупело кивнула.

— ...и есть два необходимых свидетеля: вы и ваш... (орангутанг!)... помощник. К нашим услугам врач и дневное освещение — если вы не собираетесь спорить до захода солнца. Единственное, чего нам не хватает, — это лопаты. Или вы готовы копать руками, Кейрел?

Голос Майлза звучал ровно и угрожающе.

Лысеющая голова старосты дернулась:

— По закону ближайшим родственником является отец, если он жив, а его... согласия... у вас нет.

— Кейрел, — оборвал его Майлз.

— Милорд?

— Могила, которую вы будете копать, может оказаться вашей собственной. Вы уже одной ногой в ней стоите.

— Я... принесу лопату, милорд.

День был теплый, золотистый и по-летнему спокойный. Лопата в руках дюжего помощника ритмично врезалась в землю. Внизу, под склоном, меж чистых обкатанных камней журчал ручей. Съежившись в стороне, Харра наблюдала за ними, молчаливая и угрюмая.

Когда могучий Алекс достал из ямы маленький ящичек — такой невообразимо маленький! — сержант Пим отправился патрулировать заросший деревьями край кладбища. Майлз его ничуть не осуждал. Он надеялся только, что в земле на этой глубине достаточно холодно. Алекс открыл ящичек, после чего доктор Ди сделал ему знак отойти и принялся за дело. Помощник старосты тоже предпочел поискать какой-нибудь объект для наблюдения в дальнем конце кладбища.

Ди внимательно осмотрел лежавший в гробике матерчатый сверток, потом вынул его и положил на брезент. Инструменты для вскрытия уже были аккуратно разложены на пластиковом лотке. Он развернул по-особому завязанные яркие тряпицы. Неслышно подкравшаяся Харра взяла их, разгладила и сложила, чтобы потом ими снова можно было воспользоваться, и так же неслышно отошла.

Майлз нащупал в кармане носовой платок, чтобы в случае нужды прикрыть нос и рот, и, подойдя, начал смотреть через плечо доктора. Неприятно, но вытерпеть можно; ему уже доводилось видеть и обонять вещи похуже. Ди через респиратор наговаривал текст отчета в диктофон, висевший на его плече. Сначала он провел визуальный осмотр, пальпируя подозрительные участки рукой в перчатке, потом включил сканер и медленно повел им вдоль тельца.

— Вот, милорд, — сказал Ди, жестом подзывая Майлза поближе. — Почти наверняка это причина смерти, хотя я еще сделаю проверку на токсины. У нее сломана шея. На сканере видно, где был порван спинной мозг, а затем голову младенца вернули в прежнее положение.

— Кейрел, Алекс. — Майлз помахал рукой обоим свидетелям, и они неохотно приблизились к врачу. — Скажите, доктор, это могло произойти случайно? — официальным тоном спросил Майлз.

— Вероятность весьма невелика. Но на место кости возвратили намеренно.

— На это требуется много времени?

— Пара секунд. Смерть наступила мгновенно.

— Для этого нужна большая физическая сила? Крупного мужчины, или...

— О нет, совсем не обязательно. Это легко мог сделать любой взрослый человек.

— Любой, решившийся убить...

Майлза затошнило, когда он представил себе то, что сказал Ди. Маленькая пушистая головка легко уместится под ладонью мужчины. Поворот, чуть слышный хруст... Уж кто-кто, а Майлз прекрасно знал, как ломаются кости.

— Воля к убийству, — отозвался Ди, — это уже не по моей части. — Он помолчал. — Но могу отметить, что внимательного осмотра было бы достаточно для установления причины смерти. Опытный работник системы правопорядка, — он холодно взглянул на Кейрела, — ответственно относящийся к своим обязанностям, не пропустил бы сломанной шеи.

Майлз тоже смотрел на старосту и ждал.

— Заспала! — прошипела Харра. Голос ее так и сочился презрением.

— Милорд, — осторожно начал Кейрел, — я действительно подозревал...

«Какое к черту подозрение! Ты знал».

— Но я считал — и сейчас считаю, — в глазах Кейрела сверкнула решимость отчаяния, — что шум вызовет еще больше горя. Я уже ничем не мог помочь младенцу. Мы в долгу перед живыми...

— И я тоже, староста Кейрел. Например, перед следующим крошечным подданным империи, которому будет грозить опасность со стороны тех, кому положено его защищать. А он, как назло, виноват всего лишь в том, что физически, — тут Майлз резко улыбнулся, — не похож на них. Граф Форкосиган решил, что это не просто уголовное дело. Будет показательный процесс, и он прогремит по всей планете. Шум!.. Вы не представляете, какую кашу заварили...

Кейрел сник, словно уменьшившись ростом.

Затем последовал еще час дополнительных исследований, давших только отрицательные результаты: других переломов нет, легкие младенца чистые, в кишечнике и крови нет токсинов, кроме тех, что появились в результате разложения. Опухолей в мозгу не обнаружено. Дефект, из-за которого погибла девочка, был легко устраним простой косметической операцией, если бы она могла ее получить.

Ди собрал инструменты, и Харра, завернув крошечное тельце в тряпки, снова завязала их сложным, полным особого смысла узлом. Вычистив скальпели, Ди уложил их в чехлы и тщательно вымыл руки и лицо в ручье. Майлзу показалось, что доктор отмывался гораздо дольше, чем требовали соображения гигиены. Помощник старосты снова зарыл ящичек.

Харра сделала на могиле небольшое углубление и сложила в него несколько веточек и обломков коры, прибавив отрезанную ножом прядь своих волос.

Застигнутый врасплох Майлз порылся в карманах.

— При мне нет никакого приношения, которое могло бы гореть, — виновато сказал он.

Женщина широко раскрыла глаза. Ее изумило даже само желание графского сына присоединиться к возжиганию в память покойной.

— Это не важно, милорд.

Маленький огонек вспыхнул на мгновение и погас, как жизнь крошечной Райны.

«Нет, это важно, — думал Майлз. — Мир тебе, маленькая леди. Прости, что мы так грубо потревожили тебя. Я устрою тебе приношение получше, даю слово Форкосигана. И дым от возжигания поднимется так высоко, что его увидят все жители этих гор».

Поручив Кейрелу и Алексу доставить ему Лэма Журика, Майлз повез Харру до ее дома на Толстом Дурачке. Их сопровождал Пим.

Двое чумазых ребятишек, игравших в одном из дворов, побежали за лошадьми, хихикая и делая в сторону Майлза знаки от сглаза. Малыши подзадоривали друг

дружку на все более отчаянные шалости, пока мать не заметила их и, выбежав на улицу, не заставила вернуться в дом, бросив через плечо испуганный взгляд. Майлзу это почему-то показалось странно успокаивающим — вот такой встречи он и ожидал. Это лучше, чем напряженно-неестественное спокойствие Кейрела и Алекса. Да, Райне жилось бы здесь нелегко.

Дом Харры располагался у длинного оврага, который, постепенно расширяясь, переходил в лощину. В пестрой тени деревьев жилище казалось удивительно тихим и одиноким.

— Ты уверена, что тебе не стоит пока пожить у матери? — с сомнением спросил Майлз.

Харра покачала головой и соскользнула с коня. Спешившись, Майлз и Пим вошли следом за ней.

Дом был самый обычный: большое крытое крыльцо и одна комната с каменным очагом. Воду, видимо, брали из ручья в овраге. На пороге Пим задержал Майлза и вошел следом за Харрой, держа руку на парализаторе. Если Лэм Журик сбежал, то не прячется ли он где-нибудь здесь? Пим всю дорогу проверял сканером совершенно безобидные заросли кустов.

Дом был пуст. Впрочем, опустел он недавно: в нем не чувствовалось пыльного застоявшегося молчания восьмидневной заброшенности. У мойки — грязная посуда, кровать раскрыта и смята. Кругом валялась мужская одежда. Харра принялась машинально наводить порядок, заявляя дому о своем возвращении, своем существовании, своей важности. Если она и не властна над событиями своей жизни, по крайней мере она остается хозяйкой этой небольшой комнатки.

Единственным, к чему она не прикасалась, была стоявшая рядом с кроватью колыбелька с крошечными одеяльцами. Харра убежала в Форкосиган-Сюрло через несколько часов после похорон.

Майлз прошелся по комнате, посмотрел в окно.

— Ты покажешь мне, где собирала блестянику?

Женщина повела их по оврагу. Майлз засек время. Пим разрывался между необходимостью озираться и одновременно следить за своим подопечным, чтобы тот не упал и не заработал новые переломы. Раза три увернувшись от попыток Пима подхватить его, Майлз обозлился и с трудом сдерживал желание послать сержанта ко всем чертям. Хотя, конечно, его можно считать лицом заинтересованным: если Майлз сломает себе ногу, то Пиму придется вытаскивать его отсюда на себе.

Заросли блестяники начинались примерно в километре от дома. Майлз сорвал несколько красных ягод и рассеянно их съел; Харра с Пимом почтительно ждали. Вечернее солнце пробивалось сквозь листву, но на дне лощины уже царили серые прохладные сумерки. Побеги блестяники цеплялись за камни и маняще свисали с уступов, словно приглашая рискнуть и вскарабкаться за ними. Майлз устоял перед соблазном: он не слишком любил блестянику.

— Если бы тебя позвали из дома, ты бы отсюда услышала? — спросил Майлз.

— Нет, милорд.

— И как долго ты собирала здесь ягоды?

Харра пожала плечами:

— Пока не набрала корзинку.

— Скажем, час. И сорок минут на дорогу в оба конца. Примерно двухчасовое отсутствие. Твой дом не был заперт?

— Только на засов, милорд.

— Гм-м.

Научная схема расследования убийства рекомендовала выяснить способ, мотив и возможности. Дьявольщина. Способ установлен — свернуть шею младенцу мог кто угодно. Похоже, что с возможностями дело обстоит не лучше: кто угодно мог подойти к домику, совершить убийство и уйти незамеченным. Прошло слишком много времени, чтобы воспользоваться биополевым детектором, который позволял восстановить картину передвижений в комнате... И наконец, мотив — мутная пена предрассудков. То есть все что угодно.

Майлз старался относиться к обвиняемому непредубежденно, но противиться словам Харры становилось все труднее. Пока она еще ни в чем не ошиблась.

Вернувшись в дом, Харра снова принялась за уборку.

— Ты уверена, что все будет в порядке? — спросил Майлз, подбирая поводья Толстого Дурачка и устраиваясь в седле. — Я все же думаю, что, если твой муж поблизости, он может заявиться сюда. Ты говоришь, что ничего не исчезло, значит, он вряд ли успел побывать здесь до нашего приезда. Может, Пиму стоит остаться с тобой?

— Нет, милорд. — Харра стояла на крыльце, обеими руками обнимая метлу. — Я... мне бы хотелось немного побыть одной...

— Ну ладно. Я дам тебе знать, если произойдет что-нибудь важное.

— Спасибо, милорд, — вяло отозвалась Харра. Видимо, ей действительно хотелось остаться одной, и Майлз решил не упорствовать.

Там, где тропа стала шире, слуга и господин поехали рядом. Пим по-прежнему бдительно озирался.

— Милорд, могу ли я подсказать вам, что теперь разумным шагом было бы послать всех здоровых мужчин деревни искать Журика? Вы ведь точно установили факт намеренного детоубийства.

«Интересная фраза, — подумал Майлз. — Даже Пиму она не кажется дикой. Ах, мой бедный Барраяр!»

— На первый взгляд это кажется разумным, сержант Пим, но не пришло ли вам в голову, что половина всех здоровых мужчин деревни скорее всего в родстве с Журико?

— Предлагаю психологический трюк. Если мы погоняем их как следует, то, может быть, кто-нибудь выдаст парня просто для того, чтобы прекратить все это.

— Гм, не исключено. При условии, что Журик не сбежал отсюда. Может, он уже на полдороге к океану.

— Только если у него есть транспорт.

И Пим глянул в пустое небо.

— Откуда нам знать, может, в сарае у каких-нибудь его приятелей стоял старенький флайер. Но это маловероятно. Я не уверен, что он вообще знает, как убегать, куда податься. Конечно, если он все-таки удрал, то проблема перейдет к Имперской гражданской безопасности, и я свободен. («Приятная мысль!») Плохо то, что я до сих пор не получил четкого представления о нашем подозреваемом. Ты заметил противоречия?

— Не могу сказать, чтобы заметил, милорд.

— Гм. Кстати, куда Кейрел таскал тебя арестовывать этого типа?

— За деревню, в кустарники и ущелья. Там человек шесть все еще разыскивали Харру. Они как раз закончили поиски и возвращались нам навстречу. Похоже, что наше появление не было для них неожиданностью.

— Журик действительно был там и сбежал, или Кейрел просто водил тебя за нос?

— По-моему, он действительно там был, милорд. Те люди клялись, что не видели его, но, как вы и сказали, они с ним в родстве, и потом, они... э-э... лгали неумело. Они были напряжены. Что до Кейрела, то он, может, и не рвется нам помогать, но я не думаю, чтобы он посмел нарушить ваш прямой приказ. В конце концов он ведь отслужил двадцать лет.

«Как и ты, Пим», — подумал Майлз. Личная охрана графа Форкосигана ограничивалась штатным числом в двадцать человек, и Пим был типичным представителем этого элитного взвода: награжденный орденами ветеран Имперской службы, заменивший покойного сержанта Ботари. Кому еще, кроме Майлза, не хватает в этом мире смертельно опасного и непростого Ботари?

— Хотелось бы мне допросить с суперпентоталом самого Кейрела, — мрачно заметил Майлз. — Судя по всему, он знает, где собака зарыта.

— Так почему бы вам его не допросить? — логично осведомился Пим.

— Возможно, этим и кончится. Однако допрос с суперпентоталом, как ни крути, всегда унизителен. Если

человек нам предан, то не в наших интересах публично его оскорблять.

— Это будет не публично.

— Да, но он не забудет, что его превратили в слюнявого идиота. Мне нужна правдивая информация.

— Я думал, у вас уже есть информация, милорд.

— У меня есть факты. Огромная куча бессмысленных, бесполезных фактов. — Майлз угрюмо замолчал. — Я доберусь до правды, даже если мне придется накачать суперпентоталом всех этих деревенщин. Но это скверное решение.

— Задачка тоже скверная, милорд, — сухо отозвался Пим.

Когда они вернулись, жена старосты уже взяла бразды правления в свои руки. Женщина носилась по всему дому, отчаянно что-то нарезая, взбивая, перемешивая и растапливая. Она взлетала на чердак переменить белье на матрасах, гоняла троих сыновей с поручениями сбегать, принести, попросить... Ошеломленный Ди бродил за ней по пятам, пытаясь угомонить хозяйку и повторяя, что они привезли с собой палатку и еду, что от нее ничего не требуется. Но все уговоры были бесполезны.

— Единственный сын моего милорда графа приехал ко мне в дом, а я выставлю его в поле, словно скотину?! Да я умру от стыда!

И она снова принялась за работу.

— Матушка Кейрел приняла наш визит слишком близко к сердцу, — объяснил доктор Ди.

Майлз взял его за локоть и чуть ли не насильно вывел на крыльцо.

— Лучше не крутитесь у нее под ногами, доктор. Мы обречены на прием. С обеих сторон это диктуется долгом. Вежливость требует, чтобы мы делали вид, будто нас здесь вроде бы как нет, пока она не подготовится.

Ди понизил голос:

— В данных обстоятельствах нам было бы разумнее есть только ту пищу, которую мы привезли с собой.

Из окна несся манящий стук шинковального ножа и аромат трав и лука.

— Ну, по-моему, еда из общего котла будет в порядке, — сказал Майлз. — Если вас что-то встревожит, вы можете взять образцы и проверить, только не афишируя это, ладно? Незачем обижать людей.

Они уселись на самодельных стульях, и им тут же был снова подан чай. Принес его мальчуган лет десяти, младший сын Кейрела. Видимо, ему уже было сделано внушение относительно того, как надо себя вести, потому что он так же старательно не замечал физических недостатков Майлза, как и взрослые. Хотя получалось у него это немного хуже.

— Вы будете спать на моей постели, милорд? — спросил мальчик. — Ма говорит, мы будем спать на крыльце.

— Ну, ма надо слушаться, — дипломатично ответил Майлз. — Э-э... а тебе нравится спать на крыльце?

— Не-а. Прошлый раз Зед меня лягнул, и я скатился в темноту.

— О! Ну раз уж мы вас выселяем, может, вы согласитесь в обмен спать в нашей палатке?

Мальчишка широко раскрыл глаза:

— Правда?

— Конечно. Почему же нет?

— Вы только подождите, я скажу Зеду! — Он запрыгал вниз по ступенькам, потом стремглав кинулся за дом. — Зед, эй, Зед!

— Что ж, — с сомнением сказал Ди, — мы ее потом можем как следует продезинфицировать...

У Майлза чуть изогнулись губы.

— Они не грязнее, чем вы были в их возрасте. Или я. Когда мне позволяли.

Незаметно наступил вечер. Майлз снял свой зеленый мундир и повесил на спинку стула, потом расстегнул воротник рубашки.

Ди удивленно поднял брови:

— Так у нас рабочий день, как в магазине? Мы уже закрылись на сегодня?

— Не совсем.

Он задумчиво прихлебывал чай и рассеянно смотрел на верхушки деревьев. За холмами начинались отроги черного хребта, на вершинах которого еще кое-где виднелись грязно-белые снежные шапки.

— Убийца по-прежнему на свободе, — напомнил Ди.

— Вы с Пимом словно сговорились. — Майлз заметил, что его верный слуга кончил возиться с лошадьми и отправился прогуляться, прихватив сканер. — Я жду.

— Чего?

— Сам не знаю. Какой-то новости, которая поможет мне понять все это. Пока мы имеем только два варианта: Журик или виновен, или не виновен. В первом случае он нам не сдастся. Он наверняка втянет в это дело своих родственников, чтобы те его прятали и всячески помогали. При желании я в любой момент могу вызвать подкрепление из Хассадара. Человек двадцать из Службы гражданской безопасности с поисковым оборудованием прилетят сюда на флайере через пару часов. Устроят облаву. Жестокий, гадкий, возбуждающий цирк... Зрители будут довольны: охота на человека с кровавым исходом. Конечно, есть шанс, что Журик ни в чем не виновен, а просто испуган. В этом случае...

— Да?

— В этом случае убийца по-прежнему рядом. — Майлз снова отхлебнул чаю. — Я лишь хотел сказать, что, если вы желаете поймать кого-то, погоня — далеко не всегда лучший способ.

Ди кашлянул и тоже принялся за чай.

— Тем временем я должен выполнить еще одну обязанность. Я нахожусь здесь, чтобы меня видели. Если ваш инстинкт исследователя жаждет деятельности, можете развлечься и посчитать, сколько народа нынче вечером явится поглазеть на фора.

Предсказанное Майлзом паломничество началось почти сразу. Поначалу приходили главным образом женщины, и все как одна с подарками, словно на поминки или на свадьбу. Горянки несли накрытые блюда с едой,

цветы, лишние постели и предложения помощи. Всех деревенских дам представляли Майлзу: они нервно приседали, но не отваживались заговорить — видимо, их любопытство удовлетворялось одним лишь созерцанием графского сынка. Матушка Кейрел была вежлива, но давала понять, что прекрасно справляется сама, и отставляла кулинарные дары куда-то на задний план.

Некоторые женщины притащили с собой детей. Большую часть детворы отправили играть, но небольшая компания перешептывающихся мальчишек прокралась вокруг дома посмотреть на Майлза. Заметив их маневр, он остался на крыльце. Некоторое время Майлз игнорировал любопытные взоры мальчишек, дав знак Пиму, чтобы тот их не прогонял.

«Да-да, смотрите хорошенько. Что видите, то и будете иметь, до конца вашей жизни — или по крайней мере моей. Привыкайте...»

И тут он услышал шепот Зеда Кейрела, самозваного гида этой экскурсии:

— А вон тот, большой, приехал убить Лэма Журика! — Речь, по-видимому, шла о Пиме.

— Зед, — позвал Майлз.

Под аккомпанемент испуганного шепота и хихиканья средний сын Кейрела нехотя поднялся на крыльцо.

— А вы трое, — указующий перст Майлза остановил его готовых сбежать товарищей, — ждите здесь.

Для пущей убедительности Пим нахмурился, и мальчишки застыли на месте, широко распахнув глаза. Теперь их физиономии торчали на уровне дощатого пола крыльца, словно отрубленные головы врагов над стеной древней крепости.

— Что ты сейчас сказал своим друзьям, Зед? — тихо спросил Майлз. — Повтори.

Зед облизнул губы.

— Я только сказал, что вы приехали убить Лэма Журика, лорд.

Зед теперь явно подозревал, что кровожадные инстинкты Майлза распространяются и на нахальных мальчишек.

— Это неправда, Зед. Это опасная ложь.

Зед был озадачен.

— Но па так говорит.

— На самом деле я приехал поймать того, кто убил маленькую дочь Лэма Журика. Может быть, это Лэм. А может быть — нет. Ты понимаешь, в чем разница?

— Но Харра всем раззвонила, что Лэм, а уж она-то должна знать, ведь он ее муж и все такое.

— Кто-то сломал малышке шею. Харра думает, что Лэм, но сама она этого не видела. Ты и твои друзья должны понять, что я не ошибусь. Я не могу приговорить к смерти невиновного: моя сыворотка истины мне не даст. Если Лэм этого не делал, ему достаточно просто прийти сюда и рассказать все, как было, чтобы оправдаться. Но предположим, что он действительно это сделал. Как мне поступить с человеком, который может убить младенца, а, Зед?

Зед неуверенно шмыгнул носом.

— Ну, это ведь был всего лишь мутантик...

Тут он умолк и покраснел, демонстративно не глядя на Майлза.

Наверное, нельзя ждать, чтобы двенадцатилетнего мальчишку интересовал какой-то младенец, тем более мутантик... Нет, черт побери, можно! Но как этого добиться? Если Майлз не способен убедить одного надутого парнишку, то каким волшебством он сможет переделать стольких взрослых? Ему хотелось заорать от ярости. Эти тупицы совершенно невыносимы!

Майлз решительно взял себя в руки.

— Твой па отслужил двадцать лет, Зед. Ты ведь гордишься тем, что он служил императору?

— Да, милорд, — настороженно согласился Зед, уже предчувствуя какую-то ловушку.

Майлз не отступал:

— Так вот, этот обычай — убивать мутантиков — позорит императора, когда он представляет Барраяр перед галактикой. Я бывал на других планетах и знаю. Они всех нас называют дикарями из-за преступлений

немногих людей. Это позорит графа, моего отца, и позорит вашу Долину. Почетно убить вооруженного врага, а не младенца. Это затрагивает мою честь Форкосигана, Зед. И кроме того... — Тут зубы Майлза оскалились в невеселой усмешке, он подался вперед, и Зед испуганно отпрянул: — Вы все еще удивитесь, когда узнаете, на что способен мутант. В этом я поклялся на могиле моего деда.

Вид у парнишки был скорее подавленный, чем убежденный. Он так ссутулился, что согнулся почти пополам. Майлз снова откинулся на спинку стула и устало махнул рукой:

— Иди играй, мальчик.

Зеда не понадобилось уговаривать. Он и его приятели кинулись за дом, словно выпущенные из катапульты.

Майлз стучал пальцами по стулу и хмурился. Ни Пим, ни Ди не осмеливались нарушить молчание.

— Эти горцы — дремучие невежды, — наконец решился сказать сержант.

— Эти горцы — мои люди, Пим. Их невежество — это мой позор, позор моего дома.

Как получилось, мрачно размышлял он, что вся эта каша стала вдруг его собственной? Ведь не он же ее заварил. А с исторической точки зрения...

— По крайней мере их продолжающееся невежество, — уточнил Майлз, не испытав при этом никакого облегчения; вина по-прежнему давила на него тяжелым грузом. — Неужели это так сложно понять? «Вам больше не надо убивать ваших детей». Казалось бы — чего проще! Ведь не требуем же мы от них знания космонавигации в пятимерном пространстве! — добавил он, вспомнив, чем мучили его последний семестр в академии.

— Им нелегко, — пожал плечами доктор Ди. — Правительство издает законы, а этим людям каждую минуту приходится испытывать их на собственной шкуре. Они очень бедны, при этом вынуждены делиться своими скудными доходами с теми, кто намного богаче их. Старые правила кажутся им гораздо разумнее. В сущности, нам

самим неясно, сколько реформ мы можем себе позволить, слепо подражая галактике.

«Интересно, как ты определяешь богатого человека, Ди?» — подумал Майлз.

— Но все-таки жизнь улучшается, — произнес он вслух. — Даже здесь уже не бывает голода каждую зиму. Они не одиноки, когда случается неурожай или другая беда. — По имперскому указу пострадавшему району оказывается помощь... У нас улучшается связь. И потом... — Майлз помолчал и закончил не очень убежденно: — Быть может, вы их недооцениваете.

Ди скептически поднял брови. Пим встал, прошелся по крыльцу и на всякий случай провел сканером по зарослям. Майлз повернулся, чтобы взять свой стынущий чай, и заметил какое-то движение в раскрытом окне — там застыла, слушая их, матушка Кейрел. Сколько же она так стоит? Наверное, с той минуты, как он окликнул ее сынишку. Встретив взгляд Майлза, женщина глубоко вздохнула, вытряхнула тряпку, которую держала в руках и, кивнув ему, вернулась к своим делам. Ди, рассеянно наблюдавший за Пимом, ее не заметил.

Кейрел и Алекс пришли только к ужину, оба усталые и запыленные.

— Я отправил на поиски шестерых, — осторожно доложил староста, обращаясь к Майлзу, сидевшему на крыльце. Это крыльцо постепенно превращалось в нечто вроде штаба.

— Похоже, Лэм ушел в заросли. Теперь его оттуда долго не выкурить. Там сотни укромных местечек.

Охотно верю, подумал Майлз.

— А может, парень прячется у кого-нибудь из родственников? — спросил он. — Ведь для того чтобы долго отсиживаться, ему надо бы запастись едой. Они его выдадут, если он появится?

— Трудно сказать. — Кейрел развел руками. — Им будет нелегко пойти на это, милорд.

— Гм.

И сколько же Лэм Журик будет торчать там в зарослях? Ведь вся его жизнь — вся его полетевшая к чертям жизнь — здесь, в Лесной Долине. Майлз задумался над контрастом. Всего несколько недель назад у молодого Лэма было все, о чем только может мечтать деревенский житель: дом, жена, ребенок, благополучие и счастье. А сейчас Лэм — преследуемый беглец, все то немногое, что он имел, исчезло в мгновение ока. Раз его тут ничего не держит, отчего бы парню не удариться в бега? Если ему не к чему возвращаться, станет ли он задерживаться у обломков своей жизни?

Подлинным мучением для Майлза стала мысль о полиции, которую можно вызвать из Хассадара, произнеся всего лишь несколько слов в наручный комм. Может, пора это сделать, пока он не испортил все окончательно? Но... если бы проблему можно было решить простой демонстрацией силы, разве отец запретил бы им лететь сюда на флайере? Майлз сожалел об этом двухдневном пути, который лишил его стремительности, дал время засомневаться. Мог ли граф это предвидеть? Знал ли он что-то такое, что неизвестно Майлзу? Черт подери, не было необходимости искусственно усложнять это испытание, тут и без того хватает трудностей. «Отец хочет, чтобы я вел себя умно, — мрачно размышлял Майлз. — Нет, еще хуже: он хочет, чтобы все здесь увидели, что я поступаю умно». Оставалось лишь молить Бога, чтобы вместо этого не совершить какую-нибудь непоправимую глупость.

— Хорошо, староста Кейрел. На сегодня вы сделали все, что могли. Отдыхайте. Пошлите отдыхать и ваших людей. Вряд ли вы кого-то найдете в темноте.

Пим взялся за сканер, собираясь предложить свои услуги, но Майлз сделал ему знак молчать.

Впоследствии Майлз не смог бы с точностью сказать, в какое мгновение теплый летний вечер перерос в праздник. После ужина начали приходить гости — приятели Кейрела, старшее поколение деревни. Некоторые из них явно были здесь завсегдатаями, регулярно слушающими

правительственные новости по приемнику старосты. На Майлза высыпался целый ворох новых имен, и он не имел права забыть хоть одно. Откуда-то появились запыхавшиеся музыканты с самодельными инструментами — видимо, этот оркестрик играл на всех свадьбах и поминках Лесной Долины.

Музыканты расположились посреди двора и заиграли. К ним присоединились певцы, и крыльцо Майлза из штаб-квартиры превратилось в почетную ложу. Трудно сосредоточиться на музыке, когда все собравшиеся наблюдают за тобой. Но Майлз старался. Некоторые песни были серьезными, другие (сыгранные поначалу с осторожностью) — шуточными. Конечно, веселье Майлза иногда становилось чуть притворным, но зрители всегда облегченно вздыхали, услышав его смех.

А одна песня — плач по потерянной любви — была так неотразимо прекрасна, что у Майлза сжалось сердце. Элен... Только сейчас он понял, что и эта рана наконец-то зарубцевалась, оставив после себя лишь томительную печаль. Какое-то время он сидел в сгущающихся сумерках совершенно неподвижно, погрузившись в свои мысли и почти не слыша следующих песен.

Горы принесенной снеди не пропали даром. К счастью, Майлза не заставили расправляться с ними в одиночку. Один раз Майлз перегнулся через перила и посмотрел в конец двора, где стоял Толстый Дурачок, приобретая себе новых друзей. Конька окружила целая толпа молоденьких девушек, которые гладили его, расчесывали ему шерсть, вплетали в гриву и хвост ленты и цветы, кормили разными лакомствами или просто прижимались щеками к теплому шелковистому боку. Блаженно-довольный Дурачок полузакрыл глаза.

«Господи, — завистливо подумал Майлз, — имей я хоть половину обаяния этой чертовой скотины, у меня было бы больше девушек, чем у кузена Айвена». На секунду он прикинул все «за» и «против» того, чтобы приударить за какой-нибудь свободной девицей... Удалые лорды прошлого и все такое прочее... Нет. Таким дураком

ему быть не обязательно. С него хватит и той клятвы, которую он дал маленькой леди по имени Райна. Дай бог ему сдержать ее, не сломавшись. У него опять заныли кости.

Он повернулся и увидел, что староста Кейрел идет к нему в сопровождении какой-то пожилой женщины. Худая, низенькая, изможденная, в поношенном «парадном» платье; седые волосы зачесаны назад, глаза тревожно бегают.

— Это матушка Журик, милорд. Мать Лэма.

Староста склонил голову и попятился, оставив Майлза без помощи.

«Вернись, трус!»

— Мадам, — приветствовал ее Майлз.

Во рту у него пересохло. Черт побери, кажется, Кейрел решил устроить из этого спектакль... Нет, большинство гостей тоже отходят подальше.

— Милорд, — отозвалась матушка Журик, испуганно приседая.

— Э-э... садитесь, пожалуйста.

Непреклонно дернув подбородком, Майлз согнал доктора Ди со стула и указал на него горянке. Сам он развернулся так, чтобы сидеть лицом к женщине. Пим встал у нее за спиной, безмолвный, как истукан, напряженный, как струна. Не иначе ждет, что старуха того и гляди выхватит из юбок лучевой пистолет... Хотя, если подумать, прямой долг Пима — воображать такое и выглядеть идиотом, чтобы Майлз мог без помех сосредоточиться на стоящей перед ним задаче. Крестьяне наблюдают за ним так же пристально, как и за самим Майлзом, и очень предусмотрительно со стороны сержанта держаться отчужденно, пока грязная работа не будет закончена.

— Милорд, — повторила матушка Журик и опять замолчала.

Майлз мог только ждать и молить Бога, чтобы она вдруг не разрыдалась прямо здесь, на крыльце. Просто

мучение какое-то. «Держись, женщина», — мысленно уговаривал он.

— Я хочу сказать, что Лэм... — Она запнулась. — Я уверена, он не убивал малышку. Клянусь, в нашей семье никогда такого не водилось! Он говорит, что не убивал, и я ему верю.

— Прекрасно, — дружелюбно ответил Майлз. — Пусть он скажет мне то же самое с суперпентоталом, и я тоже ему поверю.

— Пойдем, ма, — позвал худощавый молодой человек, стоявший у ступеней, и злобно посмотрел на Майлза. — Разве ты не видишь: это бесполезно.

Женщина кинула на юношу суровый взгляд и снова повернулась к Майлзу, еще надеясь убедить и с трудом подбирая слова:

— Мой Лэм. Ему всего двадцать, милорд.

— Мне тоже только двадцать, матушка Журик, — напомнил Майлз.

Наступило короткое молчание.

— Послушайте меня, прошу вас, — терпеливо заговорил Майлз. — Я уже повторял и буду повторять до тех пор, пока мои слова не дойдут до того, кому они предназначены. Я не могу осудить невинного человека: мои сыворотки истины мне не дадут. Лэм может себя оправдать! Скажите ему это, ладно? Пожалуйста!

Женщина встревожилась.

— Я... не видела его, милорд.

— Но можете увидеть.

— Да? А могу и не увидеть.

Она бросила стремительный взгляд на Пима, но сразу же отвела глаза, словно обжегшись о вышитые серебром монограммы Форкосиганов на воротнике его мундира. Кейрел вынес на крыльцо зажженные фонари, но по-прежнему держался в отдалении.

— Мадам, — напряженно проговорил Майлз, — граф, мой отец, приказал мне расследовать убийство вашей внучки. Если ваш сын столько для вас значит, как может

так мало значить его ребенок? Она была... ваша первая внучка?

Морщины на лице женщины обозначились еще резче.

— Нет, милорд. У старшей сестры Лэма уже двое. Они-то в порядке, — добавила она многозначительно.

Майлз вздохнул:

— Если вы и правда верите, что ваш сын невиновен в этом преступлении, вы должны помочь мне это доказать. Или... вы сомневаетесь?

Женщина тревожно заерзала, и в глазах ее промелькнула неуверенность. Стало быть, и она ничего толком не знает, разрази ее гром! Бесполезно применять к ней суперпентотал... От этого чудо-средства пока никакого проку.

— Уйдем, ма, — снова позвал юноша. — Не трать сил понапрасну. Лорд-мутант приехал сюда для убийства, оно им необходимо. Это все спектакль.

«Чертовски верно, — подумал Майлз. — А это, стало быть, один из братцев обвиняемого... Сообразительный олух».

Матушка Журик позволила своему рассерженному сыну увести себя, но уже на ступеньках остановилась и горько бросила через плечо:

— Вам все это так просто, да?

«У меня голова от этого разламывается», — подумал Майлз.

Но неприятности этого вечера еще не закончились.

Голос, долетевший из темноты, был низким и скрипучим:

— Не смей мне приказывать, Зерг Кейрел. У меня есть право поглядеть на этого лорда-мутанта.

Новая посетительница была высокая и жилистая, а принаряжаться ради этого визита явно не входило в ее намерения. Она казалась живым воплощением ненависти — вся целиком, до кончика длинной седой косы, змеившейся по костлявой спине.

Стряхнув руку Кейрела, пытавшегося ее удержать, старуха зашагала к сидевшему в свете фонарей Майлзу.

— Э-э... Это матушка Маттулич, милорд, — представил ее Кейрел. — Мать Харры.

Майлз поднялся на ноги, заставив себя коротко кивнуть.

— Мое почтение, мадам.

Он с раздражением заметил, что ниже старухи на целую голову. Когда-то она, наверное, была одного роста с Харрой, но годы уже начали пригибать ее к земле.

Матушка Маттулич молча уставилась на Майлза. Судя по чуть заметным черноватым пятнам вокруг рта, она имела привычку жевать листья гумми; у нее и сейчас двигалась челюсть, работая над очередной порцией. Старуха рассматривала сына графа открыто, не прячась и не пытаясь извиняться, обводя взглядом его голову, шею, сгорбленную спину, короткие и кривые ноги. Казалось, эти глаза видят его насквозь, вплоть до каждого из заживших переломов на хрупких костях. Под ее горящим взглядом голова Майлза пару раз дернулась в неуправляемом нервном тике, так что он, наверное, показался зрителям припадочным — ему не сразу удалось с собой справиться.

— Ладно, — резко произнес Кейрел, — посмотрела — и хватит. А теперь уходи. — Он вытянул руку, извиняясь перед Майлзом. — Мара из-за всего этого совсем обезумела, милорд. Простите ее.

— Вы потеряли единственную внучку, — проговорил Майлз, пытаясь сочувствовать. — Мне понятно ваше горе, мадам. Но маленькая Райна получит правосудие. Я в этом поклялся.

— Откуда теперь возьмется правосудие? — хрипло бросила старуха. — Слишком поздно! Поздно, лордик-мутант. Для чего мне теперь ваше проклятое правосудие?

— Замолчи, Мара! — снова приказал Кейрел. Нахмурившись и крепко сжав губы, он решительно увел старуху с крыльца.

Гости, не успевшие разойтись, расступались перед нею с почтением — все, кроме двух худых подростков, державшихся на краю толпы: те отпрянули, словно от ядовитой твари. Их лица показались Майлзу знакомыми, и

он сообразил, что эти ребята — тоже представители семейства Журик. Значит, противостоит ему не банда двухметровых громил, а стайка мальчишек. Но это открытие вовсе не успокоило Майлза. Судя по внешности этих молодых горцев, они, если понадобится, способны напасть со стремительностью хорька.

Было около полуночи, когда вечернее развлечение наконец подошло к концу, и последние гости Кейрела удалились в лес с зажженными фонарями. Починенный и подзаряженный приемник был унесен владельцем, горячо благодарившим старосту. Пим устроил мальчишек Кейрела в палатке, последний раз обошел дозором вокруг дома и присоединился к Майлзу и Ди на чердаке. Матрасы были набиты свежим пахучим сеном из местных трав, и Майлз горячо надеялся, что у него не окажется на них аллергии. Матушка Кейрел хотела уступить графскому сыну свою собственную спальню, изгнав себя и мужа все на то же крыльцо, но, к счастью, Пим сумел убедить ее, что уложить лорда на чердаке между слугой и врачом — разумнее с точки зрения безопасности.

Ворочаясь на своем матрасе, Майлз снова и снова перебирал в уме события дня. Не действовал ли он чересчур медленно, слишком нерешительно? Когда имеешь дело с превосходящими неприятельскими силами, осторожность — не лучшая тактика. Но, с другой стороны, бессмысленно бросаться в атаку на болоте: это так красиво продемонстрировал на летних учениях его собрат-кадет и кузен Айвен. Понадобилось вызывать вездеход на воздушной подушке с краном, чтобы вытащить шестерых крупных, сильных, здоровых молодцев в полном полевом снаряжении из клейкой черной грязи. Правда, Айвен мог утешиться тем, что снайпер «противника», которого они атаковали, свалился с дерева и повредил себе руку, ослабев от хохота. Наблюдатель присудил им ничью. Майлз потер руку, ухмыльнулся воспоминанию и, наконец, заснул.

Проснулся он от внезапной уверенности, что случилось что-то нехорошее. В синей темноте чердака мерцали

оранжевые отсветы. Тихо, стараясь не разбудить своих спутников, молодой человек поднялся и посмотрел вниз, в комнату. Свет шел из переднего окна.

Майлз босиком слез вниз и выглянул из дверей.

— Пим! — тихо позвал он.

Сержант проснулся мгновенно.

— Милорд?

— Тихо спускайся. Захвати парализатор.

Уже через секунду Пим стоял рядом с Майлзом: он спал, не снимая брюк, положив кобуру с парализатором и ботинки у изголовья.

— Что за черт?.. — пробормотал он, тоже выглядывая на улицу.

Свет испускал брошенный на крышу их палатки смолистый факел. Пим кинулся было к двери, но остановился. Палатка была армейская, из несгораемой ткани, и спавшим внутри детям ничто не грозило. Но знал ли об этом тот, кто бросил факел? Что это — какой-то магический обряд или на редкость неумелое нападение? Будь палатка обычной, брезентовой... Майлз вздрогнул, представив распускающееся смертоносным цветком пламя.

Пим выхватил из кобуры парализатор:

— Давно это?

— Трудно сказать. Могло гореть минут десять, прежде чем я проснулся.

Сержант вздохнул, покачал головой и с оружием на изготовку шагнул с крыльца в позолоченную огнем темноту.

— Неприятности, милорд? — прозвучал встревоженный голос Кейрела, и он появился в дверях спальни.

— Возможно. — Майлз остановил старосту. — Пускай сначала Пим все осмотрит и даст сигнал, что поблизости все чисто. Вашим мальчикам безопаснее побыть внутри палатки.

Кейрел выглянул в окно, охнул и разразился проклятиями.

Через несколько минут вернулся сержант.

— На километр вокруг — никого, — коротко доложил он. Староста притащил ведро воды и плеснул на факел. Тот зашипел и погас.

— Наверное, мне не следовало предлагать им свою палатку, — сдавленным голосом проговорил Майлз. — Я глубоко сожалею, староста Кейрел. Я не подумал.

— Этого не должно... — Кейрел трясся от гнева и запоздалого испуга, — этого не должно было произойти, милорд. Я... я прошу у вас прощения за Лесную Долину.

Он беспомощно повернулся, вглядываясь в темноту. Даже усыпанное звездами ночное небо теперь казалось угрожающим.

Мальчишки проснулись и, узнав новость, хором заявили, что все просто великолепно. Они хотели вернуться в палатку и устроить засаду в ожидании следующего убийцы, но матушка Кейрел уволокла их в дом и уложила в гостиной. Понадобился целый час, чтобы они перестали жаловаться на несправедливость и снова заснули.

Но Майлз, взвинтившийся чуть ли не до истерики, заснуть не мог. Он неподвижно лежал на своем матрасе и прислушивался к похрапыванию Ди и мерному дыханию сержанта, который из вежливости притворялся спящим.

Майлз как раз собирался предложить Пиму бросить валять дурака и провести остаток ночи на крыльце, когда тишину разорвал пронзительный, нечеловеческий крик.

Он доносился с улицы.

— Лошади! — С колотящимся сердцем Майлз рывком вскочил с матраса и скользнул на лестницу. Пим обогнал его, спрыгнув с чердака прямо вниз, упруго приземлился и первым очутился в дверях. Там он, охранник до мозга костей, обернулся и попробовал запихнуть Майлза обратно в дом. Майлз чуть не укусил его.

— Иди, черт тебя побери! Я вооружен!

Оставив свои благие намерения, Пим выбежал во двор. Навстречу им из темноты шарахнулось какое-то массивное фыркающее существо; это вырвалась на свободу соло-

вая. Ночь вновь разорвал вопль, донесшийся оттуда, где были привязаны остальные лошади. Пим бросился к коновязи.

— Дурачок?! — в ужасе позвал Майлз.

Подобных криков ему не доводилось слышать с тех пор, как в Форкосиган-Сюрло сгорел сарай, где была заперта лошадь.

— Дурачок!

Раздался еще один вопль, а потом такой звук, словно где-то рядом раскололся арбуз. Пим попятился, шатаясь и с всхлипыванием втягивая в себя воздух, потом споткнулся и упал. Убит? Нет, скорее ранен — судя по тому, что между громкими вздохами ему удавалось отчаянно чертыхаться. Майлз опустился на колени и ощупал его голову. К счастью, удар лошадиного копыта пришелся не по голове, а по грудной клетке. У охранника только дыхание перехватило, да, может, треснуло ребро. Майлз, действуя более осмотрительно, забежал к коновязи спереди.

— Дурачок!

Толстый Дурачок храпел и натягивал уздечку, пытаясь встать на дыбы; в темноте блеснули его сверкающие белками глаза.

— Дурачок, что с тобой? Что случилось?

Левой рукой Майлз схватился за уздечку, а правой коснулся шеи своего четвероногого приятеля. Конь вздрогнул, но перестал рваться и встал, весь дрожа, потом потряс головой. Лицо и грудь Майлза вдруг покрылись каплями чего-то темного и горячего.

— Ди! — заорал Майлз. — Ди!

Сразу шесть человек скатились с крыльца во двор, и ни один из них не сообразил принести свет... Нет, между пальцами доктора Ди вспыхнул холодный огонек люминофора, а матушка Кейрел все еще пытается зажечь фонарь...

— Ди, несите этот чертов свет сюда! — взвизгнул Майлз и замолчал, стараясь опустить голос на октаву ниже, до тщательно отработанного командирского тембра.

Врач подбежал к нему, осветил Майлза и ахнул, бледнея:

— Милорд! Вас ранили?

При свете люминофора темная жидкость, залившая рубашку Майлза, сверкнула алым.

— Не меня, — ответил Майлз, в ужасе глядя на свою грудь. Опять, как было когда-то, его одежда пропитана кровью друга... Он похолодел, вспомнив смерть сержанта Ботари, которого заменил Пим. Заменил? Никто и никогда не сможет заменить Ботари.

— Пим? — позвал Ди.

С травы в нескольких метрах от них донесся хриплый вздох, прерываемый проклятиями.

— С ним ничего страшного, — сказал Майлз. — Его лягнула лошадь. Несите ваш чемоданчик!

Он отлепил пальцы доктора от холодного огня, и Ди помчался обратно на чердак.

Осветив Дурачка, Майлз сдавленно чертыхнулся: на блестящей шкуре виднелся огромный порез сантиметров тридцать длиной и неизвестно какой глубины. Кровь пропитала шерсть и ручейком стекала по передней ноге. Майлз попробовал стянуть края пореза, но упругая шкура выскальзывала из рук. Рана обильно кровоточила всякий раз, когда Толстый Дурачок от боли мотал головой. Майлз схватил коня за нос:

— Стой спокойно, мальчик!

Кто-то пытался перерезать Дурачку яремную вену — и чуть не перерезал. Дурачок, доверчивый, дружелюбный Дурачок, не отстранился от человека, пока боль не стала нестерпимой.

Когда вернулся доктор, Кейрел уже помог Пиму встать. Майлз подождал, пока Ди осмотрит сержанта, потом позвал его к себе.

Сын старосты, потрясенный не меньше Майлза, помогал удерживать коню голову.

— Я сдавал труднейшие экзамены, — вполголоса причитал Ди. — Я опередил двадцать шесть претендентов на должность личного врача премьер-министра. Я умею ока-

зывать экстренную помощь в семидесяти различных вариантах, начиная от коронарного тромбоза и кончая покушением на жизнь. Но никто, никто не предупреждал меня, что в мои обязанности будет входить штопка лошадиной шеи, да еще среди ночи, в какой-то глухой деревушке...

Но, жалуясь, он продолжал работать, а Майлз в это время нежно гладил Дурачку нос, стараясь успокоить несчастное животное. Наконец Дурачок немного расслабился и опустил свой слюнявый подбородок хозяину на плечо.

— Лошадям делают обезболивание? — тоскливо спросил Ди.

— Этой — делают, — отрезал Майлз. — Лечите его, как человека, доктор. Это последнее животное, которое лично дрессировал граф, мой дедушка. Он дал ему имя. Мы вместе обучали его. Дед заставлял меня брать его на руки в течение недели после рождения, пока он не стал слишком велик. Лошади — животные привычки, говорил дед, и никогда не забывают первых впечатлений. С тех пор Дурачок навсегда уверился, что я больше, чем он.

Ди вздохнул, сделал анестезирующую инъекцию, промыл рану, присыпал антибиотиком и заклеил биоклеем. Ловкой рукой хирурга он быстро сбрил шерсть по краям раны и закрепил защитную сетку.

— Порез чистый, — сказал Ди. — Жаль только, что кожа здесь все время будет перегибаться... Наверное, в этом положении мы не сможем его обездвижить? Конечно, не сможем. Ну все. Если бы это был человек, я сейчас посоветовал бы ему отдыхать.

— Он будет отдыхать, — твердо пообещал Майлз. — Он теперь поправится?

— Наверное. Откуда мне, к черту, знать? — Тон у доктора был крайне недовольный.

— Генерал Петер, — заверил его Майлз, — был бы в восторге от вашей работы. — Говоря это, он представлял, как дед фыркает: «Чертовы технократы. Те же ко-

новалы, только игрушечки у них подороже». — Вы... э-э... никогда не встречались с моим дедом?

— Я его не застал, милорд, — ответил Ди, немного оттаяв. — Но, конечно, я изучал его биографию и кампании.

— Конечно.

Пим уже взял ручной фонарь и ковылял в сопровождении старосты. Описывая расходящуюся спираль вокруг привязанных лошадей, он осматривал землю в поисках следов. Старший сын Кейрела поймал соловую кобылу, привел обратно в стойло и привязал; при свете люминофора было видно, что ее уздечка оборвана, а не перерезана. Выбрал ли таинственный противник свою жертву случайно или намеренно? Напали ли на Дурачка просто как на символ его хозяина, или ночной гость знал, как страстно Майлз любит свою лошадь? Это хулиганство, политический жест или точно направленная жестокость?

«Что я тебе сделал?» — мысленно завыл Майлз в окружающую тьму.

— Кто бы это ни был, они улизнули, — доложил Пим. — Когда я отдышался, они уже были за пределами действия сканера. Я приношу свои извинения, милорд. На землю, похоже, ничего не уронили.

Да, сейчас бы очень пригодился нож, рукоятка которого измазана кровью с четкими отпечатками пальцев. Майлз вздохнул.

Неслышно приблизилась матушка Кейрел и стала наблюдать, как Ди чистит и укладывает свои приборы и инструменты.

— И все это для лошади, — чуть слышно пробормотала она.

Майлз с трудом удержался, чтобы не кинуться доказывать ценность этой конкретной лошади. Сколько раз за свою жизнь эта женщина видела, как ее односельчане страдали и умирали из-за отсутствия даже такой несложной медицинской техники, какая умещалась в чемоданчике доктора Ди?

* * *

Сидя на крыльце, Майлз наблюдал, как разгорается рассвет. Он сменил рубашку и вымылся. Пим был в доме — ему перетягивали ребра. Майлз сидел спиной к стене, положив на колени парализатор. Ночной мрак постепенно становился серым. Сквозь туман проступали холмы. Прямо над головой серый туман редел, уступая место бледно-голубому цвету. День обещал быть ясным и жарким.

Да, конечно же, пора вызывать полицию из Хассадара. Дело становится слишком странным. Вот уже и Пим наполовину выведен из строя — правда, это сделала лошадь Майлза, а не таинственный противник. Но хоть ночные нападения и не привели к чьей-то смерти, это не значит, что так и было задумано. Возможно, третья попытка окажется более удачной... На ошибках учатся.

Майлз чувствовал себя на грани нервного срыва. Как он позволил какой-то лошади стать таким мощным рычагом его эмоций? Так не годится, это совершенно недопустимо... Но ведь Дурачок — одна из воистину невинных душ! Тут он вспомнил еще одну невинную участницу этого дела и вздрогнул. «Жестоко, это было так жестоко, милорд!..» Пим прав, этот кустарник вполне может кишеть убийцами.

Эге, а в кустах действительно кто-то есть! Вон там видно движение: ветка качается, задев... кого или что? У Майлза сжалось сердце. Он переключил парализатор на полную мощность, неслышно скользнул с крыльца и начал слежку, пользуясь прикрытием высокой травы там, где ее вчера не затоптали гости. Пригнувшись, шаг за шагом он осторожно подбирался к кустам. Вот уже в тумане прорисовалась какая-то фигура.

Худой невысокий парень понуро стоял около лошадей, глядя на дом Кейрела. Он простоял почти две минуты, не двигаясь, и все это время Майлз держал его на прицеле парализатора. Если этот тип посмеет сделать хоть одно движение в сторону Дурачка...

Парень потоптался на месте, потом присел на корточки, по-прежнему не спуская глаз с жилья старосты.

Вот он вытащил что-то из кармана своей широкой куртки, и палец Майлза напрягся на спусковом крючке... Но незнакомец поднес загадочный предмет ко рту и откусил. Яблоко. Ветерок донес до Майлза хруст и слабый аромат яблочного сока. Парень съел почти половину, потом остановился, словно о чем-то задумался. Майлз проверил, легко ли достается нож из ножен на поясе. А Дурачок расширил ноздри и тихонько заржал, привлекая внимание молодого человека. Тот встал и пошел к лошади.

У Майлза в ушах стучала кровь, рука с оружием напряглась и вспотела. Молодой человек отдал Дурачку свое яблоко. Лошадь с аппетитом схрупала гостинец, потом двинула бедром, подняла копыто и глубоко вздохнула. Если бы Майлз не видел, что парень сам ел это яблоко, он бы выстрелил... Человек потянулся потрепать коня по шее, но изумленно отдернул руку, когда пальцы его наткнулись на сделанную доктором Ди наклейку. Дурачок тревожно замотал головой. Молодой человек почесал ему между ушами, последний раз посмотрел в сторону дома, сделал глубокий вдох, шагнул вперед, увидел Майлза и замер.

— Лэм Журик? — спросил Майлз.

Молчание. Неловкий кивок.

— Лорд Форкосиган?

Майлз тоже кивнул.

Журик с трудом сглотнул и дрожащим голосом выговорил:

— Лорд-фор, вы держите слово?

Какое странное начало... У Майлза брови поползли вверх.

— Да. Ты сдаешься?

— Да и нет, милорд.

— Так да или нет?

— С условием, лорд. И мне нужно ваше слово, что вы его выполните.

— Если ты убил Райну...

— Нет, лорд. Клянусь! Я не убивал.

— Тогда тебе нечего меня бояться.

Губы Лэма растянулись в улыбке. Неужели этот горец смеется над ним? Да как он смеет...

— Ах, лорд, — выдохнул Журик, — хотел бы я, чтобы это было так. Но я ведь должен доказать это Харре. Вы должны заставить ее поверить мне, лорд!

— Сначала заставь поверить меня. К счастью, это нетрудно. Повтори под суперпентоталом то, что сейчас сказал, и я буду считать, что ты оправдан.

Журик покачал головой.

— Почему? — терпеливо спросил Майлз.

То, что подозреваемый пришел сам, — важное, хотя и косвенное, свидетельство его невиновности. Если только он не вообразил, что сможет обмануть сыворотку. Майлз решил быть терпеливым — по крайней мере еще три или четыре секунды. А потом, Бог свидетель, он его парализует, затащит в дом, свяжет, пока парень не придет в себя, и разберется с этим делом еще до завтрака.

— Это средство... говорят, что ничего нельзя утаить.

— Если бы можно было, оно было бы ни к чему.

Журик секунду подумал.

— Ты хочешь скрыть какое-то менее серьезное преступление? В этом твое условие? Что ж, думаю, я могу заранее простить тебя. Конечно, если это не убийство.

— Нет, лорд. Я никогда никого не убивал!

— Тогда мы договоримся. Потому что, если ты невиновен, я хочу убедиться в этом как можно скорее.

— Здесь-то и трудность, милорд. — Журик потоптался на месте, потом решительно выпрямился. — Ладно, я согласен на вашу сыворотку. И отвечу на все вопросы, какие вы захотите задать. Но вы должны обещать — клятвенно! — что не будете спрашивать меня о... о чем-то еще. О ком-то еще.

— Ты знаешь, кто убил твою дочь?

— Не наверняка. — Журик вызывающе вскинул голову. — Я этого не видел. Но я догадываюсь.

— Я тоже догадываюсь.

— Это ваше дело, лорд. Но не заставляйте меня быть доносчиком. Больше я ни о чем не прошу.

Майлз вложил парализатор в кобуру и потер подбородок.

— Гм... — Он чуть заметно улыбнулся. — Признаюсь, было бы изящнее... решить задачу путем логики и дедукции, а не грубой силой. Даже такой мягкой силой, как суперпентотал.

Журик мотнул головой:

— Я не понимаю, о чем вы толкуете, милорд. Но я не хочу произносить имя убийцы.

Теперь Майлз уже знал разгадку, и ему осталось только выстроить цепочку доказательств — шаг за шагом, точно так же, как в пятимерной математике.

— Прекрасно. Я даю слово Форкосигана, что ограничу свои вопросы фактами, свидетелем которых был ты сам. Я не буду просить тебя делать предположения относительно других людей или событий, при которых ты не присутствовал. Ну, это тебя устроит?

Журик покусал губу.

— Да, лорд. Если вы сдержите слово.

— А ты испытай меня, — язвительно предложил Майлз, без комментария проглотив скрытое в последних словах оскорбление.

Журик проследовал за Майлзом через двор с видом осужденного, поднимающегося на эшафот. Их появление произвело фурор: Пим и Ди не могли понять, в чем дело, пока Майлз не объявил:

— Доктор Ди, доставайте свой суперпентотал. Лэм Журик пришел с нами поговорить.

Он провел Журика к стулу, и горец сел, сжав руки на коленях. Пим с багрово-лиловым синяком на груди, проглядывавшим под белой повязкой, взял свой парализатор и отступил назад.

Роясь в чемоданчике, доктор вполголоса поинтересовался:

— Как вы этого добились?

Майлз вытащил из кармана кусочек сахара, поднял его и ухмыльнулся сквозь букву «С», составленную из большого и указательного пальца. Ди фыркнул, но с невольным уважением поджал губы.

Когда у его руки зашипел инъектор, Лэм испуганно поежился.

— Считайте от десяти до нуля, — велел Ди. Дойдя до трех, Лэм расслабился, а на нуле — захихикал.

— Кейрел, матушка Кейрел, Пим, подойдите ближе, — распорядился Майлз. — Вы — мои свидетели. Мальчики, отойдите в сторону и молчите. Прошу меня не прерывать.

Майлз начал задавать предварительные вопросы, цель которых — установить ритм беседы и протянуть время, пока суперпентотал не подействует в полную силу. Медикаментозный допрос с суперпентоталом входил в курс военной разведки, который Майлз слушал в академии. Как ни странно, снадобье действовало именно так, как им рассказывали.

— Ты вернулся к себе домой в то утро, когда ночевал у родителей?

— Да, милорд, — улыбнулся Лэм.

— Примерно когда?

— В середине утра.

Часов здесь ни у кого не было, и на более точный ответ рассчитывать не приходилось.

— Что ты сделал, когда пришел?

— Позвал Харру. А ее не оказалось. Я испугался, не ушла ли она. Подумал — она меня бросила. — Лэм икнул. — Мне нужна моя Харра.

— Подожди. Малышка спала?

— Спала. Она проснулась, когда я позвал Харру. Такой рев сразу подняла — просто мороз по коже.

— Что ты тогда сделал?

Лэм широко раскрыл глаза.

— У меня молока нет. Ей нужна была Харра. Я ей ничем помочь не мог.

— Ты взял ее из колыбельки?

— Нет, милорд. Я ж ей ничем помочь не мог. Да и Харра не позволяла мне до нее дотрагиваться. Говорила — вдруг я ее уроню, или еще что.

— Ты ее не встряхнул, чтобы она замолчала?

— Нет, лорд, я оставил ее лежать. Я пошел по тропинке вниз, искать Харру.

— А потом ты куда пошел?

Лэм моргнул:

— К сестре. Я обещал помочь возить бревна для нового дома. Белла — еще одна моя сестра — выходит замуж, и...

Он ударился в несущественные подробности, как и положено для суперпентотала.

— Остановись, — приказал Майлз, и Лэм послушно замолчал, чуть покачиваясь на стуле. Майлз тщательно обдумал следующий вопрос. Опасная черта слишком близко.

— Ты кого-нибудь встретил на тропинке? Отвечай «да» или «нет».

— Да.

— Кого? Спросите его, кого! — зашептал взволнованный врач.

Майлз предупреждающе поднял руку.

— Отлично. Можете вводить нейтрализатор, доктор Ди.

— Разве вы не собираетесь об этом спросить? Это же чрезвычайно важно!

— Не могу. Я дал слово. Вводите нейтрализатор, доктор!

Озадаченный Ди прижал инъектор к запястью пациента, и уже через несколько секунд полузакрытые глаза Лэма распахнулись. Он выпрямился на стуле, растирая себе руку и лицо.

— Кого вы встретили на тропинке? — напрямую спросил Ди.

Лэм не ответил и посмотрел на Майлза, ожидая помощи.

Ди тоже на него посмотрел:

— Почему вы не захотели его спрашивать?

— Потому что мне это не нужно, — сказал Майлз. — Я совершенно точно знаю, кого Лэм встретил на тро-

пинке и почему он пошел дальше, а не вернулся. Человек, который шел ему навстречу, убил Райну. Как я очень скоро докажу. И — засвидетельствуйте мои слова, вы, Кейрел, и вы, матушка Кейрел, — эта информация получена не от Лэма. Подтвердите!

Кейрел медленно кивнул:

— Понимаю, милорд. Вы... очень добры.

Майлз взглянул ему прямо в глаза, напряженно улыбаясь:

— А когда для вас тайна перестала быть тайной?

Кейрел покраснел и минуту не отвечал. Потом он сказал:

— Вы можете продолжать так, как начали, милорд. Сдается мне, теперь уже поздно идти на попятную.

— Да, вы правы.

Майлз послал гонцов: матушку Кейрел в одном направлении, Зеда — в другом, Кейрела и его старшего — в третьем. Пим и Ди приглядывали за Лэмом. Жена старосты вернулась первой, ведя за собой матушку Журик и двух из ее сыновей.

Мать кинулась к Лэму и обняла его. Младшие братья держались позади, но Пим уже занял позицию между ними и дверью.

— Все в порядке, ма, — похлопал ее по спине Лэм. — По крайней мере со мной все в порядке. Я чист. Лорд Форкосиган мне верит.

Не выпуская руки Лэма, женщина сердито посмотрела на Майлза.

— Но ты ведь не дал лорду-мутанту напичкать тебя своим ядом?

— Это не яд, — поправил ее Майлз. — На самом деле эта штука спасла жизнь вашему сыну, так что вернее было бы считать ее лекарством. Однако, — тут он сурово повернулся к двум младшим братьям Лэма и скрестил руки на груди, — я хотел бы знать, кто из вас, юных идиотов, бросил этой ночью мне на палатку факел?

Младший из двоих побледнел. Тот, что постарше, успел издать возмущенный возглас, но, заметив лицо брата, замолк на полуслове.

— Ты?! — в ужасе прошипел он.

— Не бросал я, — заныл младший. — Никто не бросал!

Майлз поднял брови. Наступило короткое напряженное молчание.

— Ну, пусть тогда этот никто извиняется перед старостой и матушкой Кейрел, — проговорил Майлз, — поскольку это их сыновья спали в палатке. Я с моими людьми ночевал на чердаке.

Мальчишка в ужасе открыл рот. Самый младший из сыновей Кейрела раздулся от гордости и важно прошептал:

— Ты, Доно! Идиотина, ты что, не знал, что палатка не загорится? Это же настоящая армейская!

Майлз заложил руки за спину и пронзил Куриков ледяным взглядом:

— Это было покушение на жизнь наследника вашего графа, что по закону считается таким же преступлением, как покушение на самого графа, и карается смертной казнью. Или, может, Доно об этом не подумал?

Тут никакого суперпентотала не требовалось: парень совершенно не умел врать. Матушка Журик, не отпуская Лэма, схватила теперь за руку и Доно. В эту минуту она походила на курицу, застигнутую грозой и старающуюся спрятать под крыльями весь свой многочисленный выводок.

— Я не пытался вас убить, лорд! — в смятении воскликнул Доно.

— А что же ты тогда пытался сделать?

— Вы же ловили моего брата Лэма. Я хотел заставить вас уехать. Хотел спугнуть вас. Я не думал, что кто-то взаправду пострадает... Ведь это же была только палатка!

— Насколько я понял, ты еще никогда не видел пожара. А вы видели, матушка Журик?

Мать Лэма растерянно кивнула, явно разрываясь между стремлением защитить сына и желанием отлупить его.

— Ну так вот, если бы не случайность, ты мог бы убить или ужасно покалечить трех своих друзей. Пожалуйста, поразмысли над этим. Ввиду твоего малолетства

и... э-э... явной умственной отсталости я не буду выдвигать обвинения в предательстве своего сюзерена. Вместо этого староста Кейрел и твои родители будут в дальнейшем отвечать за твое хорошее поведение и решат, как тебя следует наказать.

Матушка Журик растаяла от облегчения и благодарности, а у Доно вид был такой унылый, словно он предпочел бы расстрел. Брат ткнул его в бок и прошептал:

— Умственно отсталый!

Тут матушка Журик отвела душу, закатив дразнилке звонкую оплеуху.

— А как насчет лошади, милорд? — напомнил Пим.

— В том деле я их не подозреваю, — медленно ответил Майлз. — Попытка поджечь палатку — просто ребячья глупость. А это — совсем другое...

Зед, которому разрешили воспользоваться лошадью Пима, вернулся с Харрой. Женщина вошла в дом, увидела своего мужа и остановилась, пристально глядя на него. Лэм стоял перед ней, опустив руки, с обидой в глазах.

— Так, лорд, — произнесла Харра, — значит, вы его поймали...

— Не совсем, — ответил Майлз. — Он сам пришел сюда. Он сделал заявление под действием суперпентотала и оправдан. Лэм не убивал Райны.

Харра поворачивалась то в одну, то в другую сторону.

— Но я видела, что он там был! Он оставил свою куртку и забрал с собой свою лучшую пилу и рубанок. Я знаю, что он возвращался, пока меня не было. Ваша сыворотка неправильная!

Майлз покачал головой:

— Сыворотка подействовала прекрасно. А вот ты ошибаешься. Лэм действительно заходил в твое отсутствие, но, когда он ушел, Райна была жива и громко плакала. Убийца — не Лэм.

Харра покачнулась.

— Тогда кто же?

— По-моему, ты догадываешься, но изо всех сил стараешься этого не признавать. Вот откуда твоя на-

стойчивость. Пока ты не позволяла себе усомниться в том, что убийца — Лэм, тебе не надо было думать о других вариантах.

— Но кому еще было до этого дело? — воскликнула Харра. — Кто еще дал бы себе труд?..

— Действительно, кто? — вздохнул Майлз.

Он подошел к окну и выглянул во двор. Туман почти рассеялся под ярким утренним солнцем. Внезапно лошади перестали есть и забеспокоились.

— Доктор Ди, приготовьте, пожалуйста, вторую дозу суперпентотала.

Майлз повернулся и прошел к очагу, где еще теплились угли; их слабый жар приятно прогревал его кривую спину.

Ди озирался по сторонам, держа в руке инъектор. Он явно не понимал, кто должен стать его следующей жертвой.

— Милорд?

— Разве вам это не очевидно, доктор? — небрежно спросил Майлз.

— Нет, милорд, — с негодованием отозвался Ди и насупился.

— А тебе, Пим?

— Не совсем, милорд, — промямлил телохранитель, и его взгляд вместе с парализатором неуверенно обратился к Харре.

— Наверное, это потому, что вы оба не были знакомы с моим дедом, — задумчиво произнес Майлз. — Он умер как раз перед тем, как вы поступили на службу к отцу, Пим. Граф Петер Форкосиган родился в самом конце Периода Изоляции; на его глазах прошли все мучительные перемены, которые выпали Барраяру за эти сто лет. Деда называли последним из старых форов, но на самом деле он был первым из новых. Он менялся вместе со временем — от кавалерийских эскадронов до звеньев флайеров, от шпаг до ядерного оружия — и менялся успешно. Наша сегодняшняя свобода — верное свидетельство того, как яростно он умел приспосабливаться,

а потом отбрасывать все и приспосабливаться снова. В конце жизни деда считали консерватором, но только потому, что очень многие на Барраяре обогнали его, промчавшись мимо в том самом направлении, куда он вел, толкал, тянул и указывал всю свою жизнь. Он менялся, и приспосабливался, и гнулся под ветром перемен. А потом, когда генерал состарился, — ведь мой отец был его младшим сыном и единственный остался в живых, а женился только в зрелом возрасте, — на него обрушился я. И ему надо было снова меняться. А он уже не мог. Дед умолял, чтобы моя мать сделала аборт. Ведь они заранее более или менее точно узнали, как будет поврежден эмбрион. Мои родители и генерал пять лет после моего рождения были в ссоре. Они не встречались, не разговаривали, не имели друг с другом связи. Когда отец стал регентом, он поселился в императорском дворце, и все думали, что адмирал Форкосиган подбирается поближе к трону. На самом деле им с матерью было негде больше жить — граф, мой дед, запретил отцу пользоваться особняком Форкосиганов. Такой вот скандал в благородном семействе... У нас в роду по наследству переходят язвы желудка — мы их дарим друг другу.

Майлз прошелся к окну и выглянул.

— Примирение наступило постепенно, когда стало ясно, что другого сына у моих родителей не будет, — продолжал он. — Никаких театральных сцен, конечно. Помогло то, что благодаря врачам я начал ходить. К тому же тесты показали мою сообразительность. А самое главное — дед никогда не видел, чтобы я сдавался.

Никто не осмелился прервать этот монолог, хотя на лицах слушателей отражалось почтительное недоумение. Майлз умолк, и в наступившей тишине громко прозвучали чьи-то шаги по дощатому настилу крыльца. Пим тихо вышел вперед и взял под прицел дверь.

— Доктор Ди, — сказал смотревший в окно Майлз. — Будьте добры ввести суперпентотал первому, кто войдет в дверь, — сразу же, как только этот человек появится.

— Вы не будете ждать согласия, милорд?

— На этот раз нет.

Дверь распахнулась, и врач шагнул вперед. Зашипел инъектор. Матушка Маттулич повернулась к Ди так резко, что подол ее рабочего платья хлестнул по икрам с набухшими венами.

— Ты посмел! — взвизгнула она, занося руку для удара.

Ди отпрянул, а старуха потеряла равновесие и покачнулась. Шедший за ней староста Кейрел подхватил ее и удержал.

— Ты посмел! — теперь уже взвыла матушка Маттулич, обернулась и увидела не только Ди, но и всех прочих — матушку Журик, матушку Кейрел, Лэма, Харру, Пима. Плечи у нее ссутулились, и тут начал действовать препарат. Старуха застыла на месте. Глупая ухмылка на ее жестком лице боролась с отчаянием.

От этой улыбки Майлза затошнило, но именно она и была ему нужна.

— Усадите ее, — велел он.

Старуху подвели к стулу, с которого так недавно встал Лэм Журик. Она отчаянно сопротивлялась действию сыворотки: приступы ярости сменялись вялым послушанием. Постепенно послушание взяло верх, матушка Маттулич обмякла и теперь только бессильно ухмылялась. Майлз тайком взглянул на Харру. Та стояла молчаливая и бледная, целиком отгородившись от окружающих.

...В течение нескольких лет после примирения Майлза не оставляли наедине с дедом без охранника. Сержант Ботари носил ливрею графа, но был предан одному только Майлзу. Он был единственным человеком, достаточно свирепым и бесстрашным (как некоторые говорили, достаточно безумным), чтобы противостоять самому великому генералу. Майлз решил, что незачем объяснять слушателям, какой именно случай заставил его родителей считать присутствие сержанта Ботари необходимой предосторожностью. Пусть незапятнанная репутация ге-

нерала Петера послужит его внуку — послужит так, как он сочтет нужным.

Лэм опустил голову.

— Если бы я знал... Если бы я вовремя догадался... Я бы не оставил их одних, милорд. Но я подумал, что бабушка о ней позаботится. Я не мог... я не знал, как...

Харра даже не взглянула на него.

— Давайте закончим с этим, — вздохнул Майлз.

Он снова назначил официальных свидетелей из числа собравшихся в комнате и предупредил, чтобы его не прерывали, поскольку это путает допрашиваемого. Облизав губы, он повернулся к старухе и повторил весь ряд стандартных нейтральных вопросов: имя, год рождения, имена родителей, факты биографии... Успокоить матушку Маттулич оказалось труднее, чем готового сотрудничать Лэма — ее ответы были неровными, отрывистыми, и Майлз с трудом подавил нетерпение. Несмотря на кажущуюся легкость, допрос с суперпентоталом требует от следователя умения и выдержки. Сейчас нельзя рисковать. Постепенно он подошел к первым важным вопросам.

— Где вы были, когда родилась Райна?

Голос старухи звучал теперь тихо и плавно, даже сонно.

— Роды начались ночью. Лэм пошел за Джин, повитухой. Сын повитухи должен был позвать меня, но заснул. Я туда попала только утром, и было уже поздно. Они все видели.

— Что видели?

— Кошачий рот, гадкую мутацию. Чудовище! Их надо вырезать. Гадкий человечишка. — Майлз понял, что последние слова относились к нему. Старуха не сводила с него завороженных глаз. — Мутанты рождают новых мутантов, они плодятся, плодятся... Я видела, как ты смотришь на наших девушек. Ты хочешь сделать им мутантов, заразить нас всех...

Пора возвращать ее к главному.

— Вы когда-нибудь оставались с младенцем после этого?

— Нет. Джин — она от нее не отходила. Джин меня знает, она понимала, чего я хочу. Не ее дело, проклятой. И Харра тоже все время тут вертелась. Харра не должна... С чего это она так легко отделается? Зараза-то ведь в ней. Наверное, получила от своего отца, я спала только с ее отцом — и они все оказались плохие, кроме одной-единственной.

Майлз моргнул:

— Кто оказался плохой?

Кейрел сжал губы. Поймав на себе взгляд Майлза, староста уставился в пол, словно устраняясь от всего происходящего. Лэм и остальные парнишки слушали, разинув рты; Харра не шевелилась.

— Все мои дети, — сказала матушка Маттулич.

Тут Харра резко подняла голову. Глаза ее округлились.

— Харра была не единственным вашим ребенком? — спросил Майлз.

Очень трудно заставить свой голос звучать спокойно и хладнокровно, когда так и подмывает заорать. Ему хотелось сбежать отсюда...

— Конечно, нет. Я думала, она мой единственный чистый ребенок. Я так думала, но, значит, и в ней прятался яд. А я-то на коленях благодарила Бога, когда она родилась чистая. Наконец чистый ребенок, после стольких уродов, после такой боли... Я думала, мое наказание закончилось. Но, значит, она все-таки была мутант: тайный, хитрый...

— Сколько, — с трудом выдавил Майлз, — сколько у вас было детей?

— Четверо, не считая Харры, моей последней.

— И вы убили всех четверых?

Краем глаза он заметил, что староста медленно кивнул, все так же глядя в пол.

— Нет! — сказала матушка Маттулич. На миг сквозь туман суперпентотала прорезалось возмущение. — Двое уже родились мертвыми: первый и тот, весь перекрученный. А того, у которого было слишком много пальцев на руках и ногах, и того, с огромной головой, тех я выре-

зала. Вырезала. Моя мать — она проследила, чтобы я все сделала, как надо. Харра... Харра слишком легко отделалась. Я сделала все за нее.

— Так что на самом деле вы убили не одного младенца, а трех? — ледяным голосом спросил Майлз. Самые молодые из присутствующих — сыновья Кейрела и братья Журики — явно были в ужасе, а старшее поколение дружно прятало глаза. Да, они наверняка все знали.

— Убила? — сказала матушка Маттулич. — Нет! Я их вырезала. Так надо. Надо было сделать то, что положено. — Она гордо подняла голову, потом снова ее опустила. — Убила моих детей ради, ради... Я не знаю, ради кого. А теперь вы называете меня убийцей? Будьте вы прокляты! Какой мне теперь толк в вашем правосудии? Оно мне было нужно тогда! Где вы были тогда? — Старуха вдруг неожиданно разрыдалась, а потом столь же мгновенно пришла в ярость: — Если мои дети должны были умереть, то ее — тоже! Почему она должна так легко отделаться? Я ее избаловала... Я хотела, как лучше... я старалась делать, как лучше, это несправедливо...

Суперпентотал с этим не справлялся... Нет, решил Майлз, он все-таки действует, но ее чувства слишком сильны. А если увеличить дозу (с риском остановки дыхания), то эмоциональные пики выровняются, но признание не станет более полным. Его трясло, и он только надеялся, что окружающие этого не видят. Пора заканчивать.

— Почему вы сломали Райне шею, а не перерезали горло?

— Из-за Харры! Она не должна была знать, — объяснила матушка Маттулич. — Бедная девочка. Ей будет казаться, что мутант просто умер...

Майлз посмотрел на Лэма, на старосту Кейрела:

— Похоже, это мнение разделял еще кое-кто.

— Я не хотел, чтобы она услышала это от меня, — стойко повторил Лэм.

— Я надеялся уберечь ее от двойного горя, милорд, — сказал Кейрел. — Ей пришлось пережить такое...

Майлз встретился взглядом с Харрой.

— По-моему, вы все ее недооцениваете. Ваша чрезмерная мягкость оскорбительна для ее разума и воли. Она из стойкого рода, эта женщина.

Харра глубоко вздохнула, стараясь справиться с дрожью, и коротко кивнула, словно говоря: «Спасибо, человечек». Он ответно наклонил голову: «Да, я понимаю».

— Я еще не вынес окончательного решения по этому делу, — сказал Майлз, — но в одном я клянусь: время круговой поруки миновало. Больше не будет тайных ночных преступлений. Настал день. И кстати, о ночных преступлениях. — Он снова повернулся к матушке Маттулич: — Это вы пытались прошлой ночью перерезать горло моей лошади?

— Я, — охотно согласилась старуха. — И перерезала бы, но она все вставала на дыбы.

— В чем же виновата лошадь?!

Он не мог скрыть раздражения, хотя учебники рекомендовали вести допрос спокойным, ровным голосом.

— До тебя мне было не добраться, — просто ответила матушка Маттулич.

Майлз потер лоб и недоуменно пробормотал:

— Это что же, ритуальное убийство?

— Ты, ты, — проговорила старуха, и ее отвращение пробилось даже сквозь тошнотворный оптимизм суперпентотала, — ты хуже всех. Сколько я пережила, сколько было горя, и вот являешься ты. Нам всем в лорды дают мутанта и меняют все правила: мы преданы слабостью этой женщины из другого мира. Из-за тебя все это было зря. Ненавижу тебя. Грязный мутант...

Голос ее перешел в невнятное пьяное бормотание.

Майлз сделал глубокий вдох и обвел взглядом всех присутствующих. Стояла глубочайшая тишина, которую никто не решался нарушить.

— Полагаю, — сказал Майлз, — расследование можно считать законченным.

Тайна гибели Райны была раскрыта, но, к сожалению, оставалась еще проблема правосудия.

* * *

Он пошел прогуляться.

Кладбище было всего лишь вырубкой в лесу, но в утреннем свете оно превратилось в царство покоя и красоты. Искрясь на солнце, неумолчно журчал ручей, а легкий ветерок, разогнавший остатки ночного тумана, шептал в листве деревьев. Крошечные однодневки, которых на Барраяре все, кроме биологов, называли жуками, стрекотали в зарослях кустарников.

— Ну, Райна, — вздохнул Майлз, — что мне теперь делать?

Пим задержался на краю вырубки, чтобы не мешать.

— Ничего страшного, — успокоил Майлз крошечную могилку. — Пим и раньше застáвал меня за разговором с мертвыми. Наверное, он считает меня психом, но он слишком хорошо вышколен, чтобы сказать это вслух.

По правде говоря, выглядел Пим не слишком радостным и даже не совсем здоровым; Майлзу было немного стыдно, что он вынудил его к этой прогулке. Сейчас сержанту следовало бы лежать в постели. Но Пим страдал не только от боли в ребрах — он замолчал с того часа, как Майлз добился признания от матушки Маттулич. В этом не было ничего удивительного. Пим был готов к тому, что ему придется стать палачом мужчины-детоубийцы, но перспектива исполнения приговора над полоумной старухой заметно выбила его из колеи. Впрочем, Майлз не сомневался, что Пим выполнит любой его приказ.

Бродя по вырубке и изредка переворачивая камушки носком сапога, Майлз глядел на освещенный солнцем ручей и размышлял над причудами барраярского правосудия. Основной принцип ясен — дух важнее буквы, правда важнее процедуры. Прецедент считался менее важным, чем личное мнение судьи. Парадокс заключался в том, что судья не мог спрятаться за спасительными словами «закон гласит». Прозвучит голос только его, Майлза.

Да и кому поможет смерть полусумасшедшей бабки? Харре? Отношения матери и дочери уже получили смертельную рану, он прочел это в глазах обеих жен-

щин, но все же у Харры нет желания стать матереубийцей. Майлза это вполне устраивало: было бы трудновато сосредоточиться, если бы сейчас она стояла рядом, требуя мести... Хорошенькая награда за ее мужество. Райне? О! Это вопрос потруднее.

— Я бы с удовольствием уложил старую каргу прямо у твоих ног, маленькая леди, — пробормотал Майлз. — Ты бы этого хотела? Тебе это поможет?

Разве казнь старухи может стать тем приношением, какое он обещал? Таким, которое разнесется эхом по всей цепи Дендарийских гор? Должен ли он сделать этих людей марионетками в своем политическом спектакле? Или ему следует забыть о своей клятве? Он поднял камешек и с силой швырнул его в ручей.

Повернув назад, Майлз обнаружил, что на краю кладбища его дожидается староста. Они медленно подошли друг к другу.

— Такие-то дела, милорд, — сказал Кейрел.

— Вот именно, — отозвался Майлз.

— Вы пришли к какому-нибудь решению?

— Не совсем. — Майлз огляделся. — Если не приговаривать преступницу к смерти, это покажется издевкой над правосудием, и в то же время... Я не вижу, кому поможет ее смерть.

— Я тоже этого не знаю. Потому и старался все замять.

— Нет... — медленно проговорил Майлз, — нет, тут вы были неправы. Во-первых, это чуть не сгубило Лэма Журика — был момент, когда я уже хотел вызвать сюда полицию. И во-вторых, ваше молчание делало его убийцей в глазах собственной жены. Правда всегда лучше, чем ложь. Хоть немного, но лучше.

— Поначалу я не знал, чего от вас ждать, — признался Кейрел.

Майлз покачал головой.

— Я хотел бы вызвать перемены. Что-то сделать. Но теперь... Я не знаю.

Староста наморщил лоб.

— Но ведь мы меняемся.

— Слишком мало. Слишком медленно.

— Вы еще очень молоды, вот почему не видите, как сильно и как быстро. Посмотрите на разницу между Харрой и ее матерью! А если сравнить Мару Маттулич с ее родительницей... Вот уж была ведьма! — Староста содрогнулся. — Я ее прекрасно помню. А ведь она не была исключением — в свое время. Что там вызвать перемены! Да их уже не остановить, даже если кто попытается. Когда у нас наконец появится приемник спутниковой энергии и мы присоединимся к коммсети, с прошлым будет покончено. Как только дети увидят будущее, их будущее, они ринутся за ним. Старики, вроде матушки Маттулич, уже не имеют над ними власти. И старики это прекрасно понимают, не сомневайтесь. Как вы думаете, почему мы до сих пор не обзавелись хотя бы самой слабенькой установкой? Дело не только в деньгах — старики сопротивляются. Они называют это развратом, пришедшим из космоса, но на самом деле они просто боятся будущего.

— Сколько же еще надо сделать!

— Дела у нас неважнецкие, это верно. Но у нас есть надежда. Вы даже не представляете, как много сделали одним своим приездом.

— Ничего я не сделал, — горько сказал Майлз. — Только сидел да разговоры разговаривал. И сейчас, похоже, все кончится тем же. А потом уеду восвояси. Проклятие!

Староста поджал губы, посмотрел себе под ноги, потом вдаль, на вершины холмов.

— Вы каждую минуту что-то для нас делаете. Лорд-мутант. Вы что, невидимка?

Майлз осклабился.

— Кейрел, я — целый оркестр. Я — парад из одного человека!

— Как вы выражаетесь — «вот именно». Что ж, это хорошо. Простым людям нужны необычные примеры. Чтобы каждый сказал себе: ну, уж если он может вот это, то я, конечно же, могу вон то. И никаких оправданий.

— Да, никаких оправданий, никакой жалости. Мне эта игра знакома, я играю в нее всю жизнь.

— По-моему, — сказал Кейрел, — вы нужны Барраяру. И как раз таким, какой вы есть.

— Барраяр сожрет меня, если сможет.

— Верно, — подтвердил Кейрел, глядя вдаль. — Потом он перевел взгляд на окружавшие их могилы. — Но ведь в конце концов он проглатывает нас всех, правда? Вы переживете стариков.

Майлз указал на маленький холмик.

— Не говорите мне, кого я переживу. Скажите Райне.

Кейрел ссутулился:

— Верно. Это правда. Выносите приговор, милорд. Я вас поддержу.

Крыльцо теперь превратилось в трибуну, а внизу, во дворе, собралась целая толпа: староста с женой, их сыновья, все Журики, большинство стариков, которые накануне были на вечеринке, мужчины, женщины и дети. Харра сидела в стороне от всех. Временами Лэм пытался взять ее за руку, но по тому, как она отстранялась, было видно, что ей неприятны эти прикосновения. Обвиняемая была выставлена на всеобщее обозрение рядом с Майлзом, молчаливая и угрюмая, а по обе стороны от нее стояли Пим и смущенный помощник старосты.

Майлз поднял голову, и в подбородок ему уперся высокий воротник парадного мундира, отглаженного и начищенного стараниями сержанта. Знают ли эти люди, что он честно заработал свой мундир, или они уверены, что это просто подарок его отца? Впрочем, наплевать, что они думают. Майлз выпрямился и сжал руками перила.

— Я завершил расследование обвинений, принесенных Харрой Журик графскому суду, относительно убийства ее дочери Райны. По совокупности улик, показаниям свидетелей и по ее собственному признанию я нашел виновной в этом убийстве Мару Маттулич: она свернула младенцу шею, сломав позвонки. Впоследствии она попыталась скрыть свое преступление,

несмотря на то, что это поставило ее зятя Лэма Журика в смертельную опасность из-за ложного обвинения. Ввиду беспомощности жертвы, жестокости самого убийства и трусливого эгоизма при попытке его сокрытия я не нахожу в деле смягчающих обстоятельств. Кроме того, Мара Маттулич призналась в двух других детоубийствах примерно двадцатилетней давности, жертвами которых были ее собственные дети. Эти факты староста Кейрел объявит по всей Лесной Долине, чтобы о них знали все наши подданные.

Майлз чувствовал, как глаза матушки Маттулич буравят ему спину. «Да, давай, ненавидь меня, старуха. Я еще тебя похороню, и ты это знаешь». Официальный язык заслонял его, словно щитом. Он сглотнул и продолжил:

— Единственной справедливой карой за все это является смертная казнь, к которой я и приговариваю Мару Маттулич. Но, учитывая возраст приступницы и близкое родство с потерпевшей — ее дочерью Харрой Журик, я откладываю осуществление приговора. На неопределенное время.

Уголком глаза он заметил, как Пим испустил сдержанный вздох облегчения. Харра, как обычно, расчесывала пальцами свою светлую челку, вслушиваясь в речь Майлза.

— Но в глазах закона она будет мертва. Все ее имущество, включая то, что на ней надето, теперь принадлежит ее дочери Харре, и та может распорядиться им, как желает. Отныне Мара Маттулич не может ни владеть имуществом, ни заключать контракты, ни подавать в суд за ущерб, ни оставить завещание. Она не может покинуть Лесную Долину без разрешения Харры. Дочь получает над ней такую же власть, которую родитель имеет над ребенком или опекун над слабоумным. В отсутствие Харры ее замещает староста Кейрел. За Марой Маттулич будут наблюдать, чтобы она не нанесла вреда другим детям. Далее. Она умрет без жертвоприношения. Никто — ни Харра, ни кто-либо еще — не зажжет для нее поминальный огонь, когда она наконец ляжет в землю. Она убила

свое будущее, и будущее воздаст ее духу только забвение. Она умрет, как умирают бездетные, не оставив по себе воспоминаний.

Чуть слышный вздох пронесся по рядам слушателей, и Мара Маттулич впервые опустила свою высокомерную голову.

Майлз знал, что некоторые сочтут приговор только духовно-символическим. Зато для других он покажется убийственным буквально — все зависит от силы их веры.

Он обратился к матушке Маттулич и заговорил тише:

— С этой минуты каждый твой вздох ты получаешь только моей милостью. Каждая кроха пищи, которую ты съешь, — милосердие Харры. Милостью и милосердием, которых ты не проявляла, ты будешь теперь жить. Мертвая женщина.

— Нечего сказать, помиловал, проклятый мутант, — еле слышно прохрипела старуха.

— Вижу, ты меня поняла, — произнес Майлз сквозь зубы, отвесил ей иронический поклон и снова повернулся к толпе. — Я — Голос графа Форкосигана. Я все сказал.

Потом Майлз встретился с Харрой и Лэмом в домике старосты Кейрела.

— У меня есть для вас предложение. — Майлз заставил себя перестать нервно метаться по комнате и остановился. — Вы можете от него отказаться или взять время подумать. Я знаю, что сейчас вы очень устали.

«Как и все мы». Неужели он пробыл в Лесной Долине всего полтора дня? Они кажутся целым столетием. Голова у Майлза раскалывалась от усталости. У Харры покраснели глаза.

— Во-первых, ты умеешь читать и писать?

— Немного, — призналась Харра. — Староста Кейрел нас учил, и еще матушка Ланье.

— Ну и прекрасно. Значит, ты начнешь не с нуля. Слушай. Несколько лет тому назад в Хассадаре открылся учительский колледж. Он пока еще очень маленький, но все же действует, и там существуют стипендии. Я могу сде-

лать так, что тебе дадут стипендию, если ты согласишься три года жить в Хассадаре и напряженно учиться.

— Я? — поразилась Харра. — Я не смогу учиться в колледже! Я же почти ничего не знаю...

— Знание — это то, с чем ты оттуда выходишь, а не с чем приходишь. У них масса вводных курсов. Конечно, тебе придется много работать, чтобы догнать горожан и жителей равнин. Но я знаю, что силы воли и упрямства тебе не занимать. Ты это можешь сделать, клянусь, что можешь.

Сидевший рядом с ней Лэм забеспокоился и снова поймал руку жены.

— Три года? — спросил он шепотом. — Одна среди чужих?

— Стипендия совсем небольшая, — сказал Майлз. — Но, Лэм, насколько я понял, плотник. А в Хассадаре сейчас строительный бум. По-моему, это будет новый Форкосиган-Вашнуй. Я уверен, что ты сможешь найти там работу. Вдвоем вы проживете.

Облегчение на лице Лэма мгновенно сменилось беспокойством.

— Но они все ведь пользуются силовыми инструментами... компьютерами... роботами...

— Ну и что? Эти умения у них не врожденные. Если они могли научиться, ты тоже сможешь. Кроме того, богатые хорошо платят за ручную работу, за штучные изделия, если они хорошего качества. Я помогу тебе начать — это всегда самое трудное. А потом ты и сам сообразишь, что к чему.

— Уехать из Лесной Долины... — с болью проговорила Харра.

— Только для того, чтобы вернуться. Теперь вторая половина нашего уговора. Я могу прислать сюда маленькое комм-устройство с переносным аккумулятором, которого хватит на год. Конечно, кому-то придется ежегодно спускаться в Форкосиган-Сюрло, чтобы подзаряжать аккумулятор, но это не такая уж сложная проблема. Все это обойдется не намного дороже, чем... э-э... легкий флайер.

Такой, какой Майлз присмотрел у дилера в Форбарр-Султане — блестящий, ярко-красный. «Подходящий подарок на окончание академии», — подсказал он родителям. В ящике его стола в загородном доме у озера и сейчас лежит кредитная карточка.

— Это не такое масштабное дело, как монтаж энергоприемника спутниковой сети для всей Долины. Но и обычное головидео сможет принимать образовательные программы из столицы. Установите его в каком-нибудь подходящем доме, прибавьте пару дюжин настольных экранов для ребятишек — вот вам и школа. Все дети обязаны будут ее посещать. Староста Кейрел будет за этим следить, хотя как только они освоят головидео, их, наверное, придется насильно оттуда гнать. Я... э-э... — Майлз прокашлялся, — подумал, что вы могли бы назвать ее «Начальной школой Райны Журик».

— Ох! — сказала Харра и заплакала — впервые за этот ужасный день.

Лэм неловко погладил жену по голове, и она наконец сжала его руку.

— Я могу ненадолго прислать сюда городского учителя, — сказал Майлз. — Найду кого-нибудь на первое время, пока ты не будешь готова вернуться. Но он или она не сможет понимать Лесную Долину так, как ты. А ты уже теперь знаешь такое, чему не обучат ни в одном колледже.

Харра утерла глаза и подняла их (очень невысоко подняла!), чтобы посмотреть ему в лицо.

— Вы учились в Имперской Академии.

— Да. — Майлз гордо поднял голову.

— Тогда я, — дрожащим голосом выговорила она, — смогу осилить... Хассадарский учительский колледж. По крайней мере... я попробую, милорд.

— Я готов на тебя поставить, — согласился Майлз. — На вас обоих. Только... э-э... — По его губам скользнула легкая улыбка и тотчас исчезла: — Стой прямо и говори правду, а?

Харра моргнула — она вспомнила, и ответная улыбка осветила ее лицо.

— Хорошо. Человечек.

На следующее утро Толстый Дурачок улетел домой на грузовом флайере вместе с Пимом, доктором Ди и соловой кобылой. Флайер доставил в деревню нового охранника — он был прислан из Форкосиган-Сюрло, чтобы сменить Пима и помочь Майлзу вернуться обратно на оставшихся двух лошадях. Ну что же, решил Майлз, он все равно планировал во время отпуска проехаться с ночевкой по горам в обществе кузена Айвена. А Эстергази, ливрейный слуга, немногословный ветеран, знакомый Майлзу с детства, был, в отличие от Айвена, идеальным спутником для человека, которому не хочется разговаривать о прошедшем. Можно было почти забыть, что он рядом. Майлз гадал, выбрали ли его случайно, или это акт милосердия со стороны графа. Эстергази любил лошадей.

На ночь они остановились у реки роз. Майлз пошел вверх по долине, не слишком серьезно пытаясь найти ее начало. Но через пару километров цветочная преграда закончилась, слившись с обыкновенным кустарником. Майлз сорвал розу, проверил, не видит ли его Эстергази, и с любопытством надкусил ее. Нет, он явно не лошадь, да и букет вряд ли выдержит дорогу. Придется Дурачку удовольствоваться овсом.

Майлз смотрел, как вечерние тени плывут вверх по Дендарийскому хребту. Какими маленькими кажутся эти горы из космоса! Маленькие морщинки на оболочке глобуса, которые можно прикрыть рукой: раз — и вся их давящая махина становится невидимой. Что же иллюзорно — расстояние или близость? Расстояние, решил Майлз. Расстояние — наглая ложь. Знал ли это отец? Майлз подозревал, что знал.

Он задумался над желанием отдать все свои деньги — а не только сумму, предназначавшуюся на флайер, — этим горам. Бросить все и учить детей читать и писать, устроить бесплатную больницу, сеть спутникового при-

ема — или даже все сразу. Но Лесная Долина только одно из сотни таких же поселений, разбросанных в этих горах, и одно из нескольких тысяч на всем Барраяре. Налоги, выжатые из этого района, помогают содержать элитарную военную школу, в которой он только что потратил... Какую часть их средств? Сколько теперь ему надо отдать только для того, чтобы сквитаться? Он ведь и сам теперь ресурс планеты, подготовка сделала Майлза таковым, он избрал свой путь.

Верующая мать Майлза всегда утверждала, что по способностям человека можно понять, к чему его предназначил Бог. Высшие баллы по академическим дисциплинам Майлз зарабатывал усидчивостью и упорным трудом. Но военные игры, соревнования, в которых требовалось перехитрить противника, опередить его действия хоть на шаг — конечно, он должен был побеждать, он не имел права на ошибку, — все это было ему просто в радость. Когда-то война была в этих краях отнюдь не игрой. Не так уж давно. И она может прийти сюда снова. То, что получается у тебя лучше всего, и есть твое призвание. Похоже, по крайней мере в этом Бог заодно с императором.

Меньше двух недель назад Майлз, раздуваясь от гордости за свои достижения, принес офицерскую присягу императору. Втайне он представлял, как будет хранить верность этой присяге в огне сражений, под пытками врагов — куда ни забросит его судьба (что не мешало, впрочем, ему обмениваться с Айвеном циничными шуточками относительно архаичных шпаг и замшелых стариканов, которые настаивают на том, чтобы их носили). Но теперь он понял, что в его сердце император больше не будет символом Барраяра.

«Мир тебе, маленькая леди, — мысленно обратился он к Райне. — Твой девиз будет носить на щите неказистый и скособоченный современный рыцарь. Но мы с тобой родились в неказистом и скособоченном мире, который отвергает нас без жалости и изгоняет без спро-

са. И знай, что в твою честь я не стану бросаться с копьем на ветряные мельницы. Я пошлю саперов, чтобы они заминировали этих крутящихся паразитов, и разнесу их в щепки...»

Теперь он знал, кому служит. И почему не может отступать. И почему не имеет права сдаться.

II

— Чувствуешь себя получше? — спросил Иллиан.

— Немного, — настороженно ответил Майлз.

Шеф Службы безопасности придвинул себе стул, сел и вгляделся в лицо своего подчиненного, простертого на больничной койке.

— Приношу мои извинения, лорд Форкосиган, за то, что поставил под сомнение ваше слово.

— Да, вам следовало извиниться, — согласился Майлз.

— Да. Тем не менее, — Иллиан хмуро посмотрел куда-то вдаль, — я не уверен, Майлз, что ты осознаешь, до какой степени тебе, как сыну твоего отца, важно не только быть честным, но и выглядеть таковым.

— Как сыну моего отца — нет, — решительно возразил Майлз.

Иллиан фыркнул.

— Ха! Может, и нет. — Он забарабанил пальцами по столу. — Как бы то ни было, граф Форволк ухватился за два несоответствия в твоих докладах об операциях наемников. Дикие перерасходы там, где задача была простейшая — взять на борт одного человека. Я понимаю, что с Дагулой у тебя были крупные осложнения, но как насчет первого раза?

— Какого первого раза?

— Они снова копают тот случай, когда ты выполнял задание на Архипелаге Джексона. И подозревают, что

после того, как тебе удалось успешно скрыть растрату, ты решил сделать это снова, в еще больших масштабах, на Дагуле.

— Но это было почти два года назад! — запротестовал Майлз.

— Глубоко копают, — согласился Иллиан. — Очень старательно ищут. Им хотелось бы выставить тебя у позорного столба, а я, так сказать, пытаюсь спилить этот столб. Черт побери, — раздраженно добавил он, — не смотри ты на меня так. Ты ведь вовсе ни при чем. Если бы ты был не Форкосиганом, вопрос бы даже не возник. Ты это понимаешь, я это понимаю, и они это понимают. А казначейские ревизии проводятся занудами-форами, которым наплевать на меня и на все мои соображения. Моя единственная надежда — утомить их и заставить отцепиться. Так что выкладывай.

Майлз вздохнул:

— Сэр, я, как всегда, в вашем распоряжении. Что вы хотите знать?

— Расшифруй счет на оборудование при операции по вывозу человека с Архипелага Джексона.

— Я думал, в моем докладе все перечислено.

— Перечислено, да. Но не объяснено.

— Мы бросили половину оплаченного груза высококлассного вооружения в порту станции Фелл. Если бы мы этого не сделали, у вас было бы на одного ученого, на один корабль и на одного полученного меньше.

— В самом деле? — Иллиан сложил пальцы домиком и откинулся на спинку стула. — Почему?

— Ну... Там вышла довольно запутанная история. — Майлз невольно улыбнулся. — Это останется между нами?

Иллиан склонил голову набок.

— Хорошо...

ЛАБИРИНТ

Майлз всмотрелся в изображение на экране. Там медленно рос маленький яркий шарик — планета Архипелаг Джексона. Сверкающая, богатая, порочная... Джексониане утверждают, что их пороки — следствие развращенности миров: если бы галактика была готова платить за добродетель, то они мигом нашпиговали бы планету храмами, и все желающие могли бы прилетать сюда для покаяния и духовного очищения. На взгляд Майлза, эта аргументация была сомнительной, но все же, не существуй Архипелаг Джексона, галактике, возможно, пришлось бы его изобрести. Соседи могут сколько угодно прикидываться возмущенными, но они не позволили бы этой планете существовать, если бы втайне не считали ее полезной для своей теневой экономики.

Да и вообще, здесь чувствовалось какое-то романтическое очарование, хотя, конечно, уже не такое, как пару столетий назад, когда планета была центром космического пиратства. Банды головорезов превратились со временем в монополии-синдикаты, почти такие же устоявшиеся и организованные, как небольшие государства. В каждом — свое правительство, своя аристократия. «Интересно, — думал Майлз, — сколько времени здешние лидеры смогут сопротивляться незаметно подступающему приливу порядочности?»

Дом Дайн, универсальная банковская прачечная: «Отмывайте ваши капиталы на Архипелаге Джексона!» Дом Фелл: продажа оружия без всяких формальностей и вопросов. Дом Бхарапутра — незаконная генетика; тем же занимается их главный конкурент, дом Риоваль, чей девиз: «Мечты, превращенные в плоть». Наверное, это самый дьявольский (Майлз был уверен, что подобрал наиболее подходящий эпитет) сводник во всей истории человечества. Дом Харгрейв, галактический скупщик краденого; они же — чопорные по-

средники при выкупе заложников. Надо отдать Харгрейвам должное — заложники, вызволенные с их помощью, возвращались домой живыми... как правило. И еще дюжина более мелких синдикатов, составляющих переменчивые, непрочные коалиции.

«Даже для нас вы полезны». Майлз нажал кнопку, изображение погасло. Брезгливо поморщившись, он затребовал на экран список вооружений, чтобы в последний раз проверить намеченные покупки. Чуть заметно изменившаяся вибрация корпуса корабля свидетельствовала о выходе на стационарную орбиту: скоростной крейсер «Ариэль» готовился ошвартоваться на станции Фелл.

Из прорези на пульте как раз выскочила дискета с их заказом, когда из-за двери кто-то произнес:

— Адмирал Нейсмит?

— Войдите.

Через порог шагнул капитан Торн и дружелюбно отсалютовал:

— Стыковка примерно минут через тридцать, сэр.

— Спасибо, Бел.

Бел Торн, командир «Ариэля» был бетанским гермафродитом, двуполым реликтом проведенного пару веков тому назад социогенетического эксперимента. Майлз считал, что эксперимент этот был не менее рискован, чем все то, что, по слухам, делается сговорчивыми специалистами дома Риоваль. Тут бетанское стремление к равноправию явно вышло из-под контроля. Гермафродитизм не привился, и несчастные потомки первых андрогинов так и остались на сверхтерпимой Колонии Бета замкнутым меньшинством. Как командир наемников Торн был старателен, лоялен, инициативен, и он/она/оно (бетанцы пользовались местоимением среднего рода) нравился Майлзу. Однако...

До Майлза донесся запах духов — сегодня Бел подчеркивал свою женственность, как и все пять дней полета. Раньше он придерживался мужской линии поведения: агрессивные манеры и колкий юмор. Майлза чрезвычайно

беспокоило то, что последнее время в его присутствии Бел прямо-таки таял на глазах.

Снова повернувшись к экрану, Майлз вызвал изображение планеты, к которой они приближались. Издали Архипелаг Джексона выглядел не слишком привлекательно: гористый ландшафт, довольно холодный климат, заселена только экваториальная зона. О бурной жизни планеты говорило лишь высвеченное компьютером кружево разноцветных орбит спутников, орбитальных пересадочных станций и разрешенных траекторий подлета.

— Вы когда-нибудь здесь бывали, Бел?

— Один раз, еще лейтенантом флота адмирала Оссера. С тех пор дом Фелл возглавил новый барон. Но их продукция по-прежнему пользуется доброй славой — если только знать, что покупаешь. Не соблазняйтесь скидкой на нейтронные гранаты.

— Ха. Они хороши для тех, кто умеет далеко метать. Не тревожьтесь, гранат в списке нет.

Майлз протянул ему дискету с данными, и Бел грациозно перегнулся через спинку кресла, чтобы взять ее.

— Отправить экипаж в увольнение, пока мы будем дожидаться загрузки? А как вы? Неподалеку от порта есть отель со всеми удобствами: бассейн, сауна, великолепная кухня... — Бел понизил голос. — Можно было бы снять номер на двоих.

— Э-э... Кхм, кхм. Я планирую давать увольнения только на дневное время.

— Я ведь и женщина тоже, — негромко напомнил Бел.

— Но далеко не только женщина.

— Вы так безнадежно моносексуальны, Майлз.

— Извините.

Майлз неловко похлопал по руке, ненароком очутившейся у него на плече.

Бел вздохнул, выпрямляясь:

— Вы не виноваты.

Майлз тоже вздохнул. Возможно, ему следовало облечь свой отказ в более решительную форму: они с Бе-

лом говорят на эту тему уже в седьмой раз. Это превратилось почти в ритуал, почти — но все же не совсем — в шутку. Он знал, что если сейчас обернется, то прочтет в глазах капитана Торна глубокое одиночество, никогда не находившее словесного выражения. Майлз не стал оборачиваться.

Кто ты такой, чтобы осуждать других, с горечью подумал он, ведь собственное тело приносит тебе так мало радости! И с чего это Бела — высокого, стройного, здорового — так привлек коротышка-полуинвалид, и к тому же чокнутый. Да уж, тут есть над чем подумать. «Если не можешь иметь двухметровый рост, имей двухметровую смекалку». Но разум пока не помог ему найти решение проблемы с Торном.

— Вам никогда не хотелось вернуться на Бету и найти себе кого-нибудь из своих? — серьезно спросил он.

Торн пожал плечами:

— Слишком скучно. От этого мне и хотелось убежать. Все так безопасно, так предсказуемо...

— Но зато до чего хорошо растить там детей!

Торн ухмыльнулся:

— Это точно. А знаете, вы почти идеальный бетанец. Почти. Произношение у вас верное, знаете местные шутки...

— А что же мне не удается?

Торн прикоснулся к его щеке, и Майлза передернуло.

— Рефлексы, — объяснил Торн.

— А!

— Я вас не выдам.

— Знаю.

Бел снова подался к нему:

— Можно было бы сгладить эту последнюю шероховатость...

— Некогда, — ответил Майлз, чуть покраснев, — у нас много дел.

— Ну еще бы, инвентаризация вооружения, — презрительно откликнулся Торн.

— Нет, это не дело, — объяснил Майлз, — это прикрытие.

— Ага! — Торн выпрямился. — Наконец-то!

— Э-э... Что вы имеете в виду?

— Тут не нужно быть семи пядей во лбу. Мы летим покупать вооружение, но вместо того, чтобы взять корабль максимальной грузоподъемности, вы выбираете «Ариэль» — самый быстрый. Нет занятия более нудного, чем приемка груза, но вместо того, чтобы послать сюда опытного интенданта, вы отправляетесь сами.

— Я действительно хочу познакомиться с новым бароном, — мягко сказал Майлз. — Дом Фелл — один из крупнейших поставщиков вооружения по эту сторону от Беты. Если мне понравится качество первой партии, они могли бы стать нашими постоянными партнерами.

— Четверть фелловского оружия изготовлена на Бете, только клеймо заменено, — вставил Торн.

— ...и пока мы здесь находимся, — продолжал Майлз, — к нам обратится некий биолог, пожелавший завербоваться во флот дендарийских наемников в качестве фельдшера. В этот момент все увольнения прекратятся, мы быстро закончим погрузку и улетим.

Торн удовлетворенно ухмыльнулся.

— Берем на борт пассажира. Полагаю, нам неплохо заплатят?

— Очень неплохо. Если доставим его в пункт назначения живым. Этот человек — главный генетик лабораторий дома Бхарапутра. Ему предложило убежище некое правительство, способное защитить его от длинных рук барона Луиджи. Но барон, конечно, будет крайне раздосадован, узнав, что его лучший специалист скрылся, не попрощавшись. Нам платят за то, чтобы мы доставили генетика новым хозяевам живым и э-э... в здравом уме и твердой памяти.

Поскольку дом Бхарапутра может не моргнув глазом купить и перекупить весь Свободный флот дендарийских наемников, даже не обращаясь в банк, я бы тоже предпочел не иметь дела с подручными барона Луиджи.

Так что прикинемся наивными дурачками. Мы всего только наняли чертова медтеха, сэр! И сами будем взбешены, когда он дезертирует, едва мы вернемся к месту сбора флота у Эскобара.

— Звучит неплохо, — согласился Торн. — Просто и эффективно.

— Надеюсь, — вздохнул Майлз. — Ну почему бы для разнообразия хотя бы этой операции не пройти по плану?

Офисы и демонстрационные залы располагались неподалеку от порта, и большинство мелких покупателей никогда не забиралось в глубь станции Фелл. Но вскоре после того как Майлз и Торн сделали свой заказ (прошло примерно столько времени, сколько нужно, чтобы проверить кредитную карточку), перед ними предстал сверхвежливый лакей в зеленом форменном шелке и вложил в руку адмирала Нейсмита кубический жетон — приглашение на прием в личных апартаментах барона.

Через четыре часа, стоя перед шлюзом, ведущим в жилую часть станции, Майлз отдал свой кубик-пропуск мажордому барона Фелла и в последний раз проверил, как они с Торном выглядят. Парадная форма дендарийцев — бархатная, серая с белым — вдруг показалась ему излишне вычурной. Ну, не он ее придумал — форма досталась Майлзу по наследству. Будем терпеть.

Майлз с интересом разглядывал шлюз, пока мажордом проверял, нет ли при них оружия. Похоже было, что все системы жизнеобеспечения жилого отсека автономны и никак не связаны с остальной станцией. Эту часть станции не только можно было заблокировать, она могла отделиться. Практически получался не отсек, а корабль: Майлз готов был поспорить, что где-то тут есть и двигатели, и вооружение, хотя идти искать их без сопровождения было бы самоубийством. Мажордом впустил гостей, проговорив в свой радиобраслет:

— Адмирал Майлз Нейсмит, командующий Свободным флотом дендарийских наемников, капитан Бел Торн, командир скоростного крейсера «Ариэль» Свободного флота дендарийских наемников.

Интересно, кто принимает его сообщения?

Большой зал приемов был обставлен с изысканным вкусом. Переливающиеся всеми цветами радуги плавающие лесницы и платформы создавали укромные уголки, не нарушая иллюзии открытого пространства. У каждого выхода (Майлз насчитал их шесть) стояли рослые охранники в зеленом одеянии, изображая прислугу, — впрочем, с очень малым успехом. Почти всю стену занимал огромный иллюминатор, выходивший на оживленный порт станции Фелл и яркий край планеты, пересекавший усеянную звездами черноту космоса. Множество элегантных красавиц в зеленых шелковых сари скользили между гостями, предлагая закуски и напитки.

«Серый бархат, — решил Майлз, посмотрев на остальных гостей, — это скромнейший наряд». Они с Белом просто неотличимы от стен. Немногие покупатели, осчастливленные приглашением к барону, поражали взгляд немыслимым разнообразием одежд. Гости держались тесными группами, отнюдь не стремясь перезнакомиться между собой. Оказалось, что партизаны не желают якшаться с наемниками, а контрабандисты — с революционерами. А Гностические Святые, естественно, беседуют только с Единым Истинным Божеством — и, может быть, еще с бароном Феллом.

— Вот это прием, — заметил Бел. — Помню одну выставку комнатных животных: так вот, там была такая же атмосфера. А гвоздем программы стал инцидент, когда чья-то бородатая ящерица с Тау Кита сорвалась с поводка и слопала чемпиона из разряда собак.

— Ша! — Майлз не сдержал ухмылки. — Помни о деле.

Женщина в зеленом сари безмолвно поклонилась им, предлагая экзотические яства. Торн вопросительно поднял бровь: «Можно ли?..»

— Почему бы и нет? — пробормотал Майлз. — В конце концов это все за наши денежки. Сомневаюсь, чтобы барон травил своих покупателей — это может повредить бизнесу. А бизнес здесь — прежде всего.

Он выбрал розовый кусочек в форме цветка лотоса и таинственный беловатый напиток. Торн последовал его примеру. Увы, розовый лотос оказался какой-то сырой рыбой. Она противно скрипела на зубах, но выхода не было, и откушенный кусок пришлось проглотить. Напиток оказался крепчайшим спиртным, и, сделав один глоток, чтобы избавиться от рыбного вкуса, Майлз с сожалением оставил свой бокал на первой же ровной поверхности. Его карликовое тело не справлялось с алкоголем, а встречаться с бароном Феллом в полубессознательном состоянии или беспомощно хихикая было бы неблагоразумно. Неустрашимый гермафродит оставил бокал при себе.

Откуда-то донеслась удивительная музыка: стремительный бег сложных аккордов. Майлз безуспешно старался угадать, что это за инструмент — да нет, конечно, там не один, а несколько инструментов. Обменявшись взглядами, они с Торном двинулись в направлении звуков. Но когда, завернув за спиральную лестницу, они увидели музыканта, Майлз широко раскрыл глаза. Да уж, на этот раз хирурги дома Риоваль зашли слишком далеко...

Декоративные разноцветные искорки очерчивали шарообразное поле антигравитационного пузыря. Внутри находилась женщина. Она играла, и белые руки мелькали на фоне ее зеленых шелковых одежд. Все четыре белые руки... На ней был свободный жакет-кимоно, перехваченный поясом, и такого же цвета шорты, из которых вместо ног тянулись еще две руки. Волосы у музыкантки были короткие, мягкие, иссиня-черные. Глаза женщины были закрыты, а на лице застыло неземное спокойствие — глубокое, прекрасное, пугающее.

Инструмент представлял собой плоский отполированный деревянный корпус, по верху и низу которого были натянуты бесчисленные ряды сверкающих металлических струн. Женщина ударяла по струнам четырьмя обтянутыми войлоком молоточками. И верхние, и нижние руки двигались с умопомрачительной скоростью в сложном контрапункте. Мелодия рассыпалась каскадами нот.

— Бог ты мой, — произнес Торн, — это же квадди.

— Что-что?

— Квадди. Далеко она залетела.

— Она... не местного производства?

— Ничуть.

— Слава тебе, Господи! Но тогда откуда она взялась?

— Лет двести тому назад, примерно в то же время, когда создавали гермафродитов, — по лицу Торна скользнула странная гримаса, — генетики разных планет наперебой стремились улучшить человеческую породу. Кому-то из них пришло в голову создать расу обитателей невесомости. Потом создали генераторы искусственной гравитации, так что это оказалось ни к чему. Квадди бежали — их потомки расселились на окраинах обитаемого космоса, где-то далеко по другую сторону Земли в пространственно-временной сети. По эту сторону их почти никогда не встретишь. Ш-ш...

Приоткрыв губы, Торн внимал волшебной музыке.

«В конце концов это не более удивительно, чем найти бетанского гермафродита среди свободных наемников», — решил про себя Майлз. Но музыка заслуживала безраздельного внимания, хотя в этой толпе параноиков ее почти никто даже не заметил. Майлз не был меломаном, но даже он ощутил напряженную страстность исполнения, далеко превосходящую обычный талант и граничившую с гениальностью. На одно краткое мгновение гению удается сплести звуки со временем и задержать их... Но, подобно времени, они всегда просачиваются между пальцами, оставаясь лишь в памяти.

Переливы музыки стихли до манящего эха и замерли. Четырехрукая исполнительница открыла голубые глаза и ее лицо из небесно-прекрасного стало просто человеческим, напряженным и печальным.

— О-ох, — вздохнул Торн. Он сунул опустевший бокал под мышку, поднял руки, собираясь зааплодировать, — и замер, заметив равнодушие собравшихся.

Майлзу не хотелось выделяться.

— Может, вам с ней поговорить? — предложил он капитану. — В качестве альтернативы рукоплесканиям.

— Правда? — Торн сразу же оживился, поставил бокал на ближайший стол и, приложив ладони к искрящемуся пузырю, растерянно улыбнулся:

— Э-э... — Было видно, как поднимается и опадает его грудь.

«Боже правый, Торн не находит слов? Кто бы мог ожидать такого?»

— Спросите, как называется ее инструмент, — подсказал Майлз.

Четырехрукая женщина заинтересованно наклонила голову, грациозно перелетела через громоздкий инструмент и повисла над Торном по другую сторону переливающегося барьера.

— Да?

— Как называется этот необычный инструмент? — спросил Торн.

— Это двухсторонние цимбалы, мадам... сэр... — Ее вежливый голос слуги, обращающегося к гостю, дрогнул из-за страха нанести обиду, — ...офицер.

— Капитан Бел Торн, — мгновенно подсказал бравый гермафродит, уже успевший вернуть себе присутствие духа. — Командир скоростного крейсера дендарийцев «Ариэль». К вашим услугам. Как вы здесь оказались?

— Я добралась до Земли, зарабатывая себе на дорогу, и барон Фелл нанял меня.

Она гордо вскинула голову, словно отметая какое-то скрытое осуждение, хотя Торн ничего не сказал.

— Вы — настоящая квадди?

— Вы слышали о моем народе? — Ее темные брови изумленно взметнулись. — Большинство тех, с кем я встречалась, уверены, что я — чудище, сконструированное по специальному заказу.

Торн откашлялся.

— Я с Беты. У меня есть основания для личного интереса к первому взрыву генетических экспериментов. —

Он снова кашлянул. — Видите ли, я — бетанский гермафродит.

И он с тревогой глянул на собеседницу.

Вот это да! Бел никогда не ожидал ничьей реакции — он шел напролом, и пусть будет, что будет. «Ни за что не буду в это встревать». И Майлз чуть-чуть попятился, пряча улыбку при виде того, как к Торну на глазах возвращаются все мужские ухватки.

Женщина заинтересованно наклонила голову. Одна из верхних рук поднялась и оперлась на сверкающий барьер неподалеку от руки наемника.

— Неужели? Значит, вы тоже...

— О да. Скажите, как вас зовут?

— Николь.

— Николь? И все? То есть я хочу сказать — дивное имя.

— У моего народа нет фамилий.

— И... э-э... что вы будете делать, когда вечер закончится?

Но в эту минуту их прервали.

— Выше голову, капитан, — пробормотал Майлз.

Торн мгновенно выпрямился, спокойный и собранный, проследив за направлением взгляда Майлза. А квадди отплыла от силового барьера и грустно опустила голову на сложенные стопкой четыре ладони. К ним приближался хозяин дома, и Майлз поспешно изобразил некий великосветский вариант стойки «смирно».

Джориш Стойбер, барон Фелл, оказался на удивление старым — во плоти он выглядел еще старше, чем на головидео, которое показывали Майлзу при подготовке к заданию. Барон был лыс (вокруг блестящего черепа осталась лишь редкая седая бахрома), радушен и толст. Вид у него был как у доброго дедушки. Не как у дедушки Майлза — тот был сух и неприступен даже на склоне лет. Но и титул старого графа был самым настоящим, родовым титулом, а не вежливым обращением к безжалостному дельцу, пережившему все схватки внутри синдиката. Майлз напомнил себе, что

несмотря на радостно-румяные щеки, барон взобрался так высоко, шагая по горе трупов.

— Адмирал Нейсмит, капитан Торн! Добро пожаловать на станцию Фелл, — пророкотал барон, расплываясь в благодушной улыбке.

Майлз отвесил ему аристократический поклон. Торн последовал его примеру, но несколько неуклюже. Черт!.. В следующий раз надо будет изобразить такую же неловкость. Вот такие мелочи и создают маску — или, наоборот, разрушают ее.

— Мои люди позаботились о вас?

— Спасибо, все превосходно.

— Я так рад наконец с вами познакомиться, — продолжал барон. — Мы тут немало о вас наслышаны.

— Вот как? — откликнулся Майлз, поддерживая беседу.

Взгляд барона был странно жадным. Что за повышенное внимание к какому-то ничтожному наемнику? Такая честь была бы чрезмерной даже для самого крупного покупателя. Майлз постарался спрятать тревогу за ответной улыбкой. «Терпение. Пусть опасность обозначится почетче. Не бросайся навстречу тому, чего пока не видишь».

— Надеюсь, вы слышали обо мне что-нибудь хорошее?

— Более того, удивительное. Стремительность вашей карьеры сравнима только с таинственностью вашего происхождения.

Проклятие, что это еще за наживка? Уж не намекает ли барон, что ему известно настоящее имя «адмирала Нейсмита»? Это может обернуться чертовски серьезной неприятностью. Нет, страх опережает разум. Надо подождать. Надо забыть, что в этом теле когда-то существовал лейтенант лорд Форкосиган из Имперской службы безопасности Барраяра. И все же, почему эта старая акула так льстиво улыбается? Майлз постарался изобразить на лице полнейшее спокойствие.

— Даже сюда донеслись вести об успехах вашего флота у Вервана. Увы, его прежний командир...

Майлз напрягся.

— Я тоже весьма сожалею о гибели адмирала Оссера.

Барон философски пожал плечами:

— В работе такое случается. Командовать должен кто-то один.

— Он был выдающимся полководцем.

— Гордость — опасная вещь, — улыбнулся Фелл.

Майлз прикусил язык. «Так он считает, что я подстроил гибель Оссера? Ну и пусть считает». А ведь в этом зале на одного наемника меньше, чем кажется. Благодаря Майлзу дендарийцы являются теперь тайным подразделением Имперской службы безопасности Барраяра — настолько тайным, что большинство из них и сами об этом не знают... Только последний дурак не смог бы с выгодой для себя распорядиться такой информацией. Майлз ответил барону многозначительной улыбкой, но ничего не сказал.

— Вы чрезвычайно меня интересуете, — продолжал барон. — Например, загадка вашего возраста. И ваша прежняя карьера военного.

Если бы Майлз не избавился от своего бокала, сейчас он осушил бы его одним глотком. Вместо этого он лишь судорожно сжал руки за спиной. Или морщины боли все же недостаточно старят его лицо? Неужели барон и вправду разглядел под адмиральской личиной двадцатитрехлетнего лейтенанта службы безопасности?.. Но ведь обычно ему удавалось вполне успешно оставаться в образе!

Барон понизил голос:

— Я полагаю, слухи не лгут и относительно того, что бетанцы подвергли вас процедуре омоложения?

Так вот о чем речь! У Майлза даже голова закружилась от облегчения.

— Чем же это может заинтересовать вас, милорд? — любезно затараторил он. — Я-то считал, что Джексон — родина практического бессмертия. Говорят, что здесь многие донашивают уже третье клонированное тело.

— Я не из их числа, — с сожалением ответил барон.

Майлз непритворно изумился. Не может быть, чтобы этот престарелый убийца по этическим соображениям отвергал процесс пересадки мозга в новое тело!

— Какое-нибудь неприятное медицинское противопоказание? — сочувственно осведомился он. — Примите мои соболезнования.

— В некотором роде. — Улыбка барона стала напряженной. — Сама операция по пересадке мозга убивает некоторый процент пациентов — снизить его не удается...

«Ага, — подумал Майлз, — не говоря о стопроцентной смертности «доноров», чьи мозги выбрасывают, чтобы освободить место...»

— ...а еще какой-то процент получает необратимые повреждения. Это неизбежный риск.

— Но награда так огромна.

— Однако главная трудность в том, что часть пациентов умирает на операционном столе вовсе не случайно. Когда у тебя есть деньги и власть, это тоже можно устроить. У меня немало врагов, адмирал Нейсмит.

Майлз сделал неопределенный жест, сохраняя на лице выражение глубочайшего интереса.

— По моим расчетам, мои теперешние шансы пережить пересадку мозга намного ниже средних, — продолжал барон. — Поэтому меня интересуют альтернативы.

И он выжидательно замолчал.

— О! Хм... — сказал Майлз. Уставившись на свои пальцы, он стремительно соображал. — Вы правы, я когда-то принял участие в... запрещенном эксперименте. Как оказалось, он был преждевременно перенесен с животных на человека. И оказался неудачным.

— В самом деле? — отозвался барон. — Вы выглядите вполне здоровым.

Майлз пожал плечами.

— Да, были кое-какие положительные результаты для мышц, тонуса кожи, волос. Но мои кости — это кости старика, они очень хрупкие. — (И это правда.) — Я подвержен острым приступам артрита, и бывают дни, когда без лекарств я не мог бы ходить. — (И это тоже правда,

черт побери. Недавнее и чрезвычайно неприятное осложнение.) — Продолжительность жизни мне обещана очень небольшая. — (Например, если кое-кто из присутствующих вдруг узнает, кто же такой на самом деле этот «адмирал Нейсмит», мне не прожить и четверти часа.) — Так что если вы любите физическую боль и считаете, что вам понравится жизнь калеки, то я мог бы рекомендовать вам эту процедуру.

Старик осмотрел Майлза с ног до головы, и углы его рта разочарованно опустились.

— Понятно.

Капитан Торн, прекрасно знавший, что процедуры «бетанского омоложения» не существует, слушал их беседу со скрытым удовольствием.

— И все же, — настаивал барон, — быть может, ваш знакомый медик достиг некоторых успехов за эти годы.

— Боюсь, что нет, — ответил Майлз, разводя руками. — Он умер. От старости.

— Ах вот как! — плечи барона бессильно поникли.

— А, вот ты где, Фелл! — раздался рядом с ними чей-то голос. Барон расправил плечи и повернулся.

Новый гость был одет так же просто, как и сам Фелл, но в его молчаливом спутнике угадывался телохранитель. Костюм слуги, в отличие от хозяйского, был вызывающе наряден — шелковая красная туника с высоким воротом и широкие черные шаровары. Оружия при нем не было — на станции Фелл его имели только люди Фелла. Но мозоли на кулаках этого поджарого супермена говорили о том, что он может обойтись и без оружия. Взгляд его все время рыскал, руки чуть заметно подрагивали: он находился в состоянии гипербдительности, поддерживаемой с помощью специальных препаратов, и в случае приказа нанес бы удар с умопомрачительной скоростью и силой. Конечно, долго он не протянет, но нарушенный обмен веществ и ранняя старость — это, так сказать, профессиональные заболевания телохранителей.

Человек, которого он охранял, тоже был молод. Его блестящие черные волосы были заплетены в длинную

косу; мелкие, но правильные черты смуглого лица оттеняла гладкая, как у девушки, кожа. Ему не могло быть больше двадцати пяти лет, однако держался он с уверенностью зрелого человека.

— Здравствуй, Ри, — кивнул юноше барон Фелл, здороваясь как с равным, а не как с младшим. Снова входя в роль радушного хозяина, он добавил: — Офицеры, могу ли я представить вам барона Риоваля из дома Риоваль? Адмирал Нейсмит, капитан Торн. Они с того скоростного крейсера иллирийской постройки, Ри. Ты его, наверное, заметил в порту.

— Боюсь, у меня не так наметан глаз на технику, как у тебя, Джориш.

Молодой барон удостоил офицеров кивка и, не обращая внимания на ответный поклон Майлза, вгляделся в обитательницу антигравитационного пузыря.

— Мои агенты не преувеличили ее чар.

Фелл сдержанно улыбнулся. Николь, с минуту назад отлетевшая в глубь шара, сейчас плавала за своим инструментом, хлопоча над настройкой. Ее глаза тревожно взглянули на Риоваля и снова вернулись к цимбалам, словно музыка могла воздвигнуть между ними какую-то магическую стену.

— Не попросишь ли ты ее... — начал Риоваль, но его прервал мелодичный сигнал наручного комма. — Извини, Джориш. — Не без раздражения барон полуотвернулся и произнес в микрофон: — Риоваль. Ради вас надеюсь, что вопрос действительно важный.

— Да, милорд, — отозвался высокий голос из радиобраслета. — Говорит Дим, управляющий отделом сбыта. Возникла небольшая проблема. Эта тварь, которую нам продал дом Бхарапутра, искалечила покупателя.

Скульптурные губы Риоваля раздвинулись в свирепом оскале.

— Я же велел приковать ее дюросплавом.

— Мы так и сделали, милорд. Цепи выдержали, но она вырвала болты из стены.

— Парализуйте ее.

— Уже сделано.

— И как следует накажите, когда очнется. Думаю, голодовка умерит ее агрессивность. Для существа с таким аппетитом это самое верное средство.

— А как насчет покупателя?

— Предоставьте ему любые удобства, каких он только потребует. За счет фирмы.

— Боюсь, что он очень нескоро сможет оценить их, милорд. Сейчас он в больнице. Все еще без сознания.

— Приставьте к нему моего личного врача. Остальным я займусь, когда вернусь, примерно через шесть часов. — И барон Риоваль щелчком отключил связь. — Идиоты, — проворчал он, потом сделал сдержанный, медитативный вдох и, словно программу из компьютерной памяти, вызвал обратно свои светские манеры. — Пожалуйста, извини, что нас прервали, Джориш.

Фелл снисходительно махнул ладонью — дескать, все понятно, дела.

— Так вот я говорю — не попросишь ли ты ее что-нибудь сыграть? — Риоваль кивнул в сторону квадди.

Старый барон заложил руки за спину и сверкнул зубами в благодушной улыбке.

— Сыграй нам, Николь.

Женщина робко кивнула, устроилась за инструментом и закрыла глаза. Тревога на ее лице, постепенно уступила место внутреннему покою, и музыкантка начала тихую сладкозвучную мелодию, которая постепенно крепла, разрасталась и ускорялась.

— Достаточно! — вскинул руку Риоваль. — Она совершенно такая, как ее описывали.

Николь остановилась на середине аккорда и медленно, глубоко вздохнула; ноздри ее затрепетали от обиды. Ее явно удручала невозможность довести пьесу до конца, ее артистическое достоинство было оскорблено. Резкими, порывистыми движениями она положила молоточки в гнезда по бокам цимбал и скрестила верхнюю и нижнюю пару рук. У Торна дернулся уголок рта, и он тоже

скрестил руки на груди, невольно скопировав движение квадди. Майлз насторожился.

— Мой агент говорил правду, — повторил Риоваль.

— Тогда, возможно, твой агент передал тебе и мои сожаления, — сухо заметил Фелл.

— Конечно. Но он не был уполномочен предлагать сумму, превышающую некую цифру. Для такого исключительного случая необходим личный контакт.

— Дело в том, что я получаю от нее удовольствие здесь, где она есть, — сказал Фелл. — А в моем возрасте удовольствие получить гораздо труднее, чем деньги.

— Совершенно верно. Но одно можно заменить другим. Я мог бы предложить тебе нечто совершенно особенное, такое, чего нет в каталогах.

— Ничто не заменит мне удовольствие от ее музыки, Риоваль. От музыки, которая не просто прекрасна, а уникальна. Она естественна, не запятнана никаким искусственным вмешательством. И не может быть воспроизведена в твоих лабораториях.

— Мои лаборатории могут воспроизвести все что угодно, сэр.

Фелл улыбнулся, принимая скрытый вызов.

— Кроме уникальности. По определению.

Риоваль развел руками, признавая, что в этом философском споре он проиграл. Насколько понял Майлз, Фелл не просто наслаждался музыкой квадди — он еще и смаковал обладание тем, что так остро хотелось иметь его сопернику. Обыграть конкурента — радость, доступная в любом возрасте. Похоже, даже всемогущему Риовалю нелегко придумать что-то похлеще... А все же, если Риоваль найдет, чем заплатить Феллу, то какая сила на Архипелаге Джексона сможет спасти Николь? Майлз вдруг понял: он знает, что именно мог бы запросить старый барон. Интересно, догадывается ли Риоваль?

Молодой магнат чуть нахмурился.

— Тогда давай обсудим вопрос об образце тканей. Это ей не повредит, и ты сможешь без помех услаждаться ее игрой.

— Это повредит ее уникальности. Тебе же прекрасно известно, Ри, что, когда в оборот вводятся подделки, цена оригинала падает, — ухмыльнулся барон Фелл.

— Далеко не сразу, — напомнил Риоваль. — Время взросления клона — не меньше десяти лет. Ах, но ведь ты же и сам это знаешь!

Он покраснел и слегка поклонился, словно извиняясь за допущенную неловкость.

Судя по тому, как сжал губы Фелл, это и вправду была серьезная неловкость.

— Действительно, знаю, — сухо отозвался он.

В этот миг Торн, внимательно прислушивавшийся к обмену репликами, не выдержал:

— Вы не имеете права продавать ее ткани! Они вам не принадлежат! Она не конструкт Архипелага Джексона, а свободнорожденная гражданка Галактики!

Вельможи повернулись к Белу, словно наемник был каким-то неожиданно и некстати заговорившим предметом мебели.

— Барон может продать ее контракт, — пояснил Риоваль с холодной снисходительностью. — Именно это мы и обсуждаем. Между собой.

Бел проигнорировал намек:

— А какая разница на Джексоне, называете вы это контрактом или плотью?

Риоваль улыбнулся:

— Абсолютно никакой.

— Но это совершенно противозаконно!

— Законно, дорогой мой... э-э... да, вы ведь бетанец, не так ли? Ну тогда все понятно... Законно или противозаконно то, что планета, на которой вы находитесь, называет таковым и способна отследить за его выполнением. Я здесь что-то не вижу ваших бетанских правоохранителей, которые навязали бы всем нам свое нелепое понимание этики, а ты, Джориш?

Старый барон слушал их спор, приподняв брови, и явно разрывался между гневом и желанием расхохотаться.

— Значит, если я вытащу бластер и снесу вам голову, это будет совершенно законно? — осведомился Торн.

Охранник Риоваля напрягся, готовясь к молниеносному броску.

— Заткнись, Бел, — чуть слышно пробормотал Майлз.

А Риоваль, по-видимому, уже вошел во вкус новой игры.

— У вас нет оружия. Но если отбросить юриспруденцию, то у моих подчиненных есть приказ мстить за меня. Это, так сказать, естественный или фактический закон. В результате вы увидите, что ваш неразумный порыв был поистине противозаконен.

Барон Фелл поймал взгляд Майлза и чуть заметно наклонил голову. Пора вмешаться.

— Ну довольно, идемте, капитан, — сказал Майлз. — Мы у барона не единственные гости.

— Советую отведать горячих закусок, — гостеприимно предложил Фелл.

Риоваль тут же забыл о своем оппоненте и повернулся к Майлзу:

— Прошу посетить мое заведение, если будете спускаться на планету, адмирал. Даже бетанец может там с пользой расширить свой кругозор. Я уверен, что мои служащие сумеют найти для вас что-нибудь интересное и за приемлемую сумму.

— Теперь уже не найдут, — отозвался Майлз. — Все наши деньги — у барона Фелла.

— Ах как жаль. Ну, может, в следующий раз.

Момент для расставания был самым подходящим, но Бел не двинулся с места.

— Вы не смеете продавать эту гражданку Галактики!

И он резко махнул рукой в сторону квадди, чьи сосредоточенные голубые глаза сверкали за переливающейся поверхностью шара.

Риоваль остановился на полпути и изобразил на лице искреннее изумление.

— О, капитан! Я только сейчас понял. Бетанец... Значит, вы настоящий генетический гермафродит! У вас са-

мого есть определенное редкое качество, имеющее рыночную стоимость. Я могу предложить вам совершенно потрясающую работу, которая заставит вас по-новому видеть мир. И заработок вдвое выше вашего теперешнего! Причем в вас даже не будут стрелять. Гарантирую, что вы будете пользоваться огромным уважением. Оплата сдельная.

Впоследствии Майлз клялся, что физически ощутил, как у Торна зашкалило давление, когда до него дошел смысл сказанного. Видя, как потемнело лицо капитана, Майлз протянул руку и изо всех сил впился пальцами в его плечо.

— Нет? — удивился Риоваль, склоняя голову набок. — Ну ладно. Однако, если серьезно, я бы хорошо заплатил вам за образец тканей для моей коллекции.

Бел взорвался:

— Чтобы еще сотни лет мои клоны были секс-рабами? Только через мой труп! Или ваш... ах вы... вы...

Он так разъярился, что даже начал заикаться, чего Майлз не замечал еще ни разу за все годы их знакомства. Даже во время боя Торн держался гораздо спокойнее.

— Ах как это по-бетански! — ухмыльнулся Риоваль.

— Уймись, Ри, — проворчал оружейный магнат.

Риоваль вздохнул:

— Так уж и быть. Но это так увлекает!

— Нам не выиграть, Бел, — прошипел Майлз. — Пора убираться.

Фелл одобрительно кивнул.

— Благодарю вас за гостеприимство, барон Фелл, — официальным тоном проговорил Майлз. — До свидания, барон Риоваль.

— До свидания, адмирал, — отозвался Риоваль, неохотно прекращая то, что явно оказалось для него лучшим развлечением дня. — Для бетанца вы, похоже, не слишком закоснели в предрассудках. Надеюсь, когда-нибудь вы сможете навестить нас без вашего высокоморального друга.

— Не думаю, — пробормотал Майлз, тщетно роясь в памяти в поисках сокрушительного оскорбления, которое можно было бы бросить на прощание.

— Ах как жаль, — не унимался барон. — У нас есть один номер: карлик с собакой. Я уверен, вы нашли бы его захватывающе интересным.

Наступило мгновение полной тишины.

— Поджарьте их с орбиты, — напряженно посоветовал Бел.

Майлз ухмыльнулся, стиснув зубы, поклонился и отошел, таща Бела за рукав.

Почти сразу же подле них возник мажордом.

— Выход вон в той стороне, офицеры, будьте добры, — улыбнулся он.

Никогда еще Майлза не выставляли за дверь с такой любезностью.

Когда они вернулись на «Ариэль», Торн забегал взад-вперед по кают-компании. Майлз сидел и цедил кофе, такой же горький и черный, как его мысли.

— Извините, что я вышел из себя с этим сопляком Риовалем, — хрипло проговорил Торн.

— Какой он, к дьяволу, сопляк, — с досадой ответил Майлз. — Мозгу этого тела не меньше ста лет. Он управлял вами, как марионеткой. Нет. Нам нечего было надеяться выиграть у него партию. Честно говоря, было бы гораздо лучше, если бы у вас хватило ума заткнуться.

Он глубоко втянул в себя воздух, стараясь охладить ошпаренный язык.

Бел сокрушенно махнул рукой, признавая свою вину, и опять заметался, как зверь по клетке.

— А эта бедняжка, заключенная в своем пузыре... И я, дурак, упустил единственную возможность поговорить с нею! Бубнил какую-то чушь...

«Николь основательно разбередила в Торне мужское начало», — отметил про себя Майлз.

— Случается с каждым, — пробормотал он, улыбаясь в чашку, потом нахмурился.

Пожалуй, не следует поощрять интерес Торна к квадди. Женщина явно не просто одна из домашних слуг Фелла. У них здесь всего один корабль с экипажем в двадцать человек, но даже будь с ним весь дендарийский флот, Майлз не решился бы оскорбить оружейного барона на его собственной территории. В конце концов они на задании... Кстати, где этот проклятый пассажир? Почему он до сих пор не связался с «Ариэлем»?

Запищало переговорное устройство, и расстроенный капитан шагнул к двери.

— Торн слушает.

— Сэр, говорит капрал Нот от стыковочного узла. Здесь... женщина. Она вас спрашивает.

Торн и Майлз обменялись удивленными взглядами:

— Ее имя? — спросил Торн.

Послышалось приглушенное бормотание, а потом ответ:

— Она говорит — Николь.

Торн удивленно хмыкнул.

— Хорошо. Проведите ее в кают-компанию.

— Есть, капитан. — Капрал забыл отключить свое переговорное устройство и до них донеслось: — ...послужи здесь подольше, и не такого насмотришься...

Николь появилась в дверях, балансируя на летающем кресле — парящей округлой чаше, которая, казалось, ищет свое блюдце. Эмаль на кресле была того же голубого цвета, что и ее глаза. Пролетев на нем в дверь с грацией покачивающей бедрами женщины, она резко затормозила у стола, установив кресло на уровне сидящего человека.

Нижние руки квадди управляли креслом, а верхние оставались свободными. Опора для нижней части тела была явно изготовлена специально для нее. Майлз с огромным интересом наблюдал, как Николь маневрирует — он и не знал, что квадди могут жить за пределами «пузыря невесомости». Майлз предполагал, что вне своего аквариума Николь будет беспомощной, как медуза на

песке, однако она выглядела вполне крепкой и решительной дамой.

Торн явно повеселел.

— Николь! Как приятно снова вас видеть.

Николь отрывисто кивнула.

— Добрый день, капитан Торн. Здравствуйте, адмирал Нейсмит.

Она переводила взгляд с одного на другого и наконец задержала его на Торне. Майлз уже догадался, в чем дело, но решил пока помолчать. Прихлебывая кофе, он ожидал дальнейшего развития событий.

— Капитан Торн. Вы наемник, не так ли?

— Да...

— И... извините, если я вас не так поняла, но мне показалось, что вы отчасти... сочувствуете моему положению.

Торн отвесил галантный поклон:

— Я вижу, что вы висите над пропастью.

Николь сжала губы и молча кивнула.

— Не надо забывать, что она сама вовлекла себя в такую ситуацию, — напомнил Майлз.

Женщина гордо подняла голову:

— И намерена сама из нее выбраться.

Майлз опять укрылся за чашкой, а Николь принялась нервно изменять высоту кресла — взлетела чуть вверх, потом вниз и в результате зависла на прежнем уровне.

— Мне представляется, — снова заговорил Майлз, — что барон — весьма внушительный покровитель. Не думаю, чтобы у вас были основания опасаться... э-э... плотского интереса Риоваля, пока Фелл стоит у власти.

— Барон Фелл умирает, — мотнула головой Николь. — По крайней мере он сам так думает.

— Я это понял. А почему он не закажет себе клона?

— Он заказывал. Был договор с домом Бхарапутра. Клону было уже четырнадцать лет, он достиг полного размера. И тут пару месяцев назад юношу убили. Барон до сих пор не дознался, кто именно это сделал, хотя у

него и есть небольшой список кандидатур, возглавляемый его единоутробным братом.

— И Фелл оказался в плену дряхлеющего тела. Очень остроумный тактический ход, — заметил Майлз. — Интересно, что теперь предпримет этот неизвестный враг? Будет просто ждать?

— Не знаю, — ответила Николь. — Барон распорядился, чтобы ему вырастили новую копию, но она пока еще не вышла из маточного репликатора. Даже при использовании стимуляторов роста клон еще много лет не созреет для пересадки мозга. И очень может быть, что барон умрет, не дожив до этого момента. Даже независимо от состояния его здоровья.

— Скверно, — согласился Майлз.

— Я хочу уехать. Я заплачу, чтобы вы меня отсюда увезли.

— Тогда почему же, — сухо спросил Майлз, — вы не хотите истратить свои деньги в одной из трех галактических компаний, которые совершают сюда пассажирские полеты?

— Дело в моем контракте, — объяснила Николь. — Когда я подписывала его на Земле, то не представляла, чем это обернется на Архипелаге Джексона. Без разрешения барона я даже не могу купить билет, чтобы улететь отсюда. И к тому же стоимость жизни здесь все растет и растет. Не сомневаюсь, что прежде, чем истечет мой срок, положение станет гораздо хуже.

— А когда он истечет? — спросил Торн.

— Через пять лет.

— Ох!

— Так что вы... э-э... хотите, чтобы мы помогли вам нарушить контракт с синдикатом, — подытожил Майлз, отпечатывая чашечкой маленькие мокрые круги на крышке стола. — Вывезли вас контрабандой.

— Я могу заплатить. Сейчас я могу заплатить больше, чем через год. Когда я сюда ехала, я ждала совсем другого. Были разговоры о демонстрационной записи, но ее не сделали. По-моему, ее так никогда и не сделают.

А мне надо много выступать, чтобы собрать денег на дорогу домой. К моему народу... Я хочу... вырваться отсюда, пока не поздно. — Николь ткнула пальцем вниз, в направлении планеты, вокруг которой они сейчас вращались. — Люди, которые туда спускаются, часто не возвращаются обратно. — Она помолчала. — Вы ведь не боитесь барона Фелла?

— Нет! — ответил Торн.

— Да! — столь же решительно заявил Майлз.

Они обменялись взглядами.

— Мы склонны быть осторожными с бароном Феллом, — уточнил Майлз, и Торн пожал плечами, соглашаясь.

Николь нахмурилась и пододвинулась к столу. Вытянув из кармана шелкового жакета пачку ассигнаций со всевозможных планет, она положила ее перед офицерами:

— Это прибавит вам храбрости?

Торн взвесил пачку на руке, потом перелистал ее. По крайней мере пара тысяч бетанских долларов, главным образом в средних купюрах, хотя сверху лежала однодолларовая бумажка, маскируя величину суммы для невнимательного наблюдателя.

— Ну, — спросил Торн, глядя на Майлза, — и что мы, наемники, по этому поводу думаем?

Майлз задумчиво откинулся на спинку стула. Если Торн захочет, он может припомнить ему немало долгов — среди них и свято хранимую им тайну личности адмирала Нейсмита. Майлз вспомнил тот день, когда Торн помог захватить астероидную станцию и дредноут «Триумф», не имея ничего, кроме шестнадцати бойцов плюс дьявольское нахальство.

— Я поощряю творческие порывы моих подчиненных, — сказал он наконец. — Торгуйтесь, капитан.

Торн улыбнулся и взял бетанский доллар.

— Вы все правильно поняли, — сказал он музыкантке, — но сумма не та.

Женщина нерешительно потянулась к карману, но замерла, когда Торн подтолкнул обратно всю пачку.

— Что?

Торн сложил долларовую купюру в несколько раз.

— Это и есть необходимая сумма. Таким образом, наш договор стал официальным. — Бел протянул ей руку, зардевшаяся Николь торопливо пожала ее. — Заметано!

— Герой, — сказал Майлз, грозя ему пальцем, — имейте в виду: я наложу свое вето, если вы не придумаете, как осуществить это дело в полной тайне.

— Есть, сэр, — отозвался Торн.

Несколько часов спустя Майлза разбудил отчаянный писк коммпульта. Снившийся сон мгновенно рассеялся, оставив после себя только смутную уверенность в том, что он был реалистический и неприятный. Очень реалистический и очень неприятный.

— Нейсмит слушает.

— Говорит дежурный навигатор-связист, сэр. Вас вызывает по коммерческой связи какой-то тип с планеты. Его фамилия Воэн.

Так должен был назваться беглец, за которым они сюда прибыли. Настоящее его имя было Канабе. Майлз схватил китель, натянул его поверх черной майки, попытался пригладить волосы и уселся в кресло у пульта.

— Соедините нас.

На видеоэкране материализовалось мужское лицо — смуглое, с неопределенными чертами, не говорящими ни о какой расе; короткие волнистые волосы были тронуты сединой. Необыкновенным был только ум, светившийся в карих глазах. «Да, это он, — удовлетворенно подумал Майлз. — Ну, начали». Но Канабе выглядел не просто встревоженным — казалось, он в полном отчаянии.

— Адмирал Нейсмит?

— Да. Воэн?

Канабе кивнул.

— Где вы? — спросил Майлз.

— На планете.

— Вы должны были прибыть сюда.

— Знаю. Кое-что случилось. Есть проблема.

— Что за проблема?! Э-э... эта линия безопасна?

Канабе с горечью засмеялся.

— На этой планете нет ничего безопасного. Но я не думаю, чтобы за мной следили. Однако улететь я пока не могу. Мне нужна... помощь.

— Воэн, мы не в состоянии забрать вас силой... Если вы в плену...

Ученый затряс головой.

— Нет, дело не в этом. Я... кое-что потерял. Мне нужна помощь, чтобы это вернуть.

— Насколько я понял, вы должны были все оставить. Вам компенсируют любой ущерб.

— Это не личное имущество. Это нечто необходимое вашему нанимателю. Некие... образцы, которые... вышли из-под моего контроля. Без них меня не возьмут.

Похоже, доктор Канабе принимает Майлза за рядового исполнителя, которому доверен лишь минимум секретной информации. Что ж, тем лучше.

— Меня просили перевезти только лично вас и ваши навыки.

— Вам не сказали всего.

«Ну да, не сказали! Барраяр был бы счастлив заполучить тебя даже нагишом! Что же происходит?»

Встретив раздраженный взгляд Майлза, биолог решительно сжал губы.

— Я без этих препаратов не уеду. Если вы не согласны, то сделка отменяется. И плакали ваши денежки, наемник.

Он это серьезно. Проклятие! Майлз нахмурился.

— Все это чересчур таинственно.

Канабе пожал плечами.

— Извините, но я не могу иначе. Давайте встретимся, и я расскажу вам остальное. Или улетайте. Мне безразлично, что вы решите. Но то, о чем я говорю, должно быть сделано... должно быть... искуплено.

Майлз тяжело вздохнул.

— Хорошо. Но все сложности, которые вы устраиваете, увеличивают опасность для вас же. И для меня. Поэтому ваши требования должны иметь под собой действительно серьезные основания.

— Ах, адмирал, — проговорил Канабе, — это очень серьезно. Для меня.

С неба медленно падал снег, давая Майлзу новый повод для проклятий... Но, увы, — все ругательства у него кончились уже несколько часов назад. Его трясло от холода даже в толстой форменной куртке. Наконец-то у ветхой будки, в которой приютились Майлз и Бел, появился Канабе. Сохраняя полное молчание, дендарийцы последовали за ученым.

Лаборатории Бхарапутры располагались в центре города, и Майлзу здесь было откровенно неуютно: охраняемый космопорт, охраняемые небоскребы синдикатов, охраняемые муниципальные здания, охраняемые жилые массивы, а между ними — хаос заброшенных трущоб, которые никто не охранял и откуда крадучись выходили оборванные люди. Майлз с беспокойством подумал, что двоих дендарийцев, которым поручено тайно следовать за ними, может в случае чего и не хватить. Но обитатели трущоб сторонились их: они явно понимали, что значит охрана. По крайней мере в дневное время.

Канабе завернул в одно из близлежащих зданий. Лифты здесь не работали, а коридоры не отапливались. Какая-то темная фигура (кажется, женская) метнулась в сторону, во мрак, заставив Майлза вспомнить о крысах. Они неохотно поднялись за Канабе по пожарной лестнице, расположенной рядом с отключенным лифтом, прошли еще один коридор, а потом через дверь со сломанным замком попали в пустую грязную комнату. Что ж, тут хотя бы не было ветра.

— Думаю, теперь мы можем поговорить, — начал доктор Канабе, стягивая перчатки.

— Бел? — спокойно окликнул Майлз.

Торн вытащил сканер и быстро обследовал комнату, а охранники обшарили соседние помещения. Один занял пост в коридоре, другой расположился у окна.

— Здесь, похоже, чисто, — без особой уверенности доложил Торн. — Во всяком случае, пока.

Он демонстративно обошел со сканером вокруг Канабе. Тот ждал, опустив голову, словно сознавая, что лучшего и не заслуживает. Закончив проверку, Торн включил противоподслушивающее устройство.

Майлз скинул с головы капюшон и расстегнул куртку, чтобы при необходимости легче было достать спрятанное оружие. Поведение их клиента было каким-то странным. Что руководит этим человеком? Нынешнее положение гарантирует ему богатство — об этом говорят его шуба и богатая одежда под ней. Уровень его жизни, конечно, не станет ниже, когда он перейдет в Имперский научный центр Барраяра, но там у него наверняка будет меньше возможностей обогатиться на стороне. Следовательно, им движут не деньги. Но тогда зачем вообще служить в таком месте? Архипелаг Джексона — пристанище людей, чья жадность сильнее порядочности.

— Вы для меня загадка, доктор Канабе, — небрежно бросил Майлз. — Почему вы вдруг решили поменять место работы? Я неплохо знаю ваших новых нанимателей и, честно говоря, сомневаюсь, чтобы они могли предложить вам больше, чем дом Бхарапутра.

Именно так и должен говорить наемник.

— Они обещали мне защиту от барона Луиджи. Хотя если они имели в виду вас...

Тут Канабе с сомнением посмотрел сверху вниз на Майлза.

Ха! Похоже, он не лукавит, а действительно испуган и, того гляди, удерет от своих спасителей. А Майлзу потом лично объяснять шефу Имперской службы безопасности Иллиану, почему он не выполнил задания.

— Наши услуги уже оплачены, — сказал Майлз, — и, следовательно, вы можете распоряжаться нами. Но мы не можем защищать вас, если вы нарушаете планы,

составленные для вашей максимальной безопасности, вводите посторонние факторы и требуете, чтобы мы действовали с закрытыми глазами. Для того чтобы гарантировать результаты, мне необходима полная информация относительно того, что происходит.

— Никто не требует от вас каких-то гарантий.

— Прошу прощения, доктор, требуют.

— О! — произнес Канабе. — Я... понимаю. — Он прошел к окну, вернулся. — Но вы сделаете то, о чем я попрошу?

— Я сделаю, что смогу.

— Хорошо! — фыркнул Канабе. — Господи!.. — Он устало покачал головой, потом сделал решительный вдох. — Я приехал сюда не из-за денег. Я приехал, потому что мог проводить здесь такие исследования, какие невозможны больше нигде. Я мечтал о крупных открытиях... Но это превратилось в кошмар. Вместо свободы я попал в рабство. Чего они от меня требовали!.. И вечно мешали делать то, что я хотел. Да, всегда можно найти специалистов, готовых ради денег на все, но это — посредственности. Здешние лаборатории полны таких. А настоящих ученых купить нельзя. Я делал вещи — уникальные вещи, — которые Бхарапутра не стал использовать, потому что они недостаточно выгодны: ему все равно, скольких людей это облагодетельствует... У меня нет признания, нет уважения среди коллег... Год за годом я слежу по публикациям, как галактическая известность приходит к людям, которые во всем мне уступают! И только потому, что я не могу публиковать результаты своих исследований... — Канабе умолк и понурился. — Наверное, вы решили, что у меня мания величия.

— Нет, почему же, — отозвался Майлз. — Я решил, что вы испытываете острое чувство неудовлетворенности.

— Эта неудовлетворенность, — встрепенулся Канабе, — пробудила меня от долгого сна. А гордость заставила меня вновь открыть для себя стыд. И его груз ошеломил меня, совершенно ошеломил... Вы понимаете? Да нужно ли, чтобы вы понимали?

Он сделал несколько шагов и остановился, глядя в стену.

— Э-э... — Майлз виновато почесал в затылке. — Видите ли, доктор... Я буду счастлив выслушать ваши увлекательнейшие объяснения, но только на моем корабле. Нам следует как можно скорее улететь отсюда.

Канабе обернулся к нему с кривой усмешкой.

— Вы человек практичный. Солдат. Ну, видит Бог, мне сейчас именно солдат и нужен.

— Дела настолько запутались?

— Это... произошло внезапно. Было семь синтезированных генокомплексов. Один из них — средство для лечения некоего малораспространенного нарушения обмена. Другой в двадцать раз увеличивает производство кислорода водорослями на космических станциях. Один вообще не из лабораторий Бхарапутры: его привез человек... Мы так и не узнали, кто он такой на самом деле, но смерть следовала за ним по пятам. Несколько моих коллег, работавших над его темой, были убиты в одну ночь. К счастью, я никому не признался, что позаимствовал образец ткани для исследования. Я его еще не полностью расшифровал, но могу вам гарантировать: он абсолютно уникален.

От неожиданности Майлз чуть не задохнулся: странное стечение обстоятельств привело такой же образец ткани в руки дендарийской разведки уже год тому назад! Телепатический комплекс Теренса Си, тот самый, ради которого его императорскому величеству вдруг понадобился ведущий специалист-генетик. Когда доктор Канабе прибудет в свою новую барраярскую лабораторию, его будет ждать небольшой сюрприз. Но если остальные шесть комплексов по своей ценности хотя бы близки к тому, о котором идет речь, то шеф безопасности Иллиан будет тупым ножиком срезать с Майлза шкуру за то, что он их упустил. А задание-то оказывается не таким уж тривиальным...

— Все эти семь комплексов — плоды десятков тысяч часов исследовний, главным образом моих, но некоторые — и других людей. Это итог всей моей жизни. Я с

самого начала собирался прихватить их с собой, свернул их в вирусоподобную форму и поместил, связанные и дремлющие, в живую... — Канабе запнулся, — ...в живой организм. Я был уверен, что в этом организме никто не будет их искать.

— А почему вы не спрятали их в собственном теле? — раздраженно спросил Майлз. — Тогда вы не могли бы их потерять.

Канабе опешил:

— Я... не догадался. Как изящно! Почему я не додумался до этого? — Он изумленно дотронулся до лба, словно пытаясь найти отказавшую извилину. Потом снова сжал губы. — Но это все равно ничего не изменило бы. Мне необходимо... — Канабе умолк. — Дело в том организме, — объяснил он наконец. — В... существе.

Наступило еще одно долгое молчание, потом генетик стыдливо продолжил:

— Из всего, что я сделал по заказам этих мерзавцев, больше всего я жалею об одном. Вы должны понять: я тогда был моложе и все еще полагал, что меня здесь ждет карьера, о которой следует заботиться. И вина не на мне одном — так сказать, групповое преступление...

— Доктор, чем дольше мы здесь пробудем, тем больше у нас шансов сорвать операцию. Пожалуйста, переходите к сути.

— Да-да. Ну вот, несколько лет назад лаборатории дома Бхарапутра подрядились создать... новое существо. Согласно спецификациям.

— Я думал, что это дом Риоваль славится изготовлением людей или еще кого-то, согласно спецификациям, — сказал Майлз.

— Они изготавливают секс-рабов, штучные изделия. Это весьма специализированная область. И небольшая — покупателей очень мало. На свете есть много богачей и много извращенцев, но клиент дома Риоваль должен принадлежать одновременно к обеим категориям, а таких меньше, чем можно было бы ожидать. Короче, наш проект подразумевал массовое производство, которое Риовалю

не под силу. Одно из правительств моей планеты, притесняемое соседями, захотело, чтобы мы разработали для них суперсолдат.

— Как, опять? — изумился Майлз. — Я считал, что такое уже пробовали, и не однажды.

— На этот раз мы решили, что справимся. По крайней мере руководство фирмы было готово взять у заказчика деньги. Но дело сорвалось из-за слишком большого количества предложений. Клиенты, наше собственное начальство, генетики — у всех имелись какие-то идеи. В результате проект был обречен еще на стадии планирования.

— Суперсолдат, да еще и спроектированный целым комитетом! Милосердные боги! Просто ум за разум заходит. — Завороженный Майлз широко открыл глаза. — Ну и что же произошло?

— Нескольким из нас показалось, что физические пределы обычного человека уже достигнуты. Скажем, если мышечная система идеально здорова, стимулируется максимальным количеством гормонов, натренирована до определенного уровня, то большего уже сделать нельзя. Так что мы обратились к другим видам. Я, например, увлекся аэробным и анаэробным метаболизмом мышечной системы чистокровной лошади...

— Что? — ахнул пораженный Торн.

— Были и другие идеи. Много идей. Клянусь, не все они были моими.

— Вы соединили гены человека и животного?

— Почему бы и нет? Гены человека соединяли с генами животных уже в самом начале эпохи генной инженерии: это было испробовано чуть ли не в первую очередь. Человеческий инсулин от бактерий и тому подобное. Но до сих пор никто не осмеливался сделать обратное. Я сломал барьер, разгадал коды... Поначалу все шло хорошо. Только когда образцы достигли зрелости, стали видны все наши ошибки. Ну, это ведь была только первая проба. Эти создания должны были внушать страх. Но они оказались просто чудовищны.

— Скажите, — еле выдавил из себя Майлз, — а в вашем комитете был хоть один военный с боевым опытом?

— Полагаю, у клиента они были. Именно они дали нам спецификации, — ответил Канабе.

— Понимаю! — выпалил Торн. — Им требовался только рядовой состав!

Майлз кинул на него гневный взгляд, требуя молчания, и постучал пальцем по своему хронометру:

— Не будем отвлекаться, доктор.

После недолгой паузы Канабе снова заговорил:

— Мы изготовили десять образцов. А потом наш клиент... прекратил существование. Они проиграли свою войну...

— Ничего удивительного, — пробормотал Майлз.

— ...финансирование закончилось, и проект был закрыт, а мы лишились возможности исправить ошибки. Из десяти образцов девять уже погибли. А один остался. Мы держали его в лаборатории, и я поместил свои генокомплексы в это существо. Они и сейчас в нем. Последнее, что я собирался сделать перед отъездом, — это убить его. Мое искупление, если хотите.

— И тут? — подсказал Майлз.

— Несколько дней назад его вдруг продали дому Риоваля. Барон Риоваль охотно приобретает всевозможные диковинки для своих банков тканей...

Майлз с Белом переглянулись.

— Я понятия не имел, что его должны продать. Пришел утром, а его нет. По-моему, Риоваль понятия не имеет о его истинной ценности. Насколько я знаю, он и сейчас там, в заведении Риоваля.

Майлз решил, что у него начинается насморочная головная боль — несомненно, из-за холода.

— Скажите, будьте любезны, чего же вы теперь хотите от нас, от солдат?

— Проникните туда. Убейте его. Возьмите образец ткани. Только тогда я улечу с вами.

— Что именно взять: оба уха и хвост?

Ученый кинул на Майлза холодный взгляд:

— Левую икроножную мышцу. Именно туда я ввел мои комплексы. Вирус-носитель не заразный, далеко не мигрировал. Максимальная концентрация по-прежнему будет там.

— Ясно. — Майлз потер виски, прижал пальцами веки. — Ладно. Мы об этом позаботимся. Личный контакт между нами очень рискован, и я предпочел бы, чтобы он не повторялся. Планируйте явиться на мой корабль через двое суток. Как мы узнаем вашу тварь?

— Ошибиться трудно. Эта особь выросла до восьми футов. Я... хочу, чтобы вы знали: клыки — это не моя идея.

— По... понимаю.

— Она может двигаться очень быстро, если по-прежнему здорова. Я не могу вам чем-нибудь помочь? У меня есть доступ к сильным ядам...

— Спасибо, вы сделали уже достаточно. Дальше предоставьте действовать нам. Договорились?

— Лучше всего было бы полностью уничтожить тело. Чтобы не осталось клеток.

— Для этого и изобретались плазменные дуги. А сейчас вам лучше поторопиться.

Но Канабе все еще колебался.

— Адмирал Нейсмит?

— Да?..

— Наверное, было бы лучше, если бы мои будущие наниматели не узнали об этом эксперименте. Это воинственный народ. Они могли бы слишком заинтересоваться моим изобретением.

— О! — сказал Майлз — адмирал Нейсмит — лейтенант Барраярской Имперской службы — лорд Форкосиган. — По-моему, вам не следует тревожиться по этому поводу.

— А для вашего рейда хватит двух суток? — забеспокоился Канабе. — Учтите: если вы не получите ткани, я вернусь обратно на планету. Я не позволю захватить меня в плен.

— Вы будете довольны. Это оговорено в моем контракте, — ответил Майлз. — А теперь вам лучше уйти.

— Я полагаюсь на вас, сэр.

Биолог кивнул, стараясь подавить душевное смятение, и удалился.

Они подождали несколько минут в холодной комнате, чтобы дать ему время отойти подальше. Здание скрипело на ветру. С верхнего этажа донесся странный вскрик, чуть позже — резко оборвавшийся смех. Вернулся проследивший за Канабе охранник и доложил:

— Он благополучно добрался до своей машины, сэр.

— Ну, — начал Торн, — теперь нам придется раздобыть план помещений Риоваля...

— Не думаю, — ответил Майлз.

— Если мы устроим рейд...

— Какой, к черту, рейд! Я не буду рисковать людьми ради такого идиотизма. Я сказал, что берусь загладить его грехи, но не сказал — как.

Пункт коммерческой связи центрального космопорта вполне подходил для предстоящих переговоров. Майлз зашел в кабину и вставил в прорезь свою кредитную карточку. Торн примостился сбоку, вне обзора, а охранники ждали снаружи. Майлз набрал код вызова.

Через мгновение экран воспроизвел образ миловидной секретарши с ямочками на щеках и белым меховым хохолком вместо волос.

— Дом Риоваль, служба сбыта. Я могу вам чем-то помочь, сэр?

— Я хотел бы поговорить с управляющим, мистером Димом, — непринужденно заявил Майлз, — по поводу закупок для моей организации.

— Кто именно будет с ним говорить?

— Адмирал Майлз Нейсмит, Свободный флот дендарийских наемников.

— Секундочку, сэр.

— Вы и правда думаете, что они его продадут? — зашептал Бел, когда на месте девушки замерцал переливающийся всеми красками узор и зазвучала сладкая музыка.

— Вспомните вчерашний скандал, — сказал Майлз. — Готов поспорить, что эта тварь продается. И дешево.

В следующую секунду вместо многоцветного пятна возникло лицо поразительно красивого молодого человека, голубоглазого альбиноса в красной шелковой рубашке. На его розовой щеке красовался огромный синяк.

— Говорит управляющий Дим. Чем могу быть вам полезен, адмирал?

Майлз не спеша откашлялся.

— Моего внимания достиг слух, что дом Риоваль недавно приобрел у дома Бхарапутра некий образец, интересующий меня с профессиональной точки зрения. Предполагалось, что это существо станет прототипом идеального солдата. Вы ничего об этом не знаете?

Дим невольно дотронулся до своего синяка, потом, спохватившись, отдернул руку.

— Действительно, сэр, у нас имеется такой товар.

— Он продается?

— О, еще... То есть, я хотел сказать, некоторые предложения у нас уже имеются. Но, возможно, еще не поздно назначить вашу цену.

— Мне можно будет его осмотреть?

— Конечно, — отозвался Дим с плохо скрытой поспешностью. — Как скоро?

Раздался треск помех, картинка раскололась, и лицо управляющего отодвинулось в сторону. При виде их нового собеседника, появившегося на экране, Торн в своем углу зашипел, как рассерженная кобра.

— Я сам продолжу переговоры, Дим, — произнес барон Риоваль.

— Да, милорд.

Явно изумленный управляющий отключился, и изображение барона заняло все пространство.

— Итак, мой дорогой бетанец, — улыбнулся Риоваль, — как видно, у меня все-таки нашлось нечто такое, что вам по вкусу.

Майлз пожал плечами и равнодушно проговорил:

— Возможно. Если цена окажется сходной.

— Но мне казалось, что все ваши деньги потрачены у Фелла.

Майлз вскинул ладони:

— У хорошего командующего всегда есть скрытые резервы. Однако действительная ценность товара мне пока неясна. По правде говоря, даже само его существование вызывает у меня сомнения.

— О, этот товар действительно существует. И он очень... внушителен. Я с огромным удовольствием присоединил его к моей коллекции. Мне не хотелось бы с ним расставаться. Однако для вас, — тут Риоваль улыбнулся еще шире, — я мог бы назначить совсем небольшую цену.

И он рассмеялся, словно какой-то шутке, понятной лишь ему одному.

— О?

— Я предлагаю обмен, — пояснил Риоваль. — Плоть за плоть.

— Похоже, вы переоцениваете мою заинтересованность, барон.

Глаза Риоваля блеснули.

— Не думаю.

«Он знает, что я не стал бы с ним разговаривать, не будь это для меня достаточно важным. Логично, ничего не скажешь».

— Ну что же, сформулируйте ваше предложение.

— Вот оно: ручное чудище Бхарапутры (ах, вам бы только на него посмотреть, адмирал!) в обмен на три образца ткани. Три образца, которые, если вы будете действовать умно, не будут вам стоить ни гроша. — Риоваль поднял один палец: — Во-первых, от вашего бетанского гермафродита. — Второй палец: — Во-вторых, ваш собственный. — Третий: — От музыкантки-квадди барона Фелла.

Торна при этих словах чуть не хватил удар, но, слава Богу, он сидел тихо.

— Заполучить этот третий будет чрезвычайно трудно, — сказал Майлз, стараясь выгадать время для размышления.

— Вам — легче, чем мне, — ответил Риоваль. — Фелл знает моих агентов, а мои расспросы заставили его быть настороже. Вы даете мне уникальную возможность пере-

хитрить его. При достаточном желании это в ваших силах, я уверен.

— При достаточном желании практически все в моих силах, — уклончиво ответил Майлз.

— Вот видите. Я жду вашего ответа... скажем... в течение суток. Затем мое предложение снимается. До свидания, адмирал. — Риоваль дружески кивнул, и экран погас.

— Вот видите, — эхом повторил Майлз.

— Видите что? — с подозрением переспросил Торн. — Вы же не приняли всерьез это... мерзкое предложение, правда?

— Господи, да зачем ему понадобился образец моих тканей? — вслух удивился Майлз.

— Несомненно, для номера «карлик с собакой», — откликнулся Торн.

— Ну-ну. Боюсь, его ожидало бы горькое разочарование, когда мой клон вырос бы до метра восьмидесяти. — Майлз откашлялся. — В сущности, никому из нас это не повредит — дать маленький образец ткани. А устраивать налет — значит рисковать жизнью.

Торн прислонился к стене, скрестив руки на груди.

— Неверно. Вам придется рисковать жизнью, сражаясь со мной за мой образец. И за ее.

Майлз кисло улыбнулся.

— Что ж, итак...

— Итак?

— Итак, пошли искать план зверинца Риоваля. Похоже, нам предстоит серьезная охота.

Роскошные биолаборатории дома Риоваль были, конечно, не настоящей крепостью, а всего лишь несколькими охраняемыми зданиями. Несколькими большими и чертовски хорошо охраняемыми зданиями. Майлз стоял на крыше арендованного летающего фургона, изучая местность в бинокль ночного видения. Капли сгущающегося тумана блестели в его волосах, а влажный холодный ветер пытался отыскать щели в его куртке, с таким же упорством, как он — щели в охране Риоваля.

Группа белых корпусов возвышалась на фоне лесистого горного склона. Сады были освещены прожекторами: туман и мороз превратили их в настоящую сказку. Ворота с ближней стороны казались достаточно перспективными. Майлз медленно кивнул своим мыслям и слез с крыши фургона (убедительно сломавшегося на том участке горной дороги, откуда открывался хороший вид на владения Риоваля). Отворив заднюю дверцу, он юркнул внутрь, спрятавшись наконец от пронизывающего ветра.

— Хорошо, ребята, слушайте.

Его команда столпилась вокруг установленной посередине голокарты. Разноцветные огоньки бросали отсветы на лица младшего лейтенанта Марко, заместителя Торна, и двух рослых рядовых. За штурвалом фургона сидела сержант Лорин Андерсон, которой вместе с рядовым Сэнди Херельдом и капитаном Торном было поручено прикрывать поисковую группу. Тайный барраярский предрассудок не позволял Майлзу брать с собой в царство Риоваля женщин и — тем более — Торна. К тому же Лорин клялась, что сумеет провести любой сделанный человеком летательный аппарат даже сквозь игольное ушко (хотя Майлз сомневался, что она когда-нибудь в жизни держала в руках иголку с ниткой). Следовательно, полученный приказ не должен вызвать у нее удивления.

— Главная трудность в том, что мы до сих пор не знаем, где именно они держат эту бхарапутрскую тварь. Сначала преодолеваем заграждение, передний двор и главное здание — здесь и здесь. — Извилистая красная линия пролегла по намеченному Майлзом маршруту. — Затем прихватываем одного из внутренних служащих и допрашиваем его под суперпентоталом. С этого момента все решает скорость, поскольку будем рассчитывать, что его быстро хватятся. Ключевое слово операции — «тихо». Мы пришли сюда не воевать с подчиненными Риоваля. Держите наготове только парализаторы и припрячьте плазмотроны и остальные игрушки до того момента, как

мы найдем нашего зверя. Мы его быстро и без шума прикончиваем, я беру образец... — тут Майлз притронулся к куртке, под которой был спрятан криогенный контейнер, — и мы бежим. Если нас обнаруживают до того, как я заполучу этот драгоценный кусок мяса, мы не пытаемся пробиться на свободу. Не стоит. У них тут своеобразный метод расправы, а я не хотел бы пополнить собой знаменитый банк тканей Риоваля. Мы сдаемся и ждем, пока капитан Торн нас выкупит, а потом предпринимаем что-нибудь еще. На крайний случай у нас есть кое-какая приманка для Риоваля.

— На самый крайний случай... — пробормотал Торн.

— Если что-то разладится после того, как будет выполнено задание, вступают в действие правила боя. Образец в криоконтейнере должен быть любой ценой доставлен капитану Торну. Лорин, ты запомнила место аварийной встречи?

— Да, сэр.

— Остальные тоже запомнили? Вопросы? Предложения? Замечания? Тогда проверьте связь, капитан Торн.

Все наручные коммы работали нормально. Младший лейтенант Марко надел рюкзак с оружием, а Майлз спрятал в карман чертежи и планы, за которые совсем недавно заплатил изрядную сумму одной сговорчивой строительной компании. Четыре человека выскользнули из фургона и растворились в морозной темноте.

Они быстро пробежали через замерзший лес и приблизились к ограде. Марко вовремя заметил монитор наблюдения, ослепил его короткой вспышкой радиопомех, и поисковая группа перемахнула через стену (Майлз, подброшенный своими рослыми спутниками, взлетел на нее с легкостью мячика).

Внутренний двор оказался пустынным и неинтересным: запертые ворота, погрузочные эстакады, мусорные контейнеры, несколько припаркованных автомобилей. Поблизости раздались гулкие шаги, и они поспешно нырнули за мусорный контейнер. Медленно водя по сторонам инфракрасным сканером, прошел охранник. Четверо

пригнулись, спрятав лица в теплоизолирующие накидки, и стали неотличимы от мешков с мусором.

Ключом к помещениям Риоваля оказались каналы для отопительных магистралей, подвода оптических кабелей и комм-систем. Узкие каналы, совершенно непроходимые для крупного человека. Майлз скинул с себя накидку и передал рядовому — сложить и упаковать.

Встав на плечи Марко, Майлз прорезал вход в первый канал — вентиляционную решетку, расположенную высоко на стене над грузовой эстакадой. Он молча передал решетку вниз и, быстро оглядевшись — нет ли поблизости лишних зрителей, — проскользнул в трубу. Даже ему там было тесно. Мягко спрыгнув на цементный пол пакгауза, Майлз нашел пульт управления воротами, закоротил сигнал тревоги и приподнял их примерно на метр. Команда вкатилась внутрь, и он опустил ворота на место, стараясь действовать как можно тише. Пока все хорошо: им даже не пришлось сказать ни одного слова.

Дендарийцы едва успели спрятаться в дальнем углу приемного отсека, когда появился электрокар, нагруженный роботами-уборщиками. Машиной управлял рабочий в красном комбинезоне. Марко потянул Майлза за рукав и изобразил на лице вопрос: «Этого?» Майлз покачал головой. Прислуга вряд ли осведомлена, где держат зверя, — скорее, это может знать кто-то из начальства. Ни к чему усеивать свой путь бесчувственными телами...

Туннель в главное здание находился именно там, где предсказывала карта, но, как и следовало ожидать, дверь в конце его оказалась запертой. Пришлось снова взбираться Марко на плечи. Быстро прожужжал резак, освобождая потолочную панель, и Майлз проскользнул в канал энергосетей. Хлипкая конструкция наверняка провалилась бы под более крупным человеком. А вот и питающий кабель дверного запора. Майлз как раз начал вытаскивать инструменты из кармана куртки, когда рука Марко просунула в отверстие мешок с оружием и беззвучно установила панель на место. Майлз распластался

на животе и приник глазом к щели. Внизу в коридоре чей-то голос проревел:

— Стоять!

Майлз в своем укрытии заскрипел зубами. В одно мгновение дендарийцев окружило человек пять вооруженных охранников в красно-черной форме.

— Что вы тут делаете?

— А, дьявол! — воскликнул Марко. — Умоляю вас, мистер, не сообщайте моему командиру, что вы нас тут застукали. Он меня разжалует.

— Чего? — изумился сержант, тыча Марко в ребра стволом нейробластера. — Руки вверх! Кто вы такие?

— Меня звать Марко. Мы прилетели на Станцию Фелл на корабле наемников, но капитан не дал нам увольнений на планету. Только подумайте: добрались аж до самого Архипелага Джексона, а этот сукин сын не пускает нас вниз! Чертов чистоплюй не разрешает нам посмотреть на дом Риоваля!

Красномундирные охранники провели быстрое сканирование и обыск, но нашли только парализаторы да ту часть оборудования для взлома, которая осталась у Марко.

— Я побился об заклад, что мы сюда попадем, пусть даже у нас нет денег, чтобы войти в парадную дверь. — Губы Марко обиженно скривились. — Похоже, я проиграл.

— Похоже, что да, — прорычал сержант охраны.

Один из его людей продемонстрировал жалкую коллекцию конфискованных побрякушек и доложил:

— Для убийства эти парни не экипированы.

Марко выпрямился, великолепно изобразив возмущение:

— Мы не убийцы!

Сержант охраны покрутил в руках парализатор:

— В самоволке, да?

— Если успеем вернуться до полуночи — нет. — Теперь в голос Марко уже появились заискивающие нотки. — Послушайте, мой командир — форменный ублюдок. Нельзя ли сделать так, чтобы он ни о чем не узнал?

И Марко выразительно провел рукой по карману.

Главный охранник осмотрел его с головы до ног и усмехнулся:

— Может, и сделаем.

Майлз слушал, восхищенно открыв рот. «Марко, если это сработает, получишь повышение».

Марко помолчал, потом добавил:

— А можно нам сначала посмотреть что-нибудь? Пусть даже не девочек, а просто помещения? Чтобы я смог доказать, что был здесь...

— Тут тебе не бордель, салага! — отрезал сержант.

Марко был ошеломлен:

— То есть как не бордель?

— Здесь биолаборатории.

— Ох!

— Ах ты, идиот! — кстати вставил один из рядовых дендарийцев, и Майлз мысленно осыпал его благодарностями. Ни один из троих ни на секунду не поднял глаз к потолку.

— Но тот тип в городе сказал мне... — начал Марко.

— Какой тип? — спросил сержант.

— Тот тип, что взял у меня деньги, — объяснил Марко.

Двое из красномундирных уже начали ухмыляться. Сержант ткнул Марко своим нейробластером:

— Двигай, сопляк, обратно, откуда пришел. Сегодня тебе везет.

— Значит, мы все же заглянем внутрь? — с надеждой спросил Марко.

— Нет, — ответил сержант. — Значит, мы не переломаем тебе ноги, когда будем отсюда вышибать. — Помолчав, он немного мягче добавил: — В городе есть заведение с девочками.

Сержант вытащил из кармана Марко бумажник, проверил имя на кредитной карточке и, забрав наличные, вернул бумажник с карточкой владельцу; его подчиненные проделали то же самое с двумя рядовыми.

— Они там принимают кредитные карточки, а время до полуночи у вас еще есть. А теперь пошевеливайтесь!

И команду Майлза, опозоренную, но невредимую увели по тоннелю. Майлз дождался, пока все отойдут достаточно далеко, потом включил свой наручный комм.

— Бел?

— Да? — послышался мгновенный ответ.

— Неприятности. Марко и рядовых только что замела охрана Риоваля. Кажется, гениальный парень сумел задурить им головы, так что их просто выкинут за дверь, а не разберут на запчасти. Я последую за ними, как только смогу. Встретимся и подготовимся к следующей попытке.

Майлз помолчал, обдумывая ситуацию. Это полный провал: они теперь в худшем положении, чем были. Весь остаток ночи охрана будет начеку.

— Перед тем как отступать, — прибавил он в комм, — я попробую хотя бы выяснить, где зверюшка. Это повысит наши шансы на успех в следующем заходе.

Бел прочувствованно чертыхнулся.

— Будьте осторожны.

— Еще бы. Ждите Марко и его ребят. Нейсмит связь закончил.

После того как Майлз определил нужные провода, открыть дверь было несложно. Потом он несколько секунд висел на одной руке, другой прилаживая на место проклятую панель, а затем спрыгнул вниз. Против ожидания, кости выдержали, и ничего не сломалось. Проскользнув в главное здание, Майлз как можно скорее снова юркнул в вентиляцию — задерживаться в коридорах было опасно. Лежа на спине в узком канале, Майлз развернул карту и постарался отыскать новый, более безопасный маршрут — теперь уже не заботясь о том, чтобы он был проходимым для здоровенных рядовых. Но где же искать чудовище? В каком-нибудь карцере?

Сделав третий поворот, он заметил, что его путь больше не совпадает с картой. Черт бы их всех побрал! То ли систему изменили уже после окончания строительства, то ли карту ему подсунули неправильную... Ну, это не

имеет значения: он ведь не заблудился, и всегда можно вернуться тем же путем.

Майлз полз еще примерно полчаса, успев по дороге обнаружить и отключить два датчика системы безопасности. Время серьезно поджимало. Скоро надо будет... Ага, вот! Сквозь вентиляционную решетку он разглядел полутемную комнату, заставленную головидеопультами и коммоборудованием. На карте эта комната значилась как «Мелкий ремонт», но с мастерской не имела ничего общего. Еще одна перемена с тех пор, как сюда вселился Риоваль? За пультом спиной к Майлзу сидел какой-то человек. Упускать такую возможность было нельзя.

Медленно-медленно, опасаясь издать хоть малейший звук, Майлз вытащил из рюкзака пневморужье, проверил, заряжено ли оно — суперпентотал с примесью парализатора, специальный коктейль, приготовленный медтехом «Ариэля», — прицелился и мягко нажал на спуск. Человек у пульта всего лишь раз хлопнул себя по шее и застыл, бессильно уронив руку. Майлз ухмыльнулся, быстро прорезал решетку и спустился в комнату.

Мужчина был одет в хорошо сшитый костюм. Может, это один из здешних ученых? Откинувшись на спинку стула, он со спокойным интересом наблюдал за Майлзом. Потом вдруг начал медленно падать.

Майлз подхватил его и усадил прямо.

— Ну-ка, сядьте вот так, нельзя же разговаривать, уткнувшись носом в ковер, правда?

— Не-е... — Мужчина кивнул и дружелюбно улыбнулся.

— Вам что-нибудь известно о чудовищном создании, которое совсем недавно купили у дома Бхарапутра и привезли сюда?

— Да.

Майлз напомнил себе, что суперпентотал заставляет допрашиваемого отвечать на все вопросы прямо и недвусмысленно.

— Где его держат?

— Внизу.

— Где именно внизу?

— В подвале. Там много всяких закоулков... Вот мы и решили — пускай оно там крыс переловит. — Мужчина хихикнул. — Съест ли песик крысика? Съест ли крысик песика?..

Майлз прикинул маршрут. Если думать о том, как его команде туда пробраться и как выбраться обратно, то место удачное. Но придется осмотреть большую территорию: настоящий лабиринт из утопленных в скалу бетонных опор и специальных виброустойчивых колонн, идущих наверх, в лаборатории. Что ж, примем это к сведению... Майлз открыл футляр с инъекторами, отыскивая быстродействующее снотворное, и тут впервые заметил на левом запястье мужчины радиобраслет, такой же многофункциональный, как и у него самого. На нем мигал сигнал вызова. Майлз с внезапным беспокойством уставился на приборчик. Эта комната...

— Кстати, кто вы?

— Моглиа, начальник службы безопасности дома Риоваль, — радостно сообщил его собеседник. — К вашим услугам, сэр.

— Ах вот как.

Майлз начал поспешно копаться в инъекторах. Проклятые пальцы вдруг сделались какими-то непослушными...

Дверь резко распахнулась.

— Стоять, мистер!

Майлз нажал кнопку направленной тревоги на своем браслете и вскинул руки вверх, одновременно отбрасывая его подальше в сторону. Еще в воздухе сработал самоликвидатор, и начинка комма расплавилась; теперь охрана Риоваля не сможет с его помощью найти остальных членов команды, а Бел хотя бы знает, что случилось что-то непредвиденное.

Шеф службы безопасности весело хихикал, поглощенный пересчитыванием собственных пальцев. А охранник одним прыжком добрался до Майлза, скрутил его, прижал лицом к стене и с жестоким умением принялся обыскивать. Через несколько секунд Майлз уже

был разлучен с бряцающей горой своего недвусмысленного оборудования, а также с курткой, сапогами и брючным ремнем. Держась за стену, он корчился от боли (результат точно нацеленных ударов в нервные центры) и обиды из-за так внезапно изменившей ему удачи.

Когда начальника службы безопасности наконец вывели из-под действия суперпентотала, он был весьма недоволен, узнав, что чуть раньше его подчиненные отпустили трех незнакомцев в военной форме, только оштрафовав их. Моглиа приказал привести охрану в состояние полной боевой готовности и отправил вооруженный отряд в погоню за улизнувшими нарушителями. Потом со стыдливым опасением посмотрел на коммпульт и, поколебавшись, набрал номер.

— Милорд?

— В чем дело, Моглиа? — Лицо барона Риоваля было заспанным и раздраженным.

— Извините, что разбудил вас, сэр, но я подумал, что вы захотите об этом знать. Мы только что поймали здесь незваного гостя. Странный тип, похожий на карлика-переростка. Пролез по вентиляционным каналам. Вот что было у него с собой...

И начальник продемонстрировал криоконтейнер, электронные устройства для нейтрализации системы наблюдения и оружие Майлза. Повинуясь его знаку, сержант охраны выпихнул спотыкающегося пленника в поле обзора.

— Он задавал вопросы о бхарапутрском чудище.

Губы Риоваля приоткрылись. Потом глаза его вспыхнули, и барон расхохотался, откинув голову.

— Мне следовало бы заранее догадаться. Крадете вместо того, чтобы покупать! Ах, адмирал! — проворковал он. — Прекрасно, Моглиа!

— Вы знаете этого маленького мутанта, милорд?

— Да еще как. Его зовут Майлз Нейсмит. Наемник в чине адмирала. Чином он, разумеется, сам себя пожало-

вал. Прекрасно сработано, Моглиа. Задержите его: я приеду утром и лично им займусь.

— Как с ним обращаться, сэр?

Риоваль пожал плечами:

— Как вам вздумается.

Когда изображение погасло, Майлз очутился под перекрестным огнем злобных взглядов. Следующие несколько минут были хуже некуда: охранник держал Майлза, а начальник бил, стараясь попасть по печени. Но, видимо, сам он все еще неважно себя чувствовал, чтобы по-настоящему насладиться экзекуцией.

— Так ты пришел посмотреть на игрушечного солдатика Бхарапутры, а? — прохрипел он, растирая собственный живот.

Сержант охраны поймал взгляд шефа.

— Знаете, сэр, по-моему, мы можем удовлетворить его желание.

Начальник службы безопасности блаженно улыбнулся, словно перед ним предстало прекрасное видение:

— Да...

Майлз надеялся, что ему ничего не сломают. Завернув руки за спину, его повели по лабиринту коридоров и подъемников. Наконец они спустились в самый низ — в пыльный подвал, заставленный старыми приборами и ящиками, и пробрались к заделанному в пол люку. Под ним оказалась металлическая лесенка, отвесно уходившая в темноту.

— Последнее, что мы туда кинули, — это крысу, — сердечно сообщил Майлзу сержант. — Чудище моментально откусило ей голову. Девятая модель очень хочет есть. У нее обмен веществ, как у домны.

Охранник пихнул Майлза на лестницу и заставил спуститься на метр-другой, колотя его дубинкой по пальцам. Остановившись вне пределов досягаемости дубинки, Майлз рассмотрел тускло освещенный каменный пол. Дальше виднелся только хаос теней.

— Девять! — крикнул сержант в гулкую темноту. — Эй! Девять! Обед! Иди лови!

Начальник службы безопасности рассмеялся, но тут же обхватил руками голову и застонал.

Риоваль сказал, что утром сам займется Майлзом; значит, эти подонки должны были понять, что их шефу нужен живой пленник. Поняли ли они? Нужен ли?

Майлз сплюнул кровавую слюну и огляделся.

— Это что, темница?

— Нет-нет, всего лишь подвал, — жизнерадостно заверил его сержант. — Темница — это для тех, кто может заплатить за постой. Ха, ха, ха!

Все еще посмеиваясь, он захлопнул крышку люка. Лязгнул запирающий механизм, прозвучали удаляющиеся шаги, потом все стихло.

Майлз был в одних носках, и ноги быстро замерзли на металлических перекладинах лестницы. Зацепившись за перекладину одной рукой, он сунул вторую в рукав футболки, чтобы хоть немного ее согреть. В карманах не осталось ничего, кроме плитки рациона да носового платка.

Он долго стоял на лестнице. Подниматься было бесполезно, спускаться — удивительно не хотелось. Постепенно боль от побоев стала утихать, нервная дрожь прошла. «Все могло бы обернуться гораздо хуже», — решил Майлз. Сержант и шестеро его горилл могли бы затеять с ним какую-нибудь исключительно неприятную игру — например, в Лоуренса Аравийского и шестерых турок. Начальник штаба дендарийцев, коммодор Танг, в последнее время усиленно пичкал Майлза военными мемуарами. Так как же полковник Лоуренс выбрался из затруднительного положения? Ах да, прикинулся идиотом. Наверное, Танг давал эту книгу и Марко.

Постепенно глаза Майлза привыкли к полумраку. Редкие, слабо светящиеся плафоны отбрасывали пятна мертвящего желтого света.

Он представил себе срочный выпуск новостей на Барраяре: «Тело имперского офицера найдено в подвале сказочного дворца Царя Плоти. Смерть от истощения?» Черт подери, как это непохоже на картинное самопожертво-

вание во имя императора, пойти на которое он когда-то клялся! Просто стыд и срам. Одна надежда, что бхарапутрское чудище съест улики.

С таким мрачным утешением Майлз спустился вниз и начал хромать от колонны к колонне, то и дело останавливаясь, прислушиваясь, оглядываясь. Может, где-нибудь окажется еще одна лестница? Может, там есть люк, который забыли запереть? Может, еще осталась какая-нибудь лазейка?

Может, что-то движется во мраке вон за той колонной!..

У Майлза захватило дух. Потом снова отпустило: движущийся предмет оказался толстой крысой-альбиносом. При виде человека она отпрянула и засеменила прочь, постукивая коготками о камни пола. Всего лишь сбежавшая лабораторная крыса. Чертовски крупная — но все равно всего лишь крыса.

Гигантская тень с невероятной быстротой появилась из ниоткуда. Поймав крысу за хвост, она ударила взвизгнувшего зверька о колонну и с хрустом размозжила ему голову. Мелькнул толстый ноготь-коготь, располосовавший белую шкуру от горла до хвоста; отчаянно спешащие пальцы, разбрызгивая кровь, мгновенно ободрали тушку. Клыки Майлз заметил только тогда, когда они вонзились в крысиное мясо, разрывая его на части. Это были настоящие клыки, а не декоративное украшение, и росли они на выдвинутой вперед челюсти с длинными губами и большим ртом, но впечатление создавалось не обезьянье, а волчье. Плоский нос, мощные надбровные дуги, волосы — темные, грязные и спутанные. И... да, полные восемь футов роста: высокое, длиннокостное, мускулистое тело.

Карабкаться обратно на лестницу бесполезно: это чудовище моментально схватит его и прихлопнет, как ту крысу. Взлететь вверх по колонне? Ах, если бы на его руках и ногах были присоски! Как жаль, что барраярские инженеры об этом не подумали... Замереть на месте и притвориться камнем? Майлз невольно остановился именно на этом способе защиты: он оцепенел от ужаса.

Ногти на здоровенных ступнях, босых на ледяном полу, тоже напоминали когти. Но существо это не было голым, оно носило сшитую из зеленой лабораторной ткани одежду — свободную куртку, перехваченную ремнем, и широкие брюки. Однако самым поразительным было другое...

«Мне не говорили, что это женщина!»

Кошмарное создание почти закончило свою трапезу, когда подняло глаза и увидело человека. С окровавленными руками, окровавленным лицом оно застыло так же неподвижно, как дендариец.

Судорожным движением Майлз вытащил из заднего кармана раздавленную плитку рациона и протянул чудовищу.

— На сладкое? — предложил он с истерическим смешком.

Уронив обглоданный скелет крысы, Девятая выхватила плитку из его руки, сорвала обертку и сожрала. Потом шагнула вперед, ухватила Майлза за плечо и приподняла так, чтобы оказаться с ним лицом к лицу. Когтистые пальцы впились в его тело, ноги беспомощно болтались над полом. Из клыкастой пасти разило именно так, как и ожидал Майлз. Глаза ужасной твари были воспалены и пылали.

— Воды! — прохрипела она.

«Мне не говорили, что она разговаривает!»

— Э-э... воды, — пискнул Майлз. — Точно. Здесь должна быть вода... Посмотри, там на потолке столько всяких труб. Если ты... э-э... поставишь меня на пол, милая моя, я попробую найти трубу с водой или еще что...

Она медленно опустила его и разжала когти. Майлз осторожно попятился, держа руки по швам ладонями наружу. Откашлявшись, он постарался заставить свой голос звучать низко и успокаивающе.

— Попробуем-ка вон там. Потолок идет вниз, или, вернее, скала идет вверх... Вон там, видишь — освещенная трубка... Белый цвет обычно обозначает воду. Серый нам ни к чему, это канализация, а красный — оптиче-

ские кабели... — Неизвестно, насколько она понимает речь, но тон для животных значит все. — Если бы ты... э-э... согласилась поставить меня себе на плечи, как делал младший лейтенант Марко, я попробовал бы открутить вон тот переходник...

Майлз сопровождал свои слова пантомимой, не зная, доходит ли что-нибудь до разума, который скрывается за этими ужасными глазами.

Окровавленные руки, в два раза больше человеческих, резко схватили его за бедра и подняли вверх. Майлз уцепился за белую трубу и передвинулся к навинчивающемуся переходнику. Мощные плечи под его ногами двинулись вместе с ним. Муфта была тугой, но Майлз старался изо всех сил, почти ломая свои хрупкие кости. Наконец пластик скрипнул, поддаваясь, и между пальцами начала брызгать вода. Еще один поворот — и сверкающая струя ударила в камни пола.

Девятая так спешила, что чуть не уронила Майлза. Широко раскрыв рот, она начала пить, захлебываясь, кашляя и глотая воду с еще большей жадностью, чем сырое мясо. Она пила, и пила, и пила, обливала водой руки, лицо и голову, смывая с себя кровь, и снова принималась пить. Майлз уже решил было, что она никогда не напьется, но в этот миг Девятая попятилась, откинула с лица мокрые волосы и уставилась на него. Смотрела она чуть ли не целую минуту, а потом вдруг взревела:

— Холодно!

Майлз подскочил.

— А... холодно... да. Мне тоже, и носки у меня промокли. Тепло, тебе нужно тепло. Ну-ка, посмотрим. Э-э... давай попробуем вон там, где потолок ниже. Здесь бессмысленно, все тепло будет собираться наверху, нам не достанется...

Девятая шла за ним с напряженным вниманием фокстерьера, выслеживающего... э-э... ну да, крысу. А Майлз петлял вокруг колонн — туда, где до потолка оставалось чуть больше метра.

— Хорошо бы открыть вот эту. — Он указал на широкую трубу под потолком. — По ней нагнетается горячий воздух. Но я не вижу здесь удобных переходников.

Он нахмурился, пытаясь найти решение. Композитный пластик необычайно прочен.

Девятая нагнулась и дернула трубу, потом легла на спину и несколько раз ударила по ней ногами... Это ни к чему не привело, и на ее лице отразилось глубочайшее разочарование.

— Попробуй вот так.

Дендариец с опаской взял чудовище за руку и провел ее твердыми ногтями по всей окружности. Она царапала и царапала, а потом снова посмотрела на него, словно хотела сказать: «Не получается!»

— А теперь снова попробуй лягать и тянуть, — посоветовал Майлз.

Веса в Девятой было, наверное, не меньше полутора центнеров, и она налегла всем телом, уперевшись ногами в потолок и выгибаясь. Труба треснула по линии царапин, и наружу с шипением начал выходить горячий воздух. Девятая подставляла ему руки, лицо — чуть ли не обернулась вокруг этой трубы; потом встала на колени, обдуваемая жарким ветром. А Майлз стянул с себя носки и бросил их на теплую трубу сушиться. Вот подходящий момент бежать — если бы было куда. Кроме того, Майлзу не хотелось выпускать из виду свою добычу. Он напомнил себе о невообразимой стоимости мышцы левой икры Девятой, а она уселась на камень и уткнулась лицом в колени.

«Мне не говорили, что она умеет плакать!»

Майлз вытащил из кармана форменный носовой платок (вот и нашлось применение этому бесполезному куску материи) и протянул его Девятой.

— На, утри слезы вот этим.

Девятая взяла, высморкала плоский носище и попыталась вернуть ему платок.

— Оставь себе, — сказал Майлз. — Э-э... Скажи, как тебя зовут?

— Девятая. — Ее хриплый, низкий голос был странно напряженным. — А как зовут тебя?

«Боже, целое предложение!» — Майлз изумленно моргнул и представился:

— Адмирал Майлз Нейсмит.

Девятая подняла на него потрясенный взгляд:

— Военный?! Настоящий офицер?! — И с сомнением добавила, словно впервые как следует его рассмотрела: — Ты?

Майлз решительно кашлянул.

— Самый что ни на есть настоящий. Но только сейчас немного не в форме, — признался он.

— Я тоже, — уныло проговорила Девятая и шмыгнула носом. — Не знаю, сколько я уже сижу в этом подвале, но попила я в первый раз.

— По-моему, три дня, — сказал Майлз. — А... э-э... еды тебе тоже не давали?

— Нет. — Она нахмурилась. В сочетании с клыками это производило потрясающее впечатление. — Это хуже того, что они делали со мной в лаборатории. А я-то думала, что там плохо!

Да уж. Как говорится, лучше ошибиться, чем обмануться...

Майлз вспомнил свою карту и представил себе, как берет столь тщательно разработанный план всего этого предприятия и аккуратно спускает его в мусоропровод. Вентиляционное отверстие на потолке не давало ему покоя. Девятая ни за что в него не пролезет...

Великанша отбросила с лица мокрые волосы и снова уставилась на Майлза. Глаза у нее были светлые, золотисто-зеленые, отчего она еще больше походила на волчицу.

— А что ты в самом деле здесь делаешь? Это еще одна проверка?

— Нет, это все взаправду. — Майлз чуть не улыбнулся. — Я... э-э... совершил ошибку.

— Наверное, я тоже, — сказала Девятая, опуская голову...

Майлз подергал себя за губу.

— Интересно, что у тебя была за жизнь? — пробормотал он.

Девятая ответила так, словно ей задали самый обыкновенный вопрос:

— Я жила у приемных родителей, пока мне не исполнилось восемь. Как все клоны. Потом я стала большая и неловкая и начала все ломать. Тогда меня поселили в лаборатории. Там было неплохо, тепло и много еды.

— Они не могли тебя сильно упростить, если серьезно думали сделать солдата. Интересно, что показали твои тесты на умственное развитие? — проговорил Майлз. Он не ждал ответа, а просто размышлял вслух.

— Сто тридцать пять.

Майлз едва не потерял дар речи: рекордно высокий показатель!

— По... понятно. Тебя когда-нибудь учили?

Она пожала плечами.

— Было много проверок. Это было... ничего, неплохо. Кроме тестов на агрессивность. Мне не нравится электрошок. — Она помрачнела, вспоминая. — И психологов я тоже не люблю. Они всегда врут. — Девятая ссутулилась. — Все равно я не справилась. Мы все не справились.

— Как можно говорить, что ты не справилась, если тебя как следует не обучали? — презрительно сказал Майлз. — Специальность военного включает в себя сложнейшие навыки и умение взаимодействовать в больших группах. Я уже сколько лет изучаю стратегию и тактику, а знаю еще очень мало. Все дело вот в этом, — и он постучал пальцем по голове.

Девятая пристально посмотрела на Майлза.

— Если это так, — и она перевела взгляд на свои когтистые руки, — то почему они сделали со мной такое?

Майлз замолчал, почувствовав, что в горле у него странно пересохло. «Итак, адмиралы тоже врут. Иногда даже самим себе». После неловкой паузы он спросил:

— А тебе самой не приходило в голову сломать водопроводную трубу?

— Когда что-то ломаешь, тебя наказывают. Или меня наказывали. Может, тебя и нет. Ты ведь человек.

— А ты не думала вырваться, убежать? Долг попавшего в плен солдата — бежать. Выжить, освободиться, навредить врагу. Вот в такой последовательности.

— Врагу? — Девятая подняла глаза к нависшему над ними массиву лабораторного корпуса. — А кто мои друзья?

— Хм!

Что ответишь на такой вопрос? И куда бы бежал этот гигантский генетический коктейль с клыками? Девятая сделала глубокий вдох, и Майлз понял, каким должен быть его следующий шаг.

— Твои друзья ближе, чем ты думаешь. Зачем, потвоему, я сюда приехал?

«Вот именно, зачем?»

Девятая только кинула на него хмурый взгляд.

— Я пришел за тобой. Мне о тебе рассказали. Я... веду набор. Точнее говоря, вел. Все пошло не так, как надо, и теперь приходится удирать. Но если ты убежишь со мной, то сможешь присоединиться к дендарийским наемникам. Команда высшего класса, и там всегда найдется место нескольким талантливым людям... или не совсем людям. У меня есть один сержант, которому просто необходим такой новобранец, как ты.

Он подразумевал сержанта Дайба, знаменитого стойким предубеждением к «солдатам в юбках». Женщина-новобранец, выдержавшая его муштру, становилась на удивление агрессивной. Майлз представил себе, как Дайба держат вниз головой на высоте трех метров... Нет, так нельзя. Усмирив разгулявшееся воображение, он вновь сосредоточился на настоящем. Вид у Девятой был недоверчивый.

— Очень смешно, — холодно сказала она, и Майлз в ужасе подумал — а не заложили ли в нее и способности к телепатии... Нет, не может быть, этот генокомплекс разработан совсем недавно. — Но я даже не человек. Или об этом тебе не рассказывали?

Майлз осторожно пожал плечами.

— Человек тот, кто поступает по-человечески. — Он заставил себя протянуть руку и коснуться ее влажной щеки. — Животные не плачут, Девятая.

Она вздрогнула, словно от удара током.

— Животные не врут. А люди — врут. Всегда.

— Не всегда.

Майлз надеялся, что в этом тусклом свете не видно, как он покраснел. А Девятая пристально вглядывалась в его лицо.

— Докажи.

Она склонила голову набок, и ее бледно-золотые глаза вдруг вспыхнули.

— Э-э... конечно. Как?

— Сними одежду.

— ...что?

— Сними одежду и ляг со мной, как делают люди. Мужчины и женщины.

Медленно протянув руку, она дотронулась до его шеи. Огромные когти вдавились в горло. Майлз полупридушенно вскрикнул — ему казалось, что глаза выскакивают из орбит. Сейчас Девятая надавит чуть посильнее, и из него забьют алые фонтаны. «Я вот-вот умру».

Она смотрела в лицо молодого человека со странной, пугающей жаждой. Потом вдруг разжала пальцы. Майлз вскочил, треснувшись со всего размаха головой о низкий потолок, и снова плюхнулся на пол. Мысли у него путались, но это не имело никакого отношения к любви с первого взгляда.

Девятая издала стон, раздвинув губы над клыками.

— Уродина! — взвыла она. Когти скользнули по ее щекам, оставляя кровавые борозды. — Уродина... животное...

Казалось, ее переполняет какая-то отчаянная решимость.

— Нет-нет-нет! — поспешно закричал Майлз, рывком поднимаясь на колени и хватая ее за руки. — Дело не в этом. Просто... э-э... и вообще, сколько тебе лет?

— Шестнадцать.

Шестнадцать. Боже! Он хорошо помнил этот возраст Одержимость сексом и адские муки из-за своего искореженного, хрупкого, ненормального тела. Одному Богу известно, как ему удалось пережить собственную ненависть к себе. Нет... Теперь он вспомнил. Его спасли те кто его любил.

— Разве тебе не рано об этом думать? — с надеждой спросил Майлз.

— А сколько было тебе?

— Пятнадцать, — признался он, не успев придумать какую-нибудь подходящую ложь. — Но... это было тяжело. В конечном итоге ни к чему хорошему это не привело.

Девятая опять поднесла когти к своему лицу.

— Не смей! — крикнул Майлз, повисая на ее руках.

Все это слишком живо напомнило ему навсегда врезавшуюся в память сцену с сержантом Ботари и ножом. Сержант тогда силой отнял у юноши нож; в данном случае этот вариант отпадает.

— Изволь успокоиться! — заорал он.

Девятая заколебалась.

— Дело просто в том, что э-э... офицер и джентльмен не бросается на свою даму, едва войдя в комнату. Надо сесть, устроиться поудобнее. Поговорить, выпить немного вина, послушать музыку... расслабиться. Ты еще и не согрелась как следует. Ну-ка, садись сюда, здесь теплее.

Майлз устроил Девятую поближе к сломанной трубе и, встав у нее за спиной, попробовал размять ей шею и плечи. Могучие мускулы у него под пальцами перекатывались, как булыжники. Да, пытаться задушить ее явно бесполезно.

«Вот так ситуация: заперт в подвале с сексуально озабоченным оборотнем-подростком! Об этом не говорилось ни в одном учебнике по тактике... — Майлз вспомнил о своем задании: доставить левую икроножную мышцу Девятой на «Ариэль». — Доктор Канабе, если я вырвусь отсюда живым, у нас с вами состоится небольшой разговор...»

— По-твоему, я слишком высокая.

Горе и странная форма рта делали голос Девятой низким и глухим.

— Ничуть. — Майлз понемногу овладевал собой и врал теперь гораздо быстрее. — Я обожаю высоких женщин, спроси кого хочешь. Кроме того, я давным-давно сделал приятное открытие, что разница в росте важна только пока стоишь. Когда лежишь, это перестает быть такой проблемой.

Он невольно припомнил все, чему научился методом проб и ошибок... главным образом ошибок. Тяжелое воспоминание. Что вообще женщинам надо?

Устроившись перед Девятой, он с серьезным видом взял ее за руку. Девятая смотрела на него с не меньшей серьезностью, ожидая... чего? Инструкций! В этот миг до Майлза дошло, что перед ним — его первая девственница. Совершенно обалдев, он несколько секунд мог только глупо улыбаться.

— Девятая... Ты раньше никогда этого не делала, да?

— Я видела фильмы. — Она нахмурилась, вспоминая. — Обычно начинают с поцелуев, но... — Она неопределенно махнула в сторону своих неправильных губ, — ты, наверное, не захочешь...

Майлз постарался забыть о съеденной крысе. В конце концов девушку морили голодом.

— Фильмы могут здорово обмануть. Женщине — особенно впервые — нужно время, чтобы научиться понимать реакции своего тела. Так мне говорили мои друзья-женщины. Я боюсь, что могу причинить тебе боль.

«И тогда ты выпустишь мне кишки».

Девятая смотрела прямо ему в глаза.

— Это не страшно. У меня очень высокий болевой порог.

«А у меня — нет».

Это просто безумие. Она сумасшедшая. Он тоже сумасшедший. Но все-таки Майлз ощущал, как его захватывает колдовское очарование этого немыслимого предприятия... Нет сомнений, что встретить более высо-

кую женщину ему не доведется. Очень кстати вспомнились и анекдоты о великанше и карлике. Он может наконец исполнить свое заветное желание...

«Черт подери, а она будет недурна собой, когда отмоется». Девятая была не лишена некоего... нет, «очарование» — явно не то слово... Той особой привлекательности, которая всегда сопутствует силе, ловкости, целесообразности форм. Надо только привыкнуть к необычному масштабу. Майлз даже издали чувствовал жар этого огромного тела... «Животный магнетизм?» — подсказал затаившийся где-то в уголке его мозга хладнокровный наблюдатель. В одном можно не сомневаться — ощущения явно будут удивительные.

Ему вдруг вспомнился один из афоризмов матери. «Если уж за что-то берешься, — говаривала леди Форкосиган, — делай это как следует».

Опьяненный своими мыслями, Майлз отбросил костыли логики, сменив их на крылья вдохновения.

— Ну что же, доктор, — пробормотал он, — начнем эксперимент.

Целовать женщину с клыками было действительно необычным ощущением. Ее ответный поцелуй (а она оказалась способной ученицей) — еще необычнее. Девятая в экстазе обхватила Майлза, и с этого момента он совершенно потерял контроль над происходящим. Только спустя долгое время, пытаясь отдышаться, он открыл глаза и спросил:

— Девятая, ты когда-нибудь слышала о паучихах?

— Нет... а в чем дело?

— Да так, — отмахнулся он.

Все получалось неумело и неловко, но искренне, а когда главное было позади, то слезы по ее щекам катились от радости, а не от боли. Девятая была чудовищно (а как же еще?) довольна им. А Майлз настолько обессилел, что даже на несколько минут заснул, положив голову ей на грудь.

И проснулся с диким хохотом.

— У тебя и правда изящные скулы, — сказал он, проводя пальцем по ее лицу. Она подалась к Майлзу,

прижимаясь одновременно к нему и к трубе с горячим воздухом. — На моем корабле есть одна женщина с длинными волосами, она заплетает их в косу. Может, она тебя научит.

Девятая протянула вперед свалявшуюся прядь и скосила взгляд, пытаясь рассмотреть ее. Потом тоже прикоснулась к его лицу:

— Ты очень хорош собой, адмирал.

— Я? — Майлз представил свою небритую физиономию. «Не иначе, ее ослепляет мой чин!»

— У тебя лицо... живое. А глаза видят то, на что смотрят.

— Девятая... — Майлз смущенно кашлянул. — Черт подери, это же не имя. Это цифра. А что случилось с Десятой?

— Умерла.

«Может, и я умру», — добавили золотистые волчьи глаза, прежде чем она успела прикрыть их веками.

— А тебя звали только Девятой?

— Есть еще длинный компьютерный код — мое настоящее наименование.

— Ну, номера есть у всех нас. — (А у меня, если подумать, даже два.) — Но я не могу звать тебя «Девятая», словно ты какой-то робот. Тебе необходимо настоящее имя, имя которое тебе подойдет.

Майлз прислонился к обнаженному плечу, гладкому, твердому и невероятно горячему. Да, о ее метаболизме говорили правду. Он улыбнулся.

— Таура.

— Таура? — Ее длинный рот с трудом произнес непривычное слово. — Для меня это слишком красиво!

— Таура, — твердо повторил Майлз. — Прекрасное, но сильное. Полное тайного смысла. Превосходно. И кстати, о тайнах...

Не пора ли сообщить ей о кладе, который доктор Канабе зарыл в ее левую икру? Или ей будет больно, как женщине, за которой ухаживали из-за ее состояния... или титула?.. Майлз решил обождать.

— Ну а теперь, когда мы лучше узнали друг друга, нам пора отсюда выметаться.

Таура оглядела мрачный подвал:

— Как?

— Вот это нам и надо сообразить. Признаюсь, мне в голову так и лезут вентиляционные каналы.

Труба с теплым воздухом не годилась — Майлзу надо будет несколько месяцев голодать, прежде чем он в нее пролезет, и к тому же в ней сваришься. Он расправил и надел свою черную футболку (брюки Майлз натянул, как только проснулся: каменный пол безжалостно высасывал тепло из тела) и с трудом поднялся на ноги. Кажется, он уже становится староват для таких приключений! А этой трехметровой шестнадцатилетке хоть бы хны... Майлз даже ощутил нечто вроде зависти. Сам он в шестнадцать лет валялся в песочке и грелся на солнышке.

Таура тоже оделась и, пригнувшись, чтобы не задеть головой потолок, пошла следом за Майлзом.

Они несколько раз обошли подземелье. Здесь было четыре лестницы, каждая из которых упиралась в запертый люк. В самом низу они обнаружили запертые грузовые ворота. Проще всего было бы попытаться их выломать, но если Майлзу не удастся сразу же связаться с Торном, то до города предстоит идти двадцать семь километров по снегу. Он — в носках, она — босиком. Но даже если они туда дойдут, то Майлз не сможет воспользоваться связью, потому что его кредитная карточка заперта у охраны. А просить милостыню в городе Риоваля — сомнительное мероприятие. Итак, выломать дверь и потом пожалеть об этом, или остаться и поискать какую-нибудь экипировку, рискуя быть снова пойманными? Тактические решения — такая прелесть!

Вентиляционные каналы победили. Майлз выбрал самый подходящий и указал наверх.

— Как думаешь, ты могла бы его открыть и подсадить меня туда? — спросил он.

Таура внимательно осмотрела решетку и медленно кивнула. Вытянувшись, она вонзила когти под край ре-

шетки и одним рывком отогнула ее; затем просунула пальцы в получившуюся щель, поджала ноги и повисла. Под тяжестью огромного тела труба заметно прогнулась.

— Ну вот, — сказала Таура.

Она легко, как котенка, подняла Майлза, и он, извиваясь, протиснулся внутрь. Канал оказался на редкость тесным, хотя Майлз выбрал самый большой. Дважды ему пришлось остановиться, чтобы справиться с приступами истерического хохота. Канал повернул вверх, и Майлз уже было возликовал, но очень скоро оказался у новой решетки, с которой ничего нельзя было сделать. Чертыхнувшись, он пополз обратно.

Таура ждала его, запрокинув лицо вверх, — это был непривычный угол зрения.

— Бесполезно, — сообщил он. — Э-э... ты не поможешь мне спуститься? — Она поставила его на пол, и Майлз попытался отряхнуться. — Пойдем поищем еще чего-нибудь.

Таура послушно следовала за ним, но что-то в выражении ее лица подсказывало, что она теряет веру в его адмиральство. Тут внимание Майлза привлекло некое архитектурное сооружение, и он подошел, чтобы получше рассмотреть его.

Это была одна из виброустойчивых опор — колонна двухметрового диаметра, погруженная в глубокий резервуар с жидкостью в скальном грунте. Несомненно, она идет в одну из лабораторий, обеспечивая неподвижность аппаратуры для выращивания кристаллов. Майлз постучал по колонне. Раздался глухой звук. «Ну, конечно, вполне естественно — сполшной бетон ведь не очень плавуч, не так ли?» А что это за желоб сбоку?.. Люк? Майлз провел пальцами по углублению, потом, протянув вторую руку, нащупал такое же на другой стороне колонны, надавил... Раздался негромкий хлопок, шипение — и кусок обшивки остался в руках Майлза. От неожиданности он пошатнулся и чуть не уронил панель в образовавшееся отверстие, но все же устоял на ногах и с победной ухмылкой продемонстрировал свою добычу Тауре.

Засунув голову в проем, он огляделся. Темно, как в преисподней. Майлз очень осторожно исследовал внутреннюю поверхность колонны, и вскоре его рука наткнулась на металлическую лесенку. Так, это для обслуживающего персонала. После ремонта колонну наверняка запрессовывают жидкостью или сжатым воздухом — тогда в нее снаружи не попасть. Вынырнув обратно, он тщательно осмотрел внутреннюю сторону люка. Вот удача! Открывается и изнутри тоже!

— Ну-ка слазим да поглядим, нет ли повыше таких же.

Двигаться приходилось медленно, на ощупь отыскивая в темноте новые желобки. Майлз старался не думать о том, что будет, если он поскользнется. Глубокое дыхание Тауры за его спиной успокаивало. Они поднялись примерно на три этажа, когда немеющие от холода пальцы Майлза нащупали еще один люк. Он чуть не пропустил его — люк был с противоположной стороны лестницы. Но попытка открыть его едва не закончилась плачевно — стараясь дотянуться до замков, Майлз поскользнулся и после этого несколько секунд вынужден был судорожно цепляться за лестницу, ожидая, пока сердце перестанет бешено колотиться.

— Таура? — проскрипел Майлз. — Я взберусь повыше, а ты попробуй открыть.

Длинных рук Тауры хватило, и запоры, протестующе завизжав, поддались ее сильным пальцам.

— Что там? — прошептал Майлз.

— Большая темная комната. Наверное, лаборатория.

— Этого и следовало ожидать. Лезь вниз и поставь на место нижнюю крышку: незачем подсказывать охране, куда мы делись.

Пока Таура выполняла свое задание, Майлз пролез через отверстие в темную лабораторию. Он не осмелился включить свет, но в этом и не было необходимости — разноцветные огоньки на пультах давали достаточное освещение, чтобы видеть очертания предметов. Единственная стеклянная дверь выходила в коридор; там кое-где горели лампы, и Майлз разглядел, как вдали промельк-

нул красно-черный силуэт охранника. Интересно, что они тут стерегут?

Таура бесшумно выскользнула из тесного для нее люка и тяжело опустилась на пол, уткнувшись лицом в ладони. Встревожившись, Майлз поспешно подошел к ней.

— Как ты? В порядке?

Она потрясла головой:

— Нет. Есть хочу.

— Как, уже? Так ведь это же была суточная плитка рациона!

(Не говоря уже о двух-трех килограммах сырого мяса в качестве закуски!)

— Может, для тебя, — свистящим шепотом отозвалась Таура. Ее била крупная дрожь.

Майлз начал понимать, почему Канабе сказал, что проект провалился. Только представить себе, что пришлось бы кормить целую армию таких едоков! Тут и Наполеон бы призадумался. А если эта худая девчонка еще и растет...

В конце лаборатории возвышался огромный холодильник. Может быть, лаборантам Риоваля не чужды человеческие слабости? Ага! Действительно, среди колб нашелся сверток с недоеденным бутербродом и большой, хотя и помятой, грушей. Майлз вручил все это Тауре, и она была потрясена, словно адмирал волшебством извлек угощение из своей шляпы. Мгновенно проглотив еду, бедняжка немного оправилась.

На всякий случай Майлз пошарил еще, но в холодильнике больше не было никакой органики, если не считать закрытых клювет с чем-то студнеобразным, покрытым разноцветной плесенью. Но зато здесь были три огромные морозильные камеры. Майлз прижался лицом к стеклянному окошечку и рискнул нажать на клавишу внутренней подсветки. Его взору предстали целые штабеля пронумерованных пластиковых поддонов, уставленных маленькими прозрачными бюксами. Какие-то замороженные образцы. Тысячи... нет, какое там — сотни тысяч. Он взглянул на шкалу термометра: внутри —

температура жидкого азота... Майлз вдруг с размаху сел на пол.

— Знаешь, где мы? — напряженно шепнул он.

— Извини, нет, — шепотом ответила Таура, подползая поближе.

— Это был риторический вопрос. Я уже знаю...

— Где?

— В сокровищнице Риоваля.

— Что?

— Это, — Майлз ткнул пальцем в морозильник, — вековая коллекция тканей. Господи! Она практически бесценна. Все уникальные, невосполнимые диковинки, все мутации, которые Риоваль выпросил, купил, одолжил или украл за последние три четверти столетия, выстроены в аккуратные шеренги и дожидаются, пока их разморозят, чтобы вырастить очередного беднягу-раба. Здесь — сердце всего этого дерьмового инкубатора!

Майлз вскочил, вглядываясь в панель управления. Получится ли?

В этой лаборатории наверняка есть своя система слежения, и показания мониторов передаются как минимум в центр безопасности. Да, вон сколько сигнализаторов у входа... Ну и что! Майлз и не собирается открывать дверь. Он до нее даже не дотронулся. Что его интересует, так это показания системы. Если удастся запороть хотя бы один датчик... Интересно, эта штука передает данные на несколько внешних пультов или только на один? На лабораторном столе нашелся фонарик, а рядом — бесконечные ящики со всевозможными инструментами и реактивами. Таура озабоченно наблюдала, как Майлз мечется по лаборатории и все исследует.

Действительно, монитор морозильников передавал данные по радио, так что до него было не добраться. А что, если попробовать сдублировать входные данные? Майлз постарался как можно бесшумнее снять пластиковый кожух дымного цвета. Да, вот она — оптическая нить выходит из стены, постоянно передавая информацию о внутренней температуре морозильника. Она соединена с

более страшной черной коробкой, управляющей дверным сигналом. Но он уже видел целый ящичек с разнообразными оптическими волокнами и переходниками... Из пучка технического спагетти Майлз извлек то, что ему было нужно: в ящичке оказалось три устройства для регистрации оптических данных. Два из них были неисправны. Третье — исправно.

Быстрая манипуляция, и вот уже один морозильник разговаривает с двумя коробками управления. Ему просто пришлось рискнуть тем, что во время переключения сигнализация замигает. Если кто-то захочет проверить, то увидит, что все снова выглядит прекрасно. Майлз подождал, пока устройство для регистрации выйдет на непрерывный режим воспроизведения. Он низко пригнулся, выключив даже крошечный фонарик. Таура ждала абсолютно бесшумно, с терпением хищного зверя, выслеживающего добычу.

Раз, два, три — и устройство для регистрации данных разговаривает уже со всеми тремя коробками управления. Штекеры настоящих вводов бессильно повисли. Получится ли? Сигнала тревоги не слышно, по коридору не мчатся толпы разъяренных охранников...

— Таура, подойди сюда.

Она сделала два шага и нависла над ним, все еще ничего не понимая.

— Ты когда-нибудь встречалась с бароном Риовалем?

— Да, один раз... Когда он пришел меня купить.

— Он тебе понравился?

Таура изумленно посмотрела на Майлза, словно спрашивая: «Ты что, спятил?»

— Да, мне он тоже не слишком приглянулся. Тебе хотелось бы вырвать ему печенку, а?

Она сжала когтистые пальцы в кулак:

— Дай только возможность!

— Прекрасно! — Майлз весело улыбнулся. — Я собираюсь дать тебе первый урок тактики. Видишь вот этот рычажок? Температуру в морозильниках можно поднять почти до двухсот градусов Цельсия, для стерилизации

во время очистки. Дай-ка мне палец. Один палец. Расслабь руку. Вот так. — Он поднес коготь Тауры к регулятору. — Самое маленькое давление, чтобы только его сдвинуть... А теперь следующий... — Майлз подвел ее ко второму пульту, — и последний.

— А знаешь, в чем урок? — выдохнул он, сам еще не до конца веря случившемуся. — Дело не в том, сколько силы ты прикладываешь. Главное — куда.

Майлз еле справился с желанием написать фломастером на стенке морозилок что-нибудь вроде: «Привет от карлика!» Соблазн был велик, но разумнее сохранить инкогнито. Чем дольше смертельно разгневанный барон не сможет сообразить, кого преследовать, тем дальше они успеют удрать. Понадобится несколько часов, чтобы довести все это хозяйство от температуры жидкого азота до стадии хорошо прожаренного бифштекса, но если никто сюда не заглянет до начала утренней смены, разрушение будет необратимым.

— А теперь, — сказал он Тауре, все еще рассматривавшей регулятор и свою руку сияющими золотыми глазами, — нам надо отсюда выбираться. Нам по-настоящему надо отсюда выбираться!

«Иначе следующий урок придется озаглавить «Не взрывай моста, на котором стоишь», если дело вообще дойдет до уроков», — с тревогой признался себе Майлз.

Более внимательно рассмотрев автоматический замок, а также то, что находилось за дверью (например, самонаводящиеся мониторы, способные вести лазерный огонь), Майлз чуть было не вернулся снова наладить морозильники. Его электронные отмычки, оставшиеся в центре службы безопасности, может быть, и справились бы с этой сложнейшей охранной аппаратурой. Но, конечно, ему не добыть свои инструменты без инструментов... такой вот парадокс. Майлза не удивило то, что свою самую сложную систему Риоваль приберег для единственной двери в лабораторию. Но из-за этого помещение стало еще худшей ловушкой, чем подвал.

Он еще раз прошелся по ящикам лаборатории с краденым фонариком. Компьютерных чипов-ключей там не оказалось, но все же он обнаружил пару грубых кусачек и вспомнил о вентиляционной решетке подвала. Так. Подъем в лабораторию оказался всего лишь иллюзорным путем к побегу.

— Не надо стыдиться отступления на более выгодную позицию, — прошептал он, когда Таура заупрямилась, не желая снова влезать в темную трубу опоры. — Здесь тупик.

Сомнение, отразившееся в этих нечеловеческих глазах, странно огорчило Майлза, тяжелым грузом упав на сердце. «Ты все еще не доверяешь мне, да? Ну что же, тот, кто познал настоящее предательство, нуждается в серьезных доказательствах». — Держись меня, девочка, — пробормотал Майлз, влезая в трубу. — Мы далеко пойдем.

Недоверие Тауры скрылось под полуопущенными веками, и она последовала за Майлзом, закрыв люк.

Благодаря фонарику спуск оказался немного менее утомительным, чем подъем в неизвестное. Других выходов не нашлось, и вскоре они уже стояли на каменном полу помещения, из которого недавно бежали. Майлз проверил состояние их фонтанчика, а Таура снова попила. Вода мелким ручьем стекала по покатому полу. Если учесть колоссальные размеры помещения, то понадобится несколько дней для того, чтобы скапливающаяся внизу вода представила какие-нибудь стратегические возможности, хотя всегда остается надежда на то, что она поможет ослабить фундамент.

Таура снова подсадила Майлза к вентиляции.

— Пожелай мне удачи, — бросил он через плечо.

— Прощай, — сказала она. Майлз не видел выражения ее лица, а голос ничего не выражал.

— До встречи, — твердо поправил он Тауру.

Вскоре Майлз уже был у вентиляционной решетки. За ней оказался чулан, заваленный барахлом, — часть настоящего подвала, тихая и пустынная. Щелканье перерезающих решетку кусачек показалось Майлзу таким громким,

что он уже ждал появления всех охранников Риоваля, но никто не пришел. Может, начальник службы безопасности отсыпается после суперпентотала? В вентиляционном канале послышалось какое-то царапанье, и Майлз замер на месте. Посветив фонариком в ответвление, он увидел блеск двух рубинов — глаза гигантской крысы. Не пристукнуть ли ее на закуску Тауре? Нет. Когда они вернутся на «Ариэль», она получит обед с бифштексом. С двумя бифштексами. Крыса спаслась бегством.

Решетка, наконец, была разрезана, и Майлз протиснулся в чулан. Интересно, который сейчас час? Осталось мало, очень мало. Дверь из чулана вела в коридор, а там в полу тускло блеснул один из люков. Сердце Майлза забилось в жаркой надежде. Как только он выведет Тауру, надо будет попытаться захватить какой-нибудь транспорт...

Этот люк, как и тот, через который его впихнули, открывался вручную, и здесь не надо было обезвреживать никакой заумной электроники. Прежде чем спуститься по лестнице, Майлз заклинил его кусачками.

— Таура! — шепотом позвал он и посветил фонариком вниз. — Где ты?

Ответа не последовало, а кричать ему не хотелось. Стремительно спустившись, Майлз молча зарысил по подвалу. Каменный пол холодил босые ноги, заставляя его страстно мечтать о потерянных ботинках.

Он нашел Тауру, молчаливо притулившуюся у колонны. Она сидела, положив щеку на колено; лицо ее было задумчивым и печальным. Право, не так уж трудно научиться читать мысли по ее волчьему лицу.

— Пора шагать, солдат, — позвал Майлз.

Она подняла голову.

— Ты вернулся!

— А что я, по-твоему, собирался сделать? Конечно, я вернулся. Ты же мой новобранец, так?

Таура потерла лицо тыльной стороной своей большой лапы... («руки» — сурово поправил себя Майлз...) и выпрямилась во весь свой внушительный рост.

— Выходит, так.

Клыкастый рот улыбнулся. Да уж, с непривычки можно здорово испугаться.

— Я сумел открыть люк. Нам надо попытаться выбраться из главного здания на задворки. Там я видел несколько машин. Что значит небольшая кража по сравнению...

Его прервал громкий скрежет, и грузовые ворота начали раздвигаться. В помещение ворвался холодный сухой воздух, узкий луч желтого рассвета отбросил голубые тени. Из яркого сияния, заставившего их зажмуриться, возникло несколько фигур в красном, поспешно входивших с оружием на изготовку.

Таура стиснула руку Майлзу. Он хотел было крикнуть ей: «Беги!» — но остановил себя. От луча нейробластера не убежать, а это оружие есть по крайней мере у двух охранников. Майлз только зашипел в бессильной ярости: даже чертыхнуться не получилось бы. Они были уже так близко...

Неспешно подошел начальник службы безопасности Моглиа.

— Что, Нейсмит, все еще цел? — ухмыльнулся он. — Похоже, до Девятой наконец-то дошло, что надо слушаться! А, Девятая?

Майлз с силой сжал Тауре руку, надеясь, что она поймет его правильно. «Выжидай».

Она подняла голову и холодно ответила:

— Пожалуй!

— Пора бы уже, — сказал Моглиа. — Будь умницей, и мы отведем тебя наверх и дадим завтрак.

«Прекрасно», — просигналила ей рука Майлза. Теперь Таура и сама наблюдала за ним, ожидая подсказки.

Моглиа ткнул Майлза дубинкой:

— Идем, недомерок. Твои друзья выложили-таки выкуп. Удивили меня.

Майлз и сам удивился. Он двинулся к выходу, словно невзначай увлекая за собой Тауру. Теперь важно не при-

влечь внимания охранников к их контакту. Майлз отпустил ее руку, как только она двинулась за ним следом.

«Что здесь, черт возьми, происходит?» — недоумевал Майлз, когда они вышли в ослепительный рассвет, на асфальт, покрытый сверкающим инеем. Там их ожидала весьма странная компания.

Бел Торн и один из дендарийцев, оба с парализаторами... не пленные? Шестеро людей в зеленой форме дома Фелл с оружием на изготовку. И рядом с одним из них — квадди Николь, кутающаяся в белый мех от холода. Солнце, поднимающееся над далекими горами, только начало разгонять облака. Утро было золотым и морозным.

— Это тот, кто вам нужен? — спросил зеленый капитан охраны у Бела Торна.

— Да, это он. — На бледном лице Торна проступала странная смесь облегчения и отчаяния. — Адмирал, с вами все в порядке? — тревожно крикнул Бел, и тут глаза его широко распахнулись при виде спутницы Майлза. — А это еще что такое?

— Это солдат-новобранец Таура, — твердо проговорил Майлз, надеясь, что Бел разберется в нескольких подтекстах этого заявления, а охранники Риоваля ничего не поймут.

Вид у Торна был потрясенный, у начальника же службы безопасности — подозрительно-недоумевающий. Однако, видимо, Моглиа решил, что Майлз — это проблема, от которой он вот-вот избавится, поэтому отбросил свои недоумения, чтобы заняться более важным — капитаном охраны Фелла.

— Что происходит? — шепотом спросил Майлз у Торна, подбираясь поближе, пока охранник в красном не поднял нейробластер. Моглиа и капитан Фелла, отойдя в сторону, обменивались какими-то дискетами — видимо, сопроводительными данными официального характера.

— Когда вчера ночью мы вас потеряли, я запаниковал, — негромко объяснил Бел Майлзу. — Прямая атака даже не обсуждалась, поэтому я связался с баро-

ном Феллом и попросил о помощи. Но помощь, которую я получил, оказалась довольно неожиданной: Фелл с Риовалем договорились между собой обменять вас на Николь. Клянусь, я узнал подробности только час назад! — с отчаянием добавил он, заметив возмущенный взгляд квадди.

— Понятно... — Майлз помолчал. — Мы собираемся вернуть ей ее доллар?

— Сэр, — с отчаянием ответил Торн, — мы же понятия не имели, что с вами тут происходит. Мы с минуту на минуту ждали, что Риоваль начнет транслировать какие-нибудь кошмарные пыточные шоу с вами в главной роли. Пользуясь словами коммодора Танга: в трудном положении — изворачивайся.

Майлз узнал один из столь любимых старым космическим волком афоризмов Сунь Цзы. Коммодор Танг имел привычку цитировать умершего четыре тысячи лет назад генерала на его родном китайском, а в добром расположении духа сообщал и перевод. Майлз осмотрелся, прикидывая количество оружия, охранников, оборудования... У большинства зеленых были парализаторы. Тринадцать против... Трех? Четырех? Он взглянул на Николь. Может быть, пяти? Сунь Цзы рекомендовал: «В отчаянном положении — сражайтесь». Можно ли представить себе более отчаянное положение?

— И что же мы предложили барону в обмен на эту потрясающую милость? Или он выручает нас исключительно по доброте душевной?

Торн откашлялся.

— Я обещал сказать ему всю правду о бетанской процедуре омоложения.

— Бел!..

Торн расстроенно пожал плечами:

— Мне казалось, когда мы вас получим, то что-нибудь придумаем. Но мне и в голову не пришло, что он предложит Риовалю Николь, клянусь!

Майлз заметил что внизу, в долине, по рельсу фуникулера ползет бусинка. Скоро должна прибыть утренняя

смена биоинженеров и буфетчиков. Взглянув на третий этаж, он представил себе сцену, которая разыграется, когда охрана отключит сигнализацию в лаборатории третьего этажа и впустит работников. Первый же вошедший сморщит нос и недовольно скажет: «Чем тут так гадко воняет?»

— «Медтех Воэн» уже записался в команду? — спросил Майлз.

— Через час после того, как вы отправились сюда.

— Угу... Ну... оказалось, что нам вовсе не надо закалывать упитанного тельца. Он идет сам. — И Майлз кивком указал на Тауру.

Бел еще сильнее понизил голос:

— Вот эта летит с нами?

— Безусловно. Воэн нам не все сказал. Мягко выражаясь. Потом объясню, — добавил Майлз, потому что капитаны как раз закончили свои переговоры.

Размахивая своей дубинкой, Моглиа направился к Майлзу.

— Дело в том, что ты допустил небольшой просчет. Положение не трудное. Оно отчаянное. Николь, я хочу, чтобы вы знали: дендарийцы никогда не разрывают сделок.

Николь нахмурилась, не понимая. Бел изумленно расширил глаза, подсчитывая соотношение сил: Майлз понял, что у него получилось тринадцать против трех.

— Правда? — выдавил из себя Бел.

— По-настоящему отчаянное, — подтвердил Майлз. Он сделал глубокий вдох. — Вперед! Таура, нападай!

Майлз кинулся к Моглиа не столько в надежде вырвать у него дубинку, сколько для того, чтобы тот оказался между ним и нейробластерами. Рядовой-дендариец, внимательно ко всему прислушивающийся, первым же выстрелом парализатора свалил одного из охранников с нейробластером, а потом откатился в сторону, увертываясь от огня второго. Бел свалил второго с нейробластером и отскочил. Два красных охранника, целившихся из своих парализаторов в бегущего гермафродита, вдруг оказались поднятыми за шкирки. Таура столкнула их голо-

вами: не по правилам боевого искусства, но мощно. Они упали на землю и ползли на карачках, пытаясь найти свое оружие.

Зеленые охранники замешкались, не зная, в кого им стрелять, и тут Николь с разгоревшимся ангельским лицом вдруг взвилась вверх на своем кресле и спикировала прямо на голову своего стража, поглощенного картиной боя. Тот рухнул как подкошенный. Николь повернула свое кресло боком, закрывшись от огня парализаторов зеленых, и снова взмыла вверх. Таура схватила красного охранника и швырнула им в зеленого. Оба рухнули бесформенной кучей.

Рядовой-дендариец вошел с зеленым охранником в ближний бой, заслоняясь им от удара парализатора. Капитан Фелл не попался на этот маневр и безжалостно парализовал обоих: разумный тактический ход при таком превосходстве сил. Моглиа прижал свою дубинку к горлу Майлза и начал душить его, одновременно выкрикивая приказы в свой комм-браслет. Он вызывал подкрепление. Заорал зеленый охранник: Таура вывихнула ему руку в плече и, раскрутив за нее, швырнула в другого, целившегося в нее из своего парализатора.

У Майлза начало темнеть в глазах. Капитан Фелл, сосредоточившись на Тауре как на самом опасном бойце, был свален парализатором Бела Торна, и в тот же момент Николь врезалась на своем кресле в спину последнего зеленого охранника.

— Фургон! — прохрипел Майлз. — Захватывайте летающий грузовик.

Бел с отчаянием взглянул на него и помчался к машине. Майлз извивался ужом, но Моглиа дотянулся до сапога, извлек острый узкий нож и приставил его к шее Майлза.

— Не двигайся! — рявкнул Моглиа. — Вот так-то...

Он выпрямился во внезапно наступившей тишине, осознав, что ему удалось овладеть ситуацией, стремительно перераставшей в катастрофу.

— Всем стоять!

Бел замер, положив руку на пластинку замка двери. Лежавшие на асфальте охранники слабо зашевелились и застонали.

— А теперь отойдите от...

Он подавился последним словом, почувствовав на своем плече железные пальцы. А Таура, нагнувшись, тихо-тихо прорычала ему в ухо:

— Брось нож. Или я голыми руками вырву тебе горло.

Майлз скосил глаза, пытаясь увидеть что-нибудь и при этом не пошевельнуть головой — лезвие ножа касалось его кожи.

— Я могу убить его раньше, — выдавил Моглиа.

— Человечек мой, — проворковала Таура. — Ты сам его мне отдал. Только попробуй сделать ему плохо, и я пущу тебе кровь.

Майлз почувствовал, что Моглиа поднимают вверх. Нож со стуком упал на землю. Таура держала Моглиа за шею, глубоко запустив в нее когти.

— Я все равно хочу оторвать ему голову, — заявила она капризным тоном маленькой девочки.

— Оставь, — с трудом прохрипел Майлз. — Будь уверена, через пару часов он испытает более утонченное мщение, чем все, на что мы способны.

Бел примчался обратно и выстрелом в упор парализовал начальника службы безопасности, которого Таура протянула ему, как новорожденного котенка. Майлз велел Тауре взвалить на плечо парализованного дендарийца, а сам подбежал к задней двери фургона и распахнул ее перед Николь, влетевшей внутрь на своем кресле. Они ввалились в грузовик и едва успели захлопнуть дверцы, как усевшийся на водительское место Бел стремительно поднял машину в воздух. Где-то в здании уже выла сирена.

— Связь, скорее связь, — бормотал Майлз, снимая радиобраслет с запястья бесчувственного рядового. — Бел, где стоит наш катер?

— Мы сели в маленьком коммерческом космопорте на окраине города, километрах в сорока отсюда.

— Там кто-нибудь остался?

— Андерсон и Нот.

— Код их канала?

— Двадцать три.

Майлз уселся рядом с Торном и включил связь. Прошла чуть ли не вечность — секунд тридцать или сорок, — прежде чем сержант Андерсон им ответила. Летающий грузовик мчался над вершинами деревьев, приближаясь к первым отрогам горного хребта.

— Лорин, поднимай катер в воздух. Нас нужно срочно забрать. Мы находимся в грузовике дома Фелл и направляемся...

Тут Майлз сунул свое запястье под нос Торну.

— ...на север от Биоцентра Риоваля, — сообщил капитан. — Со скоростью около двухсот шестидесяти миль в час: быстрее эта колымага не может.

— Наводись по пеленгу. — Майлз установил на комме сигнал вызова. — И не жди разрешения на взлет, потому что ты его не получишь. Пусть Нот свяжет меня с «Ариэлем».

— Будет сделано, сэр, — отозвался жизнерадостный голосок Андерсон.

Шум помех, еще несколько секунд мучительного ожидания. Потом возбужденный голос:

— Марко на связи. Я вчера думал, что вы выберетесь следом за нами. У вас все в порядке, сэр?

— Местами. «Медтех Воэн» на борту?

— Да, сэр.

— Прекрасно. Не выпускайте его. Скажите, что я везу ему образец ткани.

— Правда?! Как это вам...

— Не сейчас. Вызовите всех на корабль и уходите на свободную орбиту. Рассчитывайте на то, что катер придется подобрать на лету. Передайте навигатору, чтобы он сразу же после стыковки с максимальным ускорением направил корабль к п-в-туннелю на Эскобар. Не ждите разрешения.

— Но мы все еще грузимся...

— Бросьте все, что не успели взять на борт.

— Мы серьезно влипли, сэр?

— По самые уши, Марко.

— Слушаюсь, сэр. — И Марко отключился.

— А ведь мы собирались вести себя на Джексоне тихо, как мышки, — пожаловался Бел. — Не повредит ли нам столь драматический уход?

— Ситуация изменилась, и терять уже нечего. После того что мы натворили, никакие переговоры с Риовалем невозможны. Я там кое-что сделал — в защиту истины и справедливости. Барона кандрашка хватит. И вообще, вы что, хотите услышать, как я стану рассказывать Феллу о «бетанском методе омоложения»?

— О! — со вспыхнувшими глазами Бел сосредоточился на управлении полетом. — Никаких денег не пожалел бы за такое представление!

— Ха! Нет. В самый последний момент у нас в руках оказались все козыри. По крайней мере потенциально. — Майлз начал рассматривать данные на панели управления грузовика. — Мы бы никогда больше не собрали всех вместе, никогда. Пока возможно, надо маневрировать, но счастливый момент требует действий. Если его упустить, боги отступятся от нас навечно. И наоборот... Кстати о действиях: вы видели, как Таура обезвредила семерых? — Майлз довольно хмыкнул. — Какова она будет после обучения?

Бел тревожно взглянуло через плечо туда, где стояло кресло Николь и где рядом с телом бесчувственного дендарийца скрючилась в три погибели огромная Таура.

— У меня не было времени считать.

Майлз снова встал и пробрался назад проведать своих бесценных пассажиров.

— Николь, вы были великолепны, — заявил он музыкантке. — Вы бились, как орлица. Мне, наверное, придется сделать вам скидку с того доллара.

Николь еще не успела отдышаться, щеки ее пылали. Верхней рукой она отвела черную прядь со лба.

— Сперва я боялась, что они разобьют мой инструмент. — Нижней рукой она погладила футляр, который

пристроила на сиденье у себя за спиной. — А потом я испугалась, что покалечат или убьют Бела...

Таура сидела у стены и казалась страшно бледной.

Он опустился рядом с ней на колени.

— Таура, милая, ты в порядке?

Майлз нежно взял когтистую руку и проверил пульс — он оказался страшно неровным.

— Есть хочу! — выдохнула Таура.

— Опять? Ну конечно же, такие затраты энергии! У кого-нибудь найдется плитка рациона?

Долго искать не пришлось. Из заднего кармана рядового торчала надкушенная плитка, и Майлз быстро ее вытащил. Глядя, как Таура уплетает суточный рацион, он благодушно улыбнулся. Таура постаралась ответить ему улыбкой, хотя с полным ртом ей это было трудно. «Больше никаких крыс, — мысленно пообещал Майлз. — Три бифштекса, когда вернемся на «Ариэль», и пара шоколадных тортов на десерт...»

Летающий грузовик вильнул. Немного оправившаяся Таура вытянула ноги и удержала на месте покореженное кресло Николь.

— Спасибо, — опасливо поблагодарила квадди, и Таура кивнула.

— Гости, — кинул через плечо Торн.

Майлз поспешно прошел вперед.

Их быстро догоняли два флайера охраны Риоваля. Несомненно, они вооружены лучше любой полицейской машины... Бел снова вильнул, увернувшись от лазерного луча, оставившего на сетчатке глаз Майлза ярко-зеленую полосу. Их преследователи полувоенного образца были серьезно ими недовольны.

— Это же грузовик Фелла! Тут наверняка найдется что-нибудь, чем бы мы могли ответить!

Но на приборной доске ничто даже отдаленно не напоминало об управлении оружием.

Раздался гулкий удар. Николь вскрикнула. Грузовик ухнул вниз, потом выровнялся. Воздух сотрясся от оглушительного рева. Майлз отчаянно взглянул назад: верхний

край грузового отсека как корова языком слизнула. Задняя дверь в одном углу оплавилась, в другом — бессильно провисла. Таура по-прежнему придерживала кресло Николь, а та теперь отчаянно цеплялась верхними руками за щиколотки Тауры.

— А! — сказал Торн. — Никакой брони.

— Они что, думали, что едут с миротворческой миссией? — Майлз снова обратился к наручному комму: — Лорин, ты уже поднялась?

— Лечу, сэр.

— Ну, если тебе когда-нибудь хотелось превысить допустимую скорость, то сейчас самое подходящее время. На этот раз никто не станет зудеть, что ты плохо обращаешься с оборудованием.

— Огромное спасибо, сэр! — радостно отозвалась дендарийка.

Они теряли высоту и скорость.

— Держитесь! — заорал Бел через плечо, меняя направление тяги.

Приближавшиеся преследователи проскочили мимо, но тут же начали разворачиваться. Бел дал ускорение, и сзади опять раздался крик: их живой груз стало прижимать к ненадежным задним дверям.

Дендарийские ручные парализаторы были абсолютно бесполезны. Майлз пробрался назад, пытаясь отыскать какое-нибудь багажное отделение, пирамиду с оружием, хоть что-нибудь! Не может быть, чтобы охранники Фелла полагали, будто их защитит одна лишь репутация...

Под мягкими сиденьями скамеек, шедших вдоль грузового отсека, оказались ящики. Первый был пуст, второй набит каким-то тряпьем. Майлз на мгновение представил себе, как душит противника чьими-то пижамными брюками, или, скажем, кидает подштанники в воздухозаборник вражеского двигателя... Третий ящик тоже был пуст. Четвертый — заперт.

Грузовик подбросило очередным попаданием, часть крыши снесло набегающим потоком. Едва Майлз схва-

тился за Тауру, как ему показалось, что его желудок, а следом за ним и он сам, поплыли вверх. Но Торну удалось остановить падение, и пассажиров прижало к полу. Летающий грузовик затрясся, накренился, и все они — Майлз, Таура, бесчувственный рядовой и Николь в ее кресле — полетели вперед и упали друг на друга. Грузовик резко замер в рощице, запутавшись в почерневшем от мороза кустарнике.

Бел с залитым кровью лицом переполз к ним, крича:

— Выходите, выходите, выходите!

Майлз подтянулся к отверстию в крыше — и отдернул руку, обжегшись об оплавленный металл и пластик. Таура выпрямилась, просунула голову в дырку, а потом снова присела, чтобы подсадить Майлза. Он соскользнул на землю и огляделся. Они находились в безлюдной долине, окруженной со всех сторон белоснежными остроконечными вершинами. К ним подлетали два преследовавших их флайера: они становились все больше, замедляя движение... Будут брать в плен или просто хотят поточнее прицелиться?

Боевой катер «Ариэля» с ревом вынырнул из-за хребта и начал опускаться, как карающая десница Господа. Флайеры-преследователи внезапно показались гораздо мельче. Один повернул и спасся бегством, другой был расплющен о землю ударом силового луча. Даже дымка не поднялось оттуда, где он упал. Ломая ветки, катер аккуратно сел рядом с беглецами, и крышка люка гостеприимно откинулась.

— Хвастунья! — пробормотал Майлз, подразумевая Лорин Андерсон.

Он поддерживал полуоглушенного Торна, Таура несла парализованного рядового, кресло Николь вихляло по воздуху: все они, преисполненные благодарности, торопливо ковыляли навстречу спасителям.

Выйдя из шлюза в коридор «Ариэля», Майлз сразу уловил знакомый гул — признак того, что двигатели корабля работают в форсированном режиме. Они набрали ускорение и уже сходили с орбиты. Майлз хотел

как можно скорее добраться до мостика, хотя, судя по всему, Марко успешно справлялся со своей задачей. Андерсон и Нот втащили парализованного рядового, который уже начал стонать, приходя в себя. Они передали его медикам, ожидавшим в коридоре с парящими носилками. Торн, украсившийся пластповязкой вокруг лба, велел Николь следовать за ними, а сам поспешно ушел на мостик. Майлз остался наедине с человеком, которого меньше всего хотел бы видеть. Доктор Канабе, с озабоченным выражением на смуглом лице, ожидал в коридоре.

— Вы, вы... — Майлз заговорил голосом, полным такой черной ярости, что ученый невольно отпрянул.

Майлзу очень хотелось схватить Канабе за горло и притиснуть к стене, но для этого ему не хватало роста. Пришлось отказаться и от мысли поручить это рядовому Ноту. Но Майлз отвел душу, пригвоздив генетика взглядом.

— Хладнокровный лживый сукин сын! Вы послали меня убивать шестнадцатилетнюю девочку!

Канабе протестующе воздел руки:

— Вы не понимаете...

Из люка катера появилась Таура. Изумление в ее золотых глазах уступало лишь изумлению Канабе.

— О, доктор Канабе! Что вы здесь делаете?

Майлз ткнул пальцем в ученого.

— Оставайтесь здесь, — хрипло приказал он. Притушив свой гнев, он повернулся к пилоту катера: — Лорин?

— Да, сэр?

Майлз взял Тауру за руку и подвел к сержанту Андерсон.

— Лорин, я прошу тебя взять с собой новобранца Тауру и как следует накормить. Дашь ей такую порцию, какую она сможет съесть, не меньше. Потом помоги ей вымыться, выдай обмундирование и познакомь с кораблем.

Андерсон с опаской взглянула на огромную Тауру:

— Э-э... слушаюсь, сэр.

Майлз не удержался и объяснил:

— Ей пришлось чертовски туго. — Помолчав, он добавил: — Не посрами нас. Это важно.

— Слушаюсь, сэр, — решительно ответила Андерсон и пошла вперед.

Таура двинулась за ней, бросив робкий взгляд на своих начальников — прежнего и теперешнего.

Майлз потер заросший щетиной подбородок, прямотаки кожей ощущая, как провонял и выпачкался. Страх и усталость до предела натянули его нервы. Он повернулся к пораженному генетику:

— Ну, доктор, постарайтесь мне объяснить. Очень постарайтесь.

— Я не мог оставить ее в руках Риоваля! — взволнованно сказал Канабе. — Чтобы она стала его агентом, или, того хуже, его товаром, очередной диковинкой из его каталога...

— А вам не приходило в голову попросить нас помочь ей бежать?

— Но, — изумился Канабе, — зачем вам взваливать на себя такое? Этого не было в вашем контракте! Вы же наемник...

— Доктор, вы слишком много времени провели на Архипелаге Джексона.

— Я это понял давно, когда меня стало рвать каждое утро перед выходом на работу. — Канабе с достоинством выпрямился. — Но, адмирал, вы не понимаете. — Он посмотрел вслед Тауре. — Я не мог оставить ее в руках Риоваля, но не могу и взять ее с собой на Барраяр. Они там убивают мутантов!

— Неправда... — выпалил Майлз в наступившем молчании и тут же постарался загладить невольную резкость: — Они пытаются справиться с этим предрассудком. По крайней мере так я слышал. Однако вы совершенно правы. На Барраяре ей не место.

— Когда я с вами встретился, то начал надеяться, что мне не придется самому убивать бедняжку. Это нелегкая

задача. Я знаю ее... слишком давно. Но оставить ее там, на планете, было бы самым страшным приговором...

— Это чистая правда. Ну, оттуда она уже выбралась. Так же, как и вы. — (Если нам удастся продержаться!)

Майлзу не терпелось скорее попасть на мостик, чтобы узнать, что происходит. Риоваль уже начал преследование? А Фелл? Не прикажут ли космической станции, охраняющей вход в п-в-туннель, перекрыть им путь к отступлению?

— Я не хотел просто бросать ее, — повторил Канабе. — Но взять с собой я тоже не мог!

— Да уж, это точно. Вы абсолютно недостойны быть ее опекуном. Я собираюсь уговорить беглянку присоединиться к дендарийским наемникам. По-моему, такова ее генетическая судьба. Или вам известна причина, по которой этого нельзя делать?

— Но она же умрет!

Майлз замер.

— А мы с вами — нет? — чуть слышно проговорил он спустя мгновение, а потом громче добавил: — Почему? Когда?

— Дело в ее метаболизме; видимо, еще одна ошибка в проекте. Она может продержаться еще год или два. Или десять.

— Или пятнадцать?

— Или пятнадцать. Хотя это и маловероятно. Но все равно, она умрет рано.

— И вы хотели отнять у нее то немногое, что ей оставалось? Почему?

— Из жалости. Последняя стадия ослабления организма длится недолго, но протекает очень болезненно, судя по тому, что наблюдалось у предыдущих... образцов. Женщины физиологически сложнее мужчин, и я не могу дать точный прогноз... Но это отвратительная смерть. Особенно отвратительная для раба Риоваля.

— Я что-то не помню, чтобы мне встретилась прекрасная смерть, а я повидал их немало. А насчет продолжительности жизни, то могу сказать вам, что мы все

можем погибнуть в ближайшие пятнадцать минут. Так как же тогда насчет вашей чуткой заботы? — Майлз почувствовал, что ему просто необходимо срочно уйти на мостик. — Я объявляю, что вы больше не имеете к ней никакого отношения, доктор. А пока пусть она насладится тем, что ей осталось.

— Но это мой проект... Я в ответе за нее...

— Нет. Теперь это свободная женщина. Она сама должна за себя отвечать.

— Как она может быть свободной в этом теле, движимом таким метаболизмом, с этим лицом... Жизнь урода... Лучше безболезненно умереть, чем так мучиться.

Майлз ответил, отчеканивая каждое слово:

— Нет. Не лучше.

Генетик обомлел, потом в глазах его мелькнуло что-то вроде понимания.

«Правильно, доктор, — мысленно осклабился Майлз. — Вытащи голову из задницы и посмотри на меня. Наконец».

— Почему вас так волнует ее судьба? — спросил Канабе.

— Она мне нравится. Гораздо больше, чем вы, позвольте добавить.

Майлз замолчал. Неприятно было думать о том, что еще предстоит объясняться с Таурой по поводу генокомплексов в ее икре. А раньше или позже их придется извлечь. Или сблефовать, сделать вид, что биопсия — часть стандартного медицинского осмотра при поступлении к дендарийцам?.. Нет, Таура заслуживает честного отношения.

Майлза страшно раздражало, что Канабе внес эту фальшь в их с Таурой отношения, и все же... Если бы не генокомплексы, разве Майлз отправился бы за ней? Продлил бы свою миссию и рискнул ее успехом только по доброте душевной, а? Теперь он этого никогда не узнает. Гнев отступил, волной накатила усталость, знакомая депрессия по окончании полета... Преждевременная, полет еще далеко не кончился, строго напомнил себе Майлз. Он набрал воздуха в легкие:

— Вам не спасти ее от жизни, доктор Канабе. Слишком поздно. Отпустите ее. Отпустите.

Канабе печально сжал губы, но, склонив голову, приподнял раскрытые ладони.

Входя на мостик, Майлз услышал, как Торн говорит:

— Вызовите адмирала. — И тут же, обернувшись на звук открываемой двери, добавил: — Нет, отмените. Вы как раз вовремя, сэр.

— Что происходит?

Майлз уселся в кресло у комма, на которое ему указал Торн. Прапорщик Марко следил за приборами, управляющими оружием и защитой корабля, а их нуль-пилот уже сидел наготове под странной тиарой-шлемом, от которой тянулись многочисленные провода. Пейджет весь ушел в себя, лицо его было сдержанным и задумчивым. Сейчас его сознание полностью поглощено «Ариэлем», слито с ним. Молодец!

— Вас вызывает по комму барон Риоваль, — сообщил Торн. — Лично.

— Интересно, он уже проверил морозильники? — Майлз устроился поудобнее. — Давно он меня ждет?

— Меньше минуты, — ответил офицер-связист.

— Гм. Ну так пусть подождет еще немного. Что запущено в погоню?

— Пока ничего, — доложил Марко.

Эта новость заставила Майлза изумленно поднять брови. Жаль, что некогда помыться и переодеться. Он почесал зудящий подбородок, пригладил волосы и провел ногами в мокрых носках по полу, до которого еле доставал. Потом чуть опустил сиденье, постарался выпрямить спину и дышать ровно.

— Хорошо. Можете нас соединить.

Немного размытый фон, на котором возникло лицо его собеседника, показался знакомым. Ах да — помещение службы безопасности Биоцентра... Барон лично прибыл к месту происшествия, как и обещал. Одного взгляда на его искаженное яростью юное лицо было достаточно,

чтобы представить дальнейший ход событий. Майлз сложил руки и невинно улыбнулся:

— Доброе утро, барон. Чем могу быть вам полезен?

— Чтоб ты сдох, мутантишка! — рявкнул Риоваль. — Знай, не найдется такой норы, где бы ты смог от меня укрыться. Я назначу за твою голову такую цену, что к тебе на хвост сядут все авантюристы галактики... Я не стану ни есть, ни спать... Я тебя...

Очевидно, барон уже успел полюбоваться на свои морозильники. Куда девалось его издевательское спокойствие времен их первой встречи! Но Майлза удивили эти угрозы. Похоже, барон не сомневается, что им удастся покинуть Архипелаг Джексона. Правда, у дома Риоваля нет собственного флота, но почему бы ему не арендовать у Фелла дредноут и не атаковать прямо сейчас? Именно такого шага Майлз опасался больше всего — что Риоваль и Фелл (и, возможно, Бхарапутра) объединятся, чтобы не дать ему улизнуть со своей добычей.

— А вы сможете нанять этих самых авантюристов? — участливо спросил он. — По-моему, ваши ресурсы несколько пострадали. Хотя, наверное, у вас еще остались кое-какие резервы.

Риоваль, тяжело дыша, вытер пену с губ.

— Это мой младший братец тебя натравил?

— Кто? — неподдельно удивился Майлз. Еще один участник игры?..

— Барон Фелл.

— Я не знал, что вы с ним в родстве. Младший братец?..

— Ты и врать-то как следует не умеешь, — с ненавистью процедил барон. — Я знал, что это его работа.

— Вам лучше спросить его самого, — заметил Майлз, стараясь выиграть хоть немного времени на размышление.

У него кружилась голова: новые сведения стремительно меняли всю картину. Черт бы взял тех, кто готовил его к заданию, — они ни словом не упомянули об этой родственной связи, подробно остановились только на доме Бхарапутра. Но, конечно же, они не

могут быть родными братьями... Да, кажется, Николь что-то об этом говорила.

— Я оторву тебе голову, — бушевал Риоваль. — Мне пришлют ее в коробке. Я залью ее пластиком и повешу у себя над... Нет, еще лучше: я предложу двойную плату тому, кто доставит тебя живьем. Ты умрешь медленно, испытав...

Вдруг барон прервал свои излияния и нахмурился:

— Или тебя нанял дом Бхарапутра? Решили ослабить конкурента, вместо того, чтобы объединяться?..

— Ну с чего это, — протянул Майлз, — Бхарапутра станет интриговать против главы другого дома? У вас есть данные, что они занимаются такими вещами? Да, кстати, а кто убил э-э... клона вашего брата?

Наконец-то у него начала складываться четкая картина происшедшего. Милосердные боги! Оказывается, он со своим заданием угодил в самую гущу джексонианских междоусобиц. Николь говорила, что Феллу так и не удалось обнаружить убийцу своего молодого двойника...

— Или мне попробовать угадать?

— Пошел ты со своими догадками, — рявкнул Риоваль. — Кто из них тебя нанял? Фелл или Бхарапутра? Кто?!

Ясно было, что Риовалю пока ничего не известно об истинной цели визита наемников — эвакуации ведущего специалиста лаборатории Бхарапутра! А если учесть отношения между домами, то, надо думать, они очень нескоро сопоставят свои факты. И чем дольше этого не случится, тем лучше для Майлза. Он начал было прятать улыбочку, а потом специально ее показал.

— Неужели вы не можете поверить, что это было мое личное выступление против генетической работорговли? Подвиг в честь моей дамы?

Намек на Тауру до Риоваля не дошел: у него была теперь собственная навязчивая идея, лишившая барона способности воспринимать новые данные. Человек, склонный к предательству, всегда готов поверить, что его самого предали.

— Фелл или Бхарапутра? — яростно повторил Риоваль. — Этим бессмысленным разрушением ты надеялся скрыть кражу, которую совершил для Бхарапутры?

Майлз лихорадочно соображал. Кражу? Какую кражу? Он явно имеет в виду не Тауру... Какой-нибудь образец ткани, который пытался приобрести у Риоваля дом Бхарапутра? Скорее всего именно так...

— Разве это не очевидно? — ласково спросил Майлз. — Помешав брату продлить его жизнь, вы дали ему повод для серьезного недовольства. И вы слишком многого хотели от Бхарапутры, поэтому они помогли мне, заблаговременно поместив своего супервоина в вашем курятнике. Вы сыграли им на руку, да еще и заплатили за это! Но весь план в целом, — тут Майлз скромно потупился и начал полировать ногти о свою футболку, — составил, конечно, я.

Похоже было, что Риовалю стало трудно дышать. Резко хлопнув трясущейся рукой по клавише, барон отключил контакт.

Мурлыча песенку, Майлз отправился принять душ.

Он вернулся на мостик в чистой и свежевыглаженной форме, с кружкой черного кофе в руке. Именно в этот момент пришел новый вызов.

В отличие от своего брата, барон Фелл не разразился гневной тирадой, а несколько секунд сидел молча, просто глядя на Майлза. Зардевшись под этим пристальным взглядом, Майлз возблагодарил небо за то, что успел привести себя в порядок. Ну что, барон Фелл наконец хватился своей квадди? Или Риоваль поделился с ним каким-то из откровений, услышанных от Майлза? Пока что со Станции Фелл еще не выслали преследователей, но это должно вскоре произойти, чтобы корабль мог развить необходимое ускорение и догнать «Ариэль», с него придется снять все вооружение. Догнать-то он догонит, а что потом?.. Если только Фелл не собирается попросить об услуге консорциум, управляющий Туннельной Станцией... Майлз почувствовал: еще одна минута — и

он не выдержит и примется нести чушь. Но тут барон наконец заговорил.

— Похоже, адмирал Нейсмит, — пророкотал он, — что вы — то ли по ошибке, то ли умышленно — прихватили с собой нечто вам не принадлежащее.

«Очень даже немало всяких «нечто»», — мысленно поправил его Майлз и извиняющимся тоном объяснил:

— Мы были вынуждены улететь довольно поспешно.

— Мне это известно, — со сдержанным сарказмом отозвался Фелл. Видимо, ему обо все доложил несчастный капитан охраны. — Но вы можете избавить себя от неприятностей. На мою исполнительницу была установлена твердая цена, и мне не так уж важно, отдам я ее вам или Риовалю. Если только я получу то, что мне причитается.

Управлявший «Ариэлем» капитан Торн вздрогнул.

— Насколько я понял, ваша цена — секрет бетанской процедуры омоложения, — сказал Майлз.

— Вот именно.

— Э-э... гм! — Майлз облизнул губы. — Барон, я не могу.

Фелл повернул голову:

— Командующий станцией, дайте старт кораблям преследования...

— Подождите! — воскликнул Майлз.

Фелл приподнял брови:

— Вы передумали? Прекрасно.

— Дело не в том, что я не хочу его вам раскрыть, — отчаянно проговорил Майлз, — а в том, что правда окажется для вас бесполезной. Совершенно бесполезной. Но все же я согласен: вам причитается вознаграждение. У меня есть другая информация, которой я могу вам заплатить. Она представляет для вас куда более насущный интерес.

— Вот как? — Голос старого барона звучал безразлично, лицо ничего не выражало.

— Вы подозревали вашего брата Риоваля в убийстве вашего клона, но не смогли найти доказательств. Я не ошибся?

Фелл чуть заинтересовался.

— Ни мои агенты, ни агенты Бхарапутры не обнаружили никаких улик.

— Ничего удивительного. Потому что осуществили это люди Бхарапутры.

«Ну по крайней мере такое вполне вероятно».

— Уничтожили свое собственное изделие? — медленно переспросил Фелл.

— Полагаю, Риоваль вошел в сговор с домом Бхарапутра, чтобы те вас предали. Кажется, договор основывался на передаче нескольких уникальных биообразцов, находившихся у Риоваля: одних только денег оказалось бы недостаточно, чтобы заставить их так рисковать. Сделка явно заключалась на самом высоком уровне. Не знаю, как они договорились поделить добычу после вашей смерти — может, они вообще не собирались ее делить. Похоже, у них был план в конце концов объединить свои дома, приобретя таким образом полную монополию на биоизделия Архипелага Джексона. — Майлз сделал паузу, чтобы собеседник лучше все прочувствовал. — Могу ли я подсказать, что вам целесообразно поберечь силы и союзников для борьбы с... э-э... более близкими и важными врагами, нежели я? Кроме того, вы получили от нас все деньги, а мы — только половину товара. Может, вы согласитесь, что мы квиты?

Фелл гневно смотрел на него чуть ли не минуту. У него было лицо человека, пытающегося обдумать одновременно три проблемы; Майлз отлично знал это чувство. Наконец барон повернул голову и, скривив губы, хрипло бросил:

— Отставить корабли преследования.

Майлз вздохнул спокойнее.

— Я благодарен вам за эту информацию, адмирал, — холодно сказал Фелл, — но прыгать от восторга не собираюсь. Я не стану мешать вашему поспешному отлету. Но если вы или любой из ваших кораблей снова появитесь в пространстве Архипелага Джексона...

— Ах, барон, — искренне сказал Майлз, — отныне моей самой важной жизненной целью станет держаться как можно дальше отсюда.

— Разумно, — проворчал Фелл, протягивая руку, чтобы отключить связь.

— Барон! — вдруг окликнул его Майлз, поддаваясь внезапному порыву. Фелл остановился. — Для вашего сведения... Нас больше никто не слышит?

— Нет.

— Настоящий секрет бетанской техники омоложения состоит в том, что ее не существует. Не попадайтесь больше на эту удочку. Я кажусь таким, потому что я такой и есть.

Фелл ничего не сказал, но на его губах промелькнула слабая улыбка. Он покачал головой и отключил комм.

На всякий случай Майлз задержался на мостике, пока офицер связи не доложил, что туннельная станция дала кораблю «добро» на выход из пространства Джексона. Теперь, надо думать, Фелл, Риоваль и Бхарапутра будут слишком заняты друг другом, чтобы интересоваться кем-то еще. И нетрудно было догадаться, что сведения, подкинутые двоим из участников конфликта, сыграют роль кости, брошенной голодным бешеным псам. Майлз почти сожалел, что не может задержаться и увидеть результаты. Почти.

Спустя много часов после прыжка он проснулся в своей каюте — полностью одетый, и только сапоги были аккуратно поставлены у кровати. Как он сюда попал, Майлз совершенно не помнил. Почему-то казалось, что его провожал Марко. Если бы Майлз пришел один, то наверняка заснул бы, не сняв сапог.

Прежде всего он справился у дежурного офицера, где и в каком положении находится «Ариэль». Все было в порядке. Они летели через систему голубой звезды, расположенную между двумя туннелями, ведущими к Эскобару. Здесь не было колоний и только изредка пролетали торговые корабли. Успокоившись, Майлз немного поел, гадая, что это — завтрак, обед или ужин (после планет-

ных приключений он совершенно выбился из корабельного времени). Потом Майлз отыскал Торна и Николь. Они оказались в инженерном отсеке, где техник как раз заканчивал ремонт летающего кресла.

Музыкантка, одетая теперь в белую куртку и шорты с розовой отделкой, устроилась на столе; лежа на животе, она наблюдала за работой. Очень странно было видеть ее без кресла: все равно что рак-отшельник без раковины. В своем аппарате она выглядела настолько естественно, что Майлз очень скоро забывал о второй паре рук. Торн помог технику вставить сиденье кресла в шасси с антигравитационным двигателем и обернулся, чтобы поздороваться со своим адмиралом.

Майлз уселся на стол рядом с Николь.

— Судя по всему, — сказал он музыкантке, — вы можете не опасаться преследования со стороны барона Фелла. Они с Риовалем какое-то время будут по горло заняты взаимной местью.

— Гм, — печально отозвалась Николь.

— Вы в безопасности, — ободрил ее Торн.

— О нет, дело не в этом, — вздохнула квадди. — Я просто вспомнила моих сестер. Было время, когда я стремилась вырваться от них. А теперь мне не терпится их увидеть.

— Какие у вас планы? — спросил Майлз.

— Сначала я остановлюсь на Эскобаре — это удобный перекресток в сети туннелей, и оттуда можно добраться до Земли. С Земли я попаду на Ориент IV, а там уже близко до дома.

— Вы собираетесь домой?

— У нас здесь тоже есть на что посмотреть, — напомнил Торн. — Не знаю, можно ли включить в число дендарийцев исполнительницу, но...

Николь покачала головой.

— Домой, — твердо сказала она. — Я устала все время сопротивляться притяжению. Я устала быть одна. Все время вижу кошмары, будто у меня начинают расти ноги.

Торн чуть слышно вздохнул.

— У нас есть колония инопланетян, — многозначительно сообщила Николь. — Они оборудовали себе астероид с искусственной силой тяжести. Совсем как настоящая планета, только сквозняков нет. И работу там найти нетрудно... Или вас связывает контракт?

— Дело не в этом. Ваш пояс астероидов так далеко от дома. — Голос Торна дрогнул.

— Так, значит, вы собираетесь вернуться на Колонию Бета? — спросила Николь. — Или теперь ваш дом и семья — здесь, на кораблях дендарийских наемников?

Майлз немного встревожился: потерять преданного командира корабля...

— Да разве в этом дело! — воскликнул Торн. — Я служу главным образом потому, что мне невыносимо любопытно увидеть, что произойдет в следующую минуту.

Он одарил Майлза странной улыбкой, а затем помог Николь устроиться в глубокой чаше кресла. Быстро проверив системы, музыкантка снова стала такой же — или даже более — подвижной, как ее спутники с ногами. Чуть покачавшись, она весело посмотрела на Торна.

— До орбиты Эскобара еще трое суток, — с сожалением сказал он. — Но все же... это семьдесят два часа. Четыре тысячи триста двадцать минут. Сколько можно успеть за четыре тысячи триста двадцать минут?

«Или сколько раз, — хмыкнул про себя Майлз. — Особенно если не спать». Если он правильно все понял, то Торн не имеет в виду сон как таковой. Что ж, удачи им обоим.

— А тем временем, — Торн провел Николь в коридор, — позвольте показать вам мой корабль. Иллирийской постройки... История о том, как «Ариэль» попал в руки дендарийцев (мы тогда служили под началом адмирала Оссера), необыкновенно интересна...

Николь что-то с любопытством прощебетала, а Майлз со вздохом зависти слез со стола и отправился разыскивать доктора Канабе. Предстояло выполнить последний неприятный долг.

* * *

Дверь лазарета с шипением отъехала в сторону. Майлз положил инъектор, повернулся в кресле и уставился на вошедших сержанта Андерсон и Тауру.

— Вот это да!

Андерсон четко отсалютовала.

— Прибыли по вашему распоряжению, сэр.

У Тауры дернулась рука — она не знала, следует ли ей повторить военное приветствие или нет. А Майлз вглядывался в нее, разинув рот от восторга. Таура преобразилась именно так, как он себе это представлял, — или даже еще больше.

Непонятно, как Лорин столковалась со швейным компьютером, но каким-то образом она убедила его выкроить увеличенную вдвое полную повседневную форму — китель, брюки, легкие полусапожки. Темные волосы Тауры были теперь аккуратно уложены в толстую косу, закрученную на затылке причудливым узлом, и сияли неожиданными красноватыми отблесками. С огромных рук исчезли грязные струпья, и (гениальное решение!) когти были не спилены, а только отполированы, обточены и покрыты переливающимся жемчужным лаком, сочетавшимся с серо-белой формой лучше любых драгоценностей. Лаком наверняка поделилась из своих запасов сама сержант Андерсон.

Таура казалась если и не упитанной, то по крайней мере не изголодавшейся, глаза ее блестели вполне живым человеческим интересом, уже не напоминая призрачные желто-зеленые, и даже издали было ясно, что хорошая еда, а также возможность почистить зубы устранили отвратительную вонь изо рта, вызванную несколькими днями питания сырыми крысами.

— Великолепно, Лорин! — восхищенно сказал Майлз.

Лорин горделиво улыбнулась:

— Вы примерно это имели в виду, сэр?

— Да, именно это, — подтвердил он и обратился к Тауре: — Как тебе твой первый п-в-прыжок?

Длинные губы изогнулись, и Майлз понял, что так бывает, когда Таура пытается их поджать.

— Я подумала, что заболеваю, и испугалась. У меня вдруг начала кружиться голова... Но сержант Андерсон объяснила, в чем дело.

— Никаких видений, странного удлинения времени?

— Нет, но это было... Хорошо хоть, что так недолго.

— Гм. Похоже, ты не из тех счастливчиков или несчастных, кого надо проверять на способность стать скачковыми пилотами. Но это даже к лучшему. Десантная команда нипочем не согласится отдать тебя на мостик после того, как ты продемонстрировала свои таланты на посадочной площадке Риоваля. — Майлз помолчал. — Спасибо, Лорин. Кстати, где ты была?

— Обычный осмотр катеров, консервация. Таура смотрела, что и как, а я работала.

— Ладно, можешь продолжать. Я пришлю Тауру, когда она освободится.

Андерсон неохотно вышла, явно сгорая от любопытства. Майлз дождался, пока за ней закроется дверь, и затем продолжил:

— Сядь, Таура. Итак, твой первый день у дендарийцев прошел хорошо?

Таура улыбнулась, устраиваясь на стуле, который протестующе заскрипел.

— Просто отлично.

— Да? — Майлз помешкал. — Понимаешь, когда мы прилетим на Эскобар, ты будешь свободна. Ты не обязана поступать к нам в отряд. Я позабочусь, чтобы ты могла начать на планете какое-нибудь свое дело.

— Что? — в глазах Тауры вспыхнул испуг. — Нет! То есть... я слишком много ем?

— Ничуть! Ты сражаешься за четверых, так что мы вполне можем позволить себе кормить тебя за троих. Но... мне надо кое-что объяснить, прежде чем ты примешь присягу. — Майлз откашлялся. — Я пришел к Риовалю совсем не для того, чтобы завербовать тебя. Ты помнишь, что за несколько дней до того, как тебя увезли от Бхарапутры, доктор Канабе сделал тебе инъекцию в ногу? Иголкой, а не инъектором.

— Да. — Она бессознательно потерла левую икру. — Получилась шишка.

— Он сказал тебе, зачем?

— Прививка.

Майлз подумал, что при первой их встрече она не ошиблась — люди действительно очень часто лгут.

— Ну так это была никакая не прививка. Канабе использовал тебя как живое хранилище для геноконструкторского материала. Молекулярно связанного пассивного материала, — поспешно добавил он, когда Таура изогнулась и обеспокоенно посмотрела на свою ногу. — Доктор уверил меня, что этот препарат не может самостоятельно активизироваться. Вообще-то моим заданием было просто забрать доктора Канабе, но он не желал улетать без своих генокомплексов.

— Он решил взять меня с собой? — радостно удивилась Таура. — Так это его я должна благодарить за то, что попала к вам?

Хотелось бы Майлзу посмотреть на Канабе, услыхавшего эту благодарность!

— И да, и нет. Более точно, нет. — Он заторопился, пока ему не изменило мужество. — Тебе не за что его благодарить, и меня тоже. Он собирался взять только образец ткани и прислал меня за ним.

— Так вы бы предпочли оставить меня в том подвале... Вот почему Эскобар...

Таура все еще не понимала.

— Тебе повезло, — продолжал Майлз, — что, когда мы наконец встретились, я потерял своих людей и был безоружен. Канабе и мне солгал. Он сказал мне, что я должен убить чудовище. Тебя, Таура. В его оправдание можно только сказать, что ему хотелось спасти тебя от ужасной жизни рабыни Риоваля. Там, в подвале, я бессовестно лгал тебе, потому что это мне казалось необходимым. Я должен был выжить и победить.

Озадаченное лицо Тауры застыло, глаза погасли.

— Значит, вы на самом деле... не поверили, что я — человек.

— Напротив. Ты прекрасно выбрала способ доказательства. Телом лгать гораздо труднее, чем языком. Когда я... э-э... демонстрировал свою убежденность, она была настоящей.

При взгляде на Тауру он все еще испытывал какие-то отголоски того сумасшедшего наслаждения. Наверное, от этого ему уже не избавиться — получилось нечто вроде условного рефлекса.

— Ты хотела бы, чтобы я доказал это снова? — с надеждой спросил он и прикусил язык. — Нет... Раз я буду твоим командиром...

Майлз страшно разволновался. Он взял инъектор, нервно покрутил в пальцах, снова положил.

— Короче, доктор Канабе просил меня снова тебе солгать. Он хотел, чтобы я дал тебе общий наркоз, и тогда он сможет спокойно вырезать свой образец. Ты, наверное, заметила, что Канабе трус? Он сейчас стоит за дверью и трясется от страха, боится, что ты узнаешь, какие у него были планы в отношении тебя. Лично я думаю, что для этой процедуры хватит и местного обезболивания. По крайней мере, если бы доктор Канабе делал что-то со мной, я предпочел бы оставаться в сознании и присматривать за ним.

Таура сидела молча, и хоть Майлз уже начал привыкать к ее странному волчьему лицу, но разобрать, о чем она думает, ему не удалось.

— Вы хотите, чтобы я разрешила... разрезать мне ногу? — наконец спросила она.

— Да.

— А что потом?

— Потом — ничего. Ты сможешь забыть о докторе Канабе, об Архипелаге Джексона и обо всем остальном. Это я тебе обещаю. Хотя не удивлюсь, если ты не станешь доверять моим обещаниям.

— Забыть... — выдохнула Таура. Она понурилась, потом снова вскинула голову, и плечи ее расправились. — Давайте поскорее покончим с этим.

Длинные губы ее уже не улыбались.

* * *

Доктор Канабе был отнюдь не в восторге, узнав, что его подопечная находится в полном сознании, но ледяная физиономия Майлза заставила его воздержаться от споров. Быстро произведя биопсию, он упрятал драгоценный препарат в криоконтейнер и поспешил сбежать с ним в свою каюту.

Майлз остался в лазарете, дожидаясь, пока пройдет действие анестезии и Таура сможет двигаться, не спотыкаясь. Она молчала, а Майлз наблюдал за ее застывшим лицом, всей душой жалея, что не знает, как снова зажечь эти золотые глаза.

— Когда я впервые увидела вас, — тихо начала Таура, — это было как сон. Какое-то волшебство. Все, чего я хотела, о чем мечтала. Еда. Вода. Тепло. Месть. Побег. — Она опустила взгляд на свои полированные когти, потом подняла взгляд к нему. — Друзья... ласковые прикосновения...

— Что мне сделать для тебя, Таура? — воскликнул он.

Она медленно проговорила:

— Я хотела бы стать нормальной.

Майлз ответил:

— Я не могу дать тебе того, чего не имею сам. — Слова прозвучали как-то безнадежно, и он заставил себя попробовать еще раз. — Нет. Не надо этого хотеть. У меня есть идея получше — пожелай быть собой! До упора! Выясни, в чем ты сильнее всего, и делай это. Перешагни через свои слабости. На них просто не должно быть времени. Посмотри на Николь...

— Она так красива, — вздохнула Таура.

— Или посмотри на капитана Торна и спроси у себя: что такое «нормальный» и за каким чертом тебе это нужно? Если хочешь — посмотри на меня. Мне что, лопнуть с натуги, пытаясь победить в рукопашном бою людей вдвое тяжелее меня? А может, лучше перевести бой туда, где их мускулы будут бесполезны? Я не могу позволить себе терять время. И ты тоже!

— Ты знаешь, как мало мне осталось? — вдруг спросила она.

— Э-э... А ты? — осторожно спросил Майлз.

— Из всех нас в живых осталась только я одна. Как я могу не знать?

— Тогда не мечтай быть нормальной! — страстно сказал Майлз, вскакивая и начиная ходить по комнате. — Ты только зря потратишь время на бессмысленную тоску. Захоти быть великолепной! Вот это у тебя получится. Великолепным солдатом, великолепным офицером — да мало ли кем еще! Великолепным исполнителем, как Николь! Только представь себе, как было бы ужасно, растрать она свои силы и талант на мечты о том, чтобы всего лишь быть нормальной.

Таура вгляделась в свои накрашенные когти и вздохнула:

— Наверное, мне нет смысла хотеть быть красивой, как сержант Андерсон.

— Тебе бесполезно пытаться быть красивой, как кто-то другой, — сказал Майлз. — Быть красивой, как Таура, — вот это ты можешь, и очень неплохо. — Сам не зная, как это получилось, он сжал ее руки и провел пальцем по переливающемуся когтю. — Лорин поняла, каким должен быть твой стиль, и ты можешь положиться на ее вкус.

— Адмирал, — медленно проговорила Таура, не отпуская его рук, — вы уже мой командующий? Сержант Андерсон говорила что-то о вводном курсе и экзамене, о присяге...

— Все это будет, когда мы присоединимся к флоту. До той поры ты считаешься нашей гостьей.

В ее золотые глаза стали возвращаться искры.

— Значит... До той поры мы не нарушим никаких дендарийских правил, если вы снова докажете мне, насколько я человек? Еще один раз?

Майлз почувствовал, как в нем поднимается неудержимая волна — смех, бросающий вызов смерти. Должно быть, именно это чувство заставляло мужчин карабкаться по отвесным скалам без антигравитационных поясов или прыгать со старинных самолетов, когда от гибельного удара о землю спасает только комок шелка...

— Не торопясь? — придушенным голосом спросил он. — На этот раз сделаем все по правилам? Немного поговорим, выпьем вина, послушаем музыку? А над головой не будет охраны Риоваля и ледяной скалы — у меня под...

Ее огромные глаза были золотыми и влажными:

— Ты ведь сказал, что любишь делать то, что у тебя лучше всего получается.

Майлз раньше и не знал, как опьяняет его лесть высоких женщин. Обязательно надо будет справиться с этой слабостью. Когда-нибудь впоследствии...

Они отправились в его каюту и усердно занимались тем, что получалось у Майлза лучше всего, пока не оказались на полпути к Эскобару.

III

— А что потом стало с девушкой-волчицей? — спросил Иллиан, нарушив долгое, зачарованное молчание.

— У нее все хорошо. Недавно получила сержантские нашивки. Врачи дендарийцев посадили ее на какие-то лекарства, немного замедлившие метаболизм.

— Это продлит ей жизнь?

Майлз пожал плечами:

— Хотел бы я знать. Может быть. Мы надеемся.

— Так. — Иллиан уселся поудобнее. — Тогда остается Дагула. Могу напомнить, что единственным твоим докладом был тот, чрезвычайно краткий, который отправлен с Махата Солярис.

— Это же был только предварительный отчет. Я думал, что вернусь гораздо раньше.

— Дело не в краткости. По крайней мере граф Форволк задает не этот вопрос. Расходы, Майлз. Выкладывай, а потом можешь поспать.

Майлз устало нахмурился.

— Задание выглядело совсем простым — почти таким же простым, как и то, на Архипелаге Джексона. Ну а потом дела пошли плохо. Потом дела пошли отвратительно...

— Тогда давай сначала.

— Начало. О Господи. Значит, так...

ГРАНИЦЫ БЕСКОНЕЧНОСТИ

«Неужели меня угораздило умереть, попасть в преисподнюю и даже не заметить этого?»

Огромный опалесцирующий купол силового поля ограничивал идеально ровный круг диаметром в полкилометра. Майлз стоял у самого края, там, где светящаяся вогнутая поверхность ныряла в утоптанную землю и исчезала. Воображение невольно следовало вглубь, стремясь завершить эту гигантскую сферу — упругую, нематериальную скорлупу, которую невозможно разбить.

Внутри была сцена древнего преддверия ада. Отчаявшиеся мужчины и женщины сидели, стояли или, большей частью, лежали поодиночке и группами по всей поверхности круга. Майлз быстро огляделся, надеясь заметить хоть какие-то остатки военного порядка и дисциплины, но оказалось, что люди разбросаны произвольно, как брызги дождя на стекле.

Может, на самом деле он был убит перед самым входом в лагерь военнопленных? Может, с ним поступили так же, как это делалось в древние времена на Земле, когда тюремщики заманивали свои жертвы в газовые камеры, успокаивая их подозрения каменным мылом? И люди шли — покорно, как овцы, не догадываясь о своей участи, пока предсмертное озарение не спускалось на них душным облаком... Может, его тело было

уничтожено так быстро, что нейроны не успели передать эту информацию мозгу? Не зря же столько древних мифов описывают ад как нечто круглое...

Неужели это и есть пресловутый объект высшей степени секретности на планете Дагула — лагерь военнопленных номер три? Эта голая... суповая тарелка? Майлз туманно воображал бараки, вымуштрованную охрану, ежедневные построения, тайные подкопы, заговоры с целью побега...

Но силовой купол все упростил. Зачем бараки для защиты пленных от непогоды? Купол эффективнее любой крыши. Зачем охрана? Купол поддерживается извне, и ничто, находящееся внутри, не может его пробить. Не нужны ни охрана, ни построения. Подкопы бесполезны, заговоры с целью побега — бессмысленны. И все благодаря куполу.

Единственными сооружениями, разнообразившими пейзаж, были большие серые пластиковые будки, равномерно распределенные по периметру купола. Скудная деятельность лагеря концентрировалась вокруг них. «Сортиры», — понял Майлз.

Они вошли через временный проход, который закрылся за ними еще раньше, чем исчезла слабая выпуклость в силовой стене. Ближайший обитатель купола лежал в нескольких метрах от них на циновке — точно такой же, какую сейчас держал в руках Майлз. Мужчина чуть повернул голову, чтобы посмотреть на группку новоприбывших, кисло улыбнулся и перекатился на бок, спиной к ним. Больше никто даже не потрудился поднять головы.

— Чтоб меня черти взяли! — пробормотал один из спутников Майлза.

Он и два его товарища невольно придвинулись поближе друг к другу. Раньше все трое, по их словам, были в одном взводе. Майлз встретился с ними всего несколько минут назад, на последнем этапе обработки, когда им всем выдали амуницию, полагающуюся заключенным дагульского лагеря номер три.

Единственная пара широких серых брюк. Такая же рубашка с короткими рукавами. Прямоугольная циновка для сна, свернутая в рулон. Пластиковая чашка. Вот и все. Это — и еще номер, написанный на коже. Майлза чрезвычайно раздражало, что проклятые цифры находятся на спине, где их нельзя увидеть. Ему приходилось все время бороться с желанием вывернуть шею, и рука тянулась почесать зудящий участок кожи, хотя зуд был чисто нервного происхождения. На ощупь номер тоже не определялся.

Неподалеку началось какое-то движение, и к ним приблизилась компания из нескольких человек, одетых в живописные лохмотья. Что, их наконец заметили и приветствуют? Майлзу была отчаянно нужна информация. Где-то среди всех этих бессчетных мужчин и женщин — тот, кого он ищет... «Нет, не бессчетных, — твердо поправил себя Майлз. — Их здесь всех пересчитали».

Разбитые останки Третьей и Четвертой мотопехотных бригад. Хитроумные и упорные защитники Гарсоновской орбитальной станции. Второй батальон Уиновеха, взятый в плен почти целиком. И Четырнадцатый отряд коммандос, захваченный при штурме крепости Фэллоу-Кор. А в сумме — десять тысяч двести четырнадцать человек, лучшие солдаты планеты Мэрилак. Точнее — десять тысяч двести пятнадцать, если считать его самого. Следует ли Майлзу считать себя самого?

«Группа приветствия» остановилась в нескольких метрах. Эти люди были крепкими, мускулистыми и выглядели не слишком дружелюбно. В их погасших глазах застыло выражение угрюмой скуки, которую не развеял даже тот осмотр, который они вели.

Две группы — пятеро и трое — оценили друг друга. Трое повернулись и благоразумно пошли прочь. Майлз с опозданием понял, что теперь он остался в одиночестве.

Один и страшно заметен. Его внезапно охватило чувство стыда за свою внешность. Он такой низкорослый, да в придачу еще и весь покореженный... Правда, ноги у него в результате последней операции стали одинаковой

длины, но все равно слишком коротки, чтобы убежать от этой пятерки. Да и куда здесь бежать? Майлз вычеркнул бегство из списка вариантов.

Драться? Не будем шутить.

«Ничего не получится», — печально подумал он, направляясь к молчавшим парням. По крайней мере это более достойно, чем искать спасения в бегстве, а результат будет один.

Он постарался сделать свою улыбку суровой, а не просто глуповатой. Нельзя сказать, что ему это удалось.

— Привет. Не подскажете, где найти Четырнадцатый отряд коммандос полковника Гая Тремонта?

Один из пятерки презрительно фыркнул. Двое зашли Майлзу за спину.

Ну что же, фырканье — это почти речь. По крайней мере хоть какое-то выражение чувств. Начало, зацепка. Майлз сосредоточился на фыркнувшем:

— Как вас зовут, солдат? Где служили и в каком звании?

— Здесь нет званий, мутант. И родов войск. И солдат. Ничего!

Майлз осмотрелся. Естественно, его окружили. Этого и следовало ожидать.

— Ну а друзья-то у вас есть?

Говоривший почти улыбнулся.

— Нет.

Майлз подумал, что, возможно, поторопился, вычеркнув бегство из списка вариантов.

— Я бы не был в этом так уверен, если бы...

Сильный удар по почкам заставил его умолкнуть — он чертовски больно прикусил язык. Майлз рухнул на землю, уронив циновку и чашку. Пинали босой ногой. Слава Богу, на этот раз боевых сапог ни на ком нет. По третьему закону Ньютона, ноге нападающего должно быть так же больно, как и его спине. Вот и замечательно. Может, они собьют себе костяшки пальцев, пока будут его колотить до полусмерти...

Один из шайки подобрал недавнее богатство Майлза: чашку и циновку.

— Хотите его одежду? Мне мала.

— Не-а.

— Ну ладно, — решил говорун. — Все равно возьмем. Может, купим одну из баб.

С Майлза сдернули рубашку и брюки. Он был слишком занят предохранением головы от случайных пинков, так что особо за одежду и не цеплялся. Максимум того, что он может себе здесь позволить, — это сломанное ребро. В самом-то начале! А хуже всего перелом челюсти...

Нападающие лишь слегка умерили свой пыл, когда экспериментальным путем обнаружили слабость его костей.

— Вот оно как здесь, мутант, — сказал говорун, немного запыхавшись.

— Я родился нагим, — пропыхтел Майлз. — Меня это не остановило.

— Нахальное дерьмецо, — заметил говорун.

— Медленно до него доходит, — заметил кто-то еще.

Второй раз его побили сильнее, чем в первый. По крайней мере два ребра треснули, и челюсть тоже чуть не раздробили — Майлз едва спас ее, вскинув левую руку. И с запястьем случилось что-то нехорошее. На этот раз Майлз удержался от полемики.

Он лежал в грязи и мечтал потерять сознание.

Майлз лежал очень долго, закутавшись в свою боль. Он точно не знал, сколько. С силового купола струился ровный свет. Время остановилось — наступила вечность. Ведь ад вечен, не так ли? Здесь многое, слишком многое напоминало ад.

А вот пожаловал еще один демон... Майлз постарался сосредоточить взгляд на приближающейся фигуре. Мужчина, такой же избитый и голый, как и Майлз, все ребра наружу — вид голодающего. Худое, постаревшее от пережитого лицо. Лет ему, наверное, от сорока до пятидесяти. А может — двадцать пять.

Он опустился на колени в нескольких метрах от Майлза. Из-за страшной худобы глаза его казались неестественно выпученными, и белки лихорадочно поблескивали на темном лице. Кожа потемнела от грязи, не от щетины: у всех пленных, мужчин и женщин, волосы были острижены коротко, а волосяные луковицы парализованы, чтобы остановить рост. Постоянно выбритое лицо и стрижка под бобрик. Майлз совсем недавно и сам был подвергнут такой же процедуре. Но тот, кто обрабатывал этого типа, видно, сильно торопился: на его щеке осталась нетронутая парализатором полоса, и там росло несколько десятков довольно длинных волосков, так что лицо его напоминало плохо подстриженный газон. Если бы знать скорость роста волос, можно было бы подсчитать, как давно находится здесь этот человек. «Слишком давно, каковы бы ни были цифры», — мысленно вздохнул Майлз.

В руке у мужчины было отломанное донышко пластиковой кружки, которое он осторожно подтолкнул к Майлзу. Дышал он тяжело, с хрипом — из-за усталости, волнения или болезни... Хотя вряд ли из-за болезни, ведь здесь всем сделаны прививки. Побег, даже с помощью смерти, — дело не настолько простое. Майлз повернулся и с трудом приподнялся на локте, всматриваясь в незнакомца сквозь начинающую редеть дымку боли.

Мужчина попятился, тревожно улыбаясь, и кивком указал на плошку:

— Вода. Лучше выпейте. Чашка треснула. Если слишком долго ждать, вода вытечет.

— Спасибо, — просипел Майлз.

Неделю назад (или в прошлой жизни, смотря как считать) Майлз неспешно выбирал вино, колеблясь между тем или другим оттенком букета. Пересохшие губы больно треснули, когда он улыбнулся своему воспоминанию. Он начал пить. Это оказалась самая обыкновенная вода, тепловатая, чуть отдающая хлором и серой. Да уж, букет еще тот.

Мужчина продолжал сидеть с демонстративной вежливостью, пока Майлз не допил воду. Потом подался вперед, опершись на костяшки пальцев:

— Вы — Один-из-Двух?

Майлз моргнул:

— Кто-кто?

— Один-из-Двух. Недостающий. Мне надо было сказать «Второй». Писание говорит, что их должно быть двое.

— Э-э... — Майлз помедлил. — А что именно говорит Писание?

Мужчина взялся правой рукой за костлявое левое запястье, вокруг которого была обернута какая-то скрученная тряпка. Он прикрыл глаза, беззвучно пошевелил губами, а потом продекламировал:

— ...но пилигримы легко поднялись на гору, потому что за руки их вели те два человека. И еще они оставили свои одежды, потому что хотя они и пришли в одеждах, но вышли нагими.

Он раскрыл глаза, с надеждой уставившись на Майлза.

«Ну, теперь понятно, почему этому типу нужен Второй...»

— А вы, случайно, не тот самый Первый? — спросил Майлз. Его собеседник смущенно кивнул.

— Понятно. Э-э...

Почему он вечно притягивает к себе всяких психов? Майлз слизнул с губ последние капли воды. У этого парня, может, и не все дома, но по крайней мере он будет получше тех пятерых. Конечно, если в его башке не прячется где-нибудь еще пара личностей маниакального плана. Нет, в этом случае он представился бы сразу Двумя избранными и не искал бы помощи посторонних.

— Э-э... как вас зовут?

— Сьюгар.

— Сьюгар. Ладно, хорошо. Кстати, меня зовут Майлз.

— Хм! — Сьюгар улыбнулся с очень довольным видом. — Ваше имя значит «солдат». Вы это знаете?

— Да, мне говорили.

— Но вы не солдат...

Как неприятно, когда нет дорогой одежды или мундира, которые могут скрыть хотя бы от него — если не от окружающих — особенности его телосложения...

— Ближе к концу стали брать всех подряд. Меня сделали клерком по рекрутскому набору. Я даже ни разу не выстрелил. Послушайте, Сьюгар, а как вы узнали, что вы — Первый, или по крайней мере Один-из-Двух? Это вы и раньше знали?

— До меня это дошло постепенно, — признался Сьюгар и сел, скрестив ноги. — Я здесь единственный со словами, вот в чем дело. — Он снова провел пальцами по тряпичной веревке. — Я обыскал весь лагерь, но они только смеются. Видите ли, когда все, кроме меня, сдались, то сработал метод исключения.

— О!

Майлз тоже сел, чуть охнув от боли. Эти ребра следующие несколько дней будут дьявольски болеть. Майлз кивнул на веревку:

— Вы в ней держите свое Писание? Можно мне посмотреть?

Интересно, откуда этот полоумный добыл лист бумаги, или что там у него?

Сьюгар спрятал руки под мышками и затряс головой.

— Они уже много месяцев пытаются ее у меня отнять, понимаете? Я должен быть очень осторожен. Пока вы не докажете, что вы — Один-из-Двух. Ведь дьявол тоже может цитировать Писание, верно?

«Да, примерно это я и собирался сделать...» Как знать, какие возможности может подарить «писание» Сьюгара? Ну что же, может, потом получится. А пока продолжим танец.

— А есть другие приметы? — спросил Майлз. — Видите ли, я не уверен, что я — ваш Один-из-Двух, но, с другой стороны, я не уверен и в том, что я — не он. В конце концов я только что сюда попал.

Сьюгар снова покачал головой.

— Это всего пять-шесть предложений. Приходится многое домысливать.

«Еще бы». Но Майлз не произнес этого вслух.

— А как оно вам досталось? Откуда оно у вас?

— Это было в Порт-Лизме, как раз перед тем, как нас взяли в плен, — ответил Сьюгар. — Мы отступали, дом за домом. У меня немного отстал каблук и стучал при ходьбе. Кругом взрывы, пальба, а такой пустяк вдруг начал страшно меня раздражать. В одном доме я увидел книжный шкаф со стеклянными дверцами и с настоящими древними книгами на бумаге... Я разбил прикладом стекло, оторвал кусок страницы из какой-то книги, сложил и сунул под каблук, чтобы он больше не стучал. Не посмотрел на книгу. Только потом понял, что это — Писание. По крайней мере мне так кажется. Звучит-то как Писание. Это обязательно должно быть Писание!

Сьюгар нервно покрутил клок волос на щеке.

— Пока мы ждали обработки, я вытащил эту бумагу из-под каблука. Просто так, понимаете? Охранник видел ее у меня в руке, но не стал отбирать. Наверное, подумал, что это просто безобидная бумажка. Ему и невдомек было, что это Писание. Когда нас сюда забросили, я все еще ее держал. Знаете, это единственный кусок текста во всем лагере! — не без гордости добавил он. — Это должно быть Писание!

— Ну... тогда вам надо хорошенько его беречь, — ласково посоветовал Майлз. — Раз вы его так долго хранили, значит, это предназначено вам судьбой.

— Угу... — Сьюгар моргнул. Слезы? — Я ведь здесь единственный, у кого есть дело... Так что, значит, я один из Них.

— По-моему, звучит убедительно, — добродушно согласился Майлз. — Послушайте, э-э... — Он оглядел огромную, тускло мерцающую полусферу. — А как вы здесь вообще ориентируетесь?

Действительно, под куполом ощущалась явная нехватка достопримечательностей. Майлзу почему-то вспомнилась колония пингвинов. Но пингвины все же как-то находят свои каменистые гнезда. Пора начинать мыслить

по-пингвиньи или найти себе проводника-пингвина. Майлз внимательно посмотрел на свою птицу-гида, которая задумчиво чертила что-то на земле. Круги, естественно.

— А где столовая? — громче спросил Майлз. — Где берут воду?

— Краны с водой на внешней стороне сортиров, — сказал Сьюгар, — но они работают не всегда. Столовой нет. Мы просто получаем плитки рационов. Иногда.

— Иногда? — возмущенно переспросил Майлз. У Сьюгара все ребра можно было пересчитать. — Черт подери, цетагандийцы во всеуслышание заявляют, что обращаются с пленными в соответствии с правилами Межзвездной Конвенции: столько-то квадратных метров на человека, три тысячи калорий в день, не меньше пятидесяти граммов белка, два литра питьевой воды... Вы должны были бы получать по крайней мере две стандартные плитки рациона в день. Вас морят голодом?

— Спустя какое-то время, — вздохнул Сьюгар, — становится все равно, досталась тебе порция или нет.

Похоже было, что возбуждение, вызванное его интересом к Майлзу, как к новому и многообещающему объекту, уже спадает. Дыхание Сьюгара замедлилось, плечи ссутулились — казалось, он вот-вот ляжет на землю. Интересно, что случилось с его циновкой? Надо думать, то же самое, что и с циновкой Майлза... И скорее всего уже достаточно давно.

— Послушайте, Сьюгар, у меня здесь в лагере есть родственник. Двоюродный брат моей матери. Вы не могли бы мне помочь его найти?

— Вам бы стоило найти своего родственника, — подтвердил Сьюгар. — Здесь плохо быть одному.

— Угу, я это уже понял. Но как здесь кого-то найти? Тут все так неорганизованно.

— О, здесь есть... группы — и группы. Каждая из них старается придерживаться своего участка.

— Он был в Четырнадцатом отряде коммандос. Где они?

— Прежних подразделений почти не осталось.

— Его зовут полковник Тремонт. Полковник Гай Тремонт.

— О, так он офицер! — Лоб Сьюгара обеспокоенно наморщился. — Это осложняет дело. Вы-то ведь не были офицером, а? Если были, лучше не говорите...

— Я был клерком, — напомнил Майлз.

— ...потому что есть группы, которые не любят офицеров. Клерком. Тогда, наверное, ничего.

— А вы были офицером, Сьюгар? — с любопытством спросил Майлз.

Сьюгар нахмурился и закрутил прядь бороды.

— Армии Мэрилака больше нет. Если армии нет, то офицеров тоже быть не может, так?

Майлз прикинул, не будет ли быстрее и проще, если он отойдет от Сьюгара и попробует завязать разговор с кем-нибудь из первых встречных пленных. «Группы и группы». Видимо, устоявшиеся компании, вроде тех пяти крепких суровых братцев. Майлз решил еще какое-то время подержаться рядом со Сьюгаром. По крайней мере он не будет чувствовать себя таким голым, если будет голый не один.

— А вы не могли бы отвести меня к кому-нибудь, кто был в Четырнадцатом? — снова попросил он Сьюгара. — К кому-нибудь, кто знает, как выглядит Тремонт.

— Вы с ним незнакомы?

— Мы никогда не встречались лично. Я его когда-то видел, но с тех пор, боюсь, его внешность могла здорово измениться.

Сьюгар печально дотронулся до собственного лица:

— Угу, вероятно.

Майлз с трудом поднялся на ноги. Без одежды тут было довольно прохладно, и он уже начал покрываться гусиной кожей. Любопытно, какой предмет своего туалета он бы предпочел сохранить, если бы была такая возможность, — брюки, чтобы прикрыть срам, или рубашку, чтобы спрятать кривую спину? К черту! Некогда. Майлз протянул руку, чтобы помочь Сьюгару встать.

— Пошли.

Сьюгар посмотрел на него, не трогаясь с места.

— Новичка сразу видно. Вы все еще спешите. А здесь отвыкаешь от торопливости. Мозги замедляются...

— В вашем Писании по этому поводу что-нибудь сказано? — нетерпеливо осведомился Майлз.

— ...поэтому они поднялись туда с великой ловкостью и быстротой, хотя основание, на котором покоился город...

Между бровями Сьюгара залегли морщины, и он задумался.

Обреченно вздохнув, Майлз силой поднял пророка с земли.

— Ну, пошли.

Ни ловкости, ни быстроты, но по крайней мере движение. Шаркая ногами, Сьюгар вел Майлза через лагерь, проходя сквозь какие-то группы, обходя далеко стороной другие. Майлз снова увидел издали суровых братцев, сидевших на своей коллекции циновок. В среднем каждый клан включал от двенадцати до пятнадцати человек. Некоторые сидели по двое-трое, иные — поодиночке, как можно дальше от остальных (все равно это было недалеко).

Но самая многочисленная группировка состояла исключительно из женщин. Как только Майлз оценил размер их немаркированной территории, в нем проснулся исследовательский интерес. Женщин было по крайней мере несколько сот, и у всех были циновки, хотя некоторые пользовались одной на двоих. Граница охранялась: вдоль нее неспешно прогуливалось несколько решительного вида дам.

— Расскажите мне о женщинах, Сьюгар, — попросил Майлз своего спутника, кивая в сторону охраняемой территории.

Тот сардонически ухмыльнулся.

— Забудьте о женщинах. Они не дают.

— Как, совсем? Ни одна? Я хочу сказать, вот мы тут все собраны в кучу, и дела никакого, только развлекать друг друга. Казалось бы, идеальные условия для всяческого флирта...

Мысли его понеслись галопом, подгоняемые неприятными образами. Что же здесь творилось?

Вместо ответа Сьюгар указал вверх, на купол.

— Разве вы знаете, что за нами наблюдают? Они могут видеть все, слышать любое наше слово. Конечно, если там еще кто-нибудь остался. Может, все давно ушли и просто забыли отключить купол. Мне иногда снится такое. Мне снится, что я навсегда попал сюда, под этот купол. Потом просыпаюсь — а я и вправду под этим куполом... Иногда и сам не пойму, проснулся я или еще сплю. Только вот еду по-прежнему дают, и изредка — теперь уже совсем нечасто — появляется кто-то новый, вроде вас. Хотя, наверное, еду могут подавать автоматически. А вы мне снитесь...

— Они по-прежнему там, — мрачно сказал Майлз.

Сьюгар вздохнул:

— Знаете, я почти рад это слышать.

Наблюдают, да. Майлзу все известно о наблюдении. Он подавил желание замахать рукой и крикнуть: «Привет, мамочка!» Этим олухам наверняка ужасно надоело следить за пленными. Эх, если бы они перемерли от скуки!

— Но какое отношение это имеет к женщинам?

— Ну, поначалу всех это останавливало, — и Сьюгар снова указал вверх. — Однако со временем мы обнаружили, что цетагандийцы ни во что не вмешиваются. Совсем ни во что. Было несколько изнасилований... А потом все пошло еще хуже.

— Гм... Значит, идея начать заваруху и вырваться из-под купола в тот момент, когда они вводят внутрь войска, не пройдет?

— Один раз это попробовали, очень давно. Не знаю, когда именно. — Сьюгар закрутил свой клок бороды. — Им не нужно заходить внутрь, чтобы подавить мятеж. Они могут просто уменьшить диаметр купола... В тот раз они уменьшили его примерно до ста метров. Ничто не может помешать им уменьшить его до одного метра, оставив нас внутри, — если им вздумается. В общем, это всех угомонило. Или возьмут да и уменьшат проницае-

мость купола до нуля, чтобы мы постепенно надышали тут до обморока. Такое было два раза.

— Понятно, — отозвался Майлз.

По коже у него поползли мурашки.

В сотне метров от них на внутренней стороне купола начал расти пузырь — словно волдырь на обожженной коже. Майлз тронул за руку своего спутника:

— Что там происходит? Доставили еще пленных?

Сьюгар обернулся.

— Ох! Мы оказались здесь в неудачном месте.

Он на мгновение замер, не зная, что предпринять, а по лагерю тем временем распространялась волна движения, начиная от пузыря и до самых дальних секторов. Люди начали вставать, и все лица обращались к выпуклости на куполе. Многие побежали. Майлз посмотрел на женщин и увидел, что примерно половина из них стала быстро строиться в некое подобие клина.

— Впрочем, мы довольно близко... — рассуждал Сьюгар. — Какого черта, может, у нас есть шанс. Вперед!

Он бросился к пузырю на своей самой большой скорости — рысцой. Майлз затрусил следом, стараясь не слишком растрясти свои ребра. Но он очень быстро запыхался, и усиленное дыхание вызвало новый приступ мучительной боли.

— Что мы делаем... — начал было он, но в этот миг пузырь силового поля беззвучно лопнул, и Майлз наконец понял смысл происходящего.

У мерцающей стены лежала теперь темно-коричневая горка, примерно метр высотой, два метра длиной и три метра шириной. Майлз узнал стандартные плитки дневного рациона, по пятнадцать сотен калорий в каждой. Двадцать пять граммов белка, пятьдесят процентов суточной нормы витаминов А, В, С (и дальше по алфавиту), а на вкус — как булыжник, посыпанный сахаром. Обеспечивают жизнь, пока вы сможете заставить себя их есть.

«Не объявить ли нам викторину: угадайте, детки, сколько плиток в этой куче? — подумал Майлз. — Впро-

чем, викторина ни к чему; их обязательно должно быть ровно 10215, не больше и не меньше. Как хитроумно».

У психологов цетагандийцев поистине светлые головы. Интересно, что с ними делать, если они когда-нибудь попадут к нему в руки: перевербовать или уничтожить? Но сладкие мечты тут же развеялись перед лицом более насущной задачи — устоять на ногах, когда примерно десять тысяч человек, за исключением доходяг, уже неспособных двигаться, ринулись вперед, норовя свалиться на одни и те же три квадратных метра лагеря.

Первые спринтеры достигли кучи, схватили охапки плиток и кинулись наутек. Некоторые успели добраться до своих друзей, разделили добычу и двинулись в сторону от растущего водоворота. Других атаковали разбойничьи шайки, вроде команды суровых братцев-крепышей, и силой лишили добытого. Те из плитковладельцев, кому не удалось вовремя отскочить, оказались прижаты к краю купола телами второй волны бегунов.

Майлз и Сьюгар были в числе этих неудачников. Все вокруг мгновенно заслонили потные, пихающиеся, вонючие локти, груди и спины.

— Ешьте, ешьте, — торопил его Сьюгар, уже успевший набить рот. В следующую секунду их растащило в разные стороны. Драгоценную плитку, которую изловчился схватить Майлз, вырвали у него из рук прежде, чем он успел опомниться и последовать совету Сьюгара. Он даже не особенно огорчился — голод не шел в сравнение со страхом быть раздавленным или затоптанным насмерть. Его собственные ноги топтали что-то мягкое, но Майлз не мог оттолкнуться с достаточной силой, чтобы дать упавшему (мужчине, женщине — кто знает?) возможность подняться.

Через какое-то время давка уменьшилась, и Майлза вынесло на край толпы. Он вырвался на свободу, отошел, шатаясь, и тяжело сел на землю — потрясенный, дрожащий, бледный. Прошло не меньше часа, прежде чем он сумел овладеть собой.

В эти ужасные минуты едва не выплеснулся наружу его главный, непобедимый, глубоко укоренившийся страх — боязнь умереть, так и не увидев лица противника. Но, кажется, на сей раз все обошлось, и даже без новых переломов. Может, только в левой ступне? Насчет левой ступни Майлз был не совсем уверен. Тот слон, который на него наступил, наверняка получает больше плиток, чем ему причиталось бы по справедливости.

«Ладно, — решил наконец Майлз. — На разведку и рекогносцировку потрачено достаточно времени. Вставай, солдат. Пора найти полковника Тремонта».

Гай Тремонт, герой обороны Фэллоу-Кор. Он держался и не сдавал крепость, даже когда убили Бэнери, даже когда эвакуировался генерал Сян.

Сян хотел вернуться, но попал в мясорубку на станции Васильева. Командование обещало подмогу, но штаб и космопорт были захвачены цетагандийцами.

К этому моменту Тремонт и его войска уже остались без связи. И все равно ждали и надеялись. В конце концов у них остались только надежда и камни. Камни не лежали без дела — их клали в суп, их швыряли во врага. И наконец Фэллоу-Кор был взят. Не сдался! *Был взят.*

Майлзу очень хотелось увидеть Гая Тремонта.

Встав на ноги и осмотревшись, Майлз увидел вдали прихрамывающее чучело, которое какая-то группа отгоняла комьями грязи. Сьюгар остановился вне досягаемости земляных снарядов; он по-прежнему указывал на закрученную на запястье тряпку и что-то объяснял. Трое или четверо из слушателей прекратили бомбардировку и в качестве намека повернулись спиной к проповеднику.

— Эй, Сьюгар! — окликнул Майлз и замахал рукой.

— А, вот вы где! — обрадовался Сьюгар. — Я вас потерял. — Он стряхнул с бровей грязь. — Никто не хочет слушать, понимаете?

— Наверное, большинство уже выслушало вас хоть разок?

— Может, и двадцать раз. Но мне все кажется — а вдруг я кого-то пропустил? Может, того самого. Второго.

— Ну, я буду рад вас послушать, но сначала мне надо найти полковника Тремонта. Вы сказали, что кого-то знаете...

— А, правильно. Вон там.

Сьюгар снова повел его.

— Спасибо. Скажите, что, у вас всегда бывает такая свалка?

— Более или менее.

— А что мешает какому-нибудь клану просто захватить этот сектор купола?

— Пищу никогда не дают в одном и том же месте. Они передвигают место раздачи по окружности. Одно время много обсуждали стратегию: лучше ли быть в центре, чтобы всегда оставалось пробежать не больше одного радиуса, или на краю, чтобы хоть иногда поспевать первым. Некоторые парни даже делали математические расчеты: вероятности и все такое прочее...

— А вы как предпочитаете?

— О, у меня нет постоянного места, так что надеюсь на удачу. — И Сьюгар опять прикоснулся к своей тряпке. — Да и вообще, это не самое важное. Но все же приятно было сегодня поесть. Когда бы оно ни было, это сегодня.

— Сегодня второе ноября 97 года по общечеловеческому летосчислению.

— Всего-то? — Сьюгар расправил свою прядь и скосил глаза, пытаясь ее разглядеть. — Я думал, что нахожусь здесь гораздо дольше. А выходит, что и трех лет не прошло!

— М-м, — отозвался Майлз. — Значит, плитки рационов всегда дают такой кучей, а?

— Угу.

— Чертовски хитро.

— Да уж, — вздохнул Сьюгар.

Но этот вздох скрывал ярость, о которой говорили его сжавшиеся кулаки.

«А мой безумец не так уж и прост...»

— Ну вот мы и пришли, — добавил Сьюгар.

Они остановились возле «участка», обозначенного пятью-шестью положенными кругом циновками. Один из лежащих сердито нахмурился.

— Убирайся, Сьюгар. У меня нет настроения слушать твои проповеди.

— Это полковник? — прошептал Майлз.

— Не-а, его зовут Оливер. Когда-то, еще до лагеря, я был с ним знаком. И он был в Фэллоу-Кор, — тоже шепотом ответил Сьюгар. — Он может отвести вас к полковнику.

Сьюгар подтолкнул Майлза вперед:

— Это Майлз. Он новенький. Хочет с вами поговорить.

Сам он отошел подальше, и Майлз понял, что таким образом Сьюгар пытается ему помочь. Похоже, пророк знает о своей непопулярности.

Майлз рассматривал очередное звено цепочки. Оливеру удалось сохранить в целости свою серую пижаму, циновку и чашку, что снова напомнило Майлзу о его собственной наготе. С другой стороны, похоже, у Оливера не было нечестно добытых излишков имущества. Да, этот парень такой же здоровяк, как и суровые братцы, но в остальном он им не чета. Это утешало, хотя самому Майлзу уже можно было и не опасаться грабежа.

Оливер неприветливо взглянул на гостя, но потом вроде бы смягчился.

— Чего надо? — проворчал он.

— Я ищу полковника Гая Тремонта.

— Здесь нет полковников, парень.

— Он двоюродный брат моей матери. Никто из родных... вообще никто ничего не слышал о нем после падения Фэллоу-Кор. Я... не из тех частей, личный состав которых попал сюда. Полковник Тремонт единственный, о ком я хоть что-то знаю.

Майлз сжал руки и постарался выглядеть понесчастнее. А терзавшее его вполне реальное беспокойство помогло ему принять особенно жалостный вид.

— Да и жив ли он еще?

Оливер нахмурился.

— Родственник, да? — Толстым пальцем он поскреб себе нос. — Наверное, у тебя есть право с ним встретиться. Но это тебе ничего не даст, парень, если ты на что-то надеялся.

— Я... — Майлз тряхнул головой. — Я просто хочу знать.

— Ну тогда пошли.

Кряхтя, Оливер встал и побрел куда-то, не оглядываясь. Майлз пошел за ним.

— Вы ведете меня к полковнику?

Оливер ничего не ответил, но в этом не было надобности — путешествие закончилось всего в нескольких десятках метров от пункта отправления, среди другой группы циновок. Кто-то чертыхнулся, кто-то сплюнул. Большинство не обратили на них никакого внимания.

Одна циновка располагалась на отшибе, достаточно далеко, чтобы считаться отдельной. На ней, свернувшись калачиком, лежал спиной к ним какой-то человек. Оливер молча постоял, уперев свои огромные кулаки в бока и не отрывая глаз от лежащего.

— Это полковник? — нетерпеливо спросил Майлз.

— Нет, парень. — Оливер закусил нижнюю губу. — Только его останки.

Встревоженный Майлз опустился на колени и с облегчением убедился, что сказанное всего лишь метафора. Человек дышал.

— Полковник Тремонт? Сэр?

У Майлза снова оборвалось сердце. Он понял: дыхание — это единственное, на что еще способен полковник. Тремонт лежал неподвижно, глядя куда-то вдаль широко открытыми невидящими глазами. Посетители его не заинтересовали — он на них даже не взглянул. Полковник исхудал даже сильнее, чем Сьюгар. Майлз с большим трудом узнал его черты, хотя и видел их на фотографиях. Это были развалины прежнего лица — словно разрушенные укрепления Фэллоу-Кор. Требовалось чуть ли не умение археолога, чтобы установить личность этого человека.

Тремонт был одет, и у его головы стояла чашка, но земля вокруг циновки превратилась в пропитанную мочой грязь. На локтях Тремонта виднелись лиловые пятна пролежней. Влажное пятно на серой ткани брюк подсказывало, что там скрываются более серьезные и неприятные болячки.

И все же было очевидно, что за полковником кто-то ухаживает, иначе он был бы в еще худшем состоянии.

Оливер опустился на колени рядом с Майлзом, хлюпнув при этом ступнями по зловонной жиже, и вытащил из-под резинки штанов полплитки рациона. Отломив кусочек, он размял его и просунул Тремонту в рот.

— Ешь, — прошептал Оливер.

Губы чуть заметно шевельнулись. Крошки просыпались на циновку. Оливер сделал еще одну попытку, потом вдруг вспомнил про наблюдающего за ним Майлза и, что-то неразборчиво проворчав, спрятал плитку обратно.

— Его... его ранило при штурме Фэллоу-Кор? — спросил Майлз. — В голову?

Оливер покачал головой:

— Фэллоу-Кор не штурмовали, парень.

— Но крепость пала шестого октября, так сообщалось, и...

— Не шестого, а пятого. Фэллоу-Кор предали.

Оливер отвернулся и быстро ушел, видимо, боясь, что на его суровом лице отразятся какие-нибудь чувства.

А Майлз остался стоять на коленях в грязи.

Вот оно как, значит...

Можно считать, что розыски окончены?

Ему всегда легче думалось на ходу, но отдавленная нога требовала покоя. Он отковылял в сторону, стараясь не зайти ненароком на территорию какой-нибудь группы, и сел, а потом лег на землю, заложив руки за голову и глядя на опалесцирующий купол.

Майлз перебрал все возможные варианты: первый, второй, третий. Он обдумал их очень тщательно, но времени на это ушло совсем немного.

«Ты ведь, кажется, расстался с привычкой делить человечество на героев и злодеев?» — напомнил он себе. Майлз был уверен, что, входя сюда, надежно заблокировал все свои чувства, но теперь он ощутил, как его тщательно взлелеянное равнодушие уходит. Он начал ненавидеть купол как некое существо, личного врага. В эстетическом изяществе этой нематериальной скорлупы, в непогрешимом единстве ее формы и функции крылось что-то оскорбительное. Чудо физики, превращенное в орудие пытки.

Изощренной пытки... Майлз припомнил параграфы Межзвездной Конвенции относительно обращения с военнопленными, подписанной цетагандийцами. Столько-то квадратных метров на человека — да, им это, несомненно, предоставлено. Ни один пленный не может быть подвергнут одиночному заключению на срок, превышающий сутки, — правильно, здесь нет одиночества, здесь можно уединиться только в безумии. Периоды затемнения не должны превышать двенадцати часов — запросто: вообще никакого затемнения, вместо этого — вечный полдень. Никаких избиений — действительно, охранники могут правдиво заявить, что ни разу даже пальцем не прикоснулись к пленным. Они просто наблюдали, как пленные сами избивают друг друга. Точно так же обстоит дело и с сексуальными притязаниями.

А каких богатых результатов им удалось добиться, применив этот трюк с раздачей пищи! Да, свалка у плиток — это особо изощренный ход. Никто не в силах уклониться от нее (Майлз потер урчащий от голода желудок). А спровоцировать начальную неразбериху проще простого — однажды прислать «по ошибке» чуть меньше плиток. Хотя это и не обязательно — первый же человек, схвативший две порции вместо одной, оставил другого без еды. В следующий раз потерпевший возьмет три, чтобы компенсировать потерю — и нехватка разрастается, как снежный ком, подрубив в корне всякую надежду на порядок, натравив группу на группу, человека на чело-

века в мерзкой свалке, дважды в день напоминающей всем об их бессилии и униженности.

Никакого принудительного труда — ха, еще бы! Тогда потребовалось бы навести порядок. Доступность медицинского персонала? Правильно, здесь должны быть пленные врачи. Майлз снова вызвал в памяти точную формулировку этого пункта. Господи, неужели там действительно сказано «медицинского персонала»? Не медицинской помощи, а только медицинского персонала. Беспомощных, голых докторов и медтехников. Он невесело усмехнулся. Точные списки пленных были переданы посредникам — все как положено, в установленные сроки. Но никакой другой связи...

Отсутствие сведений из внешнего мира может свести с ума кого угодно. Это еще хуже бесплодной молитвы, когда говоришь с Богом, который тебе не отвечает. Неудивительно, что у всех у них тут понемногу развивается солипсическая шизофрения. Майлз чувствовал, что и его начинают одолевать сомнения. В самом деле, есть ли кто-то там, снаружи?

В условиях информационного голода спасти человека может только вера... Правая рука сжалась, словно расплющивая скорлупу.

— Сложившаяся ситуация, — произнес Майлз вслух, — требует радикального пересмотра всех планов.

Он заставил себя встать и отправился искать Сьюгара.

Проповедник оказался неподалеку: сидел на земле и что-то рисовал. Он поднял голову и приветливо улыбнулся:

— Оливер отвел вас к вашему родственнику?

— Да, но я опоздал. Он умирает.

— Угу... Этого-то я и опасался. Мне очень жаль.

— Мне тоже. — Любопытство заставило Майлза на секунду забыть о своей цели. — Сьюгар, а что они здесь делают с телами умерших?

— У одной из стенок купола есть что-то вроде свалки. Время от времени стена вроде как вытягивается и все

слизывает — так же, как доставляют еду и новых пленных. Когда труп распухает и начинает вонять, кто-нибудь отволакивает его туда. Иногда это делаю я.

— Наверное, сбежать этим путем невозможно?

— Они сжигают все микроволнами еще до того, как открывают проход.

— А! — Майлз сделал глубокий вдох и решился. — Сьюгар, я понял. Я действительно Один-из-Двух.

Сьюгар безмятежно кивнул:

— Я сразу догадался.

Майлз изумленно замолчал. И это все? Он ожидал большего энтузиазма.

— Мне было откровение! — торжественно объявил он, решив все же не отступать от своего сценария.

— О? — теперь Сьюгар явно заинтересовался. — У меня никогда не было откровений, — завистливо добавил он. — Пришлось самому до всего доходить, так сказать, из контекста. На что это похоже? Вроде транса?

«Проклятие, а я-то думал, что ему не в диковинку беседовать с феями и ангелами!» — Майлз пошел на попятную.

— Нет, это как мысль, только гораздо сильнее. Овладевает всей вашей волей... Обжигает, как страсть, но только не так легко удовлетворяется. Это не похоже на транс, потому что ведет наружу, а не вовнутрь.

Он осекся, смутившись, потому что сказанное было куда ближе к правде, чем ему хотелось.

А Сьюгар, наоборот, приободрился.

— О, хорошо. А то уж я было испугался — вдруг вы из тех, кто начинает разговаривать с теми, кого другим не видно.

Майлз невольно глянул вверх, но тут же снова опустил глаза.

— ...Так это, стало быть, откровения... Ну, такое я тоже ощущал.

— А вы сами не поняли, что это? — невозмутимо спросил Майлз.

— Не понял... Очень неловко быть избранным. Я долго пытался от этого увильнуть. Но Господь сам находит способ справиться с уклоняющимися от призыва.

— Вы слишком скромны, Сьюгар. Вы верили в свое Писание, но не верили в себя. Разве вы не знаете, что, получая назначение, получаешь и силы его выполнить?

Сьюгар удовлетворенно вздохнул.

— Я знал, что это дело для двоих. Так и сказано в Писании.

— Угу, да. Так теперь нас двое. Но надо, чтобы нас стало больше. Наверное, нам следует начать с ваших друзей.

— Это не займет много времени, — горьковато отозвался Сьюгар. — Ну а если с ними у нас ничего не выйдет?

— Тогда мы начнем с ваших врагов. Или шапочных знакомых. Мы начнем с первого встречного-поперечного. Не важно, где мы начнем, потому что я намерен в конце концов получить их всех. Всех до самого разнаипоследнего. — Тут на память Майлзу пришла особенно подходящая цитата, и он энергично провозгласил: — Имеющий уши да услышит!

С этими словами Майлз вознес — про себя — настоящую молитву и заставил Сьюгара встать.

— Идем проповедовать язычникам.

Сьюгар вдруг расхохотался:

— Я когда-то знавал одного боксера, который точно таким же тоном говорил: «Пойдем накидаем пачек какому-нибудь дураку».

— Без этого тоже не обойдется, — вздохнул Майлз. — Понимаешь, всеобщая принадлежность к нашей пастве вряд ли будет целиком добровольной. Но набор предоставь мне, слышишь?

Сьюгар разгладил свой клок бороды, и в глазах его мелькнули веселые искорки:

— Значит, вы бывший клерк, а?

— Точно.

— Слушаюсь, сэр.

* * *

Они начали с Оливера.

Майлз взмахнул рукой:

— Можно войти в ваш кабинет?

Оливер потер нос тыльной стороной ладони и фыркнул:

— Позволь дать тебе совет, парень. Как клоун ты здесь не приживешься. Все мыслимые шутки уже заезжены до смерти. Даже черные.

— Прекрасно.

Он сел на землю — неподалеку от Оливера, но все же не слишком близко. Сьюгар пристроился у Майлза за плечом, готовый ретироваться, как только возникнет необходимость.

— Раз мои шутки вам не по душе, то я буду говорить прямо. Мне не нравится, как тут все устроено.

Оливер насмешливо скривил губы, но вслух ничего не сказал. Этого и не требовалось.

— Я собираюсь все изменить, — продолжал Майлз.

— Чушь собачья, — отозвался Оливер, укладываясь на спину.

— Начиная отсюда и с этой минуты.

Немного помолчав, Оливер произнес:

— Убирайся, или я тебя поколочу.

Сьюгар уже начал вставать, но Майлз жестом вернул его на место.

— Он был в Четырнадцатом, — озабоченно прошептал Сьюгар. — Он вас пополам переломит.

— Девять десятых обитателей лагеря, включая девушек, могут переломить меня пополам, — шепотом ответил Майлз. — Этот довод не актуален.

Наклонившись, он схватил Оливера за подбородок и повернул лицом к себе. Сьюгар беззвучно ахнул, потрясенный столь рискованной манерой привлекать внимание слушателя.

— Вот что я скажу вам насчет цинизма, сержант: это самая бессильная мораль на свете. Но зато какая удобная! Убеди себя, что барахтаться бесполезно, — и

можно со спокойной душой сидеть по уши в дерьме и ничего не делать.

Оливер отбросил руку Майлза, но не ударил его и не отвернулся. В глазах его полыхала ярость.

— Это Сьюгар тебе сказал, что я сержант?

— Нет, это у тебя на лбу написано кровавыми буквами. Послушай-ка меня, друг...

Оливер перекатился на живот и привстал, упираясь в циновку костяшками пальцев. Сьюгар вздрогнул.

— Это ты слушай, мутантишка, — прорычал бывший сержант. — Мы уже все пробовали. Устраивали учения, игры, жили по правилам, качали мускулы — только вот душа тут нет. Мы устраивали фестивали и ставили спектакли. Мы пробовали силу и хорошенько повоевали друг с другом. А потом занимались грехом, сексом и садизмом, пока не затошнило. Мы все попробовали не меньше десяти раз. Ты что, думаешь, ты тут первый реформатор?

— Нет, Оливер. — Майлз наклонился совсем близко, и голос его упал до шепота. — Я уверен, что я — последний.

Оливер на миг опешил, потом рассмеялся:

— Господи, наконец-то Сьюгар нашел себе пару. Двое психов, как и сказано в его Писании.

Майлз пропустил эту реплику мимо ушей и постарался сесть как можно прямее.

— Прочти мне свое Писание еще раз, Сьюгар. Целиком.

Он закрыл глаза, чтобы получше сосредоточиться и не отвлекаться на пикировку со скептиком-сержантом.

Сьюгар нервно пошуршал рядом, откашлялся и начал:

— Для тех, кто станет наследниками спасения. Так они и направились к вратам. Теперь ты должен запомнить, что город стоял на огромной горе, но пилигримы поднялись на эту гору легко, потому что их вели за руки те двое. К тому же они оставили свою смертную одежду позади, в реке: хоть они и пришли в одеждах, но вышли нагими. Поэтому они поднялись туда с великой ловкостью и быстротой, хотя основание, на

котором покоился город, поднималось выше облаков. Потом они проследовали через воздушные области... — Сьюгар умолк, затем добавил извиняющимся тоном: — Тут оно заканчивается. Я оторвал страницу. Не понимаю, что это может означать.

— Наверное, то, что дальше вы должны додумать сами, — подсказал Майлз, снова открывая глаза.

Так вот тот материал, из которого ему предстоит строить. Не блещет разнообразием, но по смыслу подходит. Что ж, сгодится и такой. А последняя фраза вообще потрясла его, обдав холодом. Ну, так тому и быть. Вперед!

— Теперь понимаешь, Оливер? Вот это я и предлагаю. Единственную надежду, ради которой стоит дышать. Спасение для всех.

— Возвышенно до чертиков! — с издевкой отозвался Оливер.

— Именно этого мне и надо! Чтобы вы все возвысились. И учти, Оливер: я — фундаменталист. Я понимаю мое писание очень, ну, очень буквально.

Здоровяк открыл было рот, потом закрыл, так ничего и не сказав.

«Наконец-то заинтересовался, — мысленно вздохнул Майлз. — Можно считать, контакт установлен».

Через какое-то время Оливер проговорил:

— Необходимо чудо, чтобы всех переделать.

— Это не теология для избранных. Я намерен проповедовать массам. Даже, — Майлз начал входить во вкус, — закоренелым грешникам. Небеса открыты для всех, но приблизиться к ним можно лишь собственными усилиями. Мы не несем чудо в карманах...

— Уж ты-то точно... — пробормотал Оливер, бросив взгляд на голого Майлза.

— ...мы можем только молиться и готовить себя к лучшему миру. Но чудеса случаются только с подготовленными. Ты подготовлен, Оливер?

Майлз подался вперед, и голос его зазвенел. А Оливер пришел в такое замешательство, что даже обратился за подтверждением к Сьюгару:

— Этот тип действительно такой?

— Он думает, что притворяется, — хладнокровно ответил лагерный пророк, — но на самом деле говорит правду. Это действительно Один-из-Двух, никакого сомнения.

Черт подери, неужели он о чем-то догадывается? Майлз решил, что иметь дело со Сьюгаром все равно что фехтовать в зеркальном зале — нипочем не разберешь, где живой противник, а где его отражение.

Оливер почесал в затылке. На его лице попеременно отражались раздражение, вера и сомнение.

— Как же мы спасемся, эй ты, благочинный?

— Зови меня брат Майлз. Да. Скажи, сколько новообращенных ты можешь привести к нам своим личным авторитетом? Ничем не подкрепленным?

Оливер задумался.

— Дай только им надежду, и они пойдут за тобой куда угодно.

— Ну... спасение-то, конечно, будет даровано всем, однако существуют определенные временные ограничения. Поэтому и нужны посредники между Господом и паствой. Я хочу сказать: блаженные те, кто не видел, но уверовал.

— Это точно, — согласился Оливер. — Но если твоя религия не сумеет сотворить чудо, то наверняка последует жертвоприношение.

— Э-э... вот именно, — выдавил Майлз. — Ты на редкость проницателен.

— Это не проницательность, — сказал Оливер, — а просто обещание.

— Да, ну так вот... гм, возвращаясь к моему вопросу. Сколько последователей ты сможешь привести? Я веду речь о плоти, а не о духе.

Оливер нахмурился.

— Наверное, человек двадцать.

— А кто-нибудь их них сможет привести других? Убедить еще кого-то?

— Ну, допустим...

— Тогда сделай их своими капралами. По-моему, нам лучше забыть о прежних чинах. Назовемся... э-э... Армией возрождения. Или нет — Армией реформации! Да, это звучит лучше. Мы реформируемся, словно гусеница в куколке, а в итоге превратимся в бабочку и улетим.

— А что за реформы ты планируешь?

— Пока только одну: еду для всех.

Оливер кинул на него недоверчивый взгляд:

— А ты уверен, что не блефуешь в расчете подкормиться за чужой счет?

— По правде говоря, я действительно проголодался... — Оливер встретил этот намек ледяным молчанием, и Майлз поспешно сменил тему. — Но то же чувствует еще множество людей. К завтрашнему дню мы их всех будем кормить с рук.

— Когда тебе понадобятся эти двадцать?

— К следующему сигналу раздачи еды.

— Так скоро?

— Видишь ли, Оливер, здесь всем нам специально внушается мысль, будто спешить абсолютно некуда. Сопротивляйтесь ей, ибо это ложь.

— Да, уж ты не мешкаешь.

— А я тебя не к зубному врачу тащу. Кроме того, я вдвое легче, поэтому мне и приходится двигаться в два раза быстрее, чтобы у меня был такой же момент инерции. Итак, к следующей раздаче.

— И что, по-твоему, ты сможешь сделать с двадцатью парнями?

— Мы захватим штабель плиток...

Оливер с отвращением скривился.

— Это с двадцатью-то? Никогда. Кроме того, это уже пробовали. Я же говорил тебе: здесь была настоящая война. И сегодня получится просто крепкая потасовка.

— ...а когда захватим, то перераспределим их. Честно и справедливо, по одной порции на рыло, как положено. Праведникам, грешникам и всем прочим. К следующему сигналу все, кто голодал, будут уже за нас. И тогда мы сможем заняться перевоспитанием.

— Ты просто псих. Ты ничего не сможешь. С двумя-то десятками!

— Разве я говорил, что у нас будет только двадцать человек? Сьюгар, я это говорил?

Внимательно слушавший проповедник покачал головой.

— Ну, я не собираюсь высовываться и лезть в драку, если ты не предоставишь мне каких-нибудь видимых средств поддержки, — заявил Оливер. — Это может погубить нас.

— Будет сделано, — опрометчиво пообещал Майлз. С чего-то ведь надо начинать. — К сигналу я выведу пятьдесят бойцов. За святое дело!

— Сделай, и я пройду вокруг всего лагеря на руках и голый, — отозвался Оливер.

Майлз усмехнулся:

— Смотри, сержант, поймаю на слове. Двадцать с лишним. К следующей раздаче. — Майлз встал. — Пошли, Сьюгар.

Первая победа была одержана, и новоявленные миссионеры отступили в полном боевом порядке. Оглянувшись, Майлз увидел, что Оливер встал и, помахав кому-то знакомому, направился к группе циновок неподалеку от своей.

— Так откуда же мы возьмем к следующему сигналу пятьдесят бойцов? — спросил Сьюгар. — Должен предупредить вас: Оливер — лучший из моих знакомых. С другими наверняка будет труднее.

— Что? — изумился Майлз. — Ваша вера уже колеблется?

— Я верую, — смущенно сказал Сьюгар. — Я просто не понимаю. Может, это и значит, что я блаженный?

— Удивительно. Я полагал, что все достаточно очевидно. Вон они, наши бойцы, — и Майлз указал на другую сторону лагеря, где пролегала невидимая граница территории женщин.

— Ох! — Сьюгар остановился как вкопанный. — Нет, Майлз, боюсь, что на этот раз вы ошибаетесь.

— Пошли.

— Вам туда не попасть без операции по перемене пола.

— Что, невзирая на Божью волю, вы не стали проповедовать им свое Писание?

— Пытался, но был избит. После этого обращался к другим.

Майлз поджал губы и вгляделся в Сьюгара.

— А точно ли дело только в неудачах? Не стыд ли подточил вашу обычную решимость? Вам надо что-то загладить в этом отношении?

Сьюгар покачал головой:

— Лично мне нет. Если не считать греха бездействия.

Слава Богу, Сьюгар не насильник. Майлз еще раз осмотрелся, как бы пытаясь заново оценить всю лагерную обстановку в целом.

— Да... Давление хищников создает психологию стада. И приходится заключить, что давление достаточно сильное, раз удерживает вместе коллектив такого размера. Но никаких инцидентов со времени моего появления здесь я не заметил...

— Они то есть, то нет, — пояснил Сьюгар. — Фазы луны или еще что...

Лунные фазы, точно. Майлз в душе возблагодарил богов (если они есть) за то, что цетагандийцы, похоже, имплантировали всем пленным женщинам какой-то регулярно действующий противозачаточный препарат. Да будет благословенен тот неизвестный, который включил этот пункт в правила Международной Конвенции. Хотя... Возможно, присутствие среди пленных беременных, младенцев и детей могло бы оказаться еще одним дестабилизирующим фактором. Или, наоборот, стабилизирующим... М-да, все же хорошо, что этот вопрос так и не вышел из теоретической плоскости.

— Ну... — Он сделал глубокий вдох и агрессивно надвинул на лоб воображаемую шляпу. — Я новенький и потому временно не смущаюсь. Пусть тот из нас, кто без греха, бросит первую приманку. Кроме того, для таких

переговоров у меня есть еще одно преимущество — сразу видно, что я ни для кого не представляю угрозы.

Он двинулся вперед.

— Я подожду вас здесь, — услужливо пообещал Сьюгар и уселся на землю.

Майлз так рассчитал маршрут, чтобы встретиться с патрулем из шести женщин, обходивших свою территорию. Он расположился перед ними, сдернул воображаемую шляпу и стратегически прикрыл ею то место, которое не принято показывать в обществе.

— Добрый день, дамы. Позвольте извиниться за мой внешний ви...

Его галантная фраза была прервана самым неделикатным образом: в рот набилась грязь, ноги дернулись назад, а плечи — вперед... Четыре женщины аккуратно бросили Майлза лицом вниз. И не успел он отплеваться, как его подхватили и начали раскачивать, держа за руки и за ноги. На негромкий счет «три» он взлетел в воздух и шмякнулся неподалеку от Сьюгара. Патрульные двинулись дальше, не сказав ни слова.

— Ну, что я вам говорил? — спросил Сьюгар.

Майлз повернул голову и посмотрел на него:

— Вы заранее вычислили мою траекторию?

— Вроде того, — согласился Сьюгар. — Я прикинул, что они смогут зашвырнуть вас гораздо дальше обычного. Из-за вашего роста.

Майлз с трудом сел, пытаясь отдышаться. Черт подери эти ребра: они уже начали проходить, а теперь опять каждый вздох болью опоясывает грудь. Через несколько минут он встал и отряхнулся, а потом, словно опомнившись, поднял свою невидимую шляпу. При этом у него потемнело в глазах, так что ему пришлось постоять, упираясь руками в колени.

— Ну ладно, — пробормотал он, — возвращаемся.

— Майлз...

— Это необходимо, Сьюгар. Другого выхода нет. Да и вообще, когда я начинаю, то уже не могу отступить. Мне

говорили, что я патологически упрям. Я просто не способен отступать.

Сьюгар, кажется, собирался выдвинуть какое-то возражение, но раздумал.

— Хорошо, — только и сказал он. — Я буду ждать, пока вы меня не позовете.

И погрузился то ли в воспоминания, то ли в медитацию, то ли в дремоту.

Вторая попытка Майлза закончилась точно так же, как и первая, — разве что траектория была, возможно, немного длиннее и круче. Третья попытка была подобна второй, но полет закончился гораздо быстрее.

— Отлично, — пробормотал Майлз, вставая. — Похоже, они выдыхаются.

На этот раз он запрыгал параллельно патрулю — вне досягаемости, но в пределах слышимости.

— Послушайте, — пропыхтел он, — вам незачем тратить столько сил. Давайте я вам помогу. У меня врожденное заболевание костей: я не мутант, знаете ли, мои гены в порядке, а уродился я таким потому, что моя мать во время беременности подверглась действию яда. Так что моя хворь ненаследуема и не окажет влияния на детей, которых я мог бы иметь. Я всегда считал, что добиться свидания проще, если сразу внести ясность в этот вопрос: я не мутант... Короче, кости у меня такие хрупкие, что любая из вас без труда их все переломает. Вы, может, удивляетесь, зачем я вам это говорю... Правду сказать, я не люблю это афишировать... Вы должны остановиться и поговорить со мной. Я же вам не угрожаю... Разве я похож на угрозу?.. Может, я и бросаю вам вызов, но не угрожаю... Вы что, собираетесь тащить меня за собой вокруг всего лагеря? Притормозите, ради Бога...

Майлз почувствовал, что еще немного — и он настолько запыхается, что лишится своего главного оружия — речи. Он бросился женщинам наперерез и встал у них на пути, раскинув руки.

— ...если вы собираетесь переломать мне кости, пожалуйста, принимайтесь за дело и кончайте с этим по-

скорее, потому что я все равно буду возвращаться сюда, пока смогу двигаться.

Повинуясь незаметному жесту предводительницы, патрульные остановились.

— Давайте так и сделаем, — предложила высокая рыжеволосая женщина. Щетка ее медных волос ужасно отвлекала Майлза: он представил себе, как падали на пол густые пряди под ножницами безжалостных тюремщиков-цетагандийцев.

— Я сломаю ему левую руку, если ты займешься правой, Конри, — добавила она.

— Если это единственное, что может заставить вас остановиться на пять минут и выслушать меня, то так тому и быть, — отозвался Майлз, не отступая.

Рыжая сделала шаг вперед, ловко захватила его левую руку и, не торопясь, начала ее заламывать.

— Пять минут, а? — отчаянно попросил Майлз, чувствуя, как нарастает боль.

Яростный взгляд женщины обжег его лицо. Он закрыл глаза, затаил дыхание и стал ждать. Давление достигло критической величины: Майлз встал на цыпочки, готовясь услышать знакомый хруст...

Рыжая отпустила его так резко, что Майлз чуть не упал.

— Чертовы мужики, — с отвращением проговорила она, — вечно они из всего устраивают соревнование. Даже кто дальше пописает.

— Пол — это судьба, — выдохнул Майлз, открывая глаза.

— Или ты извращенец и тебе нравится, когда тебя избивают женщины?

Тело едва не предало Майлза радостным салютом. Черт побери, если эта встреча с рыжей — не последняя, придется где-то срочно доставать штаны.

— А если я скажу «да», вы нарочно откажетесь меня избивать? — осведомился он.

— Ну уж нет!

— А я-то надеялся...

— Прекрати болтать, Беатрис, — приказала начальница патруля, и ее короткий кивок вернул Беатрис обратно в ряд. — Ладно, коротышка, у тебя есть твои пять минут... может быть.

— Благодарю, мадам. — Майлз сделал вдох и привел себя в порядок — насколько это осуществимо без мундира, который можно было бы одернуть. — Во-первых, позвольте мне принести извинения за то, что я вторгся в ваше общество в таком неодетом виде. Практически первые же люди, которых я здесь встретил, оказались активистами движения за упрощение жизни. Они упростили меня, в частности, освободили от одежды...

— Я это видела, — неожиданно подтвердила рыжая Беатрис. — Ребята Питта.

Майлз сдернул с головы шляпу и поклонился:

— Вы правы, мадам.

— Когда кланяешься, ты показываешь зад тем, кто у тебя за спиной, — бесстрастно заметила Беатрис.

— Это их трудности, — откликнулся Майлз. — Что до меня, то я хочу поговорить с вашим руководством. У меня есть планы по серьезному улучшению местных манер, в чем мне хотелось бы заручиться вашей поддержкой. Вы — самый крупный из сохранившихся здесь островков цивилизации, не говоря уже о военной дисциплине. Думаю, что пришло время расширить ваши границы.

— Все наши силы уходят на то, чтобы поддерживать теперешние границы, сынок, — ответила начальница. — Дудки. Так что убирайся.

— И сам себя обслужи, — предложила Беатрис. — Здесь тебе не дадут.

Майлз вздохнул, поворачивая шляпу в руках за широкие поля. Потом он несколько секунд покрутил ее на указательном пальце — и встретился взглядом с рыжей.

— Обратите внимание на мою шляпу. Это единственный предмет одежды, который мне удалось сохранить от покушения братьев-крепышей. Тех, кого вы назвали ребятами Питта.

Беатрис фыркнула.

— Эти подонки... А почему только шляпу? Почему не штаны? Почему уж тогда вообще не парадный мундир? — саркастически добавила она.

— Шляпа — это важнейшее средство общения. Вы можете сделать широкий жест, — тут Майлз сделал этот жест, — или показать свою искренность, — он прижал мнимую шляпу к сердцу. — Вы можете выразить смущение, — он прикрыл гениталии и виновато согнулся, — или ярость, — он с силой швырнул шляпу на землю, потом поднял и тщательно отряхнул. — Вы можете высказать решимость, — он нахлобучил шляпу на голову и надвинул на лоб, — или проявить любезность. — Тут Майлз снова сдернул шляпу, приветствуя Беатрис. — Видите шляпу?

Рыжей уже стало забавно:

— Да...

— А перья на шляпе видите?

— Да...

— Опишите их.

— О... пушистые такие.

— Сколько?

— Два. Сколоты вместе.

— А цвет перьев видите?

Женщина отступила, вдруг отрезвев, и покосилась на своих спутниц:

— Нет.

— Когда вы увидите цвет перьев, — негромко проговорил Майлз, — вы поймете, как можно раздвинуть ваши границы в бесконечность.

Беатрис молчала, и лицо ее было бесстрастно. Но начальница патруля пробормотала:

— Наверное, этому коротышке надо поговорить с Трис. В порядке исключения.

Женщина-командующая явно воевала на передовой: горбясь за экраном в каком-нибудь тыловом бункере не приобретешь такую мускулатуру, буграми перекатыва-

ющуюся под кожей. Она носила настоящее оружие, извергавшее настоящую смерть; она билась на грани человеческих возможностей, и война выжгла шрамы в ее душе. Ярость пылала в ней подобно пламени в угольном пласте: скрыто и неугасимо. Ей было, наверное, лет тридцать пять — сорок.

«Господи, я влюбился, — подумал Майлз. — Дорогая, вы нужны брату Майлзу в Армию реформации...» Потом он постарался овладеть собой. Наступил самый решающий момент его плана, и шутливая болтовня была бы здесь бесполезна и даже опасна.

«Обиженным нужна власть, больше ничего. Они думают, что власть спасет их от новых обид. Эту не заинтересует странное послание Сьюгара, во всяком случае — пока...»

Он набрал в легкие побольше воздуха.

— Мадам, я пришел предложить вам командование этим лагерем.

Женщина уставилась на него так, словно Майлз был каким-то паразитом, копошащимся в темном углу сортира. Глаза ее полоснули по наготе молодого человека, и ему показалось, что по всему телу — от подбородка до ступней — пролегли следы когтей.

— Которое вы, видимо, носите в своем планшете, — отрезала женщина. — Командования в этом лагере не существует, мутант. Так что ты им распоряжаться не можешь. Отнеси его за нашу территорию по кусочкам, Беатрис.

Майлз увернулся от рыжей. Вопрос о мутантстве он прояснит потом.

— Командование в этом лагере будет создано мною, — объяснил он. — Обратите внимание: я предлагаю вам власть, а не отмщение. Месть — непозволительная роскошь. Командующие не могут ее себе позволить.

Трис поднялась со своей циновки, выпрямилась в полный рост, потом согнула колени, чтобы оказаться лицом к лицу с Майлзом, и процедила:

— Очень жаль, дерьмецо. Ты почти заинтересовал меня. Потому что я хочу отомстить. Каждому мужику в этом лагере.

— Значит, цетагандийцы добились своего: вы забыли, кто ваш настоящий враг.

— Наоборот, я узнала, кто мой настоящий враг. Хочешь знать, что они с нами делали — наши собственные парни?..

— Цетагандийцы хотят, чтобы вы думали, будто все это, — тут он обвел рукой лагерь, — вы сотворили сами. Так что, воюя друг с другом, вы становитесь их марионетками. А они все время наблюдают за вами и наслаждаются вашим унижением. И вы знаете об этом!

Взгляд Трис на мгновение метнулся к куполу, потом опять вонзился ему в лицо.

— Власть лучше отмщения, — продолжал Майлз, не дрогнув перед горящими углями ее глаз. — Власть — это нечто живое, и благодаря ей вы протягиваете руку к будущему. А месть — мертва, она тянется из прошлого и тащит вас назад.

— А ты талантливый враль, — оборвала его Трис — Я тебя уже раскусила: ты норовишь схватить, что плохо лежит. Вот настоящая власть. — Она сжала руку у него под носом, поиграв мускулами. — Это единственная власть, которая здесь существует. У тебя ее нет, вот ты и ищешь, к кому бы приткнуться. Но ты не туда обратился.

— Нет, — возразил Майлз и постучал себя по лбу. — Вот где настоящая власть. И этого у меня хватает, никуда обращаться не надо. Власть, которая управляет силой. — И он шлепнул по своему кулаку. — Люди могут сдвинуть горы, а людьми движут идеи. Но верно и обратное — на ум можно воздействовать через тело! Для чего, по-вашему, все это, — он указал на лагерь, — как не для того, чтобы воздействовать на ваши умы через ваши тела? Когда вы позволили цетагандийцам свести вашу силу только вот к этому, — и Майлз для вящей наглядности рискнул сжать

ее бицепс, — вы тем самым отдали им свое главное оружие. И они победили.

— Они все равно победили, — отрезала Трис, стряхивая с себя его руку. (Майлз облегченно вздохнул: она не сочла нужным ее ломать.) — Что бы мы ни делали в этом цирке, никакого толка не будет. Все равно мы будем пленными. Они могут отключить нам пищу, или чертов воздух, или смять нас в лепешку. И время работает на них. Мы можем сколько угодно надрывать себе кишки, восстанавливая порядок (если ты к этому гнешь), а им только и нужно подождать, пока он снова нарушится. Мы побеждены. Мы в плену. И тебе пора начать привыкать к этой мысли.

— Эту песенку я уже слышал, — ответил Майлз. — Включите мозги. Если бы они собирались держать вас тут вечно, то могли бы сразу всех кремировать и сэкономить немалые расходы на поддержание этого лагеря. Нет. Им нужны ваши умы. Вы находитесь здесь потому, что вы — лучшие бойцы Мэрилака: самые отважные бойцы, самые сильные, самые отчаянные, самые опасные. Вы те, от кого будут ждать руководства все противники оккупации. Цетагандийцы хотят сломать вас, а потом вернуть на Мэрилак, как вакцину: убеждать своих соплеменников сдаться. Когда вот это убито, — Майлз прикоснулся ко лбу Трис (о, едва-едва), — тогда цетагандийцам больше нечего бояться вот этого, — он приложил палец к ее бицепсу. — Вас сломают, а потом отпустят в мир, чей горизонт замкнет вас подобно этому куполу. — Война не окончена, поймите. И вы находитесь здесь, потому что цетагандийцы все еще ожидают, когда Фэллоу-Кор падет.

Секунду или две ему казалось, что Трис его убьет, придушит на месте, лишь бы не показать свои слезы. Но она сдержалась.

Вскинув голову и глотнув воздуха, женщина вновь обрела свою агрессивность, служившую ей защитой.

— Если это правда, тогда, послушавшись тебя, мы отодвинем час своего освобождения, а не приблизим его.

Вот так сюрприз — она к тому же еще и логик! Ей даже незачем пускать в ход кулаки, она может заспорить его до смерти, если он не вывернется. Майлз вывернулся:

— Есть немалая разница между пленом и рабством. Хотя, конечно, ни то, ни другое — не свобода. Я это понимаю. И вы — тоже.

Трис долго молчала, глядя на него прищуренными глазами.

— Ты странный, — сказала она наконец. — Почему ты говоришь «вы», а не «мы»?

Майлз небрежно пожал плечами, быстро припоминая все, что говорил. Черт подери, а ведь тетушка Трис права! Тут он, пожалуй, слишком близко подошел к опасному краю. Но пока еще эту ошибку можно выгодно использовать:

— Неужели я похож на цвет военной мощи Мэрилака? Я — странник, заброшенный в мир, который создан не мною. Путешественник, пилигрим. Я тут проездом. Спросите Сьюгара.

Трис хмыкнула:

— Этого психа?!

Она не заметила зацепки. Свинство, как сказала бы Элли. Как ему не хватает Элли! Надо будет попробовать еще разок, попозже.

— Не следует недооценивать Сьюгара. У него есть для вас послание, которое показалось мне весьма захватывающим.

— Слышала я его. Другого такого зануду поискать... Так что ты рассчитываешь со всего этого иметь? И не говори «ничего», потому что я не поверю. Честно говоря, по-моему, ты сам хочешь стать командующим лагерем, и я не собираюсь служить ступенькой какого-нибудь грандиозного имперского плана.

Теперь уже заработал ее острый солдатский ум. Она стремительно соображала — и, похоже, не только насчет того, как бы поскорее доставить Майлза к границе в разобранном виде. Теплее, теплее...

— Я только хочу быть вашим духовным советником. Мне не нужна власть, да я и не смог бы ею воспользоваться. Только место советника...

Видимо, в слове «советник» было что-то важное, потому что глаза женщины вдруг широко раскрылись. Майлз сидел так близко, что увидел даже, как расширились ее зрачки. А Трис подалась вперед и провела пальцем по чуть заметным ямкам по обе стороны его носа — там, где касается кожи шлем боевого скафандра. Снова выпрямившись, женщина погладила средним и указательным пальцем такие же, но более глубокие впадины, навсегда отпечатавшиеся на ее лице.

— Так как ты сказал? Кем ты был раньше?

— Клерком. На призывном пункте, — упрямо ответил Майлз.

— Понятно.

Если Трис догадалась, что он не тот, за кого себя выдает, то он пропал. А может быть, и нет.

Трис снова устроилась на своей циновке и указала Майлзу на ее противоположный край:

— Садись, капеллан. И продолжай говорить.

Когда Майлз нашел Сьюгара, тот мирно спал, оставаясь, впрочем, в сидячем положении. Майлз легонько похлопал его по плечу:

— Просыпайся, Сьюгар, все в порядке.

Проповедник всхрапнул в последний раз и проснулся:

— Господи, как мне не хватает кофе! Э? — Он изумленно поморгал: — Вы целы?

— Уцелел все же. Послушай, я хотел бы уточнить насчет того отрывка об одеждах в реке: теперь, когда мы нашли друг друга, нам все равно надо ходить голыми? Или пророчество уже исполнено?

— Э?

— Мы можем теперь одеться? — терпеливо повторил Майлз.

— Ну... я не знаю. Наверное, если бы нам суждено было иметь одежду, ее бы нам дали...

Майлз толкнул его в бок, показывая:

— Вот. Как раз тот самый случай.

В нескольких метрах от них стояла Беатрис, всем своим видом выражая нетерпеливую скуку. Под мышкой у нее был какой-то серый сверток.

— Ну вы, психи, вы берете все это барахло или нет? Я ухожу.

— Вы заставили их дать вам одежду? — потрясенно прошептал Сьюгар.

— Нам обоим, а не мне, — и Майлз махнул Беатрис. — Кажется, берем.

Женщина швырнула ему сверток, фыркнула и удалилась.

— Спасибо! — крикнул ей вслед Майлз.

Он развернул подарок. Два серых пижамных комплекта: один маленький, один большой. Майлзу можно всего один раз подвернуть брюки — и они уже будут впору. Конечно, одежда не первой свежести — может, даже с трупов, но... Сьюгар натянул рубашку и штаны и стоял, изумленно щупая серую ткань.

— Они дали нам одежду. Ну и ну! — бормотал он. — Как вы этого добились?

— Они все нам дали, Сьюгар. Пошли, мне надо снова поговорить с Оливером. — Майлз решительно потащил Сьюгара за собой. — Интересно, сколько у нас времени до следующей раздачи? Конечно, рационы выдают дважды в сутки, но я нисколько не удивлюсь, если это происходит через неправильные промежутки времени, дабы усилить путаницу в мозгах. Ведь в конце концов это наши единственные часы...

Тут внимание Майлза привлекло движение: в их сторону бежал какой-то мужчина. Он явно ни от кого не удирал, а просто мчался изо всех сил, пригнув голову к земле. Он бежал, не разбирая дороги, свернул только на границе женской территории. На бегу он плакал.

— Что это? — спросил Майлз, кивнув на приближающуюся фигуру.

Сьюгар пожал плечами:

— Иногда на людей находит. Когда больше невыносимо здесь сидеть. Однажды я видел, как какой-то парень загнал себя до смерти. Кружил, кружил и кружил, пока не упал.

— Сдается мне, — решил Майлз, — что этот бежит прямо к нам.

— А через секунду побежит уже от нас...

— Тогда помоги мне его поймать.

Майлз сделал беглецу подножку. Не успел он упасть, как Сьюгар уселся ему на грудь, а Майлз — на правую руку, таким образом наполовину уменьшив возможное сопротивление. Наверное, парень попал в плен сразу же после призыва, а может, еще и неправильно указал свой возраст, когда вступал в армию — даже сейчас лицо у него было совсем мальчишеское. Он рвался и брыкался, захлебываясь рыданиями вперемешку с руганью, а потом обессилел и затих, тяжело дыша.

Майлз наклонился к нему и хищно усмехнулся:

— Любишь повеселиться, приятель?

— Ага... — Пленник отчаянно скосил глаза вправо и влево, но помощи нигде не было.

— А как насчет твоих друзей? Тоже любят повеселиться?

— Мои друзья — крутые ребята! Еще какие! — заявил юнец, по-видимому, уже решивший, что попал в руки еще больших психов, чем он сам. — Слезай-ка с меня, мутант, а то они тебя на клочки разорвут.

— Я хочу пригласить тебя и твоих друзей на грандиозное развлечение, — продекламировал Майлз. — У нас сегодня будет просто ис-то-ри-ческий вечер. Знаешь, где найти сержанта Оливера из Четырнадцатого отряда коммандос?

— Ага... — неуверенно пробормотал парень.

— Ну вот, бери своих приятелей и двигай к нему. Советую тебе прямо сейчас забронировать место в нашем э-ки-па-же, потому что кто не в нем, те под ним. Армия реформации начинает действовать. Понял?

— Понял! — охнул тот, когда Сьюгар для убедительности ткнул его кулаком.

— Скажешь, что тебя прислал брат Майлз! — крикнул Майлз вслед пареньку. — И помни, что тебе здесь не спрятаться. Если сам не явишься, пришлю за тобой Командос космоса!

Сьюгар встал и отряхнул свою заскорузлую обновку:

— Думаете, придет?

Майлз ухмыльнулся:

— Придет обязательно. — Он потянулся и напомнил себе: — К Оливеру!

В конце концов у них оказалось не двадцать, а двести добровольцев. Оливер подобрал сорок шесть человек, паренек привел восемнадцать. Признаки порядка и деятельности увеличивали приток кандидатур. Стоило кому-нибудь любопытствующему спросить: «Что здесь стряслось?» — как его записывали в армию и делали капралом. Интерес среди зрителей достиг апогея, когда команда Оливера строем подошла к территории женщин и была пропущена через границу. К ним мгновенно присоединились еще семьдесят пять добровольцев.

— А ты знаешь, что мы затеваем? — спросил Майлз у кого-то из новичков, прежде чем определить его в один из четырнадцати сформированных отрядов.

— Нет, — признался тот, а потом махнул рукой в сторону женщин, — но мне тоже охота прогуляться к бабам...

Майлз прекратил набор на двухстах, поскольку Трис уже начала нервничать, видя, что столько мужчин перешли ее границы. Впрочем, он тут же превратил эту любезность в козырную карту в их все еще не закончившемся стратегическом споре. Трис хотела разделить своих амазонок как обычно — половину для атаки, половину — охранять базу и границы; Майлз же настаивал на том, чтобы бросить в атаку все силы.

— Если мы победим, вам больше не понадобится охрана.

— А если проиграем?

Майлз понизил голос:

— Мы не смеем проигрывать. Преимущество внезапности срабатывает только один раз. Можно отступить, перегруппировать силы — лично я так и буду делать, пока не свалюсь замертво, — но после этой попытки всем противостоящим группировкам будет ясно, чего мы добиваемся, и у них будет время спланировать ответный ход. Должен признаться, что у меня всегда было непреодолимое отвращение к патовым ситуациям. Я предпочитаю выигрывать сражения, а не затягивать их.

Трис вздохнула, став на мгновение усталой, выжатой, старой.

— Знаешь, я уже давно воюю... Спустя какое-то время даже поражение начинает казаться более привлекательным, чем война.

Майлз почувствовал, как тает его собственная решимость, затянутая тем же черным водоворотом сомнений. Но он ткнул пальцем вверх и перешел на шепот:

— Но ведь не этим же подонкам мы будем проигрывать?

Трис глянула на купол, и плечи ее расправились.

— Нет. Не этим... — Она глубоко вздохнула. — Ладно, капеллан. Получишь свое всеобщее усилие. Один раз...

Оливер вернулся с обхода и, подойдя, присел рядом на корточки:

— Приказы они получили. Сколько человек дает Трис в каждый отряд?

— Командор Трис, — быстро поправил его Майлз, заметив, как нахмурилась женщина. — Мы будем действовать всеми силами. Вы получите всех ходячих бойцов.

Оливер сделал пальцем на земле какие-то вычисления.

— Значит, в каждом будет человек по пятьдесят. Должно бы хватить... Кстати, почему бы нам не сделать двадцать отрядов? Ускорит раздачу, когда построим очереди. Может помочь успешному завершению дела.

— Нет, — быстро вмешался Майлз, опередив утвердительный кивок Трис. — Их должно быть четырнадцать.

Четырнадцать отрядов создадут четырнадцать очередей к четырнадцати кучам плиток. Четырнадцать — это... это мистическое, божественное число, — добавил он в ответ на их недоумевающие взгляды.

— Почему? — спросила Трис.

— Из-за четырнадцати апостолов, — изрек Майлз, благоговейно складывая руки.

Трис пожала плечами. Сьюгар почесал в затылке и начал было опровергать, но Майлз кинул на него такой злобный взгляд, что он тут же затих.

Оливер, пристально наблюдавший за ними, что-то хмыкнул, но спорить больше не стал.

Потянулось ожидание. Майлз перестал беспокоиться о самом худшем, — что тюремщики забросят следующую порцию раньше, чем его планы оформятся, — и начал тревожиться о другом, почти столь же опасном обороте дела: вдруг плитки не появятся слишком долго, и его бойцы, заскучав и разочаровавшись, начнут расходиться. В эти минуты Майлз чувствовал себя так, словно он ведет строптивую козу на веревке, свитой из воды. Никогда еще он столь остро не ощущал нематериальность Идеи.

Оливер тронул его за плечо:

— Начинается...

Стена купола примерно в трети окружности от них начала выгибаться.

Момент был просто идеальный. Слишком идеальный... Цетагандийцы в курсе происходящего и наверняка замыслили какую-нибудь пакость. Если куча плиток не подана слишком рано, значит, ее должны были бы задержать. Или...

Майлз вскочил на ноги:

— Подождите! Стойте! Ждите приказа!

«Летучие отряды» заволновались, притягиваемые вожделенной выпуклостью. Но Оливер не ошибся в выборе командиров — они удержались сами и удержали своих людей. Все в ожидании повернулись к Оливеру. Они все-

таки когда-то были солдатами. Оливер глянул на Трис, а Трис гневно воззрилась на Майлза.

— Ну, в чем дело? Мы же лишимся своего преимущества... — начала она.

— Если я ошибся, — простонал Майлз, — то покончу с собой. Ждите, черт подери! Сьюгар, подсади меня!

Он взобрался на худые плечи проповедника и уставился на выпуклость. Силовой экран еще не успел окончательно выровняться, когда до них донеслись первые крики разочарования. Майлз отчаянно завертел головой. Попробуй, разгадай этот ребус: если цетагандийцы все знают, а он знает, что они знают, а они знают, что он знает, что они знают, и... Майлз не успел завершить цепочку силлогизмов: на противоположной стороне лагеря начал расти второй пузырь.

Он выкинул руку вперед, словно бросая кости:

— Туда! Туда! Скорей, скорей, скорей!

Теперь и Трис поняла, в чем дело. Присвистнув, она наградила Майлза уважительно-изумленным взглядом, стремительно развернулась и поспешила возглавить маршбросок своего отряда. Неуклюже соскочив на землю, Майлз двинулся следом.

Обернувшись, он увидел, как серая человеческая масса ударилась о противоположный край купола и отхлынула. С этой минуты Майлз оказался в положении человека, пытающегося обогнать приливную волну. Заранее всхлипнув, он заковылял быстрее.

Неужели он ошибся?.. Нет! «Летучие отряды» вовремя добрались до цели, и плитки действительно оказались на месте. Командиры уже начали раскладывать кучу на несколько мелких. Группы поддержки окружили их стеной и приготовились к обороне. На этот раз цетагандийцы перехитрили сами себя.

Волна прилива догнала Майлза, и вместо широкого обзора, приличествующего командующему, у него осталась только точка зрения червяка-рядового. Кто-то пихнул его сзади, и он упал; ему показалось, что в спине перепрыгнувшего через него человека он узнал Питта.

Впрочем, тот, наверное, предпочел бы наступить на Майлза, а не перешагнуть... Сьюгар помог ему подняться, и Майлзу удалось проглотить стон. Кругом и так хватало шума.

Он узнал своего паренька, как раз схватившегося с каким-то громилой. Майлз протолкнулся мимо него, громко напомнив:

— Ты должен кричать «Становись в очередь!», а не «Иди в жопу!» Команда в бою всегда искажается, — пробормотал он себе под нос. — Вечно одно и то же...

Рядом возникла Беатрис, и Майлз уцепился за нее. У Беатрис было собственное пространство, нечто вроде личной границы. Майлз увидел, как она ее охраняет: небрежно ткнула локтем в чью-то физиономию, так что ее хозяин только зубами щелкнул. Если бы такое попытался проделать Майлз, он разбил бы свой локоть, а не выпуклость вражеской скулы. Кстати, о выпуклости: он оказался лицом... ну, не к лицу... Короче, перед рыжеволосой. Он едва справился с желанием вздохнуть и уткнуться в мягкую серую ткань, прикрывшую родное убежище. Напомнив себе о травмах, которыми обернется для него это предприятие, Майлз оторвал взгляд от притягательной области и уставился в лицо Беатрис.

— Пошли, — буркнула она и поволокла его через толпу.

Не начал ли стихать шум? Стена его бойцов чуть раздвинулась, позволив им протиснуться в центр.

Они оказались рядом с началом очереди. Получилось, видит Бог, получилось! Четырнадцать групп, довольно тесно сбившихся у стены купола (в следующий раз это надо будет исправить), пропускали по одному голодных просителей. Распорядители заставляли очередь двигаться на предельной скорости, отводя получивших плитки вдоль стены обратно в лагерь, к краю толпы. Оливер отрядил пары самых крепких солдат следить за уходящими, чтобы ни одна плитка не была отобрана у законного владельца.

Большинство новоиспеченных полицейских отнеслось к своему делу с огромным энтузиазмом. Возможно, кое-

где под шумок вымещались и старые обиды — Майлз увидел одного из суровых крепышей, взятого в оборот парой патрульных. Вчерашнему супермену били морду. Майлз опять напомнил себе о недопустимости личных симпатий и антипатий в столь важном деле и со вздохом легкого сожаления отправился за Оливером, чтобы тот восстановил порядок среди своих подчиненных.

На раздаче у Трис царила идеальная дисциплина. Майлз поздравил себя с тем, что поручил раздавать еду женщинам, — здесь удалось задействовать эмоциональный фактор огромной силы. Немало мужчин, получая в руки плитку рациона, смущенно бормотали «спасибо», а потом их примеру следовали многие идущие следом.

«Получайте, ублюдки! — мысленно обратился Майлз к невидимым наблюдателям за куполом. — Вы потеряли монополию на психологическую войну. Мы еще повернем ваше пищеварение в обратную сторону! И пускай у вас от злости все кишки вывернет...»

Его размышления были прерваны каким-то шумом у одной из точек раздачи. Майлз раздраженно наморщился, увидев, что в центре заварухи находится Питт, и поспешно заковылял туда.

Оказалось, что Питт отплатил за свою плитку не словами благодарности, а недвусмысленным взглядом, улыбочкой и какой-то грязной шуткой. Оскорбленные дамы тут же атаковали его, но безуспешно: Питт был парень крепкий и к тому же не стеснялся бить женщин. Одна из нападавших, только чуть выше Майлза, отлетела назад и уже не смогла подняться. Очередь замерла, плавный цивилизованный поток желающих пообедать разбился окончательно. Майлз вполголоса чертыхнулся.

— Ты, ты, ты и ты, — постучал он по каким-то плечам, — схватите этого парня.

Те, к кому он обратился, не слишком рвались выполнять полученное задание, но к месту происшествия подоспели Трис и Беатрис. Нарушитель порядка был схвачен, скручен и вытащен за линию оцепления. Майлз удостоверился, что раздача снова заработала, и повер-

нулся к разъяренному сквернословящему Питту. В этот момент подошли Оливер и Сьюгар.

— Я оторву этому подонку яйца, — бушевала Трис. — Я имею полное право...

— Вы — военный комендант, — прервал Майлз. — Если этого человека обвиняют в хулиганстве, его следует предать военно-полевому суду.

— Он насильник и убийца, — ледяным тоном отозвалась женщина. — Суд для него слишком большая честь. Он должен умереть медленной смертью...

Майлз отвел Сьюгара в сторону:

— Это соблазнительно, но почему-то мне не хочется сейчас отдавать ей парня. Очень не хочется. С чего бы это?

Сьюгар уважительно посмотрел на него:

— По-моему, вы правы. Видите ли... здесь... здесь слишком многие подобны ему.

А Питт, вне себя от ярости, уже заметил Майлза.

— Ты! Ты, бабский прихвостень! Думаешь, они тебя защитят? — Он дернул головой в сторону Трис и Беатрис. — У них сил не хватит. Мы и раньше им вставляли, вставим и теперь. Мы не проиграли бы эту чертову войну, будь у нас настоящие солдаты — как у барраярцев. Они вот не берут в армию бабья и всяких жополизов. Оттого и выгнали цетагандийцев со своей планеты...

— Почему-то, — медленно проговорил Майлз, — мне не верится, будто ты специалист по тактике барраярцев во время Первой цетагандийской войны. Иначе кое-чему научился бы...

— А тебя, небось, уже сделали почетной девицей, мутант? — не остался в долгу Питт. — Для этого много не нужно...

«Чего ради я тут стою и переругиваюсь с примитивным бандитом? — одернул себя Майлз. — Некогда. Надо с этим кончать».

Он отступил и скрестил руки на груди:

— Никому из вас до сих пор не приходило в голову, что этот тип — агент цетагандийцев?

Потрясенный Питт утратил дар речи.

— Это совершенно очевидно, — с напором заявил Майлз, возвысив голос, чтобы слышали все окружающие. — Он зачинщик всех беспорядков. Своим примером, своими безобразиями он совратил многих честных солдат, натравив их друг на друга. Цетагандийцы не могли надеяться на то, что вы сдадитесь, а потому постарались посеять среди вас семена зла. Чтобы действовать наверняка. И это сработало на удивление хорошо. Вы даже не подозревали...

Оливер тронул его за плечо и пробормотал:

— Брат Майлз! Я знаю этого парня. Никакой он не шпион. Он просто...

— Оливер, — прошипел Майлз, не разжимая зубов, — заткнись! — И продолжил своим самым зычным голосом: — Конечно, он цетагандийский агент. Тайный. А вы все это время думали, что сами творите это над собой.

«А где нет дьявола, — добавил он про себя, — там приходится его изобретать». Его подташнивало, но он сохранял маску праведного возмущения. Майлз всмотрелся в лица сгрудившихся вокруг людей. Где-то в недрах толпы нарастал глухой грозный ропот.

— Снимите с него рубашку, — приказал Майлз, — и положите на живот. Сьюгар, дай мне твою чашку.

У разбитой чашки Сьюгара был острый край. Майлз уселся на своего врага и крупными печатными буквами нацарапал по всей спине Питта «ШПИОН ЦЕТАГАНДЫ». Он погружал острие глубоко и безжалостно, и из царапин выступала кровь. Питт кричал, матерился и брыкался.

Майлз поднялся на ноги, дрожа и задыхаясь.

— А теперь, — велел он, — дайте ему его плитку рациона и уведите прочь.

Трис молча пробуравила взглядом спину уводимого Питта. Потом посмотрела на Майлза, стоявшего между нею и Оливером.

— Вы действительно считаете, что он цетагандиец? — тихо спросила она.

— Не может быть! — заявил Оливер. — Так к чему был весь этот спектакль, брат Майлз?

— Я не сомневаюсь, что все обвинения Трис справедливы, — напряженно ответил Майлз. — Но его нельзя было наказать за прежние грехи, не расколов лагерь и не подрывая авторитета Трис. Таким образом, Трис и женщины получают свое отмщение, не настроив против себя половины мужчин. Руки командора чисты, а нам больше не будет мешать закоренелый преступник, который наверняка восстал бы против нас. Более того, и другие преступники получили предупреждение, которое они вряд ли забудут. Так что моя выдумка эффективна во всех отношениях.

Лицо Оливера застыло. Помолчав немного, он заметил:

— Вы бьетесь не по правилам, брат Майлз.

— Я не могу позволить себе проиграть! — Майлз гневно посмотрел на него. — А вы можете?

Сержант сжал губы:

— Нет.

Трис вообще ничего не сказала.

Майлз лично проследил за раздачей плиток рациона всем пленным, кто был слишком слаб, чтобы встать в очередь.

Полковник Тремонт лежал на своей циновке как-то слишком неподвижно. Гадать о причинах не приходилось. Оливер встал на колени и закрыл мертвецу глаза. За последние несколько часов полковник мог умереть когда угодно — рядом с ним никого не было.

— Мне очень жаль, — искренне сказал Майлз. — Жаль, что я пришел слишком поздно.

— Да... — произнес Оливер. — Да...

Он встал, кусая губы, и встряхнул головой. Майлз и Сьюгар, Трис и Беатрис помогли Оливеру отнести тело, циновку, одежду и чашку на свалку. Оливер засунул приготовленную плитку под мышку мертвецу. Никто не попытался ограбить его после их ухода, хотя еще один покойник, лежавший рядом, уже был обчищен догола.

Вскоре после этого они наткнулись на тело Питта. Причиной смерти скорее всего было удушение, но лицо было так разбито, что его синева могла быть и обманчивой.

Трис посмотрела на Майлза:

— Наверное, вы все же не ошиблись насчет власти, коротышка.

— А насчет мести?

— Я думала, что никогда не успокоюсь, — вздохнула Трис, глядя на безжизненное тело. — Ага... И насчет мести тоже.

— Спасибо. — Майлз ткнул труп ногой. — Но не забудьте: это — наша потеря.

Он заставил Сьюгара поручить кому-нибудь оттащить тело к свалке.

Сразу же после раздачи Майлз устроил военный совет. Провожавшие в последний путь Тремонта — всех их Майлз уже начал считать своим штабом — и четырнадцать командиров групп собрались вокруг него на свободном пятачке земли неподалеку от границы территории женщин. Майлз расхаживал перед ними, энергично жестикулируя.

— Я благодарю командиров групп за прекрасно выполненное задание, а сержанта Оливера — за правильный выбор людей. Осуществив эту акцию, вы завоевали не только преданность большей части пленных, но и передышку. Каждая следующая раздача еды будет проходить немного лучше, немного проще. Каждая будет тренировкой для последующей. И не забывайте — это военная тренировка. Мы уже заставили цетагандийцев отступить от своей тщательно разработанной стратегии и попробовать применить контрмеры. Мы действовали. Они — отвечали. Как это ни странно, но инициатива принадлежала нам. Теперь мы должны планировать нашу дальнейшую стратегию. Я хочу, чтобы вы подумали, каким может оказаться следующий шаг цетагандийцев.

«На самом деле я просто хочу, чтобы вы думали — и точка».

— Проповедь окончена. Командор Трис, вам слово.

Майлз заставил себя сесть, уступая место той, кого он выбрал — хотела она того или нет. Он напомнил себе, что Трис боевой офицер, а не штабист: ей тренировка более необходима, чем ему.

— Конечно, они могут опять устроить нам нехватку плиток, как делали уже не раз, — начала Трис, откашлявшись. — Было высказано предположение, что именно так и началась вся эта гадость. — Она встретилась взглядом с Майлзом, который ободряюще кивнул. — Это значит, что надо заранее выработать строгую очередность людей, которые будут делиться своими плитками с теми, кому их не хватит. Каждый командир группы должен назначить интенданта и двух учетчиков, которые бы его контролировали.

— Столь же неприятный шаг, на который могли бы пойти цетагандийцы, — не выдержав, вставил Майлз, — это прислать избыток и поставить нас перед проблемой честного распределения излишков. Я бы на вашем месте учел и такой вариант.

И он хладнокровно улыбнулся Трис.

Та чуть приподняла бровь и продолжила:

— Они могут разделить общий объем плиток на несколько частей, осложнив нашу задачу по их захвату и контролю за распределением. Есть еще какие-нибудь грязные уловки, которые кто-нибудь из вас может предусмотреть?

И Трис невольно снова посмотрела на Майлза.

Один из командиров нерешительно поднял руку:

— Сударыня, они же нас слышат. Разве мы не делаем за них работу?

Майлз встал, чтобы дать на это громкий и ясный ответ:

— Конечно, слышат. Несомненно, они прямо-таки дрожат от желания нас услышать. — И он сделал грубый жест в сторону купола. — Ну и пусть. Любое их действие — это весть извне, тень, обозначающая их форму, информация о них. Она нам нужна.

— А что, если они снова перекроют нам воздух? — еще более нерешительно проговорил другой командир. — Навсегда?

— В этом случае, — без запинки отозвался Майлз, — они лишатся членства в Межзвездной Конвенции, которое приобрели с таким трудом. А оно им нужно для пропаганды. Когда наша сторона по причине скверного развития событий оказалась не в состоянии хорошо содержать войска, не говоря уже о пленных, цетагандийское правительство тут же объявило, что согласно допустить в свои лагеря инспекционную комиссию и что это свидетельствует о превосходстве их цивилизации, которую они несут нам, и доброй воле...

Насмешливые возгласы и свист продемонстрировали отношение пленных к этой новости. Майлз улыбнулся и продолжил:

— Смертность в лагерях оказалась настолько необычной, что вызвала кое-какие вопросы. Пока цетагандийцам удалось убедить три инспекции, но сто процентов им объяснить никак не удастся.

Майлз снова уселся. Оливер наклонился к нему и прошептал:

— Откуда у вас все эти сведения?

Майлз изобразил довольную ухмылку:

— А что, звучало убедительно? Вот и прекрасно!

Оливер отшатнулся и вытаращил глаза:

— У вас что, вообще нет никаких принципов?

— В бою — нет.

Следующие два часа Трис и ее командиры обсуждали схемы различных способов подачи пищи и свою тактику в случае каждого из них. Потом командиры отправились знакомить с ними своих подчиненных, а Оливер отбыл к группе поддержания порядка.

Трис задержалась возле Майлза, который на исходе первого часа совещания уступил силе тяжести и теперь лежал на земле, тупо глядя в купол и моргая, чтобы глаза не слиплись окончательно. Прежде чем попасть

сюда, он не спал больше суток. А сколько времени прошло с тех пор, сказать было трудно.

— Мне пришел в голову еще один вариант, — заметила Трис. — А что, если они вообще ничего не предпримут? Ничего не будут делать, ничего не будут менять.

Майлз сонно улыбнулся:

— Это кажется наиболее вероятным. По-моему, попытка перехитрить нас на прошлой раздаче была с их стороны роковой ошибкой.

— Но без конкретного противника как долго можно притворяться, что мы — армия? — настаивала Трис. — Для этой попытки вы нас еле подняли со дна. Если все сойдет на нет, то что тогда?

Майлз свернулся калачиком, неудержимо погружаясь в дремоту. Где-то в глубинах подсознания маячило обещание эротического сна с высокой агрессивной рыжеволосой женщиной. Он зевнул, едва не вывихнув челюсть:

— Тогда мы будем молиться о чуде. Напомните мне, что мы еще должны поговорить с вами о чудесах... когда-нибудь...

Один раз он наполовину проснулся, когда кто-то подсунул под него циновку. Майлз подарил Беатрис сонную интимную улыбку.

— Мутант психованный, — огрызнулась та, грубо перекатывая его на подстилку. — Не думай, пожалуйста, что это моя идея.

— Смотри, Сьюгар, — пробормотал Майлз, — кажется, я ей нравлюсь.

И он умиротворенно вернулся в раскрытые объятия Беатрис своего сна.

К тайному ужасу Майлза, прогноз оказался верным. Цетагандийцы возобновили обычный порядок раздачи пищи и никак не реагировали на внутренние дела пленных. Майлзу, пожалуй, это не нравилось. Конечно, это давало отличную возможность отточить его систему организации. Но какое-то давление извне направило бы внимание пленных за пределы купола, снова подарило

бы им врага и прежде всего нарушило бы одуряющее однообразие их существования. В конечном итоге Трис будет права.

— Ненавижу противника, который не делает ошибок, — раздраженно бормотал Майлз, направляя свои усилия на разрешение текущих проблем.

Он выбрал флегматичного пленного с ровным сердцебиением и велел ему лежать на земле, отсчитывая вслух свой пульс. С помощью этих «говорящих часов» можно было измерять время раздачи и работать над его сокращением.

— Мы упражняем дух, — объявил он, заставив своих четырнадцать интендантов раздавать плитки по двести за раз с получасовым перерывом между группами.

— Меняем темп, — объяснил он Трис. — Раз нам не удается заставить цетагандийцев внести хоть какое-то разнообразие, придется нам делать это самим.

Ему также удалось наконец точно пересчитать оставшихся в живых пленных. Майлз был одновременно везде: он заставлял, убеждал, тянул и сдерживал.

— Если вам действительно нужно, чтобы раздача шла быстрее, сформируйте побольше раздаточных команд, — предложил Оливер.

— Не кощунствуйте, — ответил Майлз, отправляясь уговаривать группы разносить плитки на равные расстояния по всей окружности купола.

К концу девятнадцатой раздачи с момента его появления в лагере Майлз решил, что система распределения завершена и теологически верна. Считая каждые две раздачи за «день», он пробыл здесь девять дней.

— Все сделано, — простонал он, — а еще слишком рано.

— Горюете из-за того, что нечего больше завоевывать? — ухмыльнулась Трис.

К моменту тридцать второго сигнала система все еще работала гладко, но Майлз начал сдавать.

— Добро пожаловать в ряды старожилов, — сухо сказала Беатрис. — Тебе пора бы начать себя притормажи-

вать, брат Майлз. Если Трис не ошиблась, мы здесь из-за тебя пробудем еще дольше. Надо мне не забыть когда-нибудь поблагодарить тебя по-настоящему.

Она зловеще улыбнулась, и Майлз сразу же вспомнил о каком-то неотложном деле на другой стороне лагеря.

Пришлось признать, что рыжая права. Большинство пленных провели здесь не дни или недели, а месяцы и годы. Сам Майлз превратился в болтливого безумца за срок, который большинство здешних обитателей сочло бы просто мгновением. Он мрачно прикинул, в какую форму отольется его сумасшествие. Будет ли это мания, вдохновленная сверкающим заблуждением, что он... ну, например... покоритель Комарры? Или депрессия, как у Тремонта, так что он замкнется на себе, пока вообще не исчезнет, подобно какой-то живой черной дыре?

История знает немало вождей, которые неправильно рассчитали время Армагеддона и привели своих остриженных овец на вершины — ждать апофеоза, который так и не наступил. Их дальнейшая жизнь обычно характеризовалась забвением и алкоголизмом. А здесь пить нечего. Майлзу хотелось выпить по крайней мере шесть двойных порций виски — прямо сейчас.

Сейчас. Сейчас. Сейчас.

Майлз стал обходить лагерь после каждой раздачи пищи — отчасти для того, чтобы создать иллюзию деятельности, но в основном — чтобы хоть немного растратить накопившуюся в нем нервную энергию. Засыпать ему становилось все труднее и труднее. После того как удалось наладить раздачу пищи, в лагере наступил период затишья, словно их организация явилась кристаллом, брошенным в перенасыщенный раствор. Но в последнее время резко возросло количество драк, которые пришлось разнимать блюстителям порядка. Сами патрульные начали охотнее прибегать к силе, понемногу приобретая нежелательное нахальство. Лунные фазы. Кто может обогнать луну?

— Помедленнее, Майлз, — пожаловался Сьюгар, тащившийся рядом с ним.

— Извини.

Замедлив шаги, Майлз вышел из задумчивости и осмотрелся. Слева от него вздымался сверкающий купол, который, казалось, пульсировал с каким-то неприятным еле слышным гулом. Справа простиралась тишина: люди в основном сидели группами. С первого дня пребывания здесь Майлза видимых изменений практически не произошло. Может, напряженность чуть спала, может, о больных и раненых стали заботиться чуть больше. Лунные фазы. Он постарался отбросить беспокойство и жизнерадостно улыбнулся Сьюгару.

— Твои проповеди теперь проходят успешнее?

— Ну... Никто больше не пытается меня избить, — ответил Сьюгар. — Но я проповедую меньше, чем прежде: занимаюсь раздачей и всем прочим. И потом, теперь ведь есть патрульные. Трудно сказать.

— Будешь пробовать и дальше?

— О да! — Сьюгар помолчал. — Я видел места и похуже этого, понимаете? Когда-то я жил в шахтерском поселке, еще совсем мальчишкой. Там открыли месторождение огненных опалов; почему-то на него не успела наложить лапу ни одна крупная компания — ни государственная, ни частная. Месторождение поделили на сотни крошечных участков, длиной обычно метра по два. Люди работали вручную, пользуясь лишь саперными лопатками и щеточками. Крупные опалы очень хрупкие, знаете ли, и от неосторожного удара легко раскалываются. Рыли землю под обжигающим солнцем, день за днем. На многих одежды было меньше, чем сейчас на нас. Да и питались они похуже, чем мы. Там было больше несчастных случаев, больше болезней, чем здесь. И драк было множество. Но они жили и добровольно терпели совершенно немыслимые вещи ради надежды. Они были одержимыми, и они не отступали. За год своими лопатками они превратили гору в пропасть. Это было форменное безумие, но я ими восхищался. А здесь... — Сьюгар поглядел вокруг, — здесь мне просто страшно. — Он притронулся к своему тряпичному браслету. — Этот

лагерь высасывает из тебя будущее, проглатывает тебя. После него смерть покажется пустой формальностью. Город призраков, столица самоубийств. Как только я прекращу проповедовать, он сожрет меня.

— Угу, — согласился Майлз.

Они приближались к самой дальней точке обхода, на противоположной стороне от территории женщин: ее границы стали теперь проницаемыми, и Майлз со Сьюгаром держали там свои циновки.

В эту минуту двое шедших им навстречу мужчин словно бы невзначай объединились с еще одной серой парой. И тут же еще трое встали со своих циновок справа от Майлза. Трудно было определить, не поворачивая головы, что творится сзади, но Майлзу и там почудилось какое-то движение.

Четверка остановилась в нескольких метрах перед ними. Мужчины в сером, все выше Майлза — да и кто не был выше его? Лица нахмурены, в глазах — нетерпение и еле сдерживаемая ярость. Майлз узнал только одного из них, бывшего сурового братца, которого он видел с Питтом. Майлз не стал оглядываться в поисках патрульного. Он был почти уверен, что один из тех, кто стоит сейчас перед ним, как раз и является блюстителем лагерного порядка.

А главное, он сам виноват, что его загнали в тупик, что его действия стали предсказуемыми. Глупая, элементарная ошибка, непростительная даже для начинающего.

Друг Питта шагнул вперед, кусая губу и глядя на Майлза запавшими глазами. Видно было, что он к чему-то готовится. Мужчина держал в руках тщательно сплетеную тряпичную веревку. Да, это будет не просто избиение. На сей раз дело серьезнее — веревка заканчивалась петлей.

— Ты!.. — хрипло проговорил заместитель Питта. — Я сначала не мог тебя раскусить. Не догадался, что ты не из наших. Ты сам подсказал мне. Мутант... Питт не был цетагандийским шпионом. Шпион — ты!

И он бросился вперед.

Майлз увернулся, но сердце у него упало. Проклятие, надо было понять, почему устранение Питта показалось ему такой серьезной ошибкой, несмотря на его эффективность. Ложное обвинение — оружие обоюдоострое, одинаково опасное и для жертвы, и для того, кто им воспользовался.

Возможно, этот парень даже верит тому, что сейчас сказал. Майлз сам начал охоту на ведьм, и будет справедливо, если он станет ее второй жертвой. Неудивительно, что тюремщики не стали вмешиваться. Сейчас они, наверное, покатываются со смеху... Ошибка на ошибке, и все кончится тем, что Майлз так глупо умрет, — погибнет позорной смертью в этой окаянной дыре...

Его схватили. Он дергался, лягался, но не мог вырваться из их сильных рук. Сьюгар кинулся ему на выручку, но отвага не могла возместить нехватку сил и умения драться. Руку проповедника, занесенную для удара, поймали и вывернули. Майлз поморщился, сочувственно ожидая услышать знакомый глухой треск ломающихся костей, но вместо этого один из линчевателей сорвал с запястья Сьюгара тряпичный браслет.

— Эй, Сьюгар! — поддразнил он, отпрыгивая назад. — Смотри, что у меня есть!

Он вытащил смятый, оборванный кусочек бумаги из его тряпичной обложки и помахал им в воздухе. Сьюгар отчаянно вскрикнул и бросился вперед, но был остановлен двумя другими, перегородившими ему дорогу. А дразнивший разорвал бумажку, сложил обрывки, разорвал снова и остановился, словно раздумывая, куда их теперь деть. Неожиданно ухмыльнувшись, он засунул клочки бумаги в рот и начал жевать. Сьюгар закричал.

— Сволочи! — взвизгнул Майлз. — Вам же нужен я! Зачем было... — И он со всей силой двинул кулаком в рожу ближайшего мучителя, который на мгновение отвлекся.

В следующую секунду Майлз почувствовал, как по всему запястью ломаются кости. Ох, как же он устал от своих костей, от все новых и новых переломов...

Сьюгар кричал, рыдал и пытался добраться до обидчика, а тот продолжал жевать и ухмылялся. Майлз увидел, как проповедник рухнул под чьим-то ударом, а потом уже не мог обращать внимание ни на что, кроме змеиных тисков удавки, захлестнувшей его горло. Ему удалось просунуть сломанную руку между веревкой и шеей, но толку от этого было мало. Давление дошло до невыносимого предела, в глазах стало темно. Темно-лиловые и желтые муаровые тени вскипали в голове, как грозовые облака. Майлз успел еще заметить блестящую искру рыжих волос, метнувшуюся перед самыми его глазами...

А потом он лежал на земле, и кровь, дивная живая кровь пульсировала в его задыхающемся мозгу. Он мгновение был неподвижен и ни о чем не думал. Как хорошо было бы больше никогда не вставать...

Проклятый купол, холодный, белый и однообразный, насмешливо встретил его возвращающееся зрение. Майлз рывком встал на колени и дико огляделся. Беатрис и несколько приятелей-коммандос Оливера гнались по лагерю за неудачливыми убийцами. Майлз, похоже, был без сознания всего несколько секунд. В двух метрах от него лежал Сьюгар.

Майлз подполз к нему. Тот свернулся калачиком, и его позеленевшее лицо было покрыто холодным потом. Все тело сотрясалось от дрожи. Плохо. Похоже на шок. Укройте пациента потеплее и введите синергин. Синергина нет. Майлз неловко снял рубашку и укрыл ею Сьюгара.

— Сьюгар? У тебя все в порядке? Беатрис прогнала негодяев...

Сьюгар поднял глаза и мимолетно улыбнулся, но улыбка почти сразу же потонула в гримасе боли.

Вскоре вернулась Беатрис, слегка поцарапанная и запыхавшаяся, но по-прежнему не склонная к какой-либо сентиментальности.

— Ах вы, психи, — бесстрастно приветствовала она их. — Вам не охранники нужны, а няньки.

Опустившись на колени рядом со Сьюгаром, женщина осмотрела его, сжав губы так, что они побелели. Между бровями ее залегли морщины.

— Вам надо бы вернуться к своим циновкам, — сказала она.

— По-моему, Сьюгар не сможет идти.

Беатрис собрала людей покрепче, пострадавшего перекатили на циновку и понесли. Майлзу это слишком напомнило полковника Тремонта. Сьюгара положили на их обычное спальное место.

— Найдите врача, — потребовал Майлз.

Беатрис ушла и вскоре вернулась с коренастой сердитой старухой.

— Наверное, разрывы в брюшной полости, — буркнула врач. — Если бы у меня была диагностическая камера, я могла бы сказать, где именно. У вас есть диагностическая камера? Ему нужно ввести синергин и плазму. У вас они есть? Я могла бы сделать ему операцию и ускорить заживление электростимулятором — будь у меня здесь операционная. Поставила бы его на ноги дня за три играючи. У вас есть операционная? Я так и думала, что нет. И нечего на меня так смотреть. Раньше я считала себя врачевателем. И только здесь поняла, что я всего лишь посредник, связующее звено между медицинской техникой и моими пациентами...

— Но что же делать?

— Укройте его. Через несколько дней он или начнет поправляться, или умрет. Все зависит от того, какие органы повреждены. Вот так.

Женщина замолчала и, скрестив руки, раздраженно посмотрела на раненого, словно грозящая ему опасность была для нее личным оскорблением. Да так оно и было, наверное...

— По-моему, он умрет, — добавила она.

— По-моему, тоже, — сказал Майлз.

— Тогда зачем было меня звать?

И возмущенная врач удалилась. Позже она вернулась с циновкой и парой лишних тряпок и помогла Майлзу получше укутать Сьюгара, после чего снова ушла.

Трис доложила:

— Мы изловили тех типов, которые пытались вас убить. Что вы хотите с ними сделать?

— Отпустите их, — устало сказал Майлз. — Это не враги.

— Да уж, не враги!

— Ну по крайней мере мне они не враги. Они просто обознались. Я здесь лишь случайный странник, мимоходом.

— Проснитесь, коротышка. Я не разделяю веры Оливера в ваше «чудо». Вовсе вы здесь не мимоходом. Это — конечная остановка.

Майлз вздохнул:

— Мне уже начинает казаться, что вы правы. — Он взглянул на Сьюгара: тот дышал поверхностно и слишком часто. — Вы почти наверняка правы. Тем не менее... отпустите их.

— Почему? — возмущенно выкрикнула Трис.

— Потому что я так хочу. Потому что я попросил. Вы хотите, чтобы я встал ради них на колени?

— Р-р-р! Нет. Ладно.

Трис резко отвернулась, ероша пальцами коротко остриженные волосы и что-то бормоча себе под нос.

Прошло бесконечно долгое время. Сьюгар лежал на боку и не разговаривал, хотя время от времени приоткрывал глаза и смотрел куда-то невидящим взглядом. Майлз смачивал ему губы водой. Раздача пищи началась и закончилась без каких-либо инцидентов и без участия Майлза. Подошла Беатрис, бросила рядом с ними две плитки рациона, посмотрела осуждающим взглядом и удалилась, не сказав ни слова.

Майлз сидел, баюкая на весу сломанную руку, и мысленно просматривал список ошибок, которые привели

к данной ситуации. Он пытался осмыслить свое гениальное умение способствовать гибели друзей. Его не оставляло предчувствие, что смерть Сьюгара причинит ему такую же боль, как смерть сержанта Ботари шесть лет назад. А ведь он знал Сьюгара всего несколько недель, а не многие годы. Майлз на собственном опыте убедился, что повторение боли усиливает страх, а не уменьшает его. Растущий, животный страх. Только не надо этого опять, никогда, никогда...

Он лег на спину и уставился в купол — белый немигающий глаз мертвого божества. Сколько еще друзей погибло в результате этой «геройской» выходки? Как это было бы похоже на цетагандийцев: оставить его здесь в полном неведении, чтобы сомнения и страх постепенно свели его с ума.

Постепенно? Нет, очень быстро! Он увидел, как глаз божества внезапно подмигнул!

Майлз непроизвольно подмигнул в ответ. Потом широко распахнул глаза и уставился на купол так пристально, словно мог пронзить его взглядом. Мигнул ли он? Или это галлюцинация? Он действительно тронулся?

Глаз снова мигнул. Майлз вскочил, набирая в легкие побольше воздуха.

Купол погас. На короткое мгновение к ним ворвалась ночь планеты: туман, мороз и поцелуй холодного влажного ветра. Неотфильтрованный воздух разил тухлыми яйцами. Непривычная темнота ошеломляла.

— Раздача еды! — заорал Майлз что было мочи.

И тут преддверие ада преобразилось в ад — ослепительная вспышка самонаводящейся бомбы возвестила наступление перемен. Красные сполохи выхватили из тьмы тучу взлетающих к небу обломков. За первым взрывом последовала целая серия — грохочущее кольцо, окружавшее лагерь призрачной стеной дымных грибов. Ответный огонь с земли пронизывал их разноцветными трассами.

Мимо бежала изумленная Трис. Майлз схватил ее за руку и уперся пятками, надеясь притормозить. Сквозь грохот взрывов он сумел прокричать ей в ухо:

— Час настал! Пусть руководители четырнадцати групп соберутся и выстроят свои первые смены по двести человек вдоль окружности лагеря. Найдите Оливера. Надо, чтобы патрульные заставили всех организованно дожидаться своей очереди. Если все пойдет так, как мы отработали, улетим все. — (Я надеюсь.) — Но если они кинутся к катерам так же, как кидались к плиткам рациона, не улетит никто. Поняли?

— Я не верила... не думала... Катера?

— И не думайте. Мы все отработали уже раз пятьдесят. Просто выполняйте процедуру раздачи.

— Ах ты хитрый сукин сын!

Взмах руки Трис удивительно напоминал армейский салют.

Цепочка осветительных ракет повисла над лагерем, как застывшая молния, отбросив на все призрачный свет. Лагерь кипел, как разворошенный муравейник. Мужчины и женщины беспорядочно метались и что-то кричали. Майлз представлял себе совсем другую картину... И почему это, позвольте узнать, его люди решили садиться ночью, а не днем? Он еще допросит штабистов... после того, как поцелует им ноги.

— Беатрис! — окликнул Майлз, заметив в толчее рыжую голову. — Передавай всем: выполнять процедуру раздачи! Но вместо плитки рациона каждый получает место в катере. Объясни это всем, чтобы не разбегались, иначе пропустят свой рейс. А потом возвращайся и оставайся со Сьюгаром. Я не хочу, чтобы он потерялся или был затоптан. Стереги его, поняла?

— Я тебе не собака. Какие катера?

Наконец сквозь шум до Майлза донеслись звуки, которые он уже давно пытался уловить: пронзительное переливчатое завывание, становившееся все громче и громче. Тяжелые аппараты вынырнули из клубящихся багровых облаков — словно огромные жуки, гладкие и крылатые, прямо на глазах выпуская свои лапы. Мощные, быстроходные боевые катера, два, три... семь, восемь... Майлз считал, шевеля губами. Тринадцать...

Четырнадцать, слава тебе, Господи! Им все же удалось вовремя отремонтировать Б-7!

Майлз ткнул рукой вверх:

— Мои катера.

Беатрис застыла с открытым ртом.

— Боже! Какая красота! — Было видно, как бешено несутся у нее в голове мысли. — Но это не наши. И не цетагандийцы. Кто, к черту...

Майлз поклонился:

— Проводится оплаченная межправительственная операция по спасению военнопленных.

— Наемники?

— Мы не что-то извивающееся и многоногое, заползшее к тебе под циновку. Правильный тон вот какой: «Наемники!!!» Радостный крик.

— Но... но... но...

— Иди, мать твою! Спорить будешь потом.

Беатрис всплеснула руками и побежала. А Майлз начал останавливать всех, кто оказывался поблизости, и передавать им приказ. Поймав одного из приятелей Оливера, он потребовал, чтобы тот поднял его себе на плечи, и быстро оглядел лагерь. Вдоль периметра уже выстроились четырнадцать отрядов — почти на нужных местах. Катера зависли, воя двигателями, потом один за другим приземлились вокруг лагеря.

— Сгодится, — пробормотал Майлз и шлепнул мэрилакца по плечу. — Опускай.

Он заставил себя идти к ближнему катеру спокойно и не торопясь: ведь все эти последние (три? четыре?..) недели он не жалел своей крови, костей и гордости именно для того, чтобы избежать всеобщего беспорядочного рывка, который свел бы к нулю шансы на успех операции.

Четверо вооруженных до зубов наемников в легких скафандрах первыми спустились по трапу и заняли круговую оборону возле катера. Хорошо. У них даже оружие было нацелено в нужном направлении: на пленных, которых они собирались вызволять. Более многочисленная

штурмовая команда в десантных боевых костюмах галопом выкатилась вслед за ними и сразу же взяла под обстрел цетагандийские строения, окружавшие купол. Так, правильно: противника нужно сковать огнем.

Последним вышел человек, в котором Майлз нуждался сейчас больше, чем в ком бы то ни было, — офицер-связист.

— Лейтенант... — Тут Майлз узнал его лицо. — Марко! Сюда!

Марко заметил своего командира и кинулся к нему, радостно крича:

— Коммодор Танг! Он здесь, я его нашел!

Не тратя времени на приветствия, Майлз бесцеремонно стащил комм-шлем с послушно нагнувшегося лейтенанта и левой рукой нахлобучил его себе на голову. В тот же миг он услышал ворчливый голос Танга:

— Только, ради Бога, не упусти его снова, Марко. Если надо, сядь на него и держи.

— Мне нужны мои заместители, — произнес Майлз в микрофон. — Вы уже забрали Элли и Элен? Сколько у нас времени на все?

— Да, сэр. Нет. И примерно два часа, если повезет, — рявкнул Танг. — Чертовски рад опять вас слышать, адмирал Нейсмит.

— Скажешь тоже... Найди Элен и Элли. Это первоочередная задача.

— Выполняю. Танг связь закончил.

Повернувшись, Майлз увидел, что одна из помощниц Трис уже собрала свою первую группу в двести человек и теперь занята тем, чтобы заставить следующих двести сесть и всем вместе ждать своей очереди. Великолепно. Пленных вели по трапу, подвергая конвейерной обработке: один наемник быстро вспарывал на каждом серую рубашку, другой хлопал человека по спине медпарализатором. Третий проводил хирургическим зондом, бесцеремонно вырывая лагерный номер, введенный под кожу. На перевязку время не тратили.

— Проходите вперед и садитесь по пять в ряд; проходите вперед и садитесь по пять в ряд; проходите вперед... — бубнил наемник в такт своему ритмично движущемуся инструменту.

Из резких теней, отбрасываемых огнем осветительных ракет, появился бывший адъютант Майлза капитан Торн. С ним шла одна из корабельных врачей и — слава Богу! — рядовой с одеждой и сапогами. Майлз бросился к сапогам, но его поймала врач.

Она провела медпарализатором, а потом зондом между его голых неровных лопаток.

— Уй! — вскрикнул Майлз. — Неужели нельзя подождать секунду, чтобы парализатор подействовал?

Боль быстро сменилась онемением. Майлз потрогал спину левой рукой и возмущенно спросил:

— И вообще, что все это значит?

— Прощу прощения, сэр, — сухо ответила врач. — Прекратите шум и не хватайтесь за рану, у вас пальцы грязные. — Она наложила пластповязку. — Капитан Ботари-Джезек и командор Куин выяснили кое-какие подробности у своих цетагандийских коллег. Когда вы сюда пробирались, мы этого еще не знали. В номере у вас на спине содержались микрокапсулы, липидные мембраны которых стабилизируются низкочастотным магнитным полем. Пробудьте час вне купола, и мембраны начнут разрушаться, высвобождая яд. Примерно четыре часа спустя человек умирает в сильных муках. Так называемая «небольшая предосторожность» на случай бегства.

Майлз содрогнулся.

— Понимаю, — пролепетал он и, откашлявшись, добавил уже громче: — Капитан Торн, объявите в приказе благодарность командору Элли Куин и капитану Элен Ботари-Джезек. Разведка... э-э... наших нанимателей и не подозревала об этой ловушке с номерами. По правде говоря, их сведения были неполными и во многих других отношениях. Мне придется серьезно поговорить с ними. И все будет включено в счет за расширенную операцию...

Пока не убрали эту штуку, доктор, парализуйте мне, пожалуйста, еще и запястье.

— Опять вас угораздило, а? — пробормотала врач, осматривая сломанную руку. — Казалось бы, должны были поумнеть...

Она провела медпарализатором, и Майлз перестал ощущать свою распухшую конечность. Только глаза еще подтверждали, что кисть по-прежнему на месте.

— Да, но согласятся ли они платить за расширенную операцию? — обеспокоенно спросил Торн. — Ведь планировалась стремительная посадка одного корабля, чтобы забрать только одного человека. Как раз то, на чем специализируются небольшие группы вроде нашей. А теперь весь дендарийский флот напряжен до предела. Этих проклятых пленных больше, чем нас. В контракте ни о чем подобном не говорится. А что, если наш таинственный наниматель захочет проехаться на дармовщинку?

— Не захочет, — ответил Майлз. — Даю слово. Но... несомненно, мне придется лично утрясти вопрос с оплатой.

— И да поможет Бог нашему клиенту, кто бы он ни был, — пробормотала врач, отправляясь выдирать коды у ожидающих своей очереди пленных.

Коммодор Ки Танг, коренастый пожилой азиат в полудоспехах и командном шлеме, появился рядом с Майлзом, когда первые катера, загрузив пленных, уже захлопнули люки и с воем умчались в черный туман. Взлет шел по принципу «первым пришел — первым получил». Зная, что Танг любит плотные построения, Майлз решил, что временной фактор — самый важный.

— А где мы разместим этих типов наверху? — спросил он.

— Мы вычистили пару старых грузовиков. В трюм каждого войдет тысяч пять. Полет, конечно, будет не из приятных. Им всем придется лечь и дышать пореже.

— А чем цетагандийцы будут нас ловить?

— Сейчас у них всего несколько полицейских катеров. Так получилось, что почти весь гарнизон занят на

маневрах по ту сторону их солнца. Вот почему мы решили зайти за вами именно сейчас... Нам пришлось ждать, пока у них снова начнутся учения. А вы тут удивлялись, чего мы тянем? Это тот же сценарий, по которому мы собирались вывозить полковника Тремонта.

— Только умноженный на десять тысяч. И нам придется совершить четыре полета вместо одного.

— Да, но зато подумайте вот о чем, — ухмыльнулся Танг. — Они устроили лагеря военнопленных на этой жалкой планетке, чтобы не тратить много людей и оборудования на охрану. Рассчитывали, что удаленность от Мэрилака и военные трудности помешают любым попыткам освобождения. С того времени как вы сюда попали, половина их гарнизона была переведена в другие горячие точки. Половина!

— Они полагались на купол. — Подозрительно посмотрев на Танга, Майлз пробормотал: — А дурная новость какая?

Улыбка Танга померкла.

— Времени у нас всего два часа.

— Ох! Даже половина их гарнизона — это слишком много. И они вернутся через два часа?

— Теперь уже через час сорок.

И коммодор Танг скосил глаза на хронометр, шкала которого проецировалось на внутреннем экране шлема.

Майлз сделал мысленные подсчеты и понизил голос:

— Мы успеем вывезти последнюю партию?

— Все зависит от того, как быстро пройдут первые три, — ответил Танг.

Его спокойный голос был еще более невыразительным, чем обычно, и не выдавал ни надежды, ни опасений.

«А это зависит от того, насколько хорошо я все подготовил...» Что было, то прошло, а что будет — еще не настало. Майлз вернулся к настоящему.

— Вы еще не нашли Элли и Элен?

— Три патруля брошены на поиски.

Значит, пока не нашли... У Майлза сжалось сердце.

— Я даже не стал бы пробовать расширить операцию, если бы не знал, что они следят за мной и могут перевести намеки в приказы.

— Они поняли вас правильно? — спросил Танг. — Мы ведь не соглашались с их интерпретацией ваших проповедей.

— Они поняли меня правильно... Значит, у вас есть записи всего этого? — Изумленный Майлз обвел рукой лагерь.

— Прямо с цетагандийских мониторов. Элли каждый день передавала их сжатым импульсом. Очень... э-э... занимательно, сэр, — невозмутимо добавил Танг.

— Чертовски рискованно... Когда вы в последний раз связывались с ними?

— Вчера. — Танг схватил Майлза за руку, с завидной прозорливостью предупреждая попытки побега. — Вам все равно не справиться с этим лучше трех патрульных групп, сэр, а у меня нет лишних людей, чтобы разыскивать еще и вас.

Майлз в бессильном раздражении ударил кулаком по ладони, и только потом вспомнил, что этого делать не следовало. Что же случилось с двумя его подчиненными, связными между лагерем и дендарийцами? А цетагандийцы с удручающей последовательностью расстреливают пойманных шпионов. Обычно после нескольких допросов, которые и смерть делают желанным избавлением... Майлз попытался успокоить себя логическими доводами. Если бы цетагандийцы распознали в симпатичных операторшах вражескую агентуру и допросили их, то Танг угодил бы здесь в мясорубку. Этого не случилось, следовательно, и того не случилось тоже. Конечно, их могли только что накрыть огнем свои... Ох уж эти «свои» — до чего же много их у него набралось!

— Ты, — сказал Майлз, забирая свою одежду у все еще ожидавшего рядом солдата, — пойди туда, — он ткнул пальцем в сторону освобожденных, — и найди рыжую леди по имени Беатрис и раненого мужчину по

имени Сьюгар. Доставь их ко мне. Мужчину надо нести поосторожнее — у него внутренние повреждения.

Солдат отдал честь и отправился выполнять приказ. Ах, как же это приятно — снова отдавать приказы, не подкрепляя их теологическими аргументами! Майлз вздохнул. Усталость грозила поглотить его. Все факторы — грузоподъемность катеров, скорость кораблей, приближение противника, расстояние до п-в-туннеля — во всевозможных вариантах прокручивались в его мозгу. Особенно беспокоили небольшие неопределенности в сроках — умножаясь, они грозили превратиться в серьезные неприятности. Но Майлз знал, как это будет, с самого начала. Чудо, что они вообще сумели сделать столь многое. Нет... Он посмотрел на Танга, на Торна... Не чудо, а удивительная инициативность и преданность этих людей. Молодцы, ах, молодцы!

Торн помог ему, когда Майлз попытался одеться с помощью только одной руки.

— Где мой командный шлем?

— Нам сообщили, что вы ранены, сэр, и было решено немедленно вас эвакуировать.

— Чертовски самонадеянно с чьей-то стороны...

Майлз подавил гнев. Сейчас нет времени на лишние приказы. А будь у него шлем, он наверняка стал бы командовать, хотя плохо разбирается в деталях разворачивающейся операции — с точки зрения дендарийского флота. Майлз смирился со своим положением наблюдателя. Так он сможет прикрывать отступление.

Вернулся наемник — с Беатрис и четырьмя бывшими пленными, которые несли на циновке Сьюгара.

— Приведи моего врача, — сказал Майлз.

Солдат быстро разыскал ее. Врач опустилась на колени рядом с лежавшим в полузабытьи Сьюгаром и убрала его код. Когда запищал инъектор с синергином, напряжение немного оставило Майлза.

— Насколько серьезно?

— Дела неважные, — призналась врач, проверяя показания диагнодатчиков. — Разрыв селезенки, кровоте-

чение в желудке. Его надо поскорее доставить в операционную на флагмане.

Врач подозвала санитара, ожидавшего возвращения катера рядом с охранниками, и тот закутал Сьюгара в тонкую фольгу теплозащиты.

— Я позабочусь, чтобы его туда отправили, — пообещал Майлз.

Он дрожал, завидуя теплозащите: кисловатый тяжелый туман капельками оседал на его волосах, холод пронизывал до костей.

Судя по лицу Танга, в его наушниках прозвучало какое-то важное сообщение. Майлз, вернувший Марко комм-шлем, чтобы тот мог исполнять свои обязанности, переминался с ноги на ногу. «Элен, Элли, если я убил вас...»

Танг сказал в микрофон:

— Хорошо. Молодцы. Возвращайтесь к посадочной точке А-7. — Дернув подбородком, он переключил канал. — Сим, Нот, ведите свои группы к вашим посадочным точкам. Их нашли.

Майлз вдруг обнаружил, что сложился пополам, упираясь руками в подогнувшиеся коленки. Ожидая, пока у него в голове прояснится, он судорожно глотал воздух.

— Как Элли и Элен? С ними все в порядке?

— Доктора они не звали... А вам-то он не требуется? Вы что-то позеленели.

— Я в порядке. — Майлз немного пришел в себя и встретился с вопросительным взглядом Беатрис. — Беатрис, позови-ка сюда Оливера и Трис. Мне надо поговорить с ними до следующего взлета.

Женщина как-то растерянно кивнула и повернулась, чтобы уйти. Честь она ему не отдала, но зато и спорить не стала. Майлз очень обрадовался последнему обстоятельству.

Канонада вокруг лагеря стихла и перешла в редкие одиночные выстрелы. Иногда слышались крики или невнятный рев голосов в рупоре. Вдали полыхали пожары.

Удара хирургической точности не получилось. Пора уходить... Давно пора уходить. Майлз напомнил себе об отравленных номерах, надеясь отогнать мысль о персонале, погребенном под развалинами горящих зданий. Но кошмары не уничтожили друг друга, а наоборот, усилили.

Подошли Трис и Оливер, оба немного удивленные. Беатрис встала у правого плеча Трис.

— Поздравляю, — заговорил Майлз, опережая их. Ему надо обсудить очень многое, а времени осталось мало. — Вы смогли создать армию.

Махнув рукой, он указал на стройные ряды пленных — бывших пленных, — расположившихся вокруг лагеря. Ждали они спокойно, большинство сидели на земле. Или это цетагандийцы приучили их к терпению? Не важно.

— На время, — ответила Трис. — Сейчас затишье. Если положение осложнится, если вы потеряете катер-другой, если кто-то запаникует...

— Всем, кто склонен к панике, скажите, что, если им будет спокойнее, они могут лететь со мной. Да... и добавьте, что я собираюсь лететь последним рейсом.

Коммодор Танг, разрывающийся между своим командным шлемом и совещанием, досадливо поморщился, услыхав эту новость.

— Тут они заткнутся, — хмыкнул Оливер.

— Ну по крайней мере им будет над чем подумать, — согласилась Трис.

— А теперь я вам скажу кое-что, над чем следует подумать нам всем. Новое сопротивление Мэрилака зависит от вас. Мой наниматель поручил мне вызволить полковника Тремонта, который смог бы набрать новую армию и продолжить борьбу. Когда я нашел его... в том состоянии, мне надо было решить, выполнять ли букву договора, спасая паралитика, или соблюсти его дух — и доставить армию. Я выбрал последнее и сделал ставку на вас двоих. Вы должны продолжить дело Тремонта.

— Я же всего лишь фронтовой лейтенант... — в ужасе начала Трис.

Ей вторил Оливер:

— Я боец, а не штабист. А полковник Тремонт был гением...

— Теперь вы его наследники. Я утверждаю это. Осмотритесь вокруг. Разве я ошибаюсь в выборе подчиненных?

После секундного молчания Трис пробормотала:

— Похоже, что нет.

— Наберите себе штабистов. Найдите гениев-тактиков, чудодеев-техников и заставьте их работать на вас. Но воля, решения и приказы должны исходить только от вас. И никогда не забывайте это место!

Оливер негромко спросил:

— И когда же мы уйдем из этой армии, брат Майлз? Мой контракт истек во время осады Фэллоу-Кор. Не будь я там, то давно бы уже отправился домой.

— И оккупационная армия цетагандийцев прокатилась бы по твоей улице?

— Пусть так. Шансы слишком малы.

— В свое время на Барраяре шансы были еще меньше, а они сумели изгнать цетагандийцев. На это понадобилось двадцать лет и такое море крови, какое вы вдвоем за всю жизнь не видели. Но они это сделали!

На Оливера этот исторический факт произвел большее впечатление, чем на Трис. Та скептически заметила:

— На Барраяре были фанатики-форы. Психи, которые рвались в бой, которым нравилось умирать. На Мэрилаке таких традиций нет. Мы — люди цивилизованные... или когда-то были таковыми.

— Давайте-ка я расскажу вам о форах, — прервал ее Майлз. — Идиоты, которые искали славной смерти в бою, нашли ее в самом начале. Это быстро очистило командование от набравшихся в нем дураков. А выжили те, кто научился биться не по правилам и выживать, чтобы снова биться и побеждать, и побеждать, и побеждать. Для них не было ничего важнее победы, и ради нее они жертвовали комфортом, безопасностью, семьей и друзьями. Выжить и победить — вот их закон. Они не были сверх-

людьми, и боль они чувствовали. Они страдали от неуверенности и незнания. И не имея даже половины тех ресурсов, которые сейчас есть у Мэрилака, они победили. Когда ты фор, — пояснил Майлз, немного успокаиваясь, — отставки для тебя не существует.

После короткой паузы Трис сказала:

— Даже армия патриотов-добровольцев должна что-то есть. И нам не победить цетагандийцев, стреляя из рогаток.

— Вы будете получать финансовую и военную помощь. Каналы для этого найдутся. Единственное, что требуется, — должно существовать командование Сопротивления, которому ее можно было бы предоставить.

Трис смерила Оливера выразительным взглядом. Майлз еще никогда не видел, чтобы в ее глазах пылал такой огонь.

Туман пронзил вой первого возвращающегося катера. Трис негромко произнесла:

— А я-то считала себя атеисткой, сержант, а тебя — верующим. Ну что, увольняешься или идешь со мной?

Плечи Оливера сгорбились, но Майлз понял, что это — груз ответственности, а не бремя поражения.

— Иду, — проворчал он.

Майлз поймал взгляд Танга:

— Как у вас дела?

Коммодор покачал головой:

— На шесть минут задержались при разгрузке.

— Хорошо. — Майлз снова повернулся к своим лагерным друзьям: — Я хочу, чтобы вы оба улетели с этой сменой, но на разных катерах, — по одному в каждый грузовик. Когда попадете туда, ускорьте разгрузку людей. Лейтенант Марко назовет вам катера...

Жестом подозвав Марко, он отправил Трис и Оливера выполнять приказ.

Беатрис задержалась.

— Я склонна к панике, — сообщила она холодным тоном, рисуя в грязи завитушки пальцем ноги.

— Мне больше не нужна охрана, — усмехнулся Майлз. — Может, нянька...

В ее глазах промелькнула улыбка, пока еще не добравшаяся до губ. «Потом!» — пообещал себе Майлз. Потом он добьется, чтобы она смеялась от счастья.

Пока приземлялись последние катера второго захода, прибывшие первыми уже взлетели вновь. Майлз молил Бога, чтобы в этом тумане не начало барахлить навигационное оборудование. Дальше они будут подлетать еще более беспорядочно. Туман быстро превратился в холодный дождь.

«Интеллект, лишенный любви и страха, мог бы счесть происходящее весьма интересным», — решил Майлз. Он стал левой рукой делать на грязи расчеты: число взлетевших, опустившихся, находящихся в полете, оставшихся... Но грязь уже превратилась в вязкую жижу и не сохраняла цифр.

— Дерьмо, — вдруг прошипел Танг сквозь сжатые зубы и судорожно стиснул дернувшуюся правую руку, словно ему хотелось от отчаяния и досады сдернуть с головы шлем и швырнуть его в грязь. — Ну вот! Мы только что потеряли два катера из второй волны.

«Которые? — в ужасе подумал Майлз. — Оливер, Трис?..»

Он заставил себя спросить:

— Каким образом?

«Клянусь, что, если они столкнулись, я найду стенку и буду биться об нее башкой, пока не одурею».

— Цетагандский истребитель прорвался через заслон. Он метил в наши грузовики, но мы его вовремя прищучили. Почти вовремя.

— Какие именно катера погибли? Они были нагружены или возвращались?

Танг подвигал губами, читая:

— А-7 — полностью груженный. Б-7 — возвращался пустым. Потеряны окончательно, выживших нет. Боевой катер «Триумфа» выведен из строя огнем противника. Сейчас ведется поиск пилота.

Майлз не потерял своих командиров. Тщательно выбранные и выпестованные преемники полковника Тремонта целы. Майлз открыл зажмуренные от боли глаза и увидел, что Беатрис, для которой кодовые номера катеров ничего не значили, с беспокойством ждет его объяснений.

— Двести погибших? — прошептала она.

— Двести шесть, — поправил Майлз.

У него в памяти промелькнули лица, имена и голоса шестерых дендарийцев. У цифры двести тоже были свои лица. Он запретил себе думать об этом — слишком большая перегрузка.

— Такое случается, — тупо прошептала Беатрис.

— С тобой все в порядке?

— Конечно, в порядке. Такое случается. Неизбежно. Я не слюнявый слабак, чтобы раскиснуть под огнем. — Быстро моргая, женщина подняла голову. — Дайте мне... какое-нибудь поручение. Любое.

«И побыстрее», — мысленно договорил за нее Майлз. Он ткнул пальцем в противоположную сторону лагеря.

— Найди Пела и Лианта. Раздели их оставшихся людей на группы по тридцать три человека и присоедини к тем, кто полетит в третьей волне. Придется посылать третью смену с перегрузкой. Потом вернешься обратно. Быстрее, остальные вернутся с минуты на минуту.

— Слушаюсь, сэр.

Беатрис отдала честь. Майлз хладнокровно ответил тем же жестом.

— Катера и так перегружены, — возразил Танг, когда Беатрис отошла подальше. — Если запихнуть туда двести тридцать человек, они будут лететь как камни. И прибавится время на погрузку и разгрузку.

— О Господи! — Майлз бросил царапать цифры. — Сделай мне компьютерные подсчеты, Ки. Я сейчас даже два на два не помножу. На сколько мы не уложимся к тому моменту, когда вернется основной контингент цетагандийцев? Постарайся вычислить как можно точнее, без допусков.

Танг забормотал в микрофон цепочку цифр, вариантов, сроков. Через несколько секунд он сурово проговорил:

— К концу последней волны пять катеров будет еще не разгружено. Именно тогда цетагандийцы начнут в нас стрелять.

Тысяча мужчин и женщин...

— Могу я со всем уважением напомнить вам, сэр, что имеются кое-какие способы снизить потери? — прибавил Танг.

— Можете, коммодор.

— Вариант номер один, самый эффективный: в последний заход посадить только семь катеров. Остальных пленных оставить на Земле. Их снова поместят в лагерь, но по крайней мере они останутся живы.

— Только одна проблема, Ки: я не хочу здесь оставаться.

— Вы все равно можете улететь на последнем поднимающемся катере, как и обещали. Кстати, сэр, я еще не говорил вам, что думаю по поводу этого идиотского героизма?

— Говорил, и очень выразительно — с помощью бровей. И хотя я склонен с тобой согласиться... Скажи, ты заметил, как пристально наблюдают за мной оставшиеся пленные? Видел когда-нибудь, как тигр крадется к антилопе?

Танг окинул лагерь обеспокоенным взглядом.

— Мне не хотелось бы расстреливать последнюю тысячу, чтобы поднять мой катер в воздух, — заключил Майлз.

— Да они даже не поймут, что больше катеров не будет, и вы успеете улететь.

— И мы просто оставим их стоять и ждать нас?

«Овцы смотрят вверх, но никто их не кормит...»

— Похоже, что так.

— Тебе нравится этот вариант?

— Тянет блевануть, но... подумайте об остальных девяти тысячах. И о дендарийцах. Представьте, что мы их всех спустили в унитаз в обреченной на провал попытке собрать всех этих ваших... несчастных грешни-

ков... От этого тянет блевануть еще сильнее. Девять де сятых лучше, чем ничего.

— Согласен. Перейдем к варианту номер два. Полет п-в-туннелю рассчитан по скорости нашего самого мед ленного корабля, а это... что?

— Грузовики.

— А «Триумф» по-прежнему самый быстрый?

— Еще бы! — (Танг был когда-то капитаном «Три умфа»).

— И защита у него самая мощная.

— Угу. И что?

Танг прекрасно понимал, к какой мысли его подво дят, и показное тугодумие было лишь формой скрытог протеста.

— А то. Первые семь катеров из последнего захода сты куются с грузовиками и отлетают по расписанию. Мы отзываем пять пилотов истребителей «Триумфа» и бро саем и уничтожаем их корабли. Один ведь уже повреж ден, так? Последние катера стыкуются с «Триумфом» вместо них. И тогда они будут прикрыты от огня подле тающих цетагандийцев силовым экраном «Триумфа» Набиваем пленных в коридоры «Триумфа», герметизи руем люки катеров и разгоняемся как сумасшедшие.

— Добавочная масса тысячи человек...

— Меньше, чем пары катеров. Отстыкуйте и взорвит их тоже, если это понадобится, чтобы привести ускоря емую массу в норму.

— ...перегрузит систему жизнеобеспечения...

— Резервного кислорода хватит до п-в-туннеля. А по том пленных можно будет спокойно распределить по дру гим кораблям.

В голосе Танга звучала неподдельная мука:

— Но эти катера совсем новенькие! А мои истребители Целых пять! Вы представляете себе, как трудно будет най ти средства, чтобы их заменить? Если уж на то пошло...

— Я просил тебя рассчитать сроки, а не расходы, — процедил Майлз сквозь зубы. — Я включу стоимость ка теров и истребителей в счет услуг.

— А вы, мой мальчик, когда-нибудь слышали термин «неоправданные затраты»? Вы... — и Танг снова переключил свое внимание на командный шлем. Делались расчеты, отдавались новые приказы.

— Получается, — вздохнул Танг. — Дает нам необходимые пятнадцать минут форы. Если ничего не случится...

И он раздраженно забормотал что-то: ему не меньше Майлза хотелось бы сейчас находиться в нескольких местах.

— Вот возвращается мой катер, — вслух заметил Танг.

Он взглянул на Майлза, явно не желая оставлять адмирала одного и не менее явно мечтая убраться из-под кислого дождя, от темноты и грязи к мозговому центру операции.

— Проваливай, — сказал Майлз. — Тебе все равно нельзя взлетать со мной, это против правил.

— В гробу видал я эти правила, — мрачно отозвался коммодор Танг.

Начался отлет третьей смены, и на Земле осталось уже всего около двух тысяч пленных. Дело шло к завершению. Патрули в доспехах возвращались из цетагандийских руин к местам посадки своих катеров.

— Увидимся на борту «Триумфа», — подчеркнуто сказал Танг.

Он задержался, чтобы сказать несколько слов лейтенанту Марко. Майлз улыбнулся, сочувствуя лейтенанту: он прекрасно знал, какие именно приказы отдает сейчас Танг. Если Марко не сможет вернуться с Майлзом, ему лучше вообще не возвращаться.

Осталось только немного подождать. Майлз очень скоро понял, что ожидание ему совсем некстати. Действие выброшенного в кровь адреналина не прошло, и он почувствовал, насколько измучен и ранен. Осветительные ракеты начали гаснуть; свет их покраснел.

Почти не было перерыва между замирающим ревом последнего катера третьего захода и пронзительным воем первого садящегося катера четвертого. Увы, это свиде-

тельствовало не столько о стремительности, сколько о неразберихе. Мэрилакцы по-прежнему дожидались по своим командам раздачи плиток, дисциплина не нарушалась. Конечно, никто не поделился с ними проблемами, связанными со временем. Но нервничающие дендарийцы гнали их вверх по трапам в темпе, удовлетворяющем Майлза. Быть в арьергарде никто не любит, даже бравые вояки, делающие зарубки на прикладах и готовые жить в своем костюме.

Майлз проследил, чтобы по трапу в первую очередь занесли Сьюгара. Он рассчитал, что Сьюгар окажется в лазарете «Триумфа» скорее, если полетит сразу с ним прямым рейсом, а не предыдущим на грузовик, чтобы ожидать там переброски на флагман.

Лагерь стал тихим и темным, мокрым и печальным, призрачным. «Я сломаю двери ада и изведу из него мертвецов...» Полузабытая цитата звучала как-то неправильно. Ладно.

Облаченная в доспехи группа охраны катера — последняя — вернулась из тумана и тьмы, повинуясь электронному свистку, словно команда пастушеских собак. Их хозяин, Марко, стоял внизу у трапа. Пилот ревом двигателей катера выражал свое нетерпение поскорее отправиться в обратный путь.

И вдруг из тьмы начался плазменный обстрел, заставивший зашипеть влажный от дождя воздух. Какой-то цетагандийский герой — кто знает, офицер, пехотинец или техник — выполз из развалин и нашел оружие. И противника, по которому можно стрелять. У Майлза в глазах замелькали красно-зеленые отблески.

Из темноты выкатился дендарийский патрульный — по спине его доспехов змеилась светящаяся полоса. Впрочем, она почти тут же потухла в грязи. У доспехов заклинило ноги, и теперь патрульный извивался, как отчаянно бьющаяся рыба, пытаясь вылезти из них. Второй неприцельный плазменный удар растратился на превращение нескольких кубометров тумана и дождя в перегретый пар.

Именно то, чего им сейчас не хватало: застрять под огнем снайпера. Пара наемников снова нырнула в туман. Перевозбудившийся пленный (Господи, это же еще один приятель Питта!) выхватил оружие у застрявшего в доспехах солдата и собрался последовать за ними.

— Стой! Возвращайся потом и дерись тут сколько душе угодно, болван! — Майлз захлюпал по грязи к Марко. — Отходите, грузитесь, взлетайте. Не тратьте время на перестрелку! Некогда!

Кое-кто из оставшихся пленных упал лицом в грязь и начал зарываться в нее, как червяк. Вполне разумный рефлекс в любой другой ситуации.

— Поднимайтесь на борт, по трапу. Марш, марш, марш!

Беатрис вскочила и начала повторять его слова, загоняя пленных на катер.

Майлз задержался около упавшего дендарийца, левой рукой расстегнул зажимы доспехов. Солдат скинул чуть не убивший его панцирь, вскочил и захромал к катеру. Марко и еще один охранник ждали у трапа.

— Готовься поднять трап и взлететь по моему сигналу, — крикнул пилоту Марко.

И тут плазменный луч полоснул лейтенанта по шее. Майлз ощутил обжигающий жар в нескольких сантиметрах над своей головой. Марко рухнул, не издав ни звука.

Майлз пригнулся, задержавшись на секунду, чтобы сдернуть с Марко шлем с передатчиком. Шлем снялся вместе с головой. Майлзу пришлось упереться парализованной рукой, чтобы высвободить шлем от страшного груза. Вес головы, ее плотность и округлость запечатлелись всеми его чувствами — прочно, до конца жизни. Голова упала рядом с телом Марко.

Майлз проковылял по трапу — последний дендариец в доспехах втянул его за руку. Трап странно проседал у них под ногами: глянув вниз, Майлз увидел в том месте, где прошел убивший Марко плазменный луч, оплавленную полосу.

Он ввалился в люк, сжимая в руках шлем и крича в него:

— Взлетай, взлетай! Марк, сейчас же! Марш!

— Кто говорит? — послышался голос пилота.

— Нейсмит.

— Есть, сэр!

Трап еще не успел втянуться, когда катер уже начал подъем. С надсадным визгом механизм трапа пытался справиться с искореженной дорожкой.

— Запечатайте люк! — завопил в шлеме голос пилота.

— Трап заклинило! — в свою очередь завопил Майлз. — Отстрели его!

Механизмы завизжали вновь, начав обратное движение. Трап затрясся и снова заклинился. Множество рук начали отчаянно дергать его.

— Так ничего не выйдет! — яростно заорала Беатрис, стоявшая у люка напротив Майлза, и начала пинать дорожку босыми ногами. Нарастающий поток воздуха с воем несся мимо открытого люка, сотрясая катер.

Под крики, удары и проклятия катер резко накренился. Люди и незакрепленное оборудование покатились по палубе. Окровавленными ногами Беатрис пинала последний неподдающийся болт. Трап, наконец, оторвался. Поскользнувшись, Беатрис упала вместе с ним.

Майлз кинулся за ней. Он так и не узнал, успел ли он до нее дотронуться: его правая рука была бесчувственным куском. Лицо Беатрис промелькнуло бледным пятном, и женщина исчезла во тьме.

В голове у Майлза вдруг воцарилась глубокая тишина. Хотя рев ветра и двигателей, крики, проклятия и визг не прекратились, между его ушами и мозгом что-то оборвалось. Он видел только уносящееся во тьму бледное пятно — еще и еще раз, словно на экран проецировалась замкнутая пленка.

Майлз почувствовал, что стоит на четвереньках: ускорение катера вжимало его в пол. Люк удалось закрыть. Теперь людской шум казался приглушенным и жидким, ибо замолкли ревущие голоса божеств. Майлз взглянул в побелевшее лицо приятеля Питта, согнувшегося рядом

и все еще сжимавшего оружие, из которого ему так и не удалось пострелять.

— Смотри, парень, убей побольше цетагандийцев за Мэрилак, — прохрипел ему Майлз. — Надо, чтобы ты хоть для кого-то чего-нибудь стоил, потому что мне ты обошелся слишком дорого.

Лицо мэрилакца сморщилось: он был настолько испуган, что даже не пытался принять виноватый вид. Майлз мимолетно заинтересовался, как выглядит сейчас он сам. Судя по лицу этого парня, странно, очень странно.

Он пополз вперед, пытаясь отыскать кого-то... что-то... В глазах то и дело вспыхивали какие-то странные желтые искры. Еще не снявшая доспехов дендарийка помогла ему встать.

— Как вы, сэр? Может, вам пройти к пилоту?

— Да, ладно...

Она обхватила Майлза рукой, чтобы он снова не упал. Они начали пробираться вперед по переполненному мэрилакцами и дендарийцами катеру. К нему оборачивалось множество лиц, но никто не пытался ничего сказать. Возле кабины пилота Майлз увидел серебряный кокон.

— Подожди...

Он упал на колени рядом со Сьюгаром. Прилив надежды...

— Сьюгар! Эй, Сьюгар!

Проповедник чуть приоткрыл глаза. Трудно было сказать, насколько он воспринимает происходящее сквозь боль, шок и лекарства.

— Мы уже в пути. Мы справились, уложились в срок. С легкостью. С ловкостью и быстротой. Вверх через воздушные области, выше облаков. Ты правильно понял Писание, правильно.

Сьюгар шевельнул губами. Майлз наклонился поближе.

— ...не настоящее Писание, — прошептал умирающий. — Я это знал... ты это знал... нечего тут заливать...

Майлз оцепенел. Потом снова наклонился к Сьюгару и прошептал:

— Нет, брат. Потому что хоть мы и пришли в одеждах, но определенно вышли нагими.

С сухих губ Сьюгара сорвался слабый смешок.

Майлз не плакал, пока они не вышли из п-в-туннеля.

IV

Иллиан сидел молча.

Майлз откинулся на подушке, бледный и измученный. Струна, натянувшаяся где-то внутри, заставила дрожать его голос.

— Извините. Думал, что уже все забыл. С тех пор столько случилось: не было времени подумать, переварить...

— Синдром боевой усталости, — подсказал Иллиан.

— Бой длился всего пару часов.

— Да? Судя по твоему рассказу, недель шесть, не меньше.

— Все равно. Но если ваш граф Форволк будет говорить, что надо было обменять жизни на оборудование... У меня было всего минут пять, чтобы принять решение под огнем противника. Если бы у меня был месяц на размышления, я поступил бы точно так же. И я повторю это, хоть перед трибуналом, хоть где.

— Успокойся, — посоветовал Иллиан. — Форволком и его тайными советчиками займусь я. Думаю... нет, гарантирую, что их козни больше не будут мешать вашему выздоровлению, лейтенант Форкосиган.

Иллиан сверкнул глазами, и Майлз напомнил себе, что этот худощавый человек уже тридцать лет работает в Имперской службе безопасности. У «Пса Эйрела» еще целы зубы.

— Мне жаль, что моя... небрежность поколебала вашу веру в меня, — сказал Майлз.

Его странно ранило подозрение шефа — словно какой-то незаживающий нарыв в груди. Значит, доверие

гораздо больше зависит от обратной связи, чем он прежде думал. Может, Иллиан прав, и Майлзу следует больше внимания обращать на материальное?

— Впредь я постараюсь быть разумнее.

Иллиан покраснел и кинул на него непонятный взгляд:

— И я тоже, лейтенант.

Зашипела дверь, прошелестели юбки. Это была графиня Форкосиган — высокая женщина с каштановыми волосами и стремительной походкой. Она так и не сумела приспособить темп своих движений к барраярским нарядам, но пышные туалеты знатной дамы она надевала охотно, словно ребенок, устроивший маскарад, — и носила их с такой же убедительностью.

— Миледи, — кивнул Иллиан, вставая.

— Привет, Саймон, — ухмыльнулась она. — Доктор, которого ты спугнул, умоляет меня применить силу и вышвырнуть тебя. Я знаю, у вас, офицеры и джентльмены, свои дела, но пора бы вам и закругляться. По крайней мере так советуют приборы.

Она посмотрела на Майлза. На добродушном лице ее промелькнуло недовольство, намек на стальную волю.

Иллиан тоже заметил это и поклонился:

— Мы закончили, миледи. Нет проблем.

— Надеюсь.

Вскинув голову, графиня ждала, пока Иллиан уйдет.

Разглядывая решительный профиль матери, Майлз вдруг осознал, почему смерть агрессивной высокой женщины с рыжими волосами все еще рвет ему душу, хотя он давно примирился с другими потерями, в которых виноват не меньше. «Как поздно мы начинаем себя понимать! И как это бесполезно». Но все же, когда графиня Форкосиган повернулась к нему, комок, застрявший в горле, начал растворяться.

— Ты ужасно выглядишь, мой милый.

Она прикоснулась теплыми губами к его лбу.

— Спасибо, мама! — прошептал Майлз.

— Эта славная командор Куин, которая тебя привезла, говорит, что ты плохо ел. Как обычно.

— А! — Майлз повеселел. — Где Куин? Я могу ее увидеть?

— Здесь — нет. Ее не допускают на засекреченные объекты, каковым считается этот императорский госпиталь. Ведь она офицер чужой армии. Проклятые барраярцы!

Последние два слова были любимым ругательством графини — отставного капитана Корделии Нейсмит из астроэкспедиционного корпуса Беты.

— Я взяла ее в дом Форкосиганов.

— Спасибо. Я... в немалом долгу у Куин.

— Я так и поняла. — Графиня улыбнулась. — Через три часа после того, как убедишь врачей выписать тебя из этого скучного места, ты будешь на озере. Я пригласила туда и командора Куин. Мне показалось, что это заставит тебя серьезнее отнестись к выздоровлению.

— Да, сударыня.

Майлз забрался поглубже под одеяло. К рукам начала возвращаться чувствительность, но пока, к сожалению, чувствовали они одну лишь боль. Все равно это лучше, чем никакой чувствительности! Он ухмыльнулся.

— Мы по очереди будем тебя кормить и баловать, — размечталась мать. — И... ты сможешь рассказать мне о Земле.

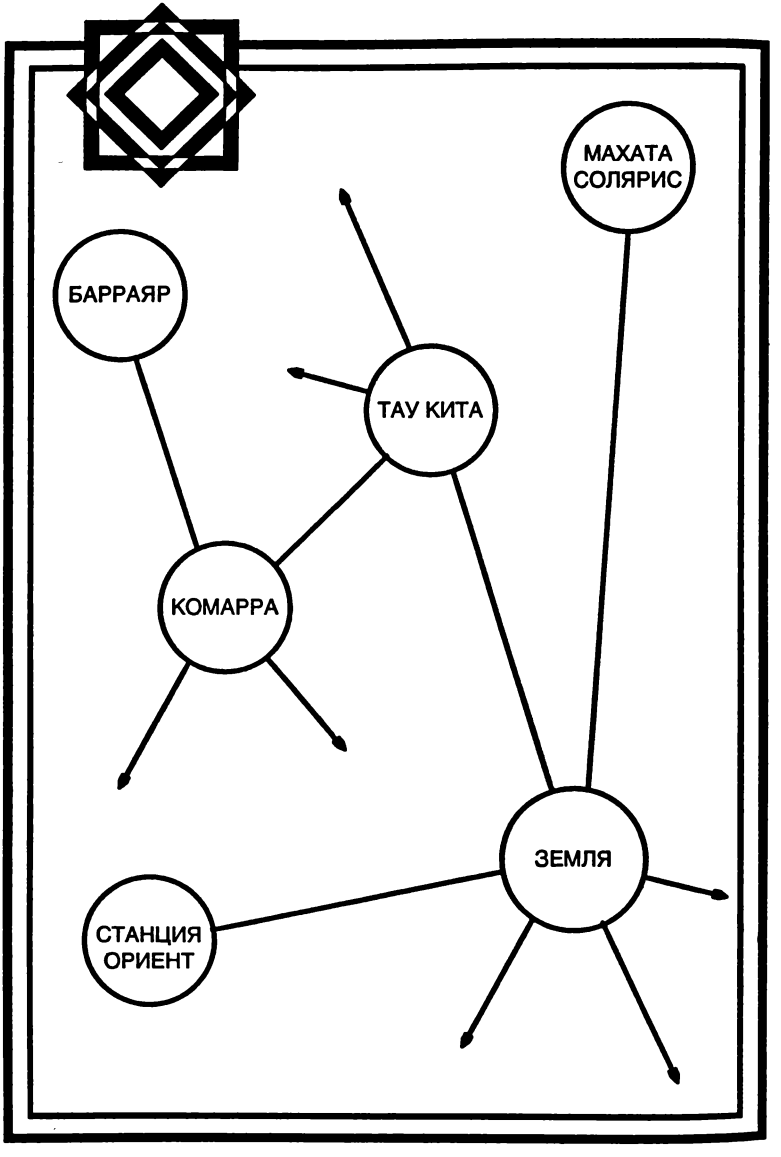
— А... да. Я могу немало порассказать тебе о Земле.

— Ну, отдыхай.

Еще один поцелуй, и она ушла.

БРАТЬЯ ПО ОРУЖИЮ

Посвящается Марте и Энди

МАХАТА
СОЛЯРИС
БАРРАЯР
ТАУ КИТА
КОМАРРА
ЗЕМЛЯ
СТАНЦИЯ
ОРИЕНТ

ГЛАВА I

Его боевой катер неподвижно застыл в доке ремонтной станции. Майлзу показалось, что у машины какой-то злобный вид. Металл обшивки был помят, обожжен и выщерблен. Совсем недавно этот катер сверкал как новенький — юный гордец и забияка. Наверное, раны испортили его характер...

Майлз устало потер подбородок и тяжело вздохнул. Если тут у кого и портится характер, то уж никак не у механизмов. Вот уж действительно — по милу хорош. Он поднялся со скамьи и постарался выпрямиться — насколько позволял искривленный позвоночник. Элли Куин, ловившая каждое его движение, тут же вскочила.

Проковыляв вдоль фюзеляжа, Майлз подозвал представителя «Орбитальных Доков Кэймера» и указал на задний люк:

— Вот здесь имеет место конструкционный недочет, который меня очень беспокоит. Трап от этого люка выпускается и втягивается как автоматически, так и вручную. Но место, куда он втягивается, находится внутри шлюза, так что, если по какой-то причине трап останется висеть, люк не закроется. Я полагаю, вы можете представить себе последствия.

Самому же Майлзу не требовалось напрягать воображение: результат запечатлелся в его памяти и неотступно преследовал уже три месяца. Стоило закрыть глаза...

— Вы это обнаружили на собственном опыте, адмирал Нейсмит? — с искренним интересом спросил инженер.

— Да. Мы потеряли... людей. Один из них был мне очень близок.

— Понимаю, — уважительно отозвался инженер. Но брови у него поползли вверх.

Да как ты смеешь...

К счастью для себя, инженер — худощавый мужчина довольно высокого роста — не улыбнулся. Он провел рукой по пазу для трапа, потом подтянулся вверх, заглянул туда и начал что-то бормотать в диктофон. Майлз с трудом подавил желание подпрыгнуть, чтобы увидеть то, что видит он. Несолидно. Сам Майлз приходился инженеру по грудь, так что даже с помощью метровой лестницы он с трудом дотянулся бы до паза. А сейчас он слишком устал для физкультуры и не собирался просить Элли Куин, чтобы она его подсадила. Он поднял голову и заложил руки за спину, как и подобает адмиралу.

Инженер гулко спрыгнул на палубу дока.

— Да, адмирал, думаю, «Кэймер» сможет для вас это сделать. Сколько у вас катеров?

— Двенадцать.

Четырнадцать минус два равняется двенадцати. Но только не для дендарийских наемников: у них четырнадцать минус два катера равнялось двумстам семи погибшим.

«Прекрати, — мысленно приказал Майлз насмешливому счетоводу, засевшему у него в голове. — Теперь это уже никому не поможет».

— Двенадцать, — сделал пометку инженер. — Что еще?

— Мои собственные инженеры займутся мелким ремонтом, поскольку мы, похоже, пробудем здесь достаточно долго. Мой заместитель и главный инженер флота коммодор Джезек хотел поговорить с вашими специалистами по нуль-переходу относительно калибровки стержней Неклина. Кроме того, у меня есть один нуль-пилот с ранением головы, но, насколько я понимаю,

микрохирургическая имплантация в услуги «Кэймера» не входит. И системы вооружений тоже?

— Да, действительно не входят, — поспешно согласился инженер. Он прикоснулся к оплавленному участку обшивки катера, видимо, представляя бои, в которых он побывал, и прибавил: — Наши орбитальные доки обслуживают главным образом торговые корабли. Наемники в этих краях редкость. Почему вы обратились сюда?

— Вы предложили самые низкие расценки.

— О-о... Нет, я не о корпорации «Кэймер». Я спрашиваю, почему вы прилетели на Землю. Мы находимся в стороне от главных торговых путей, у нас в основном бывают туристы и историки. Э-э... люди мирных интересов.

Он спрашивает, нет ли у нас здесь контракта, понял Майлз. Здесь, на планете с девятимиллиардным населением, вооруженные силы которой даже сравнивать нельзя с пятью тысячами дендарийцев... Понятно. Он боится, что я потревожу старушку Землю. Или думает, что я нарушу секретность и скажу ему, если это действительно так...

— Вот именно, мирных, — убедительно ответил он. — Дендарийцам необходим отдых и переоснащение. Мирная планета в стороне от главных пространственно-временных туннелей — это как раз то, что доктор прописал.

Он внутренне вздрогнул, вспомнив, какой счет от докторов его дожидается.

Дело было не в Дагуле. Операция по освобождению пленных была тактической победой, почти чудом военного искусства. Его собственные штабисты постоянно твердили об этом, так что, наверное, пора им поверить.

Операция на Дагуле оказалась третьим по численности побегом военнопленных во всей истории человечества, сказал ему коммодор Танг. Поскольку военная история — его конек, скорее всего он не ошибся. Дендарийцы освободили больше десяти тысяч захваченных в плен солдат — целый лагерь военнопленных — под самым носом Цетагандийской империи. Эти люди стали

ядром новой партизанской армии на планете, которую цетагандийцы думали завоевать в два счета. Стоимость операции оказалась удивительно небольшой по сравнению с ее впечатляющими результатами... Если не считать тех людей, которые заплатили за этот триумф своими жизнями: для них эта цена оказалась бесконечностью, деленной на нуль.

Но того, что последовало за Дагулой, никто не ожидал: разъяренные цетагандийцы начали мстительно преследовать дендарийцев, пока те не добрались до тех мест, куда военные корабли цетагандийцев не имели доступа. Тогда на смену военным пришли наемные убийцы и диверсанты. Майлз надеялся, что теперь они наконец находятся в относительной безопасности.

— Все на Дагуле-IV? — продолжал расспрашивать заинтригованный инженер.

— Операция на Дагуле была секретной, — сдержанно ответил Майлз. — Мы ее не обсуждаем.

— Несколько месяцев назад здесь только о ней и говорили, — заверил его землянин.

Голова болит... Майлз прижал ладонь ко лбу, потом скрестил руки.

— Прекрасно... — пробормотал он. Элли Куин поморщилась.

— Это правда, что цетагандийцы назначили награду за вашу голову? — жизнерадостно спросил инженер.

Майлз вздохнул:

— Да.

— О! — изумился инженер. — А я думал, это байки. — Он чуть отодвинулся от Майлза, как будто гнетущая атмосфера насилия, окружающая наемника, это зараза, которая может пристать к нему, если он будет стоять слишком близко. — Как вы планируете расплатиться за изменение конструкции? — откашлявшись, спросил он.

— Оплата наличными по завершению работ, — мгновенно отозвался Майлз. — Приемку работы проводят мои инженеры. Насколько я понимаю, именно такие условия стояли в вашем предложении.

— О... да. Гм-м... — Землянин оторвался от созерцания механизмов и буквально на глазах превратился в бухгалтера. — Именно такие условия мы обычно предлагаем нашим традиционным клиентам, представляющим устоявшиеся корпорации.

— Свободный флот дендарийских наемников — это устоявшаяся корпорация. Зарегистрирована на Архипелаге Джексона.

— Гм, да... Но... Как бы получше выразиться... Самый большой риск наших обычных клиентов — это банкротство, от которого мы хорошо защищены юридически. Ваш флот... гм-м... его деятельность...

Он не знает, как получить деньги с покойника, понял Майлз.

— ...сопряжена с повышенным риском, — откровенно договорил инженер, виновато пожимая плечами.

Что ж, по крайней мере он честен...

— Мы не станем поднимать цены по сравнению с заявленными. Но боюсь, что мы потребуем оплату вперед.

Ну, раз уж дело дошло до оскорблений...

— Но таким образом мы не защищены от недобросовестной работы, — заметил Майлз.

— Вы сможете подать на нас в суд, — ответил инженер, — как и все другие.

— Я могу разнести вашу...

Пальцы Майлза потянулись к ремню, на котором — увы! — не было кобуры. Земля, старушка Земля, цивилизованная старушка Земля. Стоявшая рядом Элли Куин предупреждающе коснулась его плеча. Он быстро улыбнулся, успокаивая ее: нет, он не воспользуется... экзотическими... возможностями, открытыми перед адмиралом Майлзом Нейсмитом, командующим Свободным флотом дендарийских наемников. Он просто устал. Чуть расширившиеся блестящие карие глаза без слов ответили ему: «Глупости, сэр». Но это был совсем другой спор, который они не станут продолжать здесь, на людях.

— Если хотите, вы можете поискать лучшие условия, — равнодушно предложил инженер.

— Мы искали, — отрывисто бросил Майлз (и вы это прекрасно знаете). — Ладно... Э-э... А как насчет такого варианта: половину вперед, половину — по окончании работ?

Землянин нахмурился и покачал головой:

— «Кэймер» не завышает своих предварительных расценок, адмирал Нейсмит. И наши сверхсметные расходы самые низкие в отрасли. Это — вопрос престижа.

Термин «сверхсметные расходы» после Дагулы вызывал у Майлза мигрень. И вообще... что им на самом деле известно о Дагуле?

— Если вас действительно беспокоит качество работ, деньги можно было бы поместить на депозит в какомнибудь нейтральном банке, чтобы он оставался закрытым до того момента, как вы примете работу. С точки зрения «Кэймера», это не слишком удачный компромисс, но... на большее я пойти не могу.

В нейтральном земном банке, отметил про себя Майлз. Если бы он не проверил качество работ «Кэймера», его бы вообще здесь не было. Майлза беспокоили их собственные финансы. Что, конечно же, «Кэймера» не касалось.

— У вас финансовые затруднения, адмирал? — с интересом осведомился землянин.

Майлзу показалось, что цена работ растет прямо у него на глазах.

— Нисколько, — равнодушно соврал Майлз. Если только начнут расползаться слухи относительно денежных затруднений у дендарийцев, то под угрозой может оказаться не только этот договор о ремонте. — Хорошо. Предоплата будет переведена на депозит.

Уж если он не будет иметь права распоряжаться своими деньгами, то и «Кэймер» такой возможности не получит. Элли Куин втянула воздух сквозь стиснутые зубы. Инженер-землянин и командующий наемниками торжественно пожали друг другу руки.

Шагая следом за инженером к его конторе, Майлз на минуту задержался у иллюминатора, из которого от-

крывался великолепный вид на Землю. Инженер улыбнулся и вежливо остановился, с гордостью наблюдая, как гость любуется его планетой.

Земля. Романтическая старушка Земля, тот самый голубой шарик. Майлз всегда знал, что когда-нибудь сюда прилетит, — но никогда не думал, что при таких обстоятельствах.

Земля была самой крупной и богатой населенной планетой среди всех поселений человечества, разбросанных по освоенной части галактики. Малое число п-в-туннелей вблизи Солнечной системы и разобщенность правительств привели к тому, что с военной и стратегической точки зрения она играла очень малую роль в жизни галактики. Но Земля по-прежнему царила (хоть и не правила), оставаясь непревзойденной с культурной точки зрения. Еще более израненная войнами, чем Барраяр, технически равная Колонии Бета, Земля оставалась целью многочисленных паломничеств, как религиозных, так и светских, и поэтому тут собрались посольства тех планет, которые только могли себе это позволить. Включая, напомнил себе Майлз, покусывая указательный палец, и посольство Цетаганды. Адмиралу Нейсмиту надо всячески их избегать.

— Сэр? — прервала его размышления Элли Куин. Он мгновенно повернулся к ее божественному лицу — самому прекрасному, какое только можно было купить за деньги после того плазменного ожога, и в то же время, благодаря гениальности хирургов, по-прежнему узнаваемому. Эх, если бы все его ранения могли быть так вылечены! — Вас вызывает коммодор Танг.

Улыбка Майлза померкла. Что там еще? Он оторвался от захватывающего зрелища и зашагал за ней следом, бросив инженеру на ходу вежливо, но безжалостно:

— Извините нас, пожалуйста.

Над пластиной комм-устройства возникло невозмутимое широкое лицо его заместителя.

— Да, Ки?

Ки Танг, уже успевший сменить мундир на гражданское платье, вместо положенного салюта только коротко кивнул.

— Я только что закончил переговоры с центром реабилитации относительно наших девяти тяжело раненных. Прогноз в основном благоприятный. И они считают, что им удастся восстановить четырех из девяти замороженных убитых, может, даже пятерых, если повезет. Хирурги даже надеются, что им удастся починить имплантат Демми, когда закончится заживление нервной ткани. Конечно, за плату...

Танг назвал цену в федеральных кредитках. Майлз мысленно перевел ее в имперские марки Барраяра и невольно присвистнул. Танг ответил сухой улыбкой:

— Угу. Если вы не захотите отказаться от этой починки. Она равна всему остальному лечению, вместе взятому.

Поморщившись, Майлз отрицательно покачал головой.

— Во вселенной найдется немало людей, которых я готов надуть, но мои собственные раненые к их числу не относятся.

— Спасибо, — сказал Танг. — Я с вами согласен. А теперь я практически готов уйти отсюда. Мне только осталось подписать бланк, где я беру личную ответственность за уплату по счету. Вы совершенно уверены, что сможете получить деньги, которые нам причитаются за дагульскую операцию... здесь?

— Я собираюсь сейчас этим заняться, — пообещал Майлз. — Подписывайте. Я позабочусь, чтобы все было оплачено.

— Хорошо, сэр, — согласился Танг. — И после этого я могу ехать домой в увольнение?

Танг был родом с Земли — единственным землянином, с которым приходилось встречаться Майлзу. Наверное, этим и объяснялась подсознательная симпатия, которую он испытывает к этой планете, решил Майлз.

— Сколько времени мы вам должны, Ки? Года полтора? — (И, увы, это должен быть оплаченный отпуск,

произнес внутренний голос, который Майлз мгновенно осудил.) — Можете отдыхать столько, сколько захотите.

— Спасибо. — Голос Танга смягчился. — Я только что говорил с дочерью. У меня есть внук!

— Поздравляю! — откликнулся Майлз. — Ваш первый?

— Да.

— Ну так отправляйтесь. Если что-нибудь произойдет, мы этим сами займемся. Вы ведь незаменимы только в бою. Э-э... Где вы будете?

— В доме моей сестры. В Бразилии. У меня там около четырехсот всяких родственников.

— В Бразилии, так. Хорошо. — (Где она, к черту, эта Бразилия? — подумал Майлз.) — Желаю хорошо отдохнуть.

— Непременно. — Прощальный салют Танга был явно бодрее приветствия. Лицо над комм-устройством исчезло.

— Черт побери, — вздохнул Майлз. — Мне не хочется отпускать его даже в отпуск. Но он его заслужил.

Элли перегнулась через спинку стула, и ее дыхание коснулось его темных волос — его темных мыслей.

— Смею ли я напомнить, Майлз, что он не единственный старший офицер, которому нужен отдых? Даже тебе иногда нужно избавляться от стресса. И ты тоже был ранен.

— Ранен? — У Майлза свело скулы от напряжения. — А, ты имеешь в виду переломы. Переломы не в счет. Я борюсь с ними всю жизнь. Мне просто надо научиться не уступать соблазну сыграть роль боевого офицера. Место моей задницы — в славном мягком штабном кресле, а не на передовой. Если бы я заранее знал, что на Дагуле будет такое, то послал бы в качестве фальшивого военнопленного кого-нибудь другого. И вообще — вот тебе и ответ. Я уже отдохнул на больничной койке.

— И целый месяц бродил по кораблю, как криотруп, подогретый в микроволновой печке. Когда ты входил в комнату, всем казалось, что их посетил неуспокоившийся мертвец.

— Я провел всю дагульскую операцию на одних нервах. Нельзя столько времени находиться на взводе и не отплатить потом за это небольшой депрессией. По крайней мере я этого не могу.

— У меня сложилось впечатление, что здесь нечто большее.

Майлз резко повернул к ней кресло и огрызнулся:

— Отстанешь ты от меня? Да, мы потеряли нескольких хороших бойцов. Я не люблю терять хороших бойцов. Я плачу по-настоящему — но не на людях, ясно?

Она отшатнулась, и Майлз сразу же смягчил тон, устыдившись своей несдержанности:

— Извини, Элли. В последнее время я легко срываюсь. Смерть этой несчастной, которая выпала из катера, потрясла меня сильнее, чем... сильнее, чем допустимо. Я никак не могу...

— Это вы меня должны извинить, сэр.

Это ее «сэр» словно иглой прокололо какое-то магическое изображение Майлза, которое находилось в руках у Элли. Майлз поморщился.

— Ничуть.

Ну почему, почему, почему адмирал Нейсмит принял это идиотское решение: избегать физической близости со своими подчиненными? В тот момент идея показалась ему удачной. Танг ее приветствовал. Господи, да ведь Танг уже дедушка, у него, наверное, уже давно отмерло его мужское начало! Майлз не мог забыть, как отклонил первые ухаживания Элли. «Хороший работник не делает покупок в магазине, принадлежащем компании», — мягко объяснил он ей. Почему она не дала ему по физиономии за эту самодовольную глупость? Она молча проглотила это оскорбление — и новых попыток не делала. Элли потом поняла, что он имел в виду не ее, а себя.

Когда он долгое время находился с флотом, то старался отправить ее на какие-нибудь задания, с которых она неизменно возвращалась с превосходными результатами. Она возглавляла разведывательную команду, вы-

садившуюся на Землю, и к тому времени, когда дендарийский флот вышел на околоземную орбиту, уже подыскала «Кэймер» и других подрядчиков. Хороший офицер: после Танга она, наверное, лучшая. Чего бы он только не отдал за то, чтобы сжать это ловкое тело в своих объятиях и забыться! Слишком поздно, он упустил свой шанс.

Ее бархатные губы иронически сморщились. Элли пожала плечами — кажется, по-сестрински:

— Я больше не стану к тебе с этим приставать. Но по крайней мере подумай об этом. Я еще не видела мужчины, которому так нужно было бы с кем-нибудь переспать.

О Господи! И что же на самом деле означают эти слова? У Майлза перехватило дыхание. Дружеский совет или приглашение? Если это всего лишь совет, а он примет его за приглашение, то не решит ли она, что он злоупотребляет своим положением, чтобы добиться ее внимания? А если все наоборот, то не будет ли снова оскорблена и не отвернется ли от него еще на несколько лет? Запаниковав, он ухмыльнулся.

— Содрать деньги, — выпалил он. — Что мне сейчас нужно, это не переспать, а денег содрать. Потом... потом, гм-м... может быть, мы могли бы посмотреть какие-нибудь достопримечательности. Кажется просто преступлением так далеко залететь и не увидеть Старую Землю — пусть даже мы попали сюда случайно. Все равно считается, что со мной на планете всегда должна быть охрана, так что мы могли бы объединиться.

Вздохнув, она решительно выпрямилась:

— Да, конечно, долг превыше всего.

Да, долг превыше всего. И теперь его долг требует, чтобы он явился с докладом к нанимателям адмирала Нейсмита. После этого его трудности значительно уменьшатся.

Майлз жалел, что не переоделся в штатское, прежде чем отправиться в эту экспедицию. Его аккуратная фор-

ма адмирала дендарийцев чертовски бросалась в глаза в этом торговом центре. Или по крайней мере Элли надо было переодеться: они могли притвориться военным в увольнении и его подружкой. Но его штатская одежда была уложена в контейнер, оставшийся на какой-то планете в нескольких нуль-переходах от Земли, — получит ли он ее когда-нибудь обратно? Одежда была сшита специально на него и стоила немалых денег: не столько для того, чтобы отметить его высокое положение, сколько в силу необходимости.

Обычно Майлзу удавалось забыть об особенностях своего телосложения: слишком крупной голове, особенно заметной из-за короткой шеи, и кривом позвоночнике — и все это при росте метр сорок, — но ничто не заставляло его так остро чувствовать свои недостатки, как необходимость одолжить одежду у человека нормального роста и сложения.

«Ты уверен, что именно мундир привлекает к тебе внимание окружающих? — спросил он себя. — Или ты опять пытаешься обдурить сам себя? Прекрати!»

Он снова стал смотреть по сторонам. Город-космопорт Лондон — почти двухтысячелетняя мозаика несовместимых архитектурных стилей — просто завораживал. Солнечный свет, пробивавшийся сквозь многокрасочный витраж в застекленной арке, был настолько богат цветом, что дух захватывало. Одного только этого было бы достаточно, чтобы догадаться, что его глаза вернулись на планету, являющуюся их родиной. Может быть, потом ему удастся посетить и другие исторические места: например, проплыть на подводной лодке по озеру Лос-Анджелес, или увидеть Нью-Йорк с его огромными дамбами...

Элли еще раз нервно обошла вокруг скамейки под часами, осматривая толпы покупателей. Конечно, казалось крайне маловероятным, чтобы здесь появилась группа цетагандийских убийц, но все равно Майлзу была приятна ее бдительность, позволявшая ему поддаться

усталости. Можешь когда угодно приходить искать убийц у меня под кроватью, любовь моя...

— В некотором смысле я даже рад, что мы здесь оказались, — заметил он ей. — Здесь может представиться прекрасная возможность для того, чтобы адмирал Нейсмит скрылся. Дендарийцы получат роздых. В самом деле, цетагандийцы очень похожи на барраярцев: у них очень личностное отношение к командованию.

— Ты к этому чертовски легкомысленно относишься.

— Привычка детства. Когда абсолютные незнакомцы пытаются меня прикончить, я чувствую себя как дома. — Ему в голову пришла мысль, заставившая его мрачно ухмыльнуться. — Знаешь, меня впервые пытаются убить из-за того, что я собой представляю, а не из-за моих родственников! Я тебе когда-нибудь рассказывал, что сделал мой дед, когда мне было...

Она прервала его болтовню, вздернув подбородок:

— По-моему, мы пришли...

Майлз проследил за ее взглядом. Он действительно не в форме: она заметила того, кто пришел с ними встретиться, раньше него. На приближавшемся к ним с вопросительным выражением лица мужчине был модный земной костюм, но волосы были подстрижены барраярским военным ежиком. Наверное, рядовой. Офицеры стриглись, как правило, чуть менее строго, в стиле римских патрициев. Майлз вдруг понял, что ему пора подстричься: спускавшиеся на воротник волосы защекотали шею.

— Милорд? — проговорил мужчина.

— Сержант Барт? — спросил Майлз.

Кивнув, мужчина перевел взгляд на Элли:

— А это кто?

— Моя охрана.

— А!

Губы чуть заметно сжались, а глаза расширились, выразив некоторую долю насмешки и презрения. Майлз почувствовал, как у него напряглись мускулы шеи:

— Она великолепно знает свое дело.

— Я в этом не сомневаюсь, сэр. Пройдемте со мной, пожалуйста.

Он повернулся и повел их за собой.

За своей невозмутимой маской он смеялся над ним: Майлз был уверен в этом, даже глядя ему в затылок. Элли, почувствовавшая только, что атмосфера внезапно стала напряженной, бросила на него расстроенный взгляд.

«Ничего страшного», — тоже взглядом постарался ответить ей Майлз, продевая ее руку под свой локоть.

Они прошли за своим проводником по магазину, потом спустились по лифтовой шахте, потом по какой-то лестнице. Подземный служебный уровень оказался лабиринтом туннелей, трубопроводов и оптических кабелей. По оценке Майлза, они миновали пару кварталов. Их проводник открыл замок, приложив к нему ладонь. Еще один короткий туннель привел их к новой двери. Возле нее сидел охранник — подтянутый барраярец в зеленой парадной форме. Он поспешно вскочил с кресла за коммустройством и еле удержался, чтобы не отдать честь их одетому в гражданское проводнику.

— Мы оставляем здесь свое оружие, — сказал Майлз. — Все. Я имею в виду — действительно все.

Элли удивленно приподняла брови, комментируя резкое изменение речи Майлза: с монотонного бетанского чуть гнусавого выговора он перешел на теплые гортанные звуки своей родной барраярской речи. А ведь она редко слышала, чтобы он говорил по-барраярски: который из его выговоров покажется ей напускным? Однако мнение сотрудников посольства было совершенно очевидно, так что Майлз прокашлялся, чтобы его связки лучше подготовились к новому звучанию.

Майлз положил на пульт рядом с охранником свой карманный парализатор и длинный стальной кинжал в ножнах из кожи ящерицы. Охранник сканировал его, открыл серебряную крышечку в покрытой драгоценными камнями рукояти, осмотрел спрятанную под ней

печать и вернул кинжал Майлзу. Их проводник тем временем изумленно рассматривал арсенал, который выложила Элли. «Вот тебе, — мысленно сказал ему Майлз. — Подавись, надутый вояка!» Немного повеселев, он снова пошел за сопровождающим.

После подъема в лифтовой шахте интерьер вдруг стал приглушенным и солидным.

— Посольство Барраярской империи, — шепотом объяснил Майлз Элли.

Похоже, жена посла — дама со вкусом, решил он. Но в здании чувствовалась странная герметичность, отдававшая, по мнению поднаторевшего в этих вещах Майлза, параноидальной зацикленностью на безопасности. Ах да, посольство планеты — это ее территория. Чувствуешь себя как дома.

Сопровождающий провел их к следующей лифтовой шахте, доставившей их в рабочие помещения, — Майлз на ходу успел заметить сканеры на арке входа, — а потом, пройдя через две автоматические двери, они попали в небольшой тихий кабинет.

— Лейтенант лорд Майлз Форкосиган, сэр, — объявил их проводник, вытянувшись по стойке «смирно», — и... охрана.

У Майлза непроизвольно сжался кулак. Только барраярец способен короткой паузой между двумя словами выразить такой тонкий оттенок презрения. Он снова дома.

— Благодарю вас, сержант, вы свободны, — проговорил капитан, сидевший за пультом комм-устройства. На нем тоже была зеленая парадная форма — похоже, посольство поддерживало официальность.

Майлз с любопытством взглянул на человека, которому волей-неволей предстояло быть его новым командиром. Капитан ответил ему не менее пристальным взглядом.

Мужчина с необычной внешностью — хотя далеко не красавец. Темные волосы. Полузакрытые темно-карие глаза. Жесткий сдержанный рот, мясистый орлиный нос на

римском профиле, соответствующем офицерской стрижке. Толстоватые и аккуратные пальцы напряженно переплетены. Майлз решил, что ему чуть больше тридцати.

Но почему этот тип смотрит на него так, словно он щенок, только что напрудивший на ковер? Он ведь только что прилетел сюда... Ох, Боже, надеюсь он не из этих деревенщин, которые видят во мне мутанта, спасшегося после неудачного аборта...

— Итак, — проговорил капитан, со вздохом откидываясь на спинку кресла, — вы сын Великого, да?

Улыбка Майлза застыла. На глаза набежала пелена, кровь застучала в висках. Впившаяся в него взглядом Элли затаила дыхание. Майлз шевельнул губами... с трудом сглотнул.

— Да, сэр, — словно издалека услышал он свой ответ. — А вы кто такой?

Ему с величайшим трудом удалось не спросить: «А вы чей сын?» Никак нельзя допустить, чтобы вышла на поверхность ярость, стиснувшая ему сердце: ему придется работать с этим человеком. Возможно, он даже не имел намерения оскорбить Майлза: откуда этому незнакомцу знать, сколько сил и нервов пришлось ему потратить, чтобы снять обвинения в привилегированном положении, неверие в его способности? «Мутант находится здесь только потому, что папочка его устроил...» Он живо представил себе, как его отец парирует: «Ради Бога, парень, вытащи голову из задницы!» Он вложил всю свою ярость в один продолжительный выдох и наклонил голову.

— Ах да! — отозвался капитан. — Вы ведь разговаривали только с моим адъютантом. Я — капитан Дув Галени. Старший военный атташе посольства, являюсь здесь главой не только военной, но и Имперской службы безопасности. И, признаюсь, несколько изумлен, получив вас под свое командование. Мне не вполне ясно, что я должен с вами делать.

Акцент у него не деревенский: это голос образованного, хладнокровного и флегматичного горожанина. Но

Майлзу никак не удавалось привязать его к географии Барраяра.

— Меня это не удивляет, сэр, — сказал Майлз. — Я сам не ожидал, что мне придется делать доклад на Земле — и спустя столь долгое время. Первоначально предполагалось, что я вернусь с докладом в командование Имперской службы безопасности в секторе два, на Тау Кита — месяц тому назад. Но Свободный флот дендарийских наемников был выбит из пространства Махата Солярис внезапной атакой цетагандийцев. Поскольку нам не платят за то, чтобы мы вели военные действия против цетагандийцев, мы отступили. Кончилось все тем, что мы не смогли добраться обратно более коротким путем. Это буквально первая возможность сделать мой доклад после того, как мы высадили спасенных на их новой базе.

— Я не... — Капитан замолчал: губы у него дергались. Справившись с собой, он снова начал: — Я не знал, что побег с Дагулы был тайной операцией барраярской разведки. Ведь это очень близко к акту открытой агрессии против Цетагандийской империи?

— Именно по этой причине в ней были задействованы дендарийские наемники, сэр. Сначала считалось, что операция будет иметь несколько меньший масштаб, но события вышли из-под контроля. Если можно так выразиться, во время боя. — Стоявшая рядом с ним Элли продолжала смотреть прямо перед собой и даже не вздрогнула. — У меня... э-э... готов полный доклад.

Похоже, капитан ведет какую-то внутреннюю борьбу.

— И каковы отношения между Свободным флотом дендарийских наемников и Имперской службой безопасности, лейтенант? — спросил он наконец. В его голосе послышались вдруг жалостные нотки.

— Э-э... А что вы уже знаете, сэр?

Капитан Галени повернул руки ладонями вверх:

— Я и слыхом о них не слыхивал, пока вы вчера со мной не связались. Мои материалы — мои секретные материалы! — говорят о вашей организации всего три вещи: вас нельзя атаковать, на все неожиданные просьбы о

помощи необходимо по возможности быстро реагировать, и с вопросами о дальнейших действиях мне следует обращаться в штаб службы безопасности второго сектора.

— Понятно, — отозвался Майлз. — Все правильно. Это ведь посольство третьего класса, да? Э-э... ну, отношения относительно простые. Дендарийцев держат на договоре для операций высокой секретности, которые производятся либо за пределами юрисдикции Имперской службы безопасности, либо в том случае, если их авторство может оказаться компрометирующим с политической точки зрения. Дагула соответствовала обоим параметрам. Я получаю приказы генерального штаба — с ведома и согласия императора — непосредственно от шефа службы безопасности Иллиана. Так что цепочка командования получается очень короткой. Я — посредник и считаюсь единственным связующим звеном между флотом и Барраяром. Я выхожу из Имперского штаба лейтенантом Форкосиганом и возникаю — там, где это нужно, — в качестве адмирала Нейсмита, размахивая новым контрактом. Мы выполняем то, что нам поручено, а потом, с точки зрения дендарийцев, я исчезаю так же таинственно, как появился. Одному Богу известно, чем, по их мнению, я занимаюсь в свободное время.

— Вы это действительно хотели бы знать? — У Элли заблестели глаза.

— Потом, — бросил он ей.

Капитан нервно забарабанил пальцами по пульту комм-устройства.

— В вашем личном деле об этом ничего не говорится. Двадцать четыре года... не слишком ли вы молоды для вашего звания... э-э... адмирал?

Говорил он сухо, с некоторым презрением осматривая дендарийскую форму.

Майлз постарался игнорировать его тон.

— Это долгая история. Коммодор Танг, опытнейший дендарийский офицер, — наш мозг. Я просто играю свою роль.

У Элли от возмущения глаза полезли на лоб: бросив на нее суровый взгляд, Майлз мысленно приказал ей молчать.

— Вы делаете больше! — запротестовала она.

— Если вы — единственное связующее звено, — нахмурился Галени, — то кто же, черт побери, эта женщина?

Значит, он все-таки соизволил ее заметить.

— Ну, на случай непредвиденного поворота событий трое дендарийцев знают, кто я на самом деле. Командор Куин, присутствовавшая при зарождении этого мероприятия, относится к их числу. Согласно приказу Иллиана, меня всегда должен сопровождать охранник, так что командор Куин берет на себя эту функцию всякий раз, когда мне приходится менять обличье. Я ей полностью доверяю.

«Ты будешь относиться с уважением к моим людям, какого бы ты ни был мнения обо мне, черт бы подрал твои насмешливые глаза...»

— И сколько это уже длится, лейтенант?

Майлз взглянул на Элли:

— Семь лет, да?

Ясные глаза Элли опасно сверкнули:

— Кажется, это было только вчера, — проворковала она невозмутимо. Похоже, ей тоже трудно было игнорировать этот тон. Майлз только надеялся, что она не даст волю своему резкому юмору.

Капитан некоторое время рассматривал свои ногти, потом вскинул голову:

— Ну что ж, я свяжусь со штабом второго сектора, лейтенант. И если окажется, что это очередная шуточка лордика-фора, я приложу все силы, чтобы вы были привлечены за нее к ответу. Вне зависимости от того, кто ваш отец.

— Это истинная правда, сэр. Даю вам слово Форкосигана.

— Вот именно, — процедил сквозь зубы капитан Галени.

Взбешенный Майлз набрал побольше воздуха в легкие — и в этот момент наконец узнал акцент Галени.

— Вы... комаррец, сэр?

Галени настороженно кивнул. Подтолкнув Майлза в бок, Элли прошептала:

— Какого дьявола?..

— Позже, — чуть слышно ответил ей Майлз. — Внутренняя политика Барраяра.

— Мне надо будет записывать?

— Наверное. — Он заговорил громче. — Я должен связаться с моим непосредственным начальством, капитан Галени. Я понятия не имею, какой получу от них приказ.

Галени поджал губы и мягко заметил:

— Я ведь выше вас по званию, лейтенант Форкосиган.

И, решил про себя Майлз, ужасно задет тем, что выключен из привычной цепочки субординации... Но можно ли его в этом винить? Да, действовать надо деликатно...

— Конечно, сэр. Какие будут приказания?

Галени раздраженно сжал кулаки, иронически скривил губы:

— Полагаю, пока мы ждем инструкций, я должен включить вас в мой персонал. Третьим помощником военного атташе.

— Идеально, сэр, благодарю вас, — сказал Майлз. — Адмиралу Нейсмиту сейчас просто необходимо исчезнуть. Цетагандийцы назначили награду за его... мою голову — после Дагулы. Мне уже дважды везло.

Теперь уже настал черед Галени настороженно застыть.

— Вы шутите?

— У меня из-за этого четверо погибших и шестнадцать раненых, — чопорно отозвался Майлз. — Я не нахожу в этом ничего забавного.

— В таком случае, — мрачно проговорил Галени, — считайте, что ваши передвижения ограничены стенами посольства.

И ему не удастся увидеть Землю? Майлз удрученно вздохнул:

— Да, сэр. Если только командор Куин сможет осуществлять связь между мною и дендарийцами.

— Почему вам нужен контакт с дендарийцами?

— Это мои люди, сэр.

— Кажется, вы сказали, что у вас всем заправляет коммодор Танг?

— В настоящий момент он находится в увольнении. Но единственное, что мне нужно, прежде чем адмирал Нейсмит заползет в щель, это заплатить по кое-каким счетам. Если вы сможете дать мне авансом суммы, необходимые для текущих расходов, я могу завершить эту операцию.

Галени вздохнул, постукивая пальцами по кнопкам пульта.

— Содействие со всей возможной скоростью. Так. И сколько же им нужно?

— Примерно восемнадцать миллионов марок, сэр.

Пальцы Галени замерли.

— Лейтенант, — тщательно выговорил он, — это в десять раз превышает годовой бюджет посольства! В несколько десятков раз — бюджет моего отделения!

Майлз развел руками:

— Текущие расходы по содержанию пяти тысяч бойцов и техников и одиннадцати кораблей в течение свыше полугода плюс потери оборудования — мы потеряли на Дагуле чертову уйму оборудования, — денежное вознаграждение, питание, одежда, топливо, медицинские расходы, амуниция, ремонт... Я могу показать вам ведомости, сэр.

Галени откинулся на спинку стула.

— Несомненно. Но этим будет заниматься штаб сектора. Такого рода фондов здесь просто не существует.

Майлз покусал указательный палец.

— Эх! — (Вот именно: «Эх!» Паниковать нельзя...) — В таком случае, сэр, не могли бы вы как можно скорее запросить штаб сектора?

— Поверьте мне, лейтенант, я рассматриваю ваш перевод под командование кого-нибудь другого как приоритетное мероприятие. — Он встал. — Извините. Подождите меня здесь.

Капитан вышел из кабинета, озадаченно качая головой.

— Какого черта? — набросилась на него Элли. — Я уже решила, что ты этого типа сейчас на кусочки разорвешь, будь он хоть трижды капитан, а ты вдруг остановился. Что такого особенного в том, что он комаррец, — может, мне тоже им стать?

— Ничего особенного, — ответил Майлз. — Определенно ничего. Но в то же время нечто очень важное.

— Более важное, чем лорд-фор?

— Сейчас, как это ни странно, да. Послушай, ты знаешь, что Комарра была первым завоеванием Барраярской империи?

— Я думала, вы называете это «аннексией».

— «Как розу ты ни назови»... Мы захватили ее из-за п-в-туннелей: она сидела на нашем единственном выходе и душила нашу торговлю, но главное — из-за того, что Комарра за взятку согласилась пропустить цетагандийский флот, когда Цетаганда впервые попыталась аннексировать нас. Может, ты вспомнишь и то, кто был главным завоевателем?

— Твой отец. Тогда он был всего лишь адмиралом лордом Форкосиганом, и еще не был регентом. Там он и заработал свою репутацию.

— Ну да, даже несколько репутаций. Если хочешь увидеть, как у него дым валит из ноздрей, можешь прошептать ему «Мясник Комарры». Они ведь его так прозвали.

— Тридцать лет тому назад, Майлз. — Элли помолчала. — В этом была правда?

Майлз вздохнул:

— Что-то было. Я так никогда и не добился от него всей истории, но совершенно уверен, что все было не так, как написано в учебниках истории. В общем, завоевание Комарры пошло вразнос. В результате этого на четвертый год его регентства дела там совершенно вышли из-под контроля. С тех пор комаррские террористы не дают покоя имперской безопасности. Наверное, там довольно жестко навели порядок.

Короче, время шло, все немного улеглось, все излишне энергичные люди с обеих планет бросились колонизи-

ровать Зергияр. Среди либералов началось движение — возглавленное отцом — за полную интеграцию Комарры в рамках империи. Правое крыло Барраяра эту идею отнюдь не приветствует. Мой старик немного на этом зациклился: «Между геноцидом и справедливостью середины не существует», — продекламировал Майлз. — Так вот, путь к вершине классового, помешанного на армии общества Барраяра всегда шел через военную службу. Впервые для комаррцев ее открыли восемь лет тому назад.

Это означает, что все комаррцы, находящиеся в армии, сейчас под наблюдением. Им надо доказывать свою лояльность точно так же, как мне — мою... — он смутился, — мои способности. Из этого также следует, что если я работаю с комаррцем или под его началом и в один прекрасный день вдруг окажусь мертвым, то этот комаррец пропал. Поскольку мой отец — Мясник, никто не поверит, что это не месть.

И пропадет не только этот комаррец: на всех комаррцев имперской службы падет то же подозрение. Политика Барраяра будет отброшена на много лет назад. Если меня сейчас прикончат, — он беспомощно пожал плечами, — мой отец меня убьет.

— Надеюсь, ты это не планируешь, — с трудом выдавила Элли.

— А теперь посмотрим на это с точки зрения Галени, — поспешно продолжил Майлз. — Он — на имперской службе, он офицер, он служит в системе безопасности. Наверное, носом землю рыл, чтобы сюда попасть. Это очень доверенный пост для комаррца. Но это не ответственный пост, и не решающий. Важнейшая информация службы безопасности была от него скрыта — и тут являюсь я, тыкая его в это носом. А если кто-то из его семьи действительно участвовал в восстании на Комарре?.. Ну... и снова являюсь я. Сомневаюсь, чтобы он испытывал ко мне любовь, но охранять меня он будет как зеницу ока. А я, да поможет мне Бог, ему это позволю. Ситуация очень щекотливая.

Элли похлопала его по руке:

— Ты с ней справишься.

— Ох, Господи, — вдруг возопил он, утыкаясь лбом ей в плечо. — Я не получил денег для дендарийцев — и не получу еще неизвестно сколько... Что я скажу Ки? Я дал ему слово...

На этот раз она погладила его по голове, но ничего не ответила.

ГЛАВА 2

Майлз еще мгновение не отрывал лба от ее отглаженного мундира. Элли вдруг зашевелилась, словно потянулась к нему. Неужели обнимет? Майлз решил, что тут же заключит ее в объятия. И посмотрим, что будет...

За его спиной открылась дверь кабинета Галени. Они с Элли отпрянули друг от друга. Элли, встряхнув кудрями, вытянулась по стойке «смирно», а Майлз застыл на месте, мысленно посылая проклятия тому, кто их прервал.

Знакомый ленивый голос он узнал, даже не поворачиваясь:

— ...да, просто гениален, но дьявольски нервный. Так и кажется, что вот-вот рехнется. Осторожнее, когда он начинает говорить слишком быстро. Ага, это он, точно...

— Айвен, — выдохнул Майлз, закрывая глаза. Господи, чем я согрешил пред Тобою, что Ты послал мне Айвена...

Поскольку Господь не снизошел до ответа, Майлз, криво улыбаясь, повернулся к вошедшему. Элли нахмурилась и склонила голову набок, пытаясь понять что к чему.

Галени вернулся не один; он вел за собой высокого молодого лейтенанта. Как Айвен ни был ленив, он явно не пренебрегал гимнастикой: парадный мундир как влитой сидел на его атлетической фигуре. Добродушное лицо

с ясными, мужественными чертами обрамляли густые темные волосы, подстриженные не без щегольства. Майлз невольно взглянул на Элли. Благодаря лицу и фигуре Элли, как правило, заставляла всех окружающих блекнуть и выцветать на ее фоне, но, пожалуй, Айвен мог оказаться достойной рамой для этой картины — и даже не отодвинуться в тень.

— Привет, Майлз, — как ни в чем не бывало произнес Айвен. — Что ты здесь делаешь?

— Позволь задать тебе тот же вопрос, — отозвался Майлз.

— Я второй помощник военного атташе. Надо полагать, меня сюда направили, чтобы повысить мой культурный уровень. Земля, знаешь ли.

— О-о! — У Галени приподнялся уголок рта.— Так вот зачем вы здесь? А я-то никак не мог догадаться.

Айвен виновато усмехнулся.

— Как дела у нерегулярных? — спросил он у Майлза. — Твоему адмиралу Нейсмиту все еще удается ломать комедию?

— Не без труда, — отозвался Майлз. — Дендарийцы сейчас со мной. Они на орбите. — Он ткнул пальцем вверх. — Лопают харчи впустую, пока мы тут болтаем.

У Галени был такой вид, словно он съел лимон:

— Так об этой тайной операции известно всем, кроме меня? Форпатрил, у вас допуск не выше моего!

Айвен пожал плечами:

— Я просто уже с ними встречался. Семейное дело.

— Чертовы форы! — пробормотал Галени.

— Так вот оно что! — воскликнула Элли, словно ее вдруг осенило. — Так это ваш кузен Айвен! А я все гадала, на кого он похож.

Айвен, искоса поглядывавший на нее, весь подобрался, напоминая сделавшего стойку пойнтера. Ослепительно улыбнувшись, он склонился над ручкой Элли:

— Счастлив познакомиться с вами, миледи. Похоже, дендарийцы прогрессируют, если вы — их образчик. Прекраснейший, к слову сказать.

Элли отняла у него руку:

— Мы уже встречались.

— Не может быть! Я не забыл бы ваше лицо!

— А у меня не было лица. Насколько я помню, вы выразились примерно так: «Голова как луковица». — Глаза Элли сверкнули. — Поскольку я в тот момент была слепа, я и понятия не имела, как ужасно выглядит пластикожа. Пока вы мне не сказали. Майлз об этом умолчал, конечно.

Улыбка Айвена завяла.

— А-а... Леди с плазменным ожогом.

Майлз радостно ухмыльнулся и придвинулся к Элли, которая уверенно взяла его под руку, одарив Айвена холодной улыбкой. Айвен, стараясь погибать с достоинством, перевел глаза на капитана Галени.

— Поскольку вы друг друга знаете, лейтенант Форкосиган, я даю лейтенанту Форпатрилу поручение взять вас на буксир и познакомить с посольством и вашими обязанностями, — заявил Галени. — Фор вы или не фор, но пока император вам платит, он должен хоть как-то вас использовать. Я надеюсь в ближайшее время получить разъяснения относительно вашего статуса.

— А я надеюсь, в свою очередь, что плата дендарийцам прибудет не менее оперативно, — отозвался Майлз.

— Ваша... охрана здесь вам не понадобится. Если по какой-либо причине вам придется выйти за пределы посольства, я дам вам одного из моих людей.

— Да, сэр, — вздохнул Майлз. — Но все же мне надо иметь под рукой хоть какую-то возможность выйти на связь с дендарийцами. Мало ли что случится.

— Я распоряжусь, чтобы командор Куин перед своим уходом получила шифрованный комм-канал. На самом деле... — тут Галени прикоснулся к пульту своего комм-устройства: — Сержант Барт?

— Да, сэр? — отозвался голос.

— У вас уже готов этот комм-канал?

— Как раз кончил настройку, сэр.

— Хорошо, несите передатчик сюда.

Появился Барт, по-прежнему одетый в штатское. Галени выпроводил Элли:

— Сержант Барт выведет вас из помещений посольства, командор Куин.

Она обернулась, и Майлз успокаивающе махнул ей рукой.

— Что сказать дендарийцам?

— Скажите... скажите им, что деньги пересылаются, — крикнул Майлз. И двери с шипением сомкнулись.

Галени вернулся к комм-устройству, где мигающая лампочка все еще ждала его ответа.

— Форпатрил, пожалуйста, в первую очередь позаботьтесь о том, чтобы избавить вашего кузена от этого... костюма и сменить его на мундир.

«Вас немного пугает адмирал Нейсмит... Самую чуточку, не так ли, сэр?» — раздраженно подумал Майлз.

— Форма дендарийцев настолько же законна, как и ваша собственная, сэр.

Галени холодно взглянул на него поверх мигающей пластины комм-устройства.

— Откуда мне знать, лейтенант? Отец в детстве надарил мне кучу игрушечных солдатиков. Можете идти.

Кипя, Майлз дождался, чтобы за ним задвинулись двери, а потом сорвал с себя серый с белым китель и швырнул на пол.

— Костюм! Игрушечные солдатики! Знаешь, я прикончу этого сукина сына комаррца!

— Ох! — отозвался Айвен. — Что это мы сегодня такие обидчивые?

— Ты же слышал его!

— Угу... Галени нормальный. Может, немного зациклен на уставе. Тут в каждом углу системы дюжина самозваных наемников. Некоторые с трудом балансируют на грани дозволенного. Откуда ему знать, что твои дендарийцы не угонщики?

Майлз поднял китель, отряхнул его и аккуратно перекинул через руку.

— Как же!

— Ну-ну. — Айвен благодушно покачал головой. — Пошли в каптерку и выберем тебе обмундирование.

— Там найдется мой размер?

— С тебя снимут лазерную мерку и выдадут мундир по фигуре, сшитый компьютером, как в твоем сверхдорогом ателье в Форбарр-Султане. Это же Земля, сынок.

— Мой портной на Барраяре шьет на меня уже десять лет. Он знает такие уловки, каких не найдешь ни в одном компьютере... Ну, наверное, я это вынесу. А посольский компьютер гражданское шьет?

Айвен скорчил рожу:

— Только на стариков и бюрократов. Если хочешь удивить местных девочек, придется искать портного на стороне.

— Имея Галени в качестве дуэньи, вряд ли я сунусь куда-нибудь еще, — вздохнул Майлз. — Придется обойтись тем, что сыщу здесь.

Майлз скосил глаза на рукав зеленого кителя барраярской парадной формы, поправил отворот и вздернул подбородок, чтобы не так давил воротник. Он уже забыл, как неудобен ему, с его короткой шеей, этот проклятый высокий воротник. Впереди красные кубики лейтенантских нашивок врезались в скулы, сзади защемило неподстриженные волосы. И в сапогах жарко. Кость, которую он сломал на Дагуле, ныла даже после того, как ее заново сломали, выправили и подвергли электростимуляции.

И все же зеленый мундир означал дом. Его истинное «я». Может быть, пора отдохнуть от адмирала Нейсмита и безумной ответственности и вспомнить более приемлемые трудности лейтенанта Форкосигана, единственная задача которого — ознакомиться с распорядком одной небольшой конторы и вытерпеть общение с Айвеном Форпатрилом. Дендарийцам не нужны его внимание и нежная забота во время отдыха и ремонта, да и вряд ли сыщутся более подходящие условия для полного и благополучного исчезновения адмирала Нейсмита.

Айвену был отведен крохотный кабинетик без окон в самом центре посольства: ему было поручено скармливать компьютеру сотни дискет. Машина выжимала из них еженедельный доклад о положении на Земле, отсылаемый затем шефу службы безопасности Иллиану и генштабу на Барраяре, где, как полагал Майлз, он координировался с сотнями других подобных докладов, образуя так называемое барраярское видение Вселенной. Майлз отчаянно надеялся, что Айвен не складывает килотонны с мегаваттами.

— В основном это все официальная статистика, — объяснял Айвен, сидя перед пультом. Ему каким-то образом удавалось выглядеть непринужденно даже в парадном мундире. — Изменения рождаемости, данные сельского и промышленного производства, опубликованные сведения по военным бюджетам... Компьютер складывает их шестнадцатью разными способами и дает сигнал тревоги, когда что-то не совпадает. Поскольку у всех, кто поставляет эти цифры, свои компьютеры, это случается нечасто. Галени говорит, что всякая ложь убедительно обработана еще до того, как попасть к нам. А всего важнее для Барраяра сообщения о кораблях, входящих в местное пространство или выходящих из него. Потом есть еще шпионская работа. На Земле — несколько сот людей, за которыми по той или иной причине пытается проследить посольство. Одна из самых крупных групп — комаррские диссиденты.

По взмаху руки Айвена над пластиной видеоустройства возникло несколько десятков лиц.

— Ого! — невольно заинтересовался Майлз. — И у Галени с ними секретные контакты? Его поэтому сюда назначили? Двойной агент — тройной агент...

— Готов поспорить, что Иллиан хотел именно этого, — заметил Айвен. — Но, насколько я знаю, все сторонятся Галени, как прокаженного. Коллаборационист и все такое прочее.

— Но эти эмигранты с Комарры не могут представлять опасности для Барраяра — спустя столько времени и на таком расстоянии.

— Дело в том, что некоторые из них оказались весьма смышлеными ребятами: успели спасти свои денежки. Некоторые финансировали комаррское восстание во время регентства — теперь они почти нищие. И они стареют. Еще лет тридцать — и благодаря политике интеграции, которую проводит твой отец, эти люди сойдут со сцены. Так, во всяком случае, говорит Галени.

Айвен взял со стола еще одну дискету:

— А вот теперь переходим к самому важному: слежке за другими посольствами. Например, цетагандийским.

— Надеюсь, они на другой стороне планеты! — взмолился Майлз.

— Нет. Большая часть галактических посольств и консульств находится прямо здесь, в Лондоне. Так гораздо удобнее следить друг за другом.

— О боги! — простонал Майлз. — Не говори мне, что они напротив через улицу или еще что-то в этом роде!

Айвен ухмыльнулся:

— Почти. Цетагандийцы в паре километров отсюда. Мы ходим друг к другу на приемы, чтобы поупражняться в ехидстве и поиграть в «а я знаю, что ты знаешь, что я знаю».

Майлз застыл, учащенно дыша:

— Вот дерьмо!

— Что с тобой, кузенчик?

— Эти люди пытаются меня убить!

— Нет, не пытаются. Это означало бы начать войну. У нас сейчас с ними нечто вроде мира — забыл?

— Ну, они пытаются убить адмирала Нейсмита.

— Который вчера исчез.

— Угу, но... Одна из причин, из-за чего столько продержалась вся эта штука с дендарийцами, — расстояние. Адмирал Нейсмит и лейтенант Форкосиган не приближались друг к другу и на сто световых лет. Мы еще никогда не оказывались на одной и той же планете, не то что в одном городе!

— Но если твоя дендарийская форма в шкафу, как можно определить, что Форкосиган и Нейсмит — один и тот же человек?

— Айвен, сколько на этой чертовой планете темноволосых сероглазых горбунов ростом метр сорок? Ты что, на каждом углу спотыкаешься о дерганых карликов?

— На планете с населением в девять миллиардов, — спокойно ответил Айвен, — всякой твари по паре, а то и по шесть штук. Успокойся. — Он помолчал. — Знаешь, я впервые слышу, чтобы ты произнес это слово.

— Какое?

— Горбун. Ты ведь не горбун, Майлз. — Айвен следил за ним с тревогой и сочувствием.

Майлз сжал кулак, потом резко разжал его, словно отбрасывая что-то:

— Короче: цетагандийцы. Если у них есть человек, занимающийся тем, чем занимаешься ты...

Айвен кивнул:

— Я его видел. Его зовут гем-лейтенант Табор.

— Тогда им известно, что дендарийцы сейчас здесь, и адмирал Нейсмит тоже. У них, наверное, есть список всего, что мы заказали по комм-сети. Или скоро будет — когда они начнут нами заниматься.

— Может, они и следят за вами, но приказы сверху цетагандийцы получают не быстрее нашего, — резонно возразил Айвен. — Да и вообще у них нехватка персонала. Наш персонал службы безопасности вчетверо больше, чем у них, — из-за комаррцев. Хоть это и Земля, но все равно земные посольства — вещь второсортная, для них еще больше, чем для нас. Не дрейфь! — Айвен картинно выпрямился в кресле, скрестив руки на груди. — Твой кузен защитит тебя!

— Ах как утешительно, — пробормотал Майлз.

В ответ на этот сарказм Айвен только ухмыльнулся и снова принялся за работу.

В тихой, скучной комнатке день тянулся бесконечно. Майлз вдруг обнаружил, что его клаустрофобия принима-

ет чудовищные размеры. Он то совался зачем-нибудь к Айвену, то метался от стены к стене.

— Знаешь, то, что ты делаешь, можно сделать вдвое быстрее, — заметил Майлз Айвену, возившемуся со своим отчетом.

— Но тогда я закончу его еще до ленча, — объяснил Айвен, — и мне нечего будет делать. Вообще.

— Наверняка Галени что-нибудь придумает.

— Именно этого я и боюсь. И без того конец рабочего дня наступает достаточно быстро. А потом мы идем на прием.

— Нет, это ты идешь на прием. А я иду к себе в комнату, согласно приказанию. Может, там наконец-то высплюсь.

— Правильно. Во всем нужно видеть светлые стороны, — одобрил его Айвен. — Если хочешь, я позанимаюсь с тобой в гимнастическом зале посольства: ты что-то неважно выглядишь. Бледный какой-то и... э-э... бледный.

«Старый, — подумал Майлз. — Вот что ты побоялся сказать». Он взглянул на свое искаженное отражение в хромированной пластине комм-пульта. Неужели дела настолько плохи?

— Физические упражнения, — Айвен важно постучал себя по груди, — пойдут тебе на пользу.

— Еще бы, — пробормотал Майлз.

Распорядок дня установился быстро. Айвен будил Майлза — они жили в одной комнате, — потом занятия в гимнастическом зале, душ, завтрак... И работа в пункте сбора данных. Майлз уже начал думать, что ему больше не увидеть прекрасный солнечный свет Земли. По прошествии трех дней он взял на себя загрузку компьютера и теперь заканчивал работу в полдень, чтобы во второй половине дня читать и заниматься. Майлз с жадностью поглощал все: правила посольской деятельности и устав разведки, историю Земли, галактические новости... В конце дня они с Айвеном устраивали себе еще одну раз-

минку в гимнастическом зале. В те вечера, когда Айвен оставался дома, Майлз смотрел с ним вид-мелодрамы, а когда его не было — путешествия по всем тем интересным местам, куда его не пускали.

Элли ежедневно связывалась с ним по зашифрованному комм-каналу, сообщая о дендарийском флоте, попрежнему остававшемуся на орбите. Наедине с этим комм-устройством Майлз испытывал все большую жажду слышать голос Элли. Ее доклады были сжатыми, но потом они принимались болтать о пустяках, и Майлзу становилось все труднее отключать связь, а Элли никогда не делала этого первой. Он предавался фантазиям, как будет ухаживать за ней в своем истинном обличье, потому что как знать, согласится ли блистательный командор встречаться с каким-то там лейтенантишкой? Да и понравится ли Элли вообще лорд Форкосиган? И разрешит ли ему Галени выйти из посольства, чтобы он смог наконец это выяснить?

Майлз решил, что десять дней добродетельной жизни, физических упражнений и регулярного распорядка дня не пошли ему на пользу. В нем скопилось слишком много энергии. Она не находила никакого выхода в обездвиженном лорде Форкосигане — и это в то время, когда дел, требующих внимания адмирала Нейсмита, становилось все больше, и больше, и больше...

— Ты перестанешь дергаться, Майлз? — не выдержал Айвен. — Сядь. Дыши глубже. Посиди неподвижно хоть пять минут. Ты сможешь, если постараешься.

Майлз сделал еще круг по компьютерному залу, потом бросился в кресло.

— Почему Галени до сих пор меня не вызвал? Курьер из штаб-квартиры сектора вернулся час назад!

— Ну так дай человеку сходить в туалет и выпить чашку кофе! Дай Галени прочесть сообщения. Сейчас нет войны, у всех масса времени, и все сидят и строчат рапорты. Люди обидятся, если никто не станет их читать.

— В том-то и беда войск, находящихся на содержании, — усмехнулся Майлз. — Вы избаловались. Вам платят за то, чтобы вы не воевали.

— А разве не существовало флота наемников, который занимался тем же самым? Они выходили на орбиту вокруг какой-нибудь планеты — и получали деньги за то, что не будут вести боевые действия. Кажется, у них это получалось, да? Ты просто недостаточно творчески мыслишь, Майлз. С такими взглядами тебе подобает занимать место командующего наемников.

— Угу, флот Ла-Варра. У него это неплохо получалось — пока их не поймали космические силы Тау Кита. И тогда Ла-Варр попал в дезинтеграционную камеру.

— У тау-китян нет чувства юмора.

— Абсолютно никакого, — согласился Майлз. — И у моего отца тоже.

— Ах, как это верно! Ну...

Замигал вызов комм-устройства. Майлз так стремительно бросился к нему, что Айвен еле успел посторониться.

— Да, сэр? — взволнованно спросил Майлз.

— Зайдите ко мне в кабинет, лейтенант Форкосиган, — неторопливо произнес Галени. Его лицо было мрачно-бесстрастным, как обычно. На нем ничего нельзя было прочесть.

— Да, сэр, спасибо, сэр. — Майлз отключил комм и метнулся к двери. — Наконец-то мои восемнадцать миллионов марок!

— Возможно, — любезно согласился Айвен. — Или он придумал для тебя работу в отделе инвентаризации. Может, тебе поручат пересчитать золотых рыбок в фонтане приемной.

— О, я не сомневаюсь!

— Но это по-настоящему трудная задача, Майлз! Они же все время плавают.

— Неужели? — Майлз приостановился, глаза его заблестели. — Айвен, он и вправду заставлял тебя это делать?

— Это было связано с поисками источника утечки информации, — объяснил Айвен. — А вообще — долгая история.

— Не сомневаюсь. — Майлз выбил короткую дробь по крышке стола и одним махом перелетел через него. — Потом. Меня нет.

Когда Майлз вошел, капитан Галени сидел, с сомнением глядя на экран своего комм-устройства, словно сообщение по-прежнему оставалось шифрованным.

— Сэр?

— Гм. — Галени откинулся на спинку кресла. — Ну что же, лейтенант Форкосиган, штаб прислал приказ относительно вас.

— И?

Галени сжал губы:

— И они подтвердили, что вы временно находитесь у меня в подчинении. Теперь вы имеете право получать ваше лейтенантское содержание из моих фондов — начиная с первого дня из десяти минувших суток. Что до остальных приказаний, лейтенант, они звучат точно так же, как те, что были даны в отношении Форпатрила. По правде говоря, они словно списаны с них, только имя другое. Вы должны помогать мне по мере необходимости, находиться в распоряжении посла и его супруги в качестве сопровождающего и, если позволит время, пользоваться уникальными возможностями для пополнения образования, которые предоставляет вам Земля, — разумеется в соответствии с вашим положением офицера имперских вооруженных сил и лорда-фора.

— Что? Не может быть! Что такое, к черту, «сопровождающий»?

(Звучит чуть ли не как мальчик на побегушках!)

Уголок губ Галени приподнялся в чуть заметной улыбке.

— Сопровождающие стоят в парадной форме на официальных приемах и демонстрируют аборигенам, что та-

кое «фор». Удивительно, сколько людей считают, что аристократия — пусть даже аристократия с другой планеты — это потрясающе интересно. — Тон Галени показывал, что он находит этот интерес действительно удивительным. — Вы будете есть, пить, возможно, танцевать... — На секунду в голосе капитана послышалось сомнение. — И вообще вы будете изысканно любезны со всеми, на кого посол желает... э-э... произвести впечатление. Иногда вас будут просить запоминать разговоры и пересказывать их. Форпатрил неплохо с этим справляется, к моему глубокому удивлению. Он расскажет вам об этом подробнее.

«Мне не нужны подсказки Айвена относительно того, как вести себя в обществе, — подумал Майлз. — И форы — это каста военных, а не аристократия. Что там нашло на штабистов? Даже для них это на редкость глупо».

Однако если для дендарийцев нет нового поручения, почему бы и не придать сыну лорда Форкосигана немного дипломатического лоска? Ему суждено занять со временем высочайшие посты, и вряд ли его подвергнут менее изощренной светской муштре, нежели Айвена. Дело не в содержании приказа. Таким... странным ему кажется все, обращенное только к лейтенанту Форкосигану, все игнорирующее адмирала Нейсмита.

И все-таки. Пересказывать разговоры. Может, это начало какого-то особого задания? И вскоре придут подробные разъяснения?

Майлзу даже думать не хотелось, что в генштабе могли вообще прикрыть тайную работу с дендарийцами.

— Что ж... — через силу согласился он. — Пусть будет так.

— Я счастлив, — пробормотал Галени, — что полученный приказ пришелся вам по вкусу, лейтенант.

Майлз покраснел и крепко сжал губы. Только бы суметь помочь дендарийцам. Остальное не имеет значения.

— А мои восемнадцать миллионов марок, сэр? — спросил он, постаравшись, чтобы на сей раз голос его звучал как можно смиреннее.

Галени побарабанил пальцами по столу.

— Такого распоряжения курьер не привез, лейтенант. И никакого упоминания о деньгах.

— Что?! — вскрикнул Майлз. — Не может быть! — Он чуть не препрыгнул через стол Галени, чтобы своими глазами увидеть вид-послание, и лишь в последнюю секунду остановился. — Я рассчитывал на десять дней, чтобы все... — Его мозг отбросил ненужные данные, замельтешившие в сознании: топливо, плата за место на орбитальной станции, новое оснащение, медицинское и стоматологическое обслуживание, истощившиеся запасы оружия, плата людям, оборот, ликвидность, свобода финансового маневра... — Проклятие! Мы же рисковали жизнью ради Барраяра! Они не могли... Это ошибка!

Галени беспомощно развел руками:

— Несомненно. Но исправить ее я не в силах.

— Отправьте нового курьера, сэр!

— О, конечно.

— Или еще лучше: отправьте вместо курьера меня. Если я лично поговорю со штабом...

— Гм-м... — Галени прикусил губу. — Соблазнительная идея... Нет, не могу. Приказ относительно вас был абсолютно ясен. Дендарийцам придется дождаться следующего курьера. Если дела обстоят так, как вы утверждаете, — смысл его слов от Майлза не укрылся, — то я уверен, все уладится.

Майлз ждал бесконечно долгие секунды, но Галени молчал.

— Да, сэр. — Машинально отдав честь, Майлз повернулся кругом. Десять дней... Еще десять дней... По крайней мере десять дней...

Они смогут переждать их. К тому времени у штаба должен наконец заработать его коллективный мозг.

Самой высокой по рангу гостьей на приеме в этот день была посланница Тау Кита. Это была стройная женщина, неопределенного возраста, с изумительным ли-

цом и проницательным взглядом. Майлз подозревал, что ее разговор освежил бы и развлек его — политичный, тонкий, блестящий, как и сама гостья. К сожалению, посол Барраяра монополизировал ее внимание. Майлз сомневался, чтобы ему представился шанс перемолвиться с нею хоть словом.

Дама преклонных лет, к которой приставили Майлза, считалась важной персоной благодаря своему мужу, мэру Лондона, которого занимала сейчас жена посла. Супруга мэра была способна болтать беспрерывно, главным образом о нарядах остальных гостей. Проходящий мимо слуга с военной выправкой (вся прислуга посольства относилась к департаменту Галени) поднес Майлзу на золотом подносе бокал с соломенного цвета жидкостью, и тот жадно за него схватился. Пара таких бокалов — и, с его восприимчивостью к алкоголю, он отупеет настолько, что сможет вытерпеть даже это. Разве не от таких вот мертвенно официальных приемов он с величайшим трудом вырвался на имперскую службу, несмотря на свое увечье? Хотя проглоти он больше трех бокалов — и не миновать ему заснуть вот на этом узорном паркете, с глупейшей улыбкой на лице. И проснуться потом в куче неприятностей.

Майлз сделал большой глоток — и чуть не подавился. Яблочный сок!.. Черт побери, Галени свое дело знает. Украдкой осмотревшись, Майлз убедился, что гостям подали настоящее вино. Он оттянул пальцем высокий воротник кителя и вымученно улыбнулся.

— Вам не нравится вино, лорд Форкосиган? — обеспокоенно спросила пожилая дама.

— Выдержка маловата, — пробормотал Майлз. — Придется подсказать послу, чтобы этот сорт подольше держали в подвалах.

Например, до тех пор, пока я не улечу отсюда...

Главный зал приемов с высоким застекленным потолком был окружен изящными стрельчатыми арками. Казалось, голоса должны отдаваться в нем, как в концертном зале, но резонанс был явно слабоват для такого помещения. Видимо, где-то спрятаны звукопоглотители, решил

Майлз. Если известно, где надо остановиться, можешь попасть в конус секретности, предотвращающий подслушивание. На всякий случай (кто его знает, что окажется полезным в будущем) Майлз постарался запомнить, где стоят послы Барраяра и Тау Кита. Да, скорее всего его догадка верна. Даже движения их губ почему-то кажутся туманными и расплывчатыми. А ведь скоро будут пересматриваться договоры о праве пролета через местное пространство Тау Кита.

Майлз и его подопечная прошли к архитектурному центру комнаты, фонтану с бассейном. Он представлял собой скульптуру с медленно струящейся водой, окруженную тщательно подобранными по цвету мхами и папоротниками. В темной воде таинственно двигались золотисто-красные тени.

Майлз напряженно застыл — и тотчас заставил себя расслабиться. К ним с отрепетированной улыбкой приближался молодой человек в черной цетагандийской парадной форме с желтым и черным гримом гем-лейтенанта. Они обменялись натянутыми кивками.

— Добро пожаловать на Землю, лорд Форкосиган, — вежливо произнес цетагандиец. — Это официальный визит или вы путешествуете, чтобы завершить образование?

— Отчасти то, отчасти другое, — небрежно пожал плечами Майлз. — Я приписан к посольству для... э-э... расширения кругозора. Но боюсь, в отличие от вас, я не знаю, с кем имею честь говорить, сэр.

На самом деле Майлзу чуть ли не в первую очередь показали присутствовавших здесь обоих цетагандийцев в военной форме, и еще двоих, которые пришли в штатском, плюс три личности, подозреваемые в тайных связях с цетагандийцами.

— Гем-лейтенант Табор, военный атташе цетагандийского посольства, — представился Майлзу его собеседник. Они снова обменялись кивками. — Надолго к нам, милорд?

— Пока не знаю. А вы?

— Я в качестве хобби выбрал искусство бонсай. Говорят, древние японцы работали над одним деревом до сотни лет. Или им это только казалось?

Майлз заподозрил, что Табор шутит, но лицо лейтенанта оставалось таким бесстрастным, что невозможно было сказать наверняка. Может, он боялся, что его грим растрескается?

В эту минуту внимание обоих привлек мягкий мелодичный смех, раздавшийся с противоположной стороны фонтана. Айвен Форпатрил, опираясь на хромированные перила, наклонил свою темноволосую голову к прелестному белокурому созданию. На девушке было нечто розовое и серебряное, колыхавшееся и переливавшееся даже тогда, когда она стояла неподвижно. Искусно безыскусные локоны падали на белые плечи. Смеясь, она взмахнула рукой, и ногти ее блеснули серебром.

Табор издал чуть слышный стон досады и, коснувшись губами пальчиков матроны, направился туда, откуда доносился смех. Вскоре Майлз увидел его на противоположной стороне фонтана: он старался встать как можно ближе к Айвену. Майлз был совершенно уверен, что гем-лейтенанта интересовали не военные тайны. И лейтенант Форкосиган тоже, кажется, не заинтересовал его. Тут охоту Табора за блондинкой прервал сигнал его посла, и он вынужден был уйти следом за своим господином.

— Такой милый молодой человек, этот лорд Форпатрил, — проворковала матрона. — Он всем здесь очень нравится. Супруга посла сказала, вы с ним в родстве?

И она вопросительно склонила голову, сверкая любопытными глазками.

— Мы сколько-то-юродные братья, — объяснил Майлз. — Э-э... а кто эта молодая леди рядом с Айвеном?

Матрона гордо улыбнулась:

— Это моя дочь, Сильвет.

Ну конечно — дочь. Посол и его супруга по-барраярски чувствительны к общественному положению окружающих. Майлз, принадлежащий к старшей ветви семьи,

к тому же сын премьер-министра графа Форкосигана — персона несравненно более значительная, нежели Айвен Форпатрил. А это значит — о Господи! — что он обречен. Ему все время будут доставаться важные матроны, а Айвену посчастливится развлекать их дочек...

— Прекрасная пара, — хрипло выговорил Майлз.

— Да, правда? А все-таки насколько в близком родстве вы с ним, лорд Форкосиган?

— Э?.. Мы с Айвеном? Наши бабушки — сестры. Моя была старшей дочерью принца Ксава, а бабушка Айвена — младшей.

— Принцессы? Как романтично!

Майлз подумал было, не рассказать ли этой любознательной особе, как бабушку, ее брата и большинство детей искрошили в мясной фарш во время правления императора Ури Безумного. Нет, супруга мэра сочтет эту историю всего лишь потрясающим романом ужасов или — того хуже — романтичной сказкой. Маловероятно, чтобы до нее дошла истина. А истиной была безобразная тупость политики Ури, последствия которой волнами разошлись во все стороны, до сих пор коверкая жизнь Барраяра.

— У лорда Форпатрила есть замок? — лукаво осведомилась пожилая дама.

— О нет. У его матери, моей тетки Форпатрил, — (вот уж кто настоящая акула — проглотила бы тебя одним мигом!) — очень милый дом в столице, Форбарр-Султане. — Майлз помолчал. — Мы когда-то владели замком. Но его сожгли в конце эпохи Изоляции.

— Развалины замка! Да ведь это почти так же прекрасно!

— Дьявольски живописные, — всерьез заверил ее Майлз.

Кто-то оставил тарелочку с недоеденными закусками на краю фонтана. Майлз взял рогалик и начал крошить его в воду. Золотые рыбки медленно подплывали к поверхности и беззвучно заглатывали крошки.

Одна из них отказалась реагировать на приманку и осталась лежать на дне. Как интересно: золотая рыбка, которая не ест. Ну вот и объяснение пересчета рыбок, порученного Айвену. А вдруг эта упрямица — дьявольское изобретение цетагандийцев, и чешуя у нее блестит золотом, потому что именно из него изготовлена?

Он может с кошачьей стремительностью схватить ее, раздавить каблуком и с торжествующим воплем вскинуть над головой для всеобщего обозрения ее механические потроха: «Ах! Благодаря моей сообразительности я обнаружил среди вас шпиона!»

Но если его догадка ошибочна... Под ногой что-то хлюпнет, матрона отшатнется, и сын премьер-министра Барраяра приобретет репутацию молодого человека с серьезными проблемами в области психики... Майлз представил себе, как с хохотом выкрикивает ужаснувшейся женщине, поскальзываясь на рыбьих кишках: «Вы бы видели, что я делаю с котятами!»

Большая золотая рыбка наконец лениво всплыла и схватила крошку, так плеснув хвостом, что обрызгала Майлзу начищенные до зеркального блеска сапоги. «Спасибо тебе, рыбка, — мысленно поблагодарил ее Майлз. — Ты спасла меня от жуткой глупости». Но, конечно, если цетагандийские мастера действительно хитроумны, они могут смастерить рыбку, которая бы ела и даже немножко гадила...

Супруга мэра задала еще один наводящий вопрос относительно Айвена, но Майлз, поглощенный своей рыбкой, промурлыкал невпопад:

— Да, такая неприятность — эта болезнь Айвена! — Он уже готовился разразиться монологом, порочащим гены Айвена, — упомянуть кровосмесительные браки аристократии, радиационное заражение, оставшееся после Первой цетагандийской войны, и императора Ури Безумного, но тут в кармане пискнуло комм-устройство.

— Прошу извинить, мадам, меня вызывают.

«Благослови тебя Бог, Элли», — подумал Майлз, скользя по паркету прочь от словоохотливой дамы, в

поисках тихого уголка, где можно ответить на вызов комма. На галерее, в незанятой нише, скрытой зеленью, Майлз включил связь.

— Да, командор Куин?

— Майлз! Слава Богу! — Элли явно запыхалась. — Кажется, у нас тут сложилась Неприятная Ситуация, а ты — ближайший к месту офицер-дендариец.

— Что еще за ситуация? — Майлзу не нравились слова, начинающиеся с прописной буквы. Элли не склонна к панике или преувеличениям. У него тревожно засосало под ложечкой.

— Я не смогла добиться подробностей, но, похоже, четверо наших солдат, находившихся в Лондоне в увольнении, забаррикадировались в каком-то магазине с заложниками и оказывают сопротивление полиции. Они вооружены.

— Наши парни или полиция?

— К сожалению, и те, и другие. Офицер полиции, с которым я говорила, отвечал мне так, словно готов сию же минуту разбрызгать кровь по стенам.

— Час от часу не легче. И какого черта им это понадобилось?

— Понятия не имею. Я сейчас на орбите и готовлюсь спуститься, но это не раньше чем через сорок пять минут — или даже через час. Танг еще дальше — ему пришлось бы совершить двухчасовой суборбитальный перелет из Бразилии. Но ты, кажется, сможешь быть там примерно через десять минут. Даю адрес.

— Кто позволил нашим людям вынести оружие с корабля?

— Хороший вопрос, но ответ мы получим только при вскрытии. Надеюсь, в переносном смысле этого слова, — мрачно добавила Элли. — Ты сможешь найти магазин?

Майлз взглянул на адрес на экране комм-устройства.

— Думаю, что смогу. Увижусь с тобой там.

Каким-то образом...

— Хорошо. Куин связь закончила.

И комм-канал отключился.

ГЛАВА 3

Майлз спрятал комм-устройство в карман и оглядел зал. Прием был в самом разгаре. В зале толпилось, наверное, не меньше сотни роскошно одетых людей. Моды Земли и галактики просто ослепляли. Немало было и военных мундиров. Кое-кто, впрочем, собирался уходить, и приставленные к гостям барраярцы проводили их через охрану. Цетагандийцы, похоже, уже исчезли, прихватив с собой своих друзей. Кажется, его побег удастся...

Айвен по-прежнему болтал у фонтана со своей прекрасной подопечной. Майлз безжалостно прервал их.

— Айвен! Жди меня у главного выхода через пять минут.

— Что?!

— Чрезвычайная ситуация. Объясню потом.

— Что за... — начал было Айвен, но Майлз уже выскользнул из комнаты. Он пробирался к шахтам внутренних лифтов, делая огромное усилие, чтобы не пуститься бегом.

Когда за ним закрылась дверь их с Айвеном комнаты, он лихорадочно стянул с себя зеленый парадный мундир, сорвал сапоги и метнулся к шкафу. Вытащив оттуда черную футболку и серые брюки дендарийской формы, он напялил их на себя. Барраярские сапоги пришли из кавалерии, дендарийские происходили от пехотных ботинок. Барраярская обувь удобна, когда имеешь дело с лошадьми, но Майлз так и не смог внушить это Элли. Ей бы потрястись пару часов в седле, по пересеченной местности, чтобы бедра огнем горели от кровавых мозолей, тогда она убедится, что фасон обуви — это не прихоть и не кокетство. Хотя здесь лошадей как будто нет.

Майлз запечатал боевые башмаки дендарийцев и, включив максимальную скорость спуска в лифтовой шахте, на лету поправил серый с белым китель. Приземлившись, он одернул его, поднял подбородок и сделал глубокий вдох. Если дышишь, как загнанная лошадь, тебя

наверняка заметят. Майлз прошел коридором к главному выходу, миновав зал приемов. Слава Богу, цетагандийцев по-прежнему не видно.

Айвен изумленно раскрыл глаза, увидев приближающегося Майлза. Ослепительно улыбнувшись своей блондинке, он извинился и, прижав Майлза спиной к какой-то пальме в горшке, чтобы скрыть от посторонних глаз, прошипел:

— Какого дьявола?

— Ты должен меня отсюда вывести. Мимо охраны.

— О нет, я ничего тебе не должен! Галени из моей шкуры коврик сделает, если увидит тебя в этом наряде.

— Айвен, у меня нет ни секунды на споры и объяснения — именно поэтому я действую в обход Галени. Куин не стала бы меня вызывать, если бы я не был нужен позарез. Мне надо покинуть посольство сейчас же!

— Ты окажешься в самоволке!

— Если меня поймают. Скажи им... скажи, что я ушел к себе из-за боли в костях.

— У тебя что, снова разыгрался суставный остит? Спорим, врач посольства найдет тебе такое противовоспалительное...

— Нет-нет... Не больше обычного, но это хоть что-то, хоть какая-то зацепка. Есть шанс, что тебе поверят. Пошли. Захвати ее. — Майлз подбородком указал на Сильвет, которая ждала поодаль, во все глаза глядя на Айвена.

— Зачем?

— Маскировка. — Улыбаясь со стиснутыми зубами, Майлз схватил Айвена за локоть и потянул к главному выходу.

— Как поживаете? — Он повернул голову к прекрасной Сильвет и, поймав ее руку, продел под локоть. — Так приятно познакомиться с вами! Вам понравился прием? Удивительный город этот Лондон...

Они с Сильвет тоже неплохая парочка, решил Майлз. Когда они проходили мимо охранников, он взглянул на них краешком глаза. Они заметили только ее. Если ему

повезло, в их памяти он останется небольшим бесцветно-серым пятнышком.

Сильвет озадаченно взглянула на Айвена, но они уже были на свежем воздухе.

— У тебя нет охранника, — запротестовал Айвен.

— Я скоро встречусь с Куин.

— А как ты вернешься обратно?

Майлз приостановился:

— У тебя есть время продумать это.

— Ха! И сколько же именно?

— Не знаю. Пока я не вернусь.

Наружная охрана бросилась встречать машину, с шипением остановившуюся у входа в посольство. Бросив Айвена, Майлз быстро перебежал через улицу и нырнул во вход подземки.

Через десять минут, сделав две пересадки, он вышел на поверхность, оказавшись в старой части города, с реставрированной архитектурой XXII века. Ему не пришлось проверять номера домов, чтобы отыскать указанный Элли адрес: толпа, баррикады, проблесковые огни, полицейские флайеры, пожарные, «скорая помощь»...

— Проклятие, — пробормотал Майлз, устремляясь туда. Он машинально переключился на монотонный бетанский говор адмирала Нейсмита: — У, дерьмо!

Главным полисменом наверняка должен быть тот, у которого комм с усилителем, а не те, в боевой броне, с плазменным оружием. Пробравшись сквозь толпу, Майлз перепрыгнул через баррикаду:

— Вы командуете операцией?

Констебль сначала ошеломленно осмотрелся и только потом взглянул вниз. Сначала он удивился, но, опознав мундир Майлза, нахмурился:

— Вы один из этих психопатов?

Майлз качнулся на каблуках, соображая, как ответить. Первые три варианта он отбросил сразу же и просто сказал:

— Я адмирал Майлз Нейсмит, командующий Свободным флотом дендарийских наемников. Что здесь про-

исходит? — Прервав разговор, он медленно и осторожно вытянул указательный палец и поднял к небу наставленное на него бронированной женщиной дуло плазменного ружья. — Не надо, дорогая, я на вашей стороне.

Она недоверчиво сверкнула глазами за прозрачным окошечком шлема, но старший полисмен мотнул головой, и она отступила на несколько шагов назад.

— Попытка ограбления, — хмуро бросил констебль. — Когда служащая попыталась ее предотвратить, они на нее набросились.

— Ограбление? — переспросил Майлз. — Извините, но это просто бессмыслица. Я полагал, расчеты ведутся здесь посредством компьютерного перевода кредиток, а наличные деньги отсутствуют. Видимо, произошло недоразумение.

— Не наличные, — кратко бросил констебль. — Товар.

Магазин, увидел Майлз краешком глаза, торговал вином, и витрина была разбита. Он подавил тошнотворное беспокойство и продолжал говорить, стараясь, чтобы голос звучал уверенно и небрежно.

— В любом случае мне непонятно это противостояние с плазменным оружием из-за магазинной кражи. Вы не считаете, что отреагировали слишком резко? Где ваши парализаторы?

— Они взяли заложницу, — сурово ответил констебль.

— Ну и что? Парализуйте их всех — Господь разберет, кто прав, кто виноват.

Констебль как-то странно посмотрел на Майлза: явно не знает собственной истории, а ведь эта фраза была произнесена всего-то навсего по ту сторону пролива.

— Ваши парни утверждают, что у них есть какое-то устройство, которое сработает, если они отключатся. И тогда весь квартал взлетит на воздух. — Констебль помолчал. — Это правда?

Майлз тоже помолчал.

— А вы уже опознали кого-то из них?

— Нет.

— Как вы с ними разговариваете?

— Через комм-устройство. По крайней мере разговаривал. Похоже, они его уничтожили несколько минут назад.

— Мы, конечно, оплатим весь ущерб, — выдавил из себя Майлз.

— Вы оплатите не только это, — прорычал констебль.

Тут Майлз краем глаза увидел, что на улицу опускается флайер с надписью по борту «Агентство Евроновости»:

— По-моему, пора кончать эту волынку.

Он направился к магазину.

— Что вы собираетесь делать? — спросил констебль.

— Арестовать их. Им будет предъявлено обвинение за вынос оружия с корабля.

— Без всякой помощи? Вас пристрелят. Они пьяны в стельку.

— Не думаю. У моих людей было столько подходящих моментов сделать это...

Констебль нахмурился, но не стал его останавливать.

Автоматические двери не работали. Майлз озадаченно постоял перед стеклом, потом начал колотить по нему. За его радужными переливами мелькнула тень. Наступила очень длинная пауза, а потом двери раскрылись сантиметров на тридцать. Майлз повернулся боком и проскользнул внутрь. Находившийся за ними мужчина снова вручную закрыл их и вогнал на место металлический засов.

Внутри магазина царил полный разгром. Майлз ахнул: в воздухе стоял такой густой запах алкоголя, что, даже вдохнув его, можно было почувствовать себя мертвецки пьяным. Под ногами хлюпал пропитавшийся спиртным ковер.

Майлз осмотрелся, пытаясь определить, кого он прикончит первым. Ему бросился в глаза тот, что открыл дверь, мужчина в одном нижнем белье.

— Адмирал Нейсмит?.. — прошипел «швейцар». Он встал по стойке «смирно» — правда, под углом к полу — и отдал честь.

— Ты в чьей армии, солдат? — рявкнул Майлз. Тот замахал руками, словно пытаясь что-то объяснить жестами. Имени его Майлз припомнить не смог.

Еще один дендариец, на этот раз в мундире, сидел на полу, прислонившись спиной к колонне. Майлз присел рядом на корточки, прикидывая, сумеет ли поднять его за грудки, чтобы поставить на ноги или по крайней мере на колени. Он заглянул пьяному в лицо. Маленькие красные глазки, углями пылавшие в черных пещерах глазниц, неузнающе воззрились на него. С возгласом отвращения Майлз поднялся, не пытаясь больше достучаться до этого бедолаги — его сознание провалилось куда-то в п-в-туннель.

— Подумаешь! — донесся хриплый голос с пола, из-за стойки с бутылками — одной из немногих не опрокинутых. — Подумаешь!

«О, сегодня тут собрались самые сливки, гиганты ума!» — угрюмо подумал Майлз. Из-за полки между тем возникла некая фигура со словами:

— Не может быть, он опять исчез...

Наконец-то появился хоть один, имя которого Майлз помнил. Даже слишком хорошо. Дальнейшее объяснение происходящего стало излишним.

— А, рядовой Данио. Вот неожиданная встреча!

Данио изобразил нечто вроде стойки «смирно», нависнув над Майлзом. Древний пистолет с изборожденной зарубками рукоятью угрожающе торчал из его кулака. Майлз кивком указал на него:

— Это то самое смертоносное оружие, из-за которого меня оторвали от дел? Мне говорили, у вас тут чуть ли не весь корабельный арсенал.

— Что вы, сэр! — ответил Данио. — Это было бы нарушением устава. — Он любовно похлопал по пистолету. — Мое личное имущество. Потому что никогда нельзя знать заранее. Психи есть повсюду.

— Еще какое-нибудь оружие у вас есть?

— У Ялена охотничий нож.

Майлз подавил облегченный вздох. Раз эти идиоты здесь одни, то дендарийский флот, может, и не завязнет в юридическом болоте.

— Вы знаете, что по местному законодательству всякое ношение оружия рассматривается как уголовное преступление?

Данио поразмыслил над этим.

— Чушь, — решительно откомментировал он наконец.

— Тем не менее, — проговорил Майлз, — мне придется забрать ваше оружие и унести на флагманский корабль.

Он заглянул за полку: тот, кто лежал на полу (надо полагать, Ялен), сжимал в руках нож с открытым лезвием, которым можно было разделать целого бычка, встречайся они на асфальтированных улицах и взметнувшихся к небу эстакадах Лондона. Быстро сообразив, Майлз ткнул пальцем в нож:

— Подайте мне его, рядовой Данио.

Данио высвободил нож из сжатых пальцев своего товарища.

— Не-е-е... — выговорил горизонтальный.

Завладев оружием, Майлз вздохнул спокойнее.

— Так, Данио... А теперь быстро — потому что они уже нервничают — расскажите мне, что здесь произошло?

— Ну, сэр, мы гуляли. Сняли комнату. — Данио дернул головой в сторону полуобнаженного «швейцара», который прислушивался к разговору. — У нас кончились припасы, и мы пришли сюда, чтобы прикупить еще, потому что этот магазин самый близкий. Всего набрали, и тут эта сучка отказалась принять наши карточки! Прекрасные дендарийские карточки!

— Сучка?.. — Майлз огляделся, перешагнув через обезоруженного Ялена. О боги!.. Служащая магазина, пухленькая пожилая женщина, лежала на полу с кляпом во рту, связанная перекрученными кителем и брюками раздетого солдата.

Майлз вытащил охотничий нож и направился к ней. Она истерически захлюпала носом.

— На вашем месте я не стал бы ее освобождать, — предостерег его раздетый. — Она жутко шумная.

Майлз остановился и присмотрелся к женщине. Ее седеющие волосы стояли дыбом, за исключением прядей, прилипших к залитым потом лицу и шее, а полные ужаса глаза бегали. Она пыталась вырваться из своих пут.

— Угу. — Майлз на время спрятал нож за пояс. Наконец-то он прочел на кителе имя раздетого. Это было неприятное опознание: Ксавьер. Да, теперь он его вспомнил. Он хорошо показал себя на Дагуле.

Ксавьер встал прямее.

Проклятие! Вот и полетел его план кинуть всю компанию местным властям и молить Бога, чтобы их не выпускали до того момента, пока флот не уйдет с околоземной орбиты. Удастся ли как-нибудь отделить Ксавьера от его никчемных друзей? Увы! Похоже, все они вляпались, все без разбора.

— Значит, она отказалась принимать ваши кредитные карточки. Теперь вы, Ксавьер, — что было дальше?

— Э-э... произошел обмен оскорблениями, сэр.

— И?

— И наше возмущение вышло из-под контроля. Кидались бутылками... Вызвали полицию. Ее уложили одним ударом. — Ксавьер с опаской посмотрел на Данио.

Майлз обратил внимание, что повествование Ксавьера вдруг стало безличным.

— И?

— И полиция приехала. И мы сказали им, что взорвем тут все, если они попытаются войти.

— У вас действительно есть возможность осуществить эту угрозу, рядовой Ксавьер?

— Нет, сэр. Это был чистый блеф. Я пытался сообразить... ну... как бы в такой ситуации поступили вы, сэр.

Этот парень чертовски наблюдателен. Даже когда в стельку пьян, отметил про себя Майлз. Он вздохнул и пригладил обеими руками волосы:

— Почему женщина не захотела принимать ваши кредитные карточки? Разве это не универсальные земные,

которые вам выдали в космопорте? Вы не пробовали воспользоваться теми, что остались с Махата Солярис?

— Нет, сэр, — ответил Ксавьер, в доказательство показав свою карточку. Выглядела она как положено. Майлз повернулся, чтобы проверить ее на комм-устройстве, и тут увидел, что оно расстреляно. Последняя пуля пришлась точно в центр экрана головидео. Скорее всего это был завершающий удар, хотя устройство все еще пощелкивало и слабо кашляло. Майлз прибавил его стоимость к счету и поморщился.

— По правде говоря, — тут Ксавьер закашлялся, — женщина здесь ни при чем: это машина выплюнула карточку.

— Она не должна была этого делать, если... — начал Майлз и мысленно закончил: «Если только с центральным счетом все в порядке». В животе у него вдруг похолодело. — Я проверю, — пообещал он. — А тем временем мы должны выйти на улицу таким образом, чтобы местная полиция не поджарила вас живьем.

Данио радостно кивнул на пистолет в руке Майлза:

— Мы можем пробиться через черный ход. И бегом к ближайшему входу в подземку!

Майлз, на мгновение потеряв дар речи, представил себе, как стукнет сейчас Данио его собственным пистолетом. Данио спасло только то, что Майлз опасался за свои кости. Он сломал правую руку на Дагуле, и воспоминание о боли было еще свежо в его памяти.

— Нет, Данио, — сказал Майлз, когда к нему вернулся дар речи. — Мы тихо — очень тихо — выйдем из передней двери и сдадимся.

— Но дендарийцы не сдаются! — запротестовал Ксавьер.

— Это не передовая, — терпеливо объяснил Майлз. — Это всего лишь винный магазин. И даже бывший винный магазин. И даже не наш собственный. — (Мне, несомненно, придется купить это заведение.) — Считайте лондонскую полицию не противником, а лучшим другом. Это так и есть, кстати. Потому что, — тут Майлз холодно взглянул на Ксавьера, — пока они с вами не закончат, я за вас не примусь.

— О! — сказал Ксавьер смущенно: похоже, до него кое-что дошло. Он тронул Данио за руку. — Может... может, нам следует пойти за адмиралом домой, а, Данио?

И Ксавьер поднял бывшего владельца охотничьего ножа на ноги. После секундного размышления Майлз тихо подошел со спины к красноглазому, вытащил карманный парализатор и направил самый слабый импульс в основание его черепа. Красноглазый завалился набок. Майлз вознес короткую молитву, чтобы этот последний стимул не отправил его в травматический шок. Одному Богу известно, что за химический коктейль ему предшествовал: ведь парень явно не ограничился одним только спиртным.

— Берите его за плечи, — велел Майлз Данио, — а вы, Ялен, за ноги. — Ну вот, он уже успешно обездвижил троих. — Ксавьер, откройте дверь, заложите руки за голову и спокойно, без шума сдайтесь полицейским. Данио, вы идете следом. Это приказ.

— Жаль, с нами нет остальных, — пробормотал Данио.

— Единственная армия, которая вам сейчас понадобится, — это армия опытных адвокатов, — сухо заметил Майлз. Еще раз взглянув на Ксавьера, он вздохнул: — Я ее вам пришлю.

— Спасибо, сэр, — отозвался Ксавьер и заковылял вперед. Майлз шел сзади, скрипя зубами от бессильной ярости.

Солнечный свет на улице заставил его заморгать. Небольшой отряд дендарийцев буквально свалился в руки ожидавшей их полиции. Данио не сопротивлялся, когда его обыскивали, но Майлз вздохнул спокойно, лишь когда солдата связали силовыми путами. Констебль-командующий направился к Майлзу. И тут в дверях магазина раздался негромкий хлопок, а тротуар лизнуло голубое пламя.

Майлз вскрикнул и резко повернул назад, глотнув побольше воздуха и задержав дыхание. Он проскочил в магазинную темноту, пронизанную лентами жара, и помчался вдоль полок. На пропитанном спиртным ковре расцветало пламя, как полосы золотой пшеницы, при-

чудливо изгибающиеся в соответствии с концентрацией алкогольных паров. Огонь подбирался к лежащей на полу женщине: еще секунда, и ее волосы вспыхнут ужасающим нимбом...

Майлз кинулся к ней. Подсунул под нее плечо, с трудом поднялся. Он готов был поклясться, что ощущает, как трещат его кости. Тут женщина начала брыкаться — весьма некстати. С ношей на плечах Майлз направился к двери, ослепительно сиявшей — как выход из туннеля, как ворота самой жизни. Его легкие пульсировали, стараясь захватить кислород сквозь плотно сжатые губы. Общее время — одиннадцать секунд.

В двенадцатую комната позади него вспыхнула и заревела. Майлз и его ноша упали на тротуар и покатились. Он все переворачивал ее и переворачивал: огонь лизал одежду женщины. Где-то невообразимо далеко визжали и кричали люди. Ткань дендарийского мундира, рассчитанная на боевые условия, не горела и не плавилась, зато превратилась в прекрасный фитиль для горючих жидкостей, пропитавших ее. Эффект получился дьявольски живописный. Но одежда бедняжки служащей была из обычной ткани...

Майлз подавился попавшей в рот пеной, которой окатил их подбежавший пожарный. Женщина-полисмен уже стояла рядом, судорожно сжимая совершенно бесполезное плазменное ружье. Пена огнетушителя напоминала пивную, только вкус у нее оказался похуже: Майлз выплюнул отвратительные химикаты и мгновение лежал на тротуаре, задыхаясь. Господи, какой вкусный воздух! Люди его недооценивают.

— Бомба! — крикнул констебль.

Майлз перевернулся на спину, с наслаждением глядя на ломтик синего неба глазами, которые каким-то чудом не заплыли, не лопнули, не оплавились.

— Нет, — печально выдавил он из себя. — Бренди. Огромное количество очень дорогого бренди. И дешевой водки. Загорелись, наверное, из-за короткого замыкания на комм-устройстве.

Он откатился в сторону из-под ног пожарных, которые мчались вперед со всей своей оснасткой. Один из них поднял его на ноги и оттащил подальше от пылающего здания. Тут Майлз застыл, уставившись на человека, который наставлял на него — как ему показалось в первую секунду — дуло микроволновой пушки. Волна адреналина не помогла Майлзу — он был настолько выпотрошен, что не сумел сообразить что к чему. Странный человек горячился, настаивал на своем. Майлз ошеломленно моргнул, и микроволновая пушка превратилась в нечто более понятное — головидеокамеру.

И Майлз остро пожалел, что это не микроволновая пушка...

Освобожденная от пут служащая тыкала в его сторону пальцем, плакала и выкрикивала что-то. Не слишком-то у нее признательный облик для человека, которого только что спасли от ужасной кончины. Камера на секунду качнулась в ее сторону — но служащую уже уводили врачи. Майлз надеялся, что ей дадут успокоительное. Он представил себе, как она возвращается вечером домой, к мужу и детям. «Ну, как сегодня дела в вашем магазине, дорогая?..» Интересно, она потребует деньги за молчание? А если да, то сколько?

Деньги — о Боже...

— Майлз! — прозвучавший у него за спиной голос Элли Куин заставил его вздрогнуть. — Вы уже контролируете ситуацию?

Пока они ехали в подземке в лондонский космопорт, на них откровенно глазели. Поймав краем глаза собственное отражение в зеркальной стене, пока Элли получала жетоны, Майлз понял, что удивляться нечему. Приглаженный, блестящий лорд Форкосиган, который смотрел на него из зеркала перед началом дипломатического приема, преобразился. Сейчас это был гадкий, замызганный карлик. Покоробившийся вонючий мундир усеян хлопьями высыхающей пены. Белая вставка на груди черна от копоти. Лицо в саже, голос каркающий, глаза

красные от дыма. И разило от него дымом, потом и спиртным, особенно спиртным. Не мудрено: он разве что не искупался в бренди. Стоявшие рядом люди начинали осторожно отодвигаться, учуяв этот «букет». Слава Богу, полиция отобрала у него нож и пистолет, которые будут выступать в качестве вещественных доказательств. Но все равно рядом с ним и Элли в вагоне никто не сел.

Майлз со стоном опустился на сиденье.

— Ну и охранник из тебя, — с досадой бросил он Элли. — Почему ты не защитила меня от той журналистки?

— Она не пыталась тебя застрелить. Кроме того, я только появилась. Я не могла рассказать ей, что там происходит.

— Но ты гораздо фотогеничнее. Это помогло бы улучшить образ дендарийского флота.

— Перед камерами я немею. А ты говорил достаточно хладнокровно.

— Я пытался все смягчить. «Мальчишки есть мальчишки, хохотнул адмирал Нейсмит на фоне подожженного его войсками Лондона...»

Элли усмехнулась:

— И потом, кому я была интересна? Ведь это не я бросилась в горящее здание... Господи, когда ты оттуда выкатился, весь в огне...

— Ты это видела? — Майлз немного повеселел. — А съемки получились удачные? Может, это хоть немного загладит похождения Данио и его лихих товарищей.

— Выглядело все это ужасно. — Элли содрогнулась, вспоминая. — Я удивлена, что ты не получил сильных ожогов.

Майлз дернул обгоревшими бровями и постарался незаметно спрятать под мышку покрытую волдырями правую руку.

— Пустяки! Это все костюм. Я рад, что не все наше снаряжение плохо продумано.

— Не знаю. Сказать по правде, я боюсь огня с тех самых пор, как... — И Элли прикоснулась рукой к лицу.

— Что вполне естественно. Все произошло исключительно на рефлексах. Когда мой мозг наконец догнал мое тело, все уже было позади; вот тогда-то меня и затрясло. Мне случалось видеть огонь — в бою. Единственное, о чем я мог думать, — это о скорости: когда огонь достигает определенной точки, он распространяется исключительно быстро.

Майлз не стал делиться с Элли своим беспокойством относительно своего появления на публике и этого проклятого интервью. Было уже слишком поздно, хотя его воображение никак не могло расстаться с идеей тайного дендарийского налета на компанию «Евроновости» с целью уничтожения видеодиска. А может, начнется какая-нибудь война, или катер потерпит крушение, или правительство падет из-за крупного сексуального скандала, — и эпизод с винным магазином будет забыт начисто? Кроме того, цетагандийцам наверняка известно, что адмирала Нейсмита видели на Земле. Адмирал тут же исчезнет снова, превратившись в лорда Форкосигана. На этот раз — кто знает? — может быть, навсегда.

Майлз вышел из подземки, держась за поясницу.

— Кости? — встревоженно спросила Элли. — Ты не повредил позвоночник?

— Точно не знаю. — Он топал рядом с ней, скрючившись в три погибели. — Это мышечный спазм. Бедная тетка-кассирша была, должно быть, упитаннее, чем мне показалось. Адреналин вечно обманывает...

Ему не стало лучше к тому времени, как их личный катер пристыковался к «Триумфу» — флагманскому кораблю дендарийцев, находившемуся на орбите. Элли настояла, чтобы они зашли в лазарет.

— Потянули мускулы, — без всякого сочувствия объявила после медсканирования главный врач флота. — Идите полежите с недельку.

Майлз дал заведомо ложные обещания и вышел, сжимая в забинтованной руке пачку пилюль. Он был уверен, что диагноз верный: боль начала немного отступать. По крайней мере мышцы шеи были уже не так сильно

сведены, и можно было надеяться, что постепенно процесс распространится ниже. Он уже спускался с пика адреналинового стресса. Стало быть, следует поскорее закончить свои дела здесь — пока он еще в состоянии говорить и ходить одновременно.

Майлз одернул китель, безрезультатно пытаясь смахнуть пятна пены, вздернул подбородок — и решительно вошел в святая святых офицера-финансиста.

По корабельному времени был уже вечер — оно только на час отличалось от лондонского, — но бухгалтер наемников по-прежнему оставалась на своем посту. Вики Боун, полная, подтянутая пожилая женщина (явно техник, а не боец), говорила успокоительным распевом. Она повернулась в своем кресле:

— Ах, сэр! Вы получили перевод?.. — Только тут она обратила внимание на внешний вид Майлза, и голос ее упал: — Боже правый, что с вами?

— Именно это я и надеюсь у вас узнать, лейтенант Боун. — Майлз выдвинул себе стул, повернул его задом наперед и уселся, положив руки на спинку. — Не далее чем вчера вы докладывали, что все наши заказы, не связанные с жизненно важными функциями, отсрочены, и наш кредит на Земле в порядке.

— Временно в порядке, — озабоченно ответила Боун. — Четырнадцать дней назад вы сказали, что мы получим перевод через десять дней. Я постаралась сделать так, чтобы большая часть расходов была отнесена на это время. А четыре дня назад вы объявили, что придется ждать еще десять суток...

— По крайней мере, — мрачно подтвердил Майлз.

— Я отсрочила все, что можно, но некоторые платежи пришлось сделать, чтобы кредит был продлен. Мы опасно залезли в резервные фонды еще на Махата Солярис.

Майлз устало провел пальцем по спинке стула.

— Угу. Наверное, нам следовало лететь прямо к Тау Кита.

Но теперь слишком поздно. Если бы он имел дело непосредственно со штабом службы безопасности второго сектора...

— Нам все равно пришлось бы оставить на Земле три четверти флота, сэр.

— И я не хотел разбивать флот. Но если мы пробудем здесь еще какое-то время, никто уже не улетит: мы попадем в финансовую черную дыру... Послушайте, проверьте ваши программы и скажите мне, что произошло с кредитом личного состава примерно в 16:00 по лондонскому времени.

— М-м? — Пальцы бухгалтера вызвали на экран таинственные и многоцветные данные. — О Боже. Такого просто быть не может. Куда же делись деньги?.. А, прямая отмена. Тогда все ясно.

— А теперь пусть мне тоже будет ясно, — напомнил ей Майлз.

— Ну, — повернулась к нему Боун, — когда флот надолго останавливается там, где имеется хоть какая-то финансовая система, мы пускаем свои свободные средства в оборот.

— Вот как?

— Конечно! Все, что не тратится в данный момент, размещается на возможно долгий срок на краткосрочные прибыльные вклады. Поэтому наш кредит устроен так, чтобы в каждый момент не превышать установленного минимума. Когда приходит время оплатить счет, я провожу его через компьютер и перебрасываю со вклада на кредитный счет ровно столько, сколько требуется.

— А стоит так рисковать?

— Рисковать? Да это просто основы разумного финансирования! Только на прошлой неделе мы получили свыше четырех тысяч федеральных кредиток за счет процентов и дивидендов — пока не вышли за пределы допустимого минимума.

— О! — только и сказал Майлз. На мгновение он представил себе, что бросит воевать и начнет играть на бирже. Холдинговая компания Свободных дендарийских наемников? Увы, император скажет по этому поводу пару теплых слов...

— Но эти дебилы, — лейтенант Боун махнула рукой в сторону схематического изображения похождений Данио, — попытались получить деньги со счета непосредственно через его номер, а не через центральную бухгалтерию флота, как им бесконечное число раз было велено. А поскольку счет у нас крайне мал, естественно, денег они не получили. Иногда мне кажется, что я вещаю глухим. — Под ее ловкими пальцами на экране появилось еще несколько разноцветных строк. — Но мы не можем прокручивать деньги до бесконечности, сэр! Инвестиционный счет пуст и уже не дает дохода. Я не думаю, что мы продержимся даже шесть дней. А если кредит и тогда не будет получен... — Вики Боун в ужасе вскинула руки, — ...весь дендарийский флот сядет в долговую яму!

— О! — Майлз растирал шею. Нет, ему только показалось, что головная боль проходит. — А вы не можете переводить деньги со счета на счет — так, чтобы получить... э-э... виртуальные средства? Временно?

— Виртуальные средства? — переспросила она с нескрываемым отвращением.

— Чтобы спасти флот. Как в бою. Бухгалтерия военного времени... — Он опустил руки на колени, доверительно улыбаясь Боун. — Конечно, если это за пределами ваших возможностей...

Она возмущенно раздула ноздри:

— Конечно, нет! Но то, о чем вы говорите, рассчитано главным образом на разбежку во времени. Финансовая сеть Земли полностью интегрирована, и в ней никаких разбежек во времени нет. Они появятся, только если работать в межпланетном масштабе. Но вот что мы в силах предпринять... — Боун замолчала. — А может, и нет.

— Что?

— Надо обратиться в какой-нибудь крупный банк и получить краткосрочный заем под залог... ну, скажем, оборудования. — Ее взгляд, скользнувший по стенам «Триумфа», дал понять, о каком именно оборудовании идет речь. — Возможно, нам придется скрыть от них некоторые наши финансовые обязательства и степень амортизации, не го-

воря уже о двусмысленности объекта, коим владеет флотская корпорация, и того, что принадлежит капитанам-владельцам. Зато у нас будут реальные средства.

А что скажет коммодор Танг, когда узнает, что Майлз заложил его флагман? Но Танга здесь нет. Танг в увольнении. К тому моменту, как Танг вернется, все уже останется позади.

— Надо просить в два-три раза больше, чем нужно, чтобы получить достаточную сумму, — продолжала объяснять Боун. — Вам придется подписать кое-какие бумаги в качестве старшего офицера корпорации.

Это адмиралу Нейсмиту придется подписывать, подумал Майлз. Человеку, законное существование которого строго... виртуально. Хотя, конечно, земной банк об этом не узнает. Дендарийский флот весьма надежно подтверждал существование этого его «я». Наверное, это будет самым безопасным из всех его предприятий.

— Ну что же, лейтенант Боун, действуйте. Подготовьте все необходимые документы. Гм-м... воспользуйтесь «Триумфом» — это наша самая крупная собственность.

Боун кивнула, плечи ее расправились. К ней вернулось ее обычное спокойствие:

— Да, сэр. Благодарю вас, сэр.

Вздохнув, Майлз с трудом поднялся. Садиться не следовало: усталые мышцы закостенели вконец. Когда до носа Боун дошел наконец «аромат» его одежды, она невольно поморщилась. Наверное, следует потратить несколько минут на то, чтобы привести себя в порядок. И без того исчезновение лейтенанта Форкосигана будет достаточно трудно объяснить. К чему еще пугать людей вонючими обгорелыми тряпками.

Выходя, Майлз услышал, как лейтенант Боун неодобрительно бормочет за его спиной:

— Виртуальные средства! Боже правый...

ГЛАВА 4

К тому моменту как Майлз принял душ и привел себя в порядок — переоделся в свежий мундир и натянул начищенные запасные сапоги, лекарство уже начало действовать, и он не чувствовал боли. Поймав себя на том, что жизнерадостно насвистывает, втирая в лицо лосьон после бритья и поправляя довольно броский и не вполне форменный черный шелковый шарф, он решил в следующий раз принимать только половинную дозу. А то слишком уж хорошо ему.

Очень жаль, что дендарийская форма не предусматривает берет, который можно так залихватски заломить. Может быть, следует отдать приказ об изменении формы? Танг скорее всего его одобрит: у Танга есть теория, согласно которой шикарный мундир облегчает вербовку и поддерживает боевой дух. Майлз в этом не вполне уверен: так можно набрать кучу новобранцев, которым хочется поиграть в переодевание, не более того. Рядовому Данио берет должен понравиться... И Майлз тут же решил отказаться от этой идеи.

Элли Куин терпеливо дожидалась его в коридоре, сидя у катер-шлюза номер шесть. Грациозно поднявшись, она заметила:

— Нам надо спешить. Как ты думаешь, сколько времени твой кузен сможет прикрывать исчезновение лейтенанта Форкосигана с приема?

— Подозреваю, это уже дохлый номер, — ответил Майлз, застегивая ремень безопасности. Памятуя о предостережениях относительно работы со сложным оборудованием, напечатанных на упаковке с лекарством, он позволил Элли взять управление на себя. Маленький катер легко отчалил от «Триумфа» и начал двигаться вниз в соответствии со схемой схода с орбиты.

Майлз попробовал представить себе, как его встретят, когда он явится в посольство. Самое меньшее, что его ждет, — это домашний арест. Хотя он, конечно, изо

всех сил будет ссылаться на смягчающие вину обстоятельства. Майлзу вовсе не хотелось спешить навстречу обыденности. Ведь он сейчас на Земле, с ослепительно красивой и умной подругой, теплым летним вечером. Времени сейчас всего... Майлз взглянул на свой хронометр: двадцать три — ноль ноль. Сейчас только начинаются ночные развлечения. Лондон с его гигантским населением наверняка не спит всю ночь. И Майлзу стало вдруг весело.

Но только что они могут предпринять? Алкоголь не обсуждается: одному Богу известно, что может случиться, если он добавит спиртное к принятым лекарствам. С его странной физиологией все может случиться. С уверенностью можно сказать только одно: координация у него не улучшится. Кабаре? Они надолго застрянут на одном месте, что неразумно с точки зрения безопасности. Надо придумать что-то такое, чтобы они непрестанно двигались.

А впрочем, к черту цетагандийцев! Будь он проклят, если позволит себе стать заложником страха. Пусть адмирал Нейсмит в последний раз развернется, а уж потом он засунет его в шкаф, на заднюю полку... Под ними призывно мигали огни космопорта. Когда они вкатили на свою стоянку (140 федералок в день!), где стоял часовой-дендариец, Майлз решился и выпалил:

— Эй, Элли! Пойдем... пойдем поглазеем на витрины!

Так и получилось, что в полночь они брели по модному пассажу. Здесь были выставлены товары не только Земли, но и со всей галактики, — конечно, для посетителей с деньгами. Да и прохожие представляли собой любопытное зрелище для человека, не чуждого моде. В этом году были популярны перья, синтетический шелк, кожа и мех — ретро, мода прошлых веков. А у Земли такое богатое прошлое! Молодая особа в... костюме викингов или... ацтеков, решил Майлз, опиралась на руку юноши в сапогах примерно двадцать четвертого века. Пышные перья на головном уборе показались Майлзу наиболее интересными. Может быть, дендарийский берет не окажется такой уж архаикой?

Но Элли, как с сожалением заметил Майлз, была напряжена и не получала никакого удовольствия от происходящего. Ее взгляд цепко обшаривал прохожих, выискивая скрытое оружие и фиксируя резкие движения. И вдруг она с неподдельным интересом остановилась перед магазином с неброской вывеской «Культурные меха: биоинженерная галатехника». Майлз запихнул ее внутрь.

Торговый зал оказался просторным — безошибочный признак, что здесь торгуют по самым высоким ценам. Шубы из рыжих лис, ковры из белых тигров, жакеты из вымерших леопардов, кричащая кожа тау-китянских бусинных ящериц на сумках, сапогах и ремнях, черно-белые жилеты из обезьян-макак... Головидео показывало непрерывную программу, рассказывающую о происхождении товара: покупателям вовсе не предлагались шкуры и кожа убиенных зверей; нет, эти роскошные вещи были извлечены из пробирок и автоклавов исследовательских лабораторий. Шкуры девятнадцати вымерших видов животных предлагались в естественных расцветках. Головидео уверяло, что осенью в моду войдут радужная шкура носорога и белые лисы тройной длины в пастельных авторских тонах. Элли погрузила кисти рук во что-то, напомнившее взрыв рыжей персидской кошки.

— Она что, линяет? — ошарашенно спросил Майлз.

— Ничуть, — уверил продавец. — Мы гарантируем, что наши меха не лезут, не линяют и не блекнут. К тому же они не пачкаются.

А через пальцы Элли уже лился бесконечный шелковистый черный мех.

— А это что? Не шуба...

— О, это чрезвычайно популярное новое изделие, — объяснил продавец. — Последнее слово в области биомеханических систем обратной связи. Большинство вещей, которые вы видите, — это простые дубленые шкуры, а это живой мех. Модель может использоваться в качестве одеяла, покрывала или ковра. На будущий год наши лаборатории собираются предложить различные модели верхней одежды...

— Живой мех? — очаровательно изогнула брови Элли. Продавец бессознательно приподнялся на цыпочки и приосанился: лицо Элли оказало свое обычное действие.

— Живой, — поспешно кивнул продавец. — Только лишенный тела с его недостатками. Он не линяет, не ест и... — тут он смущенно кашлянул, — не нуждается в ящике с песком.

— Постойте-ка, — вмешался Майлз. — В таком случае почему вы рекламируете его как живой? Откуда он получает энергию, если не за счет химического преобразования пищи?

— Электромагнитная сеть на клеточном уровне пассивно собирает энергию из окружающей среды, — продавец охотно объяснял этой странной парочке происхождение чудесного меха. — От волн головидео и тому подобного. И примерно раз в месяц, если вам покажется, что он тускнеет, можете положить его на несколько минут в микроволновую печку на самой маленькой мощности. Однако «Культурные меха» не несут ответственности за случившееся, если владелец по ошибке включит большую мощность.

— Но это все равно не делает ваш мех живым, — возразил Майлз.

— Уверяю вас, — улыбнулся продавец, — это одеяло изготовлено на основе превосходного набора генов felis domesticus — кошки домашней. У нас имеется также белая персидская и сиамская с шоколадными полосками натуральных тонов, и я могу показать вам еще несколько образцов декоративных расцветок. Их можно заказать в любых размерах.

— Они сотворили такое с кошкой? — поперхнулся Майлз, а Элли тем временем собрала в объятия все огромное бескостное животное.

— Погладьте его, — доверительно предложил продавец Элли.

Она послушалась и радостно засмеялась:

— Оно мурлычет!

— Да. К тому же оно запрограммировано на термотаксическую ориентацию — иначе говоря, ластится.

Элли целиком закуталась в одеяло, и черный мех упал до самого пола как королевская мантия. Элли потерлась щекой о блестящую шкурку.

— Чего только люди не придумают! О Боже! Так и хочется потереться о него всей кожей.

— Правда? — с сомнением переспросил Майлз. Потом у него расширились глаза: он представил себе Элли, обнаженную, лежащую на этой пушистой штуке. — Правда? — повторил он совершенно другим тоном. Зубы его обнажились в голодной ухмылке, и он повернулся к продавцу: — Мы берем эту штуку.

Неловкость возникла, когда Майлз вытащил свою кредитную карточку и понял, что не может ею воспользоваться. Она принадлежала лейтенанту Форкосигану и хотя позволяла распоряжаться кучей посольских денег, но посылала к черту его тайну. Почувствовав его замешательство, Элли заглянула через плечо. Майлз пододвинул свою карточку к ней, прикрыв ее ладонью, и их взгляды встретились.

— О... нет, — согласилась она. — Ни в коем случае.

И потянулась за своим бумажником.

«Мне следовало бы сначала узнать цену», — огорченно думал Майлз, когда они вышли из магазина, таща неудобный тючок в элегантной серебристой упаковке. Продавцу не сразу удалось убедить их, что отверстия для воздуха не нужны. Ну что ж, мех доставил Элли удовольствие, а возможность доставить Элли удовольствие глупо упускать из-за нерасчетливости или ложной гордости. Позже он вернет ей деньги.

Но где они смогут опробовать это одеяло? Майлз попытался сообразить — и направился из пассажа в сторону ближайшего входа в подземку. Он не хотел, чтобы эта ночь кончалась. Он не знал, чего хотел... Нет, он прекрасно знал, чего хотел, он только не знал, может ли получить это.

Элли наверняка не представляет, как далеко забрели его мысли. Небольшой роман между делом — одно, а перемена карьеры, которую он собирается ей предложить (симпатичный оборот речи, а?), перевернет всю ее жизнь. Рожденная в космосе Элли, называвшая всех планетников грязеедами, Элли, твердо знающая, чего хочет добиться в жизни, Элли, ступающая по земле с божественным отвращением русалки, случайно оказавшейся на берегу... Элли — независимое государство. Элли — остров. А он — идиот, который больше не может вынести неопределенности.

Майлз решил, что сейчас им нужна знаменитая земная луна — лучше всего ее отражение на воде. К сожалению, древняя река города в этом секторе текла под землей, упрятанная в трубы во время строительного бума XXIII века, когда часть ландшафта, свободная от головокружительно высоких шпилей, была заключена под купол и сохранена как памятник архитектуры. В этом многомиллионном городе нелегко найти тишину и хоть какой-нибудь уютный и укромный уголок.

Перефразируя древнего поэта-англичанина: «Покой сулит нам кров могилы, но не найти там Элли милой...» В последние несколько недель страшные воспоминания о Дагуле посещали его все реже. И вдруг в обычном общественном лифте, при спуске к вагончику подземки, — Элли падает, вырванная из его онемевших пальцев жутким водоворотом... В конструкции антигравитационной установки дефект — и ее проглатывает тьма!

— Ой, Майлз! — протестующе вскрикнула Элли. — Отпусти мою руку! Что случилось?

— Падаем! — выдохнул Майлз.

— Конечно, падаем, это же лифт! С тобой все в порядке? Дай-ка я посмотрю твои зрачки. — Элли схватилась за поручень и остановилась у края лифтовой шахты, вне центральной зоны движения. Полуночные лондонцы проплывали мимо них. Похоже, ад модернизировали, мелькнула у Майлза дикая мысль: это река погибших

душ, и она журча втекает в какой-то космический слив, все быстрее, быстрее.

Зрачки Элли, огромные и темные, у самых его глаз...

— У тебя от лекарств зрачки сужаются или расширяются? — озабоченно осведомилась она, почти касаясь его лица.

— А сейчас они что делают?

— Пульсируют.

— Со мной все в порядке. — Майлз с трудом сглотнул. — Врач дважды все перепроверяет, прежде чем выписать рецепт. Он предупреждал, что может быть небольшое головокружение.

Майлз так и не разжал пальцы, стискивая ладонь Элли. И вдруг он заметил, что в лифтовой шахте разница в их росте исчезла. Они повисли лицом к лицу — носки его сапог болтались на уровне ее щиколоток, — так что не надо искать подставку или рисковать растянуть шею... И Майлз, не помня себя, приник к губам Элли. На долю секунды в его мозгу раздался вопль ужаса, как в ту минуту, когда он кинулся со скалы к тридцатиметровому слою прозрачной зеленой воды, зная, что она обжигающе холодная: момент, когда он отдал себя гравитации, но последствия еще не настигли его.

Вода оказалась теплой, теплой, теплой... Глаза Элли изумленно раскрылись. Он замешкался, почувствовал, что упустил момент, и начал отодвигаться. Но в ту же секунду ее губы раскрылись ему навстречу, а свободной рукой она обвила его шею. Тело у Элли было тренированное: захват она выполнила хоть и не по правилам, но обездвижила его вполне эффективно. А ведь впервые, положенный на обе лопатки, он одержал победу! Майлз жадно прижимался к ее губам, целовал веки, щеки, лоб, нос, подбородок...

Пухлый пакет с живым мехом полетел вниз, ударяясь о стенки шахты. Их толкнула спускающаяся женщина, которая осуждающе нахмурилась; подросток, стремительно летящий вниз по самому центру, захохо-

тал и непристойно зажестикулировал, а у Элли в кармане подал сигнал комм.

Кое-как поймав мех, они выскочили из первого же попавшегося выхода, заспешив через арку к платформе подземки. Выбравшись на нее, они потрясенно уставились друг на друга. Майлз осознал, что в одну безумную секунду он перевернул их тщательно сбалансированные рабочие отношения. И кем же они теперь стали? Командующим и подчиненной? Мужчиной и женщиной? Друзьями, любовниками? Возможно, случившееся — ужасная ошибка, роковая.

Но рок действует без ошибок: Дагула заставила его осознать это. Человек, носящий мундир, не только военный. Если завтра смерть похитит его — исчезнет целая вселенная возможностей, а не какой-то там боевой офицер, пусть и толковый. Он снова ее поцелует! Черт подери, теперь он достает только до белоснежной шеи Элли!

Но тут раздался озадаченный возглас, и Элли включила зашифрованный комм-канал со словами:

— Какого дьявола?.. Неужели это вы? Вы, здесь? Куин на связи!

— Командор Куин? — Голос Айвена звучал тихо, но внятно. — Майлз с вами?

Губы Майлза скривились. Айвен, как всегда, фантастически некстати!

— Да, а что? — строго ответила Куин комм-устройству.

— Скажите ему, чтобы возвращался. Я проделал дыру в сети охраны, но долго ее не удержу. Я сейчас просто засну!

И комм-устройство издало невнятное завывание, которое Майлз истолковал как зевок.

— Господи, я и не думал, что он способен на такое, — пробормотал Майлз и схватил комм-устройство: — Айвен? Ты что, правда вернешь меня в посольство так, что никто не заметит?

— Примерно в течение ближайших пятнадцати минут. Мне и без того пришлось нарушить кучу правил. Я стою на посту на третьем подуровне, где находятся электро-

кабели и канализация. Могу замкнуть запись и вырезать кусок, на котором будет зарегистрировано, как ты входишь, но только если ты доберешься сюда раньше, чем капрал Вели. Я согласен рисковать своей шкурой ради тебя, но не согласен рисковать за так, понял?

Элли между тем изучала план подземки.

— Мне кажется, ты можешь успеть — еле-еле.

— Что толку...

Но она схватила его за локоть и повлекла к вагончикам подземки: твердый блеск долга погасил в огромных глазах более теплый свет.

— У нас еще десять минут.

Пока Элли брала жетоны, Майлз растирал лицо, словно старался таким образом вернуть быстро улетучивающуюся способность мыслить разумно. Подняв взгляд, он увидел свое тусклое отражение, глядящее из зеркальной стены, затененной колонной. Лицо было искажено ужасом и бессилием. Зажмурив глаза, Майлз снова взглянул на себя, выйдя из тени от колонны. Ужасно неприятно: на секунду ему почудилось, что на нем зеленый барраярский мундир. Черт подери эти анальгетики! Может, его подсознание пытается ему что-то сказать? Впрочем, зачем попусту переживать. Наверняка сканирование мозга в том и другом мундирах покажет два совершенно разных биоритма.

Хотя, если подумать, это не кажется таким уж смешным.

Когда Элли вернулась, Майлз обнял ее, снедаемый сложными чувствами, а не одним лишь желанием. Они поцеловались в вагончике: от этого поцелуя было больше боли, чем удовольствия. К моменту, когда они достигли места назначения, Майлз находился в состоянии такого неутоленного возбуждения, равного которому еще не знал: похоже, вся кровь отхлынула от мозга...

Элли рассталась с ним на платформе в районе посольства, страдальчески шепнув: «Потом!» Только когда ее вагончик исчез, Майлз заметил, что она оставила у него пакет, который утробно мурлыкал.

— Милая киска. — Майлз со вздохом поднял пакет и побрел домой.

На следующее утро, с головы до ног утопая в урчащем черном мехе, он с трудом разлепил сонные глаза.

— Ласковая штучка, правда? — заметил Айвен.

Майлз выпутался из одеяла, выплевывая обрывки пуха. Продавец солгал: этот полузверь явно жрет людей, а не магнитные волны. Опутывает их ночью и переваривает, как амеба. Дьявольщина, он ведь бросил его в ногах! Малышей, с головой ныряющих под чудо-одеяло, чтобы спрятаться от затаившихся в шкафу чудищ, ожидает неприятный сюрприз. Продавец отдела культурных мехов никакой не продавец. Это убийца, подосланный цетагандийцами агент-убийца...

Айвен в одних трусах, закусив зубную щетку сверкающими зубами, провел рукой по шелковистой шерсти. Она заволновалась, словно пытаясь выгнуться под гладящими ее пальцами.

— Просто чудо. — Айвен перегнал щетку в другой угол рта, и его небритые щеки заходили ходуном. — Так и хочется потереться о неё всей кожей.

Майлз представил себе Айвена, развалившегося... И содрогнулся.

— Господи! Где кофе?

— Внизу. Выпьешь, когда оденешься. И постарайся выглядеть так, словно не поднимался с постели со вчерашнего дня.

Майлз почуял недоброе в ту же секунду, когда спустя полчаса после начала рабочего дня Галени вызвал его в свой кабинет.

— Доброе утро, лейтенант Форкосиган, — улыбнулся капитан с деланным радушием. Его улыбка сейчас была настолько же отвратительной, насколько настоящая — симпатичной.

— Доброе, сэр, — опасливо кивнул Майлз.

— Вижу, острый приступ воспаления суставов уже миновал.

— Да, сэр.

— Садитесь, пожалуйста.

— Спасибо, сэр.

Майлз осторожно сел: этим утром он не принимал болеутоляющего. После ночных приключений, особенно той неприятной галлюцинации в подземке, Майлз спустил таблетки в унитаз и мысленно сказал корабельному врачу, чтобы она вычеркнула из своего списка это лекарство. Галени как-то неуверенно нахмурился, но тут его взгляд упал на забинтованную правую руку Майлза. Когда Майлз, неловко подвинувшись, постарался спрятать ее за спину, Галени поморщился и включил экран головидео.

— Сегодня утром я поймал удивительно интересный выпуск местных новостей, — начал он. — Я решил, вам тоже будет интересно его увидеть.

«Мне больше хотелось бы упасть замертво прямо у вас на ковре, сэр». Майлз уже знал, о чем пойдет речь. Проклятие, а он-то беспокоился, что новости увидят только в цетагандийском посольстве.

Репортер из «Евроновостей» начала свой рассказ, явно записанный позже — на заднем плане уже догорал винный магазин. Когда пошли кадры с испачканным в саже, обгоревшим адмиралом Нейсмитом, здание еще вовсю пылало. Майлз услышал, как его голос выкашливает побетански: «...прискорбное недоразумение. Обещаю, что будет проведено тщательное расследование...» Сцена, когда он выкатился из пылающей двери с кассиршей на закорках, оказалась умеренно впечатляющей. Жаль, что все происходило при дневном свете. Ночью фейерверк смотрелся бы куда лучше.

Напряжение и ярость, искажавшие лицо адмирала Нейсмита, проступили и на лице Галени. Майлз втайне ему посочувствовал: что за радость от подчиненных, которые не выполняют приказов и устраивают тебе такие вот идиотские сюрпризы. Галени это не нравится. А кому понравится?

Новости наконец закончились, и Галени отключил видео. Откинувшись на спинку стула, он холодно взглянул на Майлза:

— Итак?

Шутки в сторону, решил Майлз и произнес очень серьезно:

— Сэр, командор Куин вызвала меня вчера днем с посольского приема, потому что я был ближайшим дендарийцем в чине офицера. В данном случае ее опасения оказались совершенно оправданными: мое быстрое вмешательство действительно предотвратило ненужные жертвы — возможно, даже смерти. Я должен принести извинения за то, что ушел без вашего разрешения. Однако я не могу сожалеть о сделанном.

— Извинения? — хрипло промурлыкал Галени, выгадывая время, чтобы справиться с душившей его яростью. — Вы ушли самовольно, без охраны, в нарушение прямого приказа! Еще несколько секунд — и я имел бы удовольствие отправить в штаб очередной доклад с запросом, куда девать ваш поджаренный труп. Но что самое интересное, вы, похоже, сумели телепортироваться из посольства и обратно, не оставив малейшего следа в моей системе безопасности. И вы рассчитываете все это исправить своими дурацкими извинениями? Ну нет, лейтенант.

Майлз выдвинул в оправдание свой единственный козырь:

— Я был с охраной, сэр. Там же, возле магазина, присутствовала командор Куин. И я ничего не рассчитываю исправить.

— Тогда объясните мне, как именно вы вышли и вернулись, пройдя через мою систему безопасности незамеченным. Ну?

Галени сложил руки на груди и грозно нахмурился.

— Я... — Положение двусмысленное. Конечно, покаяние очищает душу, но доносить на Айвена? — Я присоединился к группе гостей, покидавших прием через

главный вход. Поскольку на мне была дендарийская форма, охрана решила, что я один из приглашенных.

— Допустим. А возвращение? Каким образом вы вернулись?

Майлз замолк. Галени следует знать все, чтобы исправить недостатки охранной системы, но Майлз и сам не знал, что сотворил Айвен со сканерами, не говоря уже о капрале, поскольку сразу же завалился спать, не вдаваясь в подробности.

— Вам не защитить Форпатрила, лейтенант. Я его вызываю следующим.

— А почему вы думаете, что здесь замешан Айвен? — наудачу ляпнул Майлз, надеясь выиграть время. Но, кажется, зря. Ему следовало бы сначала подумать, потому что Галени с отвращением поморщился:

— Не глупите, Форкосиган.

Майлз сделал глубокий вдох:

— Все, что сделал Айвен, он сделал по моему приказу. Ответственность лежит исключительно на мне. Если вы согласитесь ни в чем не обвинять его, я попрошу, чтобы он представил полный доклад на тему «Как проделать временную дыру в системе безопасности».

— Вот как? — У Галени задергались губы. — А вам не приходило в голову, что лейтенант Форпатрил выше вас по должности?

— Нет, сэр, — с трудом сглотнул Майлз. — Я... как-то забыл об этом.

— Похоже, он тоже.

— Сэр! Поначалу я планировал отсутствовать совсем недолго, и возвращение тревожило меня меньше всего. По мере развития событий мне стало ясно, что вернуться незаметно мне уже не удастся, но было два часа пополуночи, и Айвен затратил столько усилий! Мне казалось неблагодарным...

— И еще вам казалось, — вполголоса вставил Галени, — что все сойдет вам с рук...

Майлз спрятал невольную улыбку.

— В любом случае Айвен здесь ни при чем. Во всем виноват один я, сэр.

— Благодарю вас, лейтенант, за ваше столь искреннее признание.

Выведенный из себя, Майлз огрызнулся:

— Черт подери, сэр, а чего бы вы хотели? Дендарийцы такие же барраярские войска, как и те, что носят императорскую форму, пусть они об этом даже не подозревают. Мне поручено ими заниматься. Я не могу игнорировать их ради того, чтобы как следует играть роль лейтенанта Форкосигана.

Галени качнулся на задних ножках стула, подняв брови:

— Играть роль лейтенанта Форкосигана? А кто же вы, по-вашему?

— Я...

Майлз замолчал: у него вдруг закружилась голова, как при падении в неисправной лифтовой шахте. До него даже не сразу дошел смысл вопроса. Молчание затянулось.

Галени сложил руки на столе, беспокойно хмурясь. Голос его зазвучал мягче:

— Запутались, да?

— Я... — Майлз беспомощно развел руками. — Когда я адмирал Нейсмит, мой долг — быть адмиралом Нейсмитом. Обычно мне не приходится вот так раздваиваться.

Галени наклонил голову:

— Но ведь Нейсмит нереален. Вы сами это сказали.

— Э-э... Правильно, сэр. Нейсмит нереален. — Майлз перевел дыхание. — Но его обязанности реальны. И ответственность — тоже. Нам надо прийти к какому-то более разумному решению относительно уклада моей здешней жизни, чтобы я мог их выполнять.

Похоже, Галени так и не уразумел, что, когда он получил под свое начало Майлза, его штат увеличился не на одного, а на пять тысяч человек. Но если он это осознает, не начнет ли он вмешиваться в их жизнь? Стиснув зубы, Майлз решил ни при каких условиях не объяснять

этого. В нем поднялась горячая волна... ревности? Господи, пусть Галени продолжает считать, что дендарийцы — мое личное дело.

— Гм-м... — Галени растирал лоб. — Да... Но впредь, когда обязанности адмирала Нейсмита потребуют вашего присутствия, вы обращаетесь ко мне, лейтенант Форкосиган. — Он вздохнул. — Считайте, что вам дан испытательный срок. Я бы посадил вас под домашний арест, но посол потребовал, чтобы сегодня днем вы выступили в качестве сопровождающего. Не забывайте, что я мог предъявить вам серьезнейшие обвинения. Например, неповиновение приказу.

— Я... остро осознаю это, сэр. А что будет с Айвеном?

— Там посмотрим.

Мысль об Айвене заставила Галени резко встряхнуть головой. Майлз посочувствовал ему.

— Хорошо, сэр. — Он понимал, что докучать Галени больше не следует.

— Вы свободны.

Великолепно, подумал Майлз, выходя из кабинета. Сначала Галени считал, что я нарушаю субординацию. А теперь думает, что я сумасшедший.

Кем бы я ни был.

Событием дня оказались прием и обед в честь Баба Лайрубы, посетившего Землю. Баба, наследственный глава своей планеты, объединил в этом визите политические и религиозные цели: завершив паломничество в Мекку, он приехал в Лондон для участия в переговорах относительно права свободного пролета, которые вела группа Западного Ориона. Пространственно-временной узел принадлежал Тау Кита, а Комарра соединялась с ним двумя маршрутами — отсюда барраярский интерес к персоне Баба.

Обязанности Майлза были обычными. В данном случае ему досталось сопровождать одну из четырех жен Баба. Майлз так и не понял, ужасна она или симпатична: ее огромные яркие карие глаза и гладкие шоко-

ладные руки были очень милы, но все остальное было закутано в бесконечные метры кремового шелка с золотой каймой и напоминало роскошные формы дорогостоящего матраца.

Об уме четвертой жены Баба Лайрубы судить было невозможно: она не говорила ни по-английски, ни по-французски, ни по-русски, ни по-гречески (в их барраярском варианте или любом другом), а Майлз не знал ни лайрубского, ни арабского. Ящичек с настроенными микропереводчиками, к несчастью, был по ошибке доставлен на другой конец Лондона, так что присутствующие дипломаты только обменивались улыбками. Майлз и его дама изъяснялись посредством мимики (соли, сударыня?) в течение всего обеда — и Майлз дважды вызвал у нее смех. Хотел бы он знать почему.

Уныние Майлза усугубилось, когда запыхавшийся помощник курьера доставил ящик с новыми переводчиками. А он-то надеялся, что послеобеденные речи отменят. Последовал ряд спичей на всевозможных языках — рассчитанных главным образом на корреспондентов. Все перегруппировались, пухленькую даму увели от Майлза две другие жены Лайрубы, и он начал пробираться через зал к группе барраярского посольства. Обогнув высокую алебастровую колонну, поддерживавшую сводчатый потолок, Майлз лицом к лицу столкнулся с журналисткой из «Евроновостей».

— Mon Dieu, да это же маленький адмирал, — жизнерадостно констатировала она. — Что вы здесь делаете?

Подавив мысленный вопль ужаса, Майлз сверхъестественным усилием воли заставил свое лицо выразить вежливое недоумение.

— Сударыня?

— Адмирал Нейсмит... — Тут она заметила его мундир, и глаза ее загорелись любопытством: — Какая-то тайная операция наемников, адмирал?

Прошла секунда. Майлз позволил своим глазам расшириться, а руке — скользнуть к лишенному оружия боку и там бессильно сжаться.

— Боже мой, — выдавил он голосом, полным ужаса (это ему далось очень легко). — Не хотите ли вы сказать, что адмирала Нейсмита видели на Земле?

Журналистка вздернула подбородок, недоверчиво улыбаясь:

— Несомненно — в вашем собственном зеркале.

Заметно ли, что у него обгорели брови? А правая рука забинтована. «Нет, это не ожог, сударыня, — мысленно внушал ей Майлз в полном отчаянии. — Я порезался, когда брился...»

Тут он вытянулся по стойке «смирно», щелкнув каблуками, и отвесил служительнице масс-медиа официальный поклон. Гордым, жестким голосом с сильнейшим барраярским выговором Майлз произнес:

— Вы, несомненно, обознались, сударыня. Я лорд Майлз Форкосиган с Барраяра. Лейтенант имперской службы. Не то чтобы я не мечтал получить упомянутое вами звание, но оно несколько преждевременно, я полагаю.

Журналистка сладенько улыбнулась:

— Вы поправились после ожогов, сэр?

Майлз изумленно поднял брови (не следовало привлекать к ним лишнее внимание):

— Нейсмит получил ожоги? Вы его видели? Когда? Мы не могли бы поговорить об этом? Человек, о котором вы упомянули, представляет большой интерес для службы безопасности Барраяра.

Пишущая дама осмотрела его с головы до пят:

— Надо полагать, поскольку вы с ним на одно лицо.

— Пожалуйста, пройдемте сюда. — И как он из всего этого выкрутится? Взяв журналистку за локоть, Майлз повел ее в укромный уголок. — Конечно, мы с ним на одно лицо. Адмирал Нейсмит — это мой... — (незаконнорожденный брат-близнец? Нет, не звучит. Его не просто осенило: это было как ядерный взрыв), — ...клон, — как ни в чем не бывало закончил Майлз.

— Что? — Уверенность его собеседницы дала трещину, она так и впилась в него глазами.

— Мой клон, — спокойно повторил Майлз. — Это удивительное создание. Мы считаем (хотя так и не удалось найти подтверждающих фактов), что он появился на свет в результате тайной операции цетагандийцев, которая пошла не по плану. По крайней мере с медицинской точки зрения цетагандийцы вполне могли осуществить такое. Факты относительно их военных генетических экспериментов просто ужасающи. — Майлз помолчал. Это по крайней мере было правдой. — Кстати, кто вы такая? Как вас зовут?

— Лайза Вэллери. — Дама показала ему свой аккредитационный кубик. — Агентство «Евроновости».

Ее готовность заново представиться свидетельствовала о том, что он избрал верную тактику.

— Ах вот как! — Майлз чуть отодвинулся от нее. — Служба новостей! Извините, сударыня. Мне не следовало разговаривать с вами без разрешения начальства. — И он сделал вид, что уходит.

— Нет, постойте... э-э... лорд Форкосиган. О!.. Вы случайно не родственник того самого Форкосигана?

Майлз нахмурился и напустил на себя суровость:

— Это мой отец.

— О-о! — выдохнула Вэллери, словно в экстазе. — Тогда понятно.

«Так я и думал», — усмехнулся про себя Майлз. Он снова сделал вид, что хочет сбежать от нее. Дама впилась в него пиявкой:

— Нет, пожалуйста... Если вы мне ничего не скажете, я разузнаю все сама. Повсюду, где можно.

— Ну... — Майлз сделал длинную паузу. — С нашей точки зрения, это довольно старые факты. Наверное, мне можно рассказать вам кое-что, поскольку это касается меня самого. Но только все это не для публикаций. Обещаете?

— Слово барраярского лорда нерушимо, так? — ответила журналистка. — Я никогда не открываю своих источников.

— Хорошо, — кивнул Майлз, делая вид, будто поверил ей, хотя в словах его собеседницы и намека не было на какое-либо обещание. Он придвинул пару стульев, и они устроились вне пределов досягаемости робофициантов, убиравших остатки банкета. Майлз откашлялся и начал свою историю.

— Биоконструкт, называющий себя адмиралом Нейсмитом, — это, возможно, самый опасный человек во всей галактике. Он хитер и решителен: и цетагандийская, и барраярская службы безопасности безуспешно пытались убить его. В лице дендарийских наемников он начал создавать свои вооруженные силы. Мы все еще не знаем, каковы его конечные цели и планы, но уверены, что они у него есть.

Вэллери с сомнением поднесла палец к губам:

— Он показался мне... таким милым, когда я с ним разговаривала. С поправкой на обстоятельства, конечно. Безусловно, храбрый человек.

— Да в том-то и гениальность и незаурядность этого человека! — вскричал Майлз и тут же приказал себе несколько сбавить тон. — Обаяние. Наверняка цетагандийцы — если это были цетагандийцы — предназначали его для чего-то экстраординарного. Он военный гений, знаете ли.

— Минуточку, — задумалась Вэллери. — Вы говорите, что он ваш истинный клон, а не просто ваша копия? Тогда Нейсмит должен быть моложе вас.

— Да. Его рост и развитие были искусственно ускорены — видимо, до крайнего предела. Он... Где вы его видели?

— Здесь, в Лондоне, — ответила журналистка и хотела что-то добавить, но вдруг остановилась: — И вы говорите — Барраяр пытался его убить? — Она чуть отодвинулась от Майлза. — Тогда, пожалуй, я предоставлю вам самим его выслеживать.

— О, мы уже оставили эти попытки, — коротко хохотнул Майлз. — Сейчас просто стараемся не терять его из виду. Видите ли, он недавно выскользнул из-под на-

шего наблюдения, и это ужасно нервирует службу безопасности. Очевидно, что первоначально его создали с целью какой-то подстановки, явно направленной против моего отца. Но семь лет назад он стал изменником, сбежал от своих хозяев-изготовителей и начал работать на себя. Мы знаем о нем слишком много, так что он уже не в силах подменить меня.

Женщина внимательно посмотрела на него:

— А мне кажется, в силах.

— Почти, — мрачно улыбнулся Майлз.— Но если бы вы могли поставить нас рядом, то увидели бы, что я почти на два сантиметра выше. Поздний рост. Гормональное лечение...

Скоро его фантазия иссякнет: он уже начинает нести чушь...

— Однако цетагандийцы все еще пытаются его убить. Пока это самое достоверное подтверждение того, что он создан именно ими. Видимо, слишком много знает. Нам бы ужасно хотелось установить, что именно он знает.

И Майлз заговорщически улыбнулся собеседнице. Его улыбка, он сам чувствовал это, была гадкой до ужаса. Вэллери еще немного отодвинулась.

Тут Майлз позволил себе сжать кулаки:

— Самое отвратительное в этом человеке — наглость. Он мог бы по крайней мере взять себе другое имя — нет же, пользуется моим! Наверное, привык к нему, пока его готовили подменить меня. Нейсмит говорит с сильным бетанским акцентом. Он живет под девичьей фамилией моей матери-бетанки — и знаете почему?

Да, действительно — почему, почему?..

Вэллери молча покачала головой, глядя на него завороженно и брезгливо.

— Потому что в соответствии с бетанским законом о клонах он является моим законным братом. Вот почему! Пытается получить юридическую базу. Я так толком и не знаю зачем. Может быть, это ключ к его тайне. Должна же быть у него какая-то слабина, что-то вроде ахиллесовой пяты...

Помимо наследственного сумасшествия, конечно. Майлз замолчал, задохнувшись. Пусть она думает, что это следствие сдерживаемой ярости.

Слава Богу, посол жестом подозвал его к себе: они собирались уходить.

— Извините меня, сударыня. — Майлз встал. — Я должен вас оставить. Но... э-э... если еще раз повстречаете фальшивого Нейсмита, буду очень признателен, если вы сообщите об этом в посольство Барраяра.

Майлз заметил, как губы женщины беззвучно произнесли: «Pourquoi»? Она тоже поднялась — не без опаски. Майлз галантно поцеловал ей руку, развернулся на месте и сбежал.

Он с трудом удержался, чтобы не запрыгать по ступеням Лондонского дворца, по которым спускался следом за послом. Гений! И вправду чертов гений. Почему он раньше не додумался до такого прикрытия? Шеф Имперской службы безопасности Иллиан придет в восторг. Может, даже Галени немного повеселеет.

ГЛАВА 5

В тот день, когда вернулся курьер из штаб-квартиры сектора, Майлз разбил лагерь в коридоре перед кабинетом Галени. Проявив чудовищную выдержку, он не сбил его с ног в дверях, а ворвался в комнату, только когда тот вышел.

Застыв по стойке «смирно» перед столом Галени, Майлз тихо произнес:

— Сэр?

— Да-да, лейтенант, знаю, — раздраженно ответил Галени, давая знак подождать. Наступила тишина: на экране перед Галени мелькали одна за другой страницы с данными. Просмотрев последнюю, Галени откинулся на спинку стула, сдвинув брови.

— Сэр? — настоятельно повторил Майлз.

Все так же хмурясь, Галени встал и жестом пригласил Майлза занять его место:

— Смотрите сами.

Майлз просмотрел все сообщения дважды.

— Сэр! Здесь ничего нет для меня.

— Я тоже это заметил.

Майлз стремительно повернулся к нему:

— Ни шифра кредита, ни приказа, ни объяснений — ничего! Вообще никакого упоминания обо мне. Мы двадцать проклятых дней прождали впустую. За это время мы успели бы пешком добраться до Тау Кита и вернуться обратно. Это безумие! Да нет — это просто невозможно!

Галени оперся рукой о стол, задумчиво созерцая экран.

— Невозможно? Ничего подобного. Я и раньше видел, как терялись сверхважные приказы. Как важные данные посылались не туда, куда надо. Как срочные требования складывались в папочку — ждать, пока кто-то выйдет из отпуска. Такое случается, увы.

— Со мной такого не бывает, — процедил Майлз сквозь зубы.

Галени приподнял бровь:

— Да вы заносчивы, лордик! — Он выпрямился. — Но подозреваю, вы говорите правду. Такие вещи с вами не случаются. С кем угодно, только не с вами. Конечно, — Галени почти улыбнулся, — все когда-то происходит в первый раз.

— Уже второй, — напомнил Майлз, впившись глазами в невозмутимое лицо начальника. Он еле удерживался, чтобы не бросить в это спокойное лицо самые безумные обвинения. Может, это розыгрыш а-ля комаррский мещанин? Если приказа и кредита нет, значит, их перехватили. Или, возможно, запрос вообще не отправляли. Правда, Галени утверждает обратное. Но неужели он поставит под угрозу собственную карьеру только для того, чтобы насолить докучливому подчиненному? Не то чтобы жалованье барраярского капитана было боль-

шой потерей, Майлз знал об этом, и все же деньги есть деньги.

А восемнадцать миллионов марок? Разве это не деньги?

Глаза Майлза вспыхнули, губы крепко сжались. Человек очень и очень небогатый, человек, чья семья потеряла значительное состояние — скажем, при покорении Комарры, — вполне мог польститься на эти проклятые восемнадцать миллионов. Ради них стоило рискнуть... многим. Майлз не считал Галени вором, но в конце концов, что ему известно об этом человеке? За двадцать дней Галени ни словом не обмолвился о себе.

— И что вы теперь намерены делать, сэр? — выдавил из себя Майлз.

Галени пожал плечами:

— Пошлю новый запрос.

— Новый запрос? И это все?

— А что ж еще? Я не могу выложить вам восемнадцать миллионов марок из собственного кармана, лейтенант.

«Вот как? Ну, это надо еще проверить...»

Ему надо срочно вырваться отсюда, из посольства, к своим дендарийцам. Туда, где его ждут собственные прекрасно подготовленные специалисты по сбору информации. Ждут, пока он влачит жалкое существование здесь, в этом болоте. Но если Галени действительно провел его, мысленно пообещал Майлз, в целом мире не найдется норы, где бы он укрылся с похищенными миллионами.

Галени между тем выпрямился и наклонил голову набок, словно прислушиваясь к чему-то, чего не слышал его собеседник.

— Для меня самого это загадка. — И он прибавил, очень тихо, почти про себя: — ...а я не люблю загадок.

Уверенный в себе... Хладнокровный... Майлз пришел в восторг от актерских способностей капитана, почти равных его собственным. Но если Галени действительно присвоил эти деньги, почему он не исчез? Чего он тут дожидается? Какого-то сигнала, о котором Майлзу не известно? Скорее разузнать все — о да, скорее!

— Еще десять дней, — выговорил Майлз онемевшими губами.

— Прошу прощения, лейтенант, — отозвался Галени все так же рассеянно.

«Конечно, попросишь...»

— Сэр, мне нужно провести день с дендарийцами. Обязанности адмирала Нейсмита увеличиваются. Во-первых, из-за этой отсрочки нам совершенно необходимо получить заем у коммерческого банка, чтобы оплатить хотя бы текущие расходы. Я должен лично этим заняться.

— Я уверен, что ваша охрана у дендарийцев совершенно недостаточна, Форкосиган.

— Ну так укрепите ее кем-нибудь из ваших людей, если считаете нужным. Наверняка моя история о клонах уменьшила опасность.

— Ваша история о клонах — чистейший идиотизм, — отрезал Галени, выйдя наконец из задумчивости.

— Она была блестящей, — обиделся Майлз. — Наконец-то мне удалось разделить Нейсмита и Форкосигана. Моя выдумка уничтожила самый опасный аспект всей этой трагикомедии: она отвела внимание от моей злополучной наружности.

— С чего вы взяли, что журналистка поделится своим открытием с цетагандийцами?

— Нас же видели с ней миллионы зрителей, черт подери! Они так или иначе начнут у нее допытываться, кто есть кто.

Майлз вдруг испытал легкий укол страха. Но он быстро успокоился, уверив себя, что цетагандийцы наверняка направят к журналистке какого-нибудь тайного агента. Не может быть, чтобы они просто схватили ее, выпотрошили и прикончили: она все-таки заметная фигура — здесь, на Земле.

— В таком случае почему вы приписали сотворение адмирала Нейсмита цетагандийцам? Одно-то они должны знать наверняка: что этого они не делали.

— Для пущей убедительности, — объяснил Майлз. — Если даже нам не известно, откуда взялся этот клон, они не очень удивятся, услышав о нем впервые.

— В ваших логических выкладках есть несколько проколов, — усмехнулся Галени. — Хотя не исключено, что эта нелепая история может сослужить вам службу — оказаться полезной для вашего прикрытия. Но мне она ничуть не помогает. Мне будет так же прискорбно узреть труп адмирала Нейсмита, как и бездыханное тело лорда Форкосигана. Несмотря на свои шизоидные склонности, даже вы не сможете настолько раздвоиться.

— Я не шизоид, — возмущенно возразил Майлз. — Правда, у меня есть склонность к маниакально-депрессивному состоянию, — признался он после некоторого раздумья.

У Галени дернулся краешек рта:

— Познай себя, советовали древние.

— Пытаемся, сэр.

Галени немного поколебался, но потом мудро решил не реагировать. Хмыкнув, он продолжил:

— Хорошо, лейтенант Форкосиган. Я дам вам в качестве охранника сержанта Барта. Но требую, чтобы вы каждые восемь часов докладывали мне по шифрованному комм-каналу. Можете получить увольнение на сутки.

Майлз, который в эту секунду набрал полные легкие воздуха, готовясь продолжить уговоры, лишился дара речи и едва выговорил:

— О! Спасибо, сэр.

И какого дьявола Галени повернулся на сто восемьдесят градусов? Майлз отдал бы голову на отсечение, лишь бы узнать, что пряталось за этим римским профилем.

Но он поспешил ретироваться, пока Галени не передумал.

Дендарийцы арендовали самую дальнюю стоянку лондонского космопорта из соображений безопасности, а не экономии. То, что ее удаленность сделала ее и самой дешевой, было лишь дополнительным — и приятным —

преимуществом. Стоянка находилась под открытым небом, в самом конце поля, и ее окружали необозримые пространства бетона. Никто и ничто не могло незамеченным подобраться к ней. А если неподалеку вдруг начнется какая-то заварушка, подумал Майлз, то вряд ли при этом пострадают ни в чем не повинные гражданские лица. Выбор был абсолютно логичным.

Но зато топать пешком чертовски далеко. Майлз старался шагать как можно энергичнее, но так, чтобы не напоминать при этом паучка, спешившего пересечь кухню. Может, вдобавок к его шизофрении и маниакально-депрессивному синдрому, он еще и параноик? Сержант Барт, тяжело вышагивавший рядом с ним в гражданской одежде, хотел подвезти его прямо к люку катера в бронированном автомобиле посольства. Майлзу с трудом удалось убедить его, что семь лет тщательного камуфляжа полетят в тартарары, если кто-нибудь увидит адмирала Нейсмита выходящим из официального транспорта Барраяра. Открытость их стоянки, увы, имела свои недостатки. Но по крайней мере ничто не может застигнуть их врасплох.

Конечно, если это «ничто» не будет соответствующим образом замаскировано. Возьмем, к примеру, вон тот массивный грузовик техобслуживания космопорта, который стремительно движется над самой поверхностью поля. Их тут множество, и глаз быстро привыкает к их виду. Майлз решил, что если бы планировал нападение, то выбрал бы именно такой грузовик.

Низко парящий грузовик между тем изменил направление. Барт дернулся, а Майлз напрягся. Это было чертовски похоже на перехват. Но, черт подери, люки — или окна — не открываются, вооруженные люди не прицеливаются в них даже из рогатки. Однако Майлз и Барт все же вытащили свои разрешенные законом парализаторы. Майлз постарался отскочить от Барта, а тот — заслонить его собой, и в сумятице была потеряна драгоценная секунда.

А потом стремительно летящий грузовик настиг их и снова взмыл вверх, заслонив яркое утреннее небо. Его гладкая герметичная поверхность была неуязвима для парализатора. И Майлзу наконец стало ясно, каким образом его прикончат. Его попросту раздавят.

Он издал что-то вроде всхлипа, резко повернулся и бросился бежать, пытаясь развить спринтерскую скорость. Грузовик рухнул вниз чудовищным кирпичом: там резко отключили антигравы. Это показалось Майлзу чрезмерным: неужели убийцы не знают, что его хрупкие косточки можно размозжить даже бакалейным лотком? От него не останется ничего, кроме отвратительного мокрого места на бетоне.

Майлз нырнул, покатился... Его спас только порыв вытесненного грузовиком воздуха. Открыв глаза, он всего в нескольких сантиметрах от собственного носа увидел край грузовика. Когда машина снова взмыла вверх, Майлз стремительно вскочил. Где Барт? Он по-прежнему сжимал в правой руке бесполезный парализатор. Рука кровила — он ободрал ее при падении.

На сверкающем боку грузовика были утопленные перила для лестницы. Если он окажется на них, грузовик не опасен. Майлз отшвырнул парализатор, прыгнул — чуть не опоздав — и повис на перилах. Грузовик накренился и снова рухнул, накрыв место, где он только что лежал. Потом злобная машина поднялась и снова рухнула с яростным ревом. Словно истеричный великан, пытающийся раздавить паучка шлепанцем. Ударом Майлза сорвало с его ненадежного насеста, и он упал перекатом, пытаясь уберечь кости. Увы! В бетоне не было трещин, куда можно было бы вползти и затаиться.

Под грузовиком опять росла полоска света: он поднимался. Майлз посмотрел, нет ли на бетоне красного комка, но ничего не увидел. Барт?! Нет — вон он, скорчился поодаль, что-то кричит в наручный комм. Майлз вскочил на ноги и побежал, петляя. Сердце у него колотилось так, что, казалось, кровь вот-вот брызнет из ушей. Дыхание почти остановилось, несмотря на судорожно

расширяющиеся легкие. Вокруг ходили ходуном небо и бетон... Он потерял из виду катер... Ага, вон он! И Майлз бросился к нему. Бег никогда не был его любимым видом спорта. Да, суровые экзаменаторы, не желавшие принимать его в Академию из-за физических недостатков, были правы. С отвратительным басовитым воем грузовик снова поднялся в воздух.

Ослепительно белая вспышка швырнула Майлза на бетон. Вокруг сыпались осколки металла, стекла и кипящего пластика. Что-то вскользь ударило его по затылку. Майлз прижал руки к голове и вжался в бетон, стараясь спрятаться на ровном месте. В висках у него стучало, голова раскалывалась от бессмысленного жуткого рева.

Спустя миллисекунду Майлз понял, что превратился в неподвижную мишень. Он резко повернулся набок и огляделся по сторонам в поисках грузовика. Машины-убийцы не было.

Но через воздушное пространство космопорта быстро, в нарушение всех правил, неслась черная блестящая авиетка: несомненно, она послужила причиной всеобщей тревоги — на бесконечных пультах вспыхнули сигнальные огни, а компьютеры управляющие лондонским транспортом, выдали сигналы боевой готовности. Даже не успев разглядеть зеленую форму сидящих в авиетке, Майлз определил, что это барраярская команда поддержки: так стремительно Барт рванул к ней. Однако нет никакой гарантии, что три дендарийца, мчащиеся к ним, пришли к тому же выводу. Майлз вскочил... на четвереньки. Резкое, хоть и оборвавшееся движение вызвало головокружение и тошноту. Со второй попытки он сумел подняться на ноги.

Барт схватил его за локоть и потащил к опускающейся авиетке.

— Назад, в посольство, сэр! — крикнул он.

Сыплющий проклятиями дендариец в серой форме резко остановился в нескольких метрах от них, направив плазмотрон на Барта.

— Отойди, ты! — прорычал он.

Рука Барта потянулась к карману, и Майлз поспешно встал между ними.

— Свои, свои! — воскликнул он, помахав обоим противникам. Дендариец застыл, недоверчивый и напряженный, а Барт с трудом опустил сжатые кулаки.

Элли Куин, державшая в одной руке ракетомет, уже бежала к ним. Из пятисантиметрового дула все еще шел дымок. Видимо, она стреляла навскидку. Ее раскрасневшееся лицо было полно ужаса.

Сержант Барт посмотрел на ракетомет, с трудом сдерживая ярость.

— Вам не кажется, что это чересчур? — рявкнул он на Элли. — Вы чуть было не разнесли нас к чертям собачьим!

Майлз понял, что Барта снедает досада из-за того, что ракетометом орудовал не он.

Элли возмущенно раскрыла глаза:

— Мне кажется, это было лучше, чем ничего. А «ничего» у вас и без меня хватает.

Майлз поднял правую руку (когда он попытался поднять левую, плечо свело) и неуверенно пощупал затылок. Рука стала влажной. Задета лишь кожа — кровищи много, но опасности никакой. Еще один мундир погорел.

— В подземке неудобно перевозить тяжелое вооружение, Элли, — мягко вмешался он. — Да и через охрану космопорта мы его не пронесли бы. — Он замолчал, глядя на дымящиеся останки грузовика. — Похоже, даже им не удалось пронести оружие через пост безопасности космопорта. Кто бы они ни были.

И он многозначительно кивнул второму дендарийцу, который, с ходу поняв намек, пошел взглянуть на то, что осталось от грузовика-убийцы.

— Пойдемте, сэр! — Барт снова наседал на него. — Вы ранены. Сейчас явится полиция. Вам нельзя быть в это замешанным.

Он хотел сказать, что лейтенанту Форкосигану ни во что нельзя быть замешанным. И он был абсолютно прав.

— Конечно, сержант, конечно. Уходите. Возвращайтесь в посольство кружным путем. Не дайте себя выследить.

— Но, сэр...

— Моя служба безопасности, которая только что продемонстрировала свою эффективность, возьмет меня под свою опеку. Идите, Бога ради.

— Капитан Галени мне голову оторвет, если...

— Сержант, мне голову оторвет сам Иллиан, если мое прикрытие будет нарушено. Это приказ. Идите!

Наводящее ужас имя шефа Имперской службы безопасности обеспечивало беспрекословное повиновение. Сконфуженный и запутавшийся, сержант Барт позволил Майлзу оттеснить себя к авиетке. Когда она стремительно умчалась, Майлз вздохнул спокойнее. Если бы он вернулся сейчас в посольство, Галени наверняка запер бы его в подвале.

Подошел мрачный и позеленевший дендариец — тот, что ходил обследовать останки.

— Два человека, сэр, — доложил он. — Кажется, оба — мужчины, судя по... э-э... оставшимся деталям.

Майлз со вздохом посмотрел на Элли:

— Допрашивать некого?

Она пожала плечами. И вдруг встревожилась не на шутку:

— О! У вас кровь!

Дьявольщина. Если бы осталось хоть что-то, Майлз побросал бы все в катер и — с разрешением или без — улетел, чтобы продолжить расследование в лазарете «Триумфа», где ему никто не помешал бы. Лондонская полиция и без того недовольна им; хотя проступком больше, проступком меньше — какая теперь разница. Похоже, ему опять предстоит иметь дело с полицейскими. Пожарные и машины космопорта уже приближались.

И все же в лондонской полиции шестьдесят тысяч человек. Это целая армия — гораздо большая, хоть и хуже вооруженная, чем у него. Может, удастся натравить их на цетагандийцев — или кто там за этим стоял?

— Кто были эти типы? — спросил дендарийский охранник, бросая взгляд в сторону, куда умчалась черная авиетка.

— Не важно, — ответил Майлз. — Их здесь не было, и вы их в жизни не видели.

— Да, сэр.

До чего же он любит своих дендарийцев! Вот уж кто никогда с ним не спорит. Майлз подчинился Элли, настоятельно желавшей оказать ему первую помощь, мысленно подготавливая версию для полиции. Они явно успеют надоесть друг другу, прежде чем закончится его пребывание на Земле.

Не успела приземлиться группа криминалистов, как Майлз обнаружил рядом журналистку — Лайзу Вэллери. Он даже не очень удивился — этого следовало ожидать. Поскольку лорд Форкосиган стремился произвести на нее отталкивающее впечатление, адмирал Нейсмит призвал на помощь все свое обаяние, изо всех сил пытаясь вспомнить, что говорило ей последнее из его воплощений.

— Адмирал Нейсмит! Похоже, неприятности вас преследуют! — с жаром начала она.

— По крайней мере эта преследовала, — добродушно отозвался он, стараясь собрать остатки спокойствия. Оператора рядом не было — он снимал место происшествия, так что Вэллери попытается получить от него нечто большее, чем просто интервью.

— Кто были эти люди?

— Прекрасный вопрос, на который вам должна ответить полиция Лондона. Моя теория — цетагандийцы, желавшие отомстить за некую операцию дендарийцев... э-э... не против них, но в поддержку их противников. Но вам лучше об этом не упоминать. Никаких доказательств. На вас могут подать в суд за диффамацию.

— Не могут, если это будет прямое цитирование ваших слов. А вы не думаете, что это могли быть барраярцы?

— Барраярцы?! А что вам известно о Барраяре? — Майлз разыграл изумление, плавно перешедшее в недоумение.

— Я расследовала ваше прошлое, — улыбнулась она.

— Расспрашивая барраярцев? Надеюсь, вы им не поверили?

— Не поверила. Они считают, что вас создали цетагандийцы. А я искала независимых свидетелей, опираясь на собственные источники. Я связалась с иммигрантом, который раньше работал в лаборатории по производству клонов. К сожалению, память его не сохранила деталей. Но то, что он мог вспомнить, просто ужасает. Свободный флот дендарийских наемников, кажется, зарегистрирован на Архипелаге Джексона?

— Да. Так гораздо удобнее. Мы с ним никак не связаны, если вы об этом. Я вижу, вы уже немало узнали, а? — Майлз вытянул шею: перед полицейским автомобилем Элли что-то экспансивно втолковывала капитану полиции.

— Разумеется, — без лишней скромности подтвердила Вэллери. — Я бы хотела — с вашего согласия, конечно, — сделать о вас подробный репортаж. Мне кажется, зрители пришли бы в восторг.

— О!.. Дендарийцы не ищут популярности. Скорее наоборот. Это может неблагоприятно сказаться на нашей работе и наших работниках.

— Тогда о вас лично. Ничего о современном состоянии дел. Просто как вы к этому пришли. Кто вас клонировал и почему... Я уже знаю, от кого вы произошли. Ваши первые воспоминания? Насколько я поняла, вас выращивали ускоренно и обучали под гипнозом. Как это было? Ну и так далее.

— Это было неприятно, — коротко ответил он. Конечно, ее предложение звучало соблазнительно, но после того, как Галени снимет с него шкуру, Иллиан сделает из нее чучело. Хотя она симпатичная, эта Вэллери. Одно дело использовать ее для распространения полезных слухов, но слишком близкий контакт с ним... Майлз бросил взгляд на бетон, где криминалисты работали с останками грузовика... может повредить ее здоровью. — У меня есть идея получше. Почему бы вам не разоблачить нелегальное клонирование гражданских лиц?

— Это уже было.

— Но по-прежнему практикуется.

Ее это предложение ничуть не вдохновило.

— Если вы будете сотрудничать со мной, адмирал Нейсмит, вы сможете откорректировать репортаж в желательном для вас ключе. Если же нет... Ну что ж, вы — объект интереса. Все имеют право изучать этот объект.

Майлз с сожалением покачал головой:

— Мне очень жаль, но вам придется действовать самостоятельно. — Его внимание привлекла сцена у полицейского автомобиля. — Извините, — рассеянно бросил он журналистке.

Вэллери пожала плечами и отправилась ловить своего оператора, а Майлз бросился к машине.

Они собирались увезти Элли!

— Не беспокойтесь, Майлз. Меня не в первый раз арестовывают, — уверенно произнесла она. — Подумаешь!

— Командор Куин — мой личный охранник, — запротестовал Майлз, обращаясь к капитану полиции. — И она находилась при исполнении служебных обязанностей, что очевидно. И сейчас находится. Она мне нужна!

— Ш-ш, Майлз, успокойся, — прошептала ему Элли. — Или тебя тоже арестуют.

— Меня?! Я же, к черту, жертва! Те два негодяя пытались меня прихлопнуть! Их и надо брать под арест!

— Их тоже прихватят, как только криминалисты наполнят ими свои чемоданчики. Нельзя ожидать, что власти поверят нам на слово. Они проверят факты, найдут им подтверждение, и меня отпустят. — Элли повернулась и улыбнулась капитану полиции, который тут же размяк. — Полисмены тоже люди, не правда ли, капитан?

— Разве тебе мама не говорила, что не следует садиться в машину с незнакомыми дядями? — пробормотал Майлз. Но Элли права. Если он и дальше будет вмешиваться, полисмены чего доброго запретят его катеру взлет или придумают еще что похуже. Интересно, вернут ли дендарийцам их ракетомет, конфискованный как орудие убийства? А может, арест Элли, его главного охранника, первый шаг хитроумного загово-

ра? Интересно, найдутся ли у врача лекарства от параноии? Если и найдутся, то у него скорее всего на них аллергия. Заскрипев зубами, Майлз глубоко вздохнул, стараясь успокоиться.

На стоянку выкатывался дендарийский двухместный мини-катер. Ну, что теперь? Майлз взглянул на хронометр и понял, что просидел в космопорте пять из драгоценных двадцати четырех часов увольнения. Узнав, который час, он понял, кто именно прилетел, и тяжко вздохнул. Элли воспользовалась этим, чтобы заставить капитана полиции сдвинуться с места. Слава Богу, журналистка побежала брать интервью у администрации космопорта.

Лейтенант Боун, чистенькая, приглаженная, очень солидная в своем сером бархатном парадном мундире, вышла из катера и направилась к стоявшим у трапа.

— Адмирал Нейсмит? Сэр, вы готовы ехать на нашу встречу с... О Боже!

Майлз изобразил на своем разбитом, вздувшемся от кровоподтеков лице широкую улыбку. Хорошенькое зрелище являет собой адмирал Нейсмит: волосы спутались и пропитались кровью, воротник кителя тоже, брюки превратились в лохмотья.

— Ну что, купите вы у такого человека подержанный карманный дредноут? — жизнерадостно чирикнул он.

— Не пойдет, — вздохнула Боун. — Банк, в который мы обратились, очень консервативный.

— Без чувства юмора?

— В том, что касается денег, — да.

— Так. — Майлз проглотил вертевшуюся на языке шутку: она больше походила на скрытую истерику. Попытавшись пригладить волосы, он поморщился и осторожно пощупал временную пластповязку. — А ведь все мои запасные мундиры — на орбите. И мне ничуть не хочется бродить по Лондону без Куин. По крайней мере сейчас. А еще — надо, чтобы врач осмотрела мое плечо: с ним не все в порядке. — (Если вдаваться в подробности, оно

болит просто адски.) — И кроме того, появились новые и очень серьезные подозрения насчет денежного перевода для оплаты наших услуг.

— О? — только и произнесла Боун, сразу ухватив суть.

— Очень неприятные подозрения, которые необходимо проверить. Ладно, — вздохнул Майлз, смиряясь с неизбежным. — Отмените наш сегодняшний визит в банк. Если получится, договоритесь о новом — на завтра.

— Слушаюсь, сэр. — Боун отдала ему честь и повернулась, чтобы идти.

— Да! — крикнул Майлз ей вдогонку. — Вам совсем не обязательно говорить, почему я не явился.

Уголок рта чинной женщины в сером бархате лукаво приподнялся.

— Мне бы это и в голову не пришло, — заверила она на ходу.

Когда Майлз вернулся на борт «Триумфа», осмотр флотского врача показал, что у него треснула лопатка, каковой диагноз его ничуть не удивил. После обработки электростимулятором ему наложили на левую руку на редкость неудобный пластфиксатор. Майлз ныл до тех пор, пока врач не пригрозила, что перевяжет его с ног до головы. Как только ему обработали скальп, он выскользнул из лазарета, опасаясь, как бы врач не привела свою угрозу в исполнение.

Умывшись и переодевшись, Майлз тут же разыскал капитана Элен Ботари-Джезек. Она входила в число трех дендарийцев, которые знали о нем все. Второй была Элли Куин. Третьим — муж Элен и главный инженер флота коммодор Баз Джезек. Элен была дочерью покойного личного охранника Майлза. Они росли вместе и знали друг друга буквально с пеленок. Элен стала офицером дендарийского флота еще тогда, когда Майлз создал его (или подобрал с земли, или как там еще можно охарактеризовать то давнее хаотическое начало всей этой чудовищно разросшейся секретной операции). Вернее, она была произведена в офицеры указом Майлза, но стала опыт-

ным военнослужащим благодаря денному и нощному труду и отваге. Ее способность концентрироваться была феноменальной, преданность — безусловной. Майлз так гордился Элен, словно сам ее создал. Прочие его чувства по отношению к ней никого не касались.

Войдя в офицерскую кают-компанию, Элен взмахнула рукой, изобразив нечто среднее между обычным приветственным жестом и салютом, и улыбнулась своей удивительной, очень серьезной улыбкой. Майлз ответил кивком и уселся за столик.

— Привет, Элен. Для тебя есть секретное задание.

Высокое стройное тело шевельнулось в кресле, карие глаза зажглись любопытством. Коротко остриженные темные волосы лежали ладной, гладкой шапочкой. Назвать Элен красивой было трудно, но тонкие, вылепленные, как у благородной гончей, черты ее бледного лица приковывали внимание. Майлз уставился на свои короткие узловатые пальцы, чтобы не потеряться взглядом в таинственной глубине ее глаз. Все еще. Всегда.

— Э-э... — Он огляделся и поймал на себе любопытные взгляды техников из-за соседнего столика. — Извините, ребята, это не про вас.

Майлз показал техникам на дверь, и они, ухмыльнувшись, забрали свое любопытство вместе с кофе и с громким топотом удалились.

— Что за секретное задание? — спросила Элен, вгрызаясь в сандвич.

— Секретное в квадрате — как для дендарийцев, так и для здешнего барраярского посольства. Но особенно для посольства. Ты должна выполнить курьерскую миссию. Я хочу, чтобы ты купила билет на самый быстрый коммерческий рейс на Тау Кита и доставила послание от лейтенанта Форкосигана в штаб-квартиру службы безопасности сектора, — он располагается в тамошнем посольстве. Мой командир здесь, на Земле, не знает, что я тебя посылаю, и я бы хотел, чтобы он никогда об этом не узнал.

— Мне... не слишком хочется иметь дело с барраярским военным командованием, — сдержанно проговорила Элен спустя минуту. О, она тоже разглядывает свои руки!

— Знаю. Но поскольку дело касается обоих моих «воплощений», послать я могу только тебя, База или Элли Куин. Элли арестовала лондонская полиция, а твоего мужа я послать не могу: какая-нибудь бестолковая пешка на Тау Кита может арестовать его.

Элен оторвалась от созерцания своих изящных ладоней.

— А почему с База так и не сняли обвинение в дезертирстве?

— Я пытался разузнать это на Барраяре. Пытался доказать там, как это глупо. Мне казалось, я их уже убедил. Но потом у Саймона Иллиана случился очередной приступ недоверчивости, и он решил не отменять ордер на арест. Кроме всего прочего, это прибавляет особую достоверность легенде, что дендарийцы — совершенно независимая организация. Я уверен, что Иллиан не прав. Более того, я не раз говорил ему об этом, пока он не приказал мне однажды заткнуться раз и навсегда. Когда-нибудь, когда приказы буду отдавать я, положение исправится, Элен.

Она выгнула бровь:

— Это произойдет не очень скоро — с вашими темпами продвижения по службе, лейтенант.

— Ничего не поделаешь. Отец боится, как бы его не обвинили в непотизме. — Майлз стиснул в руках запечатанный диск данных, которым бесцельно водил по столу. — Я хочу, чтобы ты передала это в руки главного военного атташе на Тау Кита, коммодора Дестанга. Не отдавай его никому другому. Я подозреваю, что существует утечка в курьерской цепочке Барраяра, когда сведения посылаются отсюда туда. Мне кажется, проблема кроется здесь, но если я ошибаюсь... Надеюсь, что это не Дестанг!

— Паранойя? — сочувственно осведомилась Элен.

— Усиливающаяся с каждой минутой. И то, что в моей родословной значится император Ури Безумный, не улуч-

шает ситуации. Меня все время тревожит, не заболеваю ли я его болезнью. Скажи, Элен, можно ли быть параноиком по поводу собственной паранойи?

Элен улыбнулась:

— Если это вообще возможно, то именно для тебя.

— Гм-м. Ну, данный случай паранойи просто классический. Я смягчил все это в письме Дестангу, думаю, тебе стоит просмотреть его перед отлетом. Интересно, что бы ты подумала о молодом офицере, которому кажется, что начальство пытается его прикончить?

Элен склонила голову набок, недоуменно глядя на Майлза.

— Вот именно, — кивнул он ей, постучав по диску указательным пальцем. — Цель твоей поездки — проверить гипотезу (только гипотезу, понятно?), почему мы не получили наши восемнадцать миллионов марок. Потому, что они исчезли по пути? Или попали в карманы бесценного капитана Галени? Как бы там ни было, никакими фактами на сей счет я не располагаю, кроме разве что внезапных отлучек Галени, а с таким смехотворным обвинением молодому честолюбивому офицеру лучше держать язык за зубами. Я включил этот вариант событий в число еще четырех, но именно этот почему-то кажется мне наиболее убедительным. Итак, тебе следует выяснить, выслала ли штаб-квартира наши деньги.

— Ты что-то слишком взволнован. И голос у тебя странно печальный.

— Еще бы. Ведь это самый неприятный вариант. Но выглядит он слишком логичным, к сожалению.

— Почему «к сожалению»?

— Потому что Галени — комаррец.

— Какая разница? Тем больше вероятности, что ты прав.

«Для меня разница есть». Майлз встряхнул головой. В конце концов какое Элен дело до внутренней политики Барраяра: ведь она дала клятву навсегда забыть свою ненавистную родину.

Элен между тем, пожав плечами, поднялась и положила диск в карман.

Майлз не попытался коснуться ее руки. Он не сделал ни единого движения, которое могло поставить обоих в неловкое положение. Лучше старая дружба, чем новая любовь.

«Ах, мои самые старые друзья».

Все еще. Всегда.

ГЛАВА 6

Вместо обеда Майлз закусил сандвичем и отхлебнул кофе, склонившись над докладами о текущем положении дел дендарийского флота. Ремонт сохранившихся боевых катеров «Триумфа» был закончен. И — увы! — оплачен. Денег уже не вернуть. По всему флоту закончились работы по переоборудованию, все побывали в отпусках, все, что можно было надраить, — надраили. Флоту грозила скука. Скука и банкротство.

Цетагандийцы ошибались, с горечью понял Майлз. Дендарийцев погубит не война, а мир. Если враги просто сложат руки и будут терпеливо ждать, его детище, дендарийский флот, развалится сам собой, без всякого вмешательства со стороны.

Прозвенел звонок, очень кстати прервав мрачную и запутанную цепь его размышлений. Майлз включил комм:

— Я слушаю.

— Это Элли.

Он стремительно нажал кнопку дверного замка:

— Наконец-то! Ты вернулась раньше, чем я предполагал. Я боялся, ты застрянешь там, как Данио. Или даже хуже.

Он повернул кресло навстречу шороху открывающейся двери, и в комнате сразу стало светлее, хотя датчик освещенности сей странный факт не зарегистрировал. Приветственно взмахнув рукой, Элли устроилась на его столе. Она улыбалась, но глаза у нее были усталые.

— Я же говорила тебе, — начала она. — За меня нечего волноваться. По правде говоря, разговоры о том, чтобы оставить меня погостить подольше, были. Но я с такой готовностью отвечала на все их вопросы, была такой светской и благовоспитанной, пытаясь убедить их, что не представляю никакой опасности для общества и меня смело можно выпустить на улицы, что они дрогнули, хотя и не сдались. Но вдруг их компьютеры выдали кое-что интересное. Лаборатория смогла идентифицировать тех двоих, кого я... убила в космопорте.

Майлз понял короткую паузу перед тем, как она выбрала это слово. Другой мог бы остановиться на небрежном «пристукнула» или «устранила», тем самым отстранившись от своего поступка. Но только не Элли.

— Видимо, результат оказался интересным, — рассудительно проговорил он, стараясь, чтобы голос звучал спокойно, без тени осуждения. Хорошо, если бы тени наших жертв сопровождали нас только в ад! Но нет, они вечно торчат у нас за спиной, всегда к нашим услугам. Может быть, зарубки, которые Данио делал на рукоятке своего оружия, вовсе не признак дурного вкуса. Наверняка большим грехом было бы забыть хоть одного убитого тобой. — Расскажи мне о них.

— Оказалось, оба хорошо известны Европолиции. Оба находились в розыске. Это были... как бы это сказать... солдаты теневой экономики, что ли. То есть профессиональные убийцы. Местные.

Майлз поморщился:

— Боже правый, им-то я чем не угодил?

— Сомневаюсь, что они напали на тебя по собственной инициативе. Это наверняка наемники, чьи услуги оплатил некто неизвестный, — но мы с достаточной степенью определенности можем догадаться, кто именно.

— Ох нет! Теперь уже цетагандийское посольство платит за то, чтоб меня прикончили? Правда, Галени обмолвился как-то, что у них нехватка персонала. Но, Элли! — Майлз встал из-за стола и взволнованно заходил по каюте. — ...Это значит, на меня могут напасть

снова, где угодно, когда угодно. Совершенно незаинтересованные незнакомцы!

— Кошмар для службы безопасности, — согласилась она.

— Полиции, конечно, не удалось выяснить, кто оплачивал их услуги?

— Это было бы слишком большой удачей. Нет, пока не удалось. Я, разумеется, обратила их внимание на цетагандийцев. Теперь у них есть мотивировка, которую можно учесть при расследовании треугольника «метод — возможность — повод».

— Прекрасно. А мы не могли бы сами рассмотреть метод и возможность? Результат попытки свидетельствует, что эти двое не слишком хорошо подготовились к заданию.

— А на мой взгляд, их метод был ужасающе близок к тому, чтобы сработать, — глухо отозвалась Элли. — Однако он указывает на то, что убийцам просто не представилось лучшей возможности. Я хочу сказать, что адмирал Нейсмит не просто скрывается, когда ты спускаешься на Землю, — хотя и его затруднительно отыскать среди девяти миллиардов землян. Но он буквально перестает существовать: раз! — и нет. Говорят, эти парни несколько дней проторчали в космопорте, поджидая тебя.

Майлз застонал. Удовольствие от посещения Земли испорчено окончательно. Похоже, адмирал Нейсмит опасен не только для себя, но и для окружающих. На Земле слишком тесно. А если в следующий раз убийцы попытаются взорвать целый вагон подземки или ресторан, чтобы покончить с его персоной? Одно дело — идти в ад в сопровождении теней врагов, но если в следующий раз он окажется в обществе младшеклассников?

— О, между прочим, я видела рядового Данио, — добавила Элли, тщательно изучая сломанный ноготь. — Его дело будет рассматриваться в суде через пару дней, и он сказал мне, что рассчитывает на тебя.

Майлз тихо зарычал:

— Ну еще бы! Бешеное количество таинственных незнакомцев в поте лица пытается меня прикончить, а он ждет, чтобы я появился на публике в назначенный час! Несомненно, у них будет превосходный шанс попрактиковаться в стрельбе.

Усмехнувшись, Элли аккуратно откусила обломок ногтя.

— Он хочет, чтобы кто-то дал ему положительную характеристику.

— Положительную характеристику! Хотел бы я знать, где он прячет свою коллекцию скальпов: я бы принес их судье. Социопатотерапия придумана специально для таких, как он. Нет, нет! Не дай Бог, чтобы Данио характеризовал кто-то, кто его знает. — Майлз со вздохом замолчал. — Ну, отправь на суд капитана Торна. Он бетанец, космополит, сумеет убедительно солгать при даче показаний.

— Прекрасный выбор, — одобрила Элли. — Тебе давно пора передать другим часть своих обязанностей.

— Я их все время передаю, — возразил Майлз. — Ну разве мне не повезло, что я возложил на тебя обязанности по охране моей персоны?

Поморщившись, Элли взмахнула рукой, словно пытаясь отбить комплимент прежде, чем он приземлится. Неужели его слова кусаются?

— Я действовала слишком медленно.

— Ты действовала достаточно быстро.

Майлз стремительно повернул кресло, чтобы оказаться лицом к лицу с Элли — вернее, с ее шеей. Элли расстегнула воротник кителя, и черная футболка словно рассекла шею пополам: ниже — тело женщины, выше — изваянная из мрамора голова античной богини. В ноздри Майлза проник тонкий аромат — никаких духов, только запах теплой женской кожи.

— Думаю, ты был прав когда-то, — не глядя на него, заметила Элли. — Офицерам не следует делать покупки в магазине, принадлежащем компании...

«Черт подери! — воскликнул про себя Майлз. — Я тогда сказал это только потому, что был без памяти влю-

блен в жену База Джезека. И вырвалось это у меня поневоле...»

— ...это действительно мешает выполнять долг. Я смотрела, как ты идешь к нам через космопорт, и на пару минут — решающих минут! — забыла о безопасности.

— А о чем ты думала? — неожиданно для себя выпалил Майлз. Проснись, парень: следующие тридцать секунд могут решить твою жизнь.

Улыбка у Элли получилась вымученная, но она постаралась, чтобы ответ прозвучал легко:

— Я гадала, что ты сделал с тем глупым кошачьим одеялом.

— Оставил в посольстве. Я собирался захватить его с собой, — (и чего бы он сейчас ни дал, чтобы иметь возможность картинным жестом расстелить его и пригласить Элли присесть рядом!), — но меня кое-что задержало. Я еще не рассказал тебе о новом повороте дел с нашим финансированием. Подозреваю... — Проклятие, он опять о деле! Дела вмешиваются в самые чудесные минуты, те минуты, что могли бы стать интимными. — Я потом тебе расскажу. А сейчас поговорим о нас с тобой. Мне просто необходимо поговорить об этом.

Элли чуть отстранилась, и Майлз спешно поправился:

— ...и о долге.

Элли прекратила отступление. Правая рука Майлза прикоснулась к воротнику ее кителя, отвернула его, скользнула по гладкому и прохладному пластику нашивок. Такое же нервное движение, как тогда, когда снимаешь с собеседника невидимые ниточки. Майлз отдернул руку и стиснул ее у собственного горла.

— Видишь ли... У меня ужасно много обязанностей. В некотором смысле — двойная доза. Обязанности адмирала Нейсмита и обязанности лейтенанта Форкосигана. А еще обязанности лорда Форкосигана. Так что даже тройная.

Брови у Элли чуть приподнялись, губы сморщились, взгляд сделался невозмутимо-вопросительным. О да, бо-

жественное терпение: она будет ждать, пока он покажет себя полным идиотом. Мешать она не станет. И Майлз ринулся вперед.

— Ты знакома с обязанностями адмирала Нейсмита. Но, по правде говоря, они-то меня тревожат меньше всего. Адмирал Нейсмит — подчиненный лейтенанта Форкосигана. А лейтенант существует только для того, чтобы служить Имперской службе безопасности Барраяра, к которой причислен мудрым соизволением нашего императора. Или советников императора. Короче, моего отца. Ты ведь знаешь эту историю.

Элли кивнула.

— Эта дурацкая фраза — насчет отсутствия личных связей с членами экипажа — хороша для адмирала Нейсмита...

— Я потом подумала, не был ли тот... случай в лифтовой шахте проверкой, — задумчиво проговорила Элли.

Смысл ее слов дошел до Майлза не сразу, а когда дошел, он завопил:

— Ох нет! Это был бы жалкий отвратительный, подлый трюк! Элли, как ты могла подумать такое! Проверка? Полная реальность!

— О! — отозвалась она, но почему-то не разуверила его с помощью жаркого объятия. Жаркое объятие пришлось бы сейчас очень кстати. Но Элли продолжала стоять неподвижно, глядя на Майлза, и поза ее неприятно напоминала стойку «смирно».

— Элли! Ты не должна забывать, что адмирал Нейсмит нереален. Это конструкт. Я его изобрел. И теперь, задним числом, вижу, что упустил нечто важное. Самое важное.

— О, глупости, Майлз. — Элли легко прикоснулась к его щеке.

— Давай вернемся к началу, к самому началу — к лорду Форкосигану, — отчаянно продолжал Майлз. Он откашлялся и с трудом перешел на барраярский выговор. — Ты почти не знакома с лордом Форкосиганом.

Она усмехнулась:

— Я уже слышала, как ты изображаешь этот... акцент. Он очарователен, хотя и неуместен сейчас.

— Это не я изображаю, а он изображает. То есть... по-моему... — Майлз замолчал, запутавшись, потом произнес очень серьезно: — Барраяр вошел в мою плоть и кровь. Барраяр и барраярцы.

Элли приподняла брови, но ироническое выражение лица смягчила теплота голоса.

— Насколько я понимаю, так оно и есть. Хотя тебе не за что благодарить их — ведь они отравили тебя даже прежде, чем ты родился.

— Они метили не в меня. Они метили в отца. Моя мать... — Если учесть, к чему он сейчас ведет, незачем останавливаться на всех покушениях, которые он претерпел за последние двадцать пять лет. — Да и вообще, такое сейчас почти не случается.

— А сегодня в космопорте — это был уличный балет? Да?

— Ну, Барраяр здесь, во всяком случае, ни при чем.

— Откуда ты знаешь? – мгновенно парировала Элли.

Майлз замер, разинув рот, ошеломленный новой и еще более жуткой версией событий. Если он правильно разгадал капитана Галени, тот человек тонкий. Капитан Галени вполне способен проследить цепочку его, Майлза, рассуждений. Предположим, Галени действительно присвоил себе эти деньги. И предположим, Галени предвидел подозрительность Майлза. И предположим, он нашел способ сохранить и деньги, и карьеру, устранив того, кто мог обвинить его в краже. В конце концов Галени точно знал, когда именно Майлз появится в космопорте. Любой местный наемный убийца, к которому могли обратиться цетагандийцы, столь же доступен и барраярскому посольству.

— Об этом мы тоже поговорим... Позже, — с трудом выдавил Майлз.

— Почему не сейчас?

— Потому что я... — Он заметил, что почти стонет, замолчал, глубоко вздохнул и договорил совсем тихо и напряженно: — ...пытаюсь сказать тебе о другом. Совсем о другом.

Воцарилось молчание. Первой нарушила его Элли.

— Ну что ж, говори!

— Так вот, мои обязанности. Так же как лейтенант Форкосиган ответственен за все, что делает адмирал Нейсмит, плюс еще за собственные поступки, так и лорд Форкосиган отвечает за все содеянное лейтенантом Форкосиганом, плюс его собственные обязанности. Политические обязанности, не совпадающие с обязанностями лейтенанта, гораздо более широкие. И... э-э... семейные обязанности.

У него вспотели ладони, и Майлз постарался незаметно вытереть их о брюки. Разговор оказался труднее, чем он думал. Но ведь не труднее же, чем для той, кому сожгли когда-то лицо, встретить сегодня плазменный огонь в космопорте. Встретить, защищая его.

— Ты говоришь о себе так, словно ты математическая теорема. «Множество множеств, которые являются собственными членами», или что-то в этом роде, — улыбнулась Элли.

— Я так себя и ощущаю, — признался Майлз. — Но мне нельзя терять ориентиры.

— А что чувствует лорд Форкосиган? — с любопытством спросила Элли. — Когда ты смотришься в зеркало, выходя из душа, кто смотрит на тебя оттуда? Ты не говоришь себе: «Привет, лорд Форкосиган»?

«Я стараюсь не смотреться в зеркало»...

— Наверное, Майлз. Просто Майлз.

— А какие чувства охватывают Майлза?

Он провел указательным пальцем правой руки по обездвиженной левой:

— Вот эта кожа охватывает Майлза.

— И это последняя, самая внешняя граница?

— Кажется, да.

— Боже, — прошептала Элли. — Я влюблена в человека, который уверен, что он луковица.

Майлз засмеялся — он не смог удержаться от смеха даже сейчас. «Влюблена?!»

Сердце Майлза заколотилось.

— Знаешь, это все-таки лучше, чем было с одной моей прародительницей. Та думала, что она...

Нет, об этом тоже не следует упоминать.

Но Элли была любознательна и любопытна как никто. В конце концов поэтому он и определил ее в разведку.

— Что?.. — Элли затаила дыхание.

Майлз пробормотал:

— Пятая графиня Форкосиган периодически страдала от заблуждения, будто сделана из стекла.

— И что в конце концов с ней случилось? — зачарованно спросила Элли.

— Один из раздраженных родичей уронил ее. И разбил.

— У нее была такая жуткая мания?

— Нет, башня была такая высокая. Не знаю, — нетерпеливо проговорил Майлз. — Я не виноват, что у меня такие чудные предки. Скорее наоборот. Определенно шиворот-навыворот. — Он опять сглотнул, понимая, что теряет нить. — Видишь ли, одна из невоенных обязанностей лорда Форкосигана заключается в том, чтобы рано или поздно, когда-то и где-то, найти будущую леди Форкосиган. Будущую одиннадцатую графиню Форкосиган. Видишь ли, именно в этом видят первейший долг мужчины в строго патриархальном обществе. Ты ведь знаешь... — Майлзу казалось, что горло у него забито ватой. Он начинал фразу с барраярским акцентом, потом, незаметно для себя, переходил на бетанский выговор: — ...мои физические проблемы, — его рука неопределенно коснулась макушки, указав на рост, вернее, отсутствие оного, — являются не врожденными, а благоприобретенными. Не имеют генетического характера. Дети у меня будут нормальными. Возможно, этот факт и спас мне жизнь в безжалостном к мутациям обществе Барраяра. Не думаю, что мой дед до конца верил в

это, но я всегда жалел, что он не дожил до моих детей. — «Я мог бы ему доказать...»

— Майлз, — мягко прервала его Элли.

— Да? — взволнованно спросил он.

— Ты пошел вразнос. Что с тобой? Я могу слушать тебя часами, но мне неспокойно, когда ты выходишь на такой режим.

— Я нервничаю, — признался Майлз, ослепительно улыбнувшись ей.

— Запоздалая реакция на сегодняшнее? — Элли придвинулась к нему, желая успокоить. — Конечно, как я могла забыть.

Майлз осторожно завел руку за талию Элли.

— Нет, дело не в этом. Или только отчасти. Элли! Ты не хотела бы стать графиней Форкосиган?

Она усмехнулась:

— Сделанной из стекла? Спасибо, это не в моем вкусе. По правде говоря, твой титул сочетается лучше всего с черной кожей и хромированными заклепками. А я терпеть не могу и то, и другое.

Мысленно представив себе Элли в таком облачении, Майлз настолько увлекся, что ему понадобилась целая минута, чтобы сообразить, где именно его мысли свернули не туда.

— Давай я сформулирую это иначе, — произнес он. — Скажи, ты выйдешь за меня замуж?

На этот раз молчание длилось дольше.

— Я думала, ты ведешь к тому, чтобы предложить мне с тобой переспать, — протянула наконец Элли. — И мне было смешно, с чего ты так нервничаешь.

Ага, ей уже не смешно.

— Нет, — ответил Майлз. — Это было бы самое простое.

— У тебя скромные запросы, дружок. Всего лишь полностью перестроить мою жизнь.

— Хорошо, что ты поняла меня. Это не просто брак. Это целая система обязанностей и необходимостей.

— На Барраяре. На планете.

— Да. Хотя, конечно, мы будем ездить с тобой всюду, куда ты захочешь.

Элли долго, недопустимо долго молчала, а потом произнесла:

— Я родилась в космосе. Выросла на дальней пересадочной станции. Почти всю жизнь работала на кораблях. Время, проведенное на земле, в грязи, могу измерить месяцами.

— Да, для тебя это было бы настоящим потрясением, — без энтузиазма признал Майлз.

— А что будет с будущим адмиралом Куин, командующей свободными наемниками?

— Будем надеяться, что работа леди Форкосиган покажется ей не менее интересной.

— Да, но работа леди Форкосиган не требует командования кораблем.

— Такой риск ужасает даже меня. Мать бросила службу, а она была командиром корабля в Бетанском астроэкспедиционном корпусе, и прилетела на Барраяр.

— Уж не хочешь ли ты сказать, что тебе нужна девушка, похожая на твою мамочку?

— Она должна быть умной, она должна быть осмотрительной, она должна любить жить, — без энтузиазма объяснил Майлз. — В противном случае наш брак будет закланием невинных. Может, жертвой станет она. Может, наши с ней дети. Как тебе известно, личная охрана не всесильна.

Элли беззвучно присвистнула, и Майлза потряс контраст между страдающими глазами и улыбающимися губами его личного телохранителя.

«Я не хотел причинить тебе боль. Самое большее, что я только мог предложить тебе, не должно было причинить боль. Неужели я предложил слишком мало? Или слишком много? Или... слишком страшно?»

— Ах, Майлз, — перевела дыхание Элли. — Ты ни о чем не подумал.

— Я очень хорошо о тебе думаю.

— И поэтому ты хочешь, чтобы я провела всю жизнь на какой-то — извини — захолустной планетке, которая только-только вылезла из феодализма, где к женщинам относятся как к безделушкам или животным, где мне придется забыть все мои навыки, которые я приобрела за последние двенадцать лет, — начиная с умения состыковать катер и кончая психохимией?.. Извини. Я не антрополог, не святая и не сумасшедшая.

— Тебе не надо отказывать мне прямо сейчас, — чуть слышно сказал Майлз.

— Нет, надо, — резко ответила Элли. — Пока я еще не совсем потеряла голову.

«И что мне сказать на это? — спросил себя Майлз. — Если бы ты меня по-настоящему любила, ты была бы счастлива пожертвовать ради меня всем на свете, включая собственную жизнь? О, ну еще бы. Только Элли не из тех, кто жертвует. В этом ее сила, и именно ее сила заставляет меня желать ее, так что мы оба в замкнутом круге».

— Значит, дело в Барраяре?

— Конечно. Какая женщина, будучи в здравом рассудке, по своей воле переселится на эту планету? Я, конечно, не имею в виду твою мать.

— Мать — необыкновенная женщина. Когда столкнулись она и Барраяр, измениться пришлось планете. Я это видел. Ты тоже стала бы источником перемен.

Но Элли покачала головой:

— Я знаю, на что способна, а на что не способна.

— Никто этого не знает, пока не дойдет до дела.

Элли пристально посмотрела на него:

— Естественно, что ты так считаешь. Но скажи мне — что для тебя Барраяр? Ты позволяешь им распоряжаться тобой, словно... Я никогда не могла понять, что тебе мешает взять дендарийцев и улететь куда глаза глядят. У тебя бы это получилось лучше, чем у Оссера и даже чем у Танга. А к концу жизни ты был бы уже императором собственной планеты.

— И ты была бы со мной? — Майлз как-то странно улыбнулся. — Ты серьезно предлагаешь взяться за покорение галактики с пятью тысячами дендарийцев?

Элли вскинула голову:

— По крайней мере мне не пришлось бы отказываться от мечты когда-нибудь командовать флотом. Впрочем, шутки в сторону. Если ты профессиональный военный, для чего тебе Барраяр? Флот наемников воюет в десять раз больше, чем флот любой планеты. А на шаре из грязи война случается раз в полвека, да и то в лучшем случае...

— Или в худшем, — вставил Майлз.

— ...тогда как флот наемников следует за ней шаг в шаг.

— Высшее командование Барраяра тоже заметило этот статистический факт. И это одна из главных причин, почему я здесь. За последние четыре года я приобрел больший боевой опыт, чем другие имперские офицеры за четырнадцать лет. Непотизм иногда проявляется очень странно. — Майлз провел пальцем по красивой линии щеки Элли. — Теперь я понял. Ты влюблена в адмирала Нейсмита.

— Конечно.

— А не в лорда Форкосигана.

— Лорд Форкосиган меня раздражает. Он тебя предает, милый.

Майлз оставил эту шпильку без ответа. Значит, пропасть, разделяющая их, даже глубже, чем он думал. Для нее нереален лорд Форкосиган. Он переплел пальцы за шеей Элли и вдохнул ее дыхание, когда она спросила:

— Почему ты позволяешь Барраяру так с тобой обращаться?

— Такие карты мне были сданы.

— Кем? Я не понимаю.

— Не важно. Просто мне почему-то очень важно выиграть именно с теми картами, которые мне сданы. Значит, так тому и быть.

— Тебе же хуже. — Ее губы глухо произнесли эти слова у самого его рта.

— Угу.

Она на секунду отстранилась:

— А мне все равно можно спать с тобой? Потихоньку, конечно. Ты не разозлился, что я отвергла тебя? То есть не тебя, совсем не тебя — Барраяр.

«Я начинаю к этому привыкать. Уже почти не больно...»

— Мне положено надуться? — улыбнулся Майлз. — Раз нельзя получить все, я не возьму ничего и удалюсь, гордый и одинокий? Ох и врезала бы ты мне, если бы я свалял такого дурака! Верно ведь?

Элли расхохоталась. Ну, если он может заставить ее смеяться, не все потеряно. Если ей нужен Нейсмит, она его получит. Полумера для получеловека. Они подались к кровати, жадно целуясь. С Куин все было просто — она знала, чего хочет и как этого добиться.

Постельный разговор с Элли оказался одновременно и сверхделовым. Майлза это не удивило. Наряду с расслабляющим массажем, который превратил его в жидкость, которая того и гляди выльется из постели и соберется лужицей на полу, он получил подробный отчет о работе лондонской полиции и о том, что им удалось выяснить. В свою очередь Майлз посвятил Элли в последние события в посольстве и рассказал ей о поручении, с которым отправил Элен Ботари-Джезек. Надо же! Все эти годы он считал, что отчет надо проводить в сугубо деловой обстановке! И вдруг случайно открыл совершенно неизведанный мир альтернативного стиля командования. Похоже, наслаждение куда продуктивнее профессиональной собранности.

— Еще десять дней! — пожаловался Майлз, уткнувшись лицом в подушку. — Раньше Элен с Тау Кита не вернется. И никакой гарантии, что она привезет наши деньги. Особенно если их уже один раз отправили. А тем временем дендарийский флот бесцельно болтается на орбите. Элли, знаешь, что нам нужно?

— Контракт.

— Совершенно верно. Мы и раньше заключали контракты на стороне, несмотря на то, что барраярская служба безопасности нас содержит. Им это даже нравилось: не так страдает бюджет. В конце концов, чем меньше налогов они берут с крестьян, тем спокойнее в подведомственном им государстве. Удивительно, как это служба безопасности не попыталась превратить дендарийцев в источник доходов. Я бы еще месяц назад отправил людей на поиски задания, не застрянь мы из-за всей этой заварухи в посольстве на околоземной орбите.

— Жаль, что нашему флоту нечего делать здесь, на Земле, — вздохнула Элли. — К сожалению, на этой планете царит мир, и только мир.

Ее пальцы расслабляли ему икроножные мышцы, волокно за волокном. Майлз гадал про себя, сможет ли убедить ее приняться за стопы. Когда-то ведь он разминал ей стопы — правда, небескорыстно. О радость, ему не понадобилось даже убеждать ее!.. От наслаждения Майлз задрыгал ногами. Он и не думал, что пальцы ног так чувствительны к ласкам, пока Элли ему это не продемонстрировала. По правде говоря, никогда еще Майлз не был так доволен своим телом, буквально исходящим от наслаждения.

— У меня в мыслях затор, — вдруг объявил он. — В чем-то я ошибаюсь. Посмотрим. Дендарийский флот к посольству не привязан, хотя сам я привязан. Я мог бы вас всех отсюда отправить...

Элли издала странный звук, нечто вроде короткого стона. Майлз был настолько поражен, что рискуя вывихнуть шею, взглянул на нее через плечо.

— Да у меня просто мозговая атака, — сконфуженно извинился он.

— Ну так не останавливайся!

— Да... И к тому же из-за этой заварушки в посольстве мне вовсе не хочется остаться без моего флота, без всякой защиты. Что-то... что-то там происходит непонятное. Значит, сидеть на месте и ждать, пока посольство мне

заплатит, — это верх идиотизма. Так. Надо обдумывать одну проблему, а не сто сразу. Дендарийцы. Деньги. Разовые мероприятия... Эй!

— Да?

— А где говорится, что я должен дать задание всему флоту? Работа. Разовые мероприятия... Временный доход. Разделяй и властвуй! Личная охрана, компьютерщики — все, что может принести нам хоть какой-то доход...

— Ограбление банков? — подсказала Элли с растущим интересом.

— И ты утверждаешь, что полиция взяла и так вот, за здорово живешь, отпустила тебя? Ох, зря она поспешила. Но у нас и в самом деле есть потенциальная рабочая сила в виде пяти тысяч хорошо и всесторонне обученных людей. Наверняка это еще лучший источник дохода, чем «Триумф». Поручать другим свои дела! Пусть они рассеются кто куда и найдут способ заработать эти чертовы деньги!

Элли, усевшаяся по-турецки в ногах Майлза, огорченно заметила:

— Я целый час тружусь, чтобы помочь тебе расслабиться, — и вот результат! Похоже, быть на взводе — твое естественное состояние. Ты сжался, как пружина, прямо у меня на глазах... Куда ты?

— Осуществлять свою идею, куда ж еще?

— Большинство людей в этот момент засыпает...

Зевая, она помогла ему разобраться в одежде, разбросанной по всей каюте. Черные футболки оказались почти одинаковыми. Футболку Элли можно было отличить по слабому запаху ее тела — Майлз чуть было не оставил ее себе, но потом решил, что влечение к нижнему белью подруги характеризует его не с лучшей стороны.

Их соглашение не было облечено в слова, но оно существовало. И эта сторона их взаимоотношений должна скромно прятаться за дверью каюты, иначе им не справиться с глупым запретом адмирала Нейсмита.

* * *

Когда Майлз с новым контрактом в руках проводил совещание штаба, ему всегда казалось, что у него двоится в глазах. Он остро ощущал обе свои половины, стараясь стать таким окном между дендарийцами и их истинным нанимателем — императором Барраяра, через которое можно смотреть только в одну сторону. Это неприятное ощущение обычно рассеивалось без труда, по мере того как он сосредотачивался на выполнении той или иной задачи, передислоцируя свою личность. В такие моменты адмирал Нейсмит занимал почти все существо Майлза. Принимая во внимание напористый характер адмирала, нельзя было сказать даже, что Майлз расслаблялся, — он просто переставал испытывать неловкость.

Сейчас он провел с дендарийцами невиданно долгий срок — пять месяцев кряду, и внезапное появление в его жизни лейтенанта Форкосигана оказалось совершенно неуместным. Конечно, барраярская сторона тут была совершенно ни при чем. Майлз всегда рассчитывал на то, что структура барраярского командования надежна, как скала. Это была аксиома, на которой основывались все последующие действия, мера успеха или провала любого задания. На этот раз все повернулось с ног на голову.

На этот раз он стоял в штабной каюте «Триумфа» перед спешно собранными главами подразделений и командирами кораблей, испытывая нечто вроде столбняка. Что он им скажет? «Выпутывайтесь сами, олухи!..»

— Какое-то время задания мы не получим, — начал адмирал Нейсмит, появляясь из той таинственной пещеры, где обитал Майлз. Ставшее наконец всеобщим достоянием известие, что плата задерживается, как и следовало ожидать, вызвало взрыв неудовольствия. Гораздо больше Майлза озадачила мгновенная сосредоточенность дендарийцев, когда он сказал им, зловеще понизив голос, что лично занимается расследованием этого вопроса. Это хотя бы объясняло его долгие отлучки, приходившиеся на те дни недели, когда он скарм-

ливал данные компьютерам в дендарийском посольстве. Господи, мысленно воскликнул Майлз. Похоже, я могу продать моим людям даже кота в мешке.

А когда он сформулировал задачу — зарабатывать самостоятельно, — они выдали целую лавину идей. И Майлз предоставил им свободу действий. В конце концов командирское звено дендарийцев славилось находчивостью — иначе им просто не удержаться на своих постах. Майлзу казалось, что его собственные мозги высохли напрочь. Он надеялся только, что его подсознание все-таки еще работает. В самом деле, для маразма еще рановато.

Майлз спал один — и спал плохо, а проснулся совсем разбитым. Рассмотрев несколько рутинных вопросов внутренней жизни флота, он дал «добро» семи наименее сумасшедшим идеям, как заработать, которые за ночь сформулировали его люди. Один офицер даже принес контракт для отряда в двадцать охранников — не важно, что они нужны были всего лишь для торжественного открытия торгового центра... и где, к дьяволу, находится этот Ксиан?

Майлз тщательно оделся — серый бархатный мундир с серебряными пуговицами и брюки с ослепительно белыми лампасами, натянул блестящие сапоги — и отправился с лейтенантом Боун на планету, в лондонский банк. Элли Куин дала ему двух самых рослых охранников в военной форме и невидимое сопровождение в гражданском со сканерами.

В банке адмирал Нейсмит, на удивление лощеный и обходительный, если учесть его химеричность, передал весьма спорные права на военный корабль, который ему не принадлежал, финансовой организации, которой этот корабль был совершенно не нужен. Но, как напомнила ему лейтенант Боун, по крайней мере деньги были настоящие. Вместо немедленной катастрофы, которая должна была разразиться ровно в полдень (по расчетам лейтенанта Боун, именно в этот момент дендарийские

карточки должны были превратиться в пустой звук), их ждет полный крах в неопределенном будущем. Ура!

Приближаясь к барраярскому посольству, Майлз отпустил всех охранников, задержав одну Элли. Они остановились перед дверью в подземном вспомогательном туннеле, на которой красовалась табличка «Осторожно: Яд. Вход только для персонала».

— Сейчас мы еще в поле действия сканеров, — заметил Майлз.

Элли задумчиво произнесла:

— А вдруг ты войдешь в эту дверь и узнаешь, что тебе приказано срочно отправляться на Барраяр? И я тебя еще год не увижу... Или вообще никогда.

— Я не стану подчиняться... — начал Майлз, но Элли приложила палец к его губам, поцелуем прервав очередную его глупость. — Я буду поддерживать с вами связь, командор Куин.

Выпрямившаяся спина, чуть заметный ироничный кивок, импровизация на тему салюта — и Элли исчезла. Майлз вздохнул, прикладывая ладонь к внушающему страх дверному замку.

За второй дверью, в комнатке охранника, сидящего за комм-пультом, его уже дожидался Айвен Форпатрил. Переминаясь с ноги на ногу и напряженно улыбаясь. Господи, что еще? Глупо надеяться, что ему просто надо облегчиться.

— Рад, что ты вернулся, Майлз, — бодро начал Айвен. — Точно в срок.

— Не хотел злоупотреблять расположением начальства: оно может мне пригодиться. Я и без того удивляюсь, как это Галени не заставил меня вернуться тотчас после недоразумения в космопорте...

— Ну, на это у него была причина, — загадочно ответил Айвен.

— О? — отозвался Майлз, стараясь говорить как можно беззаботнее.

— Капитан Галени ушел вчера из посольства — примерно через полчаса после тебя. С тех пор его никто не видел.

ГЛАВА 7

Посол провел их с Айвеном в запертый кабинет Галени. Он скрывал свое напряжение лучше, чем Айвен, только негромко заметил:

— Если что-то обнаружите, дайте мне знать. Может быть, указания на то, что придется уведомить местные власти о случившемся.

Значит, посол, который уже несколько лет знаком с Дувом Галени, тоже видит несколько вариантов. Неоднозначный и непростой человек, этот их пропавший капитан.

Айвен уселся за комм-пульт и пересмотрел несколько текущих дел, пытаясь отыскать последние записи, а Майлз бродил вокруг, стараясь отыскать... что? Послание, записанное кровью где-то на уровне его колена? Волокно инопланетного растения на ковре? Приглашение на надушенной бумаге? Любая находка была бы лучше той бесцветной обыденности, которая окружала их здесь.

Айвен поднял руки:

— Ничего, кроме обычных записей!

— А ну вали отсюда! — Майлз подергал спинку вращающегося кресла Галени, чтобы побыстрее согнать кузена, и устроился на его месте. — Меня жутко интересуют частные финансы капитана Галени. Сейчас самое время выяснить этот вопрос.

— Майлз, — с трепетом начал Айвен, — разве это прилично?

— У тебя повадки настоящего джентльмена, Айвен, — усмехнулся Майлз, сосредоточенно пытаясь взломать закодированные файлы. — И как это тебя занесло в службу безопасности?

— Не знаю, — честно признался Айвен. — Я просто хотел летать.

— Разве мы все этого не хотели? — рассеянно произнес Майлз в тот момент, когда на экране наконец-то

начали появляться данные. — До чего мне нравятся эти земные общие кредитные карточки! Такие откровенные.

— Бога ради, что ты рассчитываешь найти на расчетном счете Галени?

— Для начала, — пробормотал Майлз, постукивая по клавиатуре, — проверим общие результаты за последние несколько месяцев и посмотрим, не превышают ли его расходы доходов.

На этот вопрос ответ был получен спустя мгновение, и Майлз разочарованно нахмурился. Доходы и расходы совпадали, в конце месяца на счете Галени еще оставалось немного денег. Но накопления были весьма скромными. Если у Галени и были денежные затруднения, у него хватило ума не оставить после себя ни малейшей улики. Майлз принялся за список приобретений капитана.

Айвен беспокойно заерзал:

— А теперь ты что ищешь?

— Тайные пороки.

— И как ты это сделаешь?

— Очень просто. Например, сравню расходы Галени с твоими за тот же трехмесячный период.

Майлз разделил экран пополам и вызвал на вторую половину данные кузена.

— А почему бы не сравнить их с твоими? — спросил разобиженный Айвен.

Майлз улыбнулся алчной улыбкой настоящего ученого червя:

— Я пробыл слишком недолго, чтобы служить базой для сравнения. Ты послужишь гораздо более наглядной моделью. Например... Ну-ну! Вы только посмотрите! Кружевная ночная сорочка! Вот это вещь! Знаешь, Айвен, уставом они не предусмотрены.

— Это тебя не касается, — надулся Айвен.

— Вот именно! — не унимался Майлз. — У тебя нет сестры, и твоя мать таких не носит. Такая покупка подразумевает, что либо ты обзавелся девушкой, либо ты бисексуален.

— Обрати внимание — рубашка не моего размера, — с достоинством произнес Айвен.

— Да, тебе она коротковата. Значит, у тебя изящная подружка, которую ты знаешь настолько хорошо, что можешь дарить ей предметы туалета. Видишь, сколько я уже про тебя знаю. И все благодаря одной покупке. Кстати, это случайно не Сильвет?

— Мне казалось, ты проверяешь Галени, — строго напомнил Айвен.

— Да, ты прав. Так что за подарки покупает Галени? — Майлз вызвал перечень покупок. На его изучение ушло до обидного мало времени: таким коротким он оказался.

— Вино. — Айвен недоуменно глядел на экран. — Пиво.

Майлз проверил вторую половину экрана:

— Примерно треть того, что выпил за тот же период ты. Зато Галени покупает книги на дискетах в отношении тридцать пять к... двум, Айвен?

Кузен насупился.

Майлз вздохнул.

— Девушек не видно. И юношей тоже... Я не думаю, а?.. Ты ведь работал с ним целый год.

— Угу, — понимающе отозвался Айвен. — Я встречал пару таких, но они умеют дать тебе это почувствовать. По-моему, в этом отношении Галени чист как стеклышко.

Майлз взглянул на благородный профиль кузена. Да, наверное, с Айвеном заигрывают представители обоих полов. Можно вычеркнуть еще одно предположение.

— Он что — монах? — бормотал Майлз, просматривая записи. — Не андроид, судя по музыке, книгам и пиву, но... ужасно неуловимый.

Раздраженно постучав по клавиатуре, он закрыл файл и, мгновение подумав, вызвал личное дело Галени.

— Ого! А вот это действительно необычно. Айвен, ты знал, что капитан Галени, прежде чем поступить на императорскую службу, защитил докторскую по истории?

— Нет. Он никогда об этом не упоминал...

Айвен уже не отводил глаз от экрана: любопытство наконец взяло верх над повадками истинного джентльмена.

— Почетный диплом доктора новейшей истории и политологии, выданный Императорским университетом Форбарр-Султана. А это что? Господи, взгляни на даты! В возрасте двадцати шести лет доктор Дув Галени променял новехонькое место преподавателя Белгрейвского колледжа на Барраяре, чтобы поступить в Академию имперской службы вместе с восемнадцатилетними юнцами! На жалкую стипендию кадета.

Что-то здесь не вяжется с образом человека, для которого деньги — превыше всего...

— Угу, — отозвался Айвен. — Галени быть выпускником, когда мы с тобой сдавали вступительные экзамены. Он окончил академию на два года раньше нас. И уже капитан!

— Видимо, он был одним из первых комаррцев, которым разрешили поступить на военную службу. Буквально в первые недели после указа. Он быстро продвинулся. Дополнительное обучение — языки, анализ информации, затем место в имперской штаб-квартире, а потом это завидное назначение на Землю. Похоже, наш Дуви ходит в любимчиках.

Теперь Майлз понимал, почему это случилось. Блестящий, высокообразованный, либеральный офицер, Галени служил ходячей рекламой нового порядка вещей. Пример. Майлзу прекрасно известно, каково это — быть примером. Он медленно втянул воздух сквозь сжатые зубы.

— Ну что? — не выдержал Айвен.

— Я начинаю бояться.

— Почему?

— Потому что все происходящее окрашивается в политические тона. А тот, кто не испытывает тревоги, когда нечто барраярское начинает отдавать политикой, не знает... истории. — Последнее слово Майлз произнес с иронически растянутым шипящим звуком и сгорбился в кресле. Мгновение спустя он снова принялся за файл с личным делом, продолжая поиски:

— Первый... сюрприз...

— А?

Майлз указал на экран:

— Запечатанный файл. Эту часть не может читать никто, кроме офицера в ранге имперского штабиста.

— Значит, мы с тобой не можем.

— Вздор.

— Майлз!.. — простонал Айвен.

— Ты меня не так понял. Я не намерен делать ничего предосудительного, — успокоил его Майлз. — Пока. Иди приведи посла.

Явившись, посол поставил стул рядом с Майлзом.

— Да, у меня действительно есть код доступа на случай непредвиденных обстоятельств, — подтвердил он. — Однако под непредвиденными обстоятельствами подразумевалось нечто вроде войны.

Майлз прикусил указательный палец:

— Вы работаете с капитаном Галени уже два года. Каково ваше впечатление?

— Как от офицера или как от человека?

— И то и другое.

— Очень ответственный исполнитель. Его образование...

— О, вы о нем знали?

— Конечно. Именно поэтому он так подошел для работы на Земле. Прекрасно знает свое дело, непринужденно чувствует себя в обществе, блестяще ведет разговор. До него эту должность занимал человек старой школы, типичный службист Безопасности. Компетентный, но бесцветный. Почти... гм!.. зануда. Галени выполняет те же обязанности, но более артистично, более непринужденно. Непринужденная безопасность — это невидимая безопасность. Невидимая безопасность не беспокоит моих дипломатических гостей, и моя работа идет намного легче. Прежде всего это касается... э-э... сбора информации. Как старший офицер я чрезвычайно доволен Галени.

— А его человеческие слабости, недостатки?

— «Недостатки» — это, пожалуй, сильно сказано, лейтенант Форкосиган. Галени слишком... вышколенный, что ли. Мне в нем это нравилось. Но не могу не

заметить, что в разговоре он узнает о вас гораздо больше, чем вы — о нем.

— Ха!

До чего дипломатично выражено! Вспоминая свои столкновения с пропавшим, Майлз признал, что суждение это абсолютно точное.

Посол нахмурился.

— Вы думаете, в этом файле может оказаться что-то проливающее свет на его исчезновение?

Майлз пожал плечами:

— Других источников у нас попросту нет.

— Мне не хотелось бы...

И посол замолчал, разглядывая строгие запреты на вход в файл, появившиеся на экране.

— Давайте подождем еще, — предложил Айвен. — А вдруг Галени просто нашел себе подружку? Это должно успокоить тебя, Майлз, и рассеять некоторые твои подозрения. Мне кажется, ты должен порадоваться за него. Сам-то Галени не слишком обрадуется, вернувшись из первой за столько времени ночной отлучки и узнав, что мы вывернули наизнанку его файлы.

Майлз узнал распевные интонации, которые всегда использовал Айвен, прикидываясь дурачком и умаляя значение происходящего. Уловка острого, но ленивого ума, предпочитающего, чтобы другие работали за него. Молодец, Айвен.

— Когда ты отлучаешься на ночь, разве ты не сообщаешь, где тебя искать и когда ты вернешься? — спросил Майлз.

— Ну... Да.

— И возвращаешься ты вовремя?

— Мне случалось пару раз проспать, — честно признался Айвен.

— И что происходит в этом случае?

— Меня находят. «Доброе утро, лейтенант Форпатрил, мы будим вас по вашей просьбе». — В тоне Айвена явственно слышались сардонические интонации Галени. Несомненно, это прямая цитата.

— Как ты думаешь, Галени из тех, кто считает правила обязательными только для подчиненных?

— Нет! — воскликнули в один голос Айвен и посол, искоса поглядывая друг на друга.

Майлз сделал глубокий вдох, вздернул подбородок и ткнул пальцем в сторону экрана:

— Вскрывайте файл.

Посол поджал губы, но послушался.

— Будь я проклят! — потрясенно прошептал Айвен, пробежав несколько абзацев. Майлз пробился к экрану и начал считывать текст. Файл оказался чудовищно длинным — вот наконец и она, личная история капитана Галени.

При рождении он получил имя Дэвид Гален. Он был из тех самых Галенов, владельцев Галеновского орбитального торгового картеля, одной из самых влиятельных семей олигархии, которая правила Комаррой, усевшись на ее важнейших п-в-переходах, как древние бароны Рейна. Именно п-в-туннели обогащали Комарру: оттуда лились энергия и богатство, воздвигавшие роскошные купола ее городов. Оттуда, а не благодаря кропотливому труду на скудной, неплодородной почве планеты.

Майлз мысленно слышал голос отца, перечислявшего, загибая пальцы, факторы, которые сделали завоевание Комарры классической кампанией адмирала Форкосигана.

«Немногочисленное население, сосредоточенное в городах с управляемым климатом, — партизанам некуда отступить для подготовки нового наступления. Отсутствие союзников: нам достаточно было дать знать, что мы снизим двадцатипятипроцентный налог на все, что провозилось через их пространство, до пятнадцати процентов, и соседи Комарры оказались у нас в руках. Комаррцы даже не хотели сами сражаться, пока их наемники не поняли, с кем имеют дело, и не бежали...»

Конечно, основная причина нападения, которая не упоминалась, была совершенно иной. Она заключалась

в грехах комаррских отцов предыдущего поколения, которые, получив взятку от цетагандийцев, пропустили их флот к нищему, полуфеодальному Барраяру. Завоевание третьестепенной планеты оказалось не быстрым, не легким и даже не завоеванием: через двадцать лет, оставив за собой реки крови, цетагандийцы отступили тем же путем, каким и пришли, — через «нейтральную» Комарру.

Может, барраярцы и были отсталой нацией, но никто не мог упрекнуть их в том, что они медленно обучаются. Среди представителей поколения деда Майлза, которые пришли к власти в суровые времена цетагандийской оккупации, росла решимость не допустить повторения подобного. На долю поколения отца Майлза выпала задача воплотить эту одержимость, получив полный контроль над п-в-туннелем между Барраяром и Комаррой.

Основополагающей целью вторжения барраярского флота, его молниеносного нападения и тонких стратегических маневров был захват высокодоходной комаррской экономики с минимальным ущербом для нее. Во славу императора должно было покорить планету, а не мстить ей. Адмирал лорд Эйрел Форкосиган, командующий имперским флотом, считал, что внедрил это в общественное сознание достаточно глубоко.

Комаррская олигархия, состоящая из весьма гибких личностей, без труда поняла намерения лорда Форкосигана, и он максимально облегчил капитуляцию. Были даны всевозможные обещания и гарантии. Подчиненное существование и урезанный доход все же оставались существованием и доходом, смягченными надеждой на быстрое восстановление статус-кво. Благополучие Комарры было наилучшим во всех отношениях мщением планете.

Но потом произошло Избиение Солнцестояния.

Слишком рьяный подчиненный, рычал адмирал Форкосиган. Тайный приказ, кричали уцелевшие члены семейств двухсот комаррских советников, расстрелянных на стадионе силами Барраярской безопасности.

Истину знали только погибшие, только жертвы. Майлз сомневался, что на нее наткнется кто-нибудь еще, какой-нибудь историк. Только адмирал Форкосиган и командующий силами безопасности знали все, но адмиралу Форкосигану не верили, а командующий силами безопасности был убит адмиралом Форкосиганом, без суда и следствия. Была ли казнь справедливым возмездием или глава барраярской безопасности распрощался с жизнью, чтобы никто не узнал правды, — каждый выбирал суждение, руководствуясь собственными предпочтениями.

Впрочем, Майлз не склонен был сильно переживать из-за Избиения Солнцестояния. В конце концов атомная бомба цетагандийцев уничтожила целый город Форкосиган-Вашнуй, погубив не сотни, а тысячи тысяч, и никто не устраивал по этому поводу демонстраций. Но почему-то именно Избиение захватило досужие умы, и к имени Форкосигана прибавилось прозвище Мясник, а честь его оказалась запятнанной.

Вот почему это историческое событие приобрело столь личностную окраску. Тридцать лет назад... Майлз тогда еще не родился. Дэвиду Галену исполнилось четыре года в тот самый день, когда его тетка, Советник Комарры Ребекка Гален, погибла на стадионе в покрытом куполом городе Солнцестояние.

Высшее командование Барраяра обсуждало принятие Дува Галени на имперскую службу не день и не два.

«...Я не могу одобрить такой выбор, — писал шеф Имперской службы безопасности Иллиан в частной записке премьер-министру графу Эйрелу Форкосигану. — Я подозреваю, что вы поступаете с этим человеком порыцарски вследствие чувства вины. А чувство вины — роскошь, которую вы не вправе себе позволить. Если у вас появилось тайное желание получить пулю в спину, пожалуйста, дайте мне знать за сутки, чтобы я успел подать в отставку. Саймон».

Ответный меморандум был написан от руки, вернее, нацарапан неловкой рукой человека, для которого все

пишущие принадлежности были слишком мелкими. Почерк был до боли знаком Майлзу:

«...Чувство вины? Возможно. Я немного прогулялся по тому стадиону вскоре после случившегося, пока еще не высохли лужи крови. Они были похожи на желе. Некоторые детали никогда не забываются. Но особенно хорошо запомнил я Ребекку Гален — из-за того, как она была убита. Она была из тех, кто умер, стоя лицом к убийцам. Сильно сомневаюсь, чтобы Дув Галени представлял опасность для моей спины.

Участие его отца в последней заварухе с Сопротивлением тревожит меня еще меньше. Мальчик изменил свое имя на барраярский лад не только ради нас.

Но если нам удастся приобрести верность такого человека, это сделает возможным нечто из того, что я с самого начала планировал в отношении Комарры. Конечно, это произойдет поколением позже и после долгого и кровавого обходного пути, но, раз уж ты воспользовался теологической терминологией, это будет в какой-то степени искуплением. Конечно, у Галени куча политических амбиций, но осмелюсь предположить, что они гораздо более сложны и конструктивны, чем элементарное убийство.

Занеси его снова в список, Саймон, и больше не вычеркивай. Этот вопрос меня утомил, и я не хочу к нему возвращаться. Разреши ему участвовать в забеге и продемонстрировать свои способности — если сможет».

Дальше стояла привычная закорючка вместо подписи.

— Самое неприятное, — произнес Майлз, нарушив наконец молчание, стоявшее в комнате последние полчаса, — что, как это все ни интересно, область догадок не сузилась. Наоборот, стала шире, черт ее подери.

И это ничуть не опровергает его основную теорию относительно присвоения капитаном Галени дендарийских денег. Наоборот, она становилась еще убедительнее. А картина покушения в космопорте приобретала новые, крайне мрачные оттенки.

— Не исключено, — вставил Айвен Форпатрил, — что Галени стал жертвой обычного несчастного случая.

Посол тяжело поднялся, качая головой.

— В высшей степени странно. Я бы сказал даже — двусмысленно. Безопасность правильно сделала, закрыв эту часть дела. Карьера Галени могла быть испорченной в одно мгновение. Думаю, лейтенант Форпатрил, вам следует сделать следующий шаг и сообщить местным властям об исчезновении этого человека. Запечатайте файл, Форкосиган, — посол вышел из комнаты.

Айвен вышел следом.

Но, прежде чем отключить пульт, Майлз вывел на экран документы, имевшие отношение к отцу Галени. После того как его сестра была убита в Избиении Солнцестояния, Гален-старший стал вождем подпольного движения на Комарре. Те деньги, что барраярское завоевание оставило когда-то могущественному семейству, окончательно испарились к моменту Восстания, происшедшего шесть лет спустя. Старое расследование барраярской безопасности проследило их превращение в контрабандное оружие, затем плату террористам и текущие расходы, а позднее — взятки за выездные визы и корабль, захвативший уцелевших. Однако отцу Галени транспорт не понадобился: он подорвался на одной из собственных мин во время последней, безнадежной, бессмысленной атаки на штаб-квартиру барраярской службы безопасности. Между прочим, вместе со старшим братом Галени.

Майлз вывел дополнительные данные. К счастью, среди земной эмиграции, зарегистрированной барраярской службой безопасности, не оказалось случайных родственников Галени. Хотя за последние два года у Галени была масса возможностей подредактировать эти данные...

Майлз потер виски. Галени было пятнадцать, когда затихла последняя судорога Восстания. Он был слишком молод, чтобы принять во всем этом активное участие. Но даже если это было так и юноша находился среди восставших, Саймон Иллиан, который знал о Галени все,

готов был списать это со счетов. Закрыть эту главу. И Майлз запечатал файл.

Майлз предоставил вести все переговоры с местной полицией Айвену. Конечно, распущенная Майлзом история о клонах отчасти защищала его на случай, если он повстречается с одними и теми же людьми, будучи в разных своих воплощениях. Но негоже злоупотреблять ею. Полиция наверняка окажется более бдительной и недоверчивой, чем обыватели, а он не готов к тому, чтобы вспенить сразу две волны криминальной деятельности.

По крайней мере к исчезновению военного атташе полиция отнеслась с должной серьезностью, пообещав всестороннее содействие и даже пойдя навстречу просьбе посла утаить происшедшее от средств массовой информации. Полицейские могли взять на себя всю рутинную работу — например, идентифицировать останки человеческих тел в мусоросборниках и тому подобное. Майлз сам себя назначил главным следователем, и Айвен, старший по должности, вдруг обнаружил, что на него свалились повседневные обязанности Галени.

Для Майлза большая часть следующих суток прошла главным образом в кресле комм-зала, где он перепроверял все посольские данные относительно беглецов с Комарры. К несчастью, посольство собрало просто чудовищное количество такого рода информации. Если там и было что-то важное, оно прекрасно маскировалось тоннами пустяков. Такая работа могла удушить кого угодно.

В два часа ночи вконец выдохшийся Майлз сдался — он вызвал Элли Куин и свалил все материалы на дендарийскую разведку.

«Свалил» было самым точным словом: массив данных был переведен по экранированной линии комм-связи с компьютеров посольства на находившийся на орбите «Триумф». Узнай об этом Галени, его хватил бы удар. А-а, шел бы этот Галени куда подальше!.. Сам во всем виноват — нечего исчезать среди бела дня. Майлз предус-

мотрительно не стал просить разрешения на перевод данных у Айвена. Он и сам мог обосновать свои действия: дендарийцы являлись воинским подразделением Барраяра, следовательно, перевод данных произошел внутри имперских вооруженных сил. Майлз включил туда и данные о Галени, причем в открытой форме. Ведь секретность была введена, чтобы спасти Галени от барраярских «патриотов», каковыми дендарийцы явно не являлись... Какой-то из доводов Майлза наверняка должен сработать.

— Скажи нашим шпионам, что они получили контракт на обнаружение Галени, — объявил он Элли. — Это входит в работу флота по зарабатыванию средств. Но заплатят нам только в том случае, если мы доставим его в посольство. Между прочим, так оно и есть на самом деле.

Он рухнул в постель, надеясь, что за остаток ночи подсознание найдет какой-нибудь выход, но проснулся в том же туманном недоумении. Майлз поручил Барту и двум рядовым проверить действия курьера — еще одно возможное слабое звено в цепи. А сам просто сидел, ожидая звонка из полиции, пока воображение изобретало все более и более причудливые варианты. Майлз сидел в полутемной комнате, постукивая ногой об пол, и ему казалось, что голова у него сейчас лопнет.

На третий день на связь вышла Элли Куин.

Майлз поспешно подключил к комму экран, сгорая от желания увидеть лицо Элли. На прекрасном этом лице блуждала странная улыбка.

— Я решила, что тебя это заинтересует, — промурлыкала Элли. — К капитану Торну только что обратились с крайне интересным предложением относительно контракта для дендарийцев.

— А сумма в нем тоже крайне интересная? — полюбопытствовал Майлз. В голове со скрипом заработала система шестеренок, переключавшая его на проблемы адмирала Нейсмита, напрочь забытые из-за треволнений последних дней.

— Сто тысяч бетанских долларов. Отмытых так, что происхождение проследить невозможно.

— О!.. — Получается что-то около полумиллиона имперских марок. — Кажется, я дал понять, что сомнительные деньги нас не интересуют. Нам и так неприятностей хватает.

— А как тебе нравится идея киднеппинга?

— Жуткая идея!

— О, для этого случая ты наверняка сделаешь исключение, — предсказала Элли с необъяснимой уверенностью.

— Элли!.. — зарычал Майлз.

Элли сделала глубокий вдох, чтобы справиться со смехом, но в глазах у нее по-прежнему бегали чертенята.

— Но Майлз! Наши таинственные богатенькие незнакомцы хотят нанять адмирала Нейсмита, чтобы он похитил из барраярского посольства лорда Майлза Форкосигана.

— Наверняка это ловушка, — нервничал Айвен, ведя нанятую Элли машину по городским туннелям. В полночь освещение тут было не менее ярким, чем днем. По их лицам скользили разноцветные блики, отбрасываемые источниками света, мелькавшими за прозрачным фонарем автомобиля.

Серая дендарийская форма сержанта сидела на Айвене идеально, словно сшитая на заказ. Как, впрочем, и парадный зеленый барраярский мундир, кисло отметил про себя Майлз. Айвен хорош в любой форме. Элли, сидевшая по другую руку от Майлза, казалась сестрой-близнецом Айвена. Она делала вид, что спокойна: гибкое тело удобно расслабилось на сиденье, одна рука небрежно заброшена за плечи Майлза. Но Майлз заметил, что Элли снова начала грызть ногти. Он сидел между ними в зеленом парадном мундире лорда Форкосигана, чувствуя себя листиком увядшего салата между двумя ломтями хлеба. Устал он для этих полуночных вечеринок.

— Конечно, ловушка, — пробормотал он. — Нам только надо выяснить, кто ее устроил и почему. И что им

вообще известно. Считают они адмирала Нейсмита и лорда Форкосигана разными людьми или не считают? А если нет, не пронюхал ли кто о тайной связи Барраяра с дендарийцами?

Элли искоса взглянула на Майлза и встретила ответный взгляд. Вот именно. Если игра Нейсмита окончена, есть ли у них будущее?

— А может быть, — подсказал Айвен, — это совсем из другой оперы. Например, местные преступники решили нас чуть-чуть пошантажировать. Или цетагандийцы пытаются поссорить адмирала Нейсмита с Барраяром в надежде на то, что нам удастся прикончить этого прохвоста быстрее, чем им. Или, может...

— ...за всем этим кроется твой собственный умысел, Айвен, — усмехаясь, предположил Майлз. — Ты устраняешь возможных соперников, чтобы завладеть посольством.

Элли бросила на Айвена цепкий взгляд, словно проверяя, так ли это. Айвен улыбнулся в ответ:

— О, вот это мне по вкусу!

— Единственное, в чем мы можем быть уверены, — что это не цетагандийское покушение, — вздохнул Майлз.

— Хотела бы и я быть уверенной в этом на сто процентов, — пробормотала Элли.

Был поздний вечер четвертого дня после исчезновения Галени. Полтора дня, прошедшие с того момента, как дендарийцы получили этот странный контракт, дали Элли возможность поразмыслить. Первоначальный энтузиазм ее улетучивался по мере того, как Майлз раскручивал всевозможные варианты.

— Примите во внимание логику происходящего, — убеждал он ее. — Либо цетагандийцы уверены, что я — это два разных существа, либо нет. Убить они хотят именно адмирала Нейсмита, а вовсе не сына премьер-министра Барраяра. Убийство же лорда Форкосигана может послужить началом страшного кровопролития. По правде говоря, в тот день, когда цетагандийцы перестанут охотиться за Нейсмитом, мы будем знать совершенно точно, что моя тайна раскрыта. Они ни за что не согласятся упустить воз-

можность насолить Барраяру. Особенно теперь, когда идут переговоры с Тау Кита относительно полетов через их пространство. Сейчас они могут одним движением испортить нашу галактическую торговлю.

— Они могли бы попытаться проверить тебя именно в этом плане, — глубокомысленно заметил Айвен. — Если, конечно, это не цетагандийцы.

— Я не говорю, что это не цетагандийцы, — кротко ответил Майлз. — Я просто говорю, что, если это они, речь пойдет не об обычном убийстве.

Элли застонала.

Майлз посмотрел на часы.

— Время последней проверки.

Элли включила наручный комм:

— Вы на месте, Бел?

Грудной голос капитана Торна пропел в ответ из авиетки, которая следовала за ними с отрядом дендарийцев:

— Я держу вас в поле зрения.

— Хорошо. Старайтесь не терять нас из виду. Следите за нами сверху, а мы будем смотреть вперед. Это — последний сеанс связи до приглашения спуститься.

— Будем ждать.

Майлз нервно потер шею. Заметив этот жест, Куин произнесла:

— Я, по правде говоря, не в восторге от вашей идеи — обнаружить западню, позволив им захватить вас.

— Я вовсе не намерен им это позволять, Элли. Как только они себя раскроют, Бел немедленно вступит в игру, и тогда мы их захватим, а не наоборот. Но если они не захотят прикончить меня на месте, мы позволим им зайти подальше. Учитывая... э-э... ситуацию в посольстве, риск может оказаться оправданным.

Элли молча покачала головой, демонстрируя свое несогласие.

Следующие несколько минут прошли в молчании. Майлз был где-то посередине мысленного обзора всех вариантов развития событий, когда машина затормозила перед древними трехэтажными зданиями, сдвинув-

шимися почти вплотную вдоль изогнутой полумесяцем улицы. Темные и тихие, дома казались необитаемыми — видимо, подготовлены к сносу или реконструкции.

Элли взглянула на написанный на дверях номер, откинула прозрачный колпак автомобиля и выругалась. Майлз вылез и встал рядом с ней. Оставшийся в машине Айвен включил сканеры.

— Никого нет, — доложил он, всматриваясь в показания приборов.

— Не может быть! — воскликнула Элли.

— А вдруг мы приехали слишком рано? — предположил Майлз.

— Чушь, — отозвалась Элли. — Как говорит адмирал Нейсмит, рассуждай логически. Люди, желающие поиметь лорда Форкосигана, не сообщали нам места встречи до последней минуты. Зачем? Чтобы мы не могли приехать первыми. Значит, они здесь и ждут нас. — Она нагнулась над панелью прибора, заглядывая через плечо Айвену. — Действительно, дом пуст, — признала она. — И все равно: что-то тут не так.

Было ли случайностью, что именно в этом месте разбита пара уличных фонарей? Майлз вглядывался в темноту.

— Не нравится мне это, — снова пробормотала Элли. — Давайте не будем вас связывать.

— А вы сможете со мной справиться?

— Мы накачали вас транквилизаторами.

Майлз пожал плечами, идиотски распустил губы и начал беспорядочно двигать зрачками. Он плелся рядом с Элли, а она держала его за плечо, направляя вверх по ступеням. Старомодная дверь на петлях оказалась открытой. Скрипя, она пропустила их в темноту.

Элли неохотно убрала парализатор в кобуру и отцепила от пояса карманный фонарик, осветивший темное помещение. Прихожая, слева поднимаются ветхие ступеньки. Две арки, одна напротив другой, ведут в жилые комнаты первого этажа, грязные и пустые. Слушая, как бьется ее сердце, Элли шагнула за порог.

— Есть тут кто-нибудь? — негромко окликнула она.

Молчание. Они вошли в левую комнату. Луч фонарика метнулся от одной стены к другой.

— Мы приехали не слишком рано, — пробормотала Элли. — Не опоздали, не ошиблись адресом... Где же они?

Майлз не мог ответить, не выйдя из роли. Элли выпустила его плечо, переложила фонарик в левую руку и снова вынула парализатор.

— Вы достаточно невменяемы, чтобы не бояться за вас, — решила она, словно прикидывая про себя. — Я немного осмотрюсь.

Веко Майлза на секунду опустилось в знак согласия. Пока Элли не выяснит, есть ли здесь подслушивающие устройства и сканеры, надо как можно убедительнее играть роль беспомощной жертвы. Мгновение поколебавшись, Элли направилась к лестнице. И унесла с собой фонарик, черт бы ее побрал.

Майлз все еще прислушивался к быстрому легкому скрипу ее шагов наверху, когда чья-то рука зажала ему рот и к его затылку нежно прикоснулся ствол парализатора.

Майлз дернулся, пытаясь укусить зажавшие рот пальцы. Нападающий зашипел от боли и еще сильнее стиснул ему рот. Затем ему заломили руки за спину и всунули в рот кляп — прежде чем Майлз успел откусить хоть один палец. Кляп был пропитан каким-то сладким испаряющимся веществом; ноздри Майлза судорожно расширились, но голосовые связки онемели. Ему показалось, что его душа отделяется от тела, а через секунду оно и вовсе куда-то исчезло, не оставив адреса. Потом загорелся бледный свет.

Две крупные мужские фигуры, чуть расплываясь, двигались перед Майлзом. Один был постарше, другой помоложе. Сканер-щиты, черт подери! И очень качественные, раз ввели в заблуждение дендарийское оборудование. Майлз заметил ящички, прикрепленные к поясам бандитов, в десять раз меньше тех, что были на вооружении дендарийцев. Такие крошечные источники питания — это что-то новое. Посольству Барраяра тоже не мешало бы модернизировать засекреченные помещения... Майлз на секунду

скосил глаза к переносице, пытаясь прочесть этикетку изготовителя, — и тут увидел третьего.

Ох, этот третий!

«Я сошел с ума, — бешено завертелось у Майлза в голове. — Окончательно рехнулся».

Третий был им самим.

Дубль-Майлз, аккуратно одетый в зеленый барраярский мундир, шагнул вперед, со странной жадностью всматриваясь в лицо, которое повернул к нему более молодой из двух мужчин. Затем начал перекладывать содержимое карманов Майлза в свои собственные. Парализатор... Удостоверение личности... Полпачки гвоздично-мятных пастилок для очищения дыхания... При виде пастилок он нахмурился, но потом, пожав плечами, сунул в карман и их. Потом указал на пояс Майлза.

Дедовский кинжал был завещан лично Майлзу. Трехсотлетний клинок был по-прежнему гибким, как резина, и острым, как алмаз. Усыпанная драгоценными камнями рукоять скрывала печать Форкосиганов. Они вытянули его у Майлза из-под мундира. Дубль-Майлз перекинул ремень с ножнами через плечо и быстро застегнул мундир. После чего снял с пояса сканер-щит и укрепил его на поясе Майлза.

Глаза дубль-Майлза горели возбуждением и ужасом. Он бросил на Майлза прощальный взгляд. Майлз уже видел однажды такое выражение на своем лице — в зеркальной стене на станции подземки.

Нет!

Он видел его на лице этого человека, отраженном в зеркальной стене на станции подземки.

Наверное, он стоял всего в нескольких шагах от Майлза, чуть сбоку. В зеленой форме — а на Майлзе тогда была дендарийская, серая.

Похоже, на этот раз они все-таки не ошиблись...

— Идеально, — прорычал дубль-Майлз, освободившись от звукового глушителя сканер-щита. — Нам даже не пришлось парализовать женщину. Она ничего не заподозрит. Я же говорил, все получится!

Он сделал глубокий вдох, вздернул подбородок и насмешливо улыбнулся Майлзу.

«Педантичный воображуля, — горько подумал Майлз. — Ты мне за это заплатишь! Ну что ж, я всегда был себе врагом...»

Подмена заняла всего несколько секунд. Майлза пронесли через дверь, оказавшуюся у дальней стены комнаты. Героически дернувшись, он сумел удариться головой о дверную коробку.

— Что случилось? — тут же раздался сверху голос Элли.

— Ничего особенного, — моментально откликнуся дубль-Майлз. — Я все проверил. Тут тоже никого нет. Полный нуль.

— Ты уверен? — Майлз услышал, как Элли стремительно сбегает вниз. — Может, подождем еще немного?

Послышался сигнал наручного комма Элли.

— Элли? — донесся искаженный голос Айвена. — У меня тут минуту назад сканеры дали какой-то странный сигнал.

У Майлза радостно екнуло сердце.

— Проверь еще раз, — хладнокровно посоветовал Айвену дубль-Майлз.

— А сейчас — ничего.

— И здесь тоже ничего. Боюсь, их что-то спугнуло, и они отменили операцию. Снимайте охрану и везите меня обратно в посольство, командор Куин.

— Так скоро? Вы уверены?

— Да, прямо сейчас.

— Ну что ж, вы командуете. Дьявольщина, — с сожалением добавила Элли, — а я уже настроилась получить эти сто тысяч.

Синкопы их шагов гулко отдались в прихожей, потом затихли за закрывшейся дверью. Гул мотора замер вдали. Темнота и тишина, нарушаемая слабым шумом его собственного дыхания.

Майлза опять поволокли — через заднюю дверь, потом по узенькому проходу между домами. Запихнули на заднее сиденье машины, стоявшей в переулке, усадив

между двумя мужчинами, как куклу. Третий похититель сел за руль. Мысли Майлза кружились на грани беспамятства. Чертовы сканеры... Технология окраинного мира пятилетней давности — лет на десять позади земной. Придется потуже затянуть пояса и поменять дендарийскую сканерную систему по всему флоту, прямо сейчас... Если только он выпутается из этой заварухи. Сканеры — черта с два! Виноваты не сканеры. Разве на мифического единорога не охотятся с зеркалами, чтобы очаровать тщеславного зверя, пока подбираются убийцы?..

Они ехали какими-то странными, кривыми улочками. Либо эта дорога рассчитана на то, чтобы он ничего не запомнил, либо они следуют кратчайшим путем, известным только местным жителями. Примерно через четверть часа машина нырнула в подземный гараж и с шипением остановилась. Гараж был крошечным, рассчитанным на одну-две машины.

Майлза протащили к лифту. Они поднялись на один этаж и оказались в коротком коридоре. Один из громил стащил с него сапоги и ремень со сканер-щитом. Действие парализатора заканчивалось. Ноги у Майлза были ватными, ступни покалывало, но по крайней мере он уже держался на них. Руки ему развязали, и он попытался растереть затекшие запястья. Потом изо рта извлекли кляп, и Майлз немедленно издал какой-то странный звук, больше похожий на хрип.

Еще через секунду перед ним отперли дверь и впихнули его в комнату без окон. Послышался щелчок замка — наверное, так захлопывается капкан. Майлз едва не рухнул, но сумел удержаться на ногах, пошатываясь и тяжело дыша.

Световая панель на потолке освещала узкую комнату, в которой не было ничего, кроме двух скамеек вдоль стен. Слева находился закуток туалета — без окон, со снятой с петель дверью.

На одной из скамеек лицом к стене лежал мужчина в зеленых брюках и кремовой рубашке. На ногах у него были носки. Мужчина как-то замедленно повернулся и сел. Одну

руку он автоматически вскинул вверх, прикрывая от яркого света красные, слезящиеся глаза. Другая уперлась в скамейку, не давая ему упасть. Взлохмаченные темные волосы, четырехдневная щетина. Ворот рубашки расстегнут, и в нем белеет шея, такая беззащитная сейчас, когда ее не стискивает панцирь высокой, наглухо застегнутой стойки барраярского мундира. Лицо мужчины, изборожденное морщинами, было Майлзу знакомо.

Безупречный капитан Галени. Правда, чуточку потрепанный.

ГЛАВА 8

Галени, сощурившись, смотрел на Майлза.

— Дьявольщина, — без всякого выражения проговорил он.

— И вам того же, — прохрипел в ответ Майлз.

Галени выпрямился, сощурив заплывшие глаза:

— Или... это вправду вы?

— Не знаю. — Майлз задумался. — А которого меня вы ждете? — Он проковылял к скамье напротив и уселся, вернее, упал на нее. Ступни его немного не доставали до пола. Несколько минут оба молча разглядывали друг друга.

— Бессмысленно сводить нас в одной комнате, если она не прослушивается, — наконец сказал Майлз.

Вместо ответа Галени ткнул указательным пальцем в потолок.

— О! И просматривается?

— Да.

Майлз оскалил зубы и улыбнулся потолку.

Галени продолжал рассматривать его с недоверчивой, почти болезненной гримасой.

Майлз откашлялся. Во рту был горький привкус.

— Насколько я понимаю, вы встречались с моим двойником?

— Вчера. Да, по-моему, это было вчера. — Галени взглянул на световую панель на потолке.

Похитители отобрали часы и у Майлза.

— Сейчас примерно час ночи начала пятого дня с момента вашего исчезновения из посольства, — сказал Майлз, отвечая на невысказанный вопрос Галени. — Что, свет здесь не гасят?

— Нет.

— О!

Майлз подавил тошнотворную ассоциацию. Постоянное освещение было цетагандийской тюремной практикой и способствовало временной дезориентации заключенных. Адмирал Нейсмит уже имел возможность с ней познакомиться.

— Я видел его всего несколько секунд, — продолжил Майлз, — когда они нас поменяли. — Его пальцы машинально потянулись к месту исчезнувшего кинжала, потом начали растирать шею. — Я... действительно так выгляжу?

— Я думал, что это вы, до самого конца. Он сказал, что практиковался на мне. Проверял себя.

— И как прошла проверка?

— Он был здесь четыре или пять часов, и я ничего не заподозрил.

Майлз поморщился:

— Плохо дело. Хуже некуда.

— Я тоже так думаю.

— Ясно. — Комнату наполнила липкая тишина. — Ну что ж, ведь вы историк. Как отличить подделку от оригинала?

Галени покачал головой и тут же поднес руку к виску, словно пожалев об этом движении: видимо, его мучила мигрень. Майлз тоже страдал ею.

— Не знаю. Я уже ничего не понимаю. — Галени задумчиво добавил: — Он отдал честь.

Уголок рта Майлза искривился в сухой усмешке.

— Конечно, существую один я, а весь этот кошмар — уловка, чтобы свести вас с ума...

— Прекратите! — крикнул Галени. Тем не менее его лицо на мгновение осветилось ответной мертвенной улыбкой.

Майлз взглянул на световую панель:

— Ну, кто бы ни был я, вы, вы-то, наверное, знаете, кто они. Надеюсь, не цетагандийцы? Это было бы не слишком весело, особенно при наличии моего... дубликата. Видимо, это какой-нибудь хирургический конструкт.

«Только не клон — пожалуйста, пусть он не будет моим клоном...»

— Он сказал, что он ваш клон, — тут же ответил Галени. — Хотя половина из того, что он мне наговорил, — ложь, кем бы он ни был.

— О!

Почему-то более сильные восклицания казались сейчас неуместными.

— Да. И это заставило меня несколько усомниться в вас. То есть в вашем оригинальном издании.

— А-хм! Да. Теперь я понимаю, почему из меня выскочила эта... эта сказка о клонах, когда журналистка прижала меня к стене. Я уже видел его однажды. В подземке, когда ехал с командором Куин. Дней восемь — десять назад. Наверное, они уже тогда пытались осуществить подмену. Я решил, что вижу себя в зеркале. Но одет он был по-другому, не так, как я, и, видимо, поэтому они прервали операцию.

Галени внимательно рассматривал собственный рукав.

— И вас это не встревожило?

— У меня в тот момент были другие заботы.

— Вы об этом не доложили!

— Я принял перед этим болеутоляющее и решил, что это просто небольшая галлюцинация. К тому моменту как я вернулся в посольство, у меня уже все вылетело из головы. Кроме того, — Майлз ухмыльнулся, — я не хотел, чтобы вы усомнились в моей дееспособности. Это не пошло бы на пользу нашим взаимоотношениям.

Галени поджал губы, но через секунду лицо его исказилось гримасой отчаяния.

— Скорее всего вы правы.

Майлза испугало лицо Галени, и он поспешно продолжил:

— Короче, я рад, что не сделался ясновидящим. Боюсь, мое подсознание намного сообразительнее рассудка. Я просто не воспринял его сигнал. — И Майлз снова ткнул пальцем вверх. — Не цетагандийцы?

— Нет. — Галени с каменным лицом прислонился к стене. — Комаррцы.

— А! — Майлз прикусил губу. — Комаррский заговор. Но это чревато...

Губы Галени изогнулись:

— Вот именно.

— Ну что ж! — пронзительно вскрикнул Майлз. — Они нас еще не прикончили. Должна быть причина, по которой мы нужны им живыми.

Галени мрачно, с вызовом усмехнулся:

— Абсолютно никакой причины!

Слова вырвались вместе с хриплым смешком, который резко оборвался. Видимо, какая-то шутка, понятная только Галени и осветительной панели.

— Он воображает, что у него есть причина, — объяснил Галени, — но он глубоко ошибается.

Горькая фраза тоже была обращена к потолку. О чем это он? О ком?

Майлз сделал глубокий вдох.

— Ладно, Галени, выкладывайте. Что случилось тем утром, когда вы исчезли из посольства?

Галени вздохнул, пытаясь взять себя в руки:

— В то утро мне позвонили. Старый знакомый, комаррец. С просьбой о встрече.

— Звонок не был зарегистрирован. Айвен проверил ваш комм.

— Я его стер. Это было ошибкой, но тогда я этого не знал. Какие-то его слова заставили меня подумать, что встреча может прояснить тайну того странного приказа относительно вашего пребывания в посольстве.

— Так мне удалось убедить вас, что с моим приказом не все в порядке?

— О да. Я понимал, что если это так, значит, безопасность посольства взорвана изнутри. Вероятно, через курьера. Но я не осмелился обвинить его, не имея доказательств.

— Курьер, да, — кивнул Майлз. — Это было моим вторым предположением.

Галени приподнял брови:

— А первым?

— Боюсь, что вы.

Улыбка Галени была более чем выразительной.

Майлз смущенно пожал плечами:

— Я решил, что вы взяли да прикарманили мои восемнадцать миллионов марок. Но если вы действительно это сделали, почему вы не сбежали, думал я. И тут вы сбежали.

— О! — в свою очередь выдохнул Галени.

— Так все сошлось, — продолжал Майлз, — и я уверился в том, что вы растратчик, дезертир, вор и вообще комаррский сукин сын.

— И что вам помешало обвинить меня в этом официально?

— К сожалению, ничего. — Майлз откашлялся. — Простите.

Галени позеленел. Он был слишком расстроен, чтобы притворяться возмущенным.

— Простите, — повторил Майлз. — Но если мы отсюда не выберемся, ваше имя будет смешано с грязью.

— Значит, все было напрасно...

Галени облокотился о стену, запрокинул голову и закрыл глаза, словно от сильной боли.

Майлз представил себе политические последствия бесследного исчезновения Галени. Следователи наверняка сочтут его мошенником, плюс к тому замешанным в киднеппинге, и убийстве, и побеге, и Бог весть в чем еще. Можно не сомневаться, что скандал потрясет до основания систему интеграции Комарры, а может, во-

обще уничтожит ее. Майлз взглянул на сидящего напротив человека — его отец, лорд Форкосиган, когда-то решил положиться на него.

«Некое искупление...»

Одного этого достаточно, чтобы комаррское подполье уничтожило их обоих. Но существование — Господи, только не клона! — дубль-Майлза свидетельствовало, что тень, брошенная Майлзом на Галени, была на руку комаррцам. Интересно, какова будет их благодарность.

— Так вы пошли на встречу с этим человеком, — напомнил Майлз. — Не захватив с собой ни комм-устройство, ни охранника.

— Да.

— И быстренько были похищены. А еще критиковали мое легкомыслие!

— Да. — Галени открыл глаза. — Вернее, нет. Сначала мы вместе поели.

— Вы сели с этим типом за стол? Или... Она была хорошенькая?

Тут Майлз вспомнил, какое местоимение Галени употребил, обращаясь к осветительной панели.

— Ничуть. Но он действительно попытался меня распропагандировать.

— И ему это удалось?

В ответ на испепеляющий взгляд Галени Майлз объяснил:

— Видите ли, наш разговор напоминает мне пьесу... для моего развлечения.

Галени поморщился, наполовину раздраженно, наполовину соглашаясь. Подделки и оригиналы, правда и ложь. Как их проверить здесь? Чем?

— Я послал его подальше. — Галени произнес это достаточно громко, чтобы панель не пропустила мимо ушей. — Мне следовало догадаться, что за время нашей беседы он сказал слишком много, и меня просто опасно оставлять на свободе. Но мы обменялись гарантиями. Я повернулся к нему спиной... позволил чувству взять верх над разумом. И очутился здесь. — Галени оглядел

узкую камеру. — Но это ненадолго. Пока у него не пройдет внезапная вспышка сентиментальности.

Галени явно бросил это осветительной панели как вызов.

Майлз втянул сквозь зубы холодный воздух.

— Видно, ваше знакомство очень давнее и очень серьезное.

— О да.

Галени снова закрыл глаза, словно хотел уйти от Майлза и всего мира в благодатный сон.

Замедленные, осторожные движения Галени говорили о пытках...

— Они пытались убедить вас? Или допрашивали старым добрым способом?

Галени чуть прикоснулся к лиловому кровоподтеку под левым глазом.

— Нет, для допросов у них существует суперпентотал. Меня обрабатывали им уже три-четыре раза. Сейчас они должны знать о службе безопасности посольства практически все.

— Тогда почему вы в синяках?

— Я пытался вырваться... Кажется, вчера. Могу вас заверить: та троица, что меня задерживала, выглядит гораздо хуже. Наверное, они еще надеются, что я передумаю.

— А вы не могли бы прикинуться, что согласны? Ненадолго, только чтобы выбраться отсюда? — спросил Майлз.

Галени гневно воззрился на него.

— Ни за что! — проскрежетал он. Но припадок ярости миновал почти мгновенно, и он с усталым вздохом кивнул головой: — Наверное, мне следовало это сделать. Но теперь уже поздно.

Не повредили ли они капитану мозги своими химическими средствами? Если холодный логик Галени позволяет чувствам до такой степени владеть им и его рассудком... Да, это должны быть мощные эмоции.

— Вряд ли они примут мое предложение о сотрудничестве, — уныло предположил Майлз.

К Галени вернулась его обычная ленивая растяжечка:

— Конечно, нет.

Через несколько минут Майлз заметил:

— Это не может быть клон, знаете ли.

— Почему? — осведомился Галени.

— Любой клон, выращенный из клеток моего тела, должен выглядеть... ну, как Айвен. Шести футов ростом и не такой искривленный. С хорошими костями, а не моими палочками. Если только... — (ужасная мысль!) — ...медики не лгали мне всю жизнь относительно моих генов.

— Его должны были искривить в соответствии с вами, — задумчиво предположил Галени. — Химически или хирургически, или и так, и эдак. С вашим клоном это сделать не труднее, чем с любым другим хирургическим конструктом. Может, даже легче.

— Но то, что произошло со мной, — такой странный случай... Даже лечение было экспериментом. Мои собственные врачи не знали, что у них получится, пока все не закончилось.

— Наверное, было нелегко заполучить ваш дубликат. Тем не менее его заполучили. Может... индивидуум, которого мы видели, являет собой последнюю из таких попыток.

— А как они поступали с неудачными? — в ужасе воскликнул Майлз. Перед его мысленным взором предстала шеренга клонов, похожих на иллюстрацию эволюционного процесса, только в обратном порядке: прямоходящий Айвеноподобный кроманьонец, регрессирующий через потерянные звенья до обезьяноподобного Майлза.

— Полагаю, их устранили.

Голос Галени был мягким и высоким: он не столько отрицал, сколько бросал вызов ужасу.

Майлза затошнило:

— Какая жестокость!

— О да, — все так же мягко согласился Галени.

Но Майлз пытался рассуждать, несмотря ни на что.

— Значит, он... клон... — «мой брат-близнец». — Майлз заставил себя додумать эту мысль до конца. — Но тогда он должен быть много моложе меня.

— На несколько лет, — согласился Галени. — По моим подсчетам, на шесть.

— Почему на шесть?

— Арифметика. Вам было около шести, когда закончилось комаррское восстание. Примерно тогда эта группа должна была переключить свое внимание на какой-то другой, менее вызывающий план мести Барраяру. Раньше эта идея не могла интересовать их. А если бы они занялись ею позже, клон был бы сейчас слишком молод, чтобы заменить вас. Слишком молод, чтобы успешно сыграть свою роль. Сдается мне, он должен не только выглядеть, но и действовать как вы.

— Но зачем вообще нужен клон? И почему именно мой?

— Полагаю, он должен стать детонатором крупной провокации, которая совпадет с восстанием на Комарре.

— Барраяр никогда не отдаст Комарры. Никогда. Вы — наша дверь в мир.

— Я знаю, — устало сказал Галени. — Но кое-кто готов скорее утопить наши города в крови, чем учиться у истории. Или вообще чему-то учиться.

И Галени невольно поднял глаза на осветительную панель.

Майлз сглотнул, собрал остатки воли и проговорил в пустоту:

— Когда вы узнали, что ваш отец не подорвался на той мине?

Взгляд Галени метнулся к нему, тело окаменело, но тут же обмякло. И он сказал:

— Пять дней назад. — Спустя некоторое время добавил: — А как узнали вы?

— Мы вскрыли ваше личное дело. Он ваш единственный близкий родственник, чья смерть не подтверждена документально.

— Мы считали, что он погиб. — Голос Галени звучал безжизненно и ровно, глаза были неживыми. — Мой брат

определенно погиб. Барраярская служба безопасности явилась и заставила мать и меня опознать то, что осталось. А осталось немного. Было так легко поверить, что от отца не осталось и такой малости: по сообщениям, он находился гораздо ближе к эпицентру взрыва.

Галени превращался в мертвеца прямо на глазах. И Майлз понял, что должен предотвратить эту смерть. Бессмысленнейшая с точки зрения империи гибель офицера. Вроде убийства. Или аборта.

— Мой отец все твердил о свободе Комарры... — тихо продолжал Галени (кому он это рассказывал: Майлзу, осветительной панели или себе самому?), — ...и жертвах, на которые все мы должны идти ради свободы. Особенно о жертвах: либо жертвовать жизнью, либо все бесполезно. Но отца нисколько не волновала свобода тех, кто жил на Комарре. Я стал свободен только в тот день, когда восстание на Комарре угасло. В тот день, когда не стало отца. Я стал волен смотреть на вещи по-своему, делать собственные выводы, выбирать свою жизнь... Или так я думал. Жизнь, — интонации Галени были до жути саркастическими, — полна сюрпризов.

И он одарил осветительную панель мертвой улыбкой.

Майлз зажмурил глаза, стараясь мыслить связно, что было нелегко: Галени сидел в двух метрах от него, буквально исходя горечью. У Майлза возникло неприятное ощущение, что его формальный начальник махнул рукой на все, кроме собственной схватки с призраками прошлого. Или не призраками. Так что действовать придется самому.

Действовать — но как? Майлз встал и начал, пошатываясь, расхаживать по камере. Галени молча наблюдал за ним. Выход только один. Майлз поскреб стены ногтями. Никакого результата. Швы у пола и потолка (несмотря на страшное головокружение, он забрался на скамейку и протянул руку вверх) были крепкими. Майлз прошел в санузел, облегчился, вымыл руки и лицо, прополоскал рот, чтобы избавиться от неприятного вкуса (в умывальнике оказалась только холодная вода), попил из

ладоней. Стакана нет, нет даже пластмассовой кружки. Вода тошнотворно заплескалась в желудке, руки задергались: последствия парализации. А что, если заткнуть слив рубашкой и пустить воду? Похоже, это единственная акция протеста, которая тут возможна. Майлз вернулся к своей скамье, вытирая руки о брючины, и поскорее плюхнулся на нее, чтобы не рухнуть на пол.

— Вас хоть кормят? — поинтересовался он.

— Два или три раза в день, — ответил Галени. — Тем, что готовят наверху. Похоже, в этом доме живет несколько человек.

— Видимо, это единственный момент, когда можно попытаться бежать.

— Был единственный, — вяло откликнулся Галени.

Был. Стало быть, теперь, после попытки Галени, их охрана будет усилена. Кроме того, Майлз не осмелился бы повторить ее вслед за Галени — побои, перенесенные тем, сделали бы Майлза инвалидом.

Галени уставился на запертую дверь.

— Все-таки небольшое развлечение. Когда дверь открывается, никогда не знаешь, обед это или смерть.

Неужели Галени свыкся с мыслью о смерти? Похоже, что так. Камикадзе чертов! Майлзу прекрасно знакомо такое настроение. Можно даже полюбить кладбищенский настрой; но это злейший враг воли к жизни. Да нет, просто враг, и точка.

Но решимость Майлза не помогла ему найти выход, хотя он все прокручивал и провокручивал в уме разные варианты. Конечно же, Айвен сразу распознает самозванца. Хотя он может отнести любую ошибку клона на то, что Майлз сегодня не в форме. Такие случаи бывали. А если комаррцы четыре дня выкачивали из Галени сведения о посольских процедурах, вполне вероятно, что клон сможет безошибочно выполнять повседневные обязанности Майлза. В конце концов, если это существо действительно клон, оно должно быть не менее сообразительным, чем сам Майлз.

Или не менее глупым... Майлз ухватился за эту спасительную мысль. Если он в своем отчаянном беге по жизни делает ошибку за ошибкой, его клон делает их не меньше. Вопрос только в том, сможет ли кто-то отличить ошибки одного от ошибок другого.

А как насчет дендарийцев? Дендарийцы попали в руки... кого? Каковы планы комаррцев? Что они знают о дендарийцах? И каким образом клон может стать дублем и лорда Форкосигана, и адмирала Нейсмита, когда самому Майлзу с таким трудом дается преход из образа в образ?

А Элли... Если Элли не заметила разницы между ними в заброшенном доме, сможет ли она увидеть ее в постели? Осмелится ли этот грязный человечишка коснуться Куин? Но разве можно представить себе человеческое существо, к какому бы из трех полов оно ни принадлежало, которое отказалось бы порезвиться в постели со столь блестящей и прекрасной женщиной... У Майлза все внутри заледенело, когда он представил себе в деталях, как клон «занимается этим с его Куин» (причем «это» было такое, чего сам Майлз даже не успел попробовать). Он заметил, что мертвой хваткой впился в край скамьи, так что побелели фаланги.

Майлз медленно разжал пальцы. Нет, клон должен избегать контакта с теми, кто хорошо знает Майлза, с кем легче всего нарваться на скандал. Если, конечно, он не нахальное дерьмецо, вроде того, что Майлз каждый день видит в зеркале, когда бреется. Майлз и Элли только-только стали близки: заметит она разницу или нет? Если она... Стиснув зубы, Майлз заставил себя вернуться к более важным вещам — стратегическому плану происходящего, например.

Клон создан явно не затем, чтобы свести Майлза с ума, — это неизбежно само по себе. Клон выкован как оружие, направленное против Барраяра. Через премьер-министра страны графа Эйрела Форкосигана — против Барраяра, словно они нераздельны, Форкосиган и Барра-

яр. Майлз тут же представил себе с полдюжины способов использования клона против отца, начиная с относительно мягких и кончая ужасающе жестокими. Он взглянул на Галени, застывшего на скамейке в ожидании минуты, когда его собственный отец покончит с ним. Или, может быть, специально принявшего позу жертвы, чтобы вынудить отца сделать это, доказав... что? И Майлз молча исключил мягкий сценарий из списка возможных.

В конце концов усталость взяла свое, и он заснул на жесткой скамье.

Спал он скверно, несколько раз выныривая из неприятного сна для того, чтобы столкнуться с неприглядной реальностью: холодная, жесткая скамья, затекшее тело, Галени, ворочающийся на противоположной скамейке и поблескивающий глазами — проснулся или дремлет? И Майлз из самозащиты проваливался обратно в мир сновидений. Чувство времени окончательно покинуло его. Когда он в конце концов сел, одеревеневшее тело и водяные часы мочевого пузыря свидетельствовали, что проспал он немало. После того как он сходил в туалет, ополоснул заросшее щетиной лицо и выпил воды, мысли снова нахлынули на него, и сон пропал начисто. Майлз жалел, что с ним нет чудного кошачьего одеяла.

Щелкнул дверной замок. Галени мгновенно вышел из своего якобы дремотного состояния и сел: ноги вниз, лицо абсолютно непроницаемое. Оказалось, им принесли обед. Или скорее завтрак: теплая яичница, сладкая булочка с изюмом, благословенный кофе в бумажном стаканчике, ложки. Еду доставил один из невыразительных молодых людей, виденных Майлзом накануне. Второй застыл в дверях с парализатором наготове. Не спуская глаз с Галени, человек поставил тарелки на край скамьи и попятился к двери.

Майлз недоверчиво осмотрел еду. Но Галени спокойно взял свою порцию и начал есть. Уверен, что продукты не

отравлены и не обработаны какими-нибудь психотропными средствами, или ему просто уже на все наплевать? Майлз пожал плечами и принялся за яичницу.

Проглотив последние капли драгоценного кофе, он обратился к Галени:

— Но у вас есть хоть какое-то предположение, в чем смысл всего этого маскарада? Они наверняка затратили уйму времени и средств, чтобы создать... мое второе «я». Тут банальным заговором не пахнет.

Галени, который стал чуть менее бледным благодаря завтраку, повертел в руках пустой стаканчик:

— Я знаю только то, что они мне сказали. А правда это или нет — я не знаю.

— Ясно, продолжайте.

— Группа моего отца — это радикальное ответвление от основного комаррского подполья. Два этих течения не общаются друг с другом уже много лет. Еще и поэтому мы, то есть барраярская безопасность, — на губах Галени появилась чуть заметная ироническая улыбка, — прозевали их. Так вот, основная группа в последнее десятилетие начала терять силу. Дети эмигрантов, не помнящие Комарру, вырастали гражданами других планет. А те, что постарше... старели, как водится. Вымирали. Поскольку дома дела шли неплохо, новых сторонников у них не появлялось. Их платформа стала сокращаться, опасно сокращаться.

— И радикалам не терпится сделать какой-то отчаянный ход. Пока у них еще остается шанс, — догадался Майлз.

— Да. Они в критическом положении. — Галени медленно смял в кулаке стаканчик из-под кофе. — Вынуждены рисковать.

— Но такой риск... Вам не кажется это безумием — поставить на шестнадцати-, восемнадцатилетнего паренька? Как им удалось найти медицинские ресурсы? Ваш отец что, был врачом?

Галени фыркнул:

— Вовсе нет. Похоже, медицинская сторона задачи оказалась нетрудной, после того как им удалось получить с Барраяра украденный образец тканей. Хотя как они сумели это сделать...

— Ну, с этим просто. Первые шесть лет жизни я провел в руках врачей: меня щупали, резали, кололи, сканировали и разбирали на части. В лабораториях можно было выбрать образец из целых килограммов всевозможных анализов: настоящее блюдо из тканей. Это-то как раз легко. Но само клонирование...

— Было поручено специалистам. Некоей сомнительной медлаборатории на Архипелаге Джексона. Насколько я понял, за деньги там готовы на все.

Майлз глупо разинул рот.

— О!

— Вы знаете об Архипелаге Джексона?

— Я... знаком с их деятельностью, только в другом контексте. Будь я проклят, если не знаю лабораторию, которая этим занималась! Они специалисты по клонированию. Помимо всего прочего, они выполняют нелегальные операции по пересадке мозга; нелегальные повсюду, кроме Архипелага Джексона. Там выращивают молодой клон и переносят в него старый мозг — старый и богатый мозг, — и... э-э... они выполняли некую генинженерную работу, о которой я не имею права рассказывать. И все это время у них в чулане сидела моя копия! Сукины дети! Они еще убедятся в моем существовании! — Майлз был вне себя от возмущения. Жаль, что личную месть Архипелагу Джексона придется отложить до лучших времен. — Так. Первые пятнадцать лет комаррское подполье никак не участвовало в операции, только деньгами. Неудивительно, что нам не удалось отследить ее.

— Да, — кивнул Галени. — Но пару лет назад они решили воспользоваться наконец этим козырем. Они получили выращенный клон — в то время это был подросточек — и начали натаскивать его на вас.

— Зачем?

— Похоже, они намерены получить империю.

— Что?! — завопил Майлз. — Нет! Только не это.

— Этот... индивид... стоял вот тут, — Галени ткнул пальцем в сторону двери, — два дня назад. Он заявил мне, что передо мной будущий император Барраяра.

— Но им придется убить и императора Грегора, и моего отца, чтобы... — в полном отчаянии начал Майлз.

— По-моему, — сухо отозвался Галени, — они готовы к этому. — Он снова улегся на скамейку. Сверкнул глазами, заложил руки за голову и промурлыкал: — Но сначала им понадобится мой труп.

— Оба наших трупа. Они не посмеют оставить нас в живых, — пробормотал Майлз в ответ.

— Кажется, я вчера об этом упоминал.

— И все же, если у них что-то не заладится, — Майлз бросил быстрый взгляд в сторону осветительной панели, — они будут нуждаться в заложниках.

Он выговорил эти слова громко и четко, подчеркнув множественное число в слове «заложники». Хотя с точки зрения Барраяра только один из них имеет ценность. Галени не дурак: он тоже знает, кто будет козлом отпущения.

Проклятие, проклятие, проклятие! Майлз сам угодил в эту западню, зная, что это западня, и надеясь получить сведения именно такого рода, какие получил. Он в бессильном отчаянии начал растирать себе затылок: если б можно было сотворить чудо и обратить ударную силу дендарийцев на это гнездо заговорщиков... Прямо сейчас...

Щелкнул замок. Для ленча рановато. Майлз резко обернулся, на какую-то безумную долю секунды понадеявшись, что увидит Элли, возглавляющую отряд наемников. Нет. Опять те два громилы — а в дверях третий с парализатором.

Один из них махнул рукой Майлзу:

— Ты! А ну иди сюда.

— Куда? — намеренно грубо спросил Майлз. Неужели это конец: отведут в подземные гаражи и там пристрелят или свернут шею? Добровольно идти на собственную казнь — это не для него.

Видимо, что-то в этом духе промелькнуло и в голове Галени, потому что, когда парочка бесцеремонно схватила Майлза, Галени кинулся на них. Тот, что держал парализатор, отключил его на полпути. Галени дернулся, оскалив зубы, и замер.

Оцепенев, Майлз позволил вытащить себя за дверь. Если смерть близка, он хочет по крайней мере встретить ее в сознании и успеть плюнуть ей в лицо, когда она подойдет к нему вплотную.

ГЛАВА 9

Когда Майлз понял, что лифт идет не вниз, а наверх, ему ненадолго полегчало. Значит, это случится не в подземном гараже. Вот Галени скорее всего прикончат там, чтобы не перетаскивать труп, но Майлз в этом смысле не представляет собой проблемы.

Комната, в которую его втолкнули те двое, оказалась кабинетом, на удивление светлым, несмотря на непрозрачные оконные стекла. На подвесной полке располагались дискеты с базами данных, в углу стоял обычный коммпульт. Сейчас на его экране светилось изображение камеры. Галени все еще лежал, парализованный, на полу.

Старший из тех, кто участвовал в похищении Майлза, сидел у затемненного окна на банкетке с мягким сиденьем и рассматривал инъектор, только что извлеченный из упаковки. Так. Значит, намечается не казнь, а просто допрос. Или по крайней мере допрос перед казнью. Если, конечно, этот тип не намерен попросту отравить его.

Майлз оторвал взгляд от сверкающего инъектора. Мужчина пошевелился, повернул голову и изучающе поглядел на него прищуренными синими глазами, потом скосил глаза на экран комма. Благодаря какому-то случайному совпадению позы, Майлз вдруг понял, с кем

имеет дело, хотя явного сходства с капитаном Галени не наблюдалось, если не считать необычной бледности. На вид человеку с инъектором было около шестидесяти. Коротко остриженные седеющие волосы, морщинистое лицо, грузное тело, явно не принадлежавшее спортсмену или человеку, поддерживающему форму. На нем была земная одежда, отстающая примерно на одно поколение от исторических мод, которые демонстрировала нынешняя молодежь и которые Майлз вместе с Элли имел удовольствие наблюдать в пассаже. Человека можно было принять за бизнесмена или преподавателя — за кого угодно, только не за террориста.

Если не учитывать его убийственной напряженности. Именно в этом — судорожно сжатых руках, раздутых ноздрях и жесткой линии рта — Сер Гален и Дув Галени — члены одной семьи, отец и сын.

Гален встал и обошел вокруг Майлза. У него был брезгливый вид человека, рассматривающего не слишком удачную скульптуру. Майлз стоял неподвижно, чувствуя себя совсем коротышкой без сапог. Наконец-то он оказался в самом центре своих напастей, обнаружил их тайный источник. И центром этим был человек, обходивший его кругом и разглядывавший с ненасытной ненавистью. Или, может быть, оба они, отец и сын, были двойным центром, сведенные вместе и наложенные друг на друга, как двойной фокус эллипса, чтобы получился наконец некий дьявольски идеальный круг.

Майлз казался себе до жути маленьким и хрупким. С Галена станется переломать ему все кости — с тем же отсутствующим видом, с каким Элли Куин грызет ногти. Просто, чтобы снять напряжение.

«Видит ли он меня вообще? Или он видит только предмет, символ, обозначающий врага? Не покончит ли он со мной, как с какой-то аллегорией?»

— Так, — заговорил Сер Гален. — Наконец-то передо мной оригинал. Не слишком внушительный вид для того, кто украл у меня преданность сына. И что он в тебе нашел? Но вообще-то ты неплохо представляешь

Барраяр. Чудовищный сын чудовища-отца: моральный генотип Эйрела Форкосигана, выставленный во плоти на всеобщее обозрение. Может, есть все-таки в мире справедливость.

— Очень поэтично, — с трудом выдавил Майлз. — Но поскольку вы меня клонировали, вы должны знать, что биологически это неверно.

Гален угрюмо улыбнулся.

— Не стану настаивать. — Он завершил очередной круг и остановился напротив Майлза. — Наверное, ты не виноват в том, что появился на свет. Но почему ты так и не восстал против этого чудовища — твоего отца? Он сделал из тебя то, что ты есть... — Широкий взмах руки Галена словно стер с лица земли нелепую, искореженную, подростковую фигуру, стоящую перед ним. — Какой властью обладает этот диктатор, если может гипнотизировать не только собственного сына, но и чужих сыновей? — Лежащая ничком фигура на комм-экране снова притянула к себе взгляд Галена. — Почему ты идешь за ним? Почему за ним идет Дэвид? Что за извращенное удовольствие получает мой сын, вползая в мундир барраярского громилы и шагая следом за Форкосиганом?

Гален очень неубедительно изображал насмешку: в его голосе была неподдельная боль.

Вспыхнув, Майлз отрезал:

— Но мой отец никогда не бросал меня в беде!

Голова Галена дернулась, последний намек на веселье исчез. Он резко отвернулся и двинулся к банкетке за инъектором.

А Майлз мысленно проклял свой длинный язык. Если бы не его мальчишество и тщеславное желание оставить за собой последнее слово, этот человек продолжал бы говорить, и он узнал бы что-то полезное. А теперь говорить будет он, а узнавать — Гален.

Двое охранников взяли его за локти. Тот, что стоял слева, поднял рукав. Ну вот, начинается. Гален прижал инъектор к вене на локтевом сгибе Майлза, и тот услышал шипение, а потом ощутил легкое жжение.

— Что это? — успел спросить Майлз. Он успел заметить, каким детски слабым и неуверенным стал его голос.

— Суперпентотал, разумеется, — деловито бросил Гален.

Майлз не удивился, хотя внутренне весь сжался, зная, что его ждет. Он изучал фармакологию суперпентотала, его применение и действие в курсе безопасности в Имперской военной академии Барраяра. Средство использовали для допроса не только в имперской службе, но и по всей галактике, поскольку это был почти идеальный препарат — безвредный для допрашиваемого даже при повторных дозах и обладающий сокрушающей эффективностью. Правда, он не представлял опасности вообще, а в частности... Существовало мизерное количество несчастных, у которых была на него естественная или искусственно созданная аллергическая реакция. Майлза никогда не считали нужным подвергнуть операции по созданию искусственной аллергии: он представлял собой гораздо большую ценность, чем любая секретная информация. Другие агенты-шпионы были не столь удачливы. Анафилактический шок — это еще менее красивая смерть, чем дезинтеграционная камера, к которой обычно приговаривают шпионов.

Майлз в отчаянии ждал, когда превратится в маразматика. Адмиралу Нейсмиту приходилось присутствовать при многочисленных допросах с применением суперпентотала. Это средство вызывало мощный прилив добродушия и болтливости и уносило всю способность логически мыслить. Наблюдать такое было забавно — человек вел себя как кошка, хлебнувшая валерьянки. Еще несколько секунд — и он сам превратится в такую вот кошку.

Отвратительно думать, что капитан Галени был так же постыдно обработан. Да еще четыре раза кряду, судя по его словам. Неудивительно, что он такой дерганый.

Майлз почувствовал, как у него колотится сердце, словно от слишком большой дозы кофеина. Его зрение обострилось до почти болезненной четкости. Контуры предметов начали светиться, а сами предметы почти

физически стали давить на него. Гален, отступивший к пульсирующему окну, превратился в обнаженную электросхему, включенную в цепь и полную смертельного напряжения.

О нет, на добродушие это не походило.

Видимо, наступает естественная кома. Майлз сделал последний вдох. Вот удивятся допрашивающие...

Но, к великому изумлению Майлза, он продолжал тяжело дышать. Значит, это не анафилактический шок. Просто еще одна чертова индивидуальная реакция. Он только надеялся, что это не вызовет тех кошмарных галлюцинаций, которые случились после чертова успокоительного, которое ему дал когда-то неопытный доктор. Вдруг Майлзу захотелось кричать. Его зрачки резко дергались в ответ на малейший жест Галена.

Охранник пододвинул Майлзу стул и помог усесться. Майлз благодарно упал на сиденье, сотрясаясь от безудержной дрожи. Ему казалось, что сознание разрывается на части, как ветхая ткань, а потом куски складываются обратно, словно на экране кто-то крутит запись фейерверка сначала в одну, потом в другую сторону. Гален хмуро смотрел на него.

— Опиши процедуры системы безопасности для входа и выхода из барраярского посольства!

Наверняка они уже выжали эту информацию из капитана Галени — значит, просто проверяют действие суперпентотала.

— ...действие суперпентотала. — Майлз услышал, как повторяет вслух свои мысли. О дьявол! Он надеялся, что его индивидуальная реакция включает в себя способность не вываливать свои мысли наружу. — ...Что за отвратительная картина...

Качая головой, Майлз уставился на пол у своих ног, словно ожидая увидеть там месиво из кровавых кусочков своего мозга.

Сер Гален шагнул вперед и рывком приподнял ему голову, прошипев сквозь зубы:

— Опиши процедуры системы безопасности для входа и выхода в барраярское посольство!

— Этим занимается сержант Барт, — импульсивно начал Майлз. — Несносный болван! Никакого вкуса к жизни, и к тому же честолюбец.

Не в силах остановиться, он выдал не только шифры, пароли, места установки сканеров, но и расписание дежурств, свое личное мнение обо всех служащих, в придачу едко раскритиковав недостатки системы безопасности. Одна мысль влекла за собой следующую взрывной цепочкой, наподобие цепочки шутих. И Майлз говорил как заведенный, весело и бессвязно.

Он не только не мог остановиться сам — Гален тоже был бессилен остановить его. Обычно допрашиваемые под суперпентоталом, увлекаемые ассоциациями, отклоняются от предмета, и только постоянные подсказки следователя возвращают их к теме. Майлз обнаружил, что проходит через то же самое, только со страшной, небывалой скоростью. Обычных допрашиваемых можно остановить словом, но Майлз замолкал только тогда, когда Гален отвешивал ему несколько тяжелых пощечин. Тогда Майлз сидел некоторое время молча и тяжело дышал.

Пытка не входила в программу допроса под суперпентоталом, потому что счастливо одурманенные жертвы попросту не чувствовали боли. С Майлзом было иначе — боль то приливала, то уходила; то он испытывал сонливость, то му́ка обжигала его, как электрический разряд. К собственному ужасу, он вдруг расплакался. Потом так же неожиданно перестал, глупо икая.

Гален стоял как зачарованный и рассматривал Майлза с явным отвращением.

— Что-то не так, — пробормотал один из охранников. — Он что, нейтрализует действие суперпентотала благодаря какой-то новой обработке?

— Да нет, какая там нейтрализация, — возразил Гален и взглянул на часы. — Он не скрывает информацию. Только дает больше, чем надо. В тысячу раз больше.

Комм настоятельно засигналил.

— Я подойду, — предложил Майлз. — Наверное, это меня.

Майлз вскочил со стула, но колени у него подогнулись, и он повалился лицом в ковер. Жесткий ворс уколол щеку. Двое охранников тут же подняли его и снова усадили на стул. Комната медленно плыла кругами, то в одну, то в другую сторону. На вызов ответил Гален.

— Докладываю. — Из комма раздался собственный решительный голос Майлза в его барраярском воплощении.

Лицо клона показалось Майлзу не таким уж знакомым, как то, которое он каждый день видел в зеркале.

— У него пробор не на ту сторону, — заметил Майлз, ни к кому не обращаясь. — Ах нет...

Все равно никто его не слушал. Майлз начал размышлять об углах падения и отражения, и его мысли со скоростью света отскакивали от зеркальных стен его пустого черепа.

— Ну как? — Гален тревожно подался к пульту.

— Я чуть не провалился в первые пять минут. Тот здоровый сержант-водитель в дендарийской форме оказался чертовым кузеном. — Голос клона звучал тихо и напряженно. — К счастью, мне удалось превратить недоразумение в шутку. Но они поселили меня с этим подонком. А он храпит.

— Вот уж точно, — подхватил Майлз как ни в чем не бывало. — А чтобы развлечься по-настоящему, подождите, пока он начнет во сне заниматься любовью. Черт, хотел бы я, чтобы мне снились такие сны. У меня бывают только кошмары: например, я играю в поло против команды мертвых цетагандийцев, а мячом служит голова лейтенанта Меки. Она кричит каждый раз, как я ударом гоню ее к воротам. А потом я падаю и попадаю под копыта...

Никто не обращал на него внимания, и бормотание Майлза стыдливо заглохло.

— Тебе придется иметь дело со множеством людей, которые его знали, прежде чем все будет кончено, —

резко ответил Гален изображению дубль-Майлза. — Но если тебе удастся обмануть Форпатрила, ты сможешь продержаться где угодно...

— Можно обманывать всех некоторое время или некоторых все время, — прочирикал Майлз, — но Айвена можно обманывать всегда, везде и повсюду. Он ни на что не обращает внимания.

Гален бросил на него раздраженный взгляд.

— Посольство — идеальный испытательный микрокосм, — продолжил он, обращаясь к комм-пульту, — перед твоим выходом на большую арену Барраяра. Присутствие Форпатрила дает тебе великолепную возможность практиковаться. Если он тебя раскусит, что ж, мы найдем способ убрать его.

— Угу. — Похоже, клона это мало успокоило. — Пока мы не начали, мне казалось, ты набил мне голову всем, что только можно знать о Майлзе Форкосигане. А потом, причем в последнюю минуту, ты выяснишь, что все это время он вел двойную жизнь... Что еще ты пропустил?

— Майлз, мы уже все это обговорили...

Майлз с изумлением понял, что Гален называет клона его именем. Неужели он настолько слился со своим персонажем, что собственное имя отбросил за ненадобностью? Странно...

— Ты всегда знал, что будут существовать пробелы и тебе придется импровизировать на ходу. Но лучшей возможности, чем его случайный визит на Землю, у нас не будет. Бессмысленно ждать еще полгода, а потом пытаться устроить подмену на Барраяре. Нет. Сейчас или никогда. — Гален сделал глубокий вдох, успокаиваясь. — Так. Ночь ты провел нормально.

Клон фыркнул:

— Угу, если не считать того, что меня чуть не задушила проклятая черная шуба.

— Что? А, живой мех. Разве он не подарил его своей бабе?

— Оказывается, нет. Я чуть не обделался, прежде чем до меня дошло, что это такое. Разбудил даже кузена.

— Он что-нибудь заподозрил? — стремительно бросил лже-Майлзу Гален.

— Я сказал ему, что увидел страшный сон. Похоже, с Форкосиганом такое частенько случается.

Майлз рассудительно кивнул:

— И я вам говорил то же самое. Оторванные головы... сломанные кости... изуродованные родственники... необычные изменения важных частей моего тела...

Похоже, суперпентотал оказывал странное воздействие на его память: именно это, вероятно, и делает его таким эффективным допросным средством. Недавние сны вспоминались Майлзу сейчас гораздо отчетливее, чем сразу после пробуждения. Хотя это было великим утешением — что они имели свойство забываться.

— Форпатрил говорил что-нибудь об этом утром? — спросил Гален.

— Нет. Я с ним почти не разговариваю.

— Это на меня не похоже, — услужливо вставил Майлз.

— Делаю вид, что у меня небольшой приступ депрессии, которые описаны в докладе о его психоукладе... А это кто? — Клон вытянул шею, пытаясь разглядеть Майлза.

— Сам Форкосиган. Мы ввели ему суперпентотал.

— А, хорошо. А то меня все утро домогаются по шифрованному комм-каналу его наемники — ждут указаний.

— Мы договорились, что ты будешь избегать их.

— Прекрасно, только скажи им об этом сам.

— Когда ты сможешь получить приказ о возвращении из посольства на Барраяр?

— В любом случае не так скоро, чтобы удалось избегать контактов с дендарийцами. Я заговорил об отъезде с послом, но оказалось, Форкосиган возглавляет поиски капитана Галени. Посол очень удивился, что это мне вздумалось уехать в такой момент, и я пошел на попятную. Капитан Галени еще не передумал относительно сотрудничества с нами? Если нет, тебе самому придется устроить мне приказ о возвращении, подсунув его курьеру.

Гален замялся:

— Я посмотрю, что тут можно предпринять. И ты не теряй времени даром — пытайся все устроить сам.

«Разве Гален не знает, что нам известно о предательстве курьера?» — подумал Майлз с почти нормальной четкостью. Ему удалось удержаться и только чуть слышно пробормотать эту мысль.

— Ладно. Ты обещал, что оставишь Форкосигана в живых, пока я не улечу. Без него мне не ответить на кой-какие вопросы. И вот первый, кстати. Кто такая лейтенант Боун и что она должна делать с избытком от «Триумфа»? Она не сказала, избыток чего.

Охранник ткнул Майлза в бок:

— Отвечай!

Майлз постарался мыслить и говорить четко:

— Боун — бухгалтер флота. Надо думать, она должна поместить остаток на инвестиционный счет и, как обычно, поиграть с ним. Остаток — это избыток денег. — Майлз чувствовал необходимость в этом разъяснении. И вдруг он горько рассмеялся: — Но им хватит его ненадолго, уверен.

— Этого достаточно? — спросил Гален, обращаясь к лже-Майлзу.

— Пока что — да. Я сказал Боун, что она опытный офицер и должна сама проявлять инициативу, но мне интересно, что именно я приказал ей сделать. Ладно, с этим все. Теперь следующий вопрос. Кто такая Розали Крю и почему она подала в суд на адмирала Нейсмита о возмещении убытков в размере полумиллиона федеральных кредиток?

— Кто? — разинул рот Майлз, искренне изумившись. Охранник снова ткнул его. — Что?

Майлз пытался в своем одурманенном уме перевести кредитки в барраярские марки с большей точностью, нежели просто «жуткое количество деньжищ!». На мгновение ассоциации, связанные с именем Розали Крю, оказались заблокированы, но потом исправно ожили.

— Боги, да это же бедная служащая из винного магазина! Я спас ее от верной гибели в огне. Почему она

подала на меня в суд? Почему не подать на Данио, ведь это он спалил магазин... Ну конечно, у него нет денег...

— Но мне-то что с этим делать? — спросил клон.

— Ты хотел быть мной, — огрызнулся Майлз, — вот и соображай. — Но мысли все равно заработали. — Подай на нее ответный иск за ущерб здоровью. По-моему, я надорвал себе спину, когда взваливал ее на закорки. До сих пор ломит...

Тут вмешался Гален:

— Игнорируй это дело, — приказал он. — Ты выберешься отсюда раньше, чем оно получит ход.

— Ладно, — с сомнением отозвался Майлз-клон.

— И оставишь дендарийцев расхлебывать кашу? — возмутился Майлз. Он зажмурился, пытаясь соображать, вопреки ужасному головокружению. — Хотя, что тебе дендарийцы. Но если ты не полный идиот, тебе должно быть до них дело! Они рискуют жизнью ради тебя... меня... А ты готов предать их, даже не поинтересовавшись, кто они, что они такое...

— Вот именно, — вздохнул клон. — Кстати, кто или что такое эта командор Куин? Ты выяснил или нет? Может, это его баба?

— Мы просто добрые друзья, — фальшиво пропел Майлз и не менее фальшиво рассмеялся. Он кинулся к пульту (охранники бросились навстречу, но опоздали) и, перебираясь через стол, зарычал в экран: — Не прикасайся к ней, ты, дерьмецо! Она моя, слышишь? Моя, только моя. Куин, Куин, прекрасная Куин, вечерняя звездочка, милая Куин! — распевал он во все горло, пока охранники оттаскивали его обратно. И только удары кулаков заставили Майлза замолчать.

— Я думал, он у тебя на суперпентотале, — удивился клон.

— Да. Так оно и есть.

— Не похоже!

— Мне тоже все это не нравится. У него вроде бы не должно быть искусственной реакции... А если мы с ним

промахнулись, на кой нам черт сохранять ему жизнь в качестве банка данных? Чего стоит такой банк?

— Великолепная мысль! — нахмурился клон. Он оглянулся через плечо. — Мне пора. Выйду на связь вечером. Если буду жив.

И он исчез в сопровождении раздраженного гудка.

Гален снова вернулся к Майлзу со списком вопросов: о барраярской штаб-квартире, об императоре Грегоре, о том, чем обычно занимается Майлз в столице Барраяра — Форбарр-Султане... И бесконечные вопросы о дендарийских наемниках. Содрогаясь, Майлз отвечал, отвечал и отвечал, не в силах управиться со стремительным потоком собственной речи. Но где-то на середине допроса он вдруг припомнил некую стихотворную строчку и закончил тем, что прочитал весь сонет целиком. Пощечины Галена не могли его сбить: цепочка ассоциаций оказалась настолько сильной, что разорвать ее было невозможно. После этого Майлз уже с большим или меньшим успехом мог игнорировать допрос. Лучше всего воспроизводились произведения с четким ритмом и размером: плохие эпические поэмы, непристойные застольные песни дендарийцев — словом, все, что вспыхивало в мозгу от случайного слова или фразы допрашивающих. Память его оказалась феноменальной. Лицо Галена мрачнело.

— С такой скоростью допроса мы просидим с ним вечность. Не знаю, как быть... — высказался наконец один из охранников.

Кровоточащие губы Майлза раздвинулись в маниакальной улыбке.

— Быть иль не быть? Вот в чем вопрос, — прочирикал он. — Что благородней духом — покоряться пращам и стрелам яростной судьбы...

Он знал эту древнюю пьесу с детства и сейчас живой, ритмичный стих неумолимо вел его за собой. Похоже, Гален заставит его замолчать, только избив до потери сознания. Майлз еще не дошел до конца акта, как двое

рассвирепевших охранников поволокли его вниз и швырнули в камеру.

Но там скорострельные нейроны продолжали бросать его от стены к стене: Майлз расхаживал и декламировал, усаживался, вскакивал со скамейки. За женщин он читал высоким фальцетом, почти что пел. Добравшись до последней строки, он упал на пол и лежал, жадно ловя ртом воздух.

Капитан Галени, который забился на край скамьи и последний час сидел, зажав ладонями уши, рискнул поднять голову.

— Вы закончили? — мягко спросил он.

Майлз перекатился на спину и тупо уставился на осветительную панель.

— Гип-гип-ура грамотности... Меня тошнит.

— Неудивительно. — Галени и сам казался совсем больным. Он еще не пришел в себя после парализатора. — Что это было?

— Вы о чем — о пьесе или химсредстве?

— Пьесу я узнал, спасибо. Что за средство?

— Суперпентотал.

— Вы шутите.

— Какие шутки! У меня часто бывает странная реакция на лекарства. Есть целый класс успокоительных, к которым мне нельзя прикасаться. Видимо, суперпентотал из этой компании.

— Вот так везение!

«...На кой нам черт сохранять ему жизнь в качестве банка данных...»

— Не думаю, — сухо заметил Майлз. Он с трудом поднялся на ноги и бросился в туалет. Там его вывернуло наизнанку, и он потерял сознание.

Майлз пришел в себя и сразу почувствовал, как немигающий свет над головой колет глаза. Он прикрыл лицо рукой, стараясь спрятаться от него. Кто-то (Галени?) положил его на скамью. Сам Галени спал напротив, тяжело дыша. На краю скамейки Майлза стояла тарелка с

остывшим обедом. Видимо, была глубокая ночь. Майлз с отвращением взглянул на еду и убрал ее с глаз долой, под скамейку. Время ползло адски медленно — медленнее не бывает. Он ворочался, метался, садился, снова ложился... Все тело болело, к горлу то и дело подступала тошнота. Даже сон не шел.

На следующее утро, после завтрака, охранники взяли не Майлза, а Галени. Во взгляде уходящего капитана отразилось суровое отвращение. Из коридора тут же донесся шум жестокой потасовки: Галени старался заставить применить против себя парализатор — зверский, но эффективный способ избежать допроса. Ему это не удалось. После марафонского промежутка времени тюремщики вернули его глупо хихикающим.

Галени бессильно лежал на скамье еще около часа, время от времени идиотски смеясь, а потом провалился в забытье. Майлз мужественно преодолел соблазн воспользоваться остаточным действием суперпентотала и задать Галени свои собственные вопросы. Увы, после применения препарата допрашиваемые прекрасно помнили, что с ними происходило.

Когда к Галени вернулось сознание, он казался полумертвым. Похмелье после суперпентотала — на редкость неприятное ощущение; в этом реакция Майлза не была индивидуальной. Он сочувственно поморщился, когда Галени совершил неизбежный визит в туалет.

Вернувшись, Галени тяжело опустился на скамью. Его взгляд упал на тарелку с холодным обедом, и Галени с сомнением ковырнул его пальцем.

— Хотите? — спросил он Майлза.

— Нет, спасибо.

— Угу.

Галени запрятал тарелку подальше и бессильно сгорбился на своей лавке.

— Чего они от вас добивались? — поинтересовался Майлз.

— На этот раз их интересовала моя личная жизнь. — Галени рассматривал свои носки, заскорузлые от грязи,

но Майлзу показалось, что Галени не видит их. А что он видит? — Похоже, он почему-то не в состоянии поверить в мою искренность. Видимо, убедил себя, что ему стоит только объявиться, свистнуть — и я брошусь к нему, как бросался четырнадцатилетним подростком. Словно все мои прожитые годы ничего не значат. Словно я надел этот мундир шутки ради или от отчаяния, или от растерянности — только не вследствие добровольного и сознательного выбора.

Не было нужды спрашивать, кто такой «он». Майлз только улыбнулся:

— Неужели не из-за шикарных сапог?

— Я просто «ослеплен сверкающей мишурой неонацизма», — флегматично сообщил ему Галени.

— Вот как? Вообще-то у нас феодализм, а не фашизм, если, конечно, не считать попытки централизации, предпринятой покойным императором Эзаром Форбаррой. На «сверкающую мишуру неофеодализма» я бы согласился.

— Мне знакомы принципы барраярского правления, благодарю вас, — любезно заметил доктор исторических наук Галени.

— Если это можно назвать принципами, — пробормотал Майлз. — Все получилось в результате импровизации, знаете ли.

— Да, знаю. А еще меня радует, что вы сведущи в истории, в отличие от большинства молодых офицеров, выпускников академии.

— Так... — неопределенно протянул Майлз. — А если не из-за золотых эполет и начищенных сапог, из-за чего вы все-таки с нами?

— О, ну конечно, — Галени закатил глаза к осветительной панели, — я «получаю садистское психосексуальное удовлетворение, реализуя себя, как громила и головорез». Это просто «способ самоутверждения».

— Эй! — Майлз помахал ему рукой, не вставая с места. — Говорите со мной, а не с ним, ладно? Сейчас моя очередь, его уже прошла.

— Угу. — Галени мрачно скрестил руки на груди. — В некотором смысле это правда. Я действительно хочу самоутвердиться. Или хотел.

— Если уж на то пошло, для барраярского высшего командования это не секрет.

— Как и для всех барраярцев, хотя люди, не принадлежащие к вашей культуре, этого не видят. Как, по их мнению, такому закоснелому кастовому обществу, как ваше, удалось пережить столетие невероятных стрессов — я имею в виду время после Периода Изоляции — и не взорваться? В некотором роде имперская служба взяла на себя функцию, сходную с ролью средневековой церкви здесь, на Земле, — функцию предохранительного клапана. С ее помощью любой талант может отмыть свое кастовое происхождение. Двадцать лет на имперской службе — и ты выходишь из нее почетным фором. Может, имена и не меняются со времен Дорки Форбарры, когда форы были замкнутой кастой твердолобых громил-всадников...

Майлз с улыбкой отметил эту характеристику поколения своего деда.

— ...но изменилось самое главное. Изменилось мироощущение. Все это время форам удавалось, пусть с великим трудом, сохранять некие основополагающие принципы — служения и самопожертвования. Человек может не сгибаться в три погибели, чтобы взять, но бежит туда, где он может дать, одарить... — Галени резко остановился и покраснел. — Моя докторская диссертация, знаете ли, называлась «Барраярская имперская служба: столетие перемен».

— Я понимаю.

— Я хотел служить Комарре.

— Как ваш отец до вас, — договорил Майлз. Галени быстро взглянул на него, заподозрив сарказм, но нашел, как и надеялся Майлз, только сочувственную иронию.

Галени понимающе кивнул.

— Да. И нет. Никто из кадетов, поступивших на службу одновременно со мной, не видел настоящей войны. А я видел.

— Я подозревал, что вы знакомы с комаррским восстанием ближе, чем это значилось в докладах, — заметил Майлз.

— Я помогал отцу, — продолжал Галени. — Несколько ночных вылазок, диверсии... Я был не по возрасту низкорослым. Есть места, куда может попасть только заигравшийся ребенок — взрослого схватят и пристукнут. Мне еще не было четырнадцати, а я уже помогал убивать... У меня нет иллюзий относительно того, как вели себя великолепные имперские войска во время комаррского восстания. Я видел, как люди вот в этих мундирах, — он махнул рукой на свои зеленые брюки с лампасами, — творят зло. Страшное зло. В гневе, от страха, досады или отчаяния, а иногда просто от скуки. Но разве для мертвых, для обычных людей, попавших под перекрестный огонь, имело значение, сожгли ли их плазменным огнем оккупанты или разнесли гравиколлапсами добрые патриоты? Свобода? Что толку притворяться, что на Комарре до появления барраярцев была демократия. Мой отец кричал, что Барраяр уничтожил Комарру, но когда я смотрел вокруг — Комарра оставалась прежней Комаррой.

— Нельзя обложить налогом пустыню, — пробормотал Майлз.

— Я видел одну маленькую девочку... — Галени замолчал, закусил губу и почти выкрикнул: — Единственное, что имеет значение, — это отсутствие войны. Всякой. Я хочу... хотел... чтобы мои поступки приближали это время. Карьера на имперской службе, почетная отставка, пост в министерстве — затем вверх по гражданской лестнице, а потом...

— Вице-король Комарры? — предположил Майлз.

— Так высоко я не метил, — чуть смутился Галени. — Но наверняка — один из его советников. — Майлз почти воочию увидел, как меркнет ослепительная надежда, когда Галени оглядел камеру и губы его растянулись в презрительной усмешке. — Но мой отец зациклился на мщении. «Иностранное правление не только ведет к зло-

употреблениям властью, но по сути своей порочно...» «Попытка вернуть ему прежний статус путем интеграции — это не компромисс, а коллаборационизм, капитуляция...» «За твои грехи комаррские революционеры расплатились своими жизнями...» И так далее и тому подобное.

— Значит, он все еще пытается уговорить вас перейти на его сторону?

— О да. Мне кажется, он будет убеждать меня, даже спуская курок.

— Не то чтобы я просил... э-э... поступиться принципами или что-то в этом роде, но я пойму вас, если вы, скажем, попросите сохранить вам жизнь, — робко сказал Майлз. — «Отступивший выживает для следующего боя» и все такое прочее.

Галени покачал головой:

— Именно поэтому я не могу отступить. Не «не хочу», а «не могу». Отец так устроен, что не способен доверять. Если я переменю свои позиции, он тоже их переменит — и так же сильно захочет убить меня, как сейчас убеждает себя сохранить мне жизнь. Он уже пожертвовал моим братом. В определенном смысле смерть матери тоже связана с этой потерей — и другими потерями, на которые отец шел без колебаний ради своего Дела. — Галени добавил, внезапно смутившись: — Наверное, звучит все ужасно по-эдиповски. Но... это так романтично — выбирать самый трудный жребий. В этом весь отец.

Майлз покачал головой:

— Готов признать, что вы знаете его лучше меня. И тем не менее... Ну ладно, людей гипнотизирует трудный выбор. И они перестают искать альтернативу. Воля к безмыслию — великая сила...

Это замечание заставило Галени удивленно поднять брови.

— ...но альтернатива тем не менее существует. Всегда. Право же, важнее сохранять верность человечности, а не принципу.

Галени улыбнулся:

— Полагаю, я не должен удивляться, слыша такое от барраярца. От члена общества, которое традиционно связано цепью присяг, а не стройной законодательной системой... Это дает себя знать политика вашего отца?

Майлз подумал немного:

— Если честно — теология моей матери. Исходя из совершенно разных предпосылок, мать и отец пришли к странному на первый взгляд единству. Ее теория заключается в том, что принципы приходят и уходят, а человеческая душа бессмертна. Стало быть, человек и его душа — прежде всего. Мать бывает чрезвычайно логичной. Она ведь бетанка.

Галени с интересом подался вперед, зажав ладони между колен.

— Меня гораздо больше удивляет, что ваша мать вообще имела отношение к вашему воспитанию. Насколько я знаю, барраярское общество имеет тенденцию к... э-э... агрессивной патриархальности. А графиня Форкосиган славится тем, что она — самая невидимая из жен политиков.

— Угу, невидимая, — просияв, согласился Майлз. — Как воздух. Если бы он вдруг исчез, вы бы не заметили. До той минуты, когда придется делать следующий вдох.

Он подавил острую боль, представив лицо матери, и еще более острый страх: «Если я на этот раз не вернусь...»

Галени вежливо-недоверчиво улыбнулся:

— Трудно себе представить, чтобы великий адмирал уступал... э-э... супруге.

Майлз пожал плечами:

— Он уступает не супруге, а логике. Мать — одна из немногих известных мне людей, кто полностью победил волю к безмыслию. — Майлз задумчиво нахмурился. — Ваш отец — человек неглупый. Он скрылся от службы безопасности, он смог разработать план действий, оказавшихся успешными, — по крайней мере на этот час, он имел запасной вариант, он энергичен, настойчив...

— Да, наверное, — согласился Галени.

— Гм. — Майлз нахмурился.

— Что?

— Один фактор этого заговора не дает мне покоя...

— А я думал, их немало!

Майлз медленно продолжал:

— Я пытаюсь рассуждать логически. Абстрактно. В заговоре как таковом есть нечто такое, что даже с точки зрения вашего отца невозможно понять. Конечно, идет политическая возня; приходится идти на риск. Так всегда бывает, когда пытаешься перевести планы в плоскость реальных действий. Но даже учитывая эти обстоятельства, что-то по сути не так.

— Конечно, это смелый шаг, — ответил Галени. — Но если отцу он удастся, у него будет все. Если ваш клон захватит империю, он окажется в центре барраярской структуры власти. Он будет управлять всем. Абсолютная власть.

— Чушь свинячья, — отрезал Майлз.

Брови Галени поползли вверх, а Майлз продолжал:

— Пусть на Барраяре нет стройной законодательной системы, но это не значит, что там нет системы как таковой. Вы-то должны знать, что власть императора — не более чем суммарная поддержка военных, графов, министерств и народа в целом. Ужасные вещи происходят с теми императорами, которым не удается выполнить свои обязанности по отношению к вышеуказанным группам. Расчленение императора Ури Безумного произошло совсем недавно. Мой отец мальчишкой присутствовал на этой жуткой, почти средневековой казни. И тем не менее люди удивляются, отчего он не хотел завладеть империей. Что же получается? Вы видите эту картину? Вот поддельный я, захватывающий трон в результате кровавого переворота, за которым следует быстрая передача власти и привилегий Комарре, скажем, даже предоставление ей независимости. А результаты?

— Продолжайте, — попросил зачарованный Галени.

— Военные будут оскорблены тем, что я отказался от их трудом добытых побед. Графы — что я возвысился над ними. Министерства тоже вознегодуют, поскольку потеря Комарры — источника налогов и крупнейшего торго-

вого узла — резко ограничит их власть. Народ будет оскорблен по всем этим причинам плюс еще потому, что, по мнению большинства, я мутант, то есть нечистое физически, неполноценное существо. Знаете, как это ни дико, но в глубинке до сих пор убивают младенцев с врожденными уродствами, например заячьей губой, хотя закон уже полвека назад объявил это преступлением. Если вы можете придумать участь, худшую, чем расчленение заживо, то этот бедный клон идет прямо к ней в объятия. Я не уверен, что даже мне удалось бы взнуздать империю и выжить, пусть без комаррских осложнений. А этому мальчишке, сколько ему? Семнадцать, восемнадцать? — И Майлз заключил: — Глупый план. Или...

— Или?

— Или совсем другой план.

— Гм.

— Кроме того, — еще медленнее проговорил Майлз, — для чего Серу Галену, который, если я правильно его понял, ненавидит моего отца гораздо сильнее, чем любит... кого-нибудь, идти на такие трудности только для того, чтобы посадить на барраярский трон потомка Форкосигана? В высшей степени незавершенная месть. И как, если ему каким-то чудом удастся дать мальчишке власть над империей, ваш отец собирается его контролировать?

— Предварительная обработка? — предположил Галени. — Угрозы разоблачения?

— Угу, может быть...

Зайдя в тупик, Майлз замолчал, но ненадолго:

— По-моему, настоящий план вашего отца гораздо проще и умнее. Он намеревается бросить клона в центр борьбы за власть просто для того, чтобы создать на Барраяре неразбериху. Результат борьбы не имеет значения. Клон — всего лишь пешка. Восстание на Комарре должно вспыхнуть в момент наибольшей сумятицы на Барраяре. А если при этом прольется кровь — еще лучше. Видимо, за спиной у вашего отца прячется некий союзник, который в нужный момент шагнет вперед и перекроет выход из пространства Барраяра. Господи, я

надеюсь, он не заключил союз с Цетагандой! Дьявольский союз!

— Обмен барраярской оккупации на цетагандийскую кажется мне шагом с нулевым эффектом. Отец не сумасшедший. Но что будет с вашим дорогостоящим клоном? — осведомился Галени, пытаясь распутать клубок интриг.

Майлз жестко улыбнулся:

— Серу Галену на это наплевать. Клон не цель, а средство. — Майлз открыл рот. Закрыл. Снова открыл: — Только... я все слышу голос матери. Это от нее у меня великолепный бетанский выговор — тот, которым я пользуюсь в роли адмирала Нейсмита. Я и сейчас ее слышу.

— И что же она говорит? — Брови Галена изогнулись.

«Майлз, — говорит она, — где брат твой Марк?»

— Ну, клона никак нельзя назвать вашим братом! — изумился Галени.

— Вы ошибаетесь. По бетанским законам он называется именно так.

— Безумие! — Ошеломленный Галени смотрел на Майлза во все глаза. — Ваша мать не могла требовать, чтобы вы заботились об этом создании!

— Еще как могла, — мрачно вздохнул Майлз. К горлу, как тошнота, подступил комок невыразимого ужаса. Как все переплелось, страшно, сложно...

— И это — женщина, которая, по вашим словам, олицетворяет барраярскую империю? Я отказываюсь понимать такое. Граф Форкосиган — прагматик. Посмотрите только на план интеграции Комарры!

— Да, — сердечно предложил Майлз, — вы только посмотрите на него.

Галени кинул на него подозрительный взгляд:

— Люди важнее принципов, а? — догадался он наконец.

— Угу.

Галени устало опустился на скамью. Спустя минуту уголок его рта чуть приподнялся.

— А вот мой отец, — пробормотал он, — всегда был человеком... глубоко принципиальным.

ГЛАВА 10

С каждой минутой надежд на освобождение оставалось все меньше. Через некоторое время был доставлен еще один завтрак. Это означало — если можно положиться на такие часы, — что пошел третий день заточения Майлза. Судя по всему, клон не совершал грубых ошибок, которые непременно выдали бы его Айвену и Элли. А уж если ему удастся провести Айвена и Элли, он проведет кого угодно. Майлз содрогнулся.

Глубоко вздохнув, он соскочил со скамьи и заставил себя проделать несколько физических упражнений, пытаясь освободить мозг от остатков суперпентотала. Галени, олицетворявший малоприятный синдром лекарственного похмелья, депрессии и бессильной ярости, растянулся на скамье, молча глядя на Майлза.

Астматически хрипя, потея и с трудом держась на ногах, Майлз принялся расхаживать по камере, чтобы привести мысли в порядок. В камере начинало вонять, что отнюдь не способствовало хорошему самочувствию. Без особой надежды Майлз прошел в туалет и испытал свой трюк с затыканием носком раковины. Как он и подозревал, та же сенсорная система, которая включала воду, когда он подставлял руки под кран, отключила ее прежде, чем жидкость начала переливаться через край. Унитаз работал на таком же безотказном принципе. Но даже если бы Майлзу и удалось принудить тюремщиков открыть дверь, Галени уже продемонстрировал, что они не более чем кролики под дулами парализаторов.

Нет. Это все не годится. Единственной связью с противником был поток информации, которую те рассчитывали из него выжать. В конце концов это единственная причина, почему он еще жив. Из всех рычагов, которые можно привести в действие, этот — самый действенный. Если клон ведет себя безупречно, ему надо помочь — научить делать ошибки. Но как этого добиться, если ты накачан суперпентоталом? Можно, конечно, встать

посреди комнаты и декламировать фальшивые признания, взирая на осветительную панель, а-ля капитан Галени, но вряд ли такое воспримут всерьез.

Майлз сидел на скамье, хмуро разглядывая замерзшие ступни (влажные носки он разложил сушиться), когда щелкнул замок. Двое с парализаторами. Один из охранников направил оружие на Галени, который вызывающе улыбался, не двигаясь с места. Палец охранника лежал на спусковом крючке: сегодня колебаний не заметно, Галени в сознании им явно не нужен. Второй сделал Майлзу знак выходить. Если капитана Галени сразу же парализуют, как в прошлый раз, Майлзу нет смысла в одиночестве драться с охранниками. Он вздохнул и подчинился.

Оказавшись в коридоре, Майлз изумленно выдохнул: его ждал клон, пожирая своего двойника глазами.

Дубль-Майлз был одет в форму адмирала дендарийцев, сидевшую на нем просто идеально.

Нервным жестом он приказал охранникам ввести Майлза в кабинет. На сей раз его крепко привязали к стулу посредине комнаты. Как интересно — Галена не было!

— Ждите за дверью, — приказал клон. Охранники переглянулись, пожали плечами и послушно удалились, прихватив с собой пару мягких стульев.

Когда дверь за ними захлопнулась, воцарилась глубокая тишина. Двойник медленно обошел вокруг Майлза, держась от него на безопасном расстоянии, словно тот был коброй. Остановившись лицом к Майлзу примерно в полутора метрах от него, клон присел на письменный стол, покачивая ногой. Майлз узнал свою любимую позу. Он больше никогда не сможет ее принять, не смутившись: клон украл у него маленький кусочек жизни. Один из кусочков. Майлз вдруг почувствовал себя обворованным, измотанным, потрепанным. И испуганным.

— Как... э-э... — начал он и откашлялся, чтобы прочистить пересохшее горло. — Как тебе удалось удрать из посольства?

— Все утро я исполнял обязанности адмирала Нейсмита, — сказал клон. Майлзу показалось, что голос его звучит слишком самодовольно. — Твоя телохранительница думала, что передает меня службе безопасности барраярского посольства. Так я получил немного неучтенного времени. Ловко, а?

— Рискованно, — заметил Майлз. — И чего ты хотел этим добиться? Суперпентотал на меня не очень-то действует. — И в самом деле, Майлз заметил, что инъектора нигде не видно. Пропал, как и Сер Гален. Любопытно.

— Это не имеет значения. — Клон сделал резкое движение, словно что-то отбрасывая. (Вот и еще кусочек оторван от Майлза — рраз!) — Мне безразлично, скажешь ты правду или соврешь. Я просто хочу услышать, как ты говоришь. Увидеть тебя, хотя бы раз. Ты, ты, ты... — Голос клона понизился до шепота: — До чего ж я тебя ненавижу!

Майлз снова прочистил горло.

— Я мог бы напомнить тебе, что мы только три дня как знакомы. Что бы с тобой ни происходило, я здесь ни при чем.

— Ты, — сдавленным голосом ответил клон, — убиваешь меня самим фактом своего существования. Мне больно от того, что ты можешь дышать. — Он прижал ладонь к груди. — Скоро все это кончится, к счастью. Но Гален обещал мне, что сначала я с тобой поговорю. — Клон отшатнулся от стола и стал расхаживать по комнате. Майлз вздрогнул. — Да, он обещал мне это!

— И где же сегодня Сер Гален? — осведомился Майлз.

— Отлучился. — Клон одарил его кислой улыбкой. — Ненадолго.

Майлз поднял брови:

— Так наш разговор идет без его разрешения?

— Он обещал мне! А потом пошел на попятный. И не говорит почему.

— Ага. Вчера?

— Да. — Клон перестал метаться по комнате и прищурился. — А что?

— Наверное, дело в том, что я сказал, размышляя вслух, — заметил Майлз. — Боюсь, я разгадал одну комбинацию, о которой тебе знать не следует. И Гален испугался, что я выболтаю это под суперпентоталом. Ну что ж, мне это на руку. Чем меньше ты из меня вытянешь, тем больше вероятность, что на чем-нибудь да споткнешься.

Майлз ждал, затаив дыхание, на какую из наживок клюнет клон? По нервам его пробежала дрожь, как перед решающей фазой грандиозного сражения.

— Ладно, поверю, — добродушно согласился клон. Глаза его саркастически блеснули. — Выкладывай.

Когда ему было семнадцать, как сейчас клону, что он делал? Изобретал дендарийцев, вспомнил Майлз. Может, не следует недооценивать свое второе «я»? Каково оно — быть клоном? Где кончается сходство и начинается различие?

— Ты — пешка, — прямо заявил Майлз. — Гален не хочет, чтобы ты выжил.

— Ты думаешь, я сам до этого не додумался? — усмехнулся клон. — Я знаю, он не верит, что я смогу стать императором. Никто не верит...

У Майлза перехватило дыхание, как от удара в солнечное сплетение. Это «рраз!» задело глубоко.

— Но я им докажу. Сер Гален, — блеснул глазами клон, — ужасно удивится тому, что произойдет, как только я приду к власти.

— И ты туда же, — мрачно откомментировал Майлз.

— Ты думаешь, я тупица? — возмутился клон.

Майлз покачал головой:

— Боюсь, двух мнений тут быть не может.

Клон натянуто улыбнулся:

— Гален и его друзья целый месяц мотались по Лондону, пытаясь устроить подмену. Это я подсказал им, что тебя надо похитить. Я знаю тебя лучше, чем все они вместе взятые. И я знал, что ты не устоишь. Я могу перехитрить тебя.

Что очевидно — по крайней мере в этом случае. Майлз постарался справиться с накатившим отчаянием. Парнишка хорош, слишком хорош: он усвоил все, вплоть до отчаянного напряжения, разрывающего каждый мускул его тела. Рраз! Или это врожденное? Могли ли разные стрессы привести к одинаковым искажениям? А что там, за этими горящими серыми глазами, в голове...

Взгляд Майлза упал на дендарийский мундир. Его собственные знаки отличия зловредно подмигнули ему.

— Но можешь ли ты перехитрить адмирала Нейсмита?

Клон самодовольно улыбнулся:

— Сегодня утром я освободил из тюрьмы своих солдат. А ты этого сделать не смог.

— Данио? — только и мог выдавить из себя Майлз.

«Ох нет, скажи, что это не так»...

— Вернулся к исполнению своих обязанностей, — снисходительно кивнул клон.

Майлз подавил стон.

Клон помолчал, щурясь, посмотрел на Майлза и немного утратил решимость:

— Кстати об адмирале Нейсмите: ты спишь с этой женщиной?

Какую жизнь вел этот парнишка? — снова подумал Майлз. Тайную, разумеется, за ним всегда наблюдали, его усиленно обучали, следили за всеми контактами... Почти монашескую жизнь. Сообразили ли комаррцы включить в его подготовку женщину или он — семнадцатилетний девственник? В таком случае клон явно сексуально одержим...

— Куин, — сказал Майлз, — на шесть лет старше меня. Многоопытна. Привыкла видеть в партнерах высокую степень утонченности. Ты знаком с приемами любовных культов Дива Тау, которые практикуются на Станции Клайн? — Безопасный вопрос, решил Майлз, поскольку импровизировал на ходу. — Знаешь ли ты Семь Тайных Путей к Женскому Наслаждению? После четырех-пяти оргазмов она может откликнуться...

Клон обошел вокруг него с крайне неуверенным видом:

— А по-моему, это все враки.

— Может быть, — белозубо улыбнулся Майлз, жалея только о том, что его фантазия не соответствует действительности. — Но только подумай как следует, прежде чем это проверить.

Клон бросил на него яростный взгляд. Майлз ответил тем же.

— У тебя кости такие же ломкие, как у меня? — вдруг спросил Майлз. Ужасная мысль. Вдруг из-за каждого удара, перенесенного им, они ломали дубль-Майлзу соответствующую кость? Вдруг за каждый непродуманный риск клон платил сполна: тогда у него действительно есть повод для ненависти...

— Нет.

Майлз тайком облегченно вздохнул. Так. Значит, медсканеры дадут разную картину.

— Видимо, план рассчитан на короткий срок, а?

— Я намерен быть наверху уже через полгода. — Клон вскинул голову.

— Так я и понял. И чей космический флот блокирует подход к барраярской неразберихе, пока на Комарре будет полыхать восстание?

Майлз старался говорить небрежно, словно этот «мелкий» факт мало интересовал его.

— Мы собирались обратиться к цетагандийцам. Но не понадобилось.

Вот этого он больше всего и боялся...

— Не понадобилось? Рад это слышать. Но почему во всем этом безумии вдруг мелькнул проблеск здравого смысла?

— Мы нашли кое-что получше. — Клон гадко ухмыльнулся. — Независимое военное соединение, очень опытное, формально ни с кем не связанное — всегда есть риск, что партнер или союзник захочет вмешаться куда не следует. А самое главное — прямо-таки яростно преданное мне. Готовое на смерть ради любой моей прихоти. Дендарийцы.

Майлз попытался схватить клона за горло. Тот отпрянул. Поскольку Майлз был крепко привязан к стулу, то упал вперед, ткнувшись носом в жесткий ворс ковра.

— Нет, нет, нет! — закричал он, пытаясь высвободиться. — Дебил! Это будет бойня!..

В дверь вломились двое комаррских охранников:

— Что случилось?

— Ничего. — Побледневший клон осмелился выйти из-за комм-пульта, куда поспешно отступил. — Он упал. Посадите его, ладно?

— Упал — или столкнули? — пробормотал один из комаррцев, когда они водрузили стул на место. Охранник с интересом уставился на лицо Майлза. Теплая влага, быстро остывая, текла по заросшей щетиной верхней губе. Нос разбит? Майлз скосил глаза и слизнул соленую кровь. Спокойно. Клон никогда не зайдет с дендарийцами так далеко. Однако ожидающее его фиаско вряд ли послужит утешением покойному Майлзу Форкосигану.

— Вам не нужна... э-э... помощь? — спросил у клона старший из комаррцев. — Пытки, знаете ли, это наука. Как причинить максимальную боль при минимальных повреждениях. У меня был дядя, который рассказывал, что выделывали барраярские громилы, когда не действовал суперпентотал.

— Ему не нужна помощь! — рявкнул Майлз в тот самый момент, когда клон начал отвечать:

— Мне не нужна помощь...

Оба замолчали, уставясь друг на друга. Майлз уже взял себя в руки и старался отдышаться. Клон несколько опешил.

Если бы не эта трехдневная щетина, сейчас самое время завопить, что Форкосиган привязал его к стулу, отобрал одежду и что клон — это он, неужели они не видят этого, кретины! Увы, шанс не для него.

Тем временем клон выпрямился, пытаясь вернуть утраченное было достоинство.

— Оставьте нас, пожалуйста. Когда вы понадобитесь, я позову.

— А может, это я вас позову, — во всеуслышание заявил Майлз.

Клон одарил его яростным взглядом. Комаррцы вышли, недоуменно переглядываясь.

— Пустая затея, — начал Майлз сразу же после ухода охранников. — Тебе следует усвоить, что дендарийцы и впрямь отборные воины, но в масштабах планеты это малая сила. Малая. Ты понимаешь, что такое «малая»? Малая сила предназначается для скрытых операций, удара и побега, сбора информации. А не для взаимного обмена ударами на громадном пространстве, где за противником ресурсы и воля целой планеты. Ты совершенно не разбираешься в военной экономике! Готов поклясться, дальше этих шести месяцев ты ничего не видишь. Что ж, зато и погибнешь до срока.

Улыбка клона была бритвенно-острой.

— Дендарийцам, как и мне, предназначена роль пешек. А мертвым наемникам платить не надо. — Он помолчал, с любопытством глядя на Майлза: — Ну и на сколько месяцев вперед видишь ты?

— В последние дни — лет на двадцать, — мрачно ответил Майлз.

Так оно и было, но много ли от этого пользы? Взять, к примеру, капитана Галени. Майлз уже видел его вице-королем Комарры (лучшего и представить нельзя). Его гибель означала бы не просто кончину имперского офицера с туманным прошлым, а потерю первого звена в цепи тысяч жизней, стремящихся к менее мучительному будущему. К будущему, где лейтенанта Майлза Форкосигана наверняка сменит граф Майлз Форкосиган, которому понадобятся здравомыслящие друзья у кормила власти. Если ему удастся вытащить капитана Галени из этой заварушки живым и в здравом уме и трезвой памяти...

— Хотя, — признался Майлз, — в твоем возрасте я жил ближайшей минутой.

Клон хмыкнул:

— И это было лет сто тому назад, а?

— Так теперь кажется. У меня всегда было чувство, что я должен спешить, если хочу все успеть.

— Как в воду глядел. Посмотрим, сколько ты успеешь в ближайшие сутки. Именно тогда мне приказано улетать. А ты в этот момент станешь лишним.

Так скоро... На эксперименты времени не осталось. Ни на что не осталось времени — надо оказаться правым и сразу же. Сию минуту. Без промедления.

Майлз сглотнул:

— Вам следовало запланировать и смерть премьер-министра. Иначе не произойдет децентрализации барраярской власти, даже если император Грегор будет уничтожен. Так скажи мне, — Майлз тщательно подбирал слова, — какую судьбу вы с Галеном готовите нашему отцу?

Голова клона дернулась.

— Не выйдет! Ты мне не брат, и Мясник Комарры мне не отец.

— А как насчет матери?

— У меня нет матери. Я — из репликатора.

— И я тоже, — заметил Майлз. — Ведь медики поставили на мне крест. Насколько я знаю, для матери это не имело никакого значения. Будучи бетанкой, она совершенно свободна от предрассудков относительно репликаторной технологии. Для нее не важно, как вы появились на свет, важно то, что вы делаете потом. Боюсь, что судьбы иметь мать тебе не избежать — с той самой минуты, как она узнает о твоем существовании.

Клон жестом отогнал призрак графини Форкосиган.

— Нулевой фактор. Она в барраярской политике никакой роли не играет.

— Вот как? — пробормотал Майлз, но не стал настаивать. Не до того. Времени нет. — И ты все-таки продолжаешь игру, зная, что Сер Гален обрек тебя на смерть?

— Вот стану императорсм Барраяра, тогда посмотрим, как быть с Сером Галеном.

— Если он для тебя ничего не значит и ты намерен предать его, зачем ждать?

Клон склонил голову набок и прищурился:

— Это как?

— У тебя есть выбор. — Майлз заставил себя говорить размеренно и спокойно. — Освободи меня сейчас. И поедем со мной. Домой, на Барраяр. Ты мой брат. Нравится тебе или нет, но это биологический факт, и от него никуда не деться. Родню не выбирают, клон ты или нет. Скажи, выбрал бы ты себе в кузены Айвена Форпатрила, будь у тебя возможность выбирать?

Клон чуть не поперхнулся, но прерывать Майлза не стал. В глазах у него загорелся мальчишеский блеск.

— Но Айвен существует. И он такой же твой кузен, как и мой. А ты знаешь, что у тебя есть имя? — вдруг переменил тему Майлз. — Это еще одна вещь, которую на Барраяре не выбирают. Второй сын (это ты, мой брат-близнец, появившийся на свет на шесть лет позже) получает вторые имена своих дедов по матери и отцу, а первому достаются их первые имена. Значит, ты Марк Пьер. Прости за Пьера — дед всегда ненавидел это имя. Ты — лорд Марк Пьер Форкосиган. На Барраяре титул дается с рождения.

Майлз говорил все быстрее и свободнее, черпая вдохновение в горящих глазах клона.

— Кем бы ты хотел быть? Мать позаботится о твоем образовании. Бетанцы высоко ценят образованных людей. Ты когда-нибудь мечтал сбежать? В таком случае как насчет дипломированного звездного пилота Марка Форкосигана? Коммерция? Сельское хозяйство? У нас есть своя, семейная винодельческая фирма. Там все требует трудов — от виноградной лозы до экспорта готового вина... Тебя интересует наука? Поезжай к бабушке Нейсмит, на Колонию Бета. Там лучшие в галактике исследовательские академии. А еще у тебя там дядя и тетя, хоть ты их и не знаешь. Двоюродные. Есть еще и троюродные, но они не в счет. А если тебя не привлекает отсталый Барраяр, на Колонии Бета тебя ждет совершенно другая жизнь. Ты даже не представляешь, насколько другая. И там Барраяр со всеми своими неурядицами покажется тебе очаровательной и немного странной ерундой. Там никого не

удивит, что ты клон, — это там дело обычное. Выбирай любую жизнь. Вся галактика у твоих ног. Скажи только слово, и они твои!

Майлз вынужден был замолчать, чтобы перевести дыхание.

Клон был бледен.

— Ты лжешь, — прошипел он. — Барраярская служба безопасности не оставит меня в живых.

Увы, этот страх небезоснователен.

— Но ты представь себе на минуту, что все так, как я тебе говорю. Что это может быть так. Что ты можешь обрести все это. Даю тебе слово Форкосигана. Я, будучи лордом Форкосиганом, защищу тебя от всех посягательств, включая Имперскую службу безопасности. — Давая это обещание, Майлз чуть не откусил себе язык. — Гален предлагает тебе смерть на блюдечке. Я — жизнь. Господи, да я могу закупить ее тебе оптом!

И это называется информационной диверсией? А ведь он собирался подготовить провал клона, если получится...

«Майлз, где брат твой Марк?»

Клон закинул голову и истерически захохотал.

— Господи, да ты посмотри на себя! Пленник, привязанный к стулу, в двух шагах от смерти... — Он отвесил Майлзу глубокий иронический поклон. — О благородный лорд, я покорен вашим благородством. Но почему-то мне кажется, что ваше покровительство гроша ломаного не стоит. — Он шагнул к Майлзу ближе — так близко он еще не подходил. — Чертов псих! Даже защитить себя не можешь! — И клон ударил Майлза по лицу, попав по вчерашним ссадинам. — Ведь не можешь?

Пораженный тем, что сделал, клон бессознательно поднес к губам окровавленную руку. Разбитые губы Майлза раздвинулись в усмешке. Клон поспешно опустил руку.

Так. Этот тип никогда не бил человека. Готов биться об заклад, и не убивал. Ах, маленький девственник, ну не кровавая ли тебя ждет дефлорация!

— Не можешь? — повторил клон.

«Ха! Принял правду за ложь, а я-то хотел, чтоб он принял ложь за правду. Да, диверсант из меня... Почему я чувствую, что должен говорить ему правду?.. Потому что он мой брат, и мы все перед ним виноваты. Виноваты, что не обнаружили его раньше, виноваты, что не спасли...»

— Ты мечтал когда-нибудь об освобождении? — негромко спросил Майлз. — Когда узнал, кто ты такой? Или раньше? Да и вообще, какое у тебя было детство? Считается, что сироты всегда мечтают об идеальных родителях, которые спасут их от всех бед. Для тебя это могло бы стать реальностью.

Клон хмыкнул с горьким презрением.

— Вряд ли. Я всегда знал, что к чему. Я с самого начала знал, кто я такой. Видишь ли, клонов на Архипелаге Джексона отправляют на воспитание к платным родителям. У искусственно выращенных клонов вечные проблемы со здоровьем: подверженность инфекциям, кардиоваскулярная недостаточность... А люди, которые платят за пересадку мозга, хотят очнуться в здоровом теле. У меня был сводный брат... чуть старше меня... — Клон помолчал, сделал глубокий вдох. — Мы вместе выросли. Но он не получил образования. Я научил его немного читать... Перед тем как за мной явились комаррцы, лаборанты увели его. Чисто случайно я снова увидел его. Меня отправили получить пакет в космопорте, хотя я не должен был появляться в городе. Я увидел брата в здании вокзала: он входил в зал для пассажиров первого класса. Я бросился к нему. Только это был уже не он. В его голове сидел какой-то отвратительный старик. Охранник оттолкнул меня...

Клон резко повернулся к Майлзу:

— О да, я знал, что к чему! Но на этот раз... На этот раз клон с Архипелага Джексона повернет по-своему. Я не позволю тебе сожрать мою жизнь, я выпью твою.

— А куда денешь собственную? — с отчаянием спросил Майлз. — Где тогда будет Марк? Похоронишь его вместе с Майлзом? Ты уверен, что в могиле буду лежать я один?

Клон содрогнулся.

— Когда я стану императором Барраяра, — сказал он сквозь зубы, — никто меня не достанет. Власть — это безопасность.

— Позволь дать тебе совет, — устало улыбнулся Майлз. — Безопасности не существует. Только разные степени риска. И провал.

А если он позволит запоздалому синдрому единственного ребенка погубить себя в последний момент? Есть ли кто-то живой там, за этими до ужаса знакомыми серыми глазами, которые с такой яростью глядят на него? Чем его пронять? Начала. Клон явно чувствует начала. Это в окончаниях у него нет опыта.

— Я всегда знал, — тихо проговорил Майлз (клон придвинулся ближе), — почему у моих родителей не было детей, кроме меня. Дело не только в повреждении тканей, вызванном солтоксином во время покушения на мать. С технологиями, которые уже тогда существовали на Колонии Бета, можно было иметь кучу детей. Мой отец делал вид, что у него нет ни секунды, что он занят до смерти и потому не может оставить Барраяр, но мать могла взять его генетический материал и полететь на Колонию Бета одна.

Причиной отсутствия других детей был я. Мое уродство. Если бы у отца с матерью родился другой, здоровый сын, на них оказали бы чудовищное социальное давление, чтобы сделать наследником здорового ребенка. Ты думаешь, я преувеличиваю ужас, который испытывает Барраяр перед мутациями? Мой родной дед сам хотел решить этот вопрос, попытавшись удушить меня в колыбели, после того как ему не удалось уговорить мать сделать аборт. Сержант Ботари — у меня с рождения был личный охранник — был ростом в два метра и, не смея поднять оружие на Великого Генерала, поднял его самого и держал у себя над головой, стоя на балконе тридцатого этажа, пока генерал Петер не попросил — очень вежливо — опустить его на пол. После этого они пришли

к согласию. Я узнал эту историю от деда много лет спустя. Сержант мало разговаривал.

Позже дед научил меня ездить верхом. И подарил мне кинжал, который ты прицепил себе на пояс. И завещал мне половину своих владений, большая часть которых все еще светится по ночам после цетагандийского ядерного удара. И поддерживал меня в тысяче мучительных, типично барраярских ситуаций, не позволяя отступать, пока я не научусь справляться с ними — или не умру. А умереть мне хотелось часто.

Родители, в отличие от деда, были невероятно добры и осторожны со мной... Полное отсутствие замечаний с их стороны было ужаснее любого крика. Даже когда мне разрешали рисковать, даже тогда они чересчур опекали меня, ведь они позволили мне задушить всех моих братьев и сестер еще до их рождения. Лишь бы я ни на миг не усомнился, что достаточно хорош для них... — Майлз резко оборвал рассказ, потом добавил с грустью: — Может, и хорошо, что у тебя не было родных. В конце концов они только сводят вас с ума.

«И как мне теперь спасти этого брата, о существовании которого я не знал, не ведал? Мне нужно выжить, сбежать, разоблачить комаррский заговор, устроить побег капитану Галени, предотвратить убийство императора и отца, не допустить, чтобы дендарийцы попали в мясорубку, а я...

Ладно. Если я спасу брата, все остальное получится само собой. Я прав. Место и время для сражения, здесь и сейчас — пока не вынуто настоящее оружие. Если разорвать первое звено, рассыпется вся цепь».

— Я точно знаю, что я такое, — медленно, каким-то ржавым голосом произнес клон. — Тебе не превратить меня в мертвого глупца.

— Ты — то, чем себя делаешь. Сделай другой выбор — и изменишься.

Клон медлил, чуть ли не впервые встретившись с Майлзом взглядом.

— Какую гарантию ты дашь, чтобы я поверил тебе?

— Слово Форкосигана!

— Ха!

Майлз серьезно задумался. Потом, глядя на клона, заговорил:

— До этого дня твоя жизнь строилась на предательстве. Вся. Поскольку у тебя нет опыта доверия, естественно, ты не можешь с уверенностью выносить суждения. Скажи мне сам — какой гарантии ты ждешь? Во что ты можешь поверить?

Клон открыл рот. Потом закрыл его и покраснел.

Майлз едва не улыбнулся.

— Видишь, в чем загвоздка? — тихо спросил он. — Ущербная логика. Человек, который исходит из того, что все — ложь, ошибается так же жестоко, как и тот, что верит, что все — правда. Если тебя не устраивает никакая гарантия, значит, дело не в гарантиях, а в тебе самом. Но ты — единственный, кто может это изменить.

— Что же я могу сделать? — пробормотал клон. В его глазах мелькнуло сомнение...

— Проверь меня! — выдохнул Майлз.

Клон застыл. У Майлза раздулись ноздри. Уже горячо, ох как горячо! Он почти убедил брата...

Распахнулась дверь. В комнату ворвался дымящийся от ярости Гален в сопровождении ошалелых охранников.

— Ах черт, время!.. — пробормотал клон. Он нехотя выпрямился и вздернул подбородок.

«Ах черт, как не вовремя!», — мысленно завопил Майлз. Если бы у него была хоть пара минут...

— Какого дьявола ты здесь делаешь? — яростно проскрежетал Гален, будто сани по булыжнику проехали.

— Увеличиваю время на выживание с тех пяти минут, которые продержался бы, ступив на Барраяр, — хладнокровно ответил клон. — Тебе ведь нужно, чтобы я там хоть немного продержался? Разве нет?

— Я же говорил тебе — это слишком опасно! — Гален почти кричал. — Я всю жизнь сражаюсь с Форкосиганами. Они самые хитроумные лжецы, когда-либо облекавшие

свой эгоизм, свою алчность в одежды псевдопатриотизма. И этот такой же. Его ложь собьет тебя с пути, одурманит, погубит в конце концов: он тонкая штучка, этот подонок, и он никогда не забывает о собственной выгоде.

— Но ложь, которую он избрал, ужасно интересна. — Клон бил ногой по ковру, как норовистая лошадь: наполовину бунтуя, наполовину извиняясь. — Ты сам заставлял меня учить, как он двигается, разговаривает, пишет. Но я никогда не знал, как он думает.

— А теперь? — угрожающе спросил Гален.

Клон пожал плечами:

— Он псих. По-моему, искренне верит собственной пропаганде.

— Вопрос в том, веришь ли ей ты.

«Ну ведь веришь, веришь?» — затаив дыхание, отчаянно взывал Майлз.

— Нет, конечно. — Клон фыркнул, гордо вскинув голову. Рраз!

Гален мотнул головой в сторону Майлза:

— Увести! Запереть.

Майлза отвязали от стула и поволокли к двери. Гален шел следом. Через его плечо Майлз увидел клона, который смотрел в пол, возя ногой по ковру.

— Тебя зовут Марк! — крикнул ему Майлз из-за закрывающейся двери. — Марк! Слышишь?

Гален заскрежетал зубами и замахнулся на Майлза. Удерживаемый охранниками, тот не смог увернуться, но отклонился так, что кулак Галена не разбил ему челюсть. К счастью, к Галену тут же вернулись остатки самообладания. Второго удара не последовало.

— Это предназначалось мне или ему? — сладко осведомился Майлз.

— Заприте его! — прорычал Гален. — И не выпускайте, пока я сам не прикажу.

Он резко развернулся и ушел обратно в кабинет.

«Двое на двое, — соображал Майлз, пока охранники поднимали его на следующий этаж. — Или два на полто-

ра. Лучшего шанса не представится, а фактор времени может только ухудшиться».

Когда дверь камеры открылась, Майлз увидел Галени, спавшего на скамье. Уловка человека, уходящего от неизбежной боли единственно доступным способом. Большую часть ночи он размеренно шагал по камере, словно душевнобольной. Бежавший от него сон пришел к нему только сейчас. Чудненько! Именно теперь, когда Майлзу нужно, чтобы он был на ногах в полной боевой готовности!

Все равно попытаться стоит.

— Галени! — завопил Майлз. — Сейчас, Галени! Давай!

Майлз спиной навалился на ближайшего охранника, стараясь захватить руку, державшую парализатор. В одном из пальцев хрустнула косточка, но Майлз вытряс парализатор из руки охранника и бросил на пол. Ошалевший Галени начал подниматься со скамьи, словно кабан из лужи. Несмотря на полубессознательное состояние, отреагировал он быстро: бросившись к парализатору, схватил его и откатился по полу в сторону от линии огня.

Но охранник уже держал Майлза за горло, отрывая от пола. Серый прямоугольник оказался так близко к лицу, что Майлзу пришлось скосить глаза к носу. Когда комаррец нажал на спуск, жужжание парализатора раскололось на кусочки, и голову Майлза разорвала дикая вспышка сине-желтой боли.

ГЛАВА 11

Майлз очнулся на больничной койке: обстановка негостеприимная, но привычная. Вдали, за окном, у самого горизонта мерцали во тьме странным зеленым светом остроконечные башни Форбарр-Султана, столицы Барраяра. Значит, он в императорском госпитале — главной больнице империи. Голые, чистые стены — все тот же

строгий суровый стиль знакомый с детства, когда обследования и операции повторялись так часто, что госпиталь казался Майлзу домом.

Вошел врач. Лет шестидесяти на вид: коротко остриженные седеющие волосы, бледное морщинистое лицо, расплывшаяся с годами фигура. «Др. Гален» — гласила надпись на значке. В карманах у него позвякивали инъекторы. Вероятно, совокупляются там и размножаются. Майлза всегда интересовало, откуда берутся инъекторы.

— Вот вы и очнулись, — радостно сказал врач. — Вы ведь больше от нас не уйдете?

— Уйду?

Майлз был весь опутан трубками и капельницами. Трудно себе представить, что он вообще способен куда-то уйти.

— Кататония. Мир болезненных фантазий. Ку-ку. Короче, безумие. Короче — единственное, куда вы могли бы уйти, насколько я понимаю, а? Это у вас семейное. Голос крови.

Майлз услышал биение красных кровяных телец: они нашептывали тысячи военных тайн, водили пьяные хороводы с молекулами суперпентотала, а их гидроксильные группы полоскались на ветру. Он отогнал от себя странное видение.

Гален опустил руку в карман.

— Ой! — Он выдернул руку, стряхнул с нее инъектор и сунул кровоточащий палец в рот. — Эта дрянь меня тяпнула!

Он взглянул на пол, где молоденький инъектор неуверенно семенил на тоненьких металлических ножках, и раздавил его каблуком. Тот скончался, тоненько пискнув.

— Такой мысленный уход характерен для оживленных криотрупов. У вас это пройдет, — успокоил Майлза доктор Гален.

— Я был мертв?

— Убиты наповал. На Земле. Провели год в криогенной камере.

Как ни странно, это Майлз помнил. Он лежал в хрустальном гробу, как сказочная принцесса, а за заиндевевшими стеклами мелькали шаловливые призрачные фигуры.

— И вы меня оживили?

— Нет, не то. Вы испортились. Худшего случая морозильного ожога я не встречал.

— О! — Майлз озадаченно помолчал, а потом робко добавил: — Значит, я все еще мертвый? Можно, чтобы у меня на похоронах были лошади, как у дедушки?

— Нет-нет-нет, конечно, нет. — Доктор Гален кудахтал, как наседка. — Вам не дозволено умирать, ваши родители запретили. Мы пересадили ваш мозг в новое тело. К счастью, оно оказалось под рукой. Бывшее в употреблении, конечно, но почти новое. Примите мои искренние поздравления, вы опять — девственник. Ну, не умно ли было с моей стороны держать для вас наготове клона?

— Мой кло... мой брат? Марк? — Майлз резко сел, стряхивая с себя трубки. Дрожа, он придвинул к себе столик и уставился, как в зеркало, в полированный металл крышки. Лоб был расчерчен пунктиром больших черных швов. Майлз с ужасом разглядывал свои руки. — Боже мой! На меня напялили труп!

Он взглянул на Галена:

— Если я здесь, что вы сделали с Марком? Куда дели его мозг?

Гален молча ткнул пальцем.

На тумбочке у кровати Майлза стояла большая стеклянная посудина. В ней плавал неповрежденный мозг, напоминавший гриб на ножке, резиновый, мертвый, злобный. Консервирующая жидкость была зеленоватой и вязкой.

— Нет, нет, нет! — завопил Майлз. — Нет-нет-нет!

Он соскочил с постели и схватил банку. Холодная жидкость выплеснулась ему на руки, когда он босиком помчался по коридору в развевающейся больничной сорочке.

Здесь всегда найдется лишнее тело: ведь это госпиталь. Вдруг Майлз вспомнил, где оставил одно из них.

Вбежав в какую-то дверь, он оказался в боевом катере над Дагулой-IV. Люк катера заело, он не закрывался, и за ним жутко вскипали черные облака, прорезанные желтыми зигзагами молний. Внезапно катер резко накренился, и раненые мужчины и женщины в обгоревшей дендарийской форме повалились на пол, крича и чертыхаясь. Майлз подкатился к краю люка, крепко прижимая к себе банку, и шагнул в пустоту.

Часть времени он парил, часть — падал. Мимо пронеслась кричащая женщина, умоляюще протягивая руки, но он не мог отпустить банку. Ударившись о землю, тело женщины взорвалось.

Майлз каким-то чудом встал на онемевшие ноги. Он чуть не выронил банку. Почва была густая и черная, не земля, а грязь, и она мгновенно засосала его по колено.

Тело и голова лейтенанта Марко лежали на поле битвы — там, где он их оставил. Холодными трясущимися руками Майлз достал содержимое банки и попробовал запихнуть спинной мозг клона в обожженную плазменным огнем чужую шею. Но мозг упрямо отказывался подсоединяться.

— У него все равно нет лица, — критически заметила голова лейтенанта, лежавшая в нескольких метрах от собственного тела. — Он будет страшен как смерть в моем теле с этой штукой наверху.

— Заткнись, ты не имеешь права голоса, тебя нет, — огрызнулся Майлз.

И тут скользкий мозг вывернулся и упал в грязь. Майлз поднял его и неловко попытался стереть грязь рукавом адмиральского мундира, но грубая ткань, как терка, цепляла кусочки мозга. Она зацепила целый лоскут драгоценной субстанции. Майлз тайком вернул содранный лоскут на место, надеясь, что все решат, что так оно и было, и продолжил запихивать мозг в шею.

...Он распахнул глаза и уставился в пустоту. Майлз задыхался, его била дрожь. Со лба стекали холодные капли

пота. Осветительная панель ровно горела на неподвижном потолке камеры, скамья была жесткой и холодной.

— О Господи! Слава Богу! — выдохнул Майлз.

Галени встревоженно склонился над ним, опираясь рукой о стену:

— Все в порядке?

Майлз сглотнул и сделал глубокий вдох:

— И какая же жуть должна привидеться, если радуешься пробуждению даже здесь.

Он провел рукой по холодной надежной скамье. Потом судорожно ощупал швы на лбу. Лоб, слава Богу, был гладкий, голова болела так, будто над ней хорошо поработал хирург-недоучка. Майлз моргнул, зажмурился, снова открыл глаза и с трудом приподнялся на правом локте. Левая рука распухла и саднила.

— Что случилось?

— Сыграли вничью. Мы с одним из охранников парализовали друг друга. К несчастью, второй оставался на ногах. Я очнулся примерно час назад. Получили максимальную дозу. Не знаю, сколько времени мы провели без сознания.

— Много. Но попытка была хорошая. Черт побери! — Майлз с трудом удержался, чтобы не хватить больной рукой о скамью. — Я был так близок к победе! Почти ухватил его!

— Охранника? Мне казалось, это он вас ухватил.

— Да не охранника, клона. Моего брата. Или кто он там. — Обрывки сна всплыли в его сознании, и Майлз содрогнулся. — Какой он, однако, нервный. По-моему, боится угодить в банку.

— А?

— Ага. — Майлз попытался привстать — его мутило после парализатора. Мышцы рук и ног спазматически сокращались. Галени, который явно был не в лучшей форме, проковылял к своей скамье и сел.

Через некоторое время дверь открылась. «Обед», — подумал Майлз.

Охранник махнул парализатором.

— Выходите. Оба!

Второй охранник страховал его сзади, отступив на несколько шагов, и добраться до него не было никаких шансов. Он тоже держал парализатор. Майлзу не понравились их лица: одно серьезное и бледное, второе — нервно подергивающееся.

— Капитан Галени, — подсказал Майлз (его голос прозвучал слишком пискляво), — по-моему, сейчас самое время поговорить с вашим отцом.

На лице Галени сменилось множество чувств: гнев, упрямство, тревога, сомнение...

— Сюда.

Охранник велел им идти к лифту. Они начали падать вниз, к уровню гаражей.

— Вы можете это сделать, а я нет, — уговаривал Майлз чуть слышно и монотонно, стараясь не открывать рта.

Галени зашипел сквозь зубы: разочарование, злоба, понимание, решимость. Когда они вошли в гараж, капитан резко повернулся к ближайшему охраннику и послушно выдавил:

— Я хочу поговорить с отцом.

— Это невозможно.

— Думаю, лучше вам это мне позволить. — В голосе Галени прозвучала угроза, усиленная страхом.

— Это не от нас зависит. Он отдал приказ и уехал. Его здесь нет.

— Так вызовите его!

— Он не сказал мне, где его искать, — устало и раздраженно ответил охранник. — А если б и сказал, я бы все равно его не вызвал. Встаньте вон у той авиетки.

— А как вы собираетесь покончить с нами? — неожиданно спросил Майлз. — Мне действительно было бы любопытно узнать. Считайте это моей последней просьбой.

И он медленно двинулся к авиетке, шаря глазами в поисках прикрытия, любого прикрытия. Если удастся перескочить через авиетку или нырнуть под нее, прежде чем они выстрелят...

— Парализуем вас, полетим к южному берегу и сбросим в воду. — Охранник был лаконичен. — Если груз отцепится и вас вынесет на берег, вскрытие покажет, что вы утонули. Больше ничего.

— Не вполне откровенное убийство, — деловито заметил Майлз. — Наверное, вам так проще.

Если он верно оценил этих ребят, они не профессиональные убийцы. Но все когда-то бывает в первый раз. Вон та колонна, пожалуй, достаточно толста, чтобы защитить от парализатора. Разложенные у дальней стены инструменты выглядят многообещающе... Ноги Майлза судорожно напряглись.

— Итак, Мясник Комарры наконец получит свое, — торжественно объявил охранник. — Опосредованно.

Он поднял парализатор.

— Подождите! — взвизгнул Майлз.

— Зачем? Кого еще ждать?

Майлз пытался выдавить хоть подобие ответа, когда двери гаража распахнулись.

— Меня! — крикнула Элли Куин. — Стоять!

И отряд дендарийцев ворвался в гараж. За ту секунду, пока комаррский охранник наводил парализатор на новую цель, дендарийский снайпер успел отключить его. Второй охранник в панике бросился к лифтовой шахте. Дендариец в мгновение ока налетел на него сзади и уложил лицом вниз.

Элли была уже рядом с Майлзом и Галени, на ходу вытаскивая из уха звуковой датчик подслушивания.

— Господи, Майлз, никак не могла поверить, что это ваш голос! Как вам это удалось?

Тут только она заметила, как он выглядит. На лице ее отразилась тревога.

А Майлз уже поймал ее руки и прижался к ним губами. Может, было бы уместнее отдать честь, но в крови скопилось слишком много адреналина, и этот жест показался сейчас более сердечным. Кроме того, на нем не было мундира.

— Элли, вы гений! Я знал, что клон вас не проведет!

Она уставилась на него почти с ужасом и спросила срывающимся голосом:

— Какой клон?

— То есть как это — какой клон? Вы ведь поэтому здесь? Он выдал себя — и вы пришли спасать меня. Так?

— Спасать? От кого? Майлз, вы же неделю назад приказали мне найти капитана Галени? Помните?

— А! — сказал Майлз. — Действительно приказал.

— Ну мы его и нашли. Целую ночь мы просидели в этом квартале, надеясь получить акустический спектр голоса капитана, чтобы уведомить местные власти (они не одобряют ложных тревог). Но то, что зафиксировали наши датчики, заставило предположить, что не стоит дожидаться прихода местных властей, и мы рискнули. Я так боялась, что полиция нас всех арестует за взлом...

Оказавшись рядом с ними, сержант-дендариец отсалютовал Майлзу:

— Черт подери, сэр, как это вам удалось?

И, не дожидаясь ответа, пошел дальше, помахивая сканером.

— ...И тут оказывается, что вы всех опередили.

— Ну, можно сказать и так...

Майлз потер лоб. Галени стоял рядом, скребя щетину, и молча слушал. Ему нечего было сказать.

— Помните, три-четыре дня назад мы приехали сюда, чтобы меня похитили, и я попал к заговорщикам? И все разузнал — кто они и чего им от меня надо?

— Ага...

— Ну вот, — Майлз сделал глубокий вдох, — наш план сработал. Поздравляю! Вы только что превратили позорный провал в ослепительный успех. Благодарю вас, командор Куин. Кстати, тип, с которым вы вышли тогда из пустого дома, — это был не я.

Элли широко распахнула глаза и поднесла руку к губам. Потом темные глаза яростно сощурились.

— Подонок! — выдохнула она. — Но, Майлз... я думала, та история насчет клона — ваша очередная фантазия!

— И я тоже. Это и сбило всех с толку.

— Так это был... Он вправду настоящий клон?

— Да, кажется. Отпечатки пальцев, сетчатка, акустический спектр голоса — все как у меня. Но, слава Богу, есть одно объективное отличие. Если снять рентгенограмму моих костей, то сразу можно заметить сетку старых переломов — за исключением ног, где установлены синтетические протезы. В его костях нет никаких следов. — Майлз прижал к себе пульсирующую болью левую кисть. — Думаю, я пока не стану бриться — на всякий случай.

И он повернулся к капитану Галени.

— Как мы, то есть Имперская служба безопасности, будем действовать, сэр? — почтительно спросил он. — Обратимся к местным властям?

— О, так я снова «сэр»? — пробормотал Галени, внезапно обретая дар речи. — Конечно, нам нужна полиция. Иначе мы не добьемся выдачи этих людей. Теперь, когда их можно обвинить в преступлении, совершенном на Земле, представители Европолиции их задержат. Это разрушит все радикальное крыло.

Майлз очень старался говорить бесстрастно и вразумительно:

— Но любой суд вытащит на свет божий эту историю с клоном. Во всех подробностях. Это привлечет ко мне внимание, что нежелательно с точки зрения безопасности. В том числе, а может быть, прежде всего — внимание цетагандийцев.

— Поздно прятать концы в воду.

— Не думаю. Да, от слухов не скроешься, но иногда слухи бывают даже полезными. Эти двое, — Майлз указал на охранников, — мелкая рыбешка. Мой клон знает гораздо больше, чем они, а он сейчас в посольстве, которое с юридической точки зрения является территорией Барраяра. Зачем нам эти люди? Теперь, капитан, когда мы нашли вас и захватили клона, планы комаррцев лопнули, как мыльный пузырь. Возьмите эту группу под наблюдение, как и всех остальных комаррских эмигрантов на Земле. Я уверен, они больше не опасны.

Галени встретился с ним взглядом и отвернулся. Майлз изучал бледное, напряженное лицо Галени. Конечно, капитан прекрасно понял недосказанное: «И вашу карьеру не оборвет безобразный громкий скандал. Кроме того, вам не придется встречаться с вашим отцом».

— Я... не знаю.

— Поверьте, так будет лучше, — спокойно подытожил Майлз. Он жестом подозвал стоявшего в ожидании дендарийца: — Сержант, возьмите пару техников, ступайте с ними наверх и выжмите все что можно из коммпульта этих типов. Отыщите там пару поясов с противосканерными устройствами и передайте коммодору Джезеку, чтобы он выяснил, кто изготовитель. Как только закончите, уходим.

— А вот это незаконно, — заметила Элли.

— И что они сделают: пожалуются в полицию? Нет, конечно. Может быть, вы хотите оставить на комме сообщение, капитан?

— Нет, — тихо ответил Галени после секундного размышления, — никаких сообщений.

— Хорошо.

Тем временем один из дендарийцев оказал Майлзу первую помощь: наложил на сломанный палец шину и обработал кисть. Сержант вернулся минут через двадцать, он принес пояса с антисканерами и вручил Майлзу дискету:

— Все здесь, сэр.

— Спасибо.

Гален еще не вернулся. Майлз решил, что так оно и лучше.

Затем он опустился на колени рядом с тем комаррцем, который был в сознании, и приставил к его виску парализатор:

— Что вы с нами сделаете? — хрипло спросил тот.

Сухие растрескавшиеся губы Майлза раздвинулись в невеселой улыбке:

— Ну, разумеется, парализуем, отвезем к южному берегу и сбросим в воду. Что же еще? Спокойной ночи.

Парализатор зажужжал, комаррец дернулся и обмяк. Дендарийские солдаты развязали пленника, и Майлз оставил его на полу гаража рядом с бесчувственным напарником. После чего все вышли и тщательно закрыли за собой двери.

— Теперь в посольство — будем брать ублюдка, — мрачно заявила Элли, набирая код на пульте взятой напрокат машины. Остальные дендарийцы рассредоточились и скрылись из виду.

Майлз с Галени уселись в машину. На них было страшно смотреть.

— Ублюдка? — со вздохом переспросил Майлз. — Боюсь, так его назвать нельзя.

— Сначала мы его возьмем, — пробормотал Галени, — а потом уж решим, как лучше называть.

— Ладно, — согласился Майлз.

— Как мы войдем? — спросил Галени, когда машина припарковалась у здания посольства. Был полдень. Обычный земной полдень.

— У нас одна дорога, — улыбнулся Майлз. — Через парадный подъезд. Маршевым шагом. Элли, подождите у входа.

Майлз с Галени осмотрели друг друга и дружно захихикали. Майлз не так зарос, как Галени — в конце концов у того было четыре дня форы, — но запекшиеся губы, лиловые синяки и грязная окровавленная рубашка вполне искупали отсутствие щетины. Майлз пришел к выводу, что они запросто сойдут за сумасшедших. Правда, Галени отыскал у комаррцев сапоги и мундир, а вот Майлз — нет. Наверное, клон забрал. Определить, от кого сильнее воняет, не представлялось возможным. Галени сидел дольше, но Майлз решил, что потел чаще. А что, если попросить Элли выступить судьей и обнюхать их? Галени блаженно улыбался, полуприкрыв глаза, — видимо, его охватило то же безудержное веселье, как от шампанского. Они живы — это невероятно. Это чудо.

Поднимаясь по эстакаде, они чеканили шаг. Элли шла следом, как зачарованная.

Охранник у входа машинально отдал честь и изумленнно уставился на них.

— Капитан! Вы вернулись! И... э-э... — Он взглянул на Майлза, открыл рот, снова закрыл его, и наконец, выдавил: — И вы тоже... сэр.

Галени как ни в чем не бывало козырнул в ответ и приказал:

— Вызовите сюда лейтенанта Форпатрила. Одного Форпатрила.

— Да, сэр. — Охранник посольства заговорил в наручный комм, почему-то не отводя глаз от Майлза. — Э-э... рад снова видеть вас, капитан, — спохватился он, вытягиваясь перед Галени.

— Благодарю вас, капрал. Взаимно.

Через несколько секунд из лифтовой шахты выскочил Айвен и бегом бросился к ним, поскальзываясь на мраморных плитах.

— Боже мой, сэр, где вы были?! — воскликнул он. Потом, опомнившись, отдал честь.

— Уверяю вас, мое отсутствие было вынужденным. — Галени дернул себя за мочку уха, моргнул и поскреб грязную щетину. Его явно тронул энтузиазм Айвена. — Объяснимся позднее. А сейчас... Лейтенант Форкосиган! Кажется, настало время удивить еще одного вашего... родственника.

Айвен взглянул на Майлза.

— Значит, тебя выпустили? — Он пригляделся: — Майлз...

Майлз усмехнулся и отвел потрясенного кузена подальше от капрала, уставившегося на него, как удав на кролика.

— Ты все поймешь, когда мы арестуем мое второе «я». Кстати, где оно?

Начиная понимать, Айвен поморщился:

— Майлз... Опять пытаешься провести меня? Это уже не смешно.

— Вовсе нет. Не провести. И совсем не смешно. Тот тип, с которым ты последние четверо суток делил ком-

нату, — не я. Я был с капитаном Галени в камере. Комаррское подполье попыталось подсунуть тебе двойника, Айвен. Тот олух — мой клон, настоящий. Только не говори, что ты ничего не заметил!

— Ну... — начал Айвен. Он почти что пришел в себя. По крайней мере смутился: — Ты действительно казался — как бы получше выразиться? — не в форме последние пару дней.

Элли безмолвно кивнула.

— В чем именно это выражалось? — спросил Майлз.

— Как тебе сказать... Я видел тебя в маниакальной стадии. И в депрессивной. Но никогда не видел тебя спокойным.

— И все-таки ты ничего не заподозрил. Неужели он настолько убедителен?

— О, я в первую же ночь заподозрил, что тут что-то не так.

— И что? — в ужасе воскликнул Майлз.

— И решил, что этого не может быть. В конце концов ты же сам придумал эту историю с клоном несколько дней назад!

— А теперь я продемонстрирую свои способности прорицателя. Где он?

— Именно поэтому, Майлз, я так удивился, когда увидел тебя...

Галени стоял, скрестив руки. Но губы его непрерывно двигались — может, он считал до десяти, чтобы не взорваться.

— О Боже, неужели он улетел на Барраяр? — завопил Майлз. — Надо остановить его!

— Нет-нет, — успокоил Айвен. — Это местные. Вот почему мы здесь все так переполошились.

— Ты мне скажешь наконец толком, где он? — зарычал Майлз, хватая Айвена за рукав здоровой рукой.

— Успокойся. Именно это я и пытаюсь сделать. — Айвен взглянул на побелевшие костяшки пальцев Майлза. — Точно, это ты. Так вот. Пару часов назад явилась местная полиция и арестовала тебя, то есть его... не важно. И даже

не арестовала, а задержала по подозрению, запретив отлучаться куда бы то ни было. Ты... он был в ужасе. Ты должен был улетать сегодня. Тебя вызвали к муниципальному следователю, чтобы проверить, достаточно ли фактов для предъявления официального обвинения.

— Обвинения? В чем? Что ты несешь, Айвен?

— В этом-то все и дело. Поэтому-то все здесь с ума посходили. У полиции, видимо, короткое замыкание в мозгах: ее люди пришли и арестовали тебя, лейтенанта Форкосигана, по подозрению в заговоре с целью убийства. А подозреваешься ты в том, что нанял тех двух гангстеров, которые пытались прикончить адмирала Нейсмита на прошлой неделе в космопорте.

Майлз не выдержал — он забегал кругами, издавая нечто среднее между стоном и рычанием.

— Посол просто засыпал их контору официальными протестами. Естественно, мы же не можем открыть им глаза.

Майлз быстро сжал локоть Куин:

— Не паникуйте!

— Я и не паникую, — спокойно заметила Элли. — Я просто смотрю, как вы сходите с ума. Это гораздо забавнее.

Майлз прижал ладонь ко лбу:

— Так. Начнем с того, что не все потеряно. Предположим, парень не испугался и не раскололся. Пока. Предположим, он аристократически молчит. У него это хорошо получится: видимо, он считает, что фор должен вести себя именно так. Предположим, он держится.

— Предполагай, предполагай, — согласился Айвен. — И что дальше?

— А что дальше... Если мы поспешим, мы можем спасти...

— ...твою репутацию? — осведомился Айвен.

— Вашего брата? — предположил Галени.

— Наши задницы? — высказалась Элли.

— ...адмирала Нейсмита, — спокойно окончил Майлз. — Сейчас опасность грозит именно ему. — Майлз встретился взглядом с Элли — ее брови тревожно при-

поднялись. — Нам с вами, — кивнул он Галени, — надо привести себя в порядок. Встречаемся здесь через четверть часа. Айвен, захвати бутерброд. А лучше два. Ты едешь с нами в качестве телохранителя — нам понадобятся твои мускулы. — Этого добра Айвену и впрямь хватало. — Элли, поведете машину.

— Куда? — спросила Куин.

— В муниципальный суд. Мы едем освобождать бедного оклеветанного лейтенанта Форкосигана, который будет счастлив вернуться с нами, пожелает он того или нет. Айвен, еще прихвати инъектор с двумя кубиками толизона.

— Постой, Майлз, — запротестовал Айвен, — уж если посол не смог его освободить, что сделаем мы?

Майлз усмехнулся:

— Не мы. Адмирал Нейсмит.

Лондонский муниципальный суд располагался в большом черном зеркальном здании двухвековой давности. Подобные строения тут и там нарушали древний архитектурный стиль, напоминая о пожарах и разрушениях времен Пятых Гражданских Беспорядков. Новая застройка вносила дисгармонию в добрые старые кварталы. Лондон — огромный, перенаселенный город, нагромождение противоречивых стилей, но лондонцы упорно цеплялись за остатки прошлого. Существовал даже комитет по защите уродливых развалюх конца двадцатого столетия. «Интересно, — подумал Майлз, — что будет через тысячу лет с Форбарр-Султаном? Будет ли он похож на Лондон или в своем стремлении к новизне разрушит свое прошлое?»

Они остановились в высоком вестибюле суда. Майлз одернул дендарийский мундир.

— Я хоть прилично выгляжу? — спросил он у Куин.

— Как вам сказать... Из-за этой щетины вы выглядите...

Майлз поспешил ей на помощь:

— Внушительнее? Старше?

— Под мухой.

— Хм.

Все четверо поднялись в лифте на девяносто седьмой уровень.

— Зал Дубль-В, — ответил на запрос справочный терминал. — Комната 19.

В комнате 19 находились двое — терминал Евросуда и живое существо — серьезный молодой человек.

— А, следователь Рид, — приветливо улыбнулась ему Элли, войдя в комнату. — Рада вас снова видеть.

Майлз быстро окинул взглядом кабинет — следователь Рид действительно был здесь единственным живым существом. «Только без паники», — сказал себе Майлз.

— Следователь Рид возглавляет расследование неприятного инцидента в космопорте, — объявила Элли, напустив на себя самый официальный вид. — Познакомьтесь, следователь Рид — адмирал Нейсмит. Помнится, наша прошлая беседа была весьма продолжительной и плодотворной.

— Я уже понял, — предельно вежливо сказал Майлз.

Рид уставился на него с откровенным любопытством:

— Ну и ну! А ведь и впрямь — клон Форкосигана!

— Я предпочитаю думать о нем как о брате-близнеце, которого я потерял, — с достоинством ответил Майлз. — Обычно мы с ним стараемся держаться друг от друга как можно дальше. Так вы с ним разговаривали?

— Да. И достаточно долго. Но он не пожелал сотрудничать с нами. — Рид неуверенно перевел взгляд с Майлза и Элли на сопровождающих их людей в барраярских мундирах. — Более того, вел себя вызывающе — грубил и мешал работать.

— Могу себе представить. Вы наступили ему на любимую мозоль. Я — его слабое место. Он предпочитает не упоминать о моем неуместном существовании.

— Да? Почему?

— Детская ревность, — сымпровизировал Майлз. — Я больше преуспел в военной карьере. Он почему-то воспринимает это как укор, даже насмешку над собой.

«Господи, хоть бы кто-нибудь подсказал мне другую версию — Рид смотрит на меня все подозрительнее и подозрительнее...»

— Ближе к делу! — рявкнул капитан Галени.

«Благодарение Богу!»

— Вот именно. Следователь Рид, я не стану притворяться, что мы с Форкосиганом друзья, но почему вы решили, будто он пытался отправить меня на тот свет?

— Ваше дело и впрямь запутанное. Два предполагаемых убийцы, — Рид взглянул на Элли, — и никаких фактов. Нам пришлось искать другую информацию.

— Уж не обратились ли вы за информацией к Лайзе Вэллери? Боюсь, я нечаянно ввел ее в заблуждение. У меня несколько странный юмор. Порок, от которого...

— ...страдают окружающие, — пробормотала Элли.

— Я нашел подозрения Вэллери любопытными, но неконструктивными, — продолжал Рид. — Хотя она весьма серьезно подошла к делу. Не боится ответственности. И охотно предоставляет следствию свои материалы.

— А что она сейчас исследует? — поинтересовался Майлз.

Рид спокойно ответил:

— Нелегальное клонирование. Возможно, вы могли бы просветить ее по этому поводу.

— О... Боюсь, мои факты устарели лет на двадцать.

— Ну, это не важно. В данном случае мы располагаем вполне объективной информацией. Во время покушения из космопорта вылетела авиетка, которая пересекла контролируемое пространство. Мы выяснили, что она приписана к посольству Барраяра.

«Сержант Барт». У Галени было такое лицо, словно он вот-вот выругается с досады. Айвен напустил на себя благодушный, несколько идиотический вид, который всегда помогал ему уйти от ответственности.

— А, вот вы о чем, — небрежно бросил Майлз. — Это была обычная настырная барраярская слежка. Честно говоря, тут скорее чувствуется рука цетагандийцев. Последние дендарийские операции в их сфере влияния (вне пределов вашей юрисдикции) несколько огорчили их. Но я не в состоянии это доказать. Поэтому и предоставил действовать вашим людям.

— А, сногсшибательная операция на Дагуле. Слышал, слышал. Да, это убедительный мотив.

— Смею предположить, гораздо более убедительный, нежели та давняя история, которую я поведал Лайзе Вэллери.

— И вы что-то получаете за ваши благотворительные акции в пользу барраярского посольства, адмирал?

— Наградой мне — мои добрые дела. Нет-нет, вы правы, я предупреждал вас относительно моего чувства юмора. Скажем так — вознаграждение меня вполне устраивает.

— Ничего, что можно расценить как препятствие отправлению правосудия, надеюсь? — Рид сурово поднял брови.

— Я ведь жертва, вы не забыли? — Майлз прикусил язык. — Уверяю вас, мое вознаграждение не имеет никакого отношения к уголовному кодексу Лондона. Простите, могу ли я попросить вас передать несчастного лейтенанта Форкосигана в руки, скажем, его непосредственного начальника, капитана Галени?

Рид с еще большим подозрением уставился на Майлза, и Майлз почувствовал себя не слишком уютно.

«А теперь-то что не так, черт его возьми?» — изумился он.

Между тем Рид сцепил пальцы и откинулся на спинку стула, продолжая все так же рассматривать Майлза.

— Лейтенант Форкосиган ушел час назад с человеком, который назвался капитаном Галени.

— А-а-а... — протянул Майлз. — Пожилой человек в гражданском? Седеющие волосы, полноватый такой?

— Да.

С застывшей улыбкой Майлз откланялся:

— Благодарю вас, господин Рид. Не смею больше занимать ваше драгоценное время.

В вестибюле Айвен спросил:

— И что дальше?

— Думаю, — размышлял вслух капитан Галени, — пора вернуться в посольство. И отправить полный отчет в штаб-квартиру.

«Потребность исповедаться, а?»

— Нет-нет, никогда не следует посылать промежуточных отчетов, — мгновенно возразил Майлз. — Только готовые. Промежуточные отчеты влекут за собой приказы, которым надо либо подчиняться, либо тратить драгоценное время и силы на то, чтобы их обойти.

— Интересная философия, буду иметь ее в виду. Вы разделяете такую точку зрения, командор Куин?

— О да!

— Похоже, с дендарийскими наемниками не соскучишься.

Куин усмехнулась:

— И я того же мнения.

ГЛАВА 12

Несмотря ни на что они вернулись в посольство: Галени — отдать приказ о проверке подозреваемого курьера, Майлз — переодеться в парадный барраярский мундир и заглянуть к посольскому врачу. Сломанный палец беспокоил его. Если после всей этой кутерьмы случится затишье, решил Майлз, надо заменить синтепротезами кости и суставы рук. Операция на ногах была мучительной и нудной, но дальше откладывать с руками бессмысленно. И бесполезно притворяться перед самим собой, будто он все еще растет.

Поскучнев ввиду такой перспективы, Майлз вышел из посольской клиники и спустился в кабинет службы безопасности. Галени, разослав подчиненных со всевозможными поручениями, сидел один в полутьме за коммпультом. Он откинулся на спинку кресла, положив ноги на стол, и Майлзу показалось, что капитану больше пристало сейчас вертеть в руках бутылку со спиртным, чем световое перо.

Устало улыбнувшись, Галени выпрямился и заговорил, постукивая пером по столу:

— Я тут подумал, Форкосиган, и решил — боюсь, нам не удастся обойтись без обращения к местным властям.

— Не думаю, что вам следует идти на это, сэр. — Майлз придвинул стул вплотную к комм-пульту. — Мы можем потерять контроль над ситуацией.

— Но понадобится небольшая армия, чтобы отыскать на Земле этих двоих.

— У меня есть небольшая армия, — напомнил Майлз. — И она только что продемонстрировала свои возможности.

— Да. Верно.

— Так пусть посольство наймет дендарийцев для поиска наших... пропавших.

— Наймет? Я думал, Барраяр их уже нанял!

Майлз изобразил наивность:

— Но, сэр, дендарийцы-то об этом не знают. В этом суть их прикрытия. Если посольство нанимает их, заключая с ними официальный контракт, тем самым оно, так сказать, прикрывает прикрытие.

Галени насмешливо поднял брови:

— Ясно. И как вы объясните им существование клона?

— Если понадобится, я скажу, что это клон... адмирала Нейсмита.

— Итак, уже трое? — Галени вопросительно поглядел на Майлза.

— А вы просто поручите им отыскать вашего... Сера Галена. Где он, там и клон. Один раз это сработало.

— Гм-гм... — сказал Галени.

— И еще, — добавил Майлз, задумчиво проведя пальцем по спинке стула. — Если нам удастся схватить их — что мы с ними будем делать?

Световое перо продолжало постукивать.

— Существует, — сказал Галени, — только два, от силы три варианта. Первый: их можно арестовать, судить и посадить в тюрьму за преступления, совершенные на Земле.

— И таким образом, — резюмировал Майлз, — почти наверняка адмирал Нейсмит будет разоблачен и скомпрометирован. Конечно, я далек от мысли, что Барраярская

империя держится только на дендарийских наемниках, но служба безопасности находила наши услуги полезными. Командование может, я надеюсь, счесть такой ход нежелательным. И потом, разве мой клон совершил на Земле преступления, за которые сажают? Подозреваю, по еврозаконам он вообще считается несовершеннолетним.

— Второй вариант, — продолжил Галени. — Похитить их и тайно переправить на Барраяр, вопреки земным законам о невыдаче. Если бы мы получили приказ сверху, полагаю, он был бы именно таким — наименее соответствующим параноидальным наклонностям нашей службы безопасности.

— Переправить на Барраяр для суда, — уточнил Майлз, — или для пожизненного заключения... Для моего... брата это не так уж плохо, как кажется. На Барраяре у него есть высокопоставленный покровитель. Если, конечно, его не прикончат по дороге туда. — Галени и Майлз обменялись понимающими взглядами. — Но за вашего отца не вступится никто. Барраяр рассматривает убийства во время Комаррского Восстания как тягчайшее уголовное преступление, не подпадающее под амнистию. Вашему отцу не избежать смертной казни.

— Не избежать. — Галени стиснул зубы и уставился на носки начищенных сапог. — А третий вариант — секретный приказ об их уничтожении.

— Преступные приказы можно и не выполнять, — заметил Майлз. — Если, конечно, у вас хватит мужества. К счастью, наше высшее командование поумнело со времен императора Эзара. Я предлагаю четвертый вариант. Может, лучше начать с того, что вообще не ловить этих... родственников?

— Будем говорить прямо, Майлз: если я не поймаю Сера Галена, моя карьера кончена. Я уже под подозрением, потому что не отыскал его за два года моего пребывания на Земле. Ваше предложение граничит не с неповиновением (для вас это, видимо, нормальный образ действий), но кое с чем похуже.

— А как насчет вашего предшественника, который не мог их обнаружить (и не обнаружил) за пять лет? Даже если вы и отыщете Сера Галена, это не пойдет на пользу вашей карьере. Все равно вы останетесь под подозрением — они по-другому не умеют.

— Хотел бы я, — лицо Галени было застывшим, как маска, голос звучал еле слышно, — хотел бы я, чтобы он не воскресал из мертвых. Его первая смерть была намного лучше: славная смерть в огне сражения. Он вошел в историю, а я остался один, боль ушла в прошлое, и никто не терзал меня. Какое счастье, что наука не сделала человека бессмертным. Великое благо, что мы умеем забывать старые войны. И старых воинов.

Майлз задумался. Гален, заключенный в тюрьме на Земле, губит и Галени, и адмирала Нейсмита, зато остается в живых. На Барраяре его ждет смерть. Может, этот факт мало скажется на карьере Галени, но сам Галени скорее всего никогда не оправится от потрясения. Конечно, отцеубийство не гарантирует спокойной уверенности в себе, которая необходима для служения Комарре. «Но Нейсмит будет жить»,— мелькнула соблазнительная мысль. И пропала. Гален и Марк, оставленные на воле, — не просто угроза, но зловещая угроза. Если Майлз и Галени ничего не сделают сами, власти Барраяра наверняка примут решение за них. А учитывая все обстоятельства, с Марком и Галеном поступят как с врагами.

Майлзу претило жертвовать будущностью Галени ради заматеревшего старого террориста, который не желает смириться с реальностью. Но устранение Галена может сломить Галени. Черт побери, почему этот старикан не желает удалиться от дел и провести остаток дней в каком-нибудь тропическом раю, вместо того чтобы ходить по кругу, создавая неприятности молодому поколению? Отправить надо всех террористов в отставку, и немедленно — вот с чего надо начать.

Из чего выбирать, когда не из чего выбирать?

— Это мне решать, — сказал Галени. — Попробуем выследить их.

Они устало посмотрели друг на друга.

— Предлагаю компромисс, — ответил Майлз. — Прикажите дендарийцам выследить их, но пока не трогать. А ваши люди смогут спокойно заняться посольским курьером — чисто внутренняя проблема, как ни крути.

Нависло молчание.

— Согласен, — наконец сказал Галени. — Но что бы ни случилось, я хочу, чтобы это поскорее осталось позади.

— Согласен, — сказал Майлз.

Майлз нашел Элли в кафетерии посольства. Она сидела, устало склонившись над остатками обеда, не обращая внимания на взгляды, которые украдкой бросали на нее сотрудники посольства. Майлз взял сандвич и чай и тихонько сел напротив нее. Их руки на мгновение встретились над столом.

— Итак, что дальше? — спросила Элли.

— Как обычно награждают в армии за успешное выполнение задания?

Ее темные глаза насмешливо сощурились:

— Дают новое задание.

— Угадала. Я убедил капитана Галени поручить дендарийцам отыскать Галена, как ты отыскала нас. А кстати, как ты нас отыскала?

— Чертовски много работала, вот как. Мы начали с того, что перемололи все то жуткое количество данных, которые ты прислал нам из посольства о комаррцах. Отбросили проверенных людей, детей и так далее. Потом отправили на планету команду компьютерной разведки, которая проникла в экономическую сеть и считала данные с кредитных файлов, и в сеть Европолиции (вот это-то оказалось труднее всего) и считали файлы с данными о преступниках. Мы приступили к поиску несоответствий. Вот тут-то мы и нашли зацепку. Тут и случился прорыв. Примерно год назад рожденный на Земле сын комаррского эмигранта был взят Европолицией за какое-то пустяковое нарушение. В кармане у него обнаружили незарегистрированный парализатор. Поскольку это

не смертельное оружие, он отделался легким штрафом, и Европол закрыл дело. Но парализатор был произведен не на Земле — это был старый барраярский парализатор военного образца.

Мы установили за парнем слежку — обычную и компьютерную, через сеть. Мы выявили круг его знакомств, людей, информация о которых в посольских компьютерах отсутствовала. Одновременно мы разрабатывали еще несколько направлений, но те ничего не дали. Впрочем, с самого начала у меня было чувство, что мы на верном пути. Один из тех, с кем часто встречался этот парень, мужчина по имени Ван дер Пул, был зарегистрирован на Земле как эмигрант с планеты Фрост-IV. А во время расследования, которое я вела года два назад относительно похищенных генов на Архипелаге Джексона...

Майлз кивнул, вспомнив это.

— ...я узнала, что там без всякого труда можно купить задокументированное прошлое. Были бы деньги. Определенные лаборатории предоставляют новые лица, голоса, новые отпечатки пальцев и новую сетчатку. Для этого они прибегают к услугам планеты Фрост-IV. Около тридцати лет назад сильнейшее землетрясение уничтожило базу данных жесткой компьютерной сети. И не только ее. Множество совершенно нормальных людей, покинувших тогда Фрост-IV, не имели документов, поддающихся проверке. Так вот, если вам нужны новые документы и если вам больше двадцати восьми, Архипелаг Джексона подарит вам новую родину — Фрост-IV. Так что когда я вижу людей старше определенного возраста, утверждающих, что они с Фроста-IV, у меня сразу же просыпаются подозрения. Естественно, Ван дер Пул оказался Галеном.

— Естественно. Кстати, мой клон — еще один замечательный продукт Архипелага Джексона.

— А-а. Все сходится. Славненько.

— Поздравляю тебя и всю разведку. Напомни мне вынести им официальную благодарность, когда окажусь на «Триумфе».

— А когда это будет...

Элли грызла льдинку, оставшуюся на дне бокала, стараясь делать вид, будто этот вопрос интересует ее с чисто профессиональной точки зрения.

«Губы у нее будут прохладные и терпкие...»

Майлз постарался перейти на официальный тон, ощущая устремленные на них со всех сторон взгляды работников посольства.

— Не знаю. У нас тут еще куча дел. Следует перенести данные, собранные дендарийцами, в посольский банк. Айвен сейчас работает с тем материалом, который мы нашли на комм-пульте Галена. Дендарийской разведке предстоит нелегкая работа. Ведь у Галена — Ван дер Пула большой опыт по части исчезновений. Но если... Элли, когда вы его обнаружите, сообщите мне немедленно. Именно мне. Я сам доложу обо всем барраярскому посольству.

— Доложить — о чем? — переспросила Элли, уловив нечто странное в его интонациях.

Майлз встряхнул головой:

— Пока не знаю. Вот высплюсь, буду лучше соображать.

Элли кивнула и встала.

— Куда ты? — встревожился Майлз.

— На «Триумф», куда еще? Приводить массы в движение.

— Но ты можешь передать... Кто там сейчас дежурит?

— Бел Торн.

— Ага. Пойдем разыщем Айвена — он поможет отправить сообщение на «Триумф». — Он посмотрел на фиолетовые тени вокруг глаз Элли. — И вообще, сколько ты уже на ногах?

— Ну, как минимум... — Элли взглянула на часы, — ...часов тридцать.

— Пора бы вам научиться разумно распределять обязанности, командор Куин. Используйте своих помощников. И вообще, тебе надо выспаться, не то свалишься. Я найду вам комнату в посольстве... — Элли встретила его взгляд и внезапно улыбнулась. — Если, конечно, хочешь, — поспешил добавить Майлз.

— Правда, найдешь? — спросила она. — Ну что ж, буду очень рада.

Они навестили Айвена, потевшего за комм-пультом, и связались по секретному каналу с «Триумфом». Майлз с радостью отметил, что у Айвена еще куча работы. И они направились в апартаменты к Майлзу.

Элли кинулась в ванную по праву «чур, я первая». Вешая мундир в шкаф, Майлз обнаружил свое кошачье одеяло, скомканное в углу: видимо, перепуганный клон запихнул его туда в первую же ночь. Майлз поднял черный мех, тот нежно замурлыкал. Майлз расстелил его на постели, тщательно разгладил:

— Вот так.

Элли удивительно быстро вышла из душа, расправляя пальцами влажные кудри. Вокруг бедер у нее было соблазнительно обернуто полотенце. Завидев кошачье одеяло, она улыбнулась, вспрыгнула на кровать и зарылась в него пальцами ног. Мех задрожал и замурлыкал еще громче.

— О! — сказал Майлз, не отрывая глаз от дивного зрелища. Потом в райский сад его наслаждения вползло сомнение. Он с трудом сглотнул.

— Ты здесь... э-э... в первый раз? — спросил Майлз, надеясь, что говорит небрежно.

— Угу. Не знаю почему, но я ожидала увидеть что-то средневековое. А здесь как в обычной гостинице. Барраяр и гостиница — вот чудеса!

— Это же Земля, — напомнил ей Майлз. — А эпоха Изоляции Барраяра миновал сто лет назад. У тебя вообще какие-то странные представления о Барраяре... Элли, я там, в камере, думал, что мой клон не... э-э... Ты уверена, что не заметила никакой разницы за эти четыре дня? Неужели он был настолько правдоподобен?

И Майлз вымученно улыбнулся, со страхом ожидая ответа. А что, если она ничего не заметила? Неужели в его шкуру может влезть кто угодно, любая примитивная особь? Или того хуже — что, если она все-таки заметила разницу, и клон ей понравился больше?..

Элли смутилась:

— Заметила, да. Но перейти от ощущения, что с тобой что-то неладно, к уверенности, что это вообще не

ты... И потом, мы так мало общались с твоим клоном. Только разговаривали по комму, да еще была двухчасовая поездка в город, когда мы вырвали Данио и его веселую компанию из лап местной полиции. В это время я решила, что ты сошел с ума. Потом подумала, что ты, наверное, задумал что-то, но не хочешь поделиться со мной, потому что я... — голос у нее вдруг померк, — тебе разонравилась.

Майлз облегченно вздохнул. Значит, клон не успел... гм! Он виновато улыбнулся Элли.

— Видишь ли, когда ты на меня так смотришь, — принялась объяснять она, — я чувствую себя... хорошо. Не в смысле тепло и пушисто, хотя это тоже есть...

— Тепло и пушисто, — счастливо вздохнул Майлз, прижимаясь к ней.

— Перестань, дурачок! — закричала Элли и крепко обняла его. Так крепко, словно готовясь немедленно вступить в схватку с любым, кто захочет отнять его у нее. — Все. Ты сделал меня бесстрашной. О Боже... я... я все могу. Я теперь ничего не боюсь. Не боюсь пробовать. Не боюсь того, что могут подумать. Твой клон — какое облегчение узнать это! — заставил меня думать, что со мной что-то не так. Хотя как вспомню, насколько легко они тебя захватили, я готова...

— Ш-ш, ш-ш. — Майлз прижал палец к ее губам. — С тобой все в порядке, Элли. — Он блаженно уткнулся в ее ладони. — Ты — королева.

Моя королева.

— Теперь понимаешь? Может, это и спасло тебе жизнь. Я собиралась держать тебя... его... в курсе поисков Галени, пусть даже это будут промежуточные отчеты. И если бы я исполнила свое намерение, он бы узнал, что мы усиленно разыскиваем Галени...

— И приказал бы прекратить поиски...

— Конечно. Но тут, когда наметился успех, я решила еще раз все проверить. А потом сделать тебе сюрприз — преподнести результат на блюдечке с голубой каемочкой... Честно говоря, мне хотелось одного — вернуть твое

расположение. В некотором смысле он сам помешал рассказать о наших находках.

— Если тебя это утешит, дело не в том, что ты не нравилась ему. Твое лицо, не говоря уж об остальном, на некоторых мужчин действует именно так. Сковывает их.

— Да, лицо... — Ее пальцы бессознательно прикоснулись к щеке, а потом нежно взъерошили Майлзу волосы. — Кажется, ты точно определил это. Ведь ты один знал меня, когда у меня было мое прежнее лицо, и никакого лица, и новое лицо. И только для тебя это было всегда одно и то же лицо.

Незабинтованной рукой он провел по дугам ее бровей, идеально правильному носу, задержался у губ, получив поцелуй, тронул гордый подбородок, спустился на атласную кожу шеи.

— Да, твое лицо... Я был тогда молодым дурачком. В тот момент это казалось мне прекрасным и только потом я понял, как трудно с таким лицом.

— Я тоже поняла это не сразу, — вздохнула Элли. — Первые полгода я была в восторге. Но когда какой-то солдат во второй раз попробовал за мной поухаживать, вместо того чтобы выполнять приказ, я поняла, что столкнулась с проблемой. Мне пришлось найти и усвоить приемы, которые заставляли людей реагировать на мою суть, а не внешность.

— Я понимаю, — сказал Майлз.

— О боги, конечно, ты понимаешь! Ты все понимаешь! — Она мгновение смотрела на него так, словно видела впервые, потом нежно поцелóвала. — Я только сейчас поняла, сколько узнала от тебя. Сколько переняла. Как я люблю тебя!

Когда они прервали поцелуй, чтобы отдышаться, Элли предложила:

— Хочешь массаж?

— Ты — мечта алкоголика, Куин.

Майлз плюхнулся на мех и отдался Элли душой и телом. В пять минут ее сильные руки заставили его расстаться со всеми желаниями, кроме, может быть, двух.

Удовлетворив которые, оба заснули как убитые, и их не мучили никакие кошмары.

Майлз с трудом проснулся, когда в дверь постучали.

— Убирайся, Айвен, — простонал он, уткнувшись в мех. — Иди поспи где-нибудь на скамейке, а?

Элли включила свет, вскочила с постели, натянула черную футболку и серые форменные брюки и прошлепала к двери, не обращая внимания на бормотание Майлза:

— Нет, нет не впускай его...

Стук стал громче и настойчивее.

— Майлз! — Айвен уже ввалился в дверь. — А, привет, Элли. Майлз!

И Айвен принялся тормошить его.

Майлз только глубже зарылся в меховое одеяло.

— Ладно, можешь лечь в постель, — промямлил он. — Только не жди, чтобы я тебя укладывал...

— Вставай, Майлз!

Майлз наконец высунул голову из-под одеяла.

— Вот еще! А который час?

— Примерно полночь.

Возмущенно фыркнув, Майлз снова нырнул под одеяло. Три часа сна — и это после всего, что он перенес за последние четыре дня?! Но Айвен вырвал у него из рук живой мех и отбросил в сторону.

— Тебе надо встать, — отрезал он. — Быстро. Одевайся. Надеюсь, у тебя найдется чистый мундир... — Он уже рылся в шкафу. — Вот!

Майлз ошалело сжимал зеленую тряпку, которую швырнул ему Айвен.

— Что такое? Пожар что ли? — выговорил он наконец.

— Почти. Элен Ботари-Джезек только что явилась с Тау Кита. А я и не знал, что ты отправил ее туда.

— О! — Майлз проснулся мгновенно. Куин уже оделась и проверяла, на месте ли парализатор. — Ага, одеться надо. Но бриться ради нее не обязательно.

— Поскольку раздражения кожи от щетины у нее не будет, — пробормотала Элли рассеянно.

Майлз подавил ухмылку.

— Ради нее, может, и не обязательно, — сурово заявил Айвен, — но не думаю, что коммодор Дестанг придет в восторг от твоей помятой физиономии.

— Дестанг? Он здесь? — Тут Майлз проснулся окончательно. — Что это ему вздумалось? — Но, припомнив кое-какие факты, которые он включил в отправленный с Элен рапорт, Майлз все понял. Шеф службы безопасности сектора просто не мог не приехать и не возглавить расследование. — О Боже... Надо ему все растолковать, пока он не пристрелил беднягу Галени на месте...

Он включил холодный душ на полную мощность. Элли сунула ему в здоровую руку чашку кофе, а когда он оделся, придирчиво осмотрела.

— Все в порядке, кроме лица, — сообщила она. — Тут ничего не попишешь.

Майлз провел рукой по гладко выбритому подбородку:

— Я пропустил какой-нибудь кусок?

— Нет, я в восхищении от ваших синяков. И глаз, разумеется, также. После недельного запоя глаза и то не такие...

— Что ж, и на том спасибо.

— Сам напросился.

Пока они поднимались в лифте, Майлз прикидывал, что ему известно о Дестанге. Предыдущие встречи с коммодором были непродолжительными и официальными, но вполне корректными. Командующий службой безопасности второго сектора был опытным офицером и привык выполнять свои нелегкие обязанности (координацию разведывательной деятельности, обеспечение безопасности барраярских посольств, консульств и приезжающих важных персон, помощь барраярским подданным, попадающим в неприятности) самостоятельно, почти без вмешательства далекого Барраяра. Во время двух или трех операций, которые дендарийцы проводили в его секторе, приказы и деньги шли через него вниз, а рапорты — вверх без всяких осложнений.

Коммодор сидел в рабочем кресле Галени, перед его комм-пультом. Когда Айвен, Майлз и Элли оказались в

кабинете, Майлз заметил, что Галени стоит навытяжку, хотя стульев было предостаточно. Он стоял по стойке «смирно», словно закованный в латы, полуприкрытые глаза, непроницаемое лицо. Элен Ботари-Джезек неуверенно наблюдала за происходящим, как человек, бросивший камешек с горы и услышавший отдаленный гул камнепада. Завидев Майлза, она облегченно перевела дух и отдала ему честь (хотя он был не в дендарийском мундире) почти символическим жестом — это была передача ответственности. Так человек избавляется от сумки с живыми змеями, которую ему дали посторожить.

«Все. Занимайся этим сам».

Майлз кивнул: «Ладно».

— Сэр! — Майлз козырнул Дестангу.

Дестанг ответил тем же, бросив на него пронзительный взгляд, напомнивший Майлзу первую встречу с Галени. Ну вот. Еще один недовольный командир. Дестангу было около шестидесяти: худой, седеющий, ниже среднего роста. Несомненно, родился после окончания цетагандийской оккупации, когда всеобщее недоедание сказалось на целом поколении. Во время покорения Комарры вполне мог быть молодым офицером, во время восстания — получить звездочку полковника. Обладает всесторонним боевым опытом, как все выросшие в смутные времена.

— Вас уже ознакомили с обстановкой, сэр? — начал Майлз. — Мой первый рапорт безнадежно устарел.

— Я только что прочел версию капитана Галени. — Дестанг кивнул в сторону комма.

Естественно, Галени не мог не написать рапорт. Майлз мысленно вздохнул. Надо полагать, привычка дипломированного историка. Он еле удержался, чтобы не подсмотреть текст на экране.

— У вас, похоже, своей еще нет, — жестко отметил Дестанг.

Майлз рассеянно помахал забинтованной рукой:

— Я был в лазарете, сэр. Но вам уже известно, что комаррцы контролировали курьера посольства?

— Мы арестовали курьера шесть дней назад на Тау Кита, — сказал Дестанг.

Майлз облегченно вздохнул:

— И он?..

— Обычная история, — нахмурился Дестанг. — Когда-то совершил мелкий грешок. Комаррцы получили возможность давить на него, он скатывался все ниже и ниже, пока не загнал себя в угол.

Странное интеллектуальное дзюдо, а попросту — шантаж, размышлял Майлз. В итоге курьер попал в руки врага из-за того, что боялся своих. Система, рассчитанная на то, чтобы обеспечивать верность, в конце концов сама ее и уничтожает... Тут что-то не так...

— Они его завербовали по крайней мере три года назад, — продолжил Дестанг. — С тех пор все, что исходило из посольства или направлялось в него, поступало к ним без промедлений.

— Ох! — Майлз подавил улыбку и попытался изобразить возмущение и скорбь — более подобающие в данном случае. Вербовка курьера произошла до приезда Галени на Землю! Отлично!

— Да, — подтвердил Айвен. — Я совсем недавно обнаружил копии наших данных в том материале, что ты извлек из комма Сера Галена, Майлз. Меня чуть удар не хватил.

— Меня это не удивляет, — отозвался Майлз. — Как только я понял, что нас надувают, вариантов было не так уж много. Надеюсь, допрос курьера снял все подозрения с капитана Галени?

— Если он и был связан с комаррскими эмигрантами на Земле, — сдержанно проговорил Дестанг, — курьер об этом ничего не знал.

Вряд ли можно счесть такое заявление выражением доверия. Майлз пошел в атаку.

— Совершенно ясно, — начал он, — что капитан был картой, которую, по мнению Сера Галена, можно пустить в ход в любое время. Но карта отказалась вступить в игру. С риском для жизни. В конце концов капитан Галени был направлен на Землю случайно... — Галени качал головой, поджав губы. — Разве я не прав?

— Нет, — сказал Галени, все еще стоя по стойке «смирно». — Я сам попросился на Землю.

— О! Ну, по крайней мере я-то попал сюда случайно, — поспешил загладить неловкость Майлз. — Из-за моих криотрупов, которым были необходимы услуги крупного медицинского центра. Кстати о дендарийских наемниках, коммодор. Так это курьер перехватил те восемнадцать миллионов марок, посланных с Барраяра?

— Их никогда и не посылали, — ответил Дестанг. — Пока капитан Ботари-Джезек не появилась у меня в кабинете, нашим последним контактом с вашими наемниками был рапорт, который вы отправили с Махата Солярис по окончании операции на Дагуле. Потом вы исчезли. Для штаб-квартиры второго сектора вы более двух месяцев числились без вести пропавшими. Представляете нашу тревогу? Особенно когда еженедельные запросы шефа Имперской службы безопасности Иллиана превратились в ежедневные.

— Я... понимаю, сэр. Так вы вообще не получали наших запросов о деньгах? И меня вовсе не прикомандировывали к посольству?!

Чуть слышный стон вырвался у Галени, обратившегося в соляной столб.

Дестанг ответил:

— Да, это все дело рук комаррцев. Видимо, такая уловка им понадобилась, чтобы вы оставались на Земле, пока им не удастся произвести подмену.

— Я так и думал. А... вы случайно не захватили с собой мои восемнадцать миллионов? Это-то осталось неизменным. Я упоминал о деньгах в моем рапорте.

— Да, и не раз, — неодобрительно заметил Дестанг. — Разумеется, мы оплатим ваши расходы. Как обычно.

— О! — Майлз почувствовал, что с плеч его сняли тяжелый груз. Он порывисто воскликнул: — Спасибо, сэр! Это просто замечательно!

Дестанг с любопытством наклонил голову:

— А на что вы жили последний месяц?

— Не так просто объяснить, сэр. Но я попробую...

Дестанг открыл рот, словно собираясь задать следующий вопрос, но вдруг передумал:

— Ясно. Ну, лейтенант, можете вернуться к своим людям. Ваше пребывание на Земле подходит к концу. Хотя вам вообще не следовало появляться здесь в качестве лорда Форкосигана.

— К своим людям... Вы имеете в виду — к дендарийцам?

— Вряд ли Саймон Иллиан столь настойчиво разыскивает вас просто потому, что соскучился. Можно смело предположить, что как только штаб-квартира узнает о вашем местонахождении, вы получите новый приказ и новое назначение. Готовьтесь к вылету.

Элли с Элен, перешептывавшиеся в уголке, радостно повернулись к Майлзу. Айвен насторожился.

— Да, сэр, — спокойно ответил Майлз. — А как же тогда мои здешние заботы?

— Поскольку вы, слава Богу, не уведомили местные власти, мы сами разберемся с этой попыткой измены. Я захватил с Тау Кита отряд...

Майлз догадался, что этот отряд — спецназ. Они пойдут на все, чтобы восстановить порядок в посольстве.

— Мы бы давно бросили на розыски Сера Галена все силы, если б не считали его погибшим. Гален! — Дестанга аж передернуло. — Подумать только! Все это время он был здесь, на Земле. Во время комаррского восстания я служил в барраярской армии, а потом перешел в Безопасность. Наш отряд разбирал развалины бараков Халомара после того, как эти подонки ночью взорвали их... Мы искали тех, кто остался в живых, и собирали улики, а находили одни только трупы... В то утро в службе безопасности появилось много вакансий. Проклятие! Как вспомню... Если мы сможем найти Галена после того, как вы его упустили, — Дестанг с откровенной неприязнью взглянул на Галени, — мы доставим его на Барраяр, и он ответит сполна за то кровавое утро. Хотел бы я, чтобы он ответил за все свои деяния, но его на это просто не хватит. Как императора Ури Безумного.

— Достойный план, сэр, — ответил Майлз. Галени стиснул зубы, помощи от него ждать не приходилось. —

Но по Земле наверняка бродит с полдюжины комаррских террористов, и их прошлое мало чем отличается от прошлого Сера Галена. А теперь, когда он разоблачен, нам и вовсе нечего опасаться.

— Те все эти годы бездействовали, — отрезал Дестанг. — А Гален не сидел сложа руки. Вам это известно лучше, чем кому бы то ни было.

— Но нелегальное похищение может испортить наши дипломатические отношения с Землей. Стоит ли оно того?

— Справедливость стоит любой официальной ноты, смею вас уверить.

Галена Дестанг уже похоронил. Ну что ж.

— А на каком основании вы собираетесь похитить моего... клона? Он-то не совершал преступлений на Барраяре. Он даже не был там. Никогда.

«Заткнись, Майлз! — прошептал одними губами Айвен, стоявший за спиной у Дестанга. — С коммодорами не спорят!»

Майлзу было не до него.

— Судьба моего клона не может не беспокоить меня, сэр.

— Охотно верю. Надеюсь, мы скоро покончим со всей этой неразберихой.

Майлзу оставалось надеяться, что эти слова не значат того, что они значат. Если надо сбить Дестанга со следа, он готов.

— Никакой неразберихи нет, сэр. Простой медсканнер обнаружит разницу между мной и клоном. У него кости нормальные, у меня — нет. Так я не понял, что вы ему инкриминируете?

— Государственную измену, естественно. Заговор против императора.

Поскольку вторая часть обвинения была бесспорной, Майлз сосредоточился на первой:

— Государственную измену? Но клон родился на Архипелаге Джексона. Он не является подданным императора. Чтобы обвинить его в государственной измене, — Майлз сделал глубокий вдох, — вы должны признать его подданным императора по праву рождения. А если

он подданный императора по праву рождения, тогда он лорд-фор, обладающий всеми соответствующими правами, включая суд равных — полный совет графов.

Дестанг поднял брови:

— И вы думаете, он догадается прибегнуть к столь нетрадиционной защите?

«Разумеется, ведь я ему подскажу».

— Почему бы и нет?

— Благодарю вас, лейтенант. Такого осложнения я действительно не предвидел.

Дестанг задумался. Лоб пересекла глубокая морщина.

Майлз не выдержал:

— Вы рассматриваете возможность убийства, сэр?

— Подобная возможность представляется мне все более желательной. — Дестанг решительно выпрямился.

— В связи с этим может возникнуть весьма непростая юридическая проблема, сэр. Либо мой клон — не подданный императора и мы вообще не имеем на него никаких прав, либо он — подданный, и тогда находится под защитой законов империи... — Майлз облизнул губы. Галени, догадавшийся, к чему он клонит, закрыл глаза, как перед прыжком в холодную воду. — В любом случае его убийство будет преступным шагом.

Дестанг кинул на него нетерпеливый взгляд:

— Я и не собирался отдавать такой приказ вам, лейтенант.

«Он думает, я не хочу марать руки...»

Если Майлз доведет спор с Дестангом до логического конца в присутствии двух имперских офицеров, есть шанс, что коммодор пойдет на попятный. Но скорее всего сам Майлз окажется далеко... в стороне от происходящего. Если их противостояние дойдет до трибунала, победителей не будет. И Барраяру это не на пользу, и сорок лет службы Дестанга не заслуживают столь позорного конца. А если Дестанг упрячет его под домашний арест, все возможные варианты (а что именно он задумал, о Господи!) пойдут прахом. Тем временем отряд Дестанга без колебаний выполнит любой приказ своего командира.

Майлз оскалил зубы, пытаясь изобразить вежливую улыбку:

— Благодарю вас, сэр.

Айвен перевел дух, а Дестанг, поколебавшись, спросил:

— Юриспруденция — необычное хобби для специалиста по секретным операциям, вы не находите?

— Со всяким бывает, — кротко ответил Майлз.

Элли смотрела на Майлза в упор, словно спрашивая: «Как быть?»

— А вы постарайтесь не увлекаться, лейтенант Форкосиган, — миролюбиво порекомендовал Дестанг. — У моего адъютанта лежит для вас чек на восемнадцать миллионов марок. Зайдите к нему перед уходом. И заберите с собой женщин.

Он махнул рукой в сторону двух дендариек в военной форме.

Айвен злорадно фыркнул.

«Черт побери, это мои офицеры, а не гаремные жены», — мысленно огрызнулся Майлз. Ни один барраярский военный в возрасте Дестанга все равно бы этому не поверил. Некоторые предрассудки не меняются, просто они со временем уходят в прошлое.

Слова Дестанга прозвучали как приказ немедленно удалиться. Игнорировать его было невозможно. Но Дестанг не упомянул...

— Да, лейтенант, отправляйтесь. — Голос Галени звучал на редкость обыденно. — Я так и не дописал рапорт. Коммодор дает вам восемнадцать миллионов марок, а я могу предложить еще Марку — если вы заберете с собой своих дендарийцев.

Глаза Майлза расширились: Галени явно произнес это слово с нажимом.

«Галени не успел сказать Дестангу, что поручил дело дендарийцам. Значит, тот не сможет нам это запретить!»

Стало быть, у него есть фора — если только он успеет найти Галена и Марка раньше, чем Дестанг...

— Отлично, капитан, — услышал Майлз собственный ответ. — Я-то знаю, какой весомой может оказаться одна Марка.

Галени коротко кивнул и повернулся к Дестангу.

ГЛАВА 13

Когда Майлз отправился к себе, чтобы переодеться в дендарийскую форму, за ним увязался Айвен. Майлзу казалось, что с тех пор, как он переступил в этой самой форме порог посольства, прошла целая жизнь.

— Глаза бы мои на это все не глядели, — бормотал Айвен. — Дестанг хорошо взялся за дело. Спорим, он так и продержит Галени на ногах всю ночь, стараясь расколоть его. Если, конечно, есть на что раскалывать.

— Черт побери! — Майлз скомкал свой барраярский мундир и со всей силы швырнул его об стенку. Но это не принесло облегчения. Плюхнувшись на кровать, Майлз стянул с себя сапог, поднял его, словно взвешивая, затем покачал головой и с омерзением разжал пальцы. — Меня это просто бесит. Галени заслуживает награды, а не порицания. Одно утешение — если уж Сер Гален не смог его сломать, не думаю, что Дестангу это удастся. Но это несправедливо, несправедливо... — Майлз погрузился в горестные размышления. — И я тоже его подставил! Проклятие, проклятие, проклятие...

Элли, никак не реагируя, протянула ему адмиральский мундир. Айвен был не так умен.

— А-а, не грусти, Майлз. Мне будет приятно думать, что ты в безопасности, когда головорезы Дестанга возьмутся наводить порядок. Подозрительны, как бесы, — не поверят даже собственной бабушке. Ох и достанется нам всем! Нас выстирают, выполощут, выжмут и повесят сушиться на холодном-холодном ветру... — Он подошел к кровати и с

тоской посмотрел на нее. — Нет смысла ложиться. Все равно я им для чего-нибудь еще понадоблюсь.

И Айвен с мрачным видом уселся на кровать.

Майлз посмотрел на кузена с неожиданным интересом.

— Эй, ты что, собираешься топтаться в самом центре событий?

Почувствовав подвох, Айвен с подозрением взглянул на него:

— Именно так. А что?

Майлз встряхнул брюки. На кровать вывалился его секретный комм.

— Допустим, я вспомню перед уходом, что комм надо вернуть; допустим, Элли забудет это сделать. — Элли тут же перестала копаться в карманах мундира и вся обратилась в слух. — И допустим, ты сунешь его себе в карман, чтобы отдать сержанту Барту, как только получишь вторую половину. — Майлз кинул Айвену комм; тот машинально схватил его, но тут же, вытянув руку, отстранил от себя, как ядовитую гадину.

— А допустим, я сейчас вспомню, что случилось, когда я в последний раз помог тебе тайно получить информацию? — язвительно спросил Айвен. — Маленький фокус, который я проделал, чтобы провести тебя в посольство той ночью, когда ты пытался спалить весь Лондон, занесен в мое личное дело. У ищеек Дестанга начнутся конвульсии, когда они об этом прочтут. Особенно в нынешней ситуации. Допустим, я воткну этот комм тебе в... — тут Айвен вспомнил об Элли — ...ухо?

Майлз, ухмыльнувшись, просунул голову и руки в черную футболку, надел ее на себя и начал натягивать дендарийские боевые сапоги.

— Айвен, это простая предосторожность. Не более. Может, комм нам и не понадобится. Только если возникнут непредвиденные обстоятельства...

— Не могу представить себе, — непреклонно заявил Айвен, — обстоятельства, о которых преданный делу младший офицер не вправе сообщить своему командующему. И Дестанг не сможет себе представить. Что ты опять задумал, радость моя?

Майлз застегнул сапоги и помолчал. Он был серьезен.

— Сам не знаю. Но должен же хоть как-то расхлебать эту заварушку!

Элли, молчавшая до сих пор, заметила:

— Мне казалось, мы уже кое-что расхлебали. Обнаружили предателя, перекрыли утечку информации из посольства, предотвратили похищение и раскрыли крупнейший заговор против Барраярской империи. И все — бесплатно. И все — за неделю. Тебе что, мало? Что тут еще можно спасти?

— Ну, если б эти акции были запланированными... А ведь получилось-то все по чистой случайности, — заметил Майлз.

Айвен с Элли переглянулись поверх его головы: на их лицах отразилась одинаковая тревога.

— Тебе что, мало? Что ты еще собираешься расхлебывать? Что тут можно спасти? — как эхо повторил Айвен.

Майлз нахмурился, уставясь на свои сапоги:

— Кое-что. Будущее. Еще один шанс... Возможность.

— Ты это о клоне, да? — прошипел Айвен сквозь зубы. — Ты просто зациклился на этом сукином сыне!

— Плоть от плоти моей, Айвен. — Майлз горестно развел руками. — На некоторых планетах его назвали бы моим братом. На других — даже сыном, в зависимости от закона о клонировании.

— Да это же попросту клетка! На Барраяре, — пояснил Айвен. — А тот, кто в тебя стреляет, на Барраяре называется врагом. У тебя нелады с памятью, Майлз? Эти люди только что пытались убить тебя! Сегодня... вчера утром!

Майлз отстраненно улыбнулся, но ничего не ответил.

— Знаешь, — осторожно начала Элли, — если ты на самом деле хочешь завести клона, ты мог бы его заказать. Без... э-э... проблем, связанных с этим. У тебя триллионы клеток...

— Я не хочу заводить клона, — ответил Майлз. «Я хочу брата». — Но, кажется, мне его выдали.

— По-моему, его заказал и оплатил не кто иной, как Сер Гален, — парировала Элли. — Единственное, что он

намеревался «выдать» тебе, — это смерть. По законам Архипелага Джексона — планеты, откуда он родом, — клон принадлежит Галену. «Джек Норфлок, ты дерзок, но все равно, — мелькнуло в голове у Майлза. — Хозяин твой Джон уже продан давно».

— Даже на Барраяре, — тихо сказал Майлз, — ни один человек не может владеть другим. Гален слишком далеко зашел в погоне за своими... принципами...

— В любом случае, — Айвен был непреклонен, — ты уже вышел из игры. Высшее командование взяло все в свои руки. Я слышал, тебе приказали готовиться к вылету.

— А ты слышал, как Дестанг говорил о намерении убить моего... моего клона... если ему это удастся?

— Ага. И что? — Айвен закусил удила. — И правильно. Мерзкий змееныш!

— Дестанг — хороший игрок, — спокойно сказал Майлз. — Даже если бы я сейчас ушел в самоволку и вернулся на Барраяр: вымолить у отца жизнь клона, заставить его надавить на Саймона Иллиана, — все равно приказ дошел бы до Земли слишком поздно.

Айвен был потрясен.

— Майлз! Уж на что я стеснялся просить дядю Эйрела о чем бы то ни было, но ты... Я был уверен, что ты скорее дашь с себя шкуру содрать, чем обратишься к отцу с просьбой. Ты хочешь начать с того, чтобы обойти начальство? Да ни один командующий после этого не захочет иметь с тобой дело!

— Да, ты прав. Я скорее умер бы, чем обратился с просьбой к отцу, — безразлично согласился Майлз. — Но я не могу требовать, чтобы за меня умер кто-то другой. Но сейчас это к делу не относится. Все равно ничего не выйдет.

— Слава Богу, — только и мог сказать ошарашенный Айвен.

«Если я не могу убедить двух моих лучших друзей в том, что я прав, — подумал Майлз, — возможно, я ошибаюсь. Или, возможно, мне придется действовать в одиночку».

— Айвен, я просто прошу тебя оставить у себя этот комм, — сказал он. — Я не прошу, чтобы ты что-то делал...

— Пока не просишь, — мрачно вставил Айвен.

— Я бы передал комм капитану Галени, но за ним наверняка установят слежку. Если у него конфискуют комм — это покажется подозрительным.

— А если комм конфискуют у меня? — жалобно спросил Айвен.

— Сделай это. — Майлз застегнул мундир, встал и протянул руку за коммом. — Или не делай.

— А-а... — Айвен сдался и сунул комм в карман. — Ладно, я подумаю.

Майлз благодарно кивнул.

Они успели на дендарийский катер, который как раз собирался вылететь из лондонского космопорта с возвращающимися из увольнения на борту. Элли связалась с пилотом и приказала ему задержаться и подождать их. Майлз был бы рад никуда не спешить. Он и не спешил бы, если б не обязанности адмирала Нейсмита. Пришлось ускорять шаг.

Но задержка оказала добрую услугу еще одному дендарийцу. Размахивая сумкой, тот стрелой промчался по бетону и еле успел вскочить на исчезающий в люке трап. Бдительный охранник узнал бегущего и, протянув руку, втащил его в набирающую скорость машину.

Майлз, Элли Куин и Элен Ботари-Джезек устроились на заднем сиденье. Опоздавший дендариец, отдышавшись, заметил Майлза, широко улыбнулся и отдал ему честь.

Майлз улыбнулся в ответ:

— А, сержант Сьембьеда. — Райанн Сьембьеда был ответственным сержантом-техником из инженерной команды и отвечал за обслуживание и ремонт боевых доспехов. — Вас разморозили?

— Да, сэр.

— Мне говорили, что ваш прогноз был одним из самых благоприятных.

— Меня разморозили в больнице две недели назад. Я был в увольнении. Вы тоже, сэр? — Сьембьеда кивнул на серебряный пакет у ног Майлза, в котором лежал живой мех.

Майлз постарался запихнуть его каблуком под сиденье.

— И да, и нет. По правде говоря, вы развлекались, а я работал. В результате мы все очень скоро возьмемся за дело. Хорошо, что вы уже успели отдохнуть.

— Земля — это великолепно, — вздохнул Сьембьеда. — Я ужасно удивился, когда очнулся на ней. Вы уже видели Парк Единорога? Он как раз на этом острове. Я был там вчера.

— Боюсь, я мало что видел, — с сожалением отозвался Майлз.

Сьембьеда вытащил из кармана голокуб и вручил его Майлзу.

«Парк Единорога и Диких животных (отдел «Галатех Биоинжиниринг») расположен на территории огромного исторического поместья Вутон в Сурреея, — сообщал путеводитель. На экране возник сияющий белый зверь, нечто среднее между лошадью и оленем, и грациозно побежал по зеленой лужайке к фигурно подстриженным деревьям.

— Там даже разрешают кормить ручных львов, — сообщил Сьембьеда.

Майлз моргнул, внезапно представив себе одетого в тогу Айвена, которого бросают с парящего грузовика стае голодных бежевых кошек, радостно мчащихся следом. Пожалуй, он перечитался книг по земной истории.

— А что они едят?

— Протеиновые кубики, как и мы.

— А, — сказал Майлз, стараясь, скрыть разочарование, и вернул голокуб.

Однако сержант медлил.

— Сэр... — нерешительно начал он.

— Да? — подбодрил его Майлз.

— Я восстановил все свои навыки, меня проверили и разрешили выполнять легкую работу, но... Я не смог ниче-

го вспомнить про день, когда меня убили. А медики не желают говорить. Это... меня слегка беспокоит, сэр.

Во взгляде карих глаз была тревога.

Майлз прекрасно понимал, в чем дело.

— Ну, медики и не могли ничего сказать. Их там просто не было.

— Но вы были, сэр, — неуверенно подсказал Сьембьеда.

«Это уж точно, — подумал Майлз. — Если бы меня там не было, ты и не принял бы на себя смерти, предназначавшейся мне».

— Вы помните, как мы прилетели на Махата Солярис? — спросил он.

— Да, сэр. Я помню все вплоть до предыдущего вечера. Но тот день исчез полностью — не только бой.

— А. Ну, тут нет ничего загадочного. Коммодор Джезек, я, вы и ваша техническая команда отправились на склад проверить качество поставок: возникла проблема с одним из товаров.

— Я помню. — Сьембьеда кивнул. — Источники питания. Там была проблема с радиоактивным излучением.

— Совершенно верно. Кстати, именно вы заметили дефект, когда их выгружали. А ведь есть и такие, кто просто отправил бы их на склад не глядя.

— Из моих ребят — никто, — пробормотал Сьембьеда.

— Так вот, на складе нас уже поджидал отряд цетагандийцев. Мы так и не узнали, кто это подстроил. Хотя были подозрения, что в деле замешан кто-то из власть имущих, поскольку нам было велено немедленно покинуть пространство Махата Солярис. Возможно, им не понравилось, что мы доставили им некоторое беспокойство. Короче, взорвалась гравиграната и разнесла часть склада. Вам в шею попал осколок, и вы в считанные секунды истекли кровью. — (Просто удивительно, сколько ее оказалось в этом худощавом молодом человеке. Тяжелый запах крови и треск огня ясно вспомнились Майлзу, но голос его звучал обыденно ровно.) — Мы доставили вас на «Триумф» и заморозили. Хирург был преисполнен оптимизма, поскольку серьезного повреждения тканей у вас не оказалось.

«В отличие от одного из техников, которого самым серьезным образом разнесло на кусочки в тот же самый момент», — мысленно добавил Майлз.

— Я... все думал, что я сделал. Или не сделал.

— У вас практически не было времени: вы оказались первой жертвой.

Сьембьеда, похоже, успокоился. «И что происходит в голове у ходячего мертвеца? — задумался Майлз. — Какого провала мог он бояться больше смерти?»

— Если вас это утешит, — вставила Элли, — подобные провалы в памяти свойственны пострадавшим при любых травмах, а не только криооживленным. Поспрашивайте других — узнаете, что вы отнюдь не исключение.

— Пристегнитесь-ка лучше, — посоветовал Майлз, когда катер накренился.

Повеселевший Сьембьеда кивнул и устроился в кресле перед ними.

— А ты помнишь свой ожог? — с любопытством спросил Майлз у Элли. — Или все ушло в благословенное забытье?

Элли невольно провела рукой по лицу:

— Я так и не потеряла сознания.

Катер рванулся вперед и вверх. Майлз решил, что управление находится в руках лейтенанта Птармигана. Насмешливые замечания пассажиров подтвердили его опасения. Он потянулся было к кнопке экстренной связи с пилотом, но тут же отдернул руку: незачем отвлекать Птармигана, пока тот не перевернет катер вверх тормашками. К счастью, для Птармигана, катер пришел в равновесие.

Внизу рассыпались огни Большого Лондона, и Майлз вытянул шею, чтобы взглянуть в иллюминатор. Мгновение спустя он увидел устье реки с дамбами и шлюзами, протянувшимися на сорок километров. Береговая линия была полностью переделана. Она отделяла город от моря, защищая исторические ценности и несколько миллионов душ, проживавших у берегов Темзы. Гигантский мост, перекинутый через пролив, сверкнул на фоне свинцо-

вой воды. Да, люди способны объединиться ради того, чтобы спасти город, но они никогда не пойдут на это ради принципов. С политикой моря не поспоришь.

Катер развернулся, резко набирая высоту, и Майлз в последний раз взглянул на удаляющийся Лондон. Где-то там, внизу, в этом чудовищном городе, скрываются Гален и Марк, а разведывательный отряд Дестанга прочесывает одно за другим все убежища Галена и ищут следы в комм-сети. Смертельная игра в прятки. Разумеется, Галену хватит ума не обращаться за помощью к старым друзьям и не включать комм. Если он сейчас смирится с неудачей и исчезнет, у него появится шанс отложить на будущее знакомство с барраярским правосудием.

Но если он надумал скрыться, зачем он вернулся за Марком? Какой ему прок от клона? Или это чувство ответственности за свое детище? Почему-то Майлзу слабо в это верилось. Не похоже, чтобы этих двоих связывала любовь. Может, клон нужен Галену как слуга, как раб, как солдат? И можно ли его продать, а если да, то кому — цетагандийцам, медлаборатории, паноптикуму?

А ему самому? Может ли клон быть продан Майлзу?

Ага! На это способен купиться даже сверхподозрительный Гален! Пусть он думает, что Майлзу нужно новое тело, без ломких костей, которые мучают его всю жизнь... Пусть думает, что Майлз готов заплатить любые деньги, лишь бы заполучить клона... Тогда Майлз обретет Марка, даст Галену деньги и поможет ему ускользнуть от барраярцев, а тот никогда не догадается, что стал объектом благотворительности только из-за собственного сына. Правда, у этой идеи два существенных недостатка: во-первых, нет связи с Галеном и переговоры невозможны, а во-вторых, если Гален и пойдет на эту дьявольскую сделку, сам Майлз отнюдь не уверен, что после всего случившегося жаждет спасти Галена от мести барраярцев. Да, забавная дилемма.

Ступив на борт «Триумфа», Майлз почувствовал, что он наконец дома. Напряжение, ставшее уже привычным,

тут же отпустило Майлза, стоило вдохнуть знакомый регенерированный воздух, ощутить еле уловимые шумы и вибрации идеально функционирующего живого корабля. Все сверкало, как новенькое, и Майлз дал себе слово узнать, кто сотворил это чудо. Ох, как приятно снова стать простым адмиралом Нейсмитом и ни о чем не думать, кроме недвусмысленных указаний Генштаба.

Майлз отдал несколько распоряжений. Прекратить поиски контрактов. Объявить общую шестичасовую готовность. Всем кораблям за двадцать четыре часа подготовиться к вылету. Прислать ко мне лейтенанта Боун. Это потешило свойственную ему манию величия: все стягивается к центру — то есть к нему, Майлзу. Но стоило вспомнить о нерешенной проблеме, ожидающей его в дендарийской разведке, как веселье мигом поутихло.

Прихватив Куин, Майлз отправился с визитом к разведчикам. Там он обнаружил Бела Торна, который сидел за комм-пультом. Если, конечно, в данном случае уместно было слово «сидел»: Торн принадлежал к гермафродитному меньшинству Колонии Бета — злополучным плодам генетического проекта столетней давности и сомнительного качества. По мнению Майлза, это был самый безумный из всех безумных экспериментов. Большинство гермафродитов оставались верны своему маленькому уютному мирку в сверхтерпимой Колонии Бета; и то, что Торн осмелился шагнуть на просторы галактики, свидетельствовало либо об отваге со скуки, либо (что более вероятно), о любви к эпатажу. Мягкие темно-русые волосы Торн стриг нарочито двусмысленно, но форму капитана дендарийцев носил как истинный солдат.

— Привет, Бел. — Майлз выдвинул сиденье и закрепил его в пазах. Торн приветствовал его небрежным взмахом руки, отдаленно напоминавшим салют. — Прокрути мне все данные, полученные из дома Галена, — разумеется, после того, как мы с Куин вызволили барраярского военного атташе.

Куин выслушала эту отредактированную версию глазом не моргнув.

Торн послушно включил быструю перемотку, прокрутил полчаса молчания и замедлил воспроизведение, дойдя до бессвязного диалога двух несчастных комаррских охранников, приходивших в себя после парализатора. Затем зазвонил комм, на экране возникло размытое изображение, послышался тихий, лишенный интонаций голос, появилось лицо Галена. Он потребовал отчета о выполнении задания, но вместо этого выслушал весьма занимательную историю. Гален резко повысил голос. «Идиоты!» Пауза. «И не вздумайте меня разыскивать». Запись оборвалась.

— Надеюсь, вы выяснили, откуда он звонил? — спросил Майлз.

— Общественный комм на станции подземки, — ответил Торн. — К тому времени как туда прибыли наши люди, радиус поиска увеличился до сотен километров. Удобный транспорт эта подземка.

— Так. И после этого он туда не возвращался?

— Нет. Насколько я понимаю, он не первый раз ускользает от службы безопасности.

— Да уж, опыт у него огромный. Он начал свою блистательную карьеру задолго до моего рождения, — вздохнул Майлз. — А как насчет охранников?

— Они все еще были там, когда в дом вломились ребята из барраярской безопасности, взявшие наблюдение на себя. Мы тут же сняли оборудование и отправились восвояси. А кстати, Барраяр уже заплатил нам за эту работу?

— Да уж...

— Вот славно. А то я боялся, что нам не заплатят, пока мы не доставим им Ван дер Пула.

— Кстати о Ван дер Пуле — Галене, — сказал Майлз. — Мы уже не сотрудничаем здесь с барраярцами. Они поручили это ребятам из штаб-квартиры сектора на Тау Кита.

Торн недоумевающе нахмурился:

— А мы? По-прежнему ищем его?

— Пока да. Только предупредите тех, кто действует на Земле: следует избегать контактов с барраярцами.

Торн недоуменно поднял брови.

— Тогда на кого же работаем мы?

— На меня.

Торн помолчал.

— Не слишком ли много загадок, сэр?

— Слишком. Хочу, чтобы моей разведке ничто не мешало. — Майлз вздохнул. — Ну ладно. Тут возникло некое осложнение личного плана. Вас никогда не удивляло, что я ничего не рассказываю о семье, о своем прошлом?

— Ну... Мало кого из дендарийцев это удивляет.

— Вот именно. Я родился клоном, Бел.

На лице Торна отразилось легкое сочувствие.

— Ну, у меня много знакомых клонов. И ничего.

— Возможно, правильнее будет сказать — я создан клоном. В военной лаборатории галактической державы, о которой не следует упоминать. Меня создали, чтобы тайно подменить сына некоего высокопоставленного лица, занимающего ключевой пост в другой галактической державе, о которой, впрочем, тоже не следует упоминать... Вам не составит особого труда догадаться, о ком идет речь... Но около семи лет назад я решил отказаться от такой сомнительной чести. Мне удалось бежать, и я стал действовать самостоятельно, создав дендарийских наемников из... э-э... подручного материала.

Торн усмехнулся:

— Помню-помню, как же.

— Но тут появился Гален. Галактическая держава, о которой упоминать не следует, отказалась от своего плана, и я считал, что могу забыть о своем печальном прошлом. Но в попытке создать точную копию сына того высокопоставленного лица, о котором я упоминал, в лаборатории произвели нескольких клонов. Я был последним, самым удачным. Я считал, что остальные клоны давно уничтожены. Но я заблуждался. Как выяснилось, один из предыдущих, менее удачных вариантов был криосохранен. Не знаю как, но он попал в лапы Серу Галену. Мой единственный выживший брат, Бел. — Майлз сжал кулаки. — В руках фанатика. Я хочу вызволить его. Вы способны понять меня, Бел?

Торн кивнул:

— Зная вас... да. Это для вас очень важно, сэр?

— Очень.

Торн решительно выпрямился:

— Значит, это будет сделано.

— Спасибо. — Майлз помедлил. — Снабдите командиров наших подразделений на Земле небольшими медсканерами, пусть постоянно носят их с собой. Как вам известно, примерно год назад мне заменили кости ног на синтепротезы. У клона — нормальные кости. Только так нас и можно отличить друг от друга.

— Вы что, правда так похожи? — спросил Торн.

— Как две капли воды.

— Один к одному, — подтвердила Куин. — Я его видела.

— ...Понимаю. Любопытные возможности для ошибок, сэр.

Торн взглянул на Элли, та смущенно покачала головой.

— Увы, — коротко подытожил Майлз. — Надеюсь, медсканеры помогут избежать любопытных ошибок. Продолжайте действовать — и сообщите, как только узнаете что-то новое.

— Слушаюсь, сэр.

В коридоре Элли заметила:

— Ловко выкрутились, сэр.

Майлз вздохнул:

— Надо было как-то предупредить дендарийцев насчет Марка. Нельзя допустить, чтобы он снова без помех играл в адмирала Нейсмита.

— Марка? — удивилась Элли. — Это еще кто такой, позволь тебя спросить? Майлз Марк второй?

— Лорд Марк Пьер Форкосиган, — спокойно ответил Майлз. По крайней мере ему казалось, что спокойно. — Мой брат.

Элли, осведомленная о значимости барраярских клановых связей, нахмурилась:

— Значит, Айвен прав? Этот молокосос тебя загипнотизировал?

— Не знаю... — медленно проговорил Майлз. — Если я единственный, кто видит в нем брата, тогда возможно, возможно...

Элли с надеждой кивнула.

Уголок рта Майлза приподнялся в легкой улыбке:

— ...возможно, все остальные ошибаются.

Элли хмыкнула.

Майлз посерьезнел.

— Я и сам не знаю. За эти семь лет я никогда не использовал маску адмирала Нейсмита в личных целях. И мне вовсе не хочется нарушать это правило. Но скорее всего нам не удастся отыскать этих двоих, и твой вопрос так и останется без ответа.

— Свежо предание, — неодобрительно сказала Элли. — Если ты не хочешь, чтобы их нашли, тебе следовало бы прекратить поиски.

— Логично.

— Так почему же ты поступаешь вопреки логике? Ну, допустим, поймаешь ты их. А дальше что с ними делать?

— Элементарно, — сказал Майлз. — Я хочу найти Галена и моего клона раньше, чем это сделает Дестанг, и разделить их. А потом позабочусь, чтобы Дестанг не нашел их раньше, чем я отправлю личный рапорт на Барраяр, Иллиану или отцу. Я уверен, что тогда они официально отменят приказ об устранении клона, и причем без моего непосредственного участия.

— А Гален? — скептически поинтересовалась Элли. — Не похоже, что они от него отстанут.

— Может быть, и нет. Гален — это проблема, которую я не решил до сих пор.

Майлз вернулся к себе в каюту, где его и поймала бухгалтер флота.

Лейтенант Боун хищно вцепилась в чек на восемнадцать миллионов.

— Спасены!

— Распорядитесь деньгами как полагается, — сказал Майлз. — Прежде всего выкупите «Триумф». Мы должны иметь возможность в любой момент улететь отсюда. Э-э...

Как вы думаете, вы смогли бы как-нибудь сделать кредитный чек, чтобы он не указывал явно на нас?

У Боун сверкнули глаза:

— Интересная задача, сэр. Это как-то связано с нашим новым контрактом?

— Строго секретно, лейтенант, — хладнокровно объявил Майлз. — Я не могу это обсуждать даже с вами.

— Строго секретно! — хмыкнула Боун. — От финансового отдела скрыто гораздо меньше, чем вы все думаете.

— А может, мне следует объединить наши отделы? Нет? — Майлз усмехнулся, заметив, как вытянулось лицо Боун. — Ладно, может, и не объединю.

— На кого выписывать чек, сэр?

— На предъявителя.

Боун подняла брови.

— Очень хорошо, сэр. На какую сумму?

Майлз задумался.

— Полмиллиона марок. Только переведите в местные единицы.

— Полмиллиона марок, — уважительно повторила Боун. — Это не мелкие расходы.

— Так надо.

— Постараюсь, сэр.

Оставшись один, Майлз нахмурился. Ситуация безвыходная. Вряд ли Гален пойдет на контакт по собственной инициативе, если не найдет способа взять ситуацию под контроль или не выкинет очередной номер. Но если позволить Галену командовать парадом, то последствия будут катастрофическими. Майлза не вдохновляла идея слоняться кругами, пока Гален не выкинет очередной номер. Итак, пора проявить изобретательность — все лучше, чем полное бездействие, время не ждет. Дьявольщина: ситуация явно не в его пользу. Пора переходить от защиты к нападению... Высший пилотаж. Осталось только найти Галена, а то без партнера играть скучно. Майлз застонал от безнадежности и рухнул на койку.

Майлз проспал часов двенадцать. Когда он открыл глаза, в каюте было темно. Он посмотрел на светящийся

циферблат настенных часов и решил полежать еще немного, наслаждаясь тем, что наконец-то никуда не надо спешить. Руки и ноги были налиты свинцом, но тут засигналил комм. Избавленный от греха лености Майлз вскочил с койки.

— Сэр. — На экране возникло лицо офицера связи «Триумфа». — Вас вызывают по экранированной линии из посольства Барраяра в Лондоне. Дело секретное и срочное.

Майлз надеялся, что это не следует понимать так уж буквально. Это не Айвен, Айвен воспользовался бы тем коммом, который оставил ему Майлз. Должно быть, очередное официальное сообщение.

— Дешифруйте и передайте на мой комм.

— Зарегистрировать?

— А... нет.

Может, новые указания генштаба для дендарийского флота? Майлз мысленно ругнулся. Если им придется улететь прежде, чем дендарийская разведка найдет Галена и Марка...

На экране появилось мрачное лицо Дестанга.

— «Адмирал Нейсмит». — Майлз услышал кавычки вокруг своего имени. — Мы одни?

— Совершенно одни, сэр.

Дестанг слегка успокоился.

— Очень хорошо. Лейтенант Форкосиган, у меня есть для вас приказ: вы должны оставаться на борту до тех пор, пока я не свяжусь с вами лично.

— Почему, сэр? — спросил Майлз, хотя слишком хорошо понимал, что это значит.

— Чтоб у меня еще и из-за вас голова не болела. Когда достаточно простой предосторожности, чтобы предотвратить катастрофу, глупо ее не принять. Я достаточно ясно изъясняюсь?

— Более чем достаточно, сэр.

— Очень хорошо. Это все. Дестанг связь закончил.

И лицо коммодора растворилось в воздухе.

Майлз ругнулся громко — и с чувством. «Предосторожность» Дестанга может означать только одно: его ре-

бята уже нашли Марка и готовятся к решающему удару. Как скоро они его нанесут? А может, еще есть шанс?..

Майлз натянул серые брюки и выхватил из кармана комм для связи с Айвеном.

— Айвен, — тихо сказал он. — Ты здесь?

— Майлз? — Это был голос не Айвена, это был голос Галени.

— Капитан Галени? Я тут случайно обнаружил свой второй комм... Э-э... вы один?

— В настоящий момент — да. — Галени говорил сухо, одним лишь тоном выражая свое отношение как к истории о случайно найденном комме, так и к тому, кто ее изобрел. — А что?

— Как к вам попал этот комм?

— Ваш кузен вручил его мне перед тем, как отбыть с особым поручением.

— Какое поручение? Куда отбыл?

Неужели Дестанг подключил к розыску Айвена? Если так, Майлз с радостью придушит идиота: кузен лишил его возможности быть в курсе событий... Вот упрямый осел! Если только...

— Он сопровождает супругу посла на Всемирную ботаническую выставку, где экспонируются орнаментальные цветочные аранжировки. Выставка проходит в Лондонском Сельскохозяйственном Павильоне. Супруга посла посещает ее каждый год для контактов с общественностью. Хотя, надо признать, цветы ее тоже интересуют.

Майлз аж задохнулся от возмущения:

— В самый разгар скандала со службой безопасности вы отправляете Форпатрила на выставку цветов?!

— Не я, — ответил Галени. — Коммодор Дестанг. Мне кажется, он решил избавиться от Айвена. Должен сказать, он не в восторге от вашего кузена.

— А как насчет вас?

— От меня он тоже не в восторге.

— Да я не о том — вы что сейчас делаете? Вы связаны напрямую с... этой операцией?

— Навряд ли.

— Приятно слышать. Я немного боялся, что кому-нибудь ударит в голову проверить вашу лояльность...

— Коммодор Дестанг не садист и не дурак. — Галени немного помолчал. — Он просто осмотрителен. Мне приказано оставаться в своей комнате.

— Значит, вы не имеете непосредственного отношения к этой операции. И не в курсе того, где они и когда планируют... предпринять шаги.

Галени ответил с нарочитой безучастностью, — ни предлагая, ни отвергая помощи:

— Непосредственного — не имею.

— Хм. Он только что приказал мне оставаться на борту корабля. Наметился прорыв и дело идет к развязке.

Последовало недолгое молчание. Галени со вздохом сказал:

— Печально слышать, что... — Его голос сорвался. — Все так бессмысленно! Мертвая рука прошлого дергает за веревочки, мы, несчастные марионетки, пляшем, а пользы от этого никому: ни нам, ни ему, ни Комарре...

— Если бы я мог связаться с вашим отцом! — начал Майлз.

— Это бессмысленно. Он будет бороться до последнего.

— Но у него уже ничего не осталось. Он упустил свой последний шанс. Он уже старик, ему все надоело... Может, он готов измениться, успокоиться наконец, — возразил Майлз.

— Хотелось бы... Нет. Он не может успокоиться. Доказать свою правоту для него важнее жизни. Сознание своей правоты оправдывает все его преступления. Совершить все то, что он совершил, и узнать, что был неправ, — это невыносимо!

— Я... понимаю. Ладно, я свяжусь с вами, если я... у меня будет что сообщить. Ведь вам все равно... э-э... не имеет смысла возвращать комм до тех пор, пока у вас не будет второго?

— Как хотите. — В голосе Галени не ощущалось надежды.

Майлз отключил комм.

Он вызвал Торна, но тот доложил, что прогресса пока не заметно.

— Что ж, — протянул Майлз. — В таком случае вот вам еще подсказка. Не слишком приятная. Барраярский отряд, очевидно, нашел интересующую нас цель — где-то с час назад.

— Ага! Значит, мы сможем последовать за ними, и они сами приведут нас к Галену.

— Боюсь, что нет. Мы должны опередить их, а не следовать за ними. Это смертельная игра.

— Вооружены и очень опасны, а? Я передам приказ. — Торн задумчиво присвистнул. — Да, ваш близнец пользуется широкой известностью.

Майлз умылся, оделся, перекусил и начал собираться: нож в сапоге, сканеры, парализаторы (в кобуре и тайные), комм, широкий ассортимент приборов и игрушек, и миниатюрных приспособлений, которые дозволено проносить через таможенные устройства лондонского космопорта. Увы, все это совсем не тянуло на боевое снаряжение, хотя при ходьбе мундир чуть ли не звенел. Майлз вызвал дежурного офицера, распорядился, чтобы катер был заправлен, а пилот — готов к вылету. Он нетерпеливо ждал.

К чему клонит Гален? Если он не просто убегает — а, как известно, барраярский отряд уже практически вышел на него, и он не может об этом не догадываться, однако с упорством, достойным лучшего применения, продолжает болтаться поблизости по какой-то причине — возникает вопрос: почему? Простая мстительность? Что-нибудь более изощренное? Был ли предыдущий анализ Майлза слишком грубым, слишком тонким — что он упустил? Как поступит человек, который во что бы то ни стало вынужден быть правым?

Комм в каюте зазвонил. Майлз вознес короткую беззвучную молитву — пусть это будет хоть какой-нибудь просвет, хоть какая-нибудь зацепка, хоть какая-нибудь опора...

На экране возникло лицо офицера связи:

— Сэр, получен вызов с коммерческого комма на планете. Человек, который отказался представиться, сказал, что вы желаете с ним побеседовать.

Майлза словно током ударило.

— Проследите, откуда вызов, запишите и передайте копию капитану Торну. Соедините нас.

— Это должен быть визуальный выход или только звук?

— И то, и другое.

Лицо офицера связи расплылось и на его месте возникло другое — создавая тревожную иллюзию перевоплощения.

— Форкосиган? — произнес Гален.

— Ну и? — ответил Майлз.

— Я не стану повторяться. — Гален говорил быстро и приглушенно. — Мне наплевать, что вы записываете наш разговор и сможете выследить меня. Вы встретитесь со мной ровно через семьдесят минут. Вы подойдете к приливному барьеру Темзы, остановитесь между Шестой и Седьмой башнями, строго посередине. Затем выйдете на морскую сторону и спуститесь вниз. Один. Тогда поговорим. Если какое-то условие не будет соблюдено, нас не окажется в условленном месте. И Айвен Форпатрил погибнет ровно в 2:07.

— Вас двое. И я должен быть не один, — начал Майлз. «Айвен!»

— А-а-а, ваша очаровательная телохранительница? Прекрасно. Приходите вдвоем.

Экран погас.

— Нет...

Молчание.

Майлз вызвал Торна.

— Вы слышали, Торн?

— Еще бы. Звучит угрожающе. Кто такой Айвен?

— Очень важная персона. Откуда был вызов?

— С пересадочного узла подземки, с общественного комма. Мой человек будет там ровно через шесть минут. К сожалению...

— Знаю. Через шесть минут нам придется искать его среди нескольких миллионов человек. Итак, будем играть по его правилам. До определенного момента. Пусть патруль держится неподалеку, над приливным барьером,

приготовьте полетный план для моего катера и попросите, чтобы нас ждала авиетка с дендарийским пилотом и охранником. Передайте Боун, что чек мне нужен немедленно, а Куин — чтобы встретила меня в коридоре у люка и захватила с собой пару медсканеров. И будьте наготове сами. Я хочу кое-что проверить.

Глубоко вздохнув, Майлз включил свой комм.

— Галени?

Пауза.

— Да?

— Вы все еще под домашним арестом?

— Да.

— Мне срочно нужна информация. Где Айвен?

— Насколько мне известно, он все еще...

— Проверьте. Проверьте быстро.

Наступила долгая-долгая пауза, которую Майлз потратил на то, чтобы еще раз проверить свою экипировку, отыскать лейтенанта Боун и проследовать по коридору к катеру. Там его ждала заинтригованная Элли.

— Ну и что на этот раз?

— У нас появилась зацепка. Так сказать. Гален просит о встрече, но...

— Майлз? — наконец послышался голос Галени.

— Да!

— Рядовой, которого мы откомандировали в качестве водителя и охранника, вышел на связь примерно десять минут назад. Он подменял Айвена рядом с миледи, когда тот отправился в туалет. Через двадцать минут Айвен все еще не вернулся, и водитель пустился на поиски. Он искал Айвена еще полчаса — Сельскохозяйственный павильон громадный, и сегодня там полно народу — и только потом доложил нам. Как вы узнали?

— Кажется, у меня в руках другой конец нити. Узнаете почерк?

Галени ругнулся.

— Вот именно. Значит, так. Меня не интересует, как вы это осуществите, только через пятьдесят минут вы должны ждать меня у приливного барьера Темзы, шестая секция.

Возьмите с собой хотя бы парализатор и постарайтесь, чтобы Дестанг не заметил вашего исчезновения. У нас назначена встреча с вашим отцом и моим братом.

— Если Айвен у него...

— Ему нужен был козырь. Иначе он не вступил бы игру. У нас с вами последний и единственный шанс все исправить. Не слишком хороший, но последний. Вы со мной?

Недолгая пауза.

— Да.

Ответ прозвучал решительно.

— Увидимся на месте.

Сунув комм в карман, Майлз повернулся к Элли:

— А теперь — вперед.

Они вошли в катер. В кои-то веки Майлз не возражал, чтобы Птармиган несся вниз на боевой скорости.

ГЛАВА 14

Приливный барьер Темзы, прозванный местными острословами Мемориалом королю Кануту, знаменитому своей попыткой остановить королевским словом прилив, с высоты сотни метров казался куда более внушительным, чем из катера. Авиетка накренилась на повороте. Бесконечная синтебетонная стена протянулась в обе стороны, насколько хватало глаз. Туманной ночью, в свете прожекторов, барьер казался сделанным из белого мрамора.

В сторожевых башнях, возвышавшихся через каждую тысячу метров, дежурили не часовые (они ходили по стене), а инженеры и техники, следившие за шлюзами и насосными станциями. Если море когда-нибудь прорвется через барьер, оно разрушит город до основания — безжалостнее, чем волны захватчиков.

Но морская гладь была спокойна этой летней ночью, испещренная разноцветными огоньками — красными, зелеными, белыми — и блуждающими огнями далеких

кораблей. А на востоке, у самой линии горизонта, мерцала ложная заря — сияние ночных городов Европы за проливом. А в древнем Лондоне, по ту сторону барьера, вся грязь, копоть, все руины исчезли, словно и не существовали вовсе. Все поглотила тьма. Остался только сверкающий мираж — волшебный, безупречный, бессмертный.

Майлз прижался лбом к прозрачному фонарю авиетки, последний раз оценивая стратегические возможности арены, на которую они вот-вот ступят. Авиетка опустилась на полупустую стоянку за барьером. Шестая секция стояла вдалеке от других, выходивших на пролив, где круглосуточно работали гигантские навигационные шлюзы; здесь же была только дамба и вспомогательные насосные станции, безлюдные в этот поздний час, что вполне устраивало Майлза. Если начнется перестрелка, чем меньше тут окажется народу, тем лучше. Пандусы и лестницы вели к входным люкам — черным точкам на белом фоне. Паутина пешеходных дорожек: широкие — для общего пользования, узенькие — для обслуживающего персонала. В этот час местность казалась пустынной — никаких признаков присутствия Галени и Марка. Никаких признаков присутствия Айвена.

— 02:07, что это значит? — вслух размышлял Майлз. — У меня такое ощущение, что разгадка очень проста. Почему задано такое время?

Элли, рожденная в космосе, покачала головой, но дендарийский пилот сказал: «Это время прилива, сэр».

— Ой, — сказал Майлз и в ужасе шмякнулся на сиденье. «Как интересно. Можно предположить два варианта. Они спрятали Айвена где-то здесь — и нам было бы лучше сосредоточить поиски ниже линии прилива. Ну не могли же они приковать бедолагу к скале?»

— Воздушный патруль сможет все проверить, — сказала Куин.

— Да, так пусть и сделают.

Куин с охранником выскочили из авиетки и быстро сканировали местность.

— Кто-то идет, — отрапортовал охранник.

— Будем молить Бога, чтобы это оказался капитан Галени, — пробормотал Майлз, взглянув на часы. До срока оставалось ровно семь минут.

Из темноты вынырнул мужчина, совершающий вечерний променад с любимой собакой. Он оглядел четырех дендарийцев в боевой форме, опасливо обогнул их и исчез в кустах. Все сняли руки с парализаторов. Цивилизованный город, решил Майлз. В такой час в Форбарр-Султане не погуляешь, если при тебе нет пса раза в три крупнее этого.

Солдат проверил инфракрасный датчик.

— Еще один.

На этот раз послышалось не приглушенное шлепанье кроссовок, а решительный топот сапог. Галени вышел в круг света, и его мундир из темно-серого превратился в зеленый.

— Прекрасно, — сказал Майлз. — Элли, тут мы расстаемся. Во что бы то ни стало держитесь подальше, но постарайтесь не упускать нас из-под наблюдения. Наручный комм включен?

Элли настроила наручный комм. Майлз вытащил из сапога нож, чтобы срезать крошечный световой индикатор передачи со своего наручного комма, потом подул в него: шипение чуть слышно донеслось с руки Элли.

— Передатчик в порядке, — подтвердила она.

— Взяли медсканер?

Она продемонстрировала устройство.

— Введите исходные данные для сравнения.

Элли навела сканер на Майлза, провела вверх и вниз.

— Готово.

— Мы ничего не забыли?

Элли покачала головой, вид у нее по-прежнему был невеселый.

— Что мне делать, если клон вернется... без вас?

— Хватайте и допрашивайте с суперпентоталом... Допросная аптечка при себе?

Она расстегнула мундир: из внутреннего кармана выглядывала коричневая коробочка.

— Если получится, освободите Айвена. А потом, — Майлз сделал глубокий вдох, — можете снести клону голову — или как сочтете нужным.

— А как насчет «буду стоять за моего брата, прав он или не прав»? — спросила Элли.

Галени наклонил голову, ожидая ответа, но Майлз молчал. Ответа не было. Простого ответа не было.

— Осталось три минуты. — Майлз поглядел на часы. — Нам пора.

Они с Галени направились по дорожке, которая вела к лестнице, и перешагнули через ограждение. Для всех законопослушных граждан дальше начиналась запретная зона. Лестница поднималась по задней стене Приливного барьера к прогулочной дорожке, откуда посетители днем любовались стихией. Галени, спешивший изо всех сил, тяжело дышал.

— Трудно было уйти из посольства? — спросил Майлз.

— Не особенно, — ответил Галени. — Как вам известно, главная трудность — попасть обратно. По-моему, вы продемонстрировали, что чем проще, тем лучше. Я в открытую прошел через боковую дверь и направился к ближайшей станции подземки. К счастью, у часовых не было приказа стрелять.

— Вы знали об этом заранее?

— Нет.

— Значит, Дестангу уже доложили, что вы ушли.

— Видимо, так.

— Как вы думаете, за вами был хвост?

Майлз невольно оглянулся через плечо. Внизу виднелись посадочная площадка и авиетка. Элли с дендарийцами исчезли из виду — ищут место для наблюдения.

— По выходе из посольства — нет. Служба безопасности посольства, — зубы Галени сверкнули в темноте, — в настоящий момент недоукомплектована. Я оставил свой наручный комм и купил посадочные жетоны, вместо того чтобы воспользоваться проездным. Так что быстро им меня не выследить.

Но вот они и наверху. Влажный ветер ударил в лицо, принеся запах речного ила и морской соли — резкий,

гнилой запах устья реки. Майлз пересек широкую дорожку и перегнулся через перила — взглянуть на внешнюю стену барьера. Узкий отгороженный карниз шел метрах в двадцати ниже и исчезал за изгибом. Не будучи частью общедоступной территории, он соединялся с прогулочной дорожкой подвесными лестницами, расположенными на равных расстояниях. Разумеется, на ночь лестницы убирали.

Майлз чуть слышно вздохнул. Альпинизм как вид спорта, никогда не привлекал его. Вытащив из кармана спусковую рулетку, он прикрепил гравизахват к перилам и придирчиво проверил контакт. При прикосновении из рулетки выскочили ручки, высвободившие широкие ленты страховки, которая всегда казалась ужасающе ненадежной, несмотря на феноменальную прочность. Майлз обвязался страховкой, перескочил через перила и стремительно пошел по отвесной стене, стараясь не смотреть вниз. Он изрядно переволновался, пока не достиг карниза.

Майлз опустил рулетку, и та, закручиваясь, вернулась к Галени, который повторил трюк Майлза. Вручая Майлзу спусковое устройство, Галени ничего не сказал о своем отношении к высоте. Вот и хорошо. Нажав на кнопку отключения гравизахвата, Майлз свернул рулетку, засунул ее в карман.

— Идем направо, — кивнул Майлз, вытаскивая парализатор. — А вы что захватили?

— Мне удалось добыть только один парализатор. — Галени вытащил его из кармана и проверил заряд и мощность. — А вы?

— Два. И еще кой-какие игрушки. В здешнем космопорте — строгие ограничения.

— Если принять во внимание перенаселенность города, в этом есть свой резон, — заметил Галени.

Держа в руках парализаторы, они шли друг за другом по карнизу вперед. Майлз, за ним Галени. Внизу бурлила вода — зеленовато-бурая, прозрачная, в белых клочьях пены. Судя по следам на стене, во время прилива карниз оказывался под водой.

Майлз сделал Галени знак остановиться и скользнул вперед. Карниз заканчивался за изгибом стены четырехметровой площадкой. Дойдя до ограждения, они оказались перед овальным люком, рассчитанным на давление воды.

Перед люком стояли Гален и Марк с парализаторами в руках. На Марке была черная футболка и дендарийские серые брюки. «Он украл мою одежду или это дубликат?» — подумал Майлз. Но ему стало совсем не до шуток, когда он заметил у клона на поясе дедовский кинжал в ножнах из кожи ящерицы.

— Тупик, — невозмутимо заметил Гален и перевел взгляд со своего парализатора на парализатор Майлза. — Если мы с вами выстрелим одновременно, кто нибудь из нас, я или мой Майлз, останется на ногах. И партия моя. А если каким-то чудом вы уложите нас обоих, то не узнаете, где ваш недотепа кузен. Прежде чем вам удастся его найти, он автоматически отправится на тот свет. И это произойдет без моего участия. Так что ваша хорошенькая телохранительница может к нам присоединиться.

Галени спокойно вышел из-за выступа.

— Некоторые тупики бывают весьма интересными, — негромко заметил он.

С лица Галена на миг сошла маска циника, он тяжело вздохнул и сдавил рукоять парализатора.

— Вы должны были привести свою даму, — выдохнул он.

Майлз усмехнулся:

— Она тут, поблизости. Но вы сказали «двое» — вот мы и пришли. Итак, все заинтересованные стороны встретились. Что будем делать?

Гален попытался оценить ситуацию; бросил быстрый взгляд на оружие, прикинул расстояние до противника. Майлз и сам лихорадочно прокручивал в уме все варианты.

— Все равно тупик, — подытожил Гален. — Если вы оба парализованы — вы проиграли. Если парализованы мы — вы опять-таки проиграли. Полный абсурд.

— Ну и что вы можете предложить? — любезно поинтересовался Майлз.

— Предлагаю всем сложить оружие посреди площадки. Тогда мы сможем говорить, не отвлекаясь.

«У него припрятан еще один парализатор, — догадался Майлз. — У меня, впрочем, тоже».

— Интересная мысль. И кто кладет оружие последним?

На лице Галена отразились сомнение и тревога. Он открыл рот, снова закрыл, покачал головой.

— Я бы тоже хотел говорить, не отвлекаясь, — вкрадчиво начал Майлз. — Предлагаю следующее: я кладу оружие первым. Потом М... клон. Потом вы. А капитан Галени — последним.

— Какую гарантию... — Гален пристально посмотрел на сына. Напряжение между ними ощущалось почти физически: смесь ярости, отчаяния, боли.

— Он даст слово, — сказал Майлз и взглядом попросил подтверждения у Галени. Тот молча кивнул.

Нависло молчание, потом Гален решился:

— Согласен.

Майлз шагнул вперед, опустился на колени, положил свой парализатор в центр площадки и отступил. Марк повторил действия Майлза, не отводя от него взгляда. Гален колебался долгую мучительную секунду, продолжая взвешивать шансы, затем положил оружие рядом с остальным. Галени без колебаний проделал то же самое со странной улыбкой. Его взгляд не выражал ничего, кроме затаенной боли.

— Итак, ваши предложения, — обратился Гален к Майлзу. — Если таковые имеются.

— Жизнь, — сказал Майлз. — Я спрятал в месте, известном мне одному (если вы меня парализуете, ни за что его не найдете), чек на сто тысяч бетанских долларов, или на полмиллиона марок, выписанный на предъявителя. Я даю вам чек, плюс фору по времени и некоторые сведения, как уйти от барраярской службы безопасности, которая, кстати, уже на подходе...

Клона предложение Майлза явно заинтересовало. Когда была названа сумма, глаза его расширились — и стали совсем уж огромными при упоминании о барраярской службе безопасности.

— ...в обмен на моего кузена, — тут Майлз сделал паузу, — моего брата и ваше обещание удалиться от дел. Вам самому еще не надоело строить козни? Они приведут только к бесполезным жертвам и причинят боль вашим немногочисленным родственникам. Война закончилась, Сер Гален. Пора сменить профессию. Хуже все равно не будет. Куда уж?

— Революция, — выдохнул Гален, — не должна погибнуть.

— Даже когда умрут все ее участники? «Ничего не получилось, попробуем продолжить?» У военных это называют тупостью. Не знаю, как это именуется на гражданке.

— Моя старшая сестра сдалась, положившись на слово барраярцев, — холодно заметил Гален. — Адмирал Форкосиган тоже не скупился на сладкие увещевания, обещая мир.

— Слово моего отца нарушил его подчиненный, — Майлз старался, чтобы губы у него не дрожали, — который не мог понять, что война закончена. Он заплатил за эту ошибку жизнью. Мой отец отомстил за вас. Большего он сделать не мог: он не мог воскресить убитых. И я не могу. Но я могу хотя бы попытаться предотвратить новые жертвы.

Гален горько усмехнулся:

— А ты, Дэвид? Чем ты попробуешь купить меня, чтобы я предал Комарру? Что ты добавишь к деньгам своего барраярского хозяина?

Галени рассматривал свои ногти: на лице его блуждала странная улыбка. Он скрестил руки на груди, немного помолчал, а затем и сказал:

— Внуков!

Гален на мгновение опешил:

— Ты же не женат!

— Когда-нибудь женюсь. Если, конечно, буду жив.

— И твои дети будут верноподданными Барраяра! — издевательски закончил Гален.

Галени пожал плечами:

— Кажется, мое предложение хорошо сочетается со словом «жизнь», которое произнес лейтенант Форкосиган. Большего я предложить не могу.

— По-моему, вы схожи еще больше, чем я думал, — пробормотал Майлз. — А что предлагаете вы, Сер Гален? Для чего вы нас сюда вызвали?

Правая рука Галена потянулась к куртке, потом остановилась. Он улыбнулся и наклонил голову, словно испрашивая разрешения. «А вот и второй парализатор, — подумал Майлз. — Кокетничает, до последней секунды делает вид, что у него нет оружия».

Майлз не дрогнул, но мгновенно просчитал, насколько быстро он сможет перескочить через перила и сколько проплывет под водой, не всплывая для вдоха. В сапогах. Галени, как всегда сохраняя спокойствие, не шелохнулся. Даже когда оружие, которое достал Сер Гален, оказалось смертоносным нейробластером.

— Из некоторых тупиков, — самодовольно произнес Гален, — выход все-таки существует. — Его улыбка, злая и торжествующая, казалась пародией на улыбку. — Подними парализаторы, — приказал он клону. Тот быстро нагнулся, собрал парализаторы и сунул себе за пояс.

— И что вы собираетесь делать? — небрежно спросил Майлз, стараясь не смотреть в дуло нейробластера. «Очень весело».

— Убить вас, — объяснил Гален. Мгновение он в упор смотрел на сына. Потом отвел взгляд. И взглянул снова, как зачарованный. Затем уставился на Майлза, словно для того, чтобы укрепить решимость.

«Тогда почему вы болтаете, вместо того чтобы стрелять?»

Но Майлз не высказал эту мысль вслух, чтобы не утвердить Галена в ее разумности. Надо разговорить его. Он хочет сказать что-то еще. Им движет потребность высказаться...

— Зачем? Какая от этого польза Комарре? Может, только вам это принесет облегчение. Простая месть?

— Нет, не простая. Окончательная месть. Мой Майлз выйдет отсюда единственным.

— А, бросьте! — Майлзу даже не пришлось призывать на помощь актерские способности: возмущение пришло само собой. — Вы же не цепляетесь больше за свой идиотский план подмены? Барраярская служба безопасности предупреждена и сразу вычислит вас. Ничего не выйдет. — Он взглянул на клона. — Ты позволишь ему сунуть тебя в мусоросжигатель? Это глупо. И совсем не обязательно.

У клона был явно встревожнный вид, но он вскинул голову и сумел выдавить гордую улыбку:

— А я и не буду лордом Форкосиганом. Я буду адмиралом Нейсмитом. Я уже был им. И знаю, что сумею превратиться в Нейсмита в любую минуту. Ваши дендарийцы увезут нас отсюда — и станут нашей новой армией.

— А! — Майлз насмешливо прищурился. — Неужели ты думаешь, что я пришел бы сюда, если б у тебя был хоть малейший шанс обмануть моих солдат? Дендарийцы предупреждены. Каждый старший патруля — а ты не сомневайся: здесь повсюду мои патрули — имеет при себе медсканер. Стоит тебе отдать приказ, как тебя сразу же сканируют. А увидев кости на месте моих синтепротезов, прикончат. Без разговоров.

— Но у меня тоже синтепротезы, — возразил клон.

Майлз застыл:

— Что? Ты говорил, что у тебя не ломкие кости...

Гален повернулся к клону:

— Когда ты ему это говорил?

— Не ломкие, — ответил клон Майлзу. — Но я подвергся той же операции. Иначе элементарное медсканирование выдало бы меня с головой.

— Но ведь на твоих костях нет следов переломов?

— Это верно. Но чтобы разобраться в таких тонкостях, требуется более тщательное сканирование. А когда я уберу эту троицу, мне будет вообще некого бояться. Я проштудирую твои корабельные журналы...

— Какую троицу? О ком ты?

— Трех дендарийцев, которые знают, что ты — Форкосиган.

— Твою хорошенькую телохранительницу и ту пару, — мстительно пояснил Гален. — Жаль, что ты ее не привел. Придется нам ее разыскать.

Не мелькнуло ли на лице Марка отвращение? Гален тоже заметил это и нахмурился.

— Неужели ты не понимаешь? — возразил Майлз. — Дендарийцев пять тысяч. Я знаю их всех в лицо и по имени. Мы вместе сражались. Я знаю о них такое, чего не знает никто. И этого ты не найдешь ни в каких журналах. И они видели меня в ситуациях, о которых ты даже не догадываешься. Ты не сумеешь пошутить с ними, не полюбишь их... Но пусть даже — на какое-то время — ты сможешь сыграть роль адмирала Нейсмита, куда денется Марк? Сдается мне, Марка не прельщает судьба космического наемника. Может, он мечтает стать дизайнером. Или врачом...

— Ой, — выдохнул клон, бросив взгляд вниз на свое искореженное тело, — только не врачом...

— Или режиссером, или пилотом, или инженером. Или кем угодно, только подальше от него. — Майлз кивнул в сторону Галена. На мгновение в глазах клона загорелась надежда, которую он быстро спрятал. — Как ты сможешь узнать это, играя в Нейсмита?

— А ведь верно. — Гален прищурился. — Ты должен выдать себя за опытного воина. А ты никогда не убивал.

Клон искоса глянул на своего наставника.

Голос Галена зазвучал мягче:

— Ты должен научиться убивать, если хочешь выжить.

— Нет, не должен, — вмешался Майлз. — Большинство людей никогда никого не убивали. Ложная посылка.

Дуло нейробластера обратилось на Майлза.

— Поговори мне еще. — Гален в последний раз взглянул на сына, презрительно вскинувшего голову, и быстро отвел взгляд, словно обжегшись. — Нам пора.

Он повернулся к клону.

— Держи. — Гален вручил ему нейробластер. — Пора завершить твое образование. Пристрели их и пойдем.

— А как насчет Айвена? — тихо спросил капитан Галени.

— Мне так же наплевать на племянника Форкосигана, как и на его сына, — отрезал Гален. — Пусть идут в преисподнюю рука об руку. — Повернувшись к клону, он скомандовал: — Начинай!

Марк сглотнул и неловко поднял оружие.

— А... а чек?

— Никакого чека нет. Разве ты не понимаешь, что все это обман?

Майлз поднял наручный комм и четко проговорил в него:

— Элли, вы все слышали?

— Записала и передала капитану Торну, — жизнерадостно ответила Элли. — Хотите, чтобы мы присоединились к вам немедленно?

— Пока нет. — Опустив руку, Майлз повернулся к Галену. — Как я и обещал, заговорам — конец. Обсудим варианты?

Марк опустил нейробластер; на лице его отразилось отчаяние.

— Варианты? Какие к черту варианты? — прошипел Гален. — Месть!

— Но... — растеряно пробормотал клон.

— С этого момента ты — свободный человек. — Майлз говорил тихо и быстро. — Он тебя купил, но ты не принадлежишь ему. А если ты убьешь по его приказу, ты станешь его рабом навсегда.

«Не факт», — подумал Галени, но вмешиваться не стал.

— А я тебе говорю, врагов надо убивать, — рявкнул Гален.

Рука с нейробластером пошла вниз.

— А ну стреляй! — заорал Гален и попытался вырвать у клона оружие.

Галени заслонил собой Майлза, и тот поспешно потянулся за вторым парализатором. Раздался треск нейробластера. Майлз нашел парализатор. Поздно! Слишком поздно... Капитан Галени ахнул. Майлз выскочил из-за его спины, поднимая парализатор...

И увидел падающего Галена.

— Врагов надо убивать, — выдохнул Марк, побледнев как полотно. — Так. А! — вскрикнул он, поднимая нейробластер, когда Майлз шагнул вперед. — Не двигайся!

У ног Майлза послышался плеск, и он увидел, как волна лизнула его сапоги. Прилив!

— Где Айвен? — спросил Майлз, сжимая парализатор.

— Если выстрелишь — не узнаешь, — сказал Марк. Его взгляд торопливо перебегал с Майлза на Галени, с тела Галена — на нейробластер. Он прерывисто дышал, крепко сжав рукоять бластера. А Галени стоял очень прямо, склонив голову и глядя на то, что лежало у его ног, — или внутрь себя. Казалось, он ничего не замечает.

— Отлично, — нетерпеливо сказал Майлз. — Помоги нам, а мы поможем тебе. Отведи нас к Айвену.

Марк попятился к стене, не опуская нейробластер:

— Не верю я тебе.

— И куда же ты намерен бежать? К комаррцам дороги больше нет. За спиной у тебя барраярский отряд спецназа. Ты не можешь обратиться и к местным властям: тебе придется объясняться по поводу трупа. Марк, я твой единственный шанс.

Марк посмотрел на тело, на нейробластер, на Майлза.

...Жужжание раскручивающейся спусковой рулетки было еле слышно. Майлз взглянул наверх. Элли стремительно пикировала, как коршун на добычу, в одной руке сжимая оружие, а другой направляя рулетку.

Марк распахнул ногой люк и попятился:

— Сам ищи своего Айвена. Он близко. И по поводу трупа мне не придется объясняться — это тебе придется. На нейробластере — твои отпечатки!

И он швырнул нейробластер, захлопывая за собой люк.

Майлз прыгнул к люку, но тот был уже загерметизирован. Донесся глухой скрежет запорного механизма. Майлз зашипел.

— Мне его взорвать? — выдохнула Куин, приземляясь.

— Вы... Господи, нет! — Полоса на стене, обозначавшая высший уровень прилива, находилась по крайней мере на два метра выше верхнего края люка. — Мы зато-

пим весь Лондон. Попытайся открыть его, не повредив. Капитан Галени! — Галени не шевелился. — Что с вами? Вам плохо?

— А? Нет... нет, не думаю. — Галени с трудом опомнился, спокойно добавив: — Может, потом.

Куин подбежала к люку, вытащила из кармана свои приспособления и быстро считала показания:

— Электроника с ручным управлением... Если применить магнитный...

Майлз снял с Элли альпинистскую страховку.

— Поднимайтесь наверх, — приказал он Галени, — и попробуйте найти вход с той стороны стены. Надо поймать этого олуха!

Галени кивнул, закрепляя страховку.

Майлз протянул ему парализатор и достал из сапога нож.

— Вам понадобится оружие?

(Марк сбежал со всеми парализаторами.)

— Парализатор бесполезен, — заметил Галени. — А нож лучше оставьте себе. Я возьму его голыми руками.

«С наслаждением», — мысленно закончил Майлз и кивнул. Оба они прошли барраярскую школу рукопашного боя. Майлз не мог применять три четверти приемов из-за хрупкости костей, но к Галени это не относилось. Капитан начал бесшумно подниматься к ночному небу, с ловкостью паука скользя по невидимой нити.

— Есть! — крикнула Куин. Крышка люка распахнулась, за ней была темнота.

Майлз выхватил из-за пояса фонарик и прыгнул в люк, оглянувшись на секунду. Гален, омываемый пеной, наконец был свободен от всех страстей. Нельзя перепутать смертный покой с покоем сна: смертный покой — абсолютный. Луч нейробластера попал в цель.

Элли закрыла за ними крышку люка и остановилась, чтобы рассовать инструменты по карманам.

Уже через пять метров они столкнулись с проблемой. Главный коридор, ярко освещенный, раздваивался.

— Ты пойдешь налево, я — направо, — приказал Майлз.

— Тебе не следует идти одному, — запротестовала Элли.

— Может, мне раздвоиться? Иди же!

Куин с досадой махнула рукой и побежала.

Майлз бросился в противоположную сторону. Его шаги отдавались гулким эхом. На мгновение остановившись, Майлз прислушался: ничего, только замирающие вдалеке шаги Элли. Он побежал дальше, по пустому коридору, мимо насосных станций. Он уже начал бояться, что прозевал выход — может, люк на потолке? — когда увидел на полу нечто. Парализатор, в спешке потерянный Марком. Майлз кинулся к нему, обнажив зубы в беззвучном торжествующем вопле, и на бегу спрятал в кобуру.

Он включил комм:

— Куин!

За очередным поворотом оказался пустой холл с лифтовой шахтой. Видимо, он добрался до сторожевой башни. Осторожно, как бы не наткнуться на обслуживающий персонал.

— Куин?

Он шагнул в лифтовую шахту и начал подниматься. О Боже, на каком уровне вышел Марк? Третий этаж, мимо которого он пролетел, открывался в комнату с прозрачными стенами. Тут были двери, за стеклом — ночь. Явно выход. Майлз выскочил из лифтовой шахты.

Незнакомец в гражданском резко повернулся на звук его шагов и упал на колено. В поднятых руках сверкнуло серебром дуло нейробластера.

— Вот он! — крикнул незнакомец и выстрелил.

Майлз так стремительно отступил в шахту, что отскочил рикошетом от дальней стенки. Ухватившись за страховочную лестницу, он начал карабкаться вверх, обгоняя антигравитационное поле. И тут Майлз понял, что сапоги, выглядывавшие из-под брюк незнакомца, были военного образца. И причем — барраярского.

— Куин! — снова завопил он в свой комм.

На следующем этаже шахта открылась в коридор. Первые три двери, которые попробовал Майлз, были заперты. Четвертая с шелестом раздвинулась. За ней оказался

ярко освещенный кабинет, видимо, пустой. Пробегая по нему, Майлз заметил легкое шевеление под комм-пультом. Пригнувшись, он оказался лицом к лицу с двумя женщинами в синих комбинезонах техников. Одна взвизгнула и закрыла лицо ладонями, вторая обняла ее, вызывающе глядя на Майлза.

Майлз попытался дружелюбно улыбнуться.

— А... Привет.

— Кто вы? — сурово спросила старшая.

— О, я не с ними. Они... э-э... наемные убийцы. — В конце концов это соответствует истине. — Не беспокойтесь, они не за вами охотятся. Вы уже вызвали полицию?

Она молча помотала головой.

— Советую вам немедленно это сделать. А... Вы меня уже видели?

Женщина кивнула.

— В какую сторону я побежал?

Она отпрянула, придя в ужас от близкого соседства с умалишенным. Майлз виновато развел руками и бросился к двери.

— Вызовите полицию! — бросил он через плечо.

Раздался писк нажимаемых на комме кнопок.

И на этом уровне Марка не оказалось. Гравиполе в лифтовой шахте уже отключили — вход прикрыли автоматическим барьером безопасности, в коридоре тревожно мигала красная лампочка. Майлз осторожно сунул голову в шахту и заметил другую голову, глядящую вверх с нижнего уровня. Он успел отшатнуться раньше, чем раздался треск нейробластера.

По внешней стороне стены шел балкон. Майлз проскользнул в дверь и осмотрелся. Наверху остался всего один этаж. Кинув гравизахват, можно добраться до верхнего балкона. Майлз поморщился, вытащил рулетку и сделал бросок. Ему удалось зацепиться за перила с первой попытки. Он помедлил секунду, с ужасом глядя на барьер и чернеющую воду далеко внизу, собрался с духом, бросок — и вот он уже на балконе.

Пройдя на цыпочках к стеклянной двери, Майлз выглянул в освещенный красным светом коридор. Марк

затаился у входа в лифтовую шахту с парализатором на изготовку. Кто-то (Майлз надеялся, что не труп) в синем комбинезоне техника лежал на полу.

— Марк? — тихо позвал Майлз и отскочил назад. Марк обернулся и выстрелил. Майлз крикнул:

— Если поможешь мне, я выведу тебя отсюда. Где Айвен?

Сообразив, что у него еще остался козырь, Марк немного успокоился.

— Сначала выведи, потом скажу, — крикнул он.

Майлз усмехнулся:

— Ладно. Я иду.

Проскользнув в дверь, он присоединился к своему подобию, задержавшись на секунду, чтобы проверить пульс у лежащего на полу человека. К счастью, пульс прослушивался.

— И как ты меня отсюда выведешь? — поинтересовался Марк.

— Ну, это непросто, — признался Майлз. Он остановился, прислушиваясь. Кто-то тайком карабкался по лестнице в лифтовой шахте. Пока еще далеко от них. — Полиция уже едет и когда появится, надо полагать, барраярцы быстро смоются. Зачем им межпланетный инцидент? Вряд ли послу улыбается объясняться с местными властями. Сегодняшняя операция не удалась хотя бы потому, что спецназ застукали. Утром Дестанг устроит им головомойку.

— Полиция? — Марк сжал парализатор. На лице его мелькнул страх.

— Да. Мы можем играть в этой башне в прятки до прихода полиции. Или немедленно подняться на крышу, тогда нас заберет дендарийская авиетка. Что мне больше нравится. А тебе?

— Но тогда я стану твоим пленником, — прошептал Марк невнятным от страха и злости голосом. — Умру я сейчас или чуть позже — какая разница? Наконец-то я понял, зачем тебе клон.

Снова воспринимает себя как ходячий банк органов для пересадки, вздохнув, догадался Майлз. Он взглянул на часы.

— По графику Галена, у меня еще одиннадцать минут на поиски Айвена.

— Айвен не наверху. Он внизу. Там, откуда мы пришли.

— А? — Майлз рискнул заглянуть в лифтовую шахту. Карабкавшийся вышел на предыдущем уровне. Охотники знают свое дело. Когда они доберутся до последнего уровня, круг замкнется.

На Майлзе все еще была альпинистская страховка. Очень тихо, стараясь не привлекать внимания, он протянул руку и прикрепил захват к перилам, проверив его надежность.

— Так ты намерен спуститься вниз, а? Я могу это устроить. Но советую не обманывать меня насчет Айвена. Потому что если он умрет, я разрежу тебя на кусочки: сердце, печень, бифштекс, вырезка. Слово Форкосигана.

Майлз нагнулся, проверил все крепления, установил скорость раскручивания рулетки и высоту падения и приготовился к прыжку.

— Влезай.

— А мне страховки не будет?

Майлз оглянулся через плечо:

— А ты и так хорошо прыгаешь.

С выражением крайнего сомнения Марк засунул парализатор за пояс, подошел к Майлзу и неуверенно обхватил его руками и ногами.

— Советую держаться крепче. Торможение у дна шахты будет очень резким. И не вопи, когда будем падать. Это может привлечь внимание.

Марк конвульсивно уцепился покрепче, а Майлз проверил еще раз, нет ли в шахте ненужного общества, и шагнул вниз.

Скорость нарастала с ужасающей быстротой. Они падали в полной тишине четыре этажа, потом спусковая рулетка тихонько взвыла, замедляя скорость, страховка впилась в тело. Руки Марка начали разжиматься. Майлз

стремительно подхватил брата, и они затормозили всего в паре дюймов от дна шахты. От перегрузки заложило уши.

Майлз с Марком поспешно выскочили в коридор приливного барьера. Майлз нажал на кнопку и смотал рулетку: элемент захвата звякнул об пол, и Майлз испуганно вздрогнул.

— Туда. — Марк указал направо. Они помчались по коридору плечом к плечу. Низкий гул насосов заглушал все звуки. Насосные станции работали на полную мощность. Следующая по порядку станция, такая темная и молчаливая, когда Майлз проходил мимо час назад, была теперь ярко освещена.

Марк остановился:

— Здесь.

— Где?

Марк указал:

— В каждую насосную станцию ведет люк для обслуживания и ремонта. Мы оставили его там.

Майлз разразился проклятиями.

Насосная камера! Она была размером с чулан — темный, холодный, склизкий, вонючий, — пока поток воды, бьющий со страшной силой, не превратит ее в камеру смерти. Ворвется, заливая уши, ноздри, обезумевшие от ужаса глаза... Ворвется, заполняя все помещение, не оставив ни глотка воздуха. Ворвется, чтобы сломать хрупкое человеческое тело, швыряя его из стороны в сторону, пока лицо не расквасится до неузнаваемости и пока, с отливом, не отступят затхлые воды, оставив... непонятно что. Засор в трубах.

— Ты! — выдохнул Майлз, возмущенно глядя на Марка. — Участвовал в этом...

Марк нервно потер руки.

— Ты же здесь! Я же привел тебя, — заныл он. — Я же сказал, что приведу.

— Не слишком ли суровое наказание для человека, который не сделал тебе ничего дурного, только будил тебя храпом? А?..

Майлз отвернулся, передернувшись от отвращения, и начал колотить по кнопкам замка. Последнее усилие — по-

вернуть засов, открывающий крышку люка. Когда он толкнул тяжелую, скошенную дверь внутрь, запищал сигнал тревоги.

— Айвен?

— О! — слабо донеслось из темноты.

Майлз протиснулся внутрь, включил фонарик. Люк находился в верхней части камеры. Вглядевшись, Майлз заметил внизу бледное пятно — лицо Айвена.

— Ты! — с гадливостью произнес Айвен, скользя в жиже.

— Нет, это не он, — поправил его Майлз. — Это я.

— О? — Лицо Айвена было каким-то старым, морщинистым и измученным. Майлз уже видел такие лица — лица людей, отупевших от долгого боя.

Швырнув вниз свою вездесущую страховку, Майлз содрогнулся, вспомнив, что чуть было не оставил ее на «Триумфе».

— Ну? Ты можешь подняться!

Губы Айвена что-то прошамкали в ответ, но он достаточно ловко обвязался страховкой. Майлз нажал кнопку, и когда Айвен очутился рядом, помог ему пролезть через люк. Айвен, расставив ноги, упираясь руками в колени и тяжело дыша, попытался подняться. Его зеленый мундир промок насквозь. Руки распухли и кровоточили. Наверное, он стучал и царапался, звал и плакал в темноте — и никто его не слышал...

Майлз задвинул крышку люка и повернул ручной запор. Сигнал тревоги затих, насос мгновенно загудел, все поглотил чудовищный шум. Айвен, так и не сумев встать на ноги, уткнулся носом в колени.

Майлз присел рядом. Айвен поднял голову и вымученно улыбнулся.

— Наверное, — просипел он, — в качестве хобби я изберу клаустрофобию...

Майлз молча похлопал его по плечу и тут же вскочил — а где Марк? Марка нигде не было.

Майлз поднес к губам комм.

— Куин? Куин! — Он шагнул в коридор, посмотрел сначала в одну, потом в другую сторону. Вдали замирало

эхо шагов, удалявшихся от захваченной барраярцами башни.

— Гаденыш, — пробормотал Майлз. — Ну и ладно. — Он вызвал по комму воздушный патруль: — Сержант Ним? Говорит Нейсмит.

— Да, сэр.

— Я потерял связь с командором Куин. Попробуйте с ней связаться. Если не получится, приступайте к поискам. Последний раз я ее видел внутри приливного барьера между башнями шесть и семь, она шла в южном направлении.

— Слушаюсь, сэр.

Повернувшись к Айвену, Майлз крепко обхватил его и помог подняться.

— Можешь идти? — тревожно спросил он.

— Ага... — тихо ответил тот. — Я просто немного... — И они двинулись по освещенному коридору. Айвен сначала спотыкался, потом зашагал увереннее. — Никогда не думал, что смогу продержаться на одних нервах. И так долго. Сколько я там пробыл?

Майлз взглянул на часы:

— Часа два. Даже меньше.

— А! А мне казалось, гораздо дольше. — Айвен начал приходить в себя. — Куда мы? Почему ты в дендарийской форме? Что с миледи? Ее они тоже похитили?

— Нет, успокойся. Гален похитил только тебя. Сейчас здесь полно барраярцев и моих дендарийцев, но мы действуем независимо друг от друга. Дестанг приказал мне оставаться на борту «Триумфа», пока его ребята попытаются убрать моего двойника. Чтобы не было неразберихи.

— Так они пристрелят первого встречного коротышку! — Айвен моргнул. — Майлз...

— Вот именно, — жизнерадостно ответил Майлз. — Потому-то мы и идем в обратную сторону.

— Мне поторопиться?

— Если можешь.

Они пошли быстрее.

— Как ты здесь оказался? — спросил Айвен через пару минут. — Только не говори, что все еще надеешься спасти этого мерзавца-клона.

— Гален прислал мне приглашение, написанное на твоей шкуре. У меня слишком мало родственников, Айвен. Поэтому они представляют для меня некоторую ценность. Хотя бы в качестве раритетов, а?

Они переглянулись. Айвен закашлялся. Потом с трудом выдавил:

— Понятно. Но, по-моему, ты влип, пытаясь обойти Дестанга. Кстати, если его спецназ близко, где Гален?

— Гален мертв, — коротко бросил Майлз. Только что они миновали темный коридор, ведущий к тому самому наружному карнизу.

— О! Рад это слышать. Кому досталась честь покончить с этой гадиной? Я хотел бы пожать его честную руку. Или поцеловать... ее руку.

— Думаю, твое желание осуществится. И очень скоро. — Впереди, за поворотом коридора, послышался странный перестук, словно бежал кто-то коротконогий. Майлз вытащил парализатор. — Может, Куин выгнала его на нас? — с надеждой прошептал он. Тревога за нее становилась все сильнее.

И тут случилось неизбежное — перед ними предстал Марк. Он дернулся, повернулся, чтобы бежать, потом остановился, озираясь, как затравленный зверь, угодивший в западню. Правая сторона его лица была обожжена, в воздухе пахло паленными волосами.

— Ну и? — спросил Майлз.

Голос Марка сорвался на визг:

— За мной гонится какой-то размалеванный псих с плазмотроном! Они захватили следующую сторожевую башню...

— Ты Куин случайно не видел? — прервал его Майлз

— Нет.

— Послушай. — Айвен был несколько озадачен. — Наши ребята не стали бы применять плазмотроны в такой ситуации. И в таком месте. Здесь же можно запросто повредить систему жизнеобеспечения.

— Размалеванный? — переспросил Майлз. — Как? Как в китайской опере?

— Откуда я знаю, как в китайской опере, — захныкал Марк, — но один из них размалеван аж от уха до уха.

— Гем-командующий! — догадался Майлз. — На официальной охоте. Похоже, они повысили цену.

— Цетагандийцы? — перебил Айвен.

— Значит, дождались подкрепления. Наверное, они взяли мой след в космопорте. О Боже — а Куин в той стороне! — Майлз с трудом подавил страх. Сейчас не время для паники. — Можешь успокоиться, Марк. Они охотятся не на тебя.

— Как же, как же! Этот размалеванный псих как завопит: «Вот он, вот он!» — и как набросился со своим плазмотроном!

Майлз растянул губы в светской улыбке.

— Нет-нет, — ласково промурлыкал он. — Они просто обознались. Этим людям нужен я, то есть адмирал Нейсмит. А тебя хотят прикончить те, на другом конце коридора. Конечно, — благодушно добавил он, — ни те, ни другие не знают, кто из нас кто.

Айвен невольно усмехнулся.

— Назад, — решительно скомандовал Майлз и первым бросился бежать. Он свернул в боковой коридор и остановился у люка, ведущего наружу. Айвен и Марк помчались следом.

Встав на цыпочки, Майлз заскрипел зубами. Судя по показанию датчиков, прилив почти затопил люк.

ГЛАВА 15

Майлз включил комм:

— Ним!

— Сэр?

— В башню семь проник отряд цетагандийцев. Количество неизвестно. Вооружены плазмотронами.

— Так точно, сэр, — ответил Ним, — мы только что обнаружили их.

— Где вы сейчас?

— У меня по паре солдат у всех трех выходов из башни и подкрепление в кустах у стоянки. Эти — как вы сказали, «цетагандийцы», сэр? — только что сделали несколько плазменных залпов по коридору. Как раз тогда, когда мы пытались войти.

— Кто-нибудь ранен?

— Пока нет. Мы залегли.

— О командоре Куин что-нибудь известно?

— Нет, сэр.

— Можете определить местонахождение ее персонального комма?

— Где-то на нижних этажах башни. Командор Куин на вызовы не отвечает.

Парализована? Убита?

— Ладно. — Майлз с трудом перевел дыхание. — Сделайте анонимный вызов местной полиции. Скажите, что в седьмой башне вооруженные люди — возможно, террористы, пытающиеся взорвать барьер. Говорите как можно испуганнее. Изобразите истерику.

— Нет проблем, сэр, — мгновенно откликнулся Ним.

Майлз подумал, что плазмотрон поубавил ему самоуверенности.

— Пока не прибудет полиция, не выпускайте цетагандийцев из башни. Парализуйте любого, кто попробует выйти. Потом разберемся. Да, кстати, поставьте пару охранников у восьмой башни, чтобы перекрыть барраярцев: пусть продвигаются к северу и оттесняют цетагандийцев, если те вздумают уйти на юг. Но, думаю, они отправятся к северу. — Прикрыв комм ладонью, он прошептал Марку: — За тобой, голубчик, — и продолжил, обращаясь к Ниму: — Когда прибудет полиция, уходите. Избегайте конфликтов. Но если попадетесь — будьте паиньками. Изображайте полнейшую невинность. Недоумевайте как можно искреннее. Это у тех гадких незнакомцев в башне нелегальные плазмотроны, а мы

обычные туристы. Заметили что-то странное во время вечерней прогулки и остановились. Ясно?

По голосу Нима можно было догадаться, что он вымученно улыбнулся:

— Конечно, сэр.

— Продолжайте наблюдение за башней шесть. Доложите, когда прибудет полиция.

— Да, сэр.

И вдруг Марк издал сдавленный стон и, кинувшись к Майлзу, схватил его за руку:

— Идиот, что ты делаешь? Свяжись со своими ребятами — пусть вышвырнут цетагандийцев из седьмой башни! Или я...

— Ах-ах! Как нам страшно. Успокойся. Я был бы счастлив схватиться с цетагандийцами на парализаторах, тем более что у нас численное превосходство, — но у них-то плазмотроны! Нельзя, чтобы мои люди рисковали собой без крайней необходимости.

— Но если эти подонки схватят тебя, ты и пикнуть не успеешь, как окажешься на том свете. Какая еще нужна необходимость?

— Послушай, Майлз, — Айвен переводил взгляд с одного конца коридора на другой, — ведь ты же поставил нас точно посредине этих клещей.

— Нет, — ухмыльнулся Майлз. — Никоим образом. Ведь у нас есть плащ-невидимка! Побежали!

— Никуда я не пойду! — уперся Марк. — Барраярцы со мной церемониться не станут.

— А те, что сзади, — подхватил Майлз, — пристукнут нас обоих, хотя бы для того, чтобы исключить возможность ошибки. Ты, видно, еще не понял, как нежно любят цетагандийцы адмирала Нейсмита после Дагулы. Пошли!

И он легко побежал обратно к перекрестку, затем повернул направо, в сторону занятой барраярцами шестой башни.

Марк неохотно поплелся за ним, Айвен замыкал процессию.

У Майлза колотилось сердце. Хотел бы он на самом деле чувствовать себя так уверенно, как пытался показать. Но

нельзя, чтобы Марк почувствовал его тревогу. Последнюю сотню метров Майлз шел на цыпочках, жалея, что и впрямь не невидимка. Если барраярцы уже здесь...

Они подошли к последней насосной станции. По-прежнему никаких признаков опасности — ни впереди, ни сзади.

Насосная станция молчала. Следующий рабочий цикл начнется только через двенадцать часов, во время прилива. Если, конечно, не случится неожиданных выбросов в нижней части течения. Но Майлз не смел рисковать. Судя по тому, как тревожно наблюдает за ним переступающий с ноги на ногу Айвен, он должен исключить любые случайности.

Майлз осмотрел пульты управления, потом снял с одного крышку и заглянул внутрь. К счастью, устройство оказалось примитивным. Не то что в камере нуль-перехода. Перерезать пару проводов — и насос заглохнет намертво, а сигнал тревоги на сторожевой башне нипочем не зажжется. Майлз взглянул на Марка:

— Пожалуйста, дай мне нож.

Марк неохотно вручил ему старинный кинжал, а после выразительного взгляда Майлза — и ножны. Майлз тут же перерезал нити проводов. К счастью, он угадал правильно, и никто не заподозрил, что он действует вслепую. Все с тем же уверенным видом Майлз повесил нож на старое место.

Затем, подойдя к крышке люка, он распахнул ее. На этот раз, как и следовало ожидать, сигнал тревоги не включился. Гравизахват мгновенно превратился в ручку на гладкой внутренней поверхности люка. Последней проблемой был чертов ручной запор. Если кто-нибудь, проходя мимо, нечаянно — или намеренно — повернет его... Фу-у, нет. Такой же рычаг, каким Элли открыла люк на карнизе, есть и здесь. Ура! Майлз с облегчением вздохнул. Вернувшись к пульту управления, он выбрал подходящее место на панели эффекторов и прилепил к ней панорамный сканер. Датчик прекрасно слился с окружением.

Остается самое неприятное. Майлз махнул рукой в сторону насосной камеры, словно приглашая в гробницу:

— Прекрасно. Все заходят.

Айвен побледнел:

— Этого я и боялся.

Похоже, Марку предложение понравилось не больше, чем Айвену.

Майлз на мгновение задумался, потом, обращаясь к Айвену, прошептал:

— Слушай, Айвен, я не могу тебя заставить. Если хочешь, возвращайся по коридору. Благодаря твоему мундиру тебя не прикончат сразу. Если ты переживешь встречу со спецназом Дестанга, тебя арестуют местные власти, что, вероятно, не худшее из зол. Но я предпочел бы, чтобы ты остался со мной. — Голос Майлза стал еще тише: — И не оставлял меня наедине с этим...

— О-о!

Айвен выпрямился.

Как и следовало ожидать, призыв к благородству немедленно возымел действие. Это было сильнее логики, требований или увещеваний. Айвен есть Айвен... И Майлз мягко добавил:

— Это все равно что сидеть в тактическом центре.

— Это все равно что сидеть в ловушке! — неудивительно, что Айвен стоял на своем.

— А ты когда-нибудь сидел в тактическом центре, когда отключается питание? Это и есть ловушка. А чувство, что ты всеми командуешь и контролируешь события, — всего лишь мыльный пузырь, иллюзия. Я предпочитаю драться. — Тут Майлз коварно улыбнулся и повел головой в сторону клона. — Тебе не кажется, что Марку просто необходимо изведать твои недавние ощущения?

— Ну разве что поэтому, — проворчал Айвен. — Это, конечно, добавляет привлекательности твоей афере.

Майлз спустился в насосную станцию первым. Ему показалось, что в коридоре уже слышится отдаленный шум шагов. Марк вел себя как перепуганный мальчишка, но в спину ему дышал Айвен, так что выбора у него

не оставалось. Но вот и Айвен, шумно сглотнув, опустился рядом с ними. Майлз включил фонарик. Айвен, самый высокий из них, прикрыл тяжелую крышку люка, и они оказались в кромешной тьме.

Распухшие руки Айвена конвульсивно сжимались и разжимались.

— По крайней мере нас тут не слышно.

— А по-моему, тут очень уютно, — повысил голос Майлз. — Будем надеяться, что наши преследователи — тупицы вроде меня. Я-то два раза пробегал мимо дверцы.

Он открыл футляр и настроил приемник на сканирование коридора. Про себя Майлз отметил, что по камере гуляет легкий сквозняк. Если он усилится, значит, по трубам несется вода и надо выметаться отсюда, наплевав на цетагандийцев.

— Что теперь делать? — спросил Марк. Похоже, он уже не сомневался, что попал в ловушку — еще бы, сидит между двумя барраярцами.

Майлз небрежно привалился к скользкой стенке.

— Ждать, конечно. Что же еще. Точь-в-точь как в тактическом центре. В тактическом центре мы только и делали, что ждали. Если богатое воображение, то можно с ума сойти. — Он включил наручный комм. — Ним?

— Да, сэр. Я как раз собирался вас вызывать. — Голос Нима то и дело прерывался, словно он бежал или полз. — Возле седьмой башни только что приземлилась полицейская авиетка. Мы отходим через парковую полосу за барьером. Наблюдатель докладывает, что местные вошли и в шестую башню.

— Что-нибудь получили с комма Куин?

— Она по-прежнему не отвечает на вызовы, сэр.

— А с капитаном Галени удалось связаться?

— Нет, сэр. А что, разве он не с вами?

— Он ушел почти сразу после того, как я потерял Куин. Последний раз я видел Галени на наружной стене барьера, где-то на полпути от башни шесть к башне семь — он искал другой вход. То есть я послал его поискать другой вход. Э-э... как только заметите Галени, доложите мне.

— Да, сэр.

Еще одна беда. Похоже, у Галени неприятности, только вот какие: барраярские, цетагандийские или местные? Их тут целый букет. А может, он все-таки уже был не в себе, когда отправился на поиски? Теперь Майлз жалел, что не оставил Галени при себе. А также о том, что отправил Элли на поиски. Но тогда они еще не нашли Айвена. Нельзя было поступить иначе. Майлзу казалось, что он складывает детскую головоломку из живых крошечных человечков, которые все время убегают и меняют форму... Так, спокойнее. Он здесь не один. Майлз постарался разжать зубы — Марк в страхе смотрел на него. Айвен, съежившись, не обращал внимания ни на что: судя по всему, боролся с недавно приобретенной клаустрофобией.

Но вот сканер засек движущийся объект — кто-то появился в южном конце коридора. Майлз решил, что это цетагандийский стрелок, но только в гражданской одежде. Он сжимал парализатор, а не плазмотрон: видимо, цетагандийцы поняли, что в представлении участвует слишком много посторонних, которым не заткнешь рот старым испытанным способом — отправив на тот свет. Теперь они старались превратиться в невидимок, максимально сокращая масштаб операции. Цетагандиец прошел по коридору еще несколько метров, потом повернул назад и исчез за поворотом.

Не прошло и минуты, как началось шевеление на северном участке — в коридоре показались двое громил. Судя по всему, они крались на цыпочках, причем одним из них был тот самый дурень, который умудрился отправиться на секретную операцию в военных сапогах. Он уже сменил прежнее оружие на более скромный парализатор, но его спутник не успел спрятать нейробластер. Похоже, дело шло к поединку на парализаторах. Ах, парализатор! Великолепное, незаменимое оружие в тех ситуациях, когда нужно сначала выстрелить, а уж потом задавать вопросы.

— Вложи нейробластер в кобуру — вот так, умница, — пробормотал Майлз, когда второй спецназовец

поменял оружие. — Выше голову, Айвен! Когда еще ты увидишь такое шоу!

Айвен поднял глаза, и его вымученная улыбка превратилась в нечто мефистофельское. Теперь это был прежний Айвен.

— О, Майлз! Дестанг тебе башку открутит за такое.

— Дестанг и не подозревает, что я имею к этому отношение. Ш-ш. Началось.

Цетагандийский разведчик между тем вернулся. Он сделал приглашающий жест — и второй цетагандиец вышел вперед. В другом конце коридора, пока что вне их поля зрения, прятались трое барраярцев, отрезанных от товарищей кордоном местной полиции. Видимо, они уже перестали охотиться за таинственно исчезнувшей добычей и теперь отступали, надеясь незаметно выбраться из седьмой башни, чтобы избежать объяснения с земными властями. Цетагандийцы, которые видели, как лже-Нейсмит пробегал здесь, все еще сохраняли боевой порядок, хотя их арьергард почти наверняка столкнулся с полицией и отступил.

А где Куин? Если цетагандийцы схватили ее, то сейчас наверняка волокли бы ее за собой. Майлз не знал, стоит на это надеяться или уже нет. Лишь бы она была жива. Правда, это будет дьявольски трудно — вырвать ее из лап цетагандийцев до появления полиции. Сценарий попроще предполагал, что ее парализуют (и арестуют) вместе со всеми, а потом уж можно думать, как вытребовать Элли у полиции. Но что, если какой-нибудь цетагандийский громила припомнит поговорку «Мертвым не больно?» При одной только мысли об этом Майлз похолодел.

Может, бросить в атаку Айвена с Марком? Двое калек и раненый против неизвестно кого — замечательная компания! Нет. Но если бы командовал не он, а кто-то другой, хотя бы Дестанг, что бы придумал этот «кто-то»? На какой безрассудный ход отважится этот «кто-то», если не боится, в отличие от Майлза, рисковать жизнью своих людей? А вдруг его осмотрительность равносильна предательству? И Элли, и дендарийцев...

Цетагандиец заметил барраярца — и оба рухнули, выстрелив одновременно.

— Рефлекс на парализатор, — пробормотал Майлз. — Потрясающе!

— Боже! — Айвен настолько увлекся, что забыл обо всем на свете, в том числе и о клаустрофобии. — Аннигилировали как частица и античастица! Блеск!

Оставшиеся барраярцы растянулись по коридору, прижавшись к стене. Цетагандиец пополз было к упавшему товарищу, но один из барраярцев выскочил в коридор и уложил его, после чего все собрались около поверженных противников. Один барраярец караулил, а второй начал обыскивать бесчувственных цетагандийцев — выворачивать карманы, разглядывать оружие... Естественно, удостоверений личности обнаружить не удалось. Озадаченный барраярец начал было стягивать ботинок цетагандийца, и ему пришлось вытащить нож, так как ботинок не поддавался (у Майлза было такое чувство, что еще мгновение — и он взрежет самого цетагандийца), но тут позади людей Дестанга раздался усиленный мегафоном окрик. Майлзу не удалось разобрать слова, но смысл был ясен: «Эй! Стоять! Что происходит?»

Барраярцы лихорадочно взвалили парализованного товарища на спину самому могучему. Сапоги! Они стояли так близко от сканера, что Майлз увидел, как задрожали у носильщика ноги, когда он выпрямился и заковылял к югу, шатаясь под тяжестью ноши. Двое шли перед ним, еще один замыкал шествие.

Обреченный отряд не успел сделать и нескольких шагов, как из-за южного поворота выскочили двое цетагандийцев. Один отстреливался на бегу и не заметил, что напарник рухнул под огнем барраярских парализаторов, пока не споткнулся, с разбегу налетев на распростертое тело. Но он сумел превратить падение в перекат и открыл ответный огонь. Барраярец, шедший впереди, свалился, но тот, что замыкал шествие, обогнал обремененного ношей товарища и помог напарнику парализовать цетагандийца. К несчастью, они проскочили безопасный выступ в

тот момент, когда массированный залп парализаторов расчищал коридор для полиции. Столкновение людей с волной энергии привело к предсказуемому результату.

Барраярец стоял, сгибаясь под тяжестью ноши, и сыпал проклятиями. Глаза он прикрыл, словно ему было невыносимо стыдно. Когда показались полисмены, он неохотно повернулся и поднял руки.

Голос Айвена звенел от смеха:

— Представляю, какой вызов получит сейчас коммодор Дестанг: «Э-э, сэр? У нас тут небольшая проблема. Не могли бы вы приехать вызволить меня?..»

— А может, он предпочтет дезертировать, — заметил Майлз.

Два сходящихся с разных сторон отряда полиции чуть было не ринулись в атаку, но в последний момент все же успели разобраться, кто есть кто. Майлз был даже несколько разочарован. Но ничто не может длиться до бесконечности: в какой-то момент коридор завалит грудой тел и хаос прекратится — типичная схема умирания биологической системы, задохнувшейся в собственных отходах. Вероятно, нельзя рассчитывать, что полиция самоустранится, убрав с их пути девятерых убийц. Опять ожидание, будь оно проклято.

Майлз с трудом поднялся, потянулся и прислонился к стене, скрестив руки на груди. Лишь бы вся эта кутерьма не затянулась надолго. Как только отряд полиции даст отбой, здесь появятся саперы и техники, которые начнут прочесывать каждый сантиметр. Тогда маленький отряд неизбежно будет обнаружен. Но это не смертельно, если... Майлз взглянул на Марка... если никто не потеряет голову.

Оба посмотрели на экран сканера. Полицейские осматривали тела парализованных и недоуменно переглядывались. Захваченный барраярец был молчалив и мрачен — как и полагается в подобных случаях. Спецназовцы проходят особую подготовку и могут противостоять пыткам и суперпентоталу; лондонская полиция ничего с ним не сделает, и он явно это понимал.

Марк покачал головой, глядя на заваленный телами коридор:

— А ты-то сам на чьей стороне?

— Ты что? — удивился Майлз. — На твоей, конечно.

Марк пристально посмотрел на него и нахмурился:

— Почему?

Действительно, почему? Майлз привычным жестом вздернул подбородок — и, видимо, неосознанно Марк сделал то же самое. Взаимоотношения людей с собственными клонами — загадочная штука. Но, с другой стороны, тот, кто специально идет и заказывает себе клона, с самого начала должен быть со сдвигом. Насколько интереснее завести ребенка с женщиной, которая сообразительнее, энергичнее и милее тебя: тогда по крайней мере есть надежда на эволюцию рода. Майлз почесал запястье. Спустя секунду Марк почесал руку. Майлз удержался и не стал зевать. Лучше не начинать такого, что потом уже не удастся остановить.

Так. Он знает, что представляет собой Марк. А теперь нужно понять, что тот собой не представляет. Марк не дубликат Майлза, несмотря на все усилия Галена. Он даже не брат ему. Айвен, с которым Майлза объединяет и прошлое и настоящее, — вот его настоящий брат, и не важно, что они совершенно не похожи. Возможно, он недооценивал Айвена. Загубленное начало не переиграешь, хотя можно (Майлз взглянул на свою ногу, мысленно увидев искусственные кости) исправить. Иногда.

— В самом деле, почему? — вставил Айвен в затянувшуюся паузу.

— Милый Айвен, — отозвался Майлз, — неужели тебе не нравится твой новый кузен? Где же твои родственные чувства?

— Мне одного тебя более чем достаточно, спасибо. А твоего злобного близнеца, — Айвен пробормотал что-то вроде «чур, чур меня», — мне уже не выдержать. К тому же вы оба суете меня в чулан и запираете там.

— Но я по крайней мере предложил тебе выбор.

— Ага, знаю я этот выбор. «Мне нужны три добровольца: ты, ты и ты». Вспоминаешь? Как ты командовал мной и Элен Ботари, когда мы только-только научились ходить.

— Рожден повелевать, — усмехнулся Майлз, а Марк сдвинул брови, пытаясь представить себе Майлза, отдающего приказы своему рослому добродушному кузену, которому он до плеча недоставал. — Все дело в хитрости, — сообщил Майлз, словно прочитав его мысли.

Он смотрел на Марка, опустившегося на корточки и втянувшего голову в плечи, как черепаха. Что это — злоба? Нет, скорее неуверенность. Уродство не только тела, но и духа, хотя Гален в качестве воспитателя вряд ли мог быть ужаснее моего собственного деда. Но для полной социопатии надо слишком сильно сосредоточиться на собственной особе, что вроде бы Марку не свойственно. Ему вообще не дали возможности стать личностью. Может, он, наоборот, недостаточно сосредоточен на себе?

— Ты злобный? — весело спросил Майлз.

— Я ведь убийца, так? — огрызнулся Марк. — Чего тебе еще?

— Да ну? А мне показалось, это случилось в суматохе, непреднамеренно.

— Он схватил нейробластер. Я не захотел его выпустить. Тогда он выстрелил. — Воспоминания заставили Марка побледнеть, и отчетливее проступили темные тени под глазами. — Я и хотел, чтобы он выстрелил, — отчаянно добавил он.

Брови Айвена поползли вверх, но Майлз не стал просвещать его.

— И все-таки — непреднамеренно, — резюмировал Майлз.

Марк пожал плечами.

— А если бы ты был свободен... — медленно начал Майлз.

У Марка совсем по-детски сморщились губы:

— Свободен? Я? Каким образом? Полиция уже наверняка нашла тело.

— Нет. Прилив затопил перила, и море унесло труп. Пройдет дня три-четыре, прежде чем он всплывет. Если вообще всплывет. — (И какое это будет страшное зрелище! Захочет ли капитан Галени опознать отца и предать земле? И где вообще Галени?) — Предположим, ты свободен. Свободен от Барраяра и Комарры, и от меня тоже. Свободен от Галена и полиции. Свободен от всего и от всех. Что ты выберешь? Кто ты? Или ты можешь только реагировать на обстоятельства, а не создавать их?

Марк передернулся:

— Иди ты знаешь куда...

Уголок рта Майлза приподнялся. Он завозил сапогом по грязи на полу, но удержался и не начать рисовать завитушки.

— Наверное, никогда и не узнаешь, если я буду стоять у тебя над душой.

Тут Марк выплюнул осадок своей ненависти:

— Это ты свободен!

— Я? — искренне изумился Майлз. — Я никогда не буду свободен, так как ты сейчас. К Галену тебя приковывал страх. Его власть равнялась длине рук — и тому и другому пришел конец. А я скован... еще многим другим. Сплю я или бодрствую, далеко я или близко — не имеет значения, я всегда служу. Я никогда не принадлежу себе. И все же... Барраяр очень любопытное место, если, конечно, не смотреть на него глазами Галена. Сын Галена понял это.

Марк криво усмехался, все так же уставившись в стену:

— Еще раз пытаешься заполучить мое тело?

— Да зачем мне оно? Или ты все еще растешь? У тебя другие гены? И потом, я собираюсь заменить все мои кости пластиковыми. На всякий случай.

— Значит, я буду про запас. Деталь на случай катастрофы.

— Ты и сам в это не веришь! Так вот, мое первое предложение остается в силе. Возвращайся со мной к дендарийцам, и я тебя спрячу. Потом отвезу домой, где ты не спеша сообразишь, кто ты и что ты, где перестанешь чувствовать себя подделкой.

— Я не хочу встречаться с этими людьми, — угрюмо заявил Марк.

Он имел в виду отца и мать — Майлз сразу же понял это, хотя Айвен, похоже, снова потерял нить разговора.

— Не думаю, чтобы они вели себя неподобающим образом. И кроме того, они и без того в тебе — в самой основе. Ты... э-э... не можешь убежать от себя. — Помолчав, Майлз сделал еще одну попытку: — Если бы это было в твоей власти, что бы ты сделал в первую очередь?

Марк нахмурился:

— Положил конец производству клонов на Архипелаге Джексона.

— Гм-м. — Майлз задумался. — Оно там укоренилось. Но чего еще ждать от потомков колонии, которая и возникла как база угонщиков? Естественно, там образовалась «аристократия». Надо будет как-нибудь рассказать тебе парочку историй о твоих предках, не вошедших в официальные издания... — Значит, из общения с Галеном Марк вынес хотя бы это: жажду справедливости, выходящую за пределы его собственного «я». — Если говорить о целях, этой тебе хватит с лихвой. И как бы ты это сделал?

— Не знаю. — Похоже, Марка ошарашил столь практический подход к делу. — Взорвал бы лаборатории. Спас ребят.

— Хорошая тактика, но плохая стратегия. Их тут же восстановят. Нужно атаковать сразу на нескольких уровнях. Вот если бы ты нашел способ сделать этот бизнес невыгодным, вопрос решился бы сам собой.

— А как? — заинтересовался Марк.

— Давай подумаем... Во-первых, аспект покупателя. Аморальные богачи. Мало надежды, что они предпочтут смерть жизни, пусть даже в чужой шкуре. Но открытие, предлагающее альтернативные способы продления жизни, пожалуй, могло бы их отвлечь.

— Да, прикончить их всех, вот и отвлекутся, — проворчал Марк.

— Хорошо, но неосуществимо. Люди этого ранга держат телохранителей. Скорее они тебя прикончат. Послу-

шай, тут можно атаковать чуть ли не по сорока позициям. Не зацикливайся на первой попавшейся. Предположим, ты вернулся со мной на Барраяр. Как лорд Марк Форкосиган ты можешь рассчитывать на почетное положение, в том числе и финансовое. Заверши свое образование и готовься подойти к данной проблеме стратегически, а не просто... биться головой о стенку.

— Никогда, — процедил сквозь зубы Марк, — никогда не полечу на Барраяр.

«Ага. Похоже, лучшие женщины Галактики с тобой согласны... Возможно, ты умнее, чем тебе кажется. — Майлз чуть слышно вздохнул. — Куин, Куин, Куин, где ты?!»

В коридоре полицейские уже грузили парализованных на парящие платформы. Появился шанс вырваться, но действовать надо немедленно. Или будет поздно.

Майлз заметил, что Айвен как-то странно на него смотрит.

— Ты полный псих, — убежденно сказал он.

— А ты разве не считаешь, что пора взяться за подонков с Архипелага Джексона?

— Да, но...

— Я не могу успеть везде. Но я мог бы поддержать это начинание, — Майлз пристально посмотрел на брата, — если ты будешь помогать мне.

Марк молча наблюдал, как уплывает последняя платформа, потом грубо бросил:

— Подавись ты своей жизнью. Странно, что ты не пытаешься стать мною.

И отвернулся от Майлза. Даже спина его источала злобу и подозрительность.

Майлз с болью рассмеялся. Какой соблазн! Сбросить мундир, войти на станцию подземки и исчезнуть с чеком на полмиллиона марок. Стать свободным... Его взгляд упал на грязный парадный мундир Айвена, символ их службы. «Ты — это то, что ты делаешь. Выбирай снова...» Нет. Самый уродливый ребенок Барраяра по-прежнему останется рыцарем своей планеты. Он не станет уползать в нору и растворяться в неизвестности.

Кстати, о норах: пора выползать из этой. Последний полисмен исчез за поворотом вместе с парящей платформой. Скоро здесь будут техники. Пора уходить.

— Пора! — Майлз отключил сканер и снял со стены фонарик.

Облегченно фыркнув, Айвен потянулся вверх — открыть крышку люка и подсадить Майлза. А тот, как и в первый раз, бросил вниз рулетку. Лицо Марка, ждущего своей очереди, перекосилось от страха: глядя снизу вверх на Майлза, он замер. Когда Майлз бросил ему рулетку, Марк угрюмо пожал плечами. Сняв панорамный датчик сканера с пульта, Майлз убрал его в футляр и включил наручный комм.

— Ним, доложи обстановку, — прошептал он.

— Мы подняли обе авиетки в воздух, сэр, и отлетели примерно на километр в глубь острова. Район оцеплен полицией.

— Хорошо. От Куин по-прежнему ничего?

— Ничего.

— Дай мне точные координаты ее комма.

Ним выполнил приказ.

— А теперь слушай хорошенько. Я нахожусь внутри барьера, неподалеку от шестой башни, с лейтенантом Форпатрилом из барраярского посольства и моим клоном. Мы попопытаемся выйти через седьмую башню и по дороге захватить Куин. Или по крайней мере, — Майлз проглотил комок в горле, — узнать, что с ней. Пока оставайтесь на местах.

Они стянули сапоги и зашлепали по коридору к югу, прижимаясь к стенке. Сзади доносились голоса, но полиция была где-то далеко. Подойдя к перекрестку, Майлз предупреждающе поднял руку, потом на цыпочках подкрался к углу и выглянул. Техник в синем комбинезоне и полицейский осматривали выходной люк. Майлз махнул рукой, и Марк с Айвеном шагнули вперед.

В холле, у лифта, дежурил еще один полицейский. Майлз поморщился. Ну вот и все — похоже, из этой переделки не выбраться.

Да уж. Но может, удастся компенсировать тактические ошибки скоростью? Кроме того, этот человек стоит между ним и Куин. Майлз прицелился и выстрелил. Полицейский рухнул.

Они бросились в лифтовую шахту и поплыли вверх. «Сюда», — молча указал Майлз. Коридор был ярко освещен. Вроде никого не слышно. Пройдя указанное Нимом расстояние, Майлз остановился перед закрытой дверью с надписью «Подсобка». Его вдруг замутило, закружилась голова. Что, если цетагандийцы придумали ей медленную казнь? Что, если минуты, проведенные в укрытии, оказались роковыми...

Дверь была заперта. И вдобавок кодовый замок. Майлз сорвал крышку, закоротил цепь и вручную сдвинул дверь, чуть не сломав пальцы.

Элли лежала в неловкой позе, лицо ее покрывала мертвенная бледность. Майлз упал на колени рядом. Пульс... Есть! Так, пульс прощупывается. Кожа теплая. Парализована, всего лишь парализована! Ура! Майлз поднял глаза на Айвена и постарался успокоиться. Да, так он и думал.

ГЛАВА 16

Они остановились у бокового выхода седьмой башни, чтобы натянуть сапоги. Перед ними простирался парк — темный и таинственный. Только вдоль дорожек ярко горели фонари. Майлз прикинул, как добежать незамеченными до ближайших кустов — полицейские машины заполонили всю стоянку.

— У тебя, случайно, нет с собой фляжки? — шепнул он Айвену.

— Если бы даже и была, в ней все равно бы уже не осталось ни капли. А что?

— Я просто думал, как это выглядит, когда три подозрительные личности ночью тащат через парк женщину.

Если обрызгать Куин бренди, можно сделать вид, что мы отвозим ее домой после вечеринки. Последствия парализации напоминают похмелье, и никто бы не удивился, если она вдруг начнет приходить в себя.

— Надеюсь. У нее все-таки есть чувство юмора. На друзей не обижаются, даже если они губят твою репутацию, так?

— Лучше гибель репутации, чем просто гибель.

— Ну ладно. Все равно фляжки нет, так что и говорить не о чем. Ну что, побежали?

— Сейчас. Нет, погоди-ка. — На стоянку опускалась авиетка. Гражданская. Полисмен-охранник, стоявший у главного входа в башню, направился ей навстречу. Оттуда вылез пожилой мужчина, и оба поспешили в башню. — Давайте!

Айвен подхватил Куин под мышки, Марк взял ее за ноги. Майлз осторожно перешагнул через парализованного полисмена, охранявшего выход, и они бросились к укрытию. Добравшись до зарослей, они притаились, готовясь к следующей перебежке.

— Господи, Майлз, — Айвен никак не мог отдышаться, — ну почему тебе не нравятся миниатюрные женщины? Было бы естественнее...

— Ну-ну. Она всего вдвое тяжелее полной полевой выкладки. Справишься...

За спиной — ни окриков, ни топота преследователей. Наверное, район вокруг башни наиболее безопасный: его уже наверняка сканировали и решили, что все чисто. Внимание полиции теперь сосредоточено на окраинах парка, которые им еще предстоит преодолеть, если они хотят добраться до города.

Майлз напряженно оглядывался по сторонам. Из-за мерцающего искусственного освещения его глаза никак не могли привыкнуть к темноте.

Айвен тоже начал всматриваться.

— В кустах фараонов не видно, — пробормотал он.

— Я высматриваю не полицию, — прошептал в ответ Майлз.

— А кого же?

— Марк сказал, что в него стрелял размалеванный псих. Тебе такой не попадался?

— Да вроде нет... Может, полиция уже схватила его... — Тут Айвен опасливо оглянулся.

— Все может быть. Марк! А боевая раскраска у него какого цвета? И какие на нем узоры?

— В основном синие. С белыми, желтыми и черными загогулинами. Гем-командующий среднего ранга, да?

— Центурий-капитан. На моем месте ты бы тоже свободно читал гем-грим.

— Мне и без того пришлось столько выучить...

— Айвен, ты что, и впрямь веришь, будто центурий-капитан, прекрасно обученный, присланный из штаб-квартиры, давший клятву мести, позволит какому-то лондонскому полисмену незаметно подкрасться и парализовать себя? Да он скорее умрет, чем позволит сотворить нечто подобное.

Айвен закрыл глаза.

Они миновали еще сотню-другую метров ветвей и теней. С прибрежного шоссе уже доносился гул транспортеров. Переходы несомненно охраняются, а скоростная трасса ограждена. Пешеходам там не место.

Неподалеку от главной дорожки Майлз заметил оплетенный лианами павильон из синтебетона, прятавшийся в кустах. Майлз решил было что это общественный туалет, но, приглядевшись, заметил только одну дверь без опознавательных знаков. Прожектора, которым надлежало освещать этот участок, оказались разбитыми. И вдруг на глазах у Майлза дверь медленно поехала в сторону. В темноте блеснуло оружие. Майлз навел парализатор и затаил дыхание. Через секунду наружу выскользнула темная фигура.

— Капитан Галени!

Галени вздрогнул, словно от выстрела, пригнулся и бросился к ним. Обнаружив, что декоративный кустарник снабжен шипами, он чертыхнулся и окинул взглядом более чем скромный отряд Майлза — Марка, Айвена и Элли.

— Черт побери, так вы живы! Все!

— Я тоже, признаюсь, начал сомневаться относительно вас, — улыбнулся Майлз.

Галени выглядел очень, очень странно. Пропали сосредоточенность и обреченность, с какими он встретил смерть Сера Галена. Казалось, капитан принял чрезмерную дозу наркотиков — в глаза бросались неестественное возбужденние и взвинченность. Таким Майлз не видел его еще ни разу. Вдобавок лицо капитана украшали синяки, губы были разбиты в кровь, а в распухшей руке он сжимал цетагандийский плазмотрон. Из сапога торчала рукоять ножа.

— Вы, случайно, не натыкались на типа в синем гриме? — осведомился Майлз.

— О да, — самодовольно протянул Галени.

— Что с вами, к черту, случилось? Простите, я хотел сказать — сэр.

Галени зашептал:

— Я не смог найти вход в барьер там, где мы с вами разошлись. Зато я увидел вот этот подсобный вход, — он указал на павильон, — и подумал, что отсюда в сторону барьера могут идти какие-нибудь силовые или оптические кабели. И я не ошибся. Под всем парком проходят туннели. Но, бродя под землей, я заблудился и, вместо того чтобы оказаться, как раньше, внутри барьера, очутился в пешеходном переходе под прибрежным шоссе. Там я нашел — угадайте кого?

Майлз покачал головой:

— Полицию? Цетагандийцев? Барраярцев?

— Почти в точку. Моего старого друга из цетагандийского посольства, гем-лейтенанта Табора. Сначала я даже не понял, чем он занимается. А он страховал экспертов из штаб-квартиры. Я и сам занимался бы этим, — Галени усмехнулся, — если бы не попал под домашний арест. — Он совсем не обрадовался, увидев меня, — продолжал Галени. — И тоже никак не мог взять в толк, что я тут делаю. Ну, мы оба и притворились, будто выехали на природу полюбоваться луной, а тем временем я хорошенько рассмотрел, каким оборудованием набит его авто-

мобиль. Сейчас я думаю, что он мне поверил: по-моему, он решил, что я пьян.

Майлз из вежливости промолчал, хотя ему очень хотелось сказать: «Понятно, почему».

— Но тут его вызвали, и ему пришлось спешно от меня избавиться. Он вытащил парализатор, мне удалось увернуться, но я упал и притворился, что парализован, хотя он меня почти не задел. Я слушал, как он переговаривается с отрядом в башне, а сам думал, как бы извлечь из этого пользу. И вот, как раз когда левая сторона тела начала хоть что-то чувствовать, заявился ваш синелицый друг. Его приход отвлек Табора, и я уложил обоих.

Брови Майлза поползли вверх:

— Как вам это удалось?

Галени все время непроизвольно сжимал и разжимал кулаки.

— Да я и сам толком не знаю, — признался он. — Помню, как бил их... — Галени взглянул на Марка. — Приятно иметь дело с явным врагом.

На которого, как понял Майлз, Галени только что выплеснул все напряжение, скопившееся в нем за последние жуткие недели и эту сумасшедшую ночь.

— Они живы?

— О да.

Майлз решил, что поверит этому, только когда увидит их собственными глазами. Надо сказать, улыбка Галени была несколько пугающей.

— А их машина? — быстро спросил Айвен.

— Да, конечно, их машина, — поддержал его Майлз. — Она все еще там? Мы можем до нее добраться?

— Скорее всего — да, — ответил Галени. — По туннелям сейчас бродит всего один отряд полицейских. Я их слышал.

— Придется рискнуть.

— Тебе легко говорить, — угрюмо пробормотал Марк. — У тебя дипломатический статус.

А Майлз, словно впервые увидев клона, рассматривал его с нескрываемым интересом. Потом потянулся к внутреннему карману мундира.

— Марк, — выдохнул он. — Хочешь заработать сто тысяч бетанских долларов?

— Нет у тебя никакого чека.

— Это Сер Гален так говорил. Припомни, что еще он говорил и какие ошибки допустил сегодня. — Тут Майлз перевел взгляд на Галени. Упоминание отца подействовало на него отрезвляюще: во взгляде снова появилась усталость. — Капитан Галени! Те два цетагандийца в сознании? Или по крайней мере можно привести их в сознание?

— Да, один точно в сознании. А сейчас, может, и оба. Что вы задумали?

— Свидетели! Два свидетеля — как раз то, что нужно.

— Я-то думал, мы тихо смываемся, — жалобно проговорил Айвен.

— Думаю, — Майлз, словно не слыша Айвена, обратился к Марку, — мне лучше сыграть адмирала Нейсмита. Не обижайся Марк, но с бетанским выговором у тебя плоховато. То ли ты мало раскатываешь конечные «р», то ли еще что. Да и вообще на лорда Форкосигана тебя лучше натаскали.

Тут до Галени дошло. Брови его поползли вверх. Потом он медленно кивнул, но лицо его, когда он повернулся к Марку, было столь непроницаемым, что клон вздрогнул.

— По-моему, вы просто обязаны нам содействовать, — сказал он и, помолчав, тихо добавил: — Вы мне обязаны.

Сейчас не время напоминать, скольким сам Галени обязан Марку, хотя, встретившись с капитаном взглядом, Майлз убедился, что тот все помнит. Уж он-то знает — теперь оба повязаны случившимся.

Почувствовав поддержку, адмирал Нейсмит быстро произнес:

— Итак, в туннель. Ведите, капитан.

Цетагандийская машина стояла в тени, под деревом, чуть слева от выхода из лифтовой шахты, соединявшей подземный переход с парком. Здесь по-прежнему не было

ни души. Галени сообщил им, что на другом конце туннеля стоят двое, но они не сочли нужным проверять его сведения. Им уже хватило пробежки по туннелям — еле удалось увернуться от полицейских.

Машину не было видно из окон жилых домов на другой стороне узкой улочки. Даже если кто-то и страдал бессонницей. А трасса позади них была отгорожена глухой стеной. И все равно Майлза не покидало ощущение опасности.

На машине отсутствовали опознавательные знаки, да и вся она была какая-то бесцветная: не старая и не новая, не чистая и не грязная, — словом, никакая. Словом, типичная шпионская машина. Майлз тихонько присвистнул, заметив сбоку свежие вмятины в форме человеческой головы и пятна крови на асфальте. К счастью, в полутьме красный цвет казался черным.

— А это было не слишком шумно? — поинтересовался Майлз, указывая на вмятины.

— А? Да нет. Так, глухие удары. Никто и пикнуть не успел.

Быстро оглядевшись и подождав, пока проедет одинокая машина, Галени поднял прозрачный колпак.

На заднем сиденье съежились двое. Лейтенант Табор в гражданской одежде, растерянно моргал. Рот его был запечатан внушительным кляпом. Рядом обмяк еще один размалеванный сине-зеленый цетагандиец. Майлз приподнял ему веко и, обнаружив, что зрачок закатывается, начал копаться в аптечке. Айвен опустил Элли на сиденье и уселся за пульт. Марк оказался рядом с Табором, а Галени сел по другую сторону от пленных. В ответ на легкое прикосновение Айвена колпак со вздохом опустился, и сразу стало очень тесно. Семеро — многовато для такой типичной шпионской машины.

Майлз перегнулся через спинку сиденья и прижал инъектор с синергином к шее центурий-капитана. Может, лекарство приведет его в чувство, а может, и нет. Но хуже не будет — это точно. Как ни странно, жизнь и здоровье несостоявшегося убийцы представляли для Майлза чрезвычайную ценность. Сообразив задним числом, Майлз сделал инъекцию и Элли. Она застонала.

Машина приподнялась над землей и с шипением тронулась.

Облегченно вздохнув, когда побережье осталось позади и они свернули в лабиринт улочек, Майлз включил наручный комм и позвал самым монотонным бетанским говорком:

— Ним?

— Да, сэр?

— Следите за координатами моего комма и следуйте за нами. Операция закончена.

— Будет сделано, сэр.

— Конец связи.

Он положил голову Элли к себе на колени и повернулся, чтобы взглянуть на Табора. Глаза Табора так и бегали: с Майлза на Марка и обратно.

— Добрый вечер, Табор, — сказал Марк тоном барраярского фора (неужели Майлз говорит так же ехидно?). — Как ваши бонсай?

Табор шарахнулся, а центурий-капитан пошевелился и приоткрыл глаза, глядя на всех бессмысленным взором. Он сделал попытку выпрямиться, но почувствовал путы и снова обмяк.

Галени протянул руку и ослабил кляп Табора.

— Извините, Табор, но адмирала Нейсмита вы не получите. По крайней мере здесь, на Земле. Так и передайте своему начальству. Пока его флот на орбите, он находится под нашим особым покровительством. Он оказал неоценимые услуги барраярскому посольству, раскрыв очередной комаррский заговор. Так что осадите назад.

Все так же нервно зыркая по сторонам, Табор выплюнул кляп, пошевелил нижней челюстью и откашлялся.

— Вы что, вместе работаете? — с трудом прохрипел он.

— К сожалению, да, — проворчал Марк.

— Наемник, — радостно пропел Майлз. — Берется за любую работу. За что платят, то и делает.

— Вы совершили ошибку, — прошипел центурий-капитан, пытаясь сфокусировать взгляд на адмирале, — взявшись за ту работу на Дагуле. Цетаганда — мощная держава.

— Ох и не говорите! — жизнерадостно согласился Майлз. — После того как мы освободили их проклятущую армию, подполье нас надуло. Половину недоплатили. А цетагандийцы, случаем, не хотят нас нанять? Мы готовы исправить свою ошибку. А? Нет? К сожалению, я не могу позволить себе быть мстительным — слишком большая роскошь. По крайней мере пока. Иначе я не стал бы работать с, — тут он недружелюбно воззрился на Марка, — этими старыми знакомыми.

— Так вы и правда клон, — выдохнул Табор, разглядывая легендарного адмирала наемников... — А мы думали... — Он резко оборвал фразу.

— Мы много лет считали, что он ваш, — сказал Марк, успешно входя в роль лорда Форкосигана.

«Наш?!» — всем своим видом сказал Табор, но предпочел промолчать.

— Но последние события подтвердили его комаррское происхождение, — закончил Марк.

— Мы же договорились, — возмущенно вмешался Майлз. — Вы прикрываете меня, пока я не улечу с Земли.

— Да, договорились, — подтвердил Марк. — Только не вздумайте приближаться к Барраяру.

— Да подавитесь вы вашим Барраяром. У меня остается вся галактика.

Центурий-капитан, почувствовав, что снова отключается, нервно заморгал и попытался восстановить дыхание. Майлз решил, что у бедняги не иначе как легкое сотрясение мозга. И тут Элли открыла глаза. Майлз положил ей руку на лоб, пригладил волосы. Она деликатно срыгнула (но синергин избавил ее от обычной постпарализационной рвоты), села, огляделась, увидела Марка, цетагандийцев, Айвена — и прикусила губу. Майлз сжал ей руку. «Потом объясню», — пообещала его улыбка. Она досадливо нахмурилась: «Да уж, изволь», — и гордо подняла голову: неприятель не должен видеть ее растерянной и непричесанной.

Айвен повернул голову и спросил у Галени:

— Что будем делать с цетагандийцами, сэр? Где их выкинуть?

— Я полагаю, нет никакой необходимости устраивать межпланетный скандал. — Галени говорил с хищной жизнерадостностью, позаимствовав тон у Майлза. — Вы со мной согласны, лейтенант Табор? Или хотите, чтобы местным властям стало известно, что именно задумал совершить сегодня ночью в барьере ваш гем-товарищ? Нет? Так я и думал. Хорошо. Им обоим нужна медицинская помощь. Айвен, лейтенант Табор, к несчастью, сломал себе руку, а у его... э-э... друга — сотрясение мозга. Не считая всего прочего. Выбирайте, Табор. Завезти вас в больницу или предпочитаете лечиться у себя в посольстве?

— В посольстве, — незамедлительно прохрипел Табор. — Если только вам самому не хочется объясняться перед судом в связи с покушением на убийство.

— Да какое убийство? Всего-навсего легкие телесные повреждения. — Галени сверкнул глазами.

Табор встревоженно улыбнулся: у него был такой вид, словно он рад немедленно избавиться от неприятного соседства.

— Да какая разница. Все равно оба посла будут недовольны иным развитием событий.

— Ну вот, давно бы так.

Приближался рассвет. Уличное движение становилось все оживленнее, и Айвен далеко не сразу нашел стоянку такси, где не было очереди. Эта приморская окраина находилась далековато от посольств. Галени чрезвычайно заботливо помог пассажирам сойти, но бросил Табору ключи от ручных и ножных пут центурий-капитана только тогда, когда Айвен нажал на газ.

— Мои ребята вернут машину сегодня же, — крикнул на прощание Галени. Тяжело вздохнув, он рухнул на сиденье. Айвен снова опустил колпак. Галени чуть слышно прибавил: — Но сперва мы ее как следует осмотрим.

— Думаешь, это шоу возымеет последствия? — спросил Айвен.

— На данном этапе? Чтобы убедить цетагандийцев, что Барраяр не имел никакого отношения к Дагуле?

Не знаю, может быть — да, а может, и нет, — вздохнул Майлз. — Но основную проблему мы решили: два проверенных офицера готовы поклясться, что адмирал Нейсмит и лорд Форкосиган — два разных человека, а это сейчас — самое главное.

— А Дестанг? Он это одобрит? — не унимался Айвен.

— Не думаю, — равнодушно сказал Галени, любуясь городским пейзажем, — чтобы из-за этого стоило беспокоиться. Одобрит не одобрит, какая разница?

Майлз полностью разделял мнение Галени. Они страшно устали, но все живы — это главное. Майлз задерживался взглядом на каждом: Элли, Айвен, Галени, Марк. Все здесь, все пережили эту ночь.

Почти все...

— Где тебя высадить, Марк? — спросил Майлз, бросив вопросительный взгляд на Галени. Майлз ожидал возражений, но Галени промолчал. Распрощавшись с цетагандийцами, он наконец позволил себе расслабиться, и теперь казался враз постаревшим и опустошенным. Майлз и не стал напрашиваться на возражения.

«Будь осторожен в просьбах, а то можешь получить то, о чем просил».

— На станции подземки, — ответил Марк. — На любой станции подземки.

— Хорошо.

Майлз вызвал на дисплей карту и показал Айвену, куда ехать.

Когда машина остановилась, он вышел вместе с Марком.

— Я сейчас.

Они пошли вместе к лифтовой шахте. В этом районе еще царила тишина, народу было немного, но уже чувствовалось приближение утреннего часа пик.

Расстегнув мундир, Майлз достал кредитную карточку. Судя по напряженному лицу Марка, тот до последнего момента ожидал выходки в стиле Сера Галена. Взяв карточку, он с подозрением повертел ее в руках.

— Ну вот, — сказал Майлз. — Если тебе с твоей подготовкой и с этими деньгами не удастся скрыться на Земле... Такого не бывает. Удачи!

— Но... что ты от меня хочешь?

— Ничего. Абсолютно ничего. Ты свободный человек (если, конечно, сможешь сохранить свободу). Мы не станем докладывать местным властям о... э-э... несчастном случае с Галеном.

— Ты хотел большего.

— Когда не можешь получить то, что хочешь, соглашаешься на то, что можешь получить. Ты ведь уже начал понимать это. — Майлз кивком указал на карман Марка, и тот прикрыл его рукой.

— И чего ты от меня хочешь? — спросил Марк. — На что толкаешь? Ты что, всерьез принял эту чушь насчет Архипелага Джексона?

— Можешь взять деньги и просадить их в марсианских притонах. Или заплатить за образование. А может, и не одно. Или сунь карточку в ближайший мусоросборник. Я тебе не отец, не учитель и не хозяин. Ничего мне от тебя не нужно. Ничего я не хочу.

«Попробуй только возразить — если придумаешь как, братец...» Майлз развел руками и отступил на шаг.

Не поворачиваясь к Майлзу спиной, Марк попятился к шахте.

— Почему? — вдруг закричал он растерянно и гневно.

Майлз вскинул голову и расхохотался.

— А ты догадайся! — бросил он в ответ.

Поле шахты подхватило Марка, и он исчез.

Майлз вернулся к друзьям.

— Разумно ли это? — обеспокоенно спросила Элли, прервав рассказ Айвена. — Так вот взять и отпустить этого?

— Не знаю, — вздохнул Майлз. — Если не можешь помочь, не мешай. Я не могу помочь ему: Гален сделал его сумасшедшим. Он одержим мною. Боюсь, ему от этого не избавиться. Уж я-то знаю, что такое одержимость. Самое лучшее, что я могу сделать, — это уйти с его

дороги. Может, со временем он успокоится. Может, со временем он... излечится.

Он вдруг почувствовал страшную усталость. Рядом с ним сидела Элли, и он был очень-очень счастлив. Опомнившись, Майлз включил наручный комм и отпустил Нима и его патруль.

— Ну, — Айвен нарушил неловкое молчание, — куда теперь? Вы тоже хотите вернуться в космопорт?

— Ага, — выдохнул Майлз. — И хотя бы временно скрыться... Боюсь, что побег невозможен. Все равно Дестанг рано или поздно меня поймает. С таким же успехом можно сейчас же вернуться в посольство и доложить. Доложить всю правду. Больше у нас нет причин лгать, верно?

— Не возражаю, — ответил Галени. — Я вообще не люблю лживых рапортов. Со временем они становятся историей.

— Вы... знаете, я этого не хотел, — после паузы сказал Майлз. — Ну, того, что произошло вчера.

Ужасно беспомощное извинение — после того как его стараниями убили отца Галени...

— Вы что, правда думаете, что контролировали ситуацию? Как ни крути, лорд Форкосиган, но на Господа Бога вы не похожи. — Галени улыбнулся одними губами. — Я уверен, это было непреднамеренно.

Он откинулся на спинку сиденья и закрыл глаза.

Майлз откашлялся.

— Тогда — в посольство, Айвен. Э-э... не спеши. Поезжай медленно. Я не откажусь посмотреть на Лондон.

Он прижался к Элли, и они стали смотреть, как летний рассвет озаряет город, и все эпохи, одновременно сосуществуя, перемешиваются в игре света на старинных улочках.

Когда они выстроились в ряд в кабинете Галени, Майлзу вспомнились китайские обезьянки, стоявшие на полке в каюте Танга. Айвен был явно той, которая звалась «Не вижу зла». Судя по плотно сжатым губам Галени, он был первым кандидатом на «Не говорю зла». Значит, Майлзу,

стоявшему между ними, досталось «Не слышу зла», но, даже если он заткнет уши, ему это мало поможет.

Майлз ожидал, что Дестанг придет в ярость, но тот, скорее, испытывал только отвращение. Ответив на их приветствие, коммодор откинулся на спинку кресла. А бросив взгляд на Майлза, Дестанг скис окончательно.

— Форкосиган. — Имя Майлза осязаемо повисло в воздухе. Дестанг одарил его недобрым взглядом и продолжил: — Сегодня, в семь часов утра, когда я закончил разговор с неким следователем Ридом в муниципальном суде, я был убежден, что спасет вас только вмешательство свыше. Вмешательство свыше пришло в 9:00 в виде специального курьера из имперской штаб-квартиры. — Дестанг двумя пальцами поднял дискетку с печатью императора. — Вот новое срочное предписание для вашего нерегулярного дендарийского отряда.

Поскольку Майлз уже видел курьера в столовой, эта новость не слишком удивила его.

— Да, сэр? — поощрительно спросил он.

— Оказывается, некий флот свободных наемников, работающих в отдаленном районе Четвертого сектора якобы по контракту с субпланетным правительством, перешел от партизанской войны к открытому пиратству. Блокада п-в туннеля попросту превратилась в грабеж. Три недели назад они угнали пассажирский корабль, приписанный к Тау Кита, чтобы переоборудовать его в транспортно-десантный. Это бы еще ничего, но какой-то гений решил, что они могут увеличить доходы, запросив выкуп за пассажиров. Несколько правительств тех планет, граждане которых попали в заложники, создали спецгруппу для ведения переговоров. Эту группу возглавили таукитяне.

— А какое отношение имеем к этому мы, сэр?

Сектор четыре, конечно, далеко от Барраяра, но Майлз уже догадывался, что воспоследует. А вот Айвен явно сгорал от любопытства.

— Среди пассажиров оказалось одиннадцать барраярских подданных, в том числе супруга министра тяжелой

промышленности лорда Форвейна с тремя детьми. Поскольку барраярцы составляют незначительное меньшинство среди двухсот шестнадцати заложников, Барраяру, естественно, не позволили руководить созданной спецгруппой. А нашему флоту три враждебных правительства запретили транзитный перелет по п-в-туннелям (по кратчайшему маршруту от Барраяра до четвертого сектора). Любой другой маршрут — это восемнадцать недель. А с Земли дендарийцы смогут добраться туда меньше чем за две недели.

Дестанг нахмурился. Айвен слушал как завороженный.

— Вам приказано вызволить живыми подданных императора, а также жителей других планет (если получится). Кроме того, вы сами изберете меру пресечения для злоумышленников. Поскольку мы находимся в процессе сложнейших переговоров с Тау Кита, нам не хотелось бы, чтобы им стал известен... э-э... инициатор этой попытки освобождения в случае... э-э... какой-либо неудачи. А уж как вы будете это делать — решайте сами. Здесь вы найдете все разведданные. — Наконец-то он передал Майлзу дискетку. Майлз нетерпеливо вцепился в нее. Айвен завистливо посмотрел на кузена. Дестанг достал еще некий предмет и вручил его Майлзу с видом человека, вырывающего у себя кусок печенки: — Курьер также доставил еще один чек на восемнадцать миллионов марок: на текущие расходы в следующие полгода.

— Благодарю вас, сэр!

— Хм. По окончании операции вы должны связаться с коммодорм Райвиком в штаб-квартире четвертого сектора на станции Ориент, — закончил Дестанг. — Если мне повезет, к тому времени, как ваш нерегулярный отряд снова окажется во втором секторе, я уже выйду в отставку.

— Да, сэр. Спасибо, сэр.

Дестанг повернулся к Айвену:

— Лейтенант Форпатрил!

— Сэр?

Айвен стал по стойке «смирно», изобразив пай-мальчика. Майлз приготовился было уверять, что Айвен ни в

чем не виноват, ничего не знал и вообще стал невинной жертвой... но это не потребовалось. Дестанг посмотрел на Айвена и вздохнул:

— Ничего.

Затем он повернулся к Галени, стоявшему навытяжку — «несгибаемо», подумал Майлз. Утром, вернувшись в посольство раньше Дестанга, они привели себя в порядок, переоделись и составили короткие рапорты, которые Дестанг только что прочел. Но поспать никому не удалось. Сколько еще выдержит Галени?

— Капитан Галени, — объявил Дестанг. — С точки зрения устава, вы обвиняетесь в нарушении приказа о домашнем аресте. Поскольку это обвинение аналогично тому, которого так удачно избежал присутствующий здесь Форкосиган, передо мной встает вопрос о соблюдении справедливости. Имеется также смягчающее вину обстоятельство — похищение Форпатрила. Его спасение и смерть врага Барраяра — единственные осязаемые результаты... минувшей ночи. Все остальное — домыслы и неподтвержденные заявления относительно ваших благих намерений, если только вы не согласитесь на допрос с суперпентоталом, чтобы рассеять все подозрения.

На лице Галени отразилось нескрываемое отвращение.

— Это приказ, сэр?

Майлз понял, что еще секунда — и Галени подаст в отставку. И это сейчас, когда принесено столько жертв... Так и лягнул бы его: «Нет, нет!» В голове Майлза роились отчаянные протесты:

«Суперпентотал унизителен для чувства собственного достоинства, сэр!». — «Если накачаете суперпентоталом его, накачивайте и меня... Ничего, Галени, я уже растерял чувство собственного достоинства...»

Вот только индивидуальная реакция Майлза на суперпентотал делает такое предложение более чем бессмысленным. Он прикусил язык и промолчал.

Вид у Дестанга был неуверенный. Немного помолчав, он просто сказал:

— Нет. — Затем добавил: — Но это означает, что все рапорты — мой, ваш, Форкосигана и Форпатрила — бу-

дут отправлены Саймону Иллиану для оценки. Я не считаю дело закрытым. Я получил звание не за то, что отлынивал от принятия решений, но и не за то, что лез в политику. Ваша... лояльность, как и судьба клона Форкосигана, — это уже из области политики. Я не убежден в осуществимости плана интеграции Комарры, но и не хотел бы войти в историю как человек, который его сорвал. Пока ваше дело будет рассматриваться, можете приступать к исполнению своих обязанностей здесь, в посольстве. И не благодарите, — мрачно добавил он, когда Майлз заулыбался, Айвен сдавленно хихикнул, а Галени посветлел. — Я поступаю так по просьбе посла... Все свободны. Приступайте к исполнению обязанностей.

Майлз подавил желание поскорее убежать, пока Дестанг не передумал. Он отдал честь и пошел к двери вместе со всеми. Когда они дошли до порога, Дестанг добавил:

— Капитан Галени!

Галени остановился:

— Сэр?

— Мои соболезнования.

Эти слова он словно щипцами из себя вытянул, но именно поэтому они прозвучали так искренне.

— Благодарю вас, сэр.

Голос Галени звучал безжизненно, но он все же заставил себя кивнуть, принимая соболезнование.

В шлюзах и коридорах «Триумфа» было шумно: наемники возвращались из увольнения, техники завершали последние приготовления к вылету, на корабль доставляли запасы, но суета была только кажущейся: на самом деле все действовали по-военному четко и слаженно. Вымуштрованные ребята Танга не допускали сбоев.

Стоило Майлзу с Элли ступить на борт, как они тут же оказались в центре внимания. «А какой у нас теперь контракт, сэр?»

Скорость распространения слухов, как всегда, поражала. Догадки сыпались одна за одной. Майлз отвечал всем одно и то же: «Да, контракт есть. Да, уходим с ор-

биты. Как только вы будете готовы. Вы готовы, мистер? А остальные в вашей команде готовы? Так, может, вам стоит пойти помочь...»

— Танг! — приветствовал Майлз своего начальника штаба. Коренастый азиат был в гражданском и нес чемоданы. — Только вернулись?

— Нет, уже уезжаю. Осон вас не поймал, адмирал? Я уже неделю пытаюсь с вами связаться.

— Что? — Майлз оттащил его в сторонку.

— Я подал в отставку. Согласно пункту устава о выходе на пенсию.

— Что?! Почему?

Танг ухмыльнулся:

— Поздравьте меня. Я женюсь.

Пораженный Майлз с трудом выдавил:

— Поздравляю. Э-э... когда это случилось?

— В увольнении, разумеется. На самом деле она — моя троюродная сестра. Вдова. После смерти мужа сама водила туристический корабль по Амазонке. Она капитан и кок. Какую она жарит свинину му-шу — пальчики оближешь! Но она уже не так молода, ей нужна поддержка. — Уж что-что, а поддержку Танг ей обеспечит. — Мы станем партнерами. Да что там, — прибавил он, — когда ты наконец выкупишь у меня «Триумф», мы вообще сможем обойтись без туристов. Если когда-нибудь захочешь прокатиться на водных лыжах по Амазонке позади пятидесятиметровой шхуны на воздушной подушке, приезжай в гости, сынок.

...И мутировавшие пираньи доедят то, что от него останется.

Очарование картинки: Танг, любующийся закатами на Амазонке с пышнотелой азиаткой на коленях, с бокалом в одной руке и куском свинины — в другой, немедленно рассеялось. Интересно, во сколько обойдется дендарийцам выкуп «Триумфа» и где он найдет второго такого Танга?

Рвать на себе волосы было поздно, а главное — бесполезно. Поэтому Майлз тактично поинтересовался:

— Э-э... ты уверен, что не будешь скучать?

Танг, будь прокляты его зоркие глаза, понизил голос и ответил именно на тот вопрос, который Майлз задал на самом деле.

— Я никогда не ушел бы, не будь у меня уверенности, что ты справишься, сынок. Просто держись как сейчас. — Он ухмыльнулся и затрещал суставами пальцев. — Кроме того, у тебя есть преимущество перед всеми адмиралами наемников всей галактики.

— Какое? — заинтригованно спросил Майлз.

Танг заговорщически прошептал:

— Тебе не обязательно получать прибыль. — Танг саркастически улыбнулся.

И это стало единственным признанием осторожного Танга, что он давно уже понял, кто их настоящий наниматель. На прощание он отдал Майлзу честь.

Майлз проглотил ком в горле и повернулся к Элли.

— Ну... назначьте совещание отдела разведки через полчаса. Надо как можно скорее заслать туда наших следопытов. В идеале желательно еще до нашего прибытия внедрить в их ряды наших людей.

Майлз замолчал, сообразив, что смотрит на самого находчивого дендарийского разведчика. Послать ее вперед, а самому оставаться здесь, зная, что Элли в опасности... «Нет, нет!»... Все правильно. Разве можно использовать талантливого разведчика в качестве телохранителя. Так оно сложилось... Майлз заставил себя продолжить как ни в чем не бывало.

— Они наемники. Кто-нибудь из наших людей мог бы к ним присоединиться. Если мы найдем того, кто без труда сможет скосить под идиота и убедительно сымитировать низкий психокриминальный уровень этих пиратов...

Проходивший мимо рядовой Данио остановился отдать честь.

— Спасибо, что вы нас вызволили, сэр. Я... на самом деле на это не надеялся. Клянусь, вы об этом не пожалеете.

Майлз с Элли переглянулись, проводив взглядом неуклюжую фигуру.

— Он в твоем полном распоряжении, — улыбнулся Майлз.

— Вот и славно, — ответила Куин. — Дальше.

— Пусть Торн вытащит из местной комм-сети всю информацию об этом угоне. Надо искать неожиданные повороты, которые упустила штаб-квартира, — словом, все. — Майлз постучал по спрятанной в кармане дискетке и вздохнул при мысли о новом задании. — Ладно... Все лучше, чем наши каникулы на Земле, — обнадеживающе сказал он. — Чисто военная операция: ни родственников, ни политики, ни финансовых проблем... Все однозначно: хорошие парни и плохие парни.

— Восхитительно, — ответила Куин. — А кто мы?

Майлз все еще обдумывал ответ, когда флот ушел с орбиты.

МАЙЛЗ ФОРКОСИГАН-НЕЙСМИТ И ЕГО ВСЕЛЕННАЯ

Краткая хронология

Время	События	Книга хроники
Приблизительно за 200 лет до рождения Майлза	Методами генной инженерии созданы квадди — существа, приспособленные к жизни в условиях невесомости...	*«В свободном падении»*
Во время бетано-барраярской войны	Прямой и честный, контр-адмирал Эйрел Форкосиган стал жертвой изощренных интриг знатных заговорщиков Барраярской империи. Разжалованный, он сослан на только что открытую планету, имеющую для Барраяра огромную стратегическую важность. Там, во время военного конфликта с открывшими планету колонистами Беты, Эйрел встретил Корделию Нейсмит. Враги, они полюбили друг друга. Супруги, они прошли сквозь ад, чтобы спасти Барраярскую империю от надвигающегося кошмара гражданской войны...	*«Осколки чести»*

Попытка дворцового переворота Фордариана	Императорский дворец захвачен заговорщиками. Дворцовый переворот грозит ввергнуть в кровавый хаос всю Барраярскую империю. Казалось бы, предотвратить кошмар невозможно... Но совершить невозможное ценой нечеловеческого усилия удается Корделии, которая во что бы то ни стало должна спасти своего сына Майлза, жестоко пострадавшего от ядовитого газа...	*«Барраяр»*
Майлзу 17 лет	Майлз Форкосиган, не сумевший из-за последствий газового отравления поступить в Императорскую военную академию, создает среди бесчисленных опасностей боевой флот Дендарийских наемников. Отныне вся Галактика будет с восторгом повторять его новое имя — имя адмирала Нейсмита, величайшего из героев космоса...	*«Ученик воина»*
Майлзу 20 лет	Майлз Форкосиган вынужден проводить расследование безжалостного убийства ребенка-мутанта, рискуя собственной жизнью. Сам в детстве чудом избежавший гибели, он дерзает выступить против варварского древнего обычая — уничтожать детей с физическими отклонениями...	*«Горы скорби»* из книги *«Границы бесконечности»*
	Майлз Форкосиган, все же окончивший академию, получает первое назначение — на полярную базу... Назначение, завершившееся абсурдным обвинением в государственной измене. И тем не менее Майлз ставит на карту свою жизнь, чтобы спасти от верной гибели молодого императора Барраяра. Бесстрашные дендарийцы становятся частью Имперских сил безопасности...	*«Игра форов»*

Майлзу 22 года	Майлз Форкосиган отправляется на планету Цетаганда — на похороны Императрицы. Но, прибыв на скорбную церемонию, он помимо своей воли оказывается втянут в самый центр паутины дворцовых интриг, где на кон поставлены власть и могущество, удары наносятся в спину и из-за угла, а доверять нельзя никому...	*«Цетаганда»*
	Доктор Этан Эркхарт с отдаленной планеты Эйтос со сверхсекретным заданием отправляется на космическую станцию — и неожиданно для себя становится соратником Элли Куин, самой верной и бесстрашной из сподвижников Майлза Форкосигана, в смертельно опасной операции — борьбе против лучших сил цетагандийских спецслужб...	*«Этан с планеты Эйтос»*
Майлзу 23 года	Архипелаг Джексона — планета-притон, планета — логово галактических негодяев всех мыслимых мастей. На Архипелаге Джексона действуют лишь два закона — закон денег и закон силы. В такое чудовищное место бесстрашно отправляется Майлз Форкосиган — на новое рискованное задание. Ему предстоит любой ценой похитить и вывезти на Барраяр гениального специалиста по генной инженерии...	*«Лабиринт»* из книги *«Границы бесконечности»*
Майлзу 24 года	На мрачной планете-тюрьме Дагула IV расположен цетагандийский лагерь военнопленных. Именно туда отправляется Майлз Форкосиган. В аду, в котором практически невозможно выжить, он должен не просто уцелеть, но и выполнить новое задание — провести операцию по освобождению заключенных...	*«Границы бесконечности»* из книги *«Границы бесконечности»*

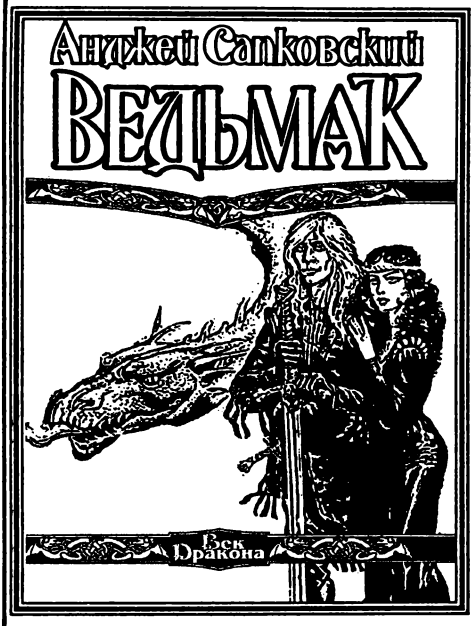
Майлзу 24 года	Много лет назад, когда Майлз был еще ребенком, террористы с планеты Комарра, похитив из госпиталя его ткани, создали из них клона — двойника Майлза. И вот теперь, когда Майлз оказался на Земле, вдали от Барраяра, комаррцы пытаются подменить его клоном и, ввергнув Барраяр в кровавый водоворот дворцового переворота, возвести клона на императорский трон. Но бесстрашие и хитроумие Майлза опрокидывают все планы террористов...	*«Братья по оружию»*
Майлзу 25 лет	После предыдущей операции Майлз госпитализирован. Сломанные кости рук заменены синтетическими. Лежа на больничной койке. Майлз помогает Саймону Иллиану предотвратить еще одну попытку государственного переворота...	*«Границы бесконечности»*
Майлзу 28 лет	Марк, брат-клон Майлза, воспользовавшись его отсутствием, прибывает на флагманский корабль Дендарийского флота и выдает себя за адмирала Нейсмита, дабы осуществить нападение на Архипелаг Джексона. Операция завершается катастрофой, во время которой убивают примчавшегося на выручку Майлза. Его тело помещают в криокамеру, но криокамера бесследно исчезает. Поиски ведутся по всей Галактике...	*«Танец отражений»*

Майлзу 29 лет	**Криогенное оживление Майлза привело к неожиданному и трагическому результату: его признали непригодным к военной службе, однако, когда над Барраяром нависает новая опасность, бесстрашный лорд Форкосиган вновь вступает в игру. Трудно даже вообразить, к чему может привести разрушение чипа памяти, вживленного в мозг шефа Имперской безопасности. Кто и зачем это сделал? Только Майлз может найти предателя и спасти империю...**	***«Память»***
Майлзу 30 лет	**Майлз Форкосиган, ныне — Имперский Аудитор, послан на планету Комарра, на орбите которой при весьма загадочных обстоятельствах взорвался солнечный отражатель, дающий свет этому сумрачному миру. Рутинное расследование? Или смертельно опасная борьба с группой жестоких заговорщиков? Возможно, от отваги и хладнокровия лорда Аудитора зависит судьба не только Комарры, но и всей Барраярской империи...**	***«Комарра»***

Содержание:

Границы бесконечности 5
Братья по оружию 293
Майлз Форкосиган-Нейсмит
и его Вселенная 606

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ ПРЕДЛАГАЕТ

ЛУЧШИЕ КНИЖНЫЕ СЕРИИ

СЕРИЯ "ВЕК ДРАКОНА"

В серии готовятся к выпуску произведения признанных мастеров жанра фэнтези — Анджея Сапковского, Роберта Джордана, Лоуренса Уотт-Эванса, Кристофера Сташефа, Глена Кука, Терри Гудкайнда, Дэйва Дункана, а также талантливых молодых авторов: Мэгги Фьюри, Марты Уэллс, Грегори Киза и других.
"Век Дракона" — это мастера мечей и волшебства, войны с кровожадными чудовищами и ошеломляющие поединки, великие герои и отважные воительницы, невообразимые страны и невероятные приключения...

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу: 107140, Москва, а/я 140 АСТ –"Книги по почте".

Издательство высылает бесплатный каталог.

В серии "Век дракона" вышли:

К.Андерсон	«Игроземье» - т.1 (Игра начинается)
К.Андерсон	«Игроземье» - т.2 (Ответный ход)
К.Андерсон	«Игроземье» - т.3 (Игра окончена)
Р.Асприн	«МИФтерия жизни»
Р.Асприн	«Корпорация МИФ»
Р.Асприн	«МИФические личности»
Р.Асприн	«Еще один великолепный МИФ»
Л.М.Буджолд	«Кольца духов»
Л.Гамильтон	«Обет колдуньи»
Д.Геммел	«Легенда»
Д.Геммел	«Нездешний»
Р.Гаррет	«Слишком много волшебников»
Т.Гудкайнд	«Второе правило волшебника» - 2 тт. (Камень слез)
Т.Гудкайнд	«Третье правило волшебника» - 2 тт.
Д.Джонс	«Ученик пекаря»
Д.Джонс	«Измена»
Д.Джонс	«Чародей и дурак»
О.Джонсон	«Нашествие теней»

Р.Джордан	«Восходящая тень» - 3 тт.
Р.Джордан	«Огни небес» - 3 тт.
Р.Джордан	«Великая охота» - 2 тт.
Р.Джордан	«Возрожденный дракон» - 2 тт.
Р.Джордан	«Око мира» - 2тт.
Р.Джордан	«Властелин хаоса» - 3 тт.
Н.О'Донохью	«Ветеринар для единорога»
Н.О'Донохью	«Под Знаком Исцеления»
Н.О'Донохью	«Исцеление Перекрестка»
Д.Дункан	«Разбойная дорога»
Д.Дункан	«Седьмой меч» т.1 («Путь воина»)
Д.Дункан	«Седьмой меч» т.2 («Обретение мудрости»)
Д.Дункан	«Седьмой меч» т.3 («Предназначение»)
Д.Дункан	«Красно-розовый город. Тень»
Д.Дункан	«Большая игра, круг первый. Прошедшее повелительное»
Д.Дункан	«Большая игра, круг второй. Настоящее напряженное»
Д.Дункан	«Приют охотника»
Д.Дункан	«Большая игра, круг третий. Будущее неопределенное»
К.Королев	«Энциклопедия мифических существ»

Г.Кук	«Зловещие латунные тени»
Г.Кук	«Ночи кровавого железа»
Г.Кук	«Жалкие свинцовые божки»
Г.Кук	«Золотые сердца с червоточинкой. Сладкозвучный серебряный блюз»
Г.Кук	«Седая оловянная печаль»
Г.Кук	«Смертельная ртутная ложь»
Г.Кук	«Холодные медные слезы»
П.Маллен	«Повелители камней»
Т.Пауэрс	«Врата Анубиса»
Т.Пауэрс	«На странных волнах»
А.Сапковский	«Ведьмак»
А.Сапковский	«Час презрения»
А.Сапковский	«Кровь эльфов»
А.Сапковский	«Крещение огнем»
А. Сапковский	«Башня Ласточки»
К.Сташеф	«Маг при дворе Ее Величества»
К.Сташеф	«Маг, связанный клятвой»
К.Сташеф	«Маг-целитель»
К.Сташеф	«Маг-менестрель»
М.Суэнвик	«Дочь железного дракона»
Д.Тарр	«Замок горного короля»
Д.Тарр	«Владычица Хан-Гилена»
Д.Тарр	«Жребий принцессы»
Г.Тертлдав	«Дело о свалке токсичных заклинаний»

Л.Уотт-Эванс	«Военачальник поневоле. Кровь дракона»
Л.Уотт-Эванс	«Заклинание с изъяном. С единственным заклинанием»
Л.Уотт-Эванс	«Заклятие черного кинжала»
Л.Уотт-Эванс, Э. Фриснер	«Корона на троих»
М.Уэлс	«Стихия огня»
М.Уэлс	«Город костей»
Л.Флевелинг	«Крадущаяся тьма»
Л.Флевелинг	«Месть Темного Бога»
М.Фьюри	«Диамарра»
М.Фьюри	«Арфа ветров»
М.Фьюри	«Ориэлла»
М.Фьюри	«Пламенеющий меч»
К.Худ	«Меч демона»
Д.Чалкер	«Ветры перемен»
Д.Чалкер	«Войня вихря»
Д.Чалкер	«Всадники бурь»
Л.Шепард	«Ночь Белого Духа»
П.Энтони	«Источник магии»
П.Энтони	«Чары для Хамелеоши»
П.Энтони	«Замок Ругна»

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ ПРЕДЛАГАЕТ

ЛУЧШИЕ КНИЖНЫЕ СЕРИИ

СЕРИЯ "КООРДИНАТЫ ЧУДЕС"

Лучшие из лучших произведений мировой фантастики, признанные мастера, живые классики жанра и талантливые новые авторы последнего поколения фантастов, буквально ворвавшиеся в литературу...
Величайший фантастический шедевр нашего времени — трилогия Дэна Симонса "Гиперион", "Падение Гипериона" и "Эндимион", неподражаемо оригинальные романы Дугласа Адамса из цикла "Автостопом по Галактике" и остросюжетный, полный приключений сериал Лоис М. Буджолд о космическом герое Майлзе Форкосигане, великолепные Грег Бир, Конни Уиллис, Джонатан Летем, Джордж Мартин и многие другие...

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу: 107140, Москва, а/я 140 АСТ – "Книги по почте". Издательство высылает бесплатный каталог.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ ПРЕДЛАГАЕТ

ЛУЧШИЕ
КНИЖНЫЕ
СЕРИИ

СЕРИЯ "ЗВЕЗДНЫЙ ЛАБИРИНТ"

Лучшие произведения отечественных писателей-фантастов! Признанные мастера: Андрей Лазарчук, Евгений Лукин, Сергей Лукьяненко - и молодые, но не менее талантливые авторы: Владимир Васильев, Александр Громов и многие другие. Глубина мысли, захватывающий сюжет, искрометный юмор - все многообразие фантастики в новой серии нашего издательства.

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу: 107140, Москва, а/я 140 АСТ - "Книги по почте".

Издательство высылает бесплатный каталог.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ ПРЕДЛАГАЕТ

ЛУЧШИЕ КНИЖНЫЕ СЕРИИ

СЕРИЯ "МИРЫ БРАТЬЕВ СТРУГАЦКИХ"

Братья Стругацкие... Их знают не только те, кто любит фантастику. Магии книг братьев Стругацких подвластны самые разные люди - независимо от возраста, образования, убеждений. На этих книгах выросло не одно поколение читателей. Каждый находит в них что-то для себя, каждый черпает из них что-то свое, словно бы предназначенное именно для него. Братья Стругацкие - это "знак качества", фирменная марка, символ и идеал, к которому так хочется стремиться.

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу: 107140, Москва, а/я 140 АСТ –"Книги по почте".

Издательство высылает бесплатный каталог.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ ПРЕДЛАГАЕТ

ЛУЧШИЕ
КНИЖНЫЕ
СЕРИИ

СТИВЕН КИНГ

Имя, которое не нуждается в комментариях. Не было и нет в «литературе ужасов» ничего, равного его произведениям. Каждая из книг этого гениального автора — новый мир леденящего кошмара, новый лабиринт ужаса, сводящего с ума.
Читайте Стивена Кинга — и вам станет по-настоящему страшно!

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу: 107140, Москва, а/я 140 АСТ – "Книги по почте".

Издательство высылает бесплатный каталог.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ ПРЕДЛАГАЕТ

ЛУЧШИЕ КНИЖНЫЕ СЕРИИ

СЕКРЕТНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Это книги, написанные по мотивам самого знаменитого телесериала планеты, бесценный подарок для всех, кто верит, что мир паранормального ежесекундно сталкивается с миром нормального. Монстры и мутанты, вампиры и оборотни, компьютерный разум и пришельцы из космоса — вот с чем приходится иметь дело агентам ФБР Малдеру и Скалли, специалистам по расследованию преступлений, далеко выходящих за грань привычного...

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу: 107140, Москва, а/я 140 АСТ – "Книги по почте".

Издательство высылает бесплатный каталог.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ ПРЕДЛАГАЕТ

АНДРЕЙ ВОРОНИН

Его книгами зачитывается вся Россия. Его героями невозможно не восхищаться. Глеб Сиверов по кличке «Слепой», Борис Рублев — «Комбат», Илларион Забродов, инструктор спецназа ГРУ...

Пока идет дележ денег, мирских благ, о них не вспоминают. Но когда случается беда, от которой не откупишься, они сами приходят на помощь — ведь они из тех немногих, кто еще не забыл смысл слов «дружба», «честь», «Родина»...

Читайте новые книги в сериалах: «Слепой», «Комбат», «Атаман», «Му-Му», «Инструктор спецназа ГРУ», а также роман «Банда возвращается» — продолжение супербоевика «Наперегонки со смертью».

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу:
107140, Москва, а/я 140 АСТ – "Книги по почте".
Издательство высылает бесплатный каталог.

ЛУЧШИЕ КНИГИ ДЛЯ ВСЕХ И ДЛЯ КАЖДОГО

✦ **Любителям крутого детектива** – романы Фридриха Незнанского, Эдуарда Тополя, Владимира Шитова, Виктора Пронина, супersериалы Андрея Воронина "Комбат", "Слепой", "Му-му", "Атаман", а также классики детективного жанра – А.Кристи и Дж.Х.Чейз.

✦ **Сенсационные документально-художественные произведения** Виктора Суворова; приоткрывающие завесу тайн кремлевских обитателей книги Валентины Красковой и Ларисы Васильевой, а также уникальные серии "Всемирная история в лицах" и "Военно-историческая библиотека".

✦ **Для увлекающихся таинственным и необъяснимым** – серии "Линия судьбы", "Уроки колдовства", "Энциклопедия загадочного и неведомого", "Энциклопедия тайн и сенсаций", "Великие пророки", "Необъяснимые явления".

✦ **Поклонникам любовного романа** – произведения "королев" жанра: Дж.Макнот, Д.Линдсей, К.Коултер, Б.Смолл, Дж.Коллинз, С.Браун, Б.Картленд, Дж.Остен, сестер Бронте, Д.Стил – в сериях "Шарм", "Очарование", "Откровение", "Страсть", "Интрига", "Обольщение", "Рандеву", "Классика любовного романа".

✦ **Полные собрания бестселлеров** Стивена Кинга и Сидни Шелдона.

✦ **Почитателям фантастики** – циклы романов Р.Асприна, Р.Джордана, А.Сапковского, Т.Гудкайнда, Г.Кука, К.Сташефа, Л.Буджолд, С.Лукьяненко, а также самое полное собрание произведений братьев Стругацких.

✦ **Любителям приключенческого жанра** – "Новая библиотека приключений и фантастики", где читатель встретится с героями произведений А.К. Дойла, А.Дюма, Г.Манна, Г.Сенкевича, Р.Желязны, Р.Шекли, М.Дрюона.

✦ **Популярнейшие многотомные детские энциклопедии:** "Всё обо всем", "Я познаю мир", "Всё обо всех".

✦ **Уникальные издания** "Современная энциклопедия для девочек", "Современная энциклопедия для мальчиков".

✦ **Лучшие серии для самых маленьких** – "Моя первая библиотека", "Русские народные сказки", "Фигурные книжки-игрушки", а также незаменимые "Азбука" и "Букварь".

✦ **Замечательные книги известных детских авторов:** Э.Успенского, А.Волкова, Н.Носова, Л.Толстого, С.Маршака, К.Чуковского, А.Барто, А.Линдгрен.

✦ **Школьникам и студентам** – книги и серии "Справочник школьника", "Школа классики", "Справочник абитуриента", "333 лучших школьных сочинения", "Все произведения школьной программы в кратком изложении".

✦ Богатый выбор учебников, словарей, справочников по решению задач, пособий для подготовки к экзаменам. А также разнообразная энциклопедическая и прикладная литература на любой вкус.

Все эти и многие другие издания вы можете приобрести по почте, заказав

БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

по адресу: 107140, Москва, а/я 140. «Книги по почте», а также посетив фирменные магазины в Москве: Звездный бульвар, д.21. Тел. 974-1805.

2-я Владимирская, д.52. Тел. 306-1898. **Арбат, д.12. Тел. 291-6101.**
Татарская, д.14. Тел. 959-2095. **Б.Факельный пер., д.3. Тел. 911-2107.**
Каретный ряд, д.5/10. Тел. 299-6584. **Лубянская, д.7. Тел. 322-2822**

Эти книги вы можете приобрести за рубежом, заказав бесплатный каталог по адресам:

в США – 58 AVE O BROOKLYN NY, 11204, USA, ph.: 718-2346998
в Германии – EXPRESS KURIER GmbH, ZUNFTSTRASSE 26, 77694 Kehl-Marlen, ph.: 0180/5236210, 07854/966411
в Израиле – 2, MENAHEM STREET, HAIFA, ISRAEL, 33505, ph.: 04-8664969, ADAR

Литературно-художественное издание

Буджолд Лоис Макмастер

Границы бесконечности
Братья по оружию

Художественный редактор О. Н. Адаскина
Компьютерный дизайн: А. А. Кудрявцев
Технический редактор О. В. Панкрашина

Подписано в печать 30.06.99.
Формат 84×108 1/32. Усл. печ. л. 31,92.
Тираж 4 000 экз. Заказ № 683.

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции
ОК-00-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиенический сертификат
№ 77.ЦС.01.952.П.01659.Т.98. от 01.09.98 г.

ООО «Фирма "Издательство АСТ"»
ЛР № 066236 от 22.12.98.
366720, РФ, Республика Ингушетия,
г. Назрань, ул. Московская, 13а
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU
E-mail: astpub@aha.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «Рыбинский Дом печати»
152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.

Лоис Макмастер Буджолд принадлежит своеобразный рекорд: она удостоена ТРЕХ "Хьюго" за РОМАНЫ – успех, уступающий лишь достижению Роберта Хайнлайна. И еще рекорд – все эти романы относятся к одному и тому же циклу – самому, пожалуй, популярному циклу в истории научной фантастики – циклу о Майлзе Форкосигане, циклу, который переведен на десятки языков и покорил миллионы читателей.

Вселенная Лоис Макмастер Буджолд – это Вселенная могущественных супердержав и долгих, жестоких войн, Вселенная тонкой политической игры и изощренных придворных интриг. И, конечно же, самое главное – это Вселенная одного из самых запоминающихся персонажей научной фантастики – Майлза Форкосигана, полководца, путешественника, дипломата, придворного и, наконец, просто ГЕРОЯ.

Что же принесло саге о Майлзе Форкосигане такой огромный успех и обеспечило такую популярность? Острый сюжет? Захватывающие приключения? Блестящий замысел, блестяще воплощенный в жизнь? Искрометный юмор?

Прочитайте – и узнайте сами!!!

ISBN 5-237-02684-2